This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

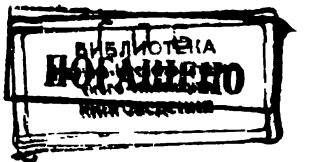
Василій Андреевичъ

Жуковскій.

Zhukovskiĭ, V.

УТКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

I.



Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой.

Съ 4 портретами.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Е. Грузинскаго.

Изданіе М. В. Безъ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. П. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1904.

(3475)

Предисловіе.

Предлагаемыя письма принадлежатъ М. В. Беэръ, урожденной Елагиной, и составляютъ часть семейнаго архива, хранящагося въ с. Уткинѣ Бѣлевскаго уѣзда Тульской губ. По близкимъ родственнымъ отношеніямъ владѣльцевъ Уткина къ семьямъ Протасовыхъ, Мойеръ, Кирѣевскихъ и Елагиныхъ [1]) Уткинскій архивъ содержитъ не мало матеріаловъ (преимущественно писемъ), имѣющихъ нѣкоторую цѣну для исторіи русской литературы и просвѣщенія въ первой половинѣ 19-го вѣка. Кромѣ семейной переписки Жуковскаго, Протасовыхъ, Зонтагъ и Елагиныхъ здѣсь находится также большое количество писемъ бр. Кирѣевскихъ, декабриста Г. С. Батенькова и цѣлаго ряда московскихъ дѣятелей 40-хъ—60-хъ годовъ славянофильскаго направленія: Чижова, Кошелева, кн. Черкасскаго, А. Н. Попова, Э. Мамонова, В. А. и Н. А. Елагиныхъ.

Изъ этого архива на первый разъ рѣшено было извлечь 1) всѣ неизданныя (или извѣстныя лишь отчасти) письма Жуковскаго, 2) письма М. А. Протасовой-Мойеръ и 3) нѣсколько писемъ Ек. Авдан. Протасовой. Матеріалы эти прежде всего дополняютъ тѣ отрывки писемъ, которые въ разное время появились въ біографическихъ трудахъ о Жуковскомъ Плетнева и Зейдлица и въ журн. „Русскій Архивъ“ за прежніе годы. Но въ нихъ содержится также много новыхъ дан-

[1]) Мать М. В. Беэръ, Е. И. Мойеръ, единственная дочь М. А. Протасовой, была замужемъ за В. А. Елагинымъ, старшимъ сыномъ Авд. Петр. Кирѣевской отъ втораго брака. Въ рукахъ настоящихъ владѣльцевъ Уткина (Юшковскаго имѣнія) находятся также связанныя съ именемъ Жуковскаго и его близкихъ Мишенское, Муратово, Бунино (имѣнье И. Ф. Мойера), Петрищево (принадлежавшее тоже Юшковымъ). Только Долбино случайно оказалось проданнымъ въ чужія руки.

ныхъ о исторіи любви Жуковскаго, о нѣкоторыхъ чертахъ его характера, о его душевномъ состояніи въ первые годы Петербургской жизни и т. д. Читатель замѣтитъ здѣсь кромѣ того нѣкоторыя поправки въ хронологіи произведеній Жуковскаго [1]), а также рядъ разрозненныхъ, но не лишенныхъ интереса свѣдѣній о литературной жизни Москвы 30-хъ и 40-хъ годовъ. Наконецъ публикуемая переписка даетъ обильный матеріалъ для характеристики нѣсколькихъ близкихъ къ Жуковскому личностей — А. Ѳ. Воейкова, А. П. Кирѣевской-Елагиной, М. А. Мойеръ, Екат. Аѳан. Протасовой. На двухъ послѣднихъ лицахъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Нѣсколько писемъ, выбранныхъ изъ обширной переписки Екат. Аѳан., помогутъ, думается намъ, полнѣе и правильнѣе понять это лицо, игравшее важную роль въ судьбѣ Жуковскаго. Смыслъ этой роли и самая личность Екат. Аѳан. были до сихъ поръ извѣстны всего болѣе изъ отзывовъ самого Жуковскаго, писанныхъ въ тяжелое время борьбы и страданій и не всегда поэтому объективныхъ. Слѣдуетъ выслушать и другую сторону. При чтеніи писемъ Екат. Аѳан. смягчается тотъ образъ сухой и безсердечной матери, упорно жертвующей счастіемъ самыхъ близкихъ людей въ угоду своимъ закоренѣлымъ предразсудкамъ, который очерченъ въ отзывахъ Жуковскаго, и передъ нами выступаетъ человѣкъ, горячо любящій и свою Машу, и Жуковскаго, глубоко и искренно страдающій самъ отъ ихъ горя, но не имѣющій выхода, такъ какъ вѣра и нравственный долгъ запрещаютъ ему согласиться на то, что въ глазахъ другихъ составляетъ желанное счастіе. Екат. Аѳан. имѣла рядъ недостатковъ, иногда дѣлавшихъ для ея близкихъ жизнь съ ней нелегкою (о чемъ прямо свидѣтельствуетъ нѣжно любившая ее Марія Андреевна), но собственно въ своемъ твердомъ отказѣ на бракъ Жуковскаго она была вполнѣ искрення и руководилась исключительно требованіями своей совѣсти. Можно согла-

---

[1]) Отмѣтимъ во 1-хъ указаніе письма къ Елагиной (стр. 28), заставляющее отнести стихотв. „Минувшихъ дней очарованье“ къ 1818 г. вмѣсто 1816 г., къ которому его относили до сихъ поръ; во 2-хъ, на стр. 249 читатель найдетъ указаніе, что въ январѣ 1821 г. Вейраухъ пѣлъ въ домѣ Мойеровъ свой романсъ на слова Жуковскаго „Розы расцвѣтаютъ“. Это стихотвореніе г. Ефремовъ въ двухъ изданіяхъ повидимому правильно относилъ къ 1815 г. по указанію самого поэта въ 5 изданіи; но въ 9-мъ изд. г. Ефремовъ, поколебленный доводами г. Бычкова, перенесъ стихотвореніе въ 1831 г., отмѣтивъ впрочемъ противорѣчіе новой хронологіи съ прямыми указаніями Зейдлица (изд. IX, т. II, 568). Публикуемыя данныя показываютъ, что 1831 г. долженъ быть окончательно отвергнутъ. Неясность вопроса отмѣтилъ и акад. А. Веселовскій въ только что вышедшей книгѣ о Жуковскомъ (стр. 234, прим. 2-е).

ваться или не соглашаться съ ея доводами, но необходимо признать, что въ этомъ вопросѣ трудно считать ее формалисткой (а это имя нерѣдко давалось и дается ей); гораздо формальнѣе ставили дѣло всѣ сторонники брака, начиная съ самого Жуковскаго, кончая митроп. Филаретомъ, когда основывались на томъ, что *по книгамъ* нѣтъ родства между Жук—имъ и Маріей Андреевной.

Еще болѣе важное значеніе имѣютъ письма Маріи Андреевны; изъ нихъ впервые выясняется опредѣленными очертаніями образъ этой дѣйствительно рѣдкой русской женщины. Всѣ отзывы о ней ставятъ ее очень высоко, но они даютъ обыкновенно лишь общія похвалы, не рисуя живого человѣка; единственный матеріалъ, позволяющій нѣсколько заглянуть въ ея душу, составляютъ ея письма 1815 и 1816 г. къ Жуковскому, напечатанныя въ Русск. Старинѣ 1883 г., но и они даютъ возможность судить только о нѣкоторыхъ сторонахъ ея личности. Издаваемое теперь большое собраніе ея писемъ къ Жуковскому и къ интимной подругѣ дѣтства, А. П. Елагиной, широко раскрываетъ передъ нами эту богатую душевными силами личность, давая вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко интересную страницу изъ исторіи развитія русской женщины.

Уже самый языкъ этихъ писемъ, непринужденно и ярко отражая на себѣ индивидуальность писавшей, имѣетъ большія достоинства, и многія письма независимо отъ содержанія читаются съ интересомъ живаго литературнаго произведенія. Удивляетъ въ особенности слѣдующее обстоятельство: Марья Андреевна, какъ всѣ женщины того времени, получила съ дѣтства привычку постоянно прибѣгать къ французскому языку и въ домашнемъ обиходѣ, и въ перепискѣ; нѣмецкій она узнала позже и владѣла имъ хуже (съ мужемъ она говорила по французски), но тѣмъ не менѣе говорила и писала на немъ,— ниже читатель убѣдится, что въ рѣдкомъ письмѣ нѣтъ соединенія трехъ языковъ. При всемъ томъ ея русскій языкъ обыкновенно вполнѣ чистъ и правиленъ, мало того—гибокъ, разнообразенъ и выразителенъ; самыя различныя вещи, начиная съ житейскихъ мелочей, кончая сложными психологическими состояніями, выражаются ею непринужденно и ясно. Не забудемъ, что эта барышня, воспитанная на иностранномъ чтеніи, мало могла имѣть помощи въ русской литературной рѣчи первой четверти 19 вѣка: она не дожила до крупныхъ вещей Пушкина, Гоголь и Лермонтовъ совсѣмъ для нея не существовали. Она, конечно, многому научилась отъ Жуковскаго, но легко замѣтить,

что даже въ передачѣ наиболѣе свойственныхъ поэзіи Жуковскаго темъ ея изложеніе оригинально, своеобразно и нерѣдко яснѣе и проще, чѣмъ у ея учителя. Въ кругу близкихъ Жуковскаго вообще хорошо писали по русски; Жуковскій говорилъ Ив. Вас. Кирѣевскому: „Слогъ твой мнѣ нравится. Знаешь ли, у кого ты выучился писать? у твоей матери. Я не знаю никого, кто бы писалъ лучше ея... Она, Марья Андр., Алекс. Андреевна — вотъ три“ [1]). — Но перейдемъ къ самой личности Марьи Андреевны.

Родившись въ среднемъ кругѣ провинціальнаго дворянства и воспитанная въ скромной и замкнутой семейной обстановкѣ, безъ учителей и гувернантокъ, Марія Андреевна была обязана всѣмъ своимъ развитіемъ прежде всего и больше всего заботамъ Жуковскаго. Литературное образованіе, полученное ею отъ него и состоявшее главнымъ образомъ въ чтеніи по исторіи, изящной словесности и морали различныхъ европейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ писателей [2]), укрѣпленное вліяніемъ личности и поэтической дѣятельности самого воспитателя, должно было оставить глубокій слѣдъ въ душѣ ученицы и сообщить ей на всю жизнь романтически идеалистическій складъ. Дѣйствительно, всѣ основные взгляды Маріи Андреевны — общее пониманіе жизни и назначенія человѣка, понятіе о нравственномъ долгѣ, о „разработкѣ“ и очищеніи души испытаніями, отношеніе къ дружбѣ, къ любви —все это, ясно выраженное въ ея письмахъ, представляетъ, какъ и естественно ожидать, вѣрное отраженіе идей поэзіи Жуковскаго [3]). Такъ получилось основное духовное содержаніе ея жизни, ея

---

[1]) Сочин. И. Кирѣевскаго. М. 1861. стр. 21.

[2]) Характеръ этого образованія въ общихъ чертахъ указанъ въ книгѣ Зейдлица на основаніи сохранившагося въ бумагахъ Жук—аго плана занятій съ племянницами (стр. 30—31). Извлекаемъ изъ раннихъ писемъ М. А. нѣкоторыя подробности. Въ 1806 г. Протасова съ дочерьми гостила у брата своего покойнаго мужа (у В. И. Протасова) въ с. Троицкомъ. Марья Андреевна, тогда 13-лѣтняя дѣвочка, пишетъ А. П. Кирѣевской о своихъ занятіяхъ: „Читаю я одна Les contes moraux de Miss Edgewort, съ маменькой Римскую исторію въ другой разъ, съ Машей (теткой) Adèle et Théodore (это—нравственный романъ madame Genlis), съ Сашей греческую Гольдшмидтову исторію. По русски съ маменькой—Анахарсиса, съ Натальей Андреевной Библію... По нѣмецки мучаю несчастнаго Кокса (это—William Coxe, 1747—1828; англійскій путешественникъ и историкъ; изъ его сочиненій, переведенныхъ на французскій и нѣмецкій языки, въ рукахъ М. А. могли быть описанія его путешествій—онъ былъ и въ Россіи и оставилъ о ней обстоятельный историко-нраво-описательный трудъ). А пишу—географію, по французски стихи, по русски Римскую Исторію, по итальянски разные анекдоты“.

[3]) Даже на форму выраженія простиралось это вліяніе: М. А. нерѣдко пользуется излюбленными образами Жуковскаго, пускаетъ въ ходъ его привычные афоризмы, которые легко отыщетъ въ ея письмахъ читатель, знакомый съ романтической термино-

такъ сказать, отвлеченная философія. Но дальше идетъ уже не менѣе важная работа личности.

Романтическій писатель могъ считать (и обыкновенно считалъ) главнымъ дѣломъ своей жизни идеальную разработку своего міровоззрѣнія въ своемъ творчествѣ и, если видѣлъ въ окружающей дѣйствительности бурное море, то зажигалъ маякъ своего идеала, блюлъ его огонь, стоя на прочной скалѣ своей философіи, и тѣмъ нерѣдко ограничивалъ свои отношенія къ жизни и людямъ Онъ могъ иногда впадать въ печальное противорѣчіе съ своей проповѣдью, сидя въ укромномъ огороженномъ уголкѣ среди путающихся и гибнущихъ въ потьмахъ людей и ведя одушевленныя общія разсужденія о пользѣ свѣта; но это противорѣчіе могло маскироваться и для другихъ, и для него возвышенностью и благородствомъ его рѣчей. Простому смертному, разъ онъ глубоко увѣровалъ въ этотъ идеалъ и не хотѣлъ оставить его праздной фразой, предстояла трудная задача—превратить его общія положенія въ личный жизненный принципъ и примѣнить къ всѣмъ условіямъ своей, часто мелкой дѣйствительности, не унизивъ достоинства возвышенной философіи.

Марія Андреевна рѣшила глубоко трогательно и привлекательно эту трудную задачу. Надо удивляться, до чего просто и благородно прошла она по своей нелегкой жизненной дорогѣ и какимъ живымъ, истинно человѣческимъ содержаніемъ съумѣла наполнить свою скромную долю, полную однако внутреннихъ бурь и тяжелыхъ разочарованій. Усвоивъ себѣ съ раннихъ лѣтъ возвышенный, идеалистическій строй души, такъ шедшій къ ея личности, она среди всѣхъ испытаній сохранила его до послѣдней минуты жизни въ полной чистотѣ, не затемнивъ ни разу ни сантиментальностью, ни разочарованностью. Она не шла въ сторонѣ отъ жизни, оберегая свой идеалъ, какъ это порой дѣлалъ ея учитель, который изъ всѣхъ жизненныхъ настроеній всего болѣе любилъ воспоминаніе о прошломъ и надежду на будущее и восклицалъ, обращаясь къ нимъ: „блаженъ, кто васъ среди губящаго волненья жизни сохранилъ и съ вами низость настоящаго иль пренебрегъ иль позабылъ!“ Нѣтъ, зло и низость настоящаго близко прикоснулись къ ея жизни, она вынуждена была видѣть ихъ около себя и умѣла различать, но имъ не удалось ожесточить ея душу или лишить бодрости. Она неизмѣнно оплачивала чистымъ золотомъ идеала всѣ свои жизнен-

---

логіей нашего поэта, которая у него рано стала кристаллизоваться въ устойчивыя формы.

ныя траты, хотя часто получала въ обмѣнъ фальшивую монету человѣческой пошлости и низости.

Несчастія всякаго рода почти сплошь наполняютъ лучшую пору жизни Маріи Андреевны — послѣдніе десять лѣтъ изъ прожитыхъ ею тридцати. Прежде всего это—тревожное начало любви къ Жуковскому и постепенное, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, лишеніе всякой надежды на бракъ съ нимъ. Слѣдуетъ отдавать должное глубинѣ чувства Жуковскаго и его тяжелой борьбѣ съ нимъ, но необходимо признать, что Маріи Андреевнѣ пришлось затратить на такую же борьбу, быть можетъ, еще больше силъ, такъ какъ она вела ее при исключительно трудныхъ условіяхъ. Для нея погибало все въ жизни: она теряла въ Жуковскомъ человѣка, которому всецѣло приписывала созданіе своего духовнаго существа, все высшее и лучшее, что она знала въ жизни; это ясно выражено въ ея предсмертномъ письмѣ. Затѣмъ передъ ней не было открыто широкой, полезной дѣятельности, которая помогла бы наполнить новымъ содержаніемъ опустѣвшую жизнь: она переживала муки отреченія, окруженная низостями въ своей семьѣ и страданіями сестры и матери. Наконецъ есть основаніе думать, что она подъ конецъ убѣдилась въ внутренней невозможности соединенія съ Жуковскимъ, въ запрещенности этого брака, и должна была уже не въ покорности и примиреніи, а въ активной борьбѣ съ собой видѣть свой нравственный долгъ, въ то время, когда въ сознаніи Жуковскаго внѣшнія препятствія еще составляли главный, если не единственный предметъ борьбы. Замужество явилось для Маріи Андреевны исходомъ, который не только разрѣшилъ невыносимую напряженность безнадежныхъ отношеній, но далъ ей надежду на облегченіе ихъ общаго семейнаго горя: поведеніе Воейкова было такъ нестерпимо, что Марія Андреевна одно время „крѣпко рѣшилась убѣжать изъ дома *куда нибудь*“. „Авось—пишетъ она—онъ сжалится надъ несчастьемъ маменьки и Саши—потерявъ меня, онѣ будутъ несчастливы“.

Семейная жизнь сложилась для Марьи Андреевны въ общемъ благопріятно, но не давала ей полнаго удовлетворенія, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ ея переписки. И. Ф. Мойеръ былъ благороднымъ человѣкомъ, онъ сильно любилъ жену, которая платила ему тѣмъ же; но необходимость жить на чужбинѣ, далеко отъ многихъ близкихъ и родныхъ, отсутствіе дѣтей въ первые четыре года, занятія мужа, проводившаго почти весь день внѣ семьи, наконецъ нѣкоторыя личныя свойства его, (напр. малая общительность) не вполнѣ повидимому

отвѣчавшія натурѣ Марьи Андреевны;—все это дѣлало ея жизнь недостаточно полной и безмятежной. Вспомнимъ, что самыя привычки и формы жизни трудовой нѣмецкой семьи, въ которую она вступила, часто должны были казаться чужды и непривычны русской барышнѣ, выросшей на привольѣ старыхъ барскихъ условій помѣщичьей жизни. Среди этихъ нелегкихъ обстоятельствъ Марья Андреевна обнаружила не только много умѣнья покоряться (близкіе люди считали résignation ея характернымъ свойствомъ); она нашла въ себѣ довольно силъ и натуры, чтобы внутренно воспринять то хорошее, что было въ новыхъ условіяхъ (mes goûts sont dégenerés, писала она, становясь на точку зрѣнія своего прежняго круга); она съумѣла въ параллель полезной общественной дѣятельности мужа наполнить свою личную жизнь заботами о цѣломъ рядѣ лицъ—дѣтей и взрослыхъ, которыхъ хотѣла и умѣла искать и находить вокругъ себя въ изобиліи. Ей не нужно было для этого ломать себя: потребность въ дѣятельной любви къ людямъ жила въ ней съ дѣтства; въ ея раннихъ письмахъ (не вошедшихъ въ печатаемое собраніе) не разъ попадаются тому доказательства. Въ 1810 г. она мечтаетъ продать свое фортепіано (она хорошо играла), стоящее 2000 р., и ограничиться 400-рублевымъ, такъ какъ „1600 р. могутъ сдѣлать совершенное благополучіе пяти семействъ, которыя не имѣютъ хлѣба насущнаго“; въ 1814 г. она разыскиваетъ въ деревнѣ сиротъ, оставшихся безпріютными послѣ умершей крестьянки, беретъ ихъ къ себѣ въ усадьбу и ухаживаетъ за ними съ помощью своей кормилицы; усердно лѣчитъ больныхъ въ своемъ Муратовѣ и т. д. Въ Дерптѣ широкая благотворительная дѣятельность Мойера (интересны самыя формы ея, во многомъ совпадающія съ практикуемой у насъ теперь Эльберфельдской системой) попадала такимъ образомъ въ тонъ основнымъ потребностямъ натуры Маріи Андреевны, и она радостно примкнула къ дѣлу, наполнявшему ея жизнь дѣятельнымъ добромъ. Она надолго оставила по себѣ свѣтлую память въ самыхъ различныхъ слояхъ дерптскаго населенья, не исключая ни высшихъ, ни бѣдняковъ. Дочь ея, Е. И. Елагина, говоритъ въ своихъ запискахъ [1]): „Для всѣхъ мать моя была готова на всякаго рода услугу, на всякое лишеніе. Всякая минута ея жизни была занята, и не было такой работы, которую бы она считала для себя унизительной. Ей случалось и стря-

[1]) Мы пользовались рукописными „Записками“ Е. И. Мойеръ, составленными ею для своихъ дѣтей.

пать, и гладить бѣлье и чинить его, и рубить капусту, и мѣрить овесъ, и перевязывать раны. На ея печаткѣ былъ пчелиный улей съ надписью: „activité dans un petit cercle“. Однажды, когда она пошла принять ребенка у какой то пересыльной женщины въ острогѣ, тюремщикъ нечаянно заперъ ее тамъ; отецъ отыскалъ ее уже ночью, ибо сперва думали, что она засидѣлась у знакомой“.

Таковы нѣкоторыя черты нравственнаго облика Марьи Андреевны; читатель найдетъ въ предлагаемыхъ письмахъ обильный матеріалъ для пополненія ихъ. Характерной особенностью Марьи Андреевны является то, что она далеко не исчерпывала своихъ душевныхъ силъ въ этой скромной полезной дѣятельности; activité dans un petit cercle не мѣшала ей жить полной и богатой духовной жизнью. Она неизмѣнно сохраняла среди какихъ угодно обстоятельствъ возвышенный строй души и широту интересовъ. Эта романтически настроенная русская женщина стояла обѣими ногами на реальной почвѣ дѣйствительной жизни, бодро и безъ оглядки работала надъ ея ежедневными нуждами, оставаясь тонко развитой и глубоко чувствующей личностью. Въ ней не было ничего мелкаго, ничего ложнаго или неискренняго. Она была умна и сердечна, прекрасно понимала жизнь, давшую ей много горя и тоски, умѣла терпѣть и смиряться, не теряя душевной высоты и внутренней свободы, всю жизнь жила для другихъ и умерла, говоря, что не желала бы себѣ иной судьбы.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ состояла наша работа.

Прежде всего, разумѣется, надлежало правильно разобрать текстъ писемъ. Кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ намъ удалось этого достигнуть [1]).

Больше хлопотъ было съ установкой датъ, во многихъ случаяхъ отсутствовавшихъ; здѣсь часто выводили изъ затрудненія сохранив-

[1]) Почеркъ Жуковскаго (а тѣмъ болѣе М. А. и Екат. Аоан.) обыкновенно поддается прочтенію при всей своей связности и небрежности, хотя требуетъ навыка и осторожности: намъ пришлось перепечатать одно, уже извѣстное, письмо (стр. 108—109), во многихъ мѣстахъ невѣрно прочтенное Плетневымъ и еще болѣе искажавшееся при позднѣйшихъ перепечаткахъ; кромѣ того, работая надъ тѣми же папками, изъ которыхъ Зейдлицъ и проф. Висковатовъ выбирали въ 1883 г. письма, относящіяся къ исторіи любви Жуковскаго, мы имѣли возможность провѣрить по подлинникамъ текстъ, данный въ „Русской Старинѣ“, и насчитали въ первыхъ трехъ книжкахъ (вся переписка помѣщена въ 10-ти) не менѣе 50 невѣрно разобранныхъ мѣстъ.

шіяся ответные письма; тамъ, гдѣ годъ былъ опредѣленъ Зейдлицемъ, его хронологія, въ общемъ надежная, никогда не принималась нами безъ провѣрки, и оказалась не вездѣ безошибочна. Мы старались повсюду, гдѣ опредѣленіе даты принадлежитъ намъ, указывать наши основанія [1]). Орѳографію писемъ мы не считали нужнымъ сохранять и только иногда удерживали характерныя особенности знаковъ препинанія; изрѣдка впрочемъ мы оставляли и оригинальное начертаніе слова, если намъ казалось, что оно даетъ что-нибудь читателю.

Что касается примѣчаній, мы ограничивались обыкновенно лишь поясненіями, необходимыми для пониманія намековъ письма, и краткими свѣдѣніями объ упоминаемыхъ лицахъ и событіяхъ [2]). Приложенный указатель облегчитъ нужныя справки; онъ поможетъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по недосмотру въ текстѣ не хватаетъ нужнаго примѣчанія. Справочнымъ цѣлямъ должны служить и семейныя таблицы, которыя мы сочли нелишними въ виду большаго числа упоминаемыхъ родственниковъ Жуковскаго и нерѣдкихъ перекрестныхъ семейныхъ связей.

Изъ приложенныхъ портретовъ два являются впервые (Екат. Аоан. Протасова и Авд. Петр. Кирѣевская—въ молодости); оригиналы ихъ, а также и портрета Маріи Андреевны, хранятся въ Уткинскомъ архивѣ.

А. Е. Грузинскій.

---

[1]) Спѣшимъ исправить одну, поздно замѣченную, ошибку: письмо Жук—аго къ А. П. Елагиной на стр. 29—30 должно вмѣсто октября 1819 г. быть отнесено къ началу октября 1817 г. Изъ писемъ М. А. на стр. 228—234 явствуетъ, что осенью 1819 года Жук—ій не былъ въ Дерптѣ ни разу; въ 1817 же году, по дорогѣ въ Москву для начала занятій съ Вел. Кн. Александрой Ѳедоровной, онъ гостилъ въ Дерптѣ недѣли двѣ (см. Остаф. Арх. I, 87). Упоминаніе о деньгахъ для Максима соотвѣтствуетъ содержанію записки изъ Москвы въ ноябрѣ—декабрѣ 1817 г. (стр. 27).

[2]) Въ дополненіе къ высказанному на стр. 181 предположенію, что подъ la belle allemande скрывается бар. Левенштернъ, указываемъ мѣсто изъ письма Карамзина къ Жук—му въ ноябрѣ 1817 г.: „Ищемъ, ищемъ (невѣсту Жук—му). M-me Левенштернъ у насъ пила чай, и объ васъ говорили; бьется ли сердце?“ Эта фраза повидимому подкрѣпляетъ нашу догадку, высказанную безъ соображенія съ письмомъ Карамзина, слова котораго мы упустили изъ виду. Указаніемъ мы обязаны только что вышедшей книгѣ академика А. Веселовскаго (стр. 270—271).

I.

Письма В. А. Жуковскаго.

Прусскому Королю Фридриху Вильгельму IV.

(Октябрь—Ноябрь 1840 г).—Sire! Un bonheur inespéré m'attendait à mon retour à Petersbourg. C'est la lettre que Votre Majesté a daigné m'écrire, accompagnée du don précieux de l'étoile de l'aigle rouge. Il serait inutile pour moi de vouloir parler du sentiment qui pénétra toute mon âme à la lecture de ces lignes tracées par votre main chérie; jamais je ne saurais exprimer clairement cette jouissance pure que j'ai éprouvée dans ce moment. Quoique ces lignes soient adressées à moi, quoique Votre Majesté y parle de ma personne avec tant de bienveillance, même avec tant d'éloges, mon amour propre qui aurait pu si légitimement me jouer quelque tour de sa façon dans cette occasion, ne s'est pas réveillé un moment; un autre sentiment plus cher à mon coeur s'est emparé de moi et a fait que des larmes bien douces tombaient de mes yeux: c'est le sentiment intime de Votre âme telle que je la connais, telle que je l'aime, telle qu'elle a toujours été pour moi, le poétique idéal d'un être noble et grand. Les moments les plus beaux de cette vie sont sans contredit ceux où l'on fait la rencontre d'une telle âme, qui, se présentant à vous dans toute sa simplicité, réveille dans la votre tout ce qui s'y trouve de bon et de beau en la remplissant de cette harmonie qui entendue parfois dans ce monde nous révéle les mystères ineffables de l'autre. J'ai joui de cette rencontre en lisant la lettre de Votre Majesté; j'ai entendu cette voix qui réveille tant de choses, et j'ai été heureux d'avoir senti en moi que je n'étais pas sourd à une telle harmonie.

Déjà dans le cours de ma vie j'ai eu plusieurs fois le bonheur de rencontrer de près cette âme que j'aime de toutes les forces de la mienne; mais les moments, où j'ai reconnu avec le plus d'enthousiasme toute sa haute nature, sont ces moments magnifiques, où elle a paru telle qu'elle est devant tout un peuple, où tous nos contemporains l'ont saluée comme une belle étoile d'éspérance, s'élevant sur eux pour les temps à venir. Oui, Sire, je l'affirme et je l'ai entendu affirmer à beaucoup d'autres: que l'histoire ne présente pas de fait d'une grandeur aussi pure, aussi complète, aussi sans tâche, que ces scenes de Königsberg et de Berlin

qui ont signalé les premiers jours de Votre règne. Les couronnements de Souverains sont, pour ainsi dire, un lieu commun historique: mais il faut aussi remarquer qu'il n'y a de beau et de grand que ce qui est devenu lieu commun, c'est-à-dire une chose acceptée generalement comme vraie et tellement sanctionnée par le temps qu'elle devient un accessoire presque trivial de la vie. Chaque jour, par exemple, nous entendons s'écrier „mon Dieu!" sans y faire attention: mais que celui qui prononce ce mot (dans la joie ou dans la douleur) l'exprime dans toute la force du sentiment qu'il doit réveiller - on reste frappé, comme de quelque chose qu'on aurait entendu pour la première fois. Tout gît donc dans la vérité. La prestation du serment à Königsberg aurait été dans tous les cas un acte solennel et majestueux: mais elle devient un fait sublime, un fait unique dans les fastes du monde, lorsque Fréderic Guillaume IV, emporté par l'inspiraton du moment, tout pénétré de la saintété de sa mission royale, tout plein de la présence de ce Dieu qu'on invoquait devant lui, et qu'il voyait la comme son Suzerain suprême (sein höchster Lehnsherr) de libre arbitre se présente devant son peuple, et lève sa main au ciel et prononce ces mémorables paroles qui ont emporté les coeurs de tous ceux qui ont pu les entendre, qui ont rempli d'admiration et d'attendrissement tous ceux qui les ont lues après. Et pourtant ces paroles sont simples et semblent n'être qu'un lieu commun. Par quoi donc sont elles devenues les plus éloquentes de l'histoire? Par la vérité, oui, par la sainte vérité qui a fait que ces idées, ces lieux communs de la vie, l'idée de Dieu, juge des Rois et des peuples, l'idée d'un Roi tel qu'il doit être, le mystére du serment, la saintété du pouvoir octroyé par Dieu, la beautè de la fidélité, le droit, la justice, la clémence, enfin toutes ces grandes idées, trivialisées par l'usage journalier des mots qui les expriment, comme par un coup de baguette magique se présentaient aux esprits dans toute leur majesté, les frappèrent comme une découverte subite et en furent comprises dans toute leur signification; oui, par la verité qui a fait qu'en entendant ces paroles tout le monde fondit en larmes, tous les genoux fléchirent et toutes les mains s'élevèrent au ciel; car on connaissait l'homme qui les prononcait, car on savait que ce qu'il a dit dans le feu de l'enthousiasme était sa religion dans tous les instants de la vie, l'amour constant de son âme quand il veille, l'ange gardien de son oreiller, quand il dort.

Ce qui me touche particulièrement en pensant à ces paroles prononcées par Vous, Sire, c'est l'idée du bonheur ineffable que vous avez du éprouver en les sentant échapper de votre âme. Je dirai que le ciel, pour prix de votre franchise dans le dévouement au bien, vous a en quelque manière prévenu en vous accordant deux belles récompenses au commencement de votre carrière royale. La première celle de vous avoir montré la mort de Votre père. Qui de nous n'a pas été à genoux devant cette couche où il a fini comme il a vécu, béni par son peuple et pur

devant son Dieu; mais il fallait être son fils et son successeur au trône pour concevoir toute la beauté de cette fin du Juste; pour s'emparer en quelque manière de sa sainte mort et en faire le trésor de sa vie. La seconde de ces récompenses est celle de Vous avoir fourni l'occasion de Vous sentir Roi dans toute la plénitute, dans toute la grandeur de Votre mission et de vous avoir donné en même temps et le pouvoir d'éxprimer ce que Vous avez senti et le bonheur d'être compris par Votre peuple. Un pareil moment est le plus beau dans la vie d'un Roi, donc il est le plus beau possible dans la vie d'un homme; eh bien, que la Providence qui vous l'a accordé, vous accorde, aprés de longues années, aussi l'autre, tout aussi beau, celui qui a terminé les jours de Votre Père. En attendant, vos contemporains, peuples et rois, vous doivent deja une grande reconnaissance: Vous avez sanctifié les droits des premiers, mais en même temps Vous en avez posé les bornes, en ramenant tout à Celui de qui seul nous viennent et droit et justice et en déclarant chimériques ces créations éphémères de la presomption humaine qui dans notre temps déplacent celles de l'histoire et des siècles ou plutôt de Dieu Lui-même. Pour les seconds Vous avez fortement contribué à redresser la dignité royale, contre laquelle notre siècle s'acharne avec une telle brutalité; les opinions les plus opposées, hors celles qui ne sont pas franches, se sont reunies dans un même enthousiasme pour Vous, et en Vous entendant une pensée unanime a dû s'élever dans tous les ésprits: que la plus belle chose de ce monde est pourtant un roi, roi chrétien, ami des lumières, plein de respect pour l'humanité, inaccessible dans ses droits, mais humblement responsable devant son Dieu qu'il reconnait pour son Seigneur et juge; qu'un tel roi est la garantie la plus sûre de la liberté publique et individuelle; et que le regne d'un tel roi, secondé par la civilisation (la plus sûre de toutes les constitutions, si le développement social marche de front avec les moeurs et la religion) règle le présent, et assure l'avenir en lui léguant l'habitude de la justice. En un mot: ces paroles monumentales prononcées du haut d'une telle tribune, par un tel orateur, ont été le résumé de l'histoire universelle et la sanction de ces grandes vérités pratiques que chaque siècle reçoit en héritage de celui qui le précède et légue en les modifiant à celui qui le remplace. Et benie soit encore une fois la mémoire de Fréderic Guillaume III. Par son règne il a préparé l'éloquente parole de son fils. Quelle école pour les gouvernants et les gouvernés de ces 43 années d'un règne sans tâche, quel beau spectacle cette âme royale, pure comme le jour au milieu des sombres tempêtes de son temps; et enfin quel beau testament pour le successeur au trône que cette mort chrétienne, ce départ d'un ange qui sur la terre fut Roi. Grace à ce règne, l'habitude de la justice, de la légalité, de la foi dans la fidélité royale s'est imperceptiblement insinuée partout et se liant à la civilisation lui donna une direction bienfaisante; et lorsque le nouveau Roi... *(Конецъ утраченъ).*

15 строкъ изъ этого письма были напечатаны г. Ефремовымъ „съ рукописи“ въ VI т. 7-го изд сочин. Жук-аго; но вѣроятно находившаяся въ его распоряженіи рукопись отличалась неполнотою, такъ какъ изданныя строки представляютъ изъ себя три отдѣльные куска изъ разныхъ мѣстъ письма, лишенные связнаго смысла. Кромѣ того отрывокъ отнесенъ къ іюню 1838 г., чего не можетъ быть допущено: въ 1838 году прусскимъ королемъ былъ еще Фр. Вильгельмъ III, а письмо явно обращено къ Ф. Вильгельму IV—онъ прямо названъ; затѣмъ говорится о коронованіи въ Кенигсбергѣ и о рѣчи короля (то и другое происходило въ сентябрѣ 1840 г.). Письмо относится къ октябрю—ноябрю 1840 г.: въ первой фразѣ Жук-ій говоритъ о своемъ возвращеніи въ Петербургъ, а оно могло состояться не ранѣе второй половины октября (16-го числа Жуковскій былъ еще въ Дюссельдорфѣ).

Кенигсбергская рѣчь, о которой говоритъ здѣсь Жук-ій, была понята многими въ Германіи въ смыслѣ желанія новаго короля дать конституцію, обѣщанную его отцемъ еще въ 1815 году, но король отвергъ такое толкованіе своихъ словъ.

Мы печатаемъ это письмо по тщательной копіи руки Авд. Петр. Елагиной.

Н. И. Тургеневу.

(1847 г.)—Благодарю тебя, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, за доставленіе твоей книги. Не полагая, что ты ее мнѣ пришлешь, и нашедши объявленіе о ней въ Allgem. Zeitung, я поручилъ здѣшнему книгопродавцу выписать мнѣ экземпляръ изъ Парижа. Я прочиталъ уже съ живѣйшимъ участіемъ первый томъ, и онъ напомнилъ мнѣ многое, бывшее съ нами за двадцать лѣтъ. Ты печатный тотъ же, какого я тогда видѣлъ лицемъ къ лицу передъ собою. На счетъ обвиненій, которыя поразили тебя, здѣсь мнѣ сказать нечего: мое убѣжденіе тебѣ давно извѣстно; оно было выражено и на бумагѣ, и на дѣлѣ. Но скажу искренно, что многое было мнѣ тяжело найти въ твоихъ запискахъ: въ нихъ выражается вездѣ враждебное чувство къ Россіи; дѣло не о томъ, имѣешь ли право питать такое чувство противъ своего отечества и основано ли оно на правдѣ—дѣло о томъ, хорошо ли ты поступилъ, что его такъ выразилъ передъ свѣтомъ. По моему мнѣнію нехорошо, во вредъ самому тебѣ и во вредъ тому дѣйствію, которое бы могла произвести твоя книга. Во вредъ самому себѣ, потому что уменьшилъ довѣренность къ словамъ своимъ, оказавшись послѣ двадцати лѣтъ молчанія все подъ вліяніемъ (*мщенія*?) и ненависти, которыя сдѣлали тебя равнодушнымъ къ тому поношенію, которое слова твои должны непремѣнно бросить на твое бывшее отечество. Что бы ни говорилъ ты о безуміи патріотизма, все роля обидчика своего отечества есть роля, тебя недостойная. „Правда всего святѣе“, ты скажешь: „изъ любви къ отечеству мы обязаны ему правдою, хотя и тяжкою“. И я скажу, правда всего святѣе, но правда изъ любви, а не изъ ненависти, а въ твоей книгѣ нѣтъ любви и, сказавъ такимъ образомъ правду, которою, такъ сказать, привязалъ насъ къ позорному столбу, ты привязалъ къ нему и себя, ты уменьшилъ свое достоинство и передъ собою, и передъ свѣтомъ, тѣмъ болѣе, что угодилъ теперешней всеобщей жадности порицать насъ, бросилъ свою жемчужину въ тотъ навозъ, которымъ пачкаютъ насъ Кюстины, Бакунины и Головины. Но ты повредилъ той пользѣ, которую могла бы принести

твоя книга, возбудивъ противъ нея своимъ оскорбительнымъ тономъ именно тѣхъ, которымъ бы наиболѣе было нужно извлечь, симпатически принять тѣ указанія, которыя въ ней заключаются: нашъ благодѣтель вселяетъ въ насъ только негодованіе и ненависть, когда бросаетъ намъ свой даръ съ ненавистью и презрѣніемъ. Если этого плода не будетъ отъ твоей книги, то для чего она напечатана? Неужели для бѣднаго удовлетворенія устарѣвшей обиды, обиды, которая самимъ дѣйствіемъ Провидѣнія обратилась даже въ твое личное благо? Самъ ты спасенъ; и если честолюбіе твое не удовлетворено и кругъ твоей дѣятельности стѣснился въ стѣны твоего дома, то можешь свободно жить для человѣчества и для дѣтей твоихъ; а къ этому благу можешь присоединить самое сладостное воспоминаніе о томъ, какой случай твоему брату доставило твое несчастіе для дѣятельной любви, вполнѣ на тебя обращенной—„здѣсь все для души человѣческой“, сказалъ Карамзинъ. Это высочайшая истина, и всѣ наши бѣдствія, выносимыя на землѣ съ вѣрою и правдою, становятся сокровищемъ души нашей. Прибавлю здѣсь еще и то, что если бы ты ограничился въ своихъ запискахъ однимъ простымъ изложеніемъ обстоятельствъ, то они вѣроятно произвели бы спасительное дѣйствіе и на судьбу твоихъ товарищей несчастья, они просвѣтили бы не оскорбивъ, слѣдовательно привлекли бы на сторону истины и, вѣроятно, произвели бы измѣненія; теперь они только болѣе раздражатъ и, можетъ быть, дадутъ новую силу тому негодованію, которое могло утратить силу отъ времени. Въ заключеніе прибавлю, что мнѣ весьма жаль, что ты позволилъ себѣ тѣ выраженія на счетъ Блудова, какія (*я*) нашелъ на многихъ страницахъ твоихъ записокъ. Если бы и все было вполнѣ правда, что ты о немъ думаешь, то и тогда бы не стоило прибѣгать къ такому оружію. Но ты совершенно ошибаешься, выставляя Б. произвольнымъ слугою неправды, съ намѣреніемъ искажающимъ факты, чтобы услужить требованію власти. Онъ былъ подъ вліяніемъ всеобщаго убѣжденія и былъ только издателемъ тѣхъ документовъ, которые были ему доставлены. Его настоящая вина заключается только въ авторствѣ; онъ хотѣлъ составить цѣлое изъ того, что было не иное что, какъ сбродъ обломковъ, и такъ поступалъ безъ сознанія, безъ намѣренія говорить ложь, безъ всякаго угожденія неправдѣ, а просто, какъ редакторъ.— И я не оправдываю редактора, но совершенно увѣренъ, что это ошибка ума, который заботился объ искусствѣ тамъ, гдѣ слѣдовало только выставлять голые факты, которыхъ безпорядокъ былъ бы яснѣе и убѣдительнѣе всякой стройности. Твое сердце строго любитъ правду— что̀, если ты долженъ будешь и себя обвинить, что публично выразилъ такое посрамительное обвиненіе передъ цѣлымъ свѣтомъ противъ человѣка, который всегда былъ чистъ въ своихъ намѣреніяхъ и здѣсь погрѣшилъ совсѣмъ не отъ тѣхъ причинъ, которыя ты въ немъ предполагаешь, а просто отъ неосмотрительности авторской и отъ совер-

шенной неопытности въ томъ дѣлѣ, которое на его несчастіе судьба на него возложила? Тебя осудили въ отсутствіи — но твоя свобода и твое достоинство остались неприкосновенными. Ты вооружаешься противъ суда, тебя поразившаго, и самъ въ тоже время произносишь приговоръ, слѣдуя одному своему негодованію и клеймишь честь человѣка, изъясняя причины его дѣйствій согласно съ своимъ противъ него негодованіемъ.—Однимъ словомъ, твоя книга могла бы быть сокровищемъ, если бы не было въ пей тѣхъ страницъ и строкъ, которыя по моему мнѣнію совершенно уничтожаютъ ея главное дѣйствіе, и дѣлаютъ изъ нея одну только прибавку къ тому множеству...

(Письмо обрывается на половинѣ страницы).

Письмо это, занимающее 7 страницъ обыкновенной почтовой бумаги малаго формата, повидимому, черновое, судя по зачеркнутымъ словамъ и поправкамъ; оно обрывается на срединѣ фразы. Неизвѣстно, было ли оно дописано и послано по адресу. Какъ видно изъ содержанія, письмо относится къ 1847 г., когда Н. И. Тургеневъ выпустилъ въ Парижѣ свое трехтомное сочиненіе La Russie et les russes. Объ изданіи своихъ мемуаровъ Тургеневъ думалъ еще въ 1844 г. и совѣтовался по этому поводу съ Жук-имъ, но вѣроятно боязнь повредить своему брату Александру, на что особенно указывалъ Жук-ій [1]), удержала тогда его, и онъ отложилъ изданіе, пока смерть брата (1845 г.) не развязала ему руки. Въ 1844 г. Жук-ій рѣшительно возсталъ противъ мысли объ изданіи; онъ писалъ А. Тургеневу: „онъ сдѣлаетъ дурное дѣло, если издастъ свои мемуары, ибо онъ тѣмъ повредитъ ***тебѣ*** непремѣнно, повредитъ и ***мнѣ***, если меня назоветъ въ нихъ (чего я прошу его не дѣлать; за три года передъ этимъ я бы объ этомъ не сталъ много задумываться, но теперь у меня ***есть кого беречь***)". Но кромѣ этихъ, такъ сказать, домашнихъ соображеній, Жук-ій находилъ тогда, что печатаніе мемуаровъ лишило бы ихъ единственной пользы для Россіи, какую онъ себѣ представлялъ возможной; онъ совѣтовалъ Н. Тургеневу послать ихъ прямо Царю въ рукописи. „Конечно, не для того — пишетъ онъ — чтобы потѣшить себя, поразивъ его нѣсколькими жестокими, жестоко сказанными истинами. Нѣтъ, чтобы дѣйствительнѣйшимъ образомъ довести эти полезныя истины, довести до души того, кому наиболѣе онѣ нужны, кто одинъ можетъ, убѣдившись въ нихъ, обратить ихъ въ пользу практическую для народа, кто ихъ не приметъ, если онѣ захотятъ протѣсниться къ нему, оскорбивъ его самолюбіе; кто вооружится противъ нихъ, когда онѣ дойдутъ до него изъ толпы враждебнаго ему и намъ народа, обвинивъ его прежде передъ цѣлымъ свѣтомъ и составивъ одинъ хоръ съ клеветами и бранью Кюстина и comp. Чтобы довести, говорю, эти истины, эти факты до души Императора, надлежитъ ихъ безкорыстно, безъ всякихъ задникъ видовъ, съ прямымъ доброжелательствомъ удѣлить ему и удѣлить такъ, чтобы онъ повѣрилъ искренности доброжелательства и, тронутый имъ, принялъ во благо благое даяніе... Такая публикація ихъ будетъ несравненно достойнѣе ихъ автора, чѣмъ изданіе ихъ какимъ нибудь Парижскимъ книгопродавцемъ, преданіе на пищу журналистовъ, клюющихъ Россію, какъ вороны мертвечину, со вредомъ неизбѣжнымъ для тебя и безъ всякой пользы для Россіи".

Конечно, Н. Тургеневъ не могъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ, которое сводило весь его замыселъ къ личной цѣли самооправданія и удовлетворенія самолюбія (Жук-ій прямо писалъ: „можетъ ли онъ (т. е. авторъ) положить на вѣсы съ одной стороны ***мнимую*** необходимость протестовать (послѣ 20 лѣтъ молчанія и семейнаго покоя) противъ оказанной ему несправедливости, а съ другой — вѣрный вредъ тебѣ?". Какъ будто автору мемуаровъ нечего было положить на одну чашку вѣсовъ, кромѣ протеста противъ оказанной ему несправедливости! Жук-ій какъ будто представлялъ себѣ (NB: еще не читавши Записокъ), что въ воспоминаніяхъ такого человѣка, какъ Н. Тургеневъ, не найдется другого содержанія помимо исторіи суда надъ декабристами: какъ будто не понималъ, что такой человѣкъ, какъ Н. Тургеневъ, долженъ руководиться при изданіи своихъ записокъ цѣлями, болѣе широкими, чѣмъ удовлетвореніе личнаго самолюбія. Эти же болѣе широкія цѣли не позволили Тургеневу выбрать то средство, которое рекомендовалъ ему Жук-ій, и ввѣрить всѣ свои мысли и желанія относительно

[1]) См. „Письма къ А. Тургеневу" изд. Русск. Архива 1895 г., письмо 5-го іюля 1844 года (стр. 298–301).

Авдотья Петровна Кирѣевская
(урожденная Юшкова, по второму мужу Елагина)
въ 1812 году.

Худож. фотог. К. Фишеръ, Москва

Россіи усмотрѣнію одного лица, вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ. Немудрено, что И. Тургеневъ послѣ смерти брата сталъ спѣшить съ изданіемъ своего труда.

Настоящее письмо свидѣтельствуетъ, что для Жук-аго и по прочтеніи книги осталась на заднемъ планѣ ея важная общественная сторона; онъ считаетъ возможнымъ судить о сочиненіи только по первому тому и ограничивается въ своемъ отзывѣ дѣломъ 14 декабря. Въ мнѣніи его повторяются отчасти тѣ соображенія, которыя высказаны были имъ a priori въ 1844 году; онъ и теперь вѣритъ, что болѣе мягкій тонъ книги могъ бы повліять на Императора Николая и даже произвести благодѣтельныя перемѣны въ судьбѣ декабристовъ. Очень неблагопріятно подѣйствовало на него появленіе книги Тургенева еще потому, что какъ разъ въ то время въ Европѣ вышло нѣсколько рѣзкихъ сочиненій о Россіи; кромѣ маркиза Кюстина онъ имѣетъ здѣсь въ виду книгу эмигранта И. Головина La Russie sous Nicolas I 1845 г.

Къ А. П. Киреевской (Елагиной).

I.

(Дерптъ, Апрѣля 26. 1815 г.) Вы пишете, милая моя и добрая сестра или, лучше всего, другъ, чтобы я далъ вамъ совѣтъ, которому вы послѣдуете съ точностью—вотъ что пугаетъ меня: дать такой совѣтъ, которому непремѣнно послѣдуютъ, значитъ дать непремѣнно совѣтъ хорошій! Какъ же себѣ повѣрить, особливо въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ я худой совѣтникъ! Милая, какъ мнѣ въ эту минуту жаль, что я не имѣю всемогущества; далъ бы себѣ опытность, далъ бы себѣ знаніе дѣлъ и явился бы у васъ въ Долбинѣ, опекуномъ Ваньки, Петруши и Маши. Revenons á nos moutons. Одна половина вашего плана мнѣ понравилась: жить своими доходами, не тратить ни копѣйки болѣе своихъ доходовъ, предоставить управленіе дѣтскими деревнями вѣрному человѣку и, чтобы онъ имѣлъ возможность все привести въ порядокъ, дать ему полномочіе и для этого самой уѣхать. — Все это прекрасно, но вопросъ, кто этотъ человѣкъ, которому можно дать полномочіе? Вишнякову можно ли дать довѣренность? Онъ уже, какъ вы сами пишете, показалъ себя, и съ дурной стороны! Какъ же оставить его господиномъ вашего имѣнія! На это не могу сказать ни да, ни нѣтъ, потому что не смѣю; и выходитъ, что я не даю никакого совѣта! Мнѣ пришла было въ голову вотъ какая идея: привязать Вишнякова къ вашимъ выгодамъ его собственными выгодами. Напримѣръ, сдѣлать съ нимъ условіе, что онъ непремѣнно по окончаніи опеки, и если опека будетъ такова, какъ должно, получитъ отъ васъ изъ вашего собственнаго имѣнія 100 душъ — эта надежда имѣть наконецъ вѣрное состояніе была бы для него поощреніемъ употребить все вниманіе на управленіе деревнями. Но вопросъ, стоитъ ли Вишняковъ такого пожертвованія? Можетъ быть, со всею доброю волею онъ не въ состояніи ничего сдѣлать. Вотъ другая мысль,—найти хорошаго управителя (о чемъ можно похлопотать и здѣсь въ Петербургѣ) и дать ему для поощренія ту же надежду на 100 душъ; онъ бы занимался дѣлами хозяйственными, а для надзору за нимъ и для сохра-

ненія порядка въ дѣлахъ по опекѣ назначьте меня опекуномъ. Я не думаю, чтобы это была такая тарабарская грамота—нужна только заботливость, добрая воля и точность. Все это можно имѣть, если только захотѣть; люди управляютъ государствами, а мнѣ не управиться съ бумагами опекунскими—этому я плохо вѣрю. Но только надобно непремѣнно, чтобы былъ человѣкъ, который бы имѣлъ въ полной власти хозяйственное распоряженіе и его разумѣлъ. Тогда все, что мнѣ останется сдѣлать, будетъ бездѣлица; въ короткое время могу получить весь нужный навыкъ — стоитъ только захотѣть, а я захочу вѣрно. Для безопасности же моей надобно имѣть и другого опекуна, который былъ бы только свидѣтелемъ, не былъ бы принужденъ имѣть заботъ, но по крайней мѣрѣ видѣлъ бы, какъ все дѣлается, и помогалъ хотя совѣтомъ — для этого можно попросить Василія Николаевича взять только имя опекуна. Прикащика здѣсь найти можно; вчера я видѣлъ одного, за котораго ручается такой человѣкъ, за котораго я ручаюсь. Но онъ требуетъ ужасно дорого. Если ему дать надежду на 100 душъ, то это будетъ лучше всякаго жалованія и тогда, разумѣется, онъ долженъ будетъ взять втрое меньше. 100 душъ можно отдать за сохраненіе 1000. Онъ человѣкъ умный, не знаю, хорошій ли хозяинъ — но въ этомъ случаѣ надобно вѣрить тому свидѣтельству, которое даютъ ему здѣсь знающіе люди; за честность его ручаются. Однимъ словомъ, онъ, или кто другой, былъ бы настоящимъ хозяиномъ и на его рукахъ лежало бы все главное дѣло; я былъ (бы) опекуномъ, въ первый годъ довольно худымъ, во второй лучшимъ, а въ третій прекраснымъ и наконецъ совершенный; Василій Николаевичъ былъ бы моимъ дядькой, сторожемъ, совѣтникомъ и прочее; а вы бы, милостивая государыня, сперва оставили бы насъ въ покоѣ, то есть уѣхали бы изъ Долбина въ Дерптъ, дабы развязать намъ руки, дать волю все привести въ порядокъ, жили бы своими доходами, получали бы только нужныя на воспитаніе деньги, занимались бы усердно и безъ разсѣянія тѣмъ только, чѣмъ заниматься должны, воспитаніемъ дѣтей, которымъ, что ни говори Елена Ивановна, вы еще нисколько не занялись, хотя и прочитали M-me Edgeworth и пр. и пр. Потомъ на готовое, на приведенное въ порядокъ возвратились бы домой, и дѣло ваше состояло бы въ томъ, чтобы не разстроить то, что устроено. Не знаю, можетъ ли быть такимъ прикащикомъ, какого мнѣ надобно, Вишняковъ; объ этомъ потолкуйте съ сестрами; знаю, что и я худой опекунъ quant au présent, но я думаю, что съ доброю волею и съ доброю помогою можно сдѣлаться скоро тѣмъ, что должно. Вѣдь я же принужденъ теперь пойти въ службу—почему же служба (какая бы она ни была, а я еще никакой не знаю) — легче опекунства? въ службѣ же своя одна выгода—cela ne me tente pas et cela ne me donnera pas toute l'activité necessaire! а здѣсь — польза *настоящая* милыхъ моихъ друзей! Поневолѣ изъ кожи вонъ полѣзешь! Однимъ словомъ, если будетъ

хорошій прикащикъ и если будетъ Василій Николаевичъ, или подобный ему, другимъ опекуномъ, то я готовъ! Васъ же прошу за меня все обдумать—я еще не имѣю полнаго понятія о всѣхъ опекунскихъ обязанностяхъ: но вѣдь это не *море выпить!* нужны только bonne foi, courage et résolution. Съ этими тремя вещами все на свѣтѣ дѣлается. Правда, не надобно забывать и того, что противъ этихъ трехъ прекрасныхъ вещей лукавый часто строитъ свои козни — но думаю, что когда будетъ идти дѣло не *о своихъ выгодахъ*, а о настоящихъ своихъ, то есть *выгодахъ милыхъ людей,* то будешь поневолѣ и тверже, и осторожнѣе и дѣятельнѣе — будешь дѣйствовать съ большимъ хладнокровіемъ; сердце будетъ служить уму, а не умъ сердцу. Вотъ все, что я хотѣлъ отвѣтить на вашъ запросъ — лучшаго придумать не умѣю. На остальное вашего милаго письма буду отвѣчать много, много изъ Петербурга. А васъ прошу отвѣчать мнѣ на слѣдующіе пункты, на имя Тургенева, живущаго на Фонтанкѣ, въ домѣ князя Александра Николаевича Голицына, близъ дома военнаго министра. Искать ли для васъ прикащика? Дерзать ли на опекунство—объ этомъ переговорите со всѣми, съ кѣмъ говорить можно.—Но лучше всего, не пріѣхать ли мнѣ въ Іюнѣ или въ Іюлѣ мѣсяцѣ къ вамъ? все учредимъ и устроимъ, entendu, que nous sommes des têtes bien regleés, bien posées. Но еще NB! имѣя на рукахъ опекунство, вамъ и думать не должно о поѣздкѣ въ Дерптъ. Полно жертвовать минутамъ! Это обыкновенная моя съ вами пѣсня. Прошу отвѣчать мнѣ немедленно. До полученія вашего письма, я ничего не рѣшу съ собою въ Петербургѣ.—Вотъ двѣ полныя страницы, но я не знаю, есть ли въ нихъ здравый смыслъ, но повѣрьте, въ нихъ есть здоровое сердце, которое готово быть хоть *умомъ*, (лишь бы) только на что нибудь пригодиться на здѣшнемъ свѣтѣ.—Простите до Петербурга. Обнимите нашихъ сестеръ. Пришлите моего Шиллера. Поцѣлуйте обѣ ручки у милой Марьи Алексѣевны. Напомните обо мнѣ хорошенько Еленѣ Ивановнѣ [1]). Дѣтей цѣлую. Ванькѣ пришлю свой портретъ и скоро.

На письмѣ нѣтъ года; рукою Зейдлица на подлинномъ поставленъ 1814 г., но оно представляетъ отвѣтъ на сохранившееся письмо Авд. П—ны. точно датированное 26-мъ марта 1815 г., да въ апрѣлѣ 1814 г. еще не могло быть и рѣчи о сборахъ Кирѣевской въ Дерптъ.

II.

(1815 г. іюня 11. С.П.Б.) Милые друзья, благодарствуйте за добрые совѣты, а еще болѣе за то нѣжное чувство дружбы, которое видно въ вашихъ письмахъ; слава Богу! Это восклицаніе весьма тутъ кстати — какъ не сказать, слава Богу! думая о друзьяхъ и видя ихъ

[1]) Марья Алексѣевна и Елена Ив. — жена и дочь сосѣда и друга семьи Жуковскаго, барона Ив. Петр. Черкасова; его имѣнье назыв. Володьково.

къ себѣ дружбу. Послушайте, милая долбинская сестра, я и сам было испугался своего предложенія, сдѣланнаго вамъ въ первую минуту—но испугался только своей неспособности его исполнить. Что, если бы мнѣ удалось только болѣе еще испортить дѣла ваши! Но, какъ говорится: на безрыбьи и ракъ рыба, и я готовъ быть раком для васъ; что же было бы лучше, какъ потрудиться для нашихъ милыхъ дѣтенковъ—да вы отъ меня не уйдете. Дайте мнѣ устроить свои здѣшнее и я опять у васъ, опять въ своей семьѣ, опять (какъ пишетъ другъ Анета) въ прекрасномъ родимомъ краю, окруженный всѣми милыми воспоминаніями, среди соловьевъ, розъ, серейнов (sic!) и пр. и пр. Знаете ли, что всякій ясный день, всякій запах березы производитъ во мнѣ родъ *Heimweh*, такъ же, какъ и всякая красная кровля, покрытая черепицами, поневолѣ тащитъ все воображеніе туда, куда и хотѣть не должно.[1]) Однако я у нихъ еще раз побываю, на крестинахъ; это, вѣроятно, случится въ іюлѣ—но побываю на нѣсколько дней; потомъ назадъ въ Петербургъ: что нибудь для себя состроить. Это что нибудь, не иное что, какъ пенсіонъ, который мнѣ хочется для себя выхлопотать. Если же не удастся, то уѣду безъ всего и буду работать музамъ и славѣ, ни мало не заботясь о прочемъ. А съ вами будетъ не нужно ни о чемъ и заботиться. Примусь прилежно за Владиміра и онъ вѣрно дастъ мнѣ гораздо больше состоянія, нежели когда нибудь служба. Надобно мнѣ видѣть здѣсь вблизи, чтобы увѣриться, что служить для пользы невозможно. Для выгоды же служать тѣ, которые имѣютъ особенныя неестественныя способности ее находить,— а слава?

Подалѣ отъ толпы судей,
Пока мы не смѣшались съ ней —
Свобода другъ нашъ благодатный!
Мы независимо, въ тиши
Уютнаго уединенья,
Богаты ясностью души,
Поемъ для музъ, для наслажденья,
Для сердца вѣрнаго друзей!..

Это я повторяю себѣ здѣсь всякую минуту, хотя и окруженъ такими людьми, подлѣ которыхъ *душа легко*, но и они, и я окруженъ Петербургомъ—особеннаго рода магнетизмъ, убивающій всѣ животворныя мысли, необходимыя для настоящей жизни.

Въ этомъ мѣстѣ письма я остановился, началъ курить трубку, между тѣмъ развернулъ Billiothèque britannique и вотъ что въ ней прочиталъ,— какъ нарочно для того, чтобы дополнить сказанное мною: C'est un traité sur notre inconsequence dans nos ésperances. Voulez vous être riche? pense

[1]) т. е. въ Дерптъ.

vous que cet objet unique merite le sacrifice de tous le reste? Eh bien, vous deviendrez riche! Combien d'autres n'y ont pas reussi à force pe peine, de patience, de diligence, d'attention aux plus minutieux articles de depense ou de profit. Mais il faut abandonner les douceurs du loisir, les plaisirs d'une âme tranquille, d'un ésprit libre et dégagé des soupçons. Si vous conservez votre integrité, vous aurez une probité grossiere, une honnetété commune... Il faut fermer votre esprit et votre coeur aux muses et savoir nourrir votre entendement de grosses verités, pour anisi dire, de menage. En un mot vous ne devez plus penser à étendre vos idées, à perfectionner votre goût et raffiner vos sentiments: vous êtes condamné à suivre le sentjer battu sans regarder à droite et à gauche.—„Mais le ne puis plus me soumettre à de telles conditions (dites vous); je me sens l'ame trop élevée"—Eh bien, renoncez—y; mais ne vous tourmentez pas ensuite de ce que vous n'êtes pas devenu riche.—„Et quelle recompense ai—je donc obtenu de mes travaux?"—Quelle recompense! Une ame élevée, libre des agitations, des craintes, des préugés du vulgaire, capable de saisir, d'embrasser les ouvrages des hommes et les oeuvres du Createur; un esprit cultivé, riche, fleuri, plein de ressources, d'amusement et de reflexion; une source inepuisable d'idées neuves, de pensées douces, le sentiment de votre dignité et d'une intelligence superieure! Juste ciel! qu'avez vous donc á regretter?—Все это несравненно разительнѣе здѣсь въ Петербургѣ, въ виду тѣхъ людей, которые лучшими благами жизни жертвуютъ для пріобрѣтенія этихъ ничтожныхъ благъ, которыхъ сумма называется фортуной! Повѣрьте, что это муміи, окруженныя величественными пирамидами, которыхъ величіе не для нихъ существуетъ! кто же захочетъ въ муміи для того только, чтобы имѣть честь быть погребеннымъ въ пирамидѣ! Вы пишете мнѣ: *подумай наконецъ о своей выгодѣ*! Стараться сдѣлать для себя ненужнымъ весь этотъ причетъ пустяковъ и ничтожностей, значитъ думать объ истинной своей выгодѣ. Прежде причиной моего равнодушія къ этому причету было одно чувство, которое наполняло душу и ею исключительно владѣло; теперь къ благодѣтельному этому чувству, которое сберегу, какъ пламень Весты, присоединилась и нѣкоторая опытность.—Богатства мнѣ искать нельзя, я его не найду, да и не считаю его нужнымъ, почести—сущая низость, когда стоишь на той сценѣ, на которой раздается хвала, гулъ шумный и невнятный; быть полезнымъ—эта химера кажется только въ Бѣлевѣ чѣмъ то существеннымъ, здѣсь ее имѣть невозможно—можетъ быть, придетъ такое время, когда она обратится въ существенность; теперь стоитъ только поглядѣть на тѣхъ людей, которые посвятили себя общеполезной дѣятельности, чтобы сказать себѣ, какъ эта цѣль безумна! Будешь биться, какъ рыба объ ледъ и только что себя разобьешь вдребезги, и, что всего важнѣе, убьешь въ себѣ прежде смерти то, что составляетъ твою

жизнь, и останешься до гроба скелетомъ. Итакъ, друзья, изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что я здѣсь постараюсь доставить себѣ только то, что всего мнѣ нужнѣе,—независимость, свободу дѣйствовать въ маломъ кругѣ, дѣйствовать мыслью и душой, не унижая этой дѣятельности разрушительными заботами о завтрашнемъ днѣ. Моя честь, фортуна и все—мое перо. Но чтобы это перо было одушевлено, надобно уйти съ нимъ изъ смертоноснаго петербургскаго климата, переселиться на родину—и я бы давно былъ уже у васъ, когда бы что нибудь для себя сдѣлалъ. Оставлю эту надежду въ перспективѣ.— Здѣсь у меня еще много затѣй на рукахъ, мѣшающихъ мнѣ отсюда убраться. Изданіе сочиненій Муравьева, изданіе своихъ сочиненій, изданіе стихотвореній и прозы, наконецъ приготовленіе матерьяловъ для журнала и учрежденіе его изданія; при всемъ этомъ забота о томъ, чтобы выхлопотать себѣ пенсіонъ, который далъ бы мнѣ *свободу*— кончивъ все это, являюсь къ вамъ, работаю, живу съ добрыми своими товарищами *настоящимъ и будущимъ* (а промежутокъ между настоящимъ и гробомъ Провидѣнію, а не надеждѣ), отдыхаю послѣ труда въ своей, то есть въ вашей семьѣ! *Истинную славу* имѣть буду непремѣнно, потому что *хочу* ее имѣть, а фортуна и счастіе придутъ, если захотятъ—это дѣло не наше.

Что можетъ въ минуту разрушить судьба,
Друзья, то на свѣтѣ не наше!

Но я все болтаю и философствую, а я еще ничего не разсказалъ вамъ о своихъ приключеніяхъ петербургскихъ. Всего разсказывать нѣтъ нужды и неумѣстно и было бы не кстати, но то, что поважнѣе. И такъ слушайте: начну съ описанія моей резиденціи. Живу очень просторно съ Тургеневымъ. Половина верхняго этажа большого дома состоитъ въ нашемъ непосредственномъ владѣніи; у меня четыре большія комнаты; изъ одной прекрасный видъ на Фонтанку и на Михайловскій замокъ и на Лѣтній садъ. Тургеневъ тотъ же старинный другъ и товарищъ, который дѣлилъ со мной молодость. Ни въ характерѣ, ни въ сердцѣ нѣтъ никакой перемѣны; но служба и соединенная съ нею необъятная разсѣянность клюютъ его, какъ воронъ Прометея, и его вся жизнь есть не иное что, какъ безконечная борьба съ этимъ ворономъ, котораго отогнать мѣшаютъ ему его цѣпи, связывающія ему руки. Но мы понимаемъ другъ друга вездѣ и во всякое время. Блудовъ—такъ же товарищъ, прежній знакомецъ молодости, сбереженный посреди свѣта и еще усовершенствованный. Безъ надежды найти въ семействѣ своемъ счастье, онъ нашелъ его, и самое вѣрное, и стоитъ его, и умѣетъ имъ наслаждаться—прекрасное и дивное явленіе посреди Петербурга, счастливая, цвѣтущая *оазисъ* посреди африканской степи. А я, чтобы попасть въ эту *оазисъ*, отбился отъ своего каравана! Нѣтъ, не отбился! онъ у меня въ виду—а этого

и довольно въ самой пустынѣ!—Я назвалъ вамъ двухъ лучшихъ своихъ здѣшнихъ товарищей—третьяго, Батюшкова, здѣсь нѣтъ; я его не видалъ, онъ запропастился въ деревнѣ. Новаго не написалъ онъ почти ничего. Есть одна прекрасная повѣсть: *Домосѣдъ и Странствователь*, писанная слогомъ прелестнымъ, хотя немного длинная. Пришлю, когда будетъ у меня списокъ.—Виноватъ, четвертый въ этой семьѣ избранныхъ есть Кавелинъ—рѣдкая чистота души! Онъ поѣхалъ въ вашу сторону и вамъ должно его узнать. Съ нимъ можете говорить обо мнѣ *все,* и онъ вѣрно все пойметъ въ настоящемъ смыслѣ. Я знаю черты его прекрасныя. Дашковъ—благородный и умный, и чрезвычайно знающій человѣкъ—съ нимъ у меня самая короткая связь, похожая даже на дружбу.

Вотъ люди, съ которыми здѣсь не пусто, а весело и легко. Впрочемъ я не замѣтилъ, чтобы мнѣ здѣсь и съ прочими тяжело было. Выключая минутъ (очень рѣдкихъ) застѣнчивой принужденности (происходящей точно отъ желудка), мнѣ ни съ кѣмъ не скучно. Безъ всякаго усилія надъ собою приношу въ общество самую беззаботную довѣрчивость и увѣренъ, что мнѣ (которому нечего отъ людей ожидать слишкомъ для меня важнаго, которому они не дадутъ ничего драгоцѣннаго, и у котораго имъ совершенно отнять нечего) довѣрчивость во вредъ не послужитъ. Прочія, самыя интересныя знакомства: *Уваровъ*, съ которымъ моя связь еще не имѣетъ для меня самого надлежащей опредѣленности; *Крыловъ*, тонкій человѣкъ подъ видомъ простодушнаго медвѣдя; Оленинъ, маленькій человѣчекъ, *(двѣ строки зачеркнуты)* у него я бываю часто; жена его любезная и ласковая и довольно умная женщина, домъ его есть мѣсто собранія авторовъ, которыхъ онъ хочетъ быть диктаторомъ—въ этомъ домѣ бывалъ и Батюшковъ, котораго мѣсто занялъ теперь я; здѣсь бранятъ Шишкова, и если не бранятъ Карамзина, то по крайней мѣрѣ спорятъ съ тѣми, кто его хвалитъ; (NB. Оленинъ взялся рисовать виньеты для изданія моихъ сочиненій: для 1-го тома *Мемнонъ*, для второго, гдѣ баллады: *древній трубадуръ*, а для третьяго *фантазія*). Самыя же пріятныя мои знакомства между знати: *князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ*, необыкновеннаго ума и весьма благороднаго характера человѣкъ—у него я былъ три раза, но ни разу его не засталъ дома, а познакомился съ нимъ у Уварова и постараюсь поддержать это пріятное знакомство;—*Софья Петровна Свѣчина*, жена Николая Сергѣевича Свѣчина, чрезвычайно милая женщина, лѣтъ тридцати пяти, немного похожая на Карамзину. У нея я былъ одинъ разъ и какъ будто бы вѣкъ были мы знакомы. Она теперь на дачѣ, куда звала и меня, и я скоро туда отправлюсь. Все лѣто проведу на трехъ дачахъ; сначала къ Блудову, у котораго проживу конецъ іюня и половину іюля; потомъ къ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой, а потомъ къ Уварову. Обѣдалъ я одинъ разъ у графа Строгонова—жена его очень любезна

и умна, онъ же показался мнѣ сухъ; отъ спѣси, какъ я подумалъ. отъ застѣнчивости, какъ говорятъ другіе—общее же мнѣніе хорошихъ людей объ немъ есть то, что онъ имѣетъ самый благородный характеръ. Два раза обѣдалъ я у канцлера, который очень хотѣлъ меня узнать и очень обласкалъ. У своего хозяина, князя Александра Николаевича Голицына, котораго здѣсь зовутъ le petit favori, бываю по воскресеньямъ у обѣдни—у него прекрасная домовая церковь.

Въ заключеніе опишу самое интересное: мой визитъ Кутузовой и представленіе къ Государынѣ. Кутузова, узнавши о моемъ пріѣздѣ, требовала, чтобы меня къ ней привезли.—Я по обыкновенной своей дикости, давши ей слово быть къ ней, не бывалъ; она было и разсердилась—это заставило меня, скомкавъ кой-какъ свою застѣнчивость, къ ней ѣхать; пріѣзжаю ввечеру, гостей пропасть, кое какъ рекомендуюсь и дѣло въ шляпѣ. Вдругъ подводитъ она ко мнѣ своего маленькаго внука Опочинина—который, слышавъ, что я къ нимъ буду, струсилъ и спрятался (вообразивъ, что всякій поэтъ по крайней мѣрѣ крокодилъ), но увидя меня въ образѣ человѣка, ободрился.—Его заставили читать мнѣ *Татьяну*, онъ сперва упирался, потомъ зачиталъ и наконецъ ужъ и унять его было нельзя. Признаюсь, въ семьѣ вождя побѣдителей мнѣ было пріятно себя увидѣть. Кутузова (которая отправилась теперь въ чужіе края) дала мнѣ свой альбомъ съ тѣмъ, чтобы я написалъ въ немъ первый и тѣ строфы изъ Новаго пѣвца, въ которыхъ говорю о Кутузовѣ!—„Да нельзя ли что нибудь и экспромптомъ?“—сказала она и начала съ смѣшной размашкою декламировать мои стихи:

Можно ль въ жизни молодой
Сердце мучить ложной тѣнью.

Мнѣ было это пріятно. А признаюсь, сцена эта стоила немного кисти Гогартовой. Я написалъ ей:

Я счастливъ былъ неизъяснимо!
Семью вождя великаго я зрѣлъ,
И то, что я смиренной лирой пѣлъ
Въ честь памяти его боготворимой,
Теперь вдовѣ его дерзаю посвятить!
Дерзаю гордое въ душѣ питать желанье:
Съ воспоминаніемъ о немъ соединить
И обо мнѣ воспоминанье!

Ея дочери очень милы; особливо Анна Михайловна Хитрова, которая еще тѣмъ милѣе, что мои баллады читаетъ съ удивительнымъ, какъ говорятъ, совершенствомъ. У нихъ видѣлъ и княгиню Голицыну, бывшую Всеволожскую, на которую смотрѣлъ съ удовольствіемъ, потому что она, какъ мнѣ показалось въ первую минуту, очень похожа на нашу Марью Алексѣевну.

Теперь о свиданіи съ Императрицею. Уваровъ, на другой день моего пріѣзда, написалъ къ ней, что я въ Петербургѣ, и получилъ приказъ представить меня въ слѣдующее воскресенье. Была пятница; мундира у меня не было; кое какъ накопилъ отъ добрыхъ пріятелей мундирную пару, и мы съ Уваровымъ отправились въ воскресенье во второмъ часу во дворецъ. Дожидались довольно долго, потому что были послѣ обѣдни парадныя аудіенціи, а меня велѣно было представить ей въ ея кабинетѣ. Изъ большой залы, въ которой мы стояли, двери прямо въ этотъ кабинетъ. Вдругъ они отворились—являются великіе князья и проходятъ мимо насъ на свою половину; потомъ опять возвращаются и идутъ къ Императрицѣ и вслѣдъ за этимъ насъ приглашаютъ. Тутъ вы воображаете, что я струсилъ и что сердце у меня заколыхалось—ни мало! Желудокъ мой былъ въ исправности, слѣдовательно и душа въ порядкѣ. Проходимъ въ маленькую горницу;—Уваровъ шелъ впереди — входимъ въ другую; передъ дверьми ширмы — вдругъ изъ за ширмъ говоритъ Уварову женскій голосъ: Bonjour, monsieur Ouvaroff; — это какая нибудь придворная дама, думаю я — иду, предо мной Императрица. За нею, гораздо поодаль, у дверей великіе князья. Разумѣется, началось привѣтствіемъ. Я хотѣлъ было сказать: не умѣю изъяснить Вашему Вел. своей благодарности за Ваши милости,—но исполнилъ это на дѣлѣ, а не на словахъ, потому что *не умѣлъ ничего сказать*, а отдѣлался поклонами. Сначала было довольно трудно говорить—потому что Государыня говорила по русски, не очень внятно и скоро, и я не все понималъ. Уваровъ это замѣтилъ и сказалъ два слова по французски; это заставило ее отвѣчать по французски же, и разговоръ пошелъ очень живо—о войнѣ, о ея безпокойствахъ прошедшихъ и о прошедшихъ великихъ радостяхъ; въ этомъ разговорѣ было для меня много трогательнаго — мать говорила о сынѣ и съ чувствомъ; нѣсколько разъ навертывались у ней на глазахъ слезы. Разговоръ продолжался около часу. Наконецъ мы откланялись. „Мы еще съ вами увидимся“, сказала она мнѣ очень ласково. Вслѣдъ за нами вышли и великіе князья. Уваровъ подошелъ къ Николаю Павловичу и просилъ позволенія меня ему представить. И мы пошли на половину великихъ князей. Вошедши въ прихожую залу, Уваровъ сталъ говорить одному камеръ-лакею, чтобы объ насъ доложить, но В. К. Николай Павловичъ самъ отворилъ дверь и закричалъ намъ: *пожалуйте сюда поскорѣе*. И они проговорили со мной съ полчаса—дѣло шло о томъ удовольствіи, какое сдѣлало имъ позволеніе Императора ѣхать въ армію. Оба красавцы, но Михаилъ Павл., не имѣя той правильности въ чертахъ, какую имѣетъ его братъ, пріятнѣе и живѣе. Великой княгини я не видалъ — она была нездорова. Теперь Государыня въ Павловскомъ. Вѣроятно, что и мнѣ тамъ быть доведется. Я слышалъ послѣ, что она очень благосклонно обо мнѣ говорила.

Изъ всего этого можете вы заключить, что я до сихъ поръ живу весьма разсѣянно—не бойтесь однако! Эта именно разсѣянность болѣе и болѣе привязываетъ меня къ уединенію и занятой жизни! Чувствую тягость ея и пустоту и скоро опять засяду въ своемъ углу съ *подругой—тишиной*. Все это хорошо мимоходомъ; но Боже оборони отъ очарованія. Это—питье Цирцеи, обращающее въ свиней Улиссовыхъ товарищей! Надѣюсь не хлебнуть изъ опасной чаши. Что же касается до обольстительнаго вниманія, которое оказываютъ поэту, то въ этомъ случаѣ надобно, для прохлажденія самолюбія, читать почаще Геллертову басню о зеленомъ ослѣ. Въ большомъ свѣтѣ поэтъ, заморская обезьяна, Ventriloque и тому подобныя рѣдкости стоятъ на одной доскѣ — для каждой изъ нихъ одинакое, равно продолжительное, и равно непостоянное вниманіе. Мое дѣло жить и писать

Для музъ, для наслажденья,
Для сердца вѣрнаго друзей!

Сейчасъ явился ко мнѣ Ал. Павл. Протасовъ съ объявленіемъ, что дѣло о конкурсѣ рѣшено, что здѣшній конкурсъ уничтоженъ, а Бѣлевскій оставленъ. Это дѣло было рѣшено еще прежде, нежели я писалъ первое мое письмо къ вамъ. Но Огаревъ по безпечности не увѣдомилъ объ немъ Тургенева. Я буду просить чтобы въ довершеніи, если какое только нужно, не было остановки.

Простите. Дѣтей цѣлую. Володьковскимъ друзьямъ прошу обо мнѣ вспомнить. Азбукину ни слова, за то, что онъ мнѣ ни слова. Натальѣ Андреевнѣ благодарность за дружеское письмо и уходраніе за нѣкоторыя мрачности, въ немъ заключающіяся. Всѣмъ Бѣлевскимъ поклонъ. Гдѣ Свѣчинъ?—

Voyez donc l'influence de l'air de Petersbourg! Перечитывая мое письмо, я замаралъ то, что написалъ объ Оленинѣ — это была злая фраза! надобно быть осторожнѣе.

Я не сказалъ вамъ о весьма важномъ: съ тетушкою я разстался какъ нельзя лучше, и она пишетъ ко мнѣ очень ласково. *Теперь* я не могу ее обвинять, а за многое ей благодаренъ. Маша мнѣ сказывала, что никогда она такъ много и хорошо не говорила съ ней обо мнѣ, какъ въ то время, когда ей надоѣдалъ Красовскій [1]) — это неизъяснимо! Съ Воейковымъ я ни о чемъ ни слова, хотя онъ и даетъ мнѣ чувствовать *мою несправедливость* въ своихъ письмахъ, но на это онъ отъ меня отвѣта имѣть не будетъ.—У меня есть *мое* сокровище: Машино мнѣніе! Она все знаетъ такъ, какъ оно есть — что нужды до тѣхъ, которые могутъ толковать криво и косо и которыхъ *толки* никакого вліянія на судьбу мою имѣть не могутъ.

Чтобы не описывать два раза одного и того же, начало моихъ

[1]) О немъ см. ниже въ письмахъ Маріи Андреевны.

здѣшнихъ похожденій опишу къ Плещеевымъ и отъ нихъ вы получите это письмо. Теперь право не хочется ни объ чемъ этомъ говорить. Простите. Это письмо и для Мишенскаго и для двухъ Володьковскихъ *моихъ* друзей. Дѣтенковъ обнимаю. Ванькѣ скоро пришлю свой портретъ, который давно заказанъ въ Дерптѣ, но еще по сю пору мнѣ не доставленъ. На всякій случай, чтобы была для меня отдѣлана комната и въ ней шкафы для моихъ книгъ, простые, но крѣпкіе и недосягаемые для мышей, и въ эти шкафы да перенесутся и поставятся книги мои, такъ чтобы я могъ ихъ обрѣсти въ порядкѣ при своемъ пріѣздѣ. Эту заботу возлагаю на моихъ трехъ сестеръ. Что ни говори судьба, а еще весело подумать, что у меня есть прекрасный уголокъ на моей родинѣ.

Шиллера, о которомъ я докладывалъ милости вашей, у меня нѣтъ и я его отъ васъ не получалъ. Прошу прислать. Документы, здѣсь приложенные, возвратить мнѣ неотмѣнно. Вы очень меня огорчите, если этой просьбы не исполните. До тѣхъ поръ и портретъ къ вамъ не поѣдетъ—а портретъ прекрасный.

Въ наказаніе за глупое ваше сожалѣніе, что вы не написали мнѣ ничего въ альбомъ *на память*, посылаю вамъ десять бѣлыхъ листковъ, которые всѣ должны быть исписаны. Можете удѣлить изъ нихъ часть сестрамъ и Еленѣ Ивановнѣ.

Вмѣсто десяти бумажекъ посылаю *одну*, которая (да будетъ) мѣркою—по этой мѣркѣ выкройте, сколько хотите. *Документы* возвратить на слѣдующей же почтѣ.

Часть этого письма—разсказъ о представленіи Императрицѣ — была напечатана въ Русск. Арх. (1865 г. № 7).

Начало письма—благодарность за совѣты, испугъ по поводу собственнаго предложенія — объясняется въ связи съ тогдашними обстоятельствами и настроеніемъ Жук-аго. Вызванный въ 1815 г. друзьями въ Петербургъ изъ Муратовскаго и Долбинскаго уединенія, поэтъ довольно долго относился недовѣрчиво и осторожно къ хлопотамъ и уговорамъ Уварова и Тургенева, сулившихъ ему видное положеніе въ Петербургѣ и составлявшихъ за него планы его будущаго устройства. Онъ рвался душой въ Дерптъ, гдѣ тогда разыгрывались послѣднія перипетіи его сердечной драмы, и, на случай крушенія всѣхъ надеждъ, мечталъ о тихомъ Долбинѣ, гдѣ онъ только что въ прошломъ году вкусилъ цѣлительный покой и гдѣ его ждали горячо любящія сестры, особенно Авд. П—на Кирѣевская. Петербургская атмосфера на первыхъ порахъ скорѣе отталкивала его, чѣмъ привлекала, онъ со страхомъ и нѣкоторымъ отвращеніемъ относился къ мысли о службѣ и все твердилъ друзьямъ, что ему прежде всего и больше всего нужна независимость и свобода творить, не думая о завтрашнемъ днѣ. Среди такихъ обстоятельствъ онъ и предложилъ Авд. П—нѣ, что возьмется за опеку надъ ея дѣтьми. Авд. П—на въ отвѣтъ прислала ему горячее письмо. гдѣ отказывалась принять такую жертву: „вы должны быть *счастливы* въ Дерптѣ,—писала она—или—когда судьба велитъ не такъ — полезны въ кругу, сходномъ съ вашими способностями". Вмѣстѣ съ тѣмъ она совѣтовала ему не торопиться вступать въ службу, которая ими всѣми разсматривалась, какъ отказъ отъ идеальныхъ стремленій, какъ нѣкоторое пониженіе нравственныхътребованій отъ жизни, какъ остановка въ развитіи внутренняго человѣка. „Милый другъ,—пишетъ Авд. П—на — „цѣль одна, прекрасная, возвышенная; на что же бросаться въ толпу, гдѣ ее можно потерять изъ виду?" Этимъ словамъ вторитъ и данное письмо Жук-аго.

III.

(Ноябрь 1815.)—Вы пеняете мнѣ за мое молчаніе, милые мои друзья-сестры, но слава Богу ваши пени не трогаютъ дружбы, и я за это благодарю васъ. Надѣюсь, что никогда до этой святыни пени не дотронутся. Вы спрашиваете, милая Анета, о чемъ вамъ писать ко мнѣ: „все одно и тоже!“ Вы хотите, чтобы я перечиталъ ваши прежнія письма, изъ которыхъ узнаю то, что дѣлается съ вами теперь. Helas! неужели намъ никогда на томъ мѣстѣ не будетъ хорошо, на которомъ мы находимся! неужели вѣчно намъ бѣжать за этимъ недостижимымъ *тамъ*, которое никогда *здѣсь* не будетъ. Изъ вашихъ писемъ, Анета, заключаю, что вы не совсѣмъ довольны своимъ *здѣсь*, что ваше *одно и тоже* вамъ надоѣдаетъ. А я со своей стороны желалъ бы сказать вамъ: прочтите мои *прежнія* письма, чтобы узнать, что со мною дѣлается *теперь*. Мое теперь хуже прежняго, здѣшняя жизнь тяжела, и я не знаю, когда отсюда вырвусь. Ваше *одно и тоже* кажется мнѣ прекраснымъ положеніемъ; работать безъ всякаго разсѣянія, въ кругу *своихъ*, отдѣлясь отъ прошедшаго и будущаго—вотъ чего мнѣ хочется. Вы пишете, чтобы я вамъ о себѣ болѣе разсказывалъ, и что у меня много интереснаго для этихъ разсказовъ, что все, окружающее меня, интересно. Напротивъ. Или *все* меня окружающее ничтожно, или я самъ ничто, потому что у меня ни къ чему не лежитъ сердце, и рука не подымается взяться за перо, чтобы описывать то, что мнѣ какъ чужое. И воображеніе поблѣднѣло—такъ пишетъ ко мнѣ и Батюшковъ. Поэзія отворотилась. Не знаю, когда она опять на меня взглянетъ. Думаю, что она бродитъ теперь или около Васьковской горы, или у Гремячаго, или въ какой нибудь Долбинской рощѣ, несмотря на снѣгъ и холодъ! Когда то я начну ее тамъ отыскивать! А здѣсь она откликается рѣдко, да и то осиплымъ голосомъ.

О Дерптѣ вамъ не хочу писать ни слова. Лучше говорить, нежели писать! но когда же удастся говорить? Авось!.. все еще авось! Если разсказывать, то хоть забавное. Здѣсь есть авторъ князь Шаховской. Извѣстно, что авторы не охотники до авторовъ. И онъ поэтому не охотникъ до меня. Вздумалъ онъ написать комедію и въ этой комедіи смѣяться надо мной [1]). Друзья за меня вступились. Дашковъ напечаталъ жестокое письмо къ новому Аристофану; Блудовъ написалъ презабавную сатиру, а Вяземскому сдѣлался п....ъ эпиграммами. Теперь страшная война на Парнассѣ. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы и всѣ молчали. Городъ раздѣлился на двѣ партіи, и французскія волненія забыты при шумѣ пар-

[1]) „Липецкія воды“, гдѣ Жук-ій изображенъ въ видѣ балладника Фіалкина. Во время представленія Жук. сидѣлъ въ креслахъ и отъ души смѣялся.

насской бури. Всѣ эти глупости еще болѣе привязываютъ къ поэзіи, святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собой. Безпрестанно увѣряюсь, что я написалъ божественныя истины въ моемъ посланіи къ Вяземскому и Пушкину. Нѣтъ ничего презрительнѣе той славы, которой всѣ обыкновенно ищутъ! *Обвитый розами скелетъ* —выраженіе, разительно справедливое. Бѣда писателю, если вздумаетъ имѣть эту безславную славу, эти низкія почести, если у него душа доступна для оскорбленій глупцовъ и невѣждъ. Я благодаренъ этому глупому случаю—онъ болѣе познакомилъ меня съ самимъ собой. Я теперь знаю, что люблю поэзію для нея самой, не для почестей и что комары парнасскіе меня не укусятъ никогда слишкомъ больно. Но я теперь люблю поэзію, какъ милаго человѣка въ отсутствіи, объ которомъ безпрестанно думаешь, къ которому безпрестанно хочется и котораго все нѣтъ, какъ нѣтъ. — Я здѣсь живу очень уединенно; никого, кромѣ своихъ немногихъ, не вижу—и не смотря на это, все время проскакиваетъ между пальцевъ. И этой немногой разсѣянности для меня слишкомъ много. Прибавьте къ ней какую то неспособность заниматься, которая меня давитъ и отъ которой не могу отдѣлаться. — Жестокая сухость залѣзла въ мою душу.

„О рощи! о друзья, когда увижу васъ!“

Но что же, если не удастся сгородить себѣ какого нибудь состоянія? Если надобно будетъ рѣшиться здѣсь оставаться, и служить для того, чтобы чѣмъ нибудь жить—тогда прощай поэзія и все! Авось! Неотвязное слово! Какъ оно теперь для меня мало значитъ, а все не разстанешься съ нимъ!

Послушайте, милая Авдотья, поговоримъ о другомъ авось, о которомъ я здѣсь часто думаю! Вѣдь для нашихъ ребятишекъ нуженъ учитель. Пора думать объ ихъ порядочномъ воспитаніи. Дѣло не объ томъ, чтобъ ихъ сдѣлать скороспѣлками, выучить тому и другому, что они со временемъ забудутъ, а объ томъ, чтобъ ихъ сдѣлать людьми. У меня есть на примѣтѣ два человѣка. Одинъ очень знающій — но молодъ, и я не знаю, согласится ли ѣхать въ деревню; я не говорилъ съ нимъ и не могу еще дѣлать ему предложенія, ибо не имѣю на то согласія вашего; онъ же ищетъ службы; и теперь его здѣсь нѣтъ— онъ въ Дерптѣ. Другой здѣсь и хочетъ ѣхать въ деревню; но вотъ бѣда: онъ не берется учить по латински; онъ берется только образовать для ученія университетскаго и вообще беретъ на себя одно нравственное воспитаніе.—Это и всего важнѣе, ибо науки придутъ сами и скоро — надобно только дать умъ, охоту къ занятію и характеръ. Остальное будетъ легко. Но латынь, латынь необходима! и ей надобно учиться заранѣе. Дерптскій мой знакомецъ и латинистъ, и грекъ, и очень ученъ и добрый малый — но не знаю, захочетъ ли запропаститься въ деревню. Я желалъ бы, чтобы онъ напримѣръ лѣтъ шесть

занялся приготовительнымъ ученіемъ дѣтей; потомъ непремѣнно они должны быть отданы въ университетъ и, если можно, въ нѣмецкій; потомъ года два путешествія; потомъ и служба—и служба, чѣмъ позже, тѣмъ лучше,—чтобы были людьми. Я нынче крѣпко было обрадовался. Вдругъ является къ намъ Тоблѐръ, который воспитывалъ и Тургеневыхъ. Онъ отходитъ отъ Токаревыхъ, и я вообразилъ было, что онъ ищетъ мѣста; но увы—онъ уѣзжаетъ въ Швейцарію.—Итакъ, милая Авдотья, прочитавъ то, что я здѣсь навараксалъ, вооружитесь гусинымъ перомъ и напишите мнѣ, искать ли здѣсь учителя, сколько ему давать (NB дорого, да мило). Весьма было бы хорошо, когда бы я къ вамъ пріѣхалъ самъ-другъ. Но для этого нужно, чтобы у васъ на всякій случай были готовы комнаты въ вашемъ господскомъ домѣ, чтобы все (ваша и моя библіотеки) было въ порядкѣ. Неужели и по сію пору нѣтъ порядка, нѣтъ шкафовъ, нѣтъ помела, нѣтъ добродѣтели и Лизы? Эка шпанска муха!—Шутки въ сторону, прошу написать объ этомъ поболѣе и по обстоятельнѣе. Перестаньте писать узоры.

Скажите мнѣ поболѣе о нашей милой Марьѣ Алексѣевнѣ: вы мало мнѣ объ ней пишете. Отдали ли вы ей мое письмо? Поцѣлуйте за меня у нея ручки. Милой Еленѣ Ивановнѣ кланяюсь дружески. Я увѣренъ, что она помнитъ и любитъ меня, какъ всегда. Что нашъ добрый Pierrot? Что наше пузо Като́? Она ко мнѣ писать разучилась; le grimacier ordinaire совсѣмъ свелъ ее съ ума. Скажите этому кривлякѣ, что я видѣлъ здѣсь Муравьева, который обѣщалъ у меня побывать. Брата его, Александра, я еще не видалъ; онъ у меня былъ, не засталъ меня дома и я позабылъ его адресъ. Обнимаю ихъ обоихъ и съ маленькой неправильной дробью. — Милая Наталья Андреевна, откликнитесь. Иванъ Никифоровичъ, Елизавета Васильевна, преосвященный архіерей! желаю вамъ здравія. Простите, милые друзья! Елена Ивановна дня три, какъ пріѣхала. Гдѣ Марья Николаевна?

Дата устанавливается двумя отвѣтными письмами Авд. П—ны отъ 23 и 27 ноября. Отрывки изъ письма приводятся въ книгѣ Зейдлица.—Pierrot—сынъ Черкасова, Петръ Ив. Като́ — Е. П. Азбукина, ждавшая тогда ребенка. Le grimacier ordinaire—ея мужъ.

IV.

(17 Декабря 1815 г.)—Странная вещь, отчего пишу я къ вамъ рѣдко—самъ не умѣю изъяснить себѣ этого феномена! Не оттого ли, что есть на свѣтѣ *почтовые дни*, въ которые надобно писать непремѣнно! Въ не почтовые дни не пишется оттого, что они непочтовые, а въ почтовые иногда нельзя, иногда и не пишется! Цѣлая кипа передо мною писемъ, и какихъ писемъ! Милыхъ, дающихъ много утѣшенія и заставляющихъ смотрѣть на будущее съ веселымъ предчувствіемъ! Какъ бы желалъ я, чтобы могло *само* писаться, завертываться въ пакетъ, печататься и уходить въ почтамтъ все то, что думаешь и

чувствуешь въ ту минуту, когда получаешь такія письма! Но то-то и бѣда, что прочитаешь и отложишь отвѣтъ до почтоваго дня, а тамъ, лишь только къ столу, вдругъ три или четыре надоѣдалы въ двери— что съ этимъ дѣлать! О Петербургъ, проклятой Петербургъ, съ своими мелкими, убійственными разсѣяніями! Здѣсь право нельзя имѣть души! Здѣшняя жизнь давитъ меня. и душитъ! радъ все бросить и убѣжать къ вамъ, чтобы приняться за доброе настоящее, котораго здѣсь у меня нѣтъ и быть не можетъ! Если бы себя разбирать и вспоминать все то, что здѣсь со мною было, то я увѣренъ, что я не найду ни одного чувства, ни одной мысли, которыя бы оставили какой нибудь слѣдъ въ моемъ сердцѣ. Нѣтъ никакого занятія! Сухое настоящее лишаетъ способности чего нибудь надѣяться въ будущемъ! А непріятное, не оживленное никакой привязанностью разсѣяніе самымъ тяжелымъ образомъ отвлекаетъ отъ всякаго воспоминанія—оно не лѣчитъ, а только даетъ пріемъ усыпительнаго опіума, производящаго тяжелый сонъ, нарушаемый неясными и непріятными сновидѣніями. Если бы не изданіе моихъ стиховъ, которое требуетъ моего присутствія, я все бы кинулъ и полетѣлъ бы къ вамъ за жизнью.

Обвитый розами скелетъ!

Это можно сказать не объ одной славѣ, но и о жизни, то есть о томъ, что называютъ жизнью въ обыкновенномъ смыслѣ, объ этомъ безпрестанномъ движеніи, объ этихъ разговорахъ безъ интереса, объ этихъ свиданіяхъ безъ радости и разлукахъ безъ сожалѣнія, объ этомъ хаосѣ свѣта—скелетъ! скелетъ! И посмотрѣть на него вблизи убійственно даже для самого уединенія! большая часть мечтаній должна погибнуть! То, что дѣлаетъ иногда прелесть уединенія, эта *даль*, населенная прекрасными твореніями, исчезаетъ — но тѣмъ лучше! все сблизишь вкругъ себя, окружишь себя однимъ только своимъ, независимымъ ни отъ чего, и если останешься съ *малымъ*, то по крайней мѣрѣ съ *вѣрнымъ*.

Такъ, друзья, это теперь если не мое *положеніе*, то по крайней мѣрѣ моя философія, моя надежда. Здѣсь у меня нѣтъ *настоящаго*, но возвратясь къ вамъ, я буду имѣть его. Настоящая минута—вотъ жизнь. Я говорю здѣсь не такъ, какъ Горацій, который велитъ ловить летящій мигъ и посвящать его наслажденію, потому что жизнь скоротечна и за собою ничего не оставитъ. Нѣтъ! всякую настоящую минуту (если можно) прекрасному: дѣлу, мысли, чувству. Но чтобы безпокойное стремленіе къ будущему, безпокойная надежда на будущее не тащила изъ этого тѣснаго круга! Пусть будетъ намъ товарищемъ только такое будущее, которое вѣрно, то есть *нездѣшнее*, мыслить объ немъ, какъ о добромъ другѣ, съ которымъ увидишься непремѣнно, но когда и гдѣ, неизвѣстно.—Все это хорошія мысли—но только онѣ для меня точно перелетныя птицы, которыя и гнѣзда согрѣть не успѣваютъ.

Жду лучшаго климата; тогда, надѣюсь, онѣ не улетять. Я теперь странствую въ пустынѣ, въ надеждѣ на обѣтованную землю—но пламенный столбъ рѣдко свѣтитъ, и манна съ неба не падаетъ. Во мнѣ безпрестанный отливъ и приливъ хорошаго, съ тою только разницей, что отливъ продолжается долго, а приливъ на минуту. Я замѣчаю въ себѣ ужасную охладѣлость. Одно только ободряетъ меня: я приписываю ее не внутренней порчѣ души, а всему наружному, что окружаетъ меня; соединяясь со всѣмъ тѣмъ, что было прежде, это морозное, окружающее меня настоящее, приводитъ меня въ совершенную безчувственность; не будь его, надѣюсь, что многое изъ стараго возвратится—я говорю *многое*; всего не хочу. Въ нѣкоторыя минуты однако духъ Божій налетаетъ на меня и какъ будто почувствуешь себя ближе къ вершинѣ горы, но только что отворишь ротъ, чтобы закричать: вотъ Кашемиръ!—и все опять становится темно по старому. По крайней мѣрѣ, я рѣдко позволяю себя грѣшить мыслями! Если чувство молчитъ, то по крайней мѣрѣ мысль, холоднымъ языкомъ своимъ, повторяетъ по складамъ то, что иногда прекрасное чувство представляетъ въ блестящей, очарованной картинѣ. Иначе оно и быть не должно. И прекрасныя чувства, какъ фонари. И между ими должны быть *промежутки*. Пускай же эти промежутки наполняетъ разсудокъ. Вотъ вамъ между прочимъ одинъ яркій фонарь. Карамзинъ потерялъ дочь и вотъ что пишетъ онъ къ Тургеневу, очень скоро послѣ этого несчастія. Здѣсь говоритъ твердый умъ, но умъ добраго отца, оплакивающаго дочь. „*Жить* есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать, дѣйствовать, любить добро, возвышаться душею къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, не исключая и моихъ осьми или девяти томовъ. Чѣмъ долѣе живемъ, *тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея:* страсти должны не счастливить, а разработывать душу. Сухой, холодный, но умный Юмъ въ минуту невольнаго живаго чувства написалъ: douce paix de l'ame resignée aux ordres de la Providence! Мало разницы между *мелочными* и такъ называемыми важными *занятіями:* одно внутреннее побужденіе и чувство важно. Дѣлайте что и какъ можете: только любите добро; а что есть добро, спрашивайтесь у совѣсти".—Эти строки возвышаютъ душу и даютъ ей большую твердость и ясность. Карамзинъ въ минуту горести и самой тяжелой, въ минуту сокрушенія о дочери, говоритъ, что онъ понимаетъ жизнь. Великій учитель несчастіе! Не страсти, а несчастіе разработываетъ душу! Внутреннее побужденіе и чувство — вотъ тайна жизни! тайна, извѣстная только двумъ: дѣйствующей душѣ и свидѣтелю ея, Богу! Вотъ общество, въ которомъ жить должно! здѣсь нѣтъ ни разлуки, ни измѣны, и какъ мало нужно посторонняго, чтобы прибавить къ услажденіямъ такого общества! Но какъ же трудно быть въ немъ безпрестанно! Уединеніе, милый кругъ, постоянный трудъ—вотъ самые

вѣрные хранители этого общества! Я согласенъ: быть въ немъ посреди разсѣяній свѣта, сохранить свѣжую душу въ этой убійственной атмосферѣ—увеличитъ наше достоинство! но на свой счетъ себя не должно обманывать! У кого есть силы, тотъ давай себѣ волю и пробивайся сквозь трудныя препятствія: трудности только прибавятъ къ силѣ! Кто-же не имѣетъ силъ, кто знаетъ на опытѣ, что не имѣетъ, тотъ убѣгай такой борьбы, въ которой можешь остаться побѣжденнымъ и потерять послѣднее! Къ той же цѣли, но *другой* дорогой! Я знаю, что мнѣ разсѣянная жизнь—убійство; чтобы не потерять всего, надобно мнѣ уединеніе и трудъ (уединеніе, не одиночество), тамъ уже ничто не вырветъ изъ *святаго общества!* Удастся ли имѣть это, не знаю! Но вотъ все, что мнѣ надобно. И это *все* тамъ у васъ! Молите Бога, чтобы я поскорѣе къ вамъ вырвался. — Между тѣмъ вы прельщаете меня прекрасными описаніями вашихъ *обытованныхъ земель.* — Милая Катошка съ своимъ пузомъ! Напрасно она думаетъ, что я рѣдко помню объ ней! Правда она говоритъ: *послѣ мужа моего я никого столько не люблю и не почитаю какъ его,* то есть меня. Это на ея лаконическомъ языкѣ, совсѣмъ незнакомомъ съ риторическими фигурами, стóитъ цѣлой диссертаціи о дружбѣ и я вѣрю ей съ благодарностью! Подавайте мнѣ на руки ея милаго ребенка! Встрѣтимъ вмѣстѣ это новое твореньe на Божьемъ свѣтѣ и поживемъ вмѣстѣ, рука въ руку—тихое, ясное, *незатѣйливое настоящее,* украшенное не мечтами, а добрыми мыслями и, если можно, добрыми дѣлами (notez, что всякое хорошее сочиненіе, въ которомъ есть возвышающая сердце мысль, я причисляю къ добрымъ дѣламъ—иначе что мнѣ дѣлать въ вашемъ кругу?) будетъ наше! Погодите, друзья, пріѣду къ вамъ и мы непремѣнно устроимъ, какъ можно лучше, жизнь свою!

Въ отвѣтъ вамъ, милая Авдотья, на вашъ запросъ о томъ, какъ получить дворянство, скажу слѣдующее: Азбукинъ, какъ владимірскій кавалеръ, есть уже дворянинъ, ему нужно только представить въ геральдію свой рескриптъ на крестъ и получить дипломъ и гербъ. Я объ этомъ справлялся, а не отвѣчалъ такъ долго на этотъ пунктъ потому только, что самъ не получалъ отвѣта. Прилагаю форму той просьбы, которую должно подать въ геральдію. При этой просьбѣ надобно будетъ приложить 150 р. на учрежденныя издержки. Сверхъ того дипломъ, парча, которой онъ украшается, печать и еще какой то серебряный ковчегъ будутъ стоить около 800 рублей. Прикажите этому господину лѣнтяю разсчесться и, если имѣетъ деньги въ готовности, присылать ихъ сюда при просьбѣ. Все тотчасъ будетъ сдѣлано. Выдумайте сами гербъ, если хотите, онъ будетъ нарисованъ по вашей мысли и утвержденъ. Думаю, что при просьбѣ должно представить, если нѣтъ рескрипта, аттестатъ и послужной списокъ въ оригиналѣ; у себя же оставить на всякій случай копію, засвидѣтельствованную присутственнымъ мѣстомъ. Если хотите за это приняться, то не откла-

дывайте, чтобы все сдѣлать, пока я въ Петербургѣ. Впрочемъ все можно будетъ поручить Кавелину, онъ аккуратнѣе меня.—Вамъ, милая Анета, доложу, что я получилъ деньги за подписку и благодарю васъ за милыя обо мнѣ хлопоты. Нельзя мнѣ похвастать, чтобы подписка была хороша; если и всѣ 600 экземпляровъ разойдутся, то мнѣ за всѣми расходами, едва ли останется 5000 рублей. — Между тѣмъ я здѣсь живу и впередъ трачу неполученныя деньги. Но объ этомъ заботиться нечего. Только бы переселиться къ вамъ—начну работать и откладывать. Расходы же мои будутъ незатѣйливые. Нѣсколько лѣтъ уединенной, порядочной, занятой жизни приведутъ все въ устройство. Теперь, кажется, нельзя думать, чтобы въ образѣ жизни моей могла произойти какая нибудь перемѣна. Работа и святое одно и тоже—это кажется легко, изъ за этихъ границъ ни шагу. Экземпляры, думаю, лучше всего доставить на ваше имя. Не знаю, однако, приметъ ли почтамтъ, увидимъ.—Объ Сергѣевѣ я справлялся, мнѣ сказали, что никакъ невозможно ему перешагнуть черезъ чинъ. Если бы я имѣлъ возможность, разумѣется, что я постарался бы это сдѣлать, но этой возможности у меня нѣтъ. Если не вы, то по крайней мѣрѣ въ Бѣлевѣ думаютъ, что я здѣсь что нибудь значу! Мой кругъ знакомства весьма ограниченный; а съ могущими людьми я совсѣмъ не имѣю связей.—Вы пишете о дѣлѣ Карла Яковлевича; то, чего онъ желалъ, исполнено: конкурсъ переведенъ въ Бѣлевъ. Теперь уже совсѣмъ другое дѣло. Надобно, чтобы пенька, принадлежащая умершему, выдана была повѣреннымъ отъ конкурса. Я посылалъ за тѣмъ человѣкомъ, который здѣсь ходитъ по ихъ дѣламъ: онъ сказывалъ, что вся остановка только оттого, что еще не получена отъ опекуновъ малолѣтнихъ просьба о выдачѣ задерживаемой пеньки; какъ скоро получится просьба, и что по этой просьбѣ сдѣлано будетъ, онъ обѣщалъ меня увѣдомить. A présent, revenons á vous, mon cher et très cher mouton, Eudoxie.—Я пожурилъ васъ немного на счетъ вашихъ писемъ въ Дерптъ и вы признались въ винѣ своей и дали обѣтъ воздерживать себя отъ такихъ писемъ! Этотъ обѣтъ надобно исполнить непремѣнно! надобно помнить разстояніе. Не давайте надъ собою воли минутамъ и не воображайте, что можно перемѣнять характеры письмами. Машѣ вы вѣрите, а отъ другихъ можно ли надѣяться искренности! Не давайте даже воли своей живости—вы знаете, что все живое тамъ причтено къ романамъ! Между тѣмъ, нельзя опять съ вами не побраниться! Сперва надобно вамъ разсказать, что здѣсь въ Петербургѣ былъ Воейковъ по собственнымъ дѣламъ своимъ, а еще болѣе потому, что онъ хотѣлъ объясниться съ Кавелинымъ и со мною. По многимъ отношеніямъ этотъ пріѣздъ благодѣтеленъ. Я обо многомъ говорилъ съ нимъ искренно и *онъ во многомъ признался, во многомъ себя обвинилъ:* онъ поѣхалъ отсюда, давши святое обѣщаніе перемѣнить свой образъ обхожденія и стоить своею жизнію друзей своихъ! Чтобы онъ могъ это

исполнить, надобно непремѣнно все старое забыть и имѣть къ нему довѣренность на счетъ будущаго! Эта довѣренность дастъ силы для хорошаго; и ему *все* тѣмъ легче будетъ исполнить, что меня съ ними никогда не будетъ вмѣстѣ: это было до сихъ поръ главной причиной всѣхъ подозрѣній и раздоровъ. И такъ требую отъ васъ такого же забвенія прошедшему и такой же довѣренности на счетъ будущаго: эта помощь необходима Воейкову! чтобы заслужить уваженіе, ему надобно на него надѣяться. Противное только будетъ раздражать и все портить. А побраниться съ вами или лучше объясниться хочу о слѣдующемъ: Воейковъ сказывалъ мнѣ, что вы предлагали имъ 3000 за того человѣка, котораго они отпустили или отъ себя прогнали.

(Конецъ письма утраченъ).

Настроеніе этого, какъ и предыдущаго письма объясняется неопредѣленностью положенія Жук-аго, недовольнаго петербургской атмосферой и не желавшаго упрочивать свое будущее службой, а главное тѣмъ, что на эти мѣсяцы падаетъ самый тяжелый періодъ его любви. Въ ноябрѣ М. А. Протасова сообщила ему о своемъ рѣшеніи идти за Мойера; Жук-ій представилъ себѣ, что она идетъ противъ желанія, приноситъ себя въ жертву для защиты семьи отъ Воейкова (что отчасти и было правдой; Жук-ому заочно, только по письмамъ трудно было сразу понять сознательность и глубокую убѣжденность этого шага, облегченнаго для М. А. довѣріемъ и уваженіемъ къ Мойеру и его сильнымъ и чистымъ къ ней чувствомъ). Весь ноябрь и декабрь прошли въ напряженной перепискѣ, гдѣ горѣло страстное чувство Жук-аго и перегорало въ чистую, братскую привязанность; переписка эта уже опубликована была въ Русск. Старинѣ 1883 г. Прибавляемыя здѣсь къ ней письма этого періода полнѣе очерчиваютъ состояніе души поэта. Въ данномъ декабрьскомъ письмѣ есть намекъ на роль Авд. П—ны въ этомъ дѣлѣ. Горячо любившая и Жук-аго, и Марью Андреевну, близкій повѣренный всѣхъ ихъ чувствъ, Авд. П-на огорчалась неудачей ихъ любви и ей больно было отказаться отъ всѣхъ надеждъ; ея письма въ Дерптъ тревожили и огорчали, попадая не въ тонъ уже измѣнившимся обстоятельствамъ, и усиливали тяжесть на душѣ М. А., которой и безъ того нелегко было принять ея героическое рѣшеніе.

V.

(Іюль 1817 г.)—Благословляю васъ отъ всего сердца, милая сестра! Ich hörte, aber erstarte nicht, und kann nichts erwiedern. Милая, я ждалъ этой вѣсти. Назадъ тому два дня получилъ я письмо отъ Карла Яковлевича, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня въ двухъ словахъ о вашей свадьбѣ. И первое мое движеніе по какому то вѣрному предчувствію была радость. Мнѣ говоритъ какой то голосъ и говоритъ такъ, что не могу ему не повѣрить: она будетъ счастлива! И съ тѣхъ поръ, какъ знаю объ этомъ, я совершенно спокоснъ насчетъ васъ. До сихъ поръ вы были жертвою всего, и страданія всякаго рода отъ васъ не отставали—теперь должна настать другая эпоха, вознагражденія и тихаго наслажденія жизнію въ семьѣ своей. Этого наслажденія вамъ было имѣть невозможно безъ товарища-защитника. И Богъ его привелъ къ вамъ такого, какого вамъ надобно, съ душою, могущею вамъ знать цѣну. И въ какую минуту! Милая! Не правда ли, что это нѣкоторымъ образомъ благодѣяніе Катоши! Надобно было ей умирать и страдать, чтобы прекрасное сердце передъ вами обнаружи-

лось. Милая, эта безцѣнная, успокаивающая мысль о вашемъ счастіи точно добрый геній. Теперь ужъ не буду воображать васъ окруженной тяжелыми заботами, одинокой посреди тысячи убійственныхъ, хотя мелкихъ непріятностей—у дѣтей вашихъ твердая подпора; у васъ счастіе—и это счастіе Богъ сбережетъ! Оно куплено дорого! а кто больше васъ достоинъ счастья? Нѣтъ на свѣтѣ души возвышеннѣе, лучше вашей—это мой символъ вѣры. А тотъ, кто будетъ умѣть васъ счастливить, будетъ уже все имѣть на свѣтѣ. Что за вопросъ вы мнѣ дѣлаете: Si j'approuve votre conduite! 8 мѣсяцевъ, проведенныхъ вмѣстѣ и въ какихъ обстоятельствахъ—это жизнь! слышать отъ васъ о томъ человѣкѣ, съ которымъ вы навсегда соединены: je l'aime autant qu'on peut aimer! это восхитительно! въ этомъ представляется мнѣ что-то необыкновенно прекрасное. Теперь знаю то мѣсто на землѣ, гдѣ земная жизнь можетъ назваться жизнію: когда говорите о счастіи вы, тогда я представляю себѣ все прекрасное, соединенное съ этимъ словомъ! и это счастіе вѣрно! Продолженіе его оставимъ тому Провидѣнію, которое привело это счастіе къ вамъ надъ гробомъ сестры вашей какъ будто для того, чтобы сказать вамъ самымъ понятнымъ языкомъ, что оно все хранитъ и за все награждаетъ.—Простите, милая! Обнимите за меня вашего мужа! вы такъ заспѣшили, что и не назвали его въ письмѣ своемъ, и я бы долженъ былъ играть нѣсколько времени роль Эдипа, если бы не получилъ заранѣе письма отъ Карла Яковлевича! Я увѣренъ, что вашъ мужъ меня уже любитъ—какое счастіе будетъ увидѣться съ вами! Но какъ больно не быть у васъ въ эту минуту! Oui, je dirai, mais je dirai avec la plus tendre reconnaissance: votre lettre a été trop longue pour un jour comme celui la: Писать ко мнѣ и писать такъ много и въ какую минуту! Знаете ли, что вы никогда такъ сильно не доказывали мнѣ дружбы вашей! Милая, добрая и (слава Богу!) счастливая сестра моя! я обнимаю васъ отъ всего сердца! Мнѣ неизъяснимо весело вообразить Ваню и Петрушу и Машу теперь подлѣ васъ, веселыхъ и счастливыхъ вашимъ счастіемъ! И теперь всѣ вы вмѣстѣ! Но растолкуйте мнѣ, по какому случаю ни Маши, ни тетушки нѣтъ съ вами въ день вашей свадьбы! Я жду отъ васъ длиннаго письма—отъ нихъ же ничего не дождешься! ни Саша, ни Маша, ни тетушка съ самого отъѣзда не написали ко мнѣ ни строки! Что у нихъ дѣлается? Нѣтъ ли опять какихъ нибудь споровъ? Напишите, милая, и особенно напишите о Плещеевѣ! Вообразите досадное мое положеніе—сколько святыхъ причинъ къ вамъ пріѣхать, а я долженъ оставаться здѣсь! Глупое благоразуміе велитъ мнѣ быть неподвижнымъ. Что же дѣлать! О Плещеевѣ не знаю ничего, и это меня мучитъ! Знаю, что онъ сбирается въ Петербургъ—и только! но когда и каковъ онъ?.. Напишите объ немъ поподробнѣе! Одна изъ самыхъ тяжелыхъ жертвъ, принесенныхъ мною обстоятельствамъ, есть то, что я къ нему не поѣхалъ. Я знаю, что мое при-

сутствіе было бы для него благодѣяніемъ, и долженъ былъ себѣ въ этомъ отказать! Между тѣмъ мое ничто еще не рѣшилось—и, можетъ быть, все попустому! Какъ бы то ни было, но мы увидимся скоро. По крайней мѣрѣ не позднѣе сентября. Если мнѣ нельзя будетъ ѣхать тотчасъ, то ужъ не прежде отсюда поѣду, какъ дождавшись здѣсь Плещеева: увидѣть его для меня точно необходимо! —Простите, милая! Пишу къ вамъ безпорядочно, оттого что спѣшу. Ваше письмо захватило меня на самомъ отъѣздѣ въ Петербургъ. И слава Богу, что оно захватило меня—радость двумя днями ранѣе. Обнимаю васъ, и мужа вашего, и дѣтей.

Изъ письма видно, что оно писано какъ разъ во время свадьбы Авд. П-ны Кирѣевской съ А. А. Елагинымъ; это опредѣляетъ дату письма—свадьба была въ іюлѣ 1817 г. Слова Жук-аго о Машѣ и Сашѣ объясняются такъ: этимъ лѣтомъ всѣ Дерптскіе пріѣхали въ Муратово,—и Мойеры, и Воейковы, и Екат. Аѳан.—но на свадьбѣ не были, потому что Елагинъ рѣшилъ обвѣнчаться въ Козельскѣ безъ всякой пышности и съѣзда гостей и родни. Изъ письма видно также, что Кирѣевская и Елагинъ сблизились по поводу болѣзни и смерти сестры Авд. П-ны, Екатер. Петр-ны Азбукиной. Слова Жук-аго о Плещеевѣ объясняются тѣмъ, что послѣдній только что потерялъ жену, (Анну Ивановну, близкаго друга и Жук-аго, и Авд. П-ны.) Самъ Жук-ій не могъ пріѣхать на свадьбу потому, что какъ разъ лѣтомъ рѣшался вопросъ о его приглашеніи учителемъ къ Велик. Княг. Александрѣ Ѳедоровнѣ. (Первая его лекція ей состоялась 22 октября.)

VI.

(Москва, Ноябрь—Декабрь 1817 г.) Милая Дуняша, посылаю вамъ шестьдесятъ рублей. Передайте ихъ, прошу васъ, Ивану Ильичу Вешнякову. Я отпустилъ Максима, который будетъ жить въ Бѣлевѣ у своей сестры, получая отъ меня по десяти рублей въ мѣсяцъ. Посылаю деньги на полгода. Отдайте ихъ немедленно Вешнякову. Максима же прошу васъ не оставлять въ нуждѣ, а безъ нужды не балуйте его. Пусть живетъ своимъ трудомъ. Отъ меня имѣетъ помощь. Писать болѣе некогда. Сашку цѣлую и благодарю за счастливыя родины. Что ей счастье, то и мнѣ. Обнимаю васъ всѣхъ. Отъ Воейкова узнаете обо мнѣ болѣе. Простите.

Эта записка, совсѣмъ не датированная, пріурочена къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1817 г. на основаніи словъ: „Сашку цѣлую и благодарю за счастливыя родины“ и ниже: „Отъ Воейкова узнаете обо мнѣ болѣе“. Осенью 1817 г., когда Жук-ій жилъ въ Москвѣ, только что начавъ свои занятія съ Велик. Княгиней, А. А. Воейкова родила вторую дочь въ деревнѣ у Елагиныхъ; въ декабрѣ къ ней пріѣхалъ мужъ, видѣвшійся проѣздомъ черезъ Москву съ Жук-имъ. Выраженіе: „я отпустилъ Максима“ нельзя толковать какъ освобожденіе одного изъ извѣстныхъ двухъ Максимовъ Жук-аго отъ крѣпостной зависимости; объ отпускѣ его на волю Жук-ій пишетъ въ январѣ 1823 г., послѣ отпуска людей Попова. (См. ниже объ этомъ.) Вешняковъ—управляющій Елагиной.

VII.

(Ноябрь 1818 г.)—Милая Дуняша, что съ вами сдѣлалось? Сколько времени не знаемъ мы ничего другъ о другѣ. Не понимаю нашей лѣни. Моя лѣнь, по крайней мѣрѣ на эту пору, имѣетъ какую то тѣнь при-

чины; я отложилъ писать ко всѣмъ до окончанія одной скучной работы, которая остановила у меня все: и поэзію, и порядокъ, и которая одна теперь составляетъ, такъ сказать, мою жизнь — смѣшно назвать эту работу, но оно такъ, и я до тѣхъ поръ ничего не буду дѣлать, ни о чемъ другомъ не буду заботиться, пока не кончу начатыхъ давно своихъ *грамматическихъ таблицъ*, которыя скоро кончатся—тогда гора свалится съ плечъ; я опять сдѣлаюсь поэтомъ, опять начну къ вамъ писать порядочно. Теперь у меня лежитъ множество писемъ, ожидающихъ отвѣта, много плановъ въ головѣ, ожидающихъ созданія; вы у меня въ перспективѣ; вырвавшись изъ этихъ таблицъ, какъ изъ клѣтки, скажу друзьямъ и поэзіи: *я ваша снова!* До тѣхъ поръ потерпите! Но вы, милая, не имѣя грамматическихъ таблицъ, но имѣя мужа, дѣтей, которыхъ люблю, какъ можете молчать. Дивлюсь вамъ съ горемъ пополамъ. Дайте же о себѣ вѣсточку. En attendant вотъ вамъ стихи, произведеніе минуты, *мимопролетьвшей,* слѣдовательно, вамъ не должно выводить изъ этой пѣсни никакихъ заключеній. Она написана для Вадковской, которая и лицомъ, и голосомъ (когда поетъ) похожа на Анну Ивановну[1]). Натурально, что съ этимъ лицомъ и съ этимъ голосомъ тѣсно связано прошлое. Но не думайте, чтобы настоящее было дурно: я имъ доволенъ. Въ моемъ теперешнемъ положеніи много жизни; и я нахожу его часто прекраснымъ, точно по мнѣ. Однимъ словомъ, вообще не желаю перемѣны; и воспоминанія прошедшаго не иное что, какъ сонъ, который слѣда не оставляетъ, который *дѣйствуетъ* только по тѣхъ поръ, пока *длится* — и этотъ сонъ рѣдокъ; настоящее хорошо. Послѣ такого предисловія читайте смѣло:

(*Слѣдуетъ стихотвореніе:* Минувшихъ дней очарованье).

Этотъ край[2]) — Чернь! Но въ Долбинѣ есть жилецъ говорящій, краснорѣчивый, милый, къ которому много прекраснаго спаслось и при которомъ оно живетъ, какъ въ обѣтованномъ краю. Этому жильцу дай Богъ долѣе пожить на этомъ свѣтѣ, чтобъ быть сторожемъ моего лучшаго добра.

Но онъ былъ худой сторожъ моихъ книгъ. Такъ, матушка Авдотья Петровна! Ужъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ я перебрался на новую свою квартиру и вынулъ изъ ящиковъ, вами присланныхъ, мои книги. Множество не достаетъ. Я увѣренъ, что цѣлый ящикъ не посланъ; но гдѣ онъ, не знаю. Вотъ реэстръ недостающаго, то есть то, что я *замѣтилъ:* многихъ книгъ не помню.

Carricaturen von Hogarth . . . 9 тетрадей.
Erklärungen von Hogarth . . . 2—7 прислано.
Lessings Schriften самъ не знаю, сколько, но около 20.

---

1) Плещееву, умершую въ 1817 г.
2) Въ стихахъ говорится: „Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится, гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ“...

Oeuvres de Louis XIV	7	—одинъ присланъ.
Théâtre des Grecs	9	—4 у меня.
Repertoire du Théâtre français. .	20	—3 у меня.
Théâtre de Senèque	1	—1 присланъ.
Fabellese	1	—1 присланъ.
Bossuet Oraisons funebres . . .	2.	
Heerens über den Verkehrs . .	3.	
Lettres athéniennes	3.	
Tacite	3	—2 присланы.
Hume History of England . . .	3	—2 присланы.
Gibbon	7	—7 присланы.
Roscoe Vie de Laurent Medicis .	2.	
Gillis History of Greece . . .	5.	
Gast History of Greece. . . .	2.	
Hubler Allgemeine Geschichte. .	3	—2 присланы.

Нѣсколько Атласовъ, д'Анвилевъ и новый, сколько ихъ было, не помню.

Поищите все это и пришлите. Объ пересылкѣ прошу васъ условиться съ Букильономъ и послать зимнимъ путемъ съ лошадьми Плещеева. Когда кончу таблицы, буду писать много; напишите объ этомъ и къ Анетѣ, о которой такъ же ничего не знаю. Хорошъ я, и хороши мы.—Простите, друзья, всѣхъ цѣлую: Алексѣя, Петра, Ивана, Василія, Машу—Василья и Дуньку [1]). Богъ съ вами. И немногіе отъ таблицъ примолкли.

Письмо безъ даты; къ 1818 г. отнесено потому, что въ концѣ есть упоминаніе о Василіи, первомъ сынѣ Авд. П—ны отъ Елагина (В. А. Елагинъ родился въ 1818 г.), а также потому, что грамматическія таблицы Жук-ій составлялъ для Велик. Княгини именно въ 1818 г. Ноябрь поставленъ по соображенію съ письмомъ Жук-аго къ И. И. Дмитріеву отъ 22 ноября 1818 г.; тамъ Жук-ій говоритъ по поводу задержки въ печатаньи книжекъ: „Для немногихъ“ „Этому однако причина не лѣнь, а грамматическія занятія, сухія и не поэтическія. Кончивъ эту работу, сдѣлаюсь свободенъ и поэзія авось воскреснетъ“ (Соч. изд. VII, т. VI, стр. 429). Почти буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ говоритъ Жук-ій о своихъ занятіяхъ и въ данномъ письмѣ къ Авд. П—нѣ.

Въ текстѣ стихотворенія нѣтъ отличій отъ печатнаго (Сочин. изд. IX, I, 489), но данное письмо заставляетъ перенести эту пѣсню изъ 1816 г. въ 1818-й и пріурочиваетъ ее къ опредѣленной личности.

VIII.

(Послѣ 15 окт. 1819 г.) —Милая Дуняша, пишу къ вамъ изъ Дерпта, гдѣ я уже двѣ недѣли. Черезъ три дня отсюда ѣду; и надѣюсь опять сюда пріѣхать въ декабрѣ. Прежде никакъ не будетъ возможно. И такъ, милая, если и вы сюда соберетесь, то не иначе, какъ

[1]) Первыя пять именъ означаютъ: мужа Авд. Петр. А. А. Елагина, трехъ дѣтей отъ Кирѣевскаго и сына Василья отъ второго брака; Василій и Дунька — Азбукинъ и его маленькая дочь.

въ декабрѣ. Можетъ, тогда проведемъ мѣсяцъ вмѣстѣ. Увѣдомьте, прошу васъ объ этомъ, чтобы я имѣлъ заранѣе веселую надежду. Посылаю вамъ три отпускныя, которыя перешлите немедленно къ вашему супругу; а если онъ уже въ Москвѣ, то попросите его повѣрнѣе доставить въ Бѣлевъ моему Максиму. Въ концѣ года пришлю Максиму и деньги, которыя ему слѣдуютъ.

О себѣ не могу ничего сказать вамъ добраго. Жизнь бредетъ, не оставляя слѣдовъ. Не знаю, чѣмъ вывести душу изъ того состоянія ничтожества, которое овладѣло ею, которое минутами проходитъ, но часто возвращается. Простите... до свиданія! не такъ ли?

Записка безъ даты. Въ 1819 г. въ декабрѣ Жук-ій дѣйствительно прожилъ въ Дерптѣ почти мѣсяцъ (31 дек.—20 янв. 1820 г.), какъ это явствуетъ изъ „Остафьевскаго Архива“ (I, 383). Но изъ того же источника видно, что онъ 1—15 окт. пробылъ въ Гатчинѣ. Раньше же отнести записку трудно потому, что письмо Авд. П—ны, гдѣ есть увѣдомленіе о деньгахъ для Максима, датировано 15 ноября. Слова Жук-аго: „О себѣ не могу сказать ничего добраго“ повидимому скрываютъ въ себѣ опредѣленный смыслъ. Въ 1819 году Жук-ій не разъ жалуется въ перепискѣ съ Елагиной и съ Зонтаг на душевную сухость, на омертвѣніе и повторяетъ съ удареніемъ, что истинное счастье только въ семьѣ. Изъ писемъ къ нему Авд. П—ны видно, что (въ несохранившихся его письмахъ этого года) онъ высказывался болѣе опредѣленно о не разъ мелькавшей передъ нимъ надеждѣ на бракъ. Въ мартѣ Авд. П—на съ восторгомъ говоритъ о дошедшемъ до нея слухѣ, что Жук-ій женится на Софьѣ Ник. Карамзиной, дочери историка. Слухъ не подтвердился. Въ ноябрѣ она, получивъ отъ него (не дошедшее до насъ) письмо съ новымъ извѣстіемъ, пишетъ, что съ нѣжностью мечтаетъ видѣть его отцемъ, живущимъ въ тихомъ кругу семьи, и прибавляетъ: „O mon bon frère, s'il faut que nous renoncions á cette *nouvelle espérance*, revenez parmi nous! А нѣсколько ниже: „Напишите намъ, что у васъ дѣлается, и эта намъ родная, какъ вы говорите, точно и *родная* по сердцу. Если она поступитъ не такъ, какъ мы ожидаемъ, то чуть ли не чужая она намъ. Милый братъ! ne nous tenez pas en suspend! — Предметомъ *nouvelle espérance*, можетъ быть, слѣдуетъ считать граф. Самойлову. (См. примѣчаніе Ефремова въ II т. 9-го изд. стр. 555).

IX.

(Берлинъ, 1821 г. 14/26 февраля.)—Милый другъ Дуняша! Какъ давно это милое имя не было мною написано на бумагѣ, то есть не было переписано изъ души на бумагу! Но ни рука не отвыкла его писать, ни душа—его понимать и любить. Когда на сердцѣ ясно, когда думаешь о добромъ или прекрасномъ, моя семья товарищей передо мною и ваше лицо ярко свѣтится въ этой милой семьѣ. Можетъ быть, я бы еще и долго не писалъ къ вамъ: я сбирался писать съ дороги. Но теперь писать надобно, un interet de coeur fait taire ma paresse. Вотъ въ чемъ дѣло, душа моя! Я получилъ здѣсь въ Берлинѣ отъ Малиновскаго препорученіе отыскать воспитательницу для его дочери. Прилагаю въ спискѣ тѣ условія, которыя онъ отъ себя предлагаетъ и которыя могутъ послужить для васъ масштабомъ. Я просилъ здѣсь M-lle Wildermeth (воспитательницу Великой Княгини, прекрасную душой и характеромъ, съ которой я par parenthèse друженъ) написать въ Швейцарію. Вотъ отвѣтъ, который она получила изъ Rolle отъ M-me Trembley; прилагаю его въ оригиналѣ. Описаніе M-me Danse

меня плѣнило. Списокъ съ письма M-me Tremblay посылаю на этой же почтѣ къ Малиновскому; но оригиналъ спѣшу отправить къ вамъ. Характеръ этой женщины кажется мнѣ всего приличнѣе для васъ: Машѣ нужно наконецъ имѣть воспитательницу, Дунюшкѣ такъ же; M-me Danse можетъ годиться для обѣихъ. Это одно изъ трудныхъ дѣлъ — найти представителя матери для дочерей; я воображаю, что эта женщина, испытанная несчастіемъ, исполненная талантовъ, будетъ способна имѣть къ вамъ ту дружбу, которой вы стоите; это будетъ для нея счастіемъ, и воспитаніе вашихъ дѣтей обратится для обѣихъ васъ въ одно наслажденіе. Принять въ домъ воспитательницу дѣтей есть одно изъ важнѣйшихъ происшествій жизни. Одно изъ двухъ: или примешь къ себѣ *наемницу,* которая, съ холоднымъ сердцемъ, будетъ только лишнее лицо въ семьѣ, будетъ брать деньги, и дастъ одно только сухое знаніе вещей, ненужныхъ, если они не сольются посредствомъ чистой, сердечной нравственности съ жизнью и не обратятся въ причину или въ замѣну счастія;—*или примешь къ себѣ друга,* который принесетъ въ домъ новыя понятія, новыя чувства, оживитъ кругъ семьи своимъ нѣжнымъ участіемъ, будетъ всѣмъ дѣлиться, изъ благодарности за дружбу дастъ благодѣтельное просвѣщеніе, и будучи образователемъ дѣтей будетъ въ тоже время и товарищемъ, часто благодѣтельнымъ, для отца и матери. — Все это пришло мнѣ въ мысль при чтеніи письма госпожи Tremblay. Для васъ, милая, мало имѣть только воспитательницу для Маши, вамъ нужно имѣть и друга въ ней. Она была несчастна и мать: два сильныхъ магнита для вашего сердца. Хотя я и желаю добра Малиновскому, но ваше счастіе—мое счастіе; подумайте о моемъ предложеніи и рѣшитесь немедленно: надѣюсь, что Азбукинъ согласится поручить вамъ Дуняшу. Во всякомъ случаѣ напишите въ Берлинъ прямо къ M-lle Wildermeth, которой я уже говорилъ объ васъ и которой можете сказать все, какъ думаете и чувствуете, ибо она васъ поймetъ; въ ея письмо вложите и письмо ко мнѣ. И то и другое адресуйте въ Петербургъ на имя Тургенева (въ домѣ министра просвѣщенія—духовныхъ дѣлъ). Я пробуду въ Берлинѣ до половины апрѣля новаго стиля; ваше письмо еще можетъ меня застать, но напишите подробно, особенно къ M-lle Wildermeth. Ея адресъ на письмѣ M-me Tremblay. Простите, другъ, обнимаю васъ, мужа вашего, милыхъ дѣтей, Зонтаговъ и Азбукина съ Дунькою. Скажите Монастыреву [1]), что его письмо я получилъ въ Берлинѣ и писалъ объ немъ въ Петербургъ.

X.

(1822 г. іюнь).—Милая, вотъ и мой почеркъ! узнаете ли его! Можно ли! сколько времени къ вамъ не писать! Саша права: можно

[1]) Онъ былъ одно время помощникомъ Бѣлевскаго почтмейстера.

и не писавши любить не *меньше!* но это чувство портится досадою на себя за то, что не можешь одолѣть лѣни, чтобы имѣть самое чистое наслажденіе. Нѣтъ! Я не хочу читать похвальнаго слова этой проклятой лѣни; она убиваетъ и душу! И тѣмъ уже она никуда не годится, что почти всякое письмо изъ весьма немногихъ должно начинаться разсужденіемъ объ ней—бросимъ ее! Со времени моего сюда возвращенія, я не написалъ къ вамъ ни строки, все откладывалъ и наконецъ дошло до того, что уже и мое путешествіе принадлежитъ къ давнишнимъ воспоминаніямъ, а вамъ я не сказалъ объ немъ ни слова. И сколько времени мы розно! половина вашей семьи для меня незнакома, а *одной* уже и никогда не узнать мнѣ!—Въ Москвѣ, гдѣ почти все, что мы знавали вмѣстѣ, или исчезло или перемѣнилось. И все это не можетъ насъ заставить писать другъ къ другу! Милая, прошу васъ, напишите мнѣ исторію вашей жизни съ той минуты, съ которой я ничего не знаю объ васъ; наполнимъ эту печальную пустоту: опишите мнѣ свое теперешнее, своихъ дѣтей, свой домъ и своихъ московскихъ знакомцевъ; все это должно быть у насъ общее. Я же вамъ вмѣсто описанія, посылаю *пока* то, что сдѣлано было для васъ во время путешествія, что давно хотѣлъ къ вамъ послать и все откладывалъ. Всѣ эти цвѣтки были сорваны въ хорошую минуту *настоящую,* слѣдственно принадлежатъ и воспоминанію — Анетѣ отдайте лавровую вѣтку, которую я сорвалъ для нея на Isola bella подъ прекраснымъ небомъ Италіи. Описаніе же путешествія пришлю вамъ, если удастся его сдѣлать; теперь кончу нужнымъ: я не отвѣчалъ еще и Попову, думаю, что онъ на меня сердится; по дѣломъ, онъ даже могъ вообразить, что я хочу удержать его людей за собою — это съ одной стороны и правда: я желаю купить ихъ и дать имъ волю. Другимъ нечѣмъ мнѣ поправить сдѣланной глупости! Прежде, можетъ быть, я и согласился бы ихъ продать, теперь же ни за что не соглашусь. И такъ, милая, узнайте, какую цѣну онъ за нихъ полагаетъ. Заплатить же за нихъ ему не могу иначе, какъ уступивъ часть изъ тѣхъ денегъ, которыя вы мнѣ должны—въ такомъ случаѣ вамъ должно будетъ дать ему вексель, вычтя изъ моей суммы то, что будетъ слѣдовать. Прошу васъ все это съ нимъ сладить, только постарайтесь, чтобы онъ взялъ недорого, поторгуйтесь хорошенько и какъ скоро кончите, то пускай онъ моимъ именемъ дастъ этимъ людямъ отпускную, или, если нельзя этого сдѣлать въ Москвѣ безъ меня, то пускай пришлетъ сюда образецъ той бумаги, которую мнѣ надобно написать и подписать: я все здѣсь исполню. Прошу васъ поспѣшить исполненіемъ этой просьбы; дѣло лежитъ у меня на душѣ и я виню себя очень, что давно его не кончилъ. Приложенное письмо отдайте Попову.—Съ вами ли Анета наша? Будетъ ли она столько незлопамятна, чтобы написать ко мнѣ? Зонтагъ былъ въ Петербургѣ, и я его не засталъ. Всѣ, которые здѣсь его знаютъ, поютъ ему похвалы и его лю-

бятъ. Боже мой! иногда беретъ такое желаніе васъ увидѣть! Можетъ случиться, что зимою сяду въ дилижансъ и явлюсь къ вамъ. Надобно увидѣться непремѣнно, прежде нежели старость такъ перемѣнитъ наши лица, что при встрѣчѣ надобно будетъ рекомендоваться. Это даетъ мнѣ идею: у меня есть экземпляръ моего портрета, посылаю его вамъ; скажите Анетѣ, что и у нея будетъ такой же. Особо этотъ портретъ не продается, онъ принадлежитъ къ цѣлому собранію литографическихъ портретовъ, на которое надобно подписаться, и которое стоитъ 300 рублей; но я могу имѣть нѣсколько экземпляровъ, за то, что сидѣлъ для живописца.[1]) Примите же мою рожу; какъ бы хотѣлось сказать это о самомъ себѣ. Вы, милая, одно изъ самыхъ главныхъ лицъ въ драмѣ моей жизни, вы были на сценѣ, когда пьеса была интересна и вы же давали ей интересъ: теперь и пьесы уже нѣтъ! осталась одна афишка, которая ненужна по выходѣ изъ театра. Простите. Заставьте ко мнѣ написать дѣтей, которыхъ цѣлую. Маша, думаю, уже велика! Можетъ быть, такъ разцвѣла, что мнѣ будетъ и опасно слишкомъ на нее засматриваться, когда ее увижу. Опишите ихъ — и Ваню, и Петрушу, и моего незнакомаго крестника, и другихъ незнакомыхъ. — Мужа своего обнимите! Если Анета не станетъ ко мнѣ писать, то напишите объ ней вы! Если бы она знала, что такое моя лѣнь, она бы не сердилась на меня, а жалѣла меня и старалась вылѣчить. Простите, друзья.

Въ Москвѣ ли Ал. Михайловичъ Офросимовъ? Увѣдомьте: я бы написалъ къ нему. Желаю знать, что слуху о моихъ деньгахъ, которыя хотѣлъ мнѣ заплатить М. М. Соковнинъ. — Скажите, каковъ Сергѣй Соковнинъ?

Дата этого письма устанавливается такимъ путемъ. Оно начато рукой А. А. Воейковой, которая списываетъ для Авд. П—ны письмо С. И. Тургенева къ брату изъ Константинополя отъ 15 мая 1822 г. [2]), а дальше сообщаетъ, что въ іюлѣ ждетъ ребенка.

Въ этомъ письмѣ находимъ первое упоминаніе о покупкѣ крѣпостныхъ людей Попова. Объ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ извѣстно было изъ писемъ или, вѣрнѣе, одного письма Жук-аго Попову, писавшагося съ сентября до декабря 1822 г. и появившагося въ Русск. Архивѣ 1865 г. и перепечатаннаго въ 7-мъ изд. Сочин. Жук-аго (VI т. стр. 458—9). Извѣстно, что Жук-ій какъ то разрѣшилъ москов. книгопродавцу Попову купить на его имя нѣсколько крѣпостныхъ. Въ 1822 году Поповъ захотѣлъ продать ихъ и обратился по этому поводу къ ихъ формальному собственнику, но Жук-ій рѣшилъ купить ихъ самъ и отпустить на волю. Печатаемыя теперь письма вносятъ нѣсколько подробностей въ исторію покупки.

XI.

(1822 г. Октябрь). — Милая Дуняша, я живъ, слѣдовательно люблю васъ. Поручаю это сказать вамъ на словахъ подробнѣе сча-

[1]) Это — серія изд. Гиппіуса „Современники“ 1823 г.

[2]) Это письмо тогда ходило по рукамъ, какъ образецъ самоотверженнаго пониманія чести и долга. С. Тургеневъ и бар. Строгоновъ, нашъ посолъ въ Константинополѣ, ждали смерти или тюрьмы, такъ какъ тогда грозилъ разрывъ сношеній съ Турціей; не смотря на это, Тургеневъ рѣшительно воспротивился желанію брата хлопотать о его перемѣщеніи.

стливцу Тургеневу, который васъ увидитъ и будетъ долго вмѣстѣ съ вами. Я же рѣшительно потерялъ способность писать письма и теперь принужденъ просить васъ: изъ дружбы ко мнѣ, изъ сожалѣнія, изъ милости не сердиться на мое молчаніе, не приписывать его ни чему невозможному, то есть, перемѣнѣ, холодности и прочее. Это будетъ жесточайшая несправедливость. Лѣнь моя такъ сдѣлалась всемогуща, что я даже не написалъ къ вамъ ничего и послѣ рожденія вашего малютки. Но развѣ я ему не обрадовался и развѣ я не люблю васъ какъ милую сестру, какъ самаго нѣжнаго, вѣрнаго друга, у котораго въ сердцѣ всегда сохраняется мѣсто мое, развѣ воспоминаніе о всемъ хорошемъ въ жизни не тѣсно соединено съ вами. Милая моя душа, напишите ко мнѣ опять то письмо, которое такъ досаднымъ образомъ пропало: обѣщаю вамъ длинный отвѣтъ. Теперь хотѣлъ только сказать два слова съ Тургеневымъ. Онъ долженъ непремѣнно вамъ полюбиться. Это прекрасная, чистая, высокая душа. Вотъ вамъ еще доказательство моей убійственной лѣни. Я приготовилъ отпускную для людей Попова, и по сію пору не собрался ее засвидѣтельствовать, нынче хотѣлъ послать въ судъ, но праздникъ. И такъ надобно ждать почты. Непремѣнно пришлю на слѣдующей. Предувѣдомьте объ этомъ Попова и чтобы онъ не досадовалъ на мою неточность. Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ-моихъ (знакомыхъ и незнакомыхъ). Ради Бога, не поддавайтесь искушенію сердиться на меня за мою лѣнь и не убавляйте ничего изъ моего безцѣннаго сокровища, вашей ко мнѣ дружбы. Знать, что оно у меня *есть*, принадлежитъ къ счастію жизни. Да напишите же ко мнѣ.

Письмо безъ даты. 1822 годъ опредѣляется упоминаніемъ о Поповѣ, а октябрь—отвѣтнымъ письмомъ Авд. П—ны отъ 2 ноября. Тургеневъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь—С. И., бывшій осенью въ Москвѣ.

XII.

Ноябрь—Декабрь 1822 г. — Наконецъ посылаю вамъ, милая моя душа Дуняша, бумагу для Попова. Въ третій разъ ее пишу, заставилъ свидѣтельствовать и все по пустякамъ. Въ доказательство посылаю и черную. Эту черную написалъ въ самый день отъѣзда изъ Царскаго села, отложивъ по своему обыкновенію до невозможнаго; послалъ свидѣтельствовать въ судъ, мнѣ сказали, что надобно еще подавать какую-то бумагу, и долженъ былъ отложить до Петербурга; тутъ поѣздка въ Дерптъ, хлопоты перемѣщенія на новую квартиру, уборка горницъ и прочее — словомъ, опять промедлилъ. Наконецъ вотъ она. Не объясняю вамъ того, что надобно вамъ съ своей стороны сдѣлать, а посылаю тѣ письма, которыя по случаю этой же бумаги были къ вамъ приготовлены. Въ нихъ найдете долгъ свой. Теперь просьба къ любезному Алексѣю Андреевичу, котораго вмѣсто предисловія за меня обнимите. Я желаю дать такую же отпускную моему Бѣлевскому Максиму

и его дѣтямъ. Прилагаю здѣсь записку о ихъ семействѣ; но для этого надобно мнѣ имѣть купчую, данную мнѣ на отца Максима тетушкою Авд. Аѳанасьевной. Это купчая мною потеряна; а совершена она была въ Москвѣ въ 1799 или въ 1800 или въ 1801 г. въ Москвѣ. Прошу любезнаго Алексѣя Андреевича взять на себя трудъ достать мнѣ изъ Гражданской палаты копію сей купчей за скрѣпою присутствующихъ, дабы я могъ здѣсь написать отпускную; да нельзя ли ужъ и форму отпускной прислать, на всѣхъ вмѣстѣ, дабы мнѣ здѣсь никакихъ хлопотъ по этому не было: въ противномъ случаѣ опять отложу въ длинный ящикъ, и мой несчастный Максимъ будетъ принужденъ влачить оковы эсклава. Похлопочите объ этомъ, душа. А въ заплату за этотъ трудъ посылаю вамъ экземпляръ своего новаго сочиненія, не стихотворнаго и даже не литературнаго — нѣтъ, виды Павловска, мною срисованные съ натуры и мною же выгравированные à l'eau forte. Этотъ талантъ дала мнѣ Швейцарія; въ этомъ родѣ есть у меня около осьмидесяти видовъ швейцарскихъ, которые такъ же выгравирую и издамъ вмѣстѣ съ описаніемъ путешествія, если только опишу его.— Благодарю васъ за ваше милое письмо, полное жизни и животворное; и какъ мнѣ жаль потеряннаго. Какъ мнѣ жаль, что я такъ лѣнивъ писать — сколько бы можно было говорить съ вами и какъ было бы весело говорить. Но къ счастію вы отдѣляете меня отъ моей лѣни и такъ же мнѣ другъ безъ малѣйшаго измѣненія, какъ и я вамъ. Во мнѣ точно ничто не перемѣнилось; не прибавилось и не убавилось. Думаю, что и лѣнь не новое; мы будучи вмѣстѣ, ее не знали; теперь розно; я не пишу, а все тотъ же. Этого, кажется, не думаетъ Анета, ибо она, которая такъ любитъ писать и такъ легко пишетъ, не даетъ мнѣ о себѣ никакой вѣсточки. Напишите, прошу васъ, объ ней, а я сберусь отправить къ ней посланіе.—Я былъ въ Дерптѣ и радъ тому, что былъ тамъ; видѣлъ Машу, говорилъ съ ней объ ней и доволенъ ею: это поэзія. Мы говорили о нашей утопіи.[1]) Она непремѣнно должна сгромоздиться; но когда? Будемъ ждать и надѣяться передъ затворенной дверью! Пока что, пускай будетъ нашею радостью, что мы всѣ сбережены другъ для друга. Судьба прогремѣла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ[2]), но не разбивъ нашего лучшаго, любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное. Все остальное шелуха. A propos de прекрасное. Я никогда не говорилъ вамъ о Великой Княгинѣ: это прекрасное въ живомъ образѣ передо мною. Мнѣ вѣрить ему легко, потому что я вижу его лицомъ къ лицу. Милый хранитель поэзіи! Письма мои, писанныя изъ путешествія къ ней, были писаны

---

[1]) Подразумѣваются планы и мечты о томъ чтобы Елагины, Мойеры и Жуковскій поселились вмѣстѣ въ деревнѣ. Толки объ этомъ поднимались не разъ, но около этого времени усилились, такъ какъ Мойеръ собрался покупать деревню въ сосѣдствѣ съ Елагиными.

[2]) Разумѣется, конечно, несчастіе, внесенное въ семью Воейковымъ.

и къ вамъ, слѣдовательно, я радъ, что у васъ есть ихъ списокъ. Но именно потому, что она—она, и полное созданіе нашей утопіи должно быть отсрочено; я привязанъ къ своему мѣсту не одними узами выгодъ, о которыхъ не такъ то много забочусь, но узами лучшими—чистаго уваженія, благодарности: всему этому итогъ—поэзія, которая (несмотря на свѣтъ и его холодную грязь и его душную атмосферу, въ которой я долго бродилъ въ бездѣйствіи) все еще копышется и вспыхиваетъ. Теперь мы вмѣстѣ съ Сашей; хотимъ кое какъ строить спокойное, дѣятельное (если уже нельзя счастливаго) chez soi; хотимъ ставить фонарики, думая и о нашихъ далекихъ фонарныхъ мастерахъ, которые съ нами за одно работаютъ и зажигаютъ свои свѣчки[1]). Со временемъ будемъ и *вмѣстѣ*.—Прошу васъ въ заключеніе сказать мнѣ свои планы для дѣтей, къ вашимъ прибавлю свой. Теперь простите. Увѣдомьте скорѣе о полученіи письма моего, о исполненіи моей комиссіи. Мужа вашего и дѣтей обнимаю. Видѣлъ работу Петруши и радовался ею. Заставьте его и для меня что нибудь нарисовать. За Батенькова[2]) не сердитесь; я прежде съ нимъ не видался отъ разныхъ отлучекъ, а теперь отъ разныхъ хлопотъ. На сихъ дняхъ у него буду. Онъ и самъ невидимка. Приложенныя письма отдайте по адресамъ. Объ Аннѣ Михайловнѣ можете узнать отъ Антонскаго. Вашъ во вѣки.

Я читалъ ваше послѣднее письмо, писанное къ Машѣ. Милая, что значитъ исторія письма вашего, которое было ко мнѣ отправлено и котораго я не получилъ? На счетъ его говорите вы что-то для меня непонятное и грустное. Изъяснитесь, если возможно. Между тѣмъ слышалъ и другое, что меня порадовало: Алексѣй Андреевичъ собирается въ Петербургъ съ Ваничкою? Для чего же съ однимъ Ваничкой; для чего и не съ Петрушей? Батеньковъ сказывалъ, что вы думаете его заставить нѣсколько времени поучиться въ Петербургѣ, а потомъ и за границу.—Нѣтъ! въ Дерптъ! въ Дерптъ! Безъ всякаго сомнѣнія! тамъ получитъ главное: любовь къ занятію; тамъ есть русскіе студенты; и что всего важнѣе, тамъ будетъ надзоръ Маши и Мойера. А за границу прекрасное дѣло. Но объ этомъ будемъ говорить съ Алек. Андр. Но для чего же и Петруша не съ нимъ. Напишите ко мнѣ поподробнѣе. Пишете ли вы къ Анетѣ? Увѣдомьте меня объ ней, прошу васъ, и пришлите ея адресъ.

Это письмо повидимому раздѣлило участь выше упоминавшагося письма къ Попову, (см. примѣч. къ письму X-му). Слова Жук-аго здѣсь о „бумагѣ для Попова“ тожественны съ тѣмъ, что писано въ средней части того письма, помѣченной 17 ноября, но изъ конца письма къ Попову, помѣченнаго 14 декабря, видно, что бумаги въ ноябрѣ нельзя было отправить и она пошла только въ декабрѣ. Итакъ письмо къ Елагиной или тоже писалось отъ 17 ноября до 14 декабря или было отправлено въ ноябрѣ же, но безъ бумаги; первое вѣрнѣе, такъ какъ иначе Жук-ій вѣроятно сдѣлалъ бы приписку, что бумага оказалась не готова.—Часть этого письма напечатана въ книгѣ Зейдлица (стр. 126—7).

[1]) Въ семейной перепискѣ Жук-аго нерѣдко фигурируетъ это сравненье; идеальныя стремленія каждой отдѣльной личности служатъ для остальныхъ людей фонарями, освѣщающими жизненный мракъ.

[2]) Г. С. Батеньковъ (декабристъ) былъ товарищъ по полку и другъ А. А. Елагина.

XIII.

(11 февр. 1823).—Милая Дуняша, благодарю васъ за ваше милое письмо, на которое по обыкновенію я не отвѣчалъ и отвѣчаю поздно. Благодарствуйте за исполненіе однихъ порученій и за намѣреніе исполнить другія. Очень радъ, что мои эсклавы получили волю; хочу поскорѣе дать ее и другимъ. Это поручилъ я Василью Татаринову, который вручитъ вамъ это письмо и который взялся написать въ Бѣлевѣ по формѣ отпускную, которую здѣсь напишу и пришлю къ вамъ или къ Алексѣю Сергѣевичу. Васъ же прошу (если это васъ не стѣснитъ) похлопотать о скоромъ доставленіи мнѣ обѣщанныхъ двухъ тысячъ; третью можете и въ половинѣ нынѣшняго года мнѣ доставить; но двѣ нужны, ибо хочется заплатить нѣкоторый долгъ въ срокъ. Жаль мнѣ, что долженъ у васъ требовать, боюсь, чтобы это не было для васъ заботою — но право необходимость. — Печатаніе Іоанны началось и вы получите ее тотчасъ по окончаніи. Цензура поступила съ ней великодушно quant à l'impression и неумолимо quant à la représentation. Все къ лучшему: здѣшніе актеры уходили бы ее не хуже цензуры.

Напишите мнѣ, мой милый другъ, о томъ, что у васъ дѣлается? Что вашъ Рафаель, мой милый незнакомецъ?[1]) Боже мой! сколько около васъ моихъ незнакомцевъ! когда-то мы увидимся! даже и тѣ, которыхъ знаю, при свиданіи со мною будутъ для меня какъ новые. Какъ много на землѣ лишняго. Отдаленіе, густой воздухъ, который мѣшаетъ глазамъ видѣть вдаль, бумага, чернила, которыя нужны для переписки, могилы, которыя надолго прячутъ то, что мило, лѣнь, которая стоитъ могилы—и все это шелуха, которая когда нибудь осыпется.—Оставимъ все это; писать некогда. Посылаю вамъ еще 6 гравюръ Гатчины; и нѣсколько гравюръ также изъ моего путешествія: хочется сдѣлать ему описаніе и съ рисунками. Но всѣ, которыя теперь посылаю, будутъ передѣланы. Это только для васъ. Обнимите мужа и дѣтей.

Прошу васъ вложенное письмо и свертокъ немедленно доставить Дмитріеву, только повѣрнѣе. Узнать объ его квартирѣ можете въ почтамтѣ.—И письмо къ Антонскому перешлите такъ же.

Сейчасъ сидитъ у меня Тургеневъ, огорченный вашимъ письмомъ къ Марьѣ Андреевнѣ, и велитъ вамъ сказать, что онъ потому только написалъ *мнимо*-холодное письмо къ Филарету Калужскому, что не зналъ, что дѣло идетъ объ васъ (femme aux étoiles, какъ онъ вретъ), нынѣ же пишетъ уже вторично, по просьбѣ его, Тургенева (homme à une étoile), Филаретъ Московскій къ Филарету Калужскому и, вѣроятно, письмо это подѣйствуетъ, ибо Филаретъ пишетъ такъ жарко, что бумага трещитъ.

---

[1]) Недавно родившійся сынъ Елагиной, Рафаилъ.

Отсутствующая дата возстановляется письмомъ Авд. П—ны отъ 16 янв. 1823 г., гдѣ она впервые сообщаетъ ему, что его *эсклавы* (онъ повторилъ ея выраженіе) свободны; упоминаніе о письмѣ и сверткѣ для Дмитріева позволяетъ точно указать и день письма: 11 февраля Жук—ій пишетъ И. И. Дмитріеву о посылкѣ ему съ оказіей портрета Гете (Соч. Жук. 7-е изд. IV, 430).—Письмо къ Филарету касалось одного сельскаго священника, о которомъ хлопотала Елагина.

XIV

(*Приписка къ письму А. А. Воейковой*).

(*Дерптъ. Мартъ 1823 г.*)—Милый ангелъ Дуняша, не могу подумать, что будетъ съ вами; душа рвется и ностъ! Нѣтъ и не можетъ быть помощи — что ни думай, что ни проси — все надобно кончить одною фразою: *ея* нѣтъ и навсегда нѣтъ! Я былъ здѣсь за двѣ недѣли передъ этимъ и теперь опять здѣсь — какъ будто вышелъ за дверь и вдругъ ея нѣтъ! Они видѣли ее умирающей, видѣли въ гробѣ — для нихъ была смерть. А я былъ съ ними такъ недавно, простился съ спокойной, веселою надеждою, теперь опять съ ними—а ея навсегда нѣтъ. Для чего вы не съ нами?—не для утѣшенія, нѣтъ! но для того, чтобы плакать, плакать и болѣе ничего. Поберегите себя, милый другъ, и вамъ она завѣщала дочь свою, и мать, и сестру. Наша жа колонія не въ здѣшнемъ свѣтѣ [1]).

Записка эта, писанная подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Марьи Андреевны, писана на другой день послѣ пріѣзда Жук аго въ Дерптъ, слѣд. 21—22 числа. (Извѣстіе о кончинѣ было получено въ Петербургѣ 19-го и Жук-ій сейчасъ же выѣхалъ.) На случайно попавшемся маленькомъ обрывкѣ сперва написала А. А. Воейкова (Авд. Петр. въ это время сидѣла надъ умирающимъ маленькимъ Рафаиломъ): „Mon ange! Au nom du Ciel donne nous de tes nouvelles! Fais écrire par mon cher Ваничка, s'il est avec toi. Dieu soutienne notre malheureuse mère. Joukowsky est avec nous depuis hier matin. Ахъ, Дуняша! Все кончено! Все прекрасное изъ жизни вонъ! Будущее такъ ужасно! Боже мой, сжалься!—Катичка здорова, Мойеръ тоже. Для меня все, все кончено, что я могла называть счастіемъ и спокойствіемъ. Не знаю, что еще со мною будетъ! Напишите Бога ради о себѣ.

XV.

(*Павловскъ 17 іюня. 1823 г.*) Милый другъ Дуняша, сейчасъ получилъ вашу безцѣнную записку и спѣшу сказать нѣсколько словъ. Жду вашего письма обѣщаннаго. Скажите, ради Бога, все, что у васъ въ головѣ и на сердцѣ. Я не написалъ къ вамъ еще того, что хотѣлъ прибавить къ письму Батенькова; ждалъ отъ васъ отзыва. Получивъ ваше письмо, буду отвѣчать подробно. Теперь некогда писать: одно только слово. Вашъ навсегда.

Отпускную пришлю на ваше имя, а вы перешлите ее своему мужу.

Недостающій на письмѣ годъ опредѣляется письмомъ Авд. Петровны отъ 11 іюня 1823 г., на которое Жук-ій здѣсь отвѣчаетъ. Отпускная назначалась для послѣдняго *эсклава* Жук-аго, для Бѣлевскаго Максима.

---

[1]) Онъ вспомнилъ о той „утопіи“, о которой такъ часто въ послѣдніе годы мечтала Марья Андреевна вмѣстѣ съ Авд. Петровной. (см. стр. 35.)

XVI.

(Гатчино, 12 Ноября 1823 г.) Мой милый, добрый ангелъ Дуняша! Я не буду вамъ изъяснять моего молчанія, потому что оно ничего не значитъ. Есть ему самая прозаическая причина: мое новое занятіе. Мнѣ отдали на руки и другую принцессу: надобно было множество, множество для нея приготовить. Это моя главная слабость— закопавшись въ одно, я все другое, самое милое, самое святое, откладываю до свободной минуты. И жизнь моя проходитъ въ скучныхъ неволяхъ. Но откладывать—только терять для себя и для милыхъ, но самому не теряться для нихъ. Я былъ, благодаря доброму Батенькову, успокоенъ насчетъ вашихъ родинъ, и письма Дерптскія меня такъ же успокоивали. Благослови Богъ вашего Андрюшу, который такъ во время пришелъ смѣнить своего брата; дай Богъ ему усмирить сердце матери. Ваши сны, милый другъ, для меня завидное счастіе; они право не мечта, я имъ вѣрю, это разговоръ съ другимъ, лучшимъ свѣтомъ, котораго сердце ваше достойно. *Рафаель на рукахъ Маши*— какое небесное настоящее! какое небесное будущее. Это награда любви, которая никогда, никогда не измѣняла; награда, вамъ принадлежащая исключительно: je ne connais pas d'âme plus aimante que la votre. Милый другъ, что несчастія съ такимъ святымъ благомъ? для васъ нѣтъ потери! Страданіе—такъ, но жить не для счастія—въ этомъ великое, божественное утѣшеніе. Жизнь для души—не тотъ достигъ до ея цѣли, кто много имѣлъ въ ней, но тотъ, кто много страдалъ и былъ достоинъ своего страданія. Чья же душа можетъ сравниться съ вашей? въ какой душѣ найдешь всегда, всегда такой готовый, чистый отголосокъ на все высокое и прекрасное. Вы видѣли Машу и во снѣ, и на яву въ послѣдніе дни ея—я нахожу въ этомъ что-то, неизъяснимо для васъ утѣшительное. Точно въ эти послѣдніе дни, прощальные на землѣ, дни откровенія, она какъ будто узнала яснѣе то мѣсто, гдѣ она наиболѣе нужна, и тамъ была она своею душею. Я вѣрю вашему видѣнію, въ немъ вижу что то естественное, справедливое. Это награда. Но именно все это и дѣлаетъ жизнь высокою! до чего можетъ она возвысить нашу душу! И только она одна! ибо нигдѣ уже того, что здѣсь совершенствуетъ ее, *страданія*, величественнаго Божія ангела, она не встрѣтитъ такъ, какъ здѣсь. Милая, говорю вамъ *вашимъ* языкомъ: я далекъ, слишкомъ далекъ отъ вашей высокости. Сны ваши меня не посѣщаютъ. Но ради этихъ сновъ, прекрасныхъ вѣстниковъ того свѣта, ради этого страданія, возвышающаго душу, не предавайтесь унынію, уважайте жизнь, единственный источникъ того добра, которымъ вы такъ богаты. Маша для насъ существуетъ. Прошедшее не умираетъ. Не говорите: ея нѣтъ! говорите: она была. Это ободрительное слово: въ немъ благодарность за все то, что она оставила въ нашемъ сердцѣ и что навсегда въ

немъ сохранится. И на что же пишете вы мнѣ то, чему не можетъ вѣрить ваше сердце: *не можетъ быть*, говорите вы, *чтобы сердце мое понапрасну было такъ сильно, такъ безпрестанно вами занято. Если я вамъ теперь не совсѣмъ нужна, то вы мнѣ необходимы.* Это не можетъ быть языкомъ убѣжденія, безцѣнный другъ. Знайте, что я въ васъ вижу представителя всего лучшаго и возвышеннаго, вѣрьте этому во всякую минуту, и пускай эта мысль будетъ для васъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Прошу только объ одномъ: любите жизнь (это не значитъ: радуйтесь ею, но дорожите ею), любите ее хоть для мысли, что ваша жизнь есть теперь для меня однимъ изъ лучшихъ украшеній свѣта. Вы да Саша—вотъ мое главное. Мы поддерживаемъ другъ друга не тѣмъ, что мы дѣлаемъ другъ для друга, а просто тѣмъ, что мы живы. Не проситесь же даже и мыслію изъ этого тѣснаго круга.—Простите, душа. О своихъ занятіяхъ говорить вамъ не хочу, нечего говорить о томъ, что для васъ неизвѣстно и что просто было бы историческимъ, пріятнымъ для одного любопытства. Поэзія молчитъ. Авось еще когда нибудь воскреснетъ.—Здѣсь говорятъ о поѣздкѣ двора на будущій годъ въ Москву, на будущій, или на предбудущій: и такъ можно сказать: до свиданія. Простите. Обнимаю вашего мужа и милыхъ дѣтей.—Портрета я самъ еще не имѣю; какъ скоро получу, немедленно велю списать для васъ; этого подарка вы ни отъ кого не должны имѣть, кромѣ меня.

Это—отвѣтъ на письмо Авд. П-ны отъ 28 окт., гдѣ она извѣщаетъ о рожденіи сына, жалуется на страшную унылость, овладѣвшую ею, и проситъ прислать ей портретъ Маріи Андреевны, которую часто видитъ во снѣ. „Другая принцесса", которую ему отдали на руки—это Великая Княгиня Елена Павловна, тогда невѣста В. К. Михаила Павловича.

Характерно отношеніе Жук-аго къ снамъ и „видѣніямъ" уже въ этотъ періодъ его жизни.

XVII.

(9—24 Іюня 1824 г.) Милая Дуняша! Ваше послѣднее письмо ужаснуло меня. Но добрый нашъ Батеньковъ нѣсколько успокоилъ мнѣ душу, сказавши, что послѣ уже получилъ отъ васъ письмо, довольно веселое. Сохрани насъ Богъ отъ новаго несчастія. Вы теперь имѣете право на отдыхъ: онъ купленъ довольно большою суммой страданій. Напишите, милый другъ, поскорѣе, что теперь у васъ дѣлается и кончился ли страхъ вашъ? Мысль объ васъ есть точно боль, которая поминутно отзывается; отъ этой болѣзни нѣтъ лѣкаря, кромѣ васъ самихъ. Дай Богъ получить отъ васъ добрый рецептъ.—Я объ себѣ ничего не писалъ къ вамъ въ это время. Я еще разъ былъ въ Дерптѣ. Эта дорога обратилась для меня въ дорогу печали: зачѣмъ я ѣздилъ? Возилъ сумасшедшаго Батюшкова, чтобы отдать его въ Дерптъ на руки докторамъ. Но въ Дерптѣ это не удалось, и я отправилъ его оттуда въ Дрезденъ, въ Зонненштейнскую больницу: уже

получилъ оттуда письмо, онъ слава Богу на мѣстѣ. Но будетъ ли спасенъ его разсудокъ? Это уже дѣло Провидѣнія. Въ ту минуту, когда онъ отправился въ одинъ конецъ, а я въ другой, то есть назадъ въ Петербургъ, я остановился на могилѣ Маши: чувство, съ какимъ я взглянулъ на ея тихій, цвѣтущій гробъ, точно было утѣшительнымъ, усмиряющимъ чувствомъ. Надъ ея могилой небесная тишина! что же тамъ, съ Рафаэлемъ? Мы провели вмѣстѣ съ Мойеромъ усладительный часъ на этомъ райскомъ мѣстѣ. Когда то повидаемся на немъ съ вами? Посылаю вамъ его рисунокъ: все, что мы посадили, цвѣты и деревья, принялось, свѣжо, цвѣтетъ и благоухаетъ. Портретъ я получилъ, но теперь меня самого нѣтъ въ Петербургѣ, живу въ Павловскѣ: какъ только возвращусь, велю списать для васъ. Въ концѣ года будете имѣть его непремѣнно. Простите, милый другъ. Напишите же ко мнѣ, прошу васъ. Обнимаю васъ и дѣтей. Благодарю за портретъ Маши; я его еще не получилъ, но Батеньковъ, который мнѣ объ немъ сказывалъ, обѣщалъ его доставить. Дружескій поклонъ отъ меня вашему мужу.

Дата опредѣляется изъ двухъ ненапечатанныхъ писемъ А. П. Елагиной къ Ж-му. Къ „лѣту 1824 г." относитъ его и Зейдлицъ, напечатавшій отрывокъ изъ него въ своей книгѣ (стр. 138.)

1) „Ужасъ" Ж-аго объясняется сильной болѣзнью Ив. Вас. Кирѣевскаго, о которой писала Елагина 9 іюня этого года.

2) „Возилъ сумасшедшаго Батюшкова". Объ этомъ путешествіи есть нѣкоторыя подробности въ III т. Остафьевскаго архива. Больного поэта сперва хотѣли везти прямо въ Дрезденъ, но потомъ рѣшили поручить Дерптскимъ докторамъ. 16 мая Тургеневъ пишетъ Вяземскому: „въ субботу Ж. увезъ Б-ва въ Дерптъ; и онъ охотно поѣхалъ, сказавъ, что Дерптъ ему когда-то и своею наружностью понравился". 27 мая онъ же: „о Бат-вѣ плохія извѣстія: онъ ушелъ и всю ночь его найти не могли; наконецъ поутру на другой день проѣзжій сказалъ молодому Плещееву, что видѣлъ верстъ за 12 отъ Дерпта человѣка спящаго на дорогѣ. По описанію, это былъ Бат-овъ; Жук. съ Плещеевымъ поѣхали и нашли его спящаго. Едва уговорили возвратиться съ ними въ Дерптъ". Наконецъ 29 мая: „Жук. возвратился. Бат-ва повезли въ Зонненштейнъ, ибо въ Дерптѣ его нельзя лѣчить. Провожаетъ его хорошій докторъ".

3) „Что же тамъ съ Рафаэлемъ?" Рафаилъ—маленькій сынъ А. П-ны, умершій въ сент. 1823 г. за три дня до тяжелыхъ родовъ матери.

4) „Портретъ я получилъ". Разумѣется портретъ М. А. Мойеръ; о немъ спрашивала А. П-на въ письмѣ отъ 9 іюня.

5) „Благодарю за портретъ Маши". Это—портретъ М. В. Кирѣевской, работы П. В. Кирѣевскаго; о посылкѣ его А. П. писала Ж-му 7 апрѣля.

XVIII.

(29 Декабря 1825 г.)—Милая Дуняша, не закричите, не испугайтесь, не запрыгайте, когда вамъ прійдутъ сказать, что пріѣхалъ къ вамъ Жуковскій. Это не я, а мой питомецъ, сынъ Андрея Григорьевича Жуковскаго, который ѣдетъ изъ Петербурга въ Камышинъ къ своей матери. Желалъ бы, чтобы я былъ на это время онъ, дабы самому подать вамъ это письмо и прижать васъ къ сердцу. Но погодите, милая. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ это будетъ. Теперь мы навѣрное будемъ въ Москвѣ, повеселить васъ коронаціей. Я жду этого времени съ сердечнымъ наслажденіемъ. Сколько будетъ для меня въ

вашей семьѣ новыхъ милыхъ знакомцевъ, да и старые всѣ, кромѣ васъ, будутъ для меня новыми. Наконецъ поживемъ и вмѣстѣ. Что если бы къ этому времени явилась въ Москву и Анета? но этого счастія не смѣю надѣяться.—Теперь вы у меня въ долгу, моя душа. Вы не отвѣчали мнѣ на послѣднее письмо мое и наша переписка не хочетъ никакъ идти въ ходъ. И въ этомъ случаѣ право не знаю, что съ собою дѣлать. Но по крайней мѣрѣ знаю навѣрное, что у меня къ вамъ въ сердцѣ: дружба для счастія въ настоящемъ и за все прошедшее. Это не измѣнится до гроба. Но объ этомъ будемъ говорить при свиданіи. Какъ хорошо, что мы къ вамъ ѣдемъ. Вамъ не нужно теперь посылать дѣтей въ Петербургъ на авось. Поговоримъ объ нихъ на словахъ и вмѣстѣ уладимъ, что для нихъ будетъ можно сдѣлать. Каковъ теперь Ванюша? Батеньковъ сказывалъ мнѣ, что онъ былъ боленъ; надѣюсь, что теперь выздоровѣлъ. Какъ будетъ весело хлопотать объ вашихъ дѣтяхъ. Прошу васъ не приступать ни къ чему до нашего пріѣзда въ Москву. Этимъ временемъ воспользуйтесь для ученія.—Что у васъ дѣлается? У насъ теперь все спокойно, но мы видѣли день ужасный, о которомъ вспомнить безъ содраганія невозможно. Но это—день Промысла: онъ показалъ Россіи, что на тронѣ ея Государь съ сильнымъ духомъ. Теперь будущее исполнено надежды. Онъ дѣйствуетъ прекрасно и неутомимъ въ дѣятельности. Будемъ надѣяться лучшаго. Мнѣ некогда описывать вамъ того, что случилось, но вы вѣрно читали всѣ подробности: онѣ всѣ справедливы. Помолитесь за меня: на рукахъ моихъ теперь важное и трудное дѣло и ему одному посвящены всѣ минуты и мысли. Стиховъ писать некогда, но поэзія со мной. Простите, другъ; поцѣлуйте всѣхъ своихъ. До свиданія! какъ весело сказать это слово. Но прежде еще надѣюсь написать къ вамъ и отъ васъ получить словечко.

1) „Питомецъ, сынъ Андрея Григорьевича Жуковскаго“ (крестнаго отца поэта) есть, очевидно, тотъ мальчикъ, Павелъ Жуковскій, который въ 1817 г. жилъ въ Дерптѣ на попеченіи Мойеровъ; онъ звалъ нашего поэта братомъ въ своихъ припискахъ къ письмамъ Е. А. Протасовой. Лѣтомъ 1825 г. этотъ Жуковскій находился въ семьѣ поэта Козлова; онъ былъ повидимому малоразвитъ: В. А. Жуковскій писалъ тогда Козлову о своемъ „недорослѣ“, онъ посылаетъ деньги на его расходы, проситъ слѣдить за его чтеніемъ, водить въ театръ, но прибавляетъ: „держите его въ рукахъ[1])“. Заботы объ этомъ юношѣ—лишній фактъ, доказывающій извѣстную доброту Жук-аго и обиліе въ немъ признательныхъ чувствъ.

2) „Батеньковъ сказывалъ мнѣ“. Декабристъ Батеньковъ еще не былъ взятъ на святкахъ; его арестъ произошелъ позднѣе: въ апрѣлѣ слѣдующаго года Ж. уже обозначаетъ Батенькова одной буквой Б. и говоритъ, что о немъ „нечего сказать добраго“ (см. слѣд. письмо).

XIX.

(20—26 Апрѣля 1826 г.) Милая Дуняша! я, кажется, не отвѣчалъ вамъ только на одно письмо ваше, а не на три. Винюсь по

1) См. стр. 463—4 VI-го т. 7-го изд. сочиненій Жук-аго. Выставленная тамъ на письмѣ дата (1826 г.) должна быть исправлена на 1825 г.: „Чернецъ“ Козлова вышелъ въ апрѣлѣ 1825 г.

обыкновенному, но совсѣмъ потерялъ надежду на исправленіе. Послѣднее письмо ваше получилъ вчера, то есть письмо, писанное съ Натальей Дмитріевной. [1]) Ее самое не видалъ; она остановилась ужасно далеко, на Васильевскомъ острову у Головина. Напрасно вы не отсовѣтовали ей сюда ѣздить. Не можетъ быть никакой удачи отъ ея поѣздки. Я же для нея худая помощь. Надобно сказать вамъ правду: во все это время боленъ и такъ боленъ, что вмѣсто Москвы ѣду на воды, въ Эмсъ. Въ началѣ мая отправлюсь или сухимъ путемъ или на кораблѣ. Въ моей болѣзни нѣтъ ничего опаснаго, ни мучительнаго, но надобно заранѣе остановить ея успѣхи, иначе вся машина совсѣмъ и навсегда разстроится. А имя моей болѣзни геморой, который такъ меня разслабилъ, что едва таскаю ноги; взойти на лѣстницу есть тяжелый и болѣзненный для меня подвигъ; отъ разслабленія и духъ и дѣятельность падаютъ. Путешествіе во всѣхъ отношеніяхъ будетъ мнѣ благодѣтельно: полѣчусь и отдохну нравственно и физически. Но какъ мнѣ жаль Москвы и счастія васъ видѣть, милая сестра! Этого не умѣю выразить. Я такъ радовался этою надеждою и надобно съ нею опять на нѣсколько времени разстаться. Мнѣ жаль не московскихъ праздниковъ: они были бы для меня слишкомъ суетливы; жаль радости, которая ожидала меня въ вашемъ семейномъ кругѣ. Но не поѣхать за границу нельзя; чувствую, что могу навсегда потерять здоровье; теперь оно только пошатнулось. Если пренебречь и не взять нужныхъ мѣръ, то жизнь сдѣлается хуже смерти. И такъ, скрѣпя сердце, говорю вамъ: прости! опять на неопредѣленное время. Прошу васъ отвѣчать мнѣ на это письмо, а я передъ отъѣздомъ еще напишу къ вамъ нѣсколько строкъ. Обнимаю Алексѣя Андреевича, Ваню и всѣхъ милыхъ дѣтей вашихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ.

О Б. нечего сказать добраго. Въ точности обстоятельствъ не знаю; но слухи не утѣшительные.

Прошу васъ полюбоваться на моего ученика: онъ прекрасное твореніе. Дай Богъ ему долгой жизни и счастія. Это желаніе имѣетъ великій смыслъ.

Еще разъ простите, милая сестра! не сѣтуйте, что нынѣшнимъ лѣтомъ не увидимся: нарочно къ вамъ пріѣду. Даю слово, что воспользуюсь первымъ случаемъ. — Фонъ-Визина имѣла уже свиданіе съ мужемъ.

XX.

(29 Апрѣля 1826 г.)—Нѣтъ, милая Дуняша, я ни къ кому не писалъ въ Москву ни о своей болѣзни, ни о своемъ отъѣздѣ, ни къ Вяземскому, ни къ Дмитріеву. Вы получите это извѣстіе въ одно время съ Вяземскимъ, ибо я только на прошедшей почтѣ и его и

[1]) Н. Д. Фонвизинъ, жена декабриста, пріѣхавшая въ Петербургъ видѣться съ арестованнымъ мужемъ и заручившаяся письмомъ Елагиной къ Жук.

васъ увѣдомилъ, что намъ нынѣшней зимой не видаться. Вы напрасно такъ сильно испугались слуховъ: моя болѣзнь требуетъ лѣченія и не запущенія, но въ ней нѣтъ ничего теперь опаснаго. Я очень ослабѣлъ отъ (какъ бы сказать поучтивѣе) потери крови: слабость, одышка, когда всходишь на лѣстницу, блѣдность мертвеца баллады, впрочемъ нѣтъ ничего опаснаго. Мнѣ совѣтуютъ пить Эмскія воды, и въ тоже время прожить нѣсколько времени безъ заботы. Это послѣднее особливо меня вылѣчитъ. Въ Москвѣ мои заботы конечно бы удвоились и съ ними моя болѣзнь. Одно и было бы лѣкарство: свиданіе съ вами. Но я долженъ бы былъ въ Москвѣ заниматься своими лекціями, а вѣрно былъ бы лишенъ времени и не имѣлъ бы простора. Это меня бы крѣпко будоражило и наконецъ еще болѣе бы разстроило.—Но мы увидимся! Воспользуюсь первою лѣтнею вакаціей чтобы съ вами увидѣться. Пріѣду въ Москву нарочно для васъ. Обнимаю васъ и дѣтей и вашего мужа.

XXI.

(Дрезденъ 7—19 февраля 1827 г.)—Милая Дуняша! письмо ваше было мнѣ подаркомъ въ день моего рожденія. Я получилъ его въ самый этотъ день. Но этотъ подарокъ грустный. Не умѣю сказать вамъ, безцѣнная сестра, неизмѣнный, вѣрный другъ, какъ мнѣ тягостно ваше положеніе. Какое новое бремя легло на ваше сердце. Видно ему назначено пройти сквозь всѣ опыты здѣшняго свѣта, чтобы пріобрѣсти возможное совершенство, хотя оно и создано лучшимъ, нѣжнѣйшимъ, хотя и можно его назвать живымъ, никогда неизсякающимъ источникомъ добраго и возвышеннаго. Хотя по своему обыкновенно и побраниваете вы меня за мое долгое молчаніе, но я увѣренъ, что вы, попрежнему, знаете, что мы другъ для друга все тѣ же. Что была бы жизнь и какую цѣль могла бы имѣть она, когда бы можно было такъ перемѣняться, и становиться равнодушнымъ къ тому, что было всегда драгоцѣннѣйшимъ сердцу и его достойнымъ. Это значило бы падать; а живучи надобно все подыматься. Нѣтъ! я въ этомъ смыслѣ не упалъ—иначе на что было бы и жить. Вѣдь мы здѣсь не для того, чтобы только дышать. Лучшее наше добро есть наше сердце и его чистыя чувства. Мои всегда со мною, слѣдовательно, мое сердце ваше всегда по старому. Обстоятельства могутъ мѣняться, письма могутъ не писаться (и это я называю несчастіемъ, ибо самъ себя лишаешь великаго блага: дѣлиться чувствомъ и мыслью съ своими товарищами) но все мысль, что мы живемъ и живемъ для одного, хотя разнымъ образомъ, есть главная наша драгоцѣнность, которой насъ лишить ничто не можетъ. Это вы знаете. Но все хорошо бы, когда бы я почаще писалъ къ вамъ, это было бы мнѣ истиннымъ добромъ. Но та бѣда, что мнѣ, для того чтобы приняться за письмо,

надобно отложить свою главную работу, и это всегда причиною, что я откладываю и такимъ образомъ всегда накопляется множество писемъ, которыя составляютъ уже особенное занятіе, и я принужденъ писать наскоро. Работы же своей у меня пропасть. На рукахъ моихъ важное дѣло. Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употребить ни минуты на что нибудь другое. Если бы вы видѣли, чѣмъ я занятъ и какъ много объемлетъ кругъ моихъ занятій и какъ онъ долженъ будетъ безпрестанно распространяться, то иногда и простили бы мнѣ мою эпистолярную лѣнь. Скажу вамъ нѣсколько словъ о томъ, что теперь со мной дѣлается. Во первыхъ, мое здоровье поправилось благодаря водамъ Эмскимъ и спокойной, порядочной Дрезденской жизни. Я въ Дрезденѣ съ сентября мѣсяца и пробуду здѣсь до конца марта. Не воображайте, чтобы я здѣсь жилъ для разсѣянія и только что пользовался веселымъ farnieute. Напротивъ, здѣсь я былъ безпрестанно занятъ своими приготовленіями къ будущему. По плану ученія Великаго Князя, мною сдѣланному, все главное лежитъ на мнѣ. Всѣ его лекціи должны сходиться въ моей, которая есть для всѣхъ пунктъ соединенія; другіе учителя должны быть только дополнителями и репетиторами. Можете изъ этого заключить, сколько мнѣ нужно приготовиться, чтобы лекціи могли идти безъ всякой остановки. Съ этой стороны болѣзнь моя есть для меня благодѣяніе. Она дала мнѣ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ свободныхъ, и я провелъ ихъ въ совершенномъ уединеніи, забывъ, что я въ чужой землѣ, гдѣ много любопытнаго можно видѣть, и посвятивъ всѣ свои мысли одной главной, около которой вся дѣятельность моя вертѣлась. И теперь это рѣшено на на весь остатокъ жизни. У меня въ душѣ одна мысль, все остальное только въ отношеніи къ этой царствующей. Могу сказать, что настоящая положительная моя дѣятельность считается только съ той минуты, съ которой я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ. Прежде моя жизнь была dans le vague, теперь я знаю, къ чему ведетъ она. Поэзія меня не покинула, хотя и переталъ писать стихи, хотя мои занятія и могутъ со стороны показаться механическими. Есть въ душѣ какая то полнота, которая животворитъ ее. Я могъ бы назвать себя счастливымъ (ибо никакого положенія въ свѣтѣ не предпочту моему теперешнему и нахожу его достойнымъ меня), но для счастья нужно не одно свое. Но и счастью я давно далъ другое имя: я называю его *должность*. Подъ этимъ именемъ оно всегда сильно противъ судьбы.—Далѣе: я поѣду изъ Дрездена въ Берлинъ, гдѣ проведу мѣсяцъ для покупки нѣмецкихъ книгъ моему Великому Князю. Въ концѣ апрѣля отправлюсь въ Парижъ, также для покупки французскихъ книгъ и въ тоже время чтобы сказать самому себѣ:—я видѣлъ Парижъ. Къ началу іюня опять буду въ Эмсѣ, чтобы довершить мое излѣченіе: надѣюсь на доброхотную эмскую

наяду; она не откажетъ мнѣ въ той милости, которую уже разъ такъ щедро мнѣ оказала. Въ концѣ августа буду въ Петербургѣ. А когда въ Москву? на это нельзя отвѣчать рѣшительно. Знаю только то, что воспользуюсь первою возможностью, чтобы вздохнуть подлѣ васъ на свободѣ.

Благодарю васъ, милая, за ваше попеченіе о Павлѣ. Вы сдѣлали для него то, чего лучше придумать нельзя: поручили его человѣку надежному. Алексѣй А. Вельяминовъ умный и благородный человѣкъ. Онъ поставитъ его на дорогу; но плоха надежда. Онъ ни по какой дорогѣ идти умѣть не будетъ. Я хотѣлъ сперва...

(*конецъ письма утерянъ*).

Письмо писано послѣ очень долгаго молчанія, въ отвѣтъ на извѣщеніе о тяжелой болѣзни А. А. Елагина. Въ концѣ говорится о томъ же воспитанникѣ поэта, Павлѣ Жуковскомъ, огорчавшемъ своего попечителя безпорядочной жизнью и непригодностью; онъ былъ отправленъ А. П. Елагиной на Кавказъ въ военную службу подъ начальство и надзоръ Вельяминова.—Отрывки отсюда б. напечатаны Зейдлицемъ (стр. 141).

XXII.

(*10 Іюня 1828 г.*)—Милая Дуняша! не могу не сказать вамъ двухъ словъ о моемъ свиданіи съ Рожалинымъ. И вотъ все, что могу сказать объ немъ: мнѣ душевно жаль, что онъ былъ для меня минутнымъ явленіемъ. Онъ мнѣ очень понравился. Пришелъ же онъ ко мнѣ въ самую непоэтическую минуту: я принималъ (лѣкарство); понимаете, каково было моей душѣ, раздѣленной между новымъ знакомствомъ, которое было ей сродни, и вниманіемъ къ чему-то слишкомъ земному. Я однако помогъ горю: пригласилъ Рожалина обѣдать и послалъ его бродить по Павловскому саду, а самъ употребилъ всѣ усилія, чтобы (выздоровѣть) къ его возвращенію. Это мнѣ удалось. Время было прекрасное и прогулка была пріятна для него. Такимъ образомъ мы побесѣдовали дружески. И я очень радъ, что узналъ его. Ваше приказаніе исполнено: я далъ ему письма въ Дрезденъ, Веймаръ и Берлинъ. Буду радъ его возвращенію и встрѣчу его, какъ стараго знакомца. А васъ и вашихъ обнимаю. Философа Ивана дважды.

Сейчасъ писалъ къ Вельяминову и послалъ деньги.

Рожалинъ (Ник. Матв.), о которомъ здѣсь говорится, былъ молодой кандидатъ Москов. Университета, ѣхавшій за границу для приготовленія къ профессорству. Въ его судьбѣ принимала горячее участіе А. П., любившая его какъ сына; въ концѣ 1827 г. она рекомендуетъ его Жук-ому въ такихъ выраженіяхъ: „Знаетъ хорошо по нѣмецки, французски, латыни, гречески, итальянски; перевелъ Гете Эгмонта и Вертера два года тому назадъ, какъ только могъ бы самъ Гете, Heern'а, какъ бы самъ Heern[1])".

[1]) Вѣроятно имѣется въ виду бывшая тогда у насъ въ ходу „Исторія Герена"—A. Heeren, Handbuch der Geschichte des Europaischen Staatensystems).

А. П. Елагина узнала въ 1827 г., что возникъ планъ послать на казенный счетъ нѣсколько оставленныхъ при университетѣ кандидатовъ на два года въ Дерптъ, затѣмъ на два года заграницу и обязать ихъ за то 12 лѣтней профессорской службой при различныхъ университетахъ. Она просила Жук-аго похлопотать о включеніи въ ихъ число Рожалина, но съ тѣмъ, чтобы ему была представлена свобода выбора заграничныхъ университетовъ и руководителей; онъ хотѣлъ посвятить себя исторіи искусства или литературы. Ея планъ не осуществился, но Рожалинъ черезъ годъ поѣхалъ заграницу въ качествѣ учителя съ семьей Кайсаровыхъ; передъ отъѣздомъ онъ и являлся къ Жуковскому. Елагина продолжала заботиться и тамъ о „сынѣ своего сердца“. (См. ниже примѣч. къ письму Жук-аго 14 іюня 1829 г.)

XXIII.

(16 Апрѣля 1829 г.)—Христосъ воскресе, милая Дуняша! Счастливы мы, что можемъ сказать такое слово на гробахъ Маши и Саши! Послѣ-завтра ѣду въ Дерптъ повторить его ихъ несчастной матери. На дняхъ получилъ письмо отъ Зейдлица изъ Сестри близь Генуи. Дѣти ѣдутъ на родину: онѣ остановятся на недѣлю въ Женевѣ, гдѣ Андрюша оставленъ матерью и будетъ оставленъ на нѣсколько лѣтъ въ пансіонѣ. Онѣ потомъ остановятся въ Дерптѣ; оттуда въ Петербургъ. Двѣ старшія помѣщены будутъ въ Екатерининскій институтъ; Императрица, которая любила ихъ мать, беретъ ихъ на свое попеченіе. Сначала я мечталъ поселить ихъ у себя; но это невозможно: и теперь уже Катя по росту своему кажется совершенною, а черезъ три года она войдетъ и въ совершеннолѣтіе—какъ ей жить у меня. Надобно отказаться отъ настоящаго для будущаго. Это будущее устроится помѣщеніемъ въ институтъ. Меньшая, Маша, вѣроятно, если этого Ек. Аоан. захочетъ, останется у своей бабушки; а потомъ, когда войдетъ въ лѣта, отдадимъ ее въ Смольный монастырь. Прелестный ребенокъ. Зейдлицъ пишетъ, что она не можетъ произнести имени матери, не вспыхнувъ вся въ лицѣ. Когда крестится послѣ обѣда, то говоритъ: *благодарствуй Богъ и маменька*! Садясь въ карету и видя, что матери нѣтъ на томъ мѣстѣ, на которомъ она ее обыкновенно видѣла, она сказала: *А для чего моя маменька съ нами не ѣдетъ? ахъ, какъ долго она въ Лифляндіи остается! няня, приведешь ее?*—Ек. Аѳ. еще ни о чемъ не знаетъ. Я писалъ Мойеру, чтобъ онъ ей объявилъ; писалъ и къ ней, но не знаю еще, сдѣлалъ ли онъ это. И такъ погодите писать до слѣдующей недѣли, то есть до Ѳоминой. Тогда она уже все знать будетъ: съ моимъ пріѣздомъ все откроется. Изъ Дерпта, гдѣ пробуду недѣлю, поѣду въ Варшаву и возвращусь не прежде іюля мѣсяца. Просьбу Астафьевой получилъ; но теперь совсѣмъ не время отдавать ее; надобно отложить до іюля; теперь съ хлопотами отъѣзда все забудется; и меня здѣсь не будетъ. Лучше подать ее тогда, по моемъ возвращеніи. Вы же забыли важное: выставить ея адресъ на письмѣ; надобно въ концѣ его сказать: жительство имѣю тамъ то, иначе куда отвѣчать. Итакъ пришлите просьбу послѣ моего возвращенія и не забудьте адреса. Простите, милая. По-

христосуйтесь за меня со всѣми вашими. Подробности о дѣтяхъ сообщите Авдотьѣ Николаевнѣ и Анетѣ.

Письмо говоритъ о дѣтяхъ А. А. Воейковой, скончавшейся въ февралѣ этого года въ Италіи на рукахъ Зейдлица. Подробно о самой кончинѣ своей „Свѣтлана" Жук-ій пишетъ со словъ Зейдлица въ другомъ письмѣ къ Елагиной (см. Татевскій сборникъ, стр. 73.) и въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (Переписка съ А. Тургеневымъ изд. Русск. Архива, стр. 251—2.) Авд. Ник. Арбенева.

XXIV.

(*14 Іюля 1829 г.*)—Милая Дуняша! Петруша вѣроятно уже отправился или тотчасъ отправится по полученіи моего письма: даю ему отъ всего сердца мое благословеніе и желаю душевно, чтобы онъ выучился дѣльнымъ образомъ и, выучившись, выбралъ одну, неизмѣнную дѣятельность и, если найдетъ въ себѣ охоту и способность,—дѣятельность писателя. Жалѣю очень однако, что не зналъ предварительно о вашемъ намѣреніи отправить его въ нѣмецкій университетъ. Я бы выбралъ для него берлинскій, который богатъ знаменитыми людьми. А Берлинъ лучшее мѣстопребываніе, нежели Мюнхенъ. Но главной побудительной причиной моего выбора было бы то, что я могъ бы его рекомендовать надежнымъ людямъ, которые не только бы показали ему, по какой дорогѣ идти, но помогли бы ему и идти по ней. Впрочемъ Мюнхенъ много можетъ ему сдѣлать добра, я и надѣюсь. Главное дѣло въ занятіи. Итакъ благословляю его сердцемъ и словомъ. Что же касается до Рожалина, то вы просите отъ меня невозможнаго: мѣста при миссіяхъ даются служащимъ и по большей протекціи. Надобно прежде войти въ службу иностранныхъ дѣлъ министерства, чтобы получить право на помѣщеніе при миссіи, и то стоитъ большаго труда,—ибо кандидатовъ множество. Если Кайсаровы дѣйствительно хотятъ помочь Рожалину черезъ Шредера, то пускай попытаются, но я никакъ не надѣюсь успѣха. Что можетъ сдѣлать Шредеръ? Я съ своей стороны спрошу здѣсь, у кого должно, можетъ ли это быть, но напередъ знаю, что мнѣ не имѣть удачи. Притомъ же вы ничего мнѣ не сказали объ Рожалинѣ, кромѣ его имени. Когда просить о комъ, надобно сказать и чинъ его, и гдѣ онъ служитъ или служилъ прежде; всѣ эти подробности необходимы: нужно имѣть порядочную, полную записку. Пришлите ее. Теперь Императрица возвращается. Можно будетъ подать ей то письмо, которое вы подать хотѣли – присылайте и его; я передамъ, кому слѣдуетъ.—Что у васъ за оговорки со мною? Право не знаю, кто васъ этому языку научилъ и что у васъ за мнѣніе гомозится въ головѣ на мой счетъ. Скучать вашими комиссіями мнѣ нельзя, я не откажусь ни отъ чего возможнаго, а насчетъ невозможнаго просто скажу: *нѣтъ*. Комиссій же, по которымъ бы нужно было *бѣгать самому*, никогда не давайте мнѣ; я ихъ не могу исполнять, ибо я не могу бѣгать: мнѣ судьба теперь

быть сиднемъ и весьма одинокимъ сиднемъ. Если же вы предполагаете, что у меня есть какой нибудь кредитъ, то ошибаетесь. Я вѣдь въ свѣтѣ не живу; и мои здѣшнія занятія такого рода, что мой образъ жизни довольно похожъ на Муратовскій: à quelques beaux rêves près. Encore un beau rêve de moins — c'est celui de la vie d'Alexandrine! Дѣти здѣсь. Старшихъ взяла Императрица на свой отчетъ, то есть приказала ихъ помѣстить въ Екатерининскій институтъ; но пока онѣ живутъ въ царскомъ селѣ у графини Толстой, ибо въ коклюшѣ обѣ. Маша (прелестный, веселый, ласковый ребенокъ) будетъ жить у Екатерины Аѳанасьевны. Со времени нашей потери я ее два раза видѣлъ—проѣздомъ въ Варшаву и изъ Варшавы. Ужасная степь кругомъ ея, но въ этомъ уединеніи слышится милый голосокъ Машиной Кати, въ которую сама она разцвѣтаетъ. А онѣ *обѣ*, лучшее наше во время оно,—гдѣ онѣ? И гробы ихъ на ихъ жизнь похожи. Около одной скромная, глубокая, цвѣтущая тишина: ровное поле, дорога, вечернее солнце; около другой—живое, веселое небо Италіи, благовонные цвѣты Италіи. Гдѣ то ихъ милыя, свѣтлыя души?

Приложенное письмо отдайте *Ротчеву*. Да напишите адресъ: я не знаю, какъ его имя прозаическое; мнѣ извѣстно одно поэтическое.

Отрывокъ изъ этого письма помѣщенъ у Зейдлица (стр. 149—150).

Пятаго іюля А. П. писала Жук-му, прося благословить ея Петрушу на ученье въ Мюнхенскомъ университетѣ. Заграничная поѣздка эта смѣнила собой планы П. Кирѣевскаго о поступленіи юнкеромъ въ армію, о чемъ извѣщала А. П. Жук-аго въ 1828 г.

Заботы о Рожалинѣ продолжаются: Кайсаровы, у которыхъ онъ разсчитывалъ пробыть нѣсколько лѣтъ, черезъ годъ возвращались въ Россію, и Рожалинъ долженъ былъ прервать свои занятія, не имѣя средствъ. А. П-на просила Жук-аго помочь ему получить мѣсто при посольствѣ. Все это не удалось, но Рожалинъ повидимому остался заграницей, поддерживаемый заботливой рукой Авд. П-ны. Въ іюнѣ 1832 г. она говоритъ о немъ, какъ объ умершемъ.

Поѣздка въ Варшаву упоминаемая здѣсь, была совершена Жук-имъ вмѣстѣ съ Дворомъ: Императоръ Николай ѣздилъ въ Варшаву короноваться въ 1829 г. (12 мая.)

Ротчевъ — Александръ Гавриловичъ, писатель, воспитанникъ Моск. универс. (1813—1873 г.) Онъ переводилъ Шиллера, Шекспира.

XXV.

(*22 Янв. 1830 г.*)—Милая Дуняша, нынче въ 10 часовъ отправился нашъ милый странникъ въ путь свой, здоровый и даже веселый. Мы съ нимъ простились у самаго дилижанса, до котораго я его проводилъ. Ему будетъ хорошо ѣхать. Повозка теплая, просторная; онъ не одинъ; хлопотъ не будетъ никакихъ до самаго Берлина. Дорога теперь хороша и ѣзда будетъ скорая. Въ Берлинѣ ему будетъ, надѣюсь, пріятно. Я снабдилъ его письмами въ Ригу, Берлинъ и Парижъ. Въ Ригѣ одинъ мой добрый пріятель поможетъ ему уладить свои экономическія дѣла, то есть размѣнять деньги выгоднѣйшимъ образомъ. Въ Берлинѣ мое письмо познакомитъ его прозаически съ нашимъ посломъ, который дастъ ему рекомендательныя письма далѣе, и поэтически съ Гуфландомъ, который потѣшитъ душу его своею душею. Въ Парижѣ онъ

найдетъ Тургенева, котораго я просилъ присосѣдить его къ себѣ и быть ему руководцемъ на парижскомъ паркетѣ. Для меня онъ былъ минутнымъ милымъ явленіемъ, представителемъ яснаго и печальнаго, но въ обоихъ образахъ драгоцѣннаго, прошедшаго и веселымъ образомъ будущаго, ибо судя по немъ и по издателямъ вашего домашняго журнала (особенно по знаменитому автору заговора Катилины) и еще по Мюнхенскому вашему медвѣженку, въ вашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей—пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ! Дойдутъ къ добру. Ваня—самое чистое, доброе, и умное, и даже философическое твореніе. Его узнать покороче весело. Вы напрасно такъ трусили его житья-бытья въ Петербургѣ: онъ не дрожалъ отъ холода, не терпѣлъ голода въ трактирѣ; онъ просто жилъ у меня подъ роднымъ кровомъ, гдѣ бы и вамъ было мѣсто, если бы вы его проводить вздумали, и напрасно не вздумали. Къ несчастью, по своимъ занятіямъ я не могъ быть съ нимъ такъ много, какъ бы желалъ; но все мы пожили вмѣстѣ. Я познакомилъ его съ нашими отборными авторами; показывалъ ему Эрмитажъ. Болѣе вмѣстѣ нигдѣ быть не удалось. Но Петербургъ отъ него не убѣжитъ, черезъ два года вы пріѣдете его встрѣтить здѣсь и вмѣстѣ съ нимъ и со мною все осмотрите. Удивляюсь, что вы не получали писемъ его. Онъ писалъ нѣсколько разъ съ дороги и почти всякій день изъ Петербурга. Я не писалъ оттого, что онъ писалъ. Теперь пишу объ немъ, чтобы вы были совершенно спокойны на его счетъ: здоровъ и веселъ. До извѣстной вамъ раны я не прикасался: дорога затянетъ ее. Однажды только сказалъ я, говоря вообще: „безъ вѣры нѣтъ любви; можно любить кокетку, но долго любить ее нельзя, ибо сердце (если оно вподлинно сердце) не вѣритъ ей, хотя и льнетъ къ ней; но оно скоро и отпадетъ отъ нея“. И онъ согласился. И такъ будьте и на этотъ счетъ покойны. Обнимаю васъ. Вотъ вамъ его письмо. Объятіе Алексѣю Андреевичу, всѣмъ дѣтямъ, особенно Саллюстію.

„Милый странникъ“—Ив. Вас. Кирѣевскій. Онъ отправлялся заграницу, удрученный несчастной любовью, бросивъ службу. А. П. подробно излагаетъ весь случай въ письмѣ Жук-му 21 сент. 1829 г. Онъ искалъ руки Нат. Петр. Арбеневой, своей дальней родственницы, (ея мать, Авд. Ник. Арбенева была дочерью Натальи Афанасьевны Буниной, по мужу Вельяминовой; слѣдовательно бабки жениха и невѣсты были родными сестрами), но получилъ отказъ на основаніи родства. Авд. Петровна Елагина была противъ этого брака; вся семья внушала ей мало довѣрія, она считала дѣвушку неподходящей подругой для сына, который по ея мнѣнію былъ слѣпо увлеченъ холодной и умной особой, кружившей ему голову; этимъ объясняется разговоръ Жук-аго съ Кирѣевскимъ о кокетствѣ, которой онъ передаетъ А. П-нѣ въ концѣ настоящаго письма. Бракъ этотъ тѣмъ не менѣе состоялся нѣсколько лѣтъ спустя. Эпизодъ этотъ очень характеренъ для замкнутой и глубоко чувствующей натуры Ив. Вас. Кирѣевскаго. Онъ покорился своей участи, пробылъ около года заграницей, усердно слушалъ лекціи въ Мюнхенѣ вмѣстѣ съ братомъ, потомъ вернулся домой къ прежней дѣятельности. Но вотъ что пишетъ Авд. Петр. Жук-му 6-го марта 1834 г. „Милый братъ, благословите Ивана и Наташу.—Весь пятилѣтній оплотъ недоразумѣній, раздуки, благоразумія и пр. распался отъ одного взгляда. 1-го марта послѣ 5 лѣтъ разлуки онъ увидѣлъ ее въ первый разъ: часа два глядѣлъ издали, окруженный чужими гостями, и какъ она встала ѣхать, повлекся какой то невидимой силой, и на крыльцѣ объяснились однимъ словомъ, однимъ взглядомъ.—На другое утро привелъ мнѣ благословить дочь“.

Шуточный журналъ, издававшійся Елагинской молодежью, назывался „Полночная дичь"; его привозилъ Кирѣевскій вмѣстѣ съ другими литературными упражненіями своихъ домашнихъ показать Жуковскому. Авторъ заговора Катилины—Василій Алекс. Елагинъ, старшій сынъ А. И-ны отъ втораго брака. „Мюнхенскій медвѣженокъ"—И. В. Кирѣевскій, поѣхавшій заграницу полугодомъ раньше; онъ былъ очень застѣнчивъ въ то время и, какъ писала мать, совершенно не зналъ людей и боялся ихъ.

Большая часть даннаго письма помѣщена въ сочиненіяхъ И. В. Кирѣевскаго, изданныхъ А. Кошелевымъ (М. 1861 г. I, 26 — 27). Тутъ же есть интересныя письма Кирѣевскаго домой, писанныя въ то время, когда онъ гостилъ у Жуковскаго. Вотъ нѣсколько выдержекъ оттуда. „Разспрашивалъ (т. е. Жуковскій) о нашемъ житьѣ бытьѣ, взялъ мою статью[1]) на ночь и улегся спать. На другой день говорилъ, что она ему не понравилась. „Опять Прокрустова постель", говоритъ онъ. „Гдѣ нашелъ ты литературу? Какая къ чорту въ ней жизнь? Что у насъ своего? Ты говоришь объ насъ, какъ можно говорить только о нѣмцахъ, французахъ и пр." Душегрѣйка ему не понравилась, о Баратынскомъ также; однимъ словомъ, онъ почти ничего не похвалилъ. Говоритъ однакоже, что эта статья также хорошо написана, какъ и первая[2]), и со временемъ изъ меня будетъ прокъ"... — *Отъ 15 января*: „Пушкинъ былъ у насъ вчера и сдѣлалъ мнѣ три короба комплиментовъ объ моей статьѣ. Жуковскій читалъ ему дѣтскій журналъ[3]) и Пушкинъ смѣялся на каждомъ словѣ, и все ему понравилось. Онъ удивлялся, ахалъ и прыгалъ; просилъ Жуковскаго „Зиму"[4]) напечатать въ Литературной Газетѣ, но Жук. не далъ. На Литературную Газету подпишитесь непремѣнно, милый другъ папенька: это будетъ газета достоинства европейскаго; большая часть статей въ ней будетъ писана Пушкинымъ, который открылъ средство въ критикѣ, въ простомъ извѣщеніи о книгѣ быть такимъ же необыкновеннымъ, такимъ же поэтомъ, какъ въ стихахъ. Въ его извѣщеніи объ Исповѣди Амстердамскаго палача вы найдете, говоритъ Жуковскій, и умъ, и приличіе, и поэзію вмѣстѣ"—*20 января:* „Проспорилъ съ Вас. Андреевичемъ до 1-го часа о Фламандской школѣ и, кажется, опять оставилъ о себѣ такое же мнѣніе, какое онъ имѣлъ обо мнѣ послѣ перваго нашего свиданія въ 26 году... Онъ читалъ мнѣ нѣкоторые стихи свои давнишніе, но мнѣ неизвѣстные: къ фрейлинамъ, къ Нарышкину, на заданныя рифмы и проч. Cette profanation du genie m'a choqué. Теперь онъ не пишетъ ничего, и тѣмъ лучше. Поэтическое дѣло важнѣе поэтическихъ стиховъ. Но окончивши, ему хочется возвратиться къ поэзіи и посвятить остальную жизнь Греческому и переводу Одиссеи".

XXVI.

(*1 Янв. 1831 г.*)—Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, милая Дуняша; вы встрѣтите его весело, несмотря на воспоминанія недавнихъ бѣдъ московскихъ: ваши *всѣ* около васъ. Вѣрно вчера вы сидѣли до полночи вмѣстѣ, подслушивали вмѣстѣ послѣднее дыханіе умирающаго двѣнадцати-мѣсячнаго старика и при первомъ боѣ часовъ, то есть при первомъ крикѣ новорожденнаго, обнялись крѣпко, радуясь, что *всѣ на лицо*. А я эти минуты провелъ одинъ, ибо въ такія минуты лучше быть одному съ семьею воспоминаній, нежели въ чужой, хотя и любезной семьѣ. Можно сказать, что я провелъ эти послѣднія минуты прошлаго и первыя минуты новаго года между двумя гробами. Чтобъ подѣлиться съ вами и этимъ добромъ, выписываю вамъ то, что писала Маша, встрѣчая свой послѣдній новый годъ. Это изъ ея письма къ Зейдлицу и писано по нѣмецки: Hier ist auch der letste Tag vom Jahre. Eine ganz sonderbare Empfindung ergreift das Herz bei dem Gedanken, dass man dem letzten Athem eines Sterbenden, welcher nach einigen

[1]) Разумѣется статья И. Кирѣевскаго „О литературѣ 1829 г." въ альм. „Денница".
[2]) „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина" въ Моск. Вѣстникѣ 1828 г.
[3]) Т. е. „Полночную Дичь".
[4]) Повѣсть, писанная кѣмъ то изъ Елагинской семьи.

Stunden zu Grabe getragen wird, beiwohnt. Man ist so geizig auf jede Minute, sie mag noch so uninteressant sein. Da die Gefühle noch mehr zu denjenigen gerichet sind, durch welche dieser Jahr. diese Leiche lieb war, so vergisst man alles Schlechte und erinnert sich nur des Guten und ist dafür sehr dankbar, liebt sehr, und möchte noch mehr lieben. So geht es mir. Ich bin so froh, so hoch aufgestimmt erwacht, das ich fürchte *manche Saite werde noch vor dem Ende des Jahres platzen*. Die Uhr ist 5, auf den Strassen noch alles so still; um mich herum noch alles schnarchend, mein Herz pochend, aber ruhig und dankbar su Gott! Ich trete in dieses neue Jahr mit ganz besonderen Empfindungen. Es ist mir so zu Muthe, als wenn ich für mich selbst wieder ein neues Leben anfangen sollte. In der Kirche lies ich ein Te Deum singen, und als der Priester fragte, was für eines ich haben wollte, ein gewöhnliches oder ein *благодарственный*? so bedachte ich mich nicht und rief von ganzen Herzen: ja wohl! ein *благодарственный*! Wer hat mehr Ursache, als ich, zu danken! *Dorthin* bringe ich alle meine Wünsche! hier will ich *lieben* und danken.

Das Jrdische wird *dorten*
Himmlisch unvergänglich sein.

Und das will ich verdienen.—So sitze ich und durchstreife nochmals das vergangene Jahr, das vergangene Leben! Beide werden nicht mehr wiederkommen.—Это было писано рано поутру *31 Декабря 1822 г.*— Вотъ что писала она *29 Декабря*: Heute beim Abendessen war die Rede von der glücklichsten Minute des Lebens und Anette sagte, das der erste Schrei des Kindes nach so vielen überstandenen Qualen das Schönste wäre, was eine Mutter empfinden könnte. Ich dachte an meinen 19 October wie ich mein Kindchen athmen hörte, da war ich sehr glücklich— so eine Minute erlebe ich nicht mehr.

Вотъ что еще написано было *9 января 1823*: „Ach Gott! wie sonderbar ist mir zu Muthe, wenn ich an den entscheidenden Tag denke! Närrisch ist's, dass ich mich selbst mir gar nicht zu der Zeit vorstellen kann; immer kommt es mir vor, dass ich nicht mehr acteur, sondern Zuschauer von der Zeit an sein werde. Eben war die alte Berg mit ihrer kleinen Grosstochter hier: es schien mir als sehe ich *meine* Mutter und *meine* Tochter: die eine alt und schwach, die andre klein und schwach und der Vater weit von ihnen—weit von der verstorbenen Mutter seines Kindes.—*Января 12*: „Alter, guter Sohn, warum haben sie mir mit der letzten Post nicht geschrieben! Ist der März einmal da, so werde ich ohnehin ihre lieben Briefe nicht lesen können.—*4 Марта*. Ich schicke ihnen die Weihrauch'schen Lieder zum Geschenke und meinen Ring zum Adnenken: behalten sie ihn bis zum Juni und geben sie ihn dann entweder *mir selbst*, oder—an Kati. Ich würde ihn ins Grab mitnehmen, aber bei uns ist das nicht Sitte.

Простите, милая! Что то скажу вамъ на слѣдующій новый годъ? И скажу ли что нибудь?.. Обнимите возвратившихся, съ ними и всѣхъ прочихъ.

„Ваши всѣ около васъ". Оба сына Авд. П-ны въ концѣ 1830 года вернулись изъ заграницы, скорѣе, чѣмъ предполагали, встревоженные извѣстіями о холерѣ въ Москвѣ.

Въ отвѣтъ на это письмо, со страницъ котораго зазвучалъ для А. П-ны дорогой голосъ Марьи Андреевны, она пишетъ Жук-му горячую просьбу—отдать ей на воспитаніе Катю Мойеръ—и въ подкрѣпленіе прилагаетъ къ своему письму одно письмо къ ней М. Андреевны (апрѣль и май 1821 г.), гдѣ М. А. говорила: „ты—мать моей дочери, лучшая насъ обоихъ (разум. отецъ и мать); умри я. она никому кромѣ тебя принадлежать не будетъ; ты ее лучше насъ воспитаешь". Письмо это цѣликомъ помѣщено ниже, среди другихъ писемъ М. А. Мойеръ.

XXVII.

(*Мартъ 1831 г.*)—Милая Дуняша, что мнѣ дѣлать съ Тютчевымъ? Вотъ уже нѣсколько разъ посылалъ къ нему и просилъ его побывать у меня. Онъ хотѣлъ прійти и не явился. Послалъ къ нему вчера, а онъ перемѣнилъ квартиру, и человѣкъ мой не знаетъ, гдѣ отыскать его. Самъ же я не могъ найти, вотъ уже третья недѣля, какъ не выхожу; сперва съѣлъ грибъ, потомъ заболѣли глаза и долженъ сидѣть дома, на самой строгой діетѣ, ибо принялся за гомеопатію.— Скажите обо всемъ этомъ Николаю Николаевичу; [1]) пускай онъ напишетъ къ сыну, чтобы онъ побывалъ у меня. Жалкій отецъ! онъ обреченъ на необыкновенныя горести, кои, можетъ быть, и самъ для себя приготовилъ своею слишкомъ нѣжною кротостью къ дѣтямъ. Этотъ просится въ миссіонеры, то есть, хочетъ другихъ учить христіанству, самъ не зная главной заповѣди христіанской: „чти отца твоего", а меньшой, учась въ Гернгутерскомъ училищѣ, не приготовитъ себя, конечно, для дѣятельной жизни въ Россіи. Все это очень печально. Да и вы печалите меня вашими письмами. Скажите пояснѣе, что у васъ дѣлается. Ужь молодежь ваша, возвратясь изъ Нѣмеціи, не оставила ли тамъ Руси? Надобно жить идеями, но идеями своего мѣста и времени. Это не мѣшаетъ высшимъ идеямъ, но надобно, чтобы и высшія идеи ничего существеннаго не портили. Практическое благоразуміе есть не только достоинство, но и строгая должность. Напишите ко мнѣ. Обнимаю васъ.

XXVIII.

(*Сент.—Окт. 1831 г.*)—Милая Дуняша, вотъ вамъ короткій отвѣтъ на ваше письмецо. О нашемъ старикѣ и сынѣ его Гостунскомъ буду хлопотать: попрошу оберъ-прокурора князя Мещерскаго и самъ напишу его Преосвященству. Можетъ быть и удастся. Что же касается

[1]) Ник. Ник. Тютчевъ былъ братъ Над. Ник. Шереметевой.

до Петруши, то радъ всѣми силами хлопотать; нужно только болѣе точности. Я не могу прійти къ Нессельроду и сказать ему: помѣстите, прошу васъ, въ Архивѣ Петрушу Кирѣевскаго. Надобно будетъ ему сказать, имѣетъ ли уже какой чинъ этотъ Петруша, гдѣ онъ учился, и на какое именно мѣсто поступить желаетъ. Все это я знаю, но не совсѣмъ. И такъ заставьте написать Алексѣя Андреевича форменную записку о прошедшемъ и желаемомъ будущемъ Петруши—онъ уже знаетъ, какъ такія записки пишутся—и поскорѣе доставьте сію записку ко мнѣ. А я уже примусь за Нессельрода; авось и будетъ удача. Въ поощреніе посылаю вамъ новые мои стихи. Скоро выдутъ новыя мои баллады, а въ запасѣ есть и другое, что въ свое время прочтете.

1) „Старикъ Гостунскій—священникъ села Николы Гостунскаго близь Бѣлева, нѣкогда духовный отецъ обитателей Мишенскаго. Письмо отнесено къ Сен.—Окт. потому, что 16 сент. А. П-на переслала Жук-му просьбу этого священника о мѣстѣ за его сына. Въ этомъ же письмѣ Елагина проситъ содѣйствія Жук-аго при поступленіи Петра Кирѣевскаго актуаріусомъ въ коммиссію по изданію грамотъ при Московскомъ Архивѣ.

2) „Новые стихи"—Русская пѣсня на взятіе Варшавы, вышедшая въ Сент. отдѣльн. изданіемъ.

XXIX.

(*Декабрь 1831 г.*)—Милая Дуняша, перешлите немедленно это письмо къ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой; а мнѣ пришлите копію съ Кота Мурлыки, котораго прошу изъ Ѳадея перекрестить въ Ѳедота, ибо могутъ подумать, что я имѣлъ намѣреніе изобразить въ немъ Ѳадея Булгарина. Напишите о себѣ, душа моя. Что журналъ? На слѣдующей почтѣ пошлю къ вамъ экземпляры моихъ балладъ для васъ и для раздачи. Отъ сей послѣдней обязанности Тургеневъ увольняется. Обнимаю всѣхъ васъ.

Въ письмѣ идетъ рѣчь о „Войнѣ мышей и лягушекъ", которую передалъ Жук-ій для предпринятаго Пв. Кирѣевскимъ журнала „Европеецъ". На вопросъ Жук-аго: „что журналъ?" А. П-на 16 дек. отвѣчала: „Европеецъ осовѣлъ; многихъ журналовъ здѣсь получать не позволено, напр. L'Avenir, и Литературныхъ Англинскихъ. Вяземскій, Тургеневъ все обѣщаютъ, и благодаря баламъ и вечерамъ—не дали ничего. Подписчиковъ еще нѣтъ. Увѣряютъ, будто объявленіе его слишкомъ скромно, и неизвѣстное имя издателя не привлекаетъ никого. Первая книжка почти напечатана, а на вторую кромѣ Онуфрія (т. е. Войны мышей и лягушекъ Жук-аго) еще нѣтъ ничего". Спустя мѣсяцъ (11 янв. 1832 г.) Елагина пишетъ тоже: „Иностранныхъ журналовъ еще нѣтъ и это насъ сокрушаетъ... Вяземскій обѣщалъ много и не далъ, Пушкинъ также; издатель остается при своихъ и смущается крѣпко".

XXX.

Князь Ливенъ, свидѣтельствуя его превосходительству Василію Андреевичу истинное почтеніе, честь имѣетъ препроводить копію съ полученнаго, сего дня, письма отъ графа Нессельрода, полагая, что его превосходительству не непріятно будетъ знать содержаніе онаго, по принимаемому участію въ судьбѣ оставшагося послѣ покойнаго Калайдовича семейства

4 іюня 1832 г.

Его Превосходит-ву В. А. Жуковскому.

Я забылъ вложить это въ пакетъ моего послѣдняго письма. Посылаю, какъ документъ, что и я хлопоталъ о пенсіи вдовѣ Калайдовича. Еще забылъ было важное: письмо Як. передано мною Адлербергу. Онъ сказалъ, что не можетъ ничего на оное отвѣчать, ибо отвѣтъ данъ уже Бенкендорфомъ. Впрочемъ онъ хотѣлъ писать объ этомъ самъ.—Еще разъ простите. *15 іюня. Ж.*

Жук-ій сдѣлалъ приписку на оборотѣ записки кн. Ливена. „Письмо Як.“ — Рѣчь идетъ о Н. В. Якушкиной, женѣ декабриста И. Д. Якушкина, дочери Н. Н. Шереметевой. Обѣ онѣ, мать и дочь, въ 1829 г. хлопотали о разрѣшеніи Якушкиной ѣхать съ дѣтьми къ мужу въ Сибирь. Теперь Якушкина очевидно просилась ѣхать уже одна; А. П-на пишетъ Жук-му, пересылая ему ея письмо къ Адлербергу: „Дѣти помѣщены очень хорошо и она не съ ними“.

XXXI.

(*12 Ноября 1833 г*).—Милая Дуняша, я уже многимъ поручалъ и сказать вамъ лично и написать вамъ о своемъ пріѣздѣ. Вы теперь знаете, что я возвратился и что я здоровъ. Вотъ уже два мѣсяца какъ я въ Петербургѣ; помолодѣлъ и похорошѣлъ, какъ всѣ увѣряютъ. Не хочу вамъ ничего разсказывать о своемъ путешествіи: лѣпь. Я прожилъ шесть мѣсяцевъ въ райской тишинѣ, въ объятіяхъ чародѣя Farnientе на берегу Женевскаго озера; потомъ видѣлъ чудесный лихорадочный сонъ—Италію; теперь здѣсь въ области мглы, сырости и геморроя, и любуюсь наводненіемъ, которое уже двѣ ночи сряду грозитъ Петербургу.—По пріѣздѣ моемъ сюда, я нашелъ здѣсь А. В. Вельсъ, которую зналъ только крошечною Дунечкою и которая воскресила передо мною свою милую мать. Мужъ ея хочетъ вступить въ русскую службу, дабы выслужить себѣ и возможнымъ своимъ дѣтямъ дворянство и право владѣнія имѣніемъ. Это соединено съ великими трудностями, которыхъ я, съ моимъ ничтожнымъ кредитомъ, побѣдить не надѣюсь и по моему мнѣнію было бы всего лучше для нихъ продать имѣніе и переселиться въ Америку. — Напишите ко мнѣ, моя милая Дуняша. Мнѣ сказывали, что Петръ нашъ былъ боленъ, увѣдомьте, каковъ онъ. Что дѣлаетъ Иванъ? Боюсь, что онъ ничего не дѣлаетъ, а это никуда не годится. Его неудача журнальная не можетъ служить ему оправданіемъ, она можетъ быть только развѣ придиркой для его лѣни. Петръ когда то говорилъ мнѣ о намѣреніи переводить Шекспира: вотъ дѣло на цѣлую жизнь и какая была бы услуга для русскаго языка. Для чего бы и Ивану не выдумать себѣ подобной работы? Да и не все же работать для печати. Работай для того, чтобъ душа созрѣвала и не мелѣла. Этого то у насъ на Руси и не водится.—Что Языковъ? Какъ идетъ его служба въ Межевомъ департаментѣ?— Я получилъ (между нами) письмо отъ Наташи Арбеневой, которая, кажется мнѣ, терпитъ большія непріятности отъ Норова. Не говорите, прошу васъ, объ этомъ никому, дабы не про-

извести между ними большей распри, но освѣдомьтесь и увѣдомьте меня о ея положеніи. Желалъ бы знать въ точности, каково оно. Жалкое семейство! все въ развалинахъ. Что можетъ быть причиной ихъ несчастнаго несогласія? и какъ этому помочь?—Дайте, прошу васъ, мнѣ знать, что дѣлается съ Авдотьей Степановной? Что Проташинскій? Простите, милая. Когда напишете ко мнѣ, то, можетъ быть, я буду и отвѣчать вамъ. Цѣлую всѣхъ вашихъ и моихъ.

Прошу васъ переслать приложенное нужное письмо по адресу. *Мягковъ* служилъ при университетѣ и пансіонѣ. Объ немъ можно освѣдомиться въ самомъ университетѣ отъ ректора или отъ кого нибудь изъ профессоровъ. Перешлите, прошу васъ, немедленно.

1) Авд. Вас. Вельсъ—дочь Екат. Петр. Юшковой (Като) и Вас. Азбукина, вышедшая за американца Вельсъ, (а послѣ его смерти за И. Д. Пелопидаса).

2) Жук-ій интересуется дѣлами Ив. и Петра Кирѣевскихъ. Извѣстно, что „Европеецъ" прекратился на 3-мъ № и редакторъ попалъ подъ надзоръ, какъ не благонадежный человѣкъ. Неудача сильно подѣйствовала на него; Авд. П-на пишетъ въ апрѣлѣ 1832 г.: „Иванъ все еще не умѣетъ опомниться и съ собой сладить. Собирается въ деревню, зарыться въ хозяйство". Кромѣ того этотъ надзоръ причинялъ Кирѣевскому много непріятностей; въ Татевскомъ Сборникѣ помѣщено письмо Жук-аго къ Москов. Генералъ Губернатору кн. Д. А. Голицыну, гдѣ поэтъ рекомендовалъ Кирѣевскаго съ хорошей стороны и просилъ оказать ему поддержку. Около того же времени Авд. П-на сообщаетъ Жук-му о притѣсненіяхъ Ивану Кирѣевскому со стороны калужскихъ властей (по Долбину) и проситъ защиты.—Что касается Петра Кирѣевскаго, онъ очень недолго оставался въ Коммиссіи по изд. грамотъ; изъ писемъ матери видно, что директоръ Архива Малиновскій его не любилъ и держалъ его на неподходящей работѣ—на переводахъ „паспортовъ, духовныхъ и тяжбъ разнымъ бродягамъ—Итальянцамъ, Англичанамъ, Нѣмцамъ", какъ пишетъ Елагина (въ февр. 1832 г.) Она сообщаетъ здѣсь же нѣкоторыя подробности о его сборникѣ народныхъ пѣсенъ; вотъ ея слова: „Онъ издаетъ собраніе пѣсенъ, какого ни въ одной землѣ еще не существовало, около 800 однихъ легендъ, т. е. стиховъ по ихнему. (Вѣроятно, разумѣются духовные стихи). Когда онъ нынѣшнее лѣто собиралъ въ Осташковѣ нищихъ и стариковъ и платилъ имъ деньги за выслушаніе ихъ не райскихъ пѣсенъ, то городничему показался онъ весьма подозрителенъ, онъ послалъ рапортъ къ губернатору; то же сдѣлали многіе помѣщики, удивленные поступками слишкомъ скромными такого чудака, который по несчастію называется студентомъ. Губернаторъ послалъ запросъ Малиновскому, а тотъ по обыкновенному благородству своего характера отвѣчалъ, что онъ Кирѣевскаго не знаетъ!"—Въ отвѣтъ на слова Жук-аго о переводѣ Шекспира, Авд. П-на пишетъ, что у П. Кир-аго переведены Отелло и Венеціанскій купецъ.

3) На вопросъ объ Языковѣ Елагина пишетъ: „Языковъ лѣнится въ Симбирскѣ и жалуется на оковы службы, но просится безпрестанно въ отставку, но мы не пускаемъ, не выхлопотавши чина коллежск. регистратора, которымъ честолюбіе его ограничится".

4) „Наташа Арбенева", т. е. Нат. Петр. Арбенева; она въ 1831 г. лишилась матери и поселилась въ домѣ замужней сестры своей, Марьи Петр. Норовой. „Непріятности", о которыхъ говоритъ Жук-ій, скоро заставили молодую дѣвушку уйти отъ Норовыхъ подъ покровительство Авд. Петровны, которая измѣнила въ то время свое мнѣніе о ней; это и подготовило почву для заключеннаго въ слѣдующемъ году брака.

XXXII.

(8 Мая 1835 г.)—Милая Дуняша, получивъ записочку вашу, я вообразилъ, что вы уже у московской заставы и было мнѣ очень досадно, что вы въѣзжаете въ Петербургъ въ ту самую минуту, въ которую мнѣ надобно было переѣхать въ Царское Село. Но теперь, пріѣхавъ на день изъ Царскаго Села въ Петербургъ, узнаю, что вы отложили свой отъѣздъ въ той мысли, что я буду будто въ Москву, это къ

лучшему, ибо по новому постановленію вамъ надобно будетъ испросить позволеніе у Государя на отъѣздъ въ чужіе края: это будетъ легко сдѣлать теперь въ Москвѣ. И я бы радъ былъ, чтобы вы не прежде какъ послѣ 25-го мая пріѣхали въ Петербургъ, къ этому времени я пріѣду туда изъ Царскаго Села и мы дни вашего тамошняго пребыванія проведемъ вмѣстѣ. Если мое письмо васъ застанетъ въ Москвѣ еще, то устройте это такъ, чтобъ вашъ пріѣздъ сюда могъ быть около назначеннаго мною числа. Вы писали, сказывалъ мнѣ Одоевскій, о занятіи для васъ мѣста на пароходѣ; я улажу такъ, чтобы это было согласно съ моимъ планомъ. Веневитиновъ васъ увѣдомитъ.

Не думайте, чтобы я забылъ о дѣлѣ Петра. Я говорилъ, и не одинъ разъ, съ Вьельгорскимъ, отвѣтъ его былъ слѣдующій: за выслугу лѣтъ у нихъ теперь не представляютъ къ повышенію чиномъ, ибо готовится новое образованіе и всѣ производства остановились. Представить же къ чину за отличіе не выгодно, потому что тогда чинъ выслуженный и который въ свое время дается съ старшинствомъ, будетъ данъ, какъ награда. Я и остановился съ моими требованіями, услышавъ такой отвѣтъ. — Отвѣчайте мнѣ на это письмо, если еще успѣете.

XXXIII.

(9 мая 1835 г.) — Милая Дуняша, вчера писалъ я къ вамъ по почтѣ и навралъ. Я ошибся; думалъ, что вы писали о наемкѣ мѣста къ Веневитинову, а выходитъ, что вы писали къ Титову. Вотъ въ чемъ дѣло: для меня будетъ выгоднѣе, если вы пріѣдете въ Петербургъ не прежде какъ къ двадцать пятому мая, ибо тогда я самъ буду въ Петербургѣ. Теперь я въ Царскомъ Селѣ и отлучиться мнѣ нельзя. И такъ напишите, чтобы мѣсто было для васъ взято на пароходѣ, отъѣзжающемъ въ началѣ іюня. Я объ этомъ предувѣдомилъ Одоевскаго. Но напишите и вы.

Что дѣлаютъ наши отецъ и мать? Обнимите ихъ за меня хорошенько и съ новорожденнымъ младенцемъ.

Писано передъ самымъ отъѣздомъ Елагиной въ Петербургъ для путешествія въ Карлсбадъ на воды. „Наши отецъ и мать“—Ив. Вас. и Нат. Петр. Кирѣевскіе, у которыхъ въ мартѣ родился сынъ Василій.

XXXIV.

(13 окт. 1835 г. Ц. Село.)—Я не получилъ ни одного изъ писемъ вашихъ, милая Авдотья Петровна, и весьма изумленъ, прочитавъ на послѣднемъ письмѣ вашемъ: Вѣна. Еще болѣе удивился, когда изъ письма вашего узналъ, какъ вы попали въ Вѣну. И удивился, и разсердился. И такъ разсердился, что даже не позволяю писать себѣ никакихъ объясненій: они не нужны. Скажу одно: въ ваши лѣта къ ве-

ликодушію и добродушію можно бы присоединить и благоразуміе. Да что тутъ говорить?—ваша прагская бѣда очень досадна; тѣмъ болѣе, что вы сами виноваты: *всего* своего имѣнія на себѣ не носятъ, особливо, когда идутъ въ такую толпу, которая составлена изъ половины Богеміи, какъ вы пишете. У меня теперь вашихъ *три* тысячи, присланныя мнѣ Алексѣемъ Андреевичемъ, котораго я увѣдомилъ о данномъ мною вамъ *кредитивѣ:* я передамъ эти деньги банкиру для пересылки къ вамъ. Вы получите такой же кредитивъ, какой соблаговолили потерять; но въ немъ моихъ денегъ будетъ только двѣ тысячи. О пересылкѣ же трехъ тысячъ увѣдомлю Алексѣя Андреевича. Но не скажу ему ни слова о томъ, что вы вмѣсто того, чтобы заботиться о собственномъ здоровьѣ, которымъ вы *обязаны и ему, и вашему семейству,* берете на себя (по просьбѣ перваго встрѣчнаго) заботу о другихъ больныхъ и провожаете ихъ отъ Карлсбада до Вѣны—это его разсердитъ и обидитъ, и онъ будетъ правъ. Но браниться за 1000 верстъ не ловко. Увѣдомьте, прошу васъ, о томъ, что вы теперь дѣлаете. Вы, по обыкновенію своему, забыли въ письмѣ своемъ почтенную прозу, то есть, не дали мнѣ знать, когда и куда ѣдете, и какой вашъ адресъ, и что осталось у васъ въ карманѣ. На всякій случай адресую письмо свое въ Дрезденъ къ Бассанжу. Я уже писалъ къ вамъ туда на имя нашего посланника Шредера, съ мѣсяцъ тому назадъ.—Простите. Обнимаю васъ всѣхъ, хоть еще досада моя не прошла.

„Прагская бѣда“ состояла въ томъ, что у Авд. Петровны на праздникѣ въ день Св. Вячеслава въ густой толпѣ вытащили всѣ ея деньги. Въ письмѣ изъ Вѣны она кромѣ того разсказываетъ Жук-му о своемъ знакомствѣ въ Прагѣ съ Палацкимъ, Ганкой и Шафарикомъ, давая имъ бѣглыя, но вѣрныя характеристики. Такъ Ганку она называетъ „самолюбивымъ славянином, чванящимся владимірскимъ крестомъ выше всего, что имѣетъ истиннаго“. А про Шафарика, „милаго, исполненнаго божественнаго вдохновенія“, пишетъ: „Труды его неимовѣрны, а вся жизнь — высоко поэтическая. Онъ такъ бѣденъ, что съ женой, матерью и 4 дѣтьми живетъ тысячью гульденовъ, собираемыми для него не называющимися друзьями, но порядокъ бѣдныхъ его комнатъ, ясность душевная и свѣтлый умъ не позволяютъ и замѣтить въ чемъ нибудь недостатка“.

XXXV.

(3 ноября 1835 г.)—Милая Дуняша, вы чудесница были и будете. Вотъ еще какая выдумка, не называй я васъ Авдотьей Петровною: это значитъ, что я сердитъ и прочее, и прочее. И за что же еще сердитъ? За то, что нѣтъ отъ васъ писемъ. Да на это мнѣ сердиться нельзя, надобно только вспомнить, что со мною самимъ бываетъ; и каково бы мнѣ самому было, когда бы мои друзья сердечные вздумали разсчитывать мою къ нимъ дружбу по числу моихъ къ нимъ писемъ. И такъ, душа моя Авдотья Петровна или Дуняша, я назвалъ васъ тѣмъ именемъ, которое Господь даровалъ вамъ посредствомъ крестнаго отца и роднаго отца, просто потому, что оно само подлѣзло подъ перо мое и выложилось на моей бумагѣ во всей чернильной красотѣ, безъ всякихъ моихъ относительно къ тому самоличныхъ претензій. Послу-

те, сдѣлаемъ уговоръ: если когда нибудь мнѣ случится повздорить
зами до холодности (чего не можетъ случиться), то знайте, что
письмахъ своихъ стану васъ называть не Авдотья Петровна (это
слишкомъ пахнетъ нашею общею прежнею жизнью), а Авдотьей
иверстовной. Подъ всякимъ другимъ именемъ, знайте, что вы моя
ія, вѣрная сестра; за симъ — точка. Боюсь однако, чтобъ мое
ѣднее, гнѣвное письмо за вашу вѣнскую поѣздку васъ крѣпко не
доражило; а если на бѣду и оно заклеймено именемъ Авдотьи Пе-
ны, то бѣда мнѣ. Вотъ почему я спѣшу отвѣтить вамъ. Правда,
разсердили меня, а еще болѣе разсердился я на этого эгоиста По-
ина, который, взявъ съ собою жену, но заботясь объ однихъ своихъ
ыхъ дѣлахъ, не нашелъ ничего лучше, какъ ее поручить вамъ,
ной, путешествующей съ двумя дочерьми, не имѣя для путеше-
я большихъ средствъ, безъ всякой опытности. Какъ могла ему прійти
голову такая просьба? Онъ понадѣялся на ваше сердце, которое
ствуетъ всесильно, покоряя васъ первому своему движенію, вопреки
къ противорѣчій разсудка, или, лучше сказать, считая всякое слово
удка недостойнымъ вниманія, достойнымъ презрѣнія. Признаюсь, я,
читавши письмо ваше, подумалъ о вашемъ московскомъ докторѣ и
всего сердца сказалъ: правъ ты, покойникъ. На вашемъ мѣстѣ,
отья Селиверстовна, было бы обязанностью не принять на себя
ложеніе Погодина: вы не имѣли права принять его, у васъ другая
ь и обязанность. Повѣрьте, что въ иныхъ случаяхъ гораздо болѣе
одѣтели *отказать* себѣ въ самопожертвованіи, къ которому влечетъ
ще, послушавшись высшей обязанности, предписываемой разсуд-
ь; болѣе добродѣтели предпочесть холодную, строгую должность,
которой не лежитъ сердце, должности увлекательной, къ которой
итъ чувство. Однимъ словомъ, поѣздка ваша въ Вѣну была для
я не только досадна, но и оскорбительна. Какъ же положиться на
ь, когда вы, по первому движенію, все и всѣхъ позабыть можете?
жели вы достоинство поступковъ заключаете въ однихъ этихъ пер-
ъ движеніяхъ (разумѣю здѣсь добрыя). Да что въ нихъ нашего?
ъ, кто одаренъ жаркой любящей душой какъ вы, въ такихъ слу-
хъ, покоряясь одной силѣ своей особенной природы, дѣйствуетъ какъ
ь, онъ ни за что, ни за настоящее, ни за будущее отвѣчать не
етъ. Ваше достоинство состоитъ въ томъ, чтобы умѣть привести
равновѣсіе съ спокойнымъ здравымъ умомъ стремительность вашего
ца; то есть, вамъ надобно увѣриться, что вашему ходкому кораб-
у такъ же нуженъ компасъ.... Вотъ какъ я разсовѣтовался, вы
ете подумать, что вашъ московскій докторъ воскресъ. Правъ былъ
ойникъ; я понимаю его досаду и вполнѣ раздѣляю ее. — Но до-
ьно. Дѣло прошлое. По крайней мѣрѣ теперь опять не сшалите.
слышалъ, что изъ Москвы ѣдутъ два магистра, одинъ коллежскій
есоръ, два служащихъ по особеннымъ порученіямъ и у каждаго по

больной женѣ, всѣ они ѣдутъ въ Прагу и ужъ у каждаго написано къ вамъ письмо, по которому вы имѣете тотчасъ явиться изъ Дрездена въ Прагу и тотчасъ ѣхать съ одной женой въ Вѣну, съ другой въ Римъ, съ третьей въ Эмсъ... Не сердитесь за эти пошлыя шутки, милая, лучше шутить, нежели браниться. Чтобъ сказать однимъ словомъ: постарайтесь во время вашего пребыванія заграницею исполнить то, зачѣмъ вы поѣхали, то есть возстановить свое здоровье для тѣхъ, кого вы любите, кому вы нужны: это ваша ближайшая обязанность; пожертвовавъ ею какой нибудь другой, по первому порыву души, вы обидите и свою должность, и насъ (меня чрезвычайно). — Благодарствуйте за письма о Фридрихѣ. Я уже два раза писалъ къ нему и назначилъ, что онъ долженъ прислать. — Вамъ же вотъ какое порученіе: 3000 рублей къ вамъ посланы; эти деньги не мои, а вашего мужа. Теперь скажите, сколько у васъ денегъ? потеряны или нѣтъ всѣ тѣ, кои вы получили въ векселяхъ и въ моемъ кредитивѣ? Возьмите на себя трудъ объ этомъ написать по обстоятельнѣе и подробнѣе: и не воображайте ради Бога, что строгій разсчетъ въ путешествіи есть нѣчто слишкомъ земное и презрѣнное. Разочтите все хорошенько и увѣдомьте меня. Если этого не сдѣлаете, то жестоко разсердите, ибо тогда совершенно увѣрите, что на васъ нѣтъ возможности положиться ни въ чемъ, что принадлежитъ къ порядку, что можно любить только вашу душу, и что ваше грѣшное тѣло никуда не годится. Смотрите же, отвѣчайте скорѣе, подробнѣе. Сколько у васъ *есть* денегъ? Сколько *нужно теперь* и *впередъ*, и сколько можете имѣть *собственныхъ*, и сколько должно *добавить?* — О себѣ скажу вамъ, что я здоровъ и буду еще здоровѣе, если получу отъ васъ такое письмо, какого мнѣ хочется,— прозаически разсчетливое; смотрите же, не ударьте лицомъ въ грязь и потѣшьте меня. Адресуйте письмо ваше не на имя Булгакова; его уже нѣтъ на свѣтѣ; вчера я съ нимъ навсегда простился и проводилъ его на послѣдній земной ночлегъ. Однимъ истинно добрымъ человѣкомъ менѣе на свѣтѣ. Хоть у меня и не было съ нимъ особенно тѣсной дружеской связи, но я душевно любилъ его за его добрую душу, и онъ былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ, если не колыбельныхъ, то пансіонскихъ знакомцевъ на здѣшнемъ свѣтѣ. Сколько ужъ положено въ могилу! Чтобы нѣсколько воскресить прошедшее, я принялся за стихи; пишу Ундину, съ которой познакомился во время оно и отъ которой такъ и дышетъ прошлою молодостью. Представлю ее вамъ, когда воротитесь... Знаете ли что? недалеко отъ Бреславля есть у меня милая знакомая, графиня S..... [1]), урожденная Клейстъ. Мы породнились душою въ то время, когда я жилъ въ Берлинѣ (1821 г.). Тамъ я познакомился съ ея матерью и съ нею. Мать ея была несравненная женщина; я любилъ ее дѣтски, она любила меня матерински;

---

[1]) (Фамилія не разборчива).

ея ужъ нѣтъ. Дочь, созданіе несравненное; она теперь замужемъ, мать семейства; пишетъ иногда ко мнѣ письма несравненныя. Я бы радъ былъ, когда бы вы, на обратномъ пути, какъ нибудь съ ней познакомились. Вы бы для нея были моимъ представителемъ, а узнавъ ее запаслись бы на жизнь прекраснымъ воспоминаніемъ.—Простите, душа, Дуняша, Авдотья Петровна. Отвѣчайте скорѣе.

XXXVI.

(12 ноября 1835 г.)—Милая Дуняша, письмо ваше отъ 10 ноября меня огорчило и испугало. Что вы это говорите о боли въ груди? Вы дали мнѣ мучительное безпокойство,—также родъ рака, который при каждомъ воспоминаніи о васъ угрызаетъ за душу. Къ несчастію при этой тревожной мысли объ васъ нельзя имѣть никакой на васъ самихъ надежды; вы при всемъ вашемъ великодушіи и самоотверженіи, такъ же точно жертвуете другими, какъ и собою. Можно во всякую минуту вѣрить вашей высокости, даже чувству вашей дружбы, но никогда нельзя отдохнуть за васъ при мысли о вашемъ благоразуміи. Я не думалъ сердиться на васъ, какъ вы это полагаете, за потерю денегъ; но обидѣлся тѣмъ, что вы, покинувъ Россію и насъ—вашихъ, нося въ себѣ тяжелую болѣзнь, бросили обо всемъ этомъ заботу, дабы сдѣлаться garde malade Погодиной, которую и взяли на свои руки, чтобы отвезти въ Вѣну. Тутъ нѣтъ даже справедливости: ибо тутъ я вижу забвеніе главной вашей обязанности; вы обязаны употребить все теперь на то единственно, чтобы возвратить себѣ здоровье; если вы не поступите въ этомъ дѣлѣ съ той совѣстностію, какой требуетъ отъ васъ и семейство ваше и я (если угодно причесть меня къ своему семейству), то оправданія вамъ не будетъ. Ваши поступки, которыхъ основаніе всегда прекрасно, слишкомъ часто опредѣляются первымъ сильнымъ движеніемъ и отъ этого они невѣрны. Дурными они никогда не будутъ — ибо движенія хороши. Но знаете ли, въ чемъ состоитъ ваша особенная нравственность? Не въ борьбѣ съ худыми побужденіями и въ ихъ преодолѣніи, а въ выборѣ между добрыми лучшаго, и въ постоянствѣ исполненія, какъ скоро выборъ сдѣланъ. На всякій случай примите отъ меня этотъ образчикъ проповѣди. Не думайте, чтобы я сердился на васъ за потерю денегъ: случай досадный, но не вы виноваты. Но Погодиной простить вамъ не могу. Можете эту вину поправить только тѣмъ, когда теперь приметесь за свое дѣло, какъ вамъ это предписываетъ совѣсть. А ваше дѣло: усердная, постоянная забота о исцѣленіи. Требую и умоляю, чтобы вы не оставляли безъ вниманія новооткрывшейся вашей боли въ груди. Вамъ хорошо писать объ ней съ такимъ обиднымъ равнодушіемъ. А мнѣ воображать ее и думать въ тоже время о васъ и вашихъ дочеряхъ при васъ совсѣмъ незабавно. Весьма бы вы меня успокоили, если бы немедленно отпра-

вились въ Ганау къ Коппу; переѣздъ недорогъ и недалекъ, но вы были бы на рукахъ у надежнаго человѣка и тамошній климатъ еще лучше дрезденскаго. Прошу васъ все устроить для устраненія этой новой, вѣроятно, мечтательной, бѣды такъ, какъ бы она была уже на носу. Если этого не сдѣлаете, то вѣрьте, что дружба къ вамъ останется, но уваженія къ вамъ не будетъ: вы обидите меня на цѣлую жизнь; и также точно не прощу вамъ, какъ вашъ покойникъ нѣмецъ. На всякій случай къ вамъ отправляется такой же точно кредитивъ, какой вы потеряли. Если вамъ деньги не будутъ нужны, то онъ останется въ карманѣ; если же случится въ нихъ нужда, то будетъ гдѣ ихъ взять. Отвѣчайте, прошу васъ, скорѣе. И увѣдомьте, на что рѣшитесь и что сдѣлали чтобы унять эту новую боль. Обнимаю всѣхъ васъ.

XXXVII.

(Около января 1836 г.)—Милая Дуняша, получилъ ваше письмо и вашу записочку съ письмомъ Мельгунова и обнимаю васъ. Въ отвѣтъ на послѣднее скажу, что не имѣю никакой возможности удовлетворить желанію Коппа. Къ чему придраться, чтобы дать ему крестъ? Онъ лѣчитъ русскихъ и иныхъ вылѣчиваетъ. Но это дѣлаютъ и другіе. А русскихъ больныхъ теперь такъ много разсыпалось по Европѣ, что не достанетъ крестовъ на награды докторамъ. Шутки въ сторону; а я не могу никакъ просить Государя, чтобы онъ далъ крестъ Коппу за то, что онъ способствовалъ къ возстановленію здоровья моего, столь драгоцѣннаго для Россіи!! Напишите Мельгунову, чтобы не давалъ Коппу никакой надежды. А лучше всего поѣзжайте къ Коппу сами лѣчиться, онъ вѣрно поможетъ вамъ, хоть за это я и не обѣщаю ему креста, а приму его прямо къ себѣ въ сердце, что впрочемъ вѣроятно ему и не весьма нужно.

Когда увидите Фридриха, скажите ему отъ меня, что я его рисунки получилъ и ими весьма радуюсь. Попросите его меня увѣдомить, какое сдѣлано распоряженіе для пересылки картинъ, купленныхъ великими княжнами. Пускай онѣ будутъ присланы съ первымъ пароходомъ, но чтобы онъ самъ позаботился о ихъ укладкѣ.—Я къ вамъ послалъ кредитивъ въ 5000 рублей, не думайте, что бы это были мои деньги; уже я получилъ отъ Алексѣя Андреевича и уплату. Но вы на этотъ счетъ весьма не точны, не увѣдомляете меня о томъ, что сдѣлалось и съ вашимъ векселемъ и съ первыми кредитивами? вѣдь они были всѣ потеряны?

Дата письма опредѣляется отвѣтомъ Авд. П—ны на него, помѣченнымъ 18 февр. ст. стиля.

XXXVIII.

(*$^{4}/_{16}$ апрѣля 1836 г.*)— Милая Авдотья Петровна, поздравляю васъ съ переселеніемъ въ Ганау подъ крылышко къ доктору Коппу: теперь за васъ не такъ страшно. Онъ не только искусенъ, но и человѣколюбивъ и заботливъ. Ввѣрьтесь ему совершенно. Онъ совѣтуетъ для окончательнаго излѣченія принять нѣсколько пріемовъ Парижской разнообразной жизни—чтожъ, если можно, отвѣдайте Парижа. Впрочемъ для васъ и безъ Парижа можетъ быть довольно развлеченія: взглядъ на Рейнъ, на Швейцарію, потомъ черезъ Мюнхенъ и Венецію переѣздъ въ Вѣну, въ Вѣнѣ зиму, а потомъ опять на воды, въ Любекъ и съ пароходомъ въ Петербургъ; а изъ Петербурга черезъ Москву въ Петрищево, въ сосѣдствѣ котораго, на старомъ пепелищѣ, найдете вы уже старушку Екатерину Аоанасьевну, окруженную новою генераціей; вы можете присоединиться къ ней съ своимъ новымъ поколѣніемъ, и эти два поколѣнія сдружатся такъ же, можетъ быть, какъ бывало были дружны мы, изъ коихъ немного осталось на свѣтѣ. Чего добраго, можетъ быть, и я на старости переселюсь къ вамъ и заведемъ, если не Аркадію (ибо нынче уже классицизмъ не годится), то по крайней мѣрѣ колонію на манеръ Гернгутеровъ: Мойеръ будетъ агрономомъ, я педагогомъ, и пойдетъ потѣха. Оставляю вашей, еще все по прежнему живой (иногда слишкомъ живой) фантазіи дописать эту картину. Теперь пока старайтесь, какъ можно менѣе заботиться о будущемъ, любуйтесь своимъ косымъ Коппомъ, потомъ любуйтесь Рейномъ; если вамъ вздумается поплавать по Рейну, то доплывите уже до Дюссельдорфа, гдѣ найдете моего добраго, безрукаго Рейтерна, который лѣвою рукою рисуетъ чудеса и притомъ мой искренній другъ, съ коимъ мы душа въ душу пожили въ Швейцаріи.

Вы пишите о Иван. Вас. и его финансовыхъ обстоятельствахъ грустныя вещи. Не знаю обстоятельствъ; но въ вашемъ письмѣ критикую одну фразу. Вамъ нельзя дѣлать пожертвованій на счетъ остальныхъ братьевъ и сестеръ: это было бы несправедливо и я противъ этого протестую. Я разумѣю здѣсь, что не вы *сдѣлаете,* а только вы *допустите* ихъ сдѣлать сіе пожертвованіе; меньшіе еще не могутъ ничего, какъ должно, обдумать; старшіе—другое дѣло, они ужъ сами знаютъ, что дѣлать; но меньшіе могутъ дѣйствовать только черезъ васъ, а вы за нихъ не имѣете права ничѣмъ жертвовать. Прошу васъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ съ самою холодною осторожностью.

Пеллико получилъ; но увы! онъ уже переведенъ кѣмъ то и печатается.

Портретъ Маши весьма непохожъ. Я сперва вообразилъ, что это вашъ, потомъ уже по письму долженъ былъ принять его за Машинъ[1]).

[1]) Разумѣется портретъ М. А. Мойеръ, рисованный Елагиною.

Попросите Коппа, чтобы черезъ Блиссенбаха, который содержитъ трактиръ въ Вейльбахѣ, велѣлъ мнѣ налить кувшиновъ 80 вейльбахской воды и прислалъ съ пароходомъ. Тогда примусь за водопитіе. Простите. Обнимаю васъ и вашихъ.

Отрывокъ изъ этого письма напечатанъ Зейдлицемъ (160—161).—По поводу словъ Жук-аго о Екат. Аѳан. надо сказать, что въ 1836 г. Мойеръ, окончивъ службу въ Дерптскомъ Университетѣ (онъ въ послѣднее время былъ ректоромъ), вышелъ въ отставку и переѣхалъ на житье въ купленное имъ имѣнье Бунино (Орлов. губ.). Сюда перебралась и Екат. Аѳанасьевна. „Новая генерація", окружавшая ее, состояла изъ трехъ молодыхъ ея внучекъ—Е. П. Мойеръ и двухъ сестеръ Воейковыхъ (Е. А. и А. А.).

„Пеллико получилъ".—Авд. П—на заграницей по совѣту Жук-аго перевела книгу С. Пеллико „Объ обязанностяхъ".

XXXIX.

(Конецъ марта—начало апрѣля 1839 г. Гаа). — Каковъ я ни жусь вамъ, милая моя Авдотья Петровна! Объѣхалъ всю Европу, это продолжалось цѣлый годъ и написалъ къ вамъ только разъ и то нѣсколько строкъ. Милая моя, вы это очень хорошо поймете, ибо вы сами ровнехонько также поступаете со мною, также точно ко мнѣ не пишете, имѣя полную для этого возможность и во сто разъ болѣе времени, нежели я, ибо мы путешествуемъ по курьерски, и я не понимаю, какъ въ этой передрягѣ можно находить время и расположеніе писать письма. Но отъ этого мнѣ не легче и я точно страдаю отъ своей лѣни, которая кажется мнѣ самою смертельною изъ всѣхъ смертельныхъ моральныхъ болѣзней. Мысли и чувства чахнутъ оттого, что не сообщаешь ихъ тѣмъ, кому онѣ принадлежатъ и кому наиболѣе понятны.—Что-то похожее на эгоизмъ (моральный параличъ) закрадывается въ душу, и она какъ будто становится глухонѣмая. Правда, правда, а вся эта ужасная правда не вылѣчитъ заржавѣвшей воли. Мы всѣ одного покроя; у всѣхъ насъ одна убійственная привычка къ лѣни; и изъ этого выходитъ, что мы подъ старость становимся хуже самихъ себя, и эта увѣренность повергаетъ насъ насъ въ уныніе; по крайней мѣрѣ такъ дѣлается со мною. Оставимъ это теперь. Вотъ мы уже въ Гагѣ. Вчера я здѣсь причащался и теперь готовлюсь къ отъѣзду въ Англію; но не совсѣмъ еще увѣренъ, что тамъ буду, ибо обстоятельства политическія не совсѣмъ благопріятствуютъ нашему туда прибытію. Если не поѣдемъ въ Англію, то скорѣе возвратимся въ Россію. Теперь нашъ срокъ возвращенія не далѣе 20 іюня, а тогда вѣроятно будемъ къ 1 іюня. И знаете ли что? въ половинѣ августа мы увидимся въ Москвѣ! А на сентябрь мѣсяцъ отпрошусь въ Муратово. Поживемъ вмѣстѣ на покоѣ. Теперь пока, чтобы помирить васъ хотя немного съ моимъ молчаніемъ и себя съ вашимъ, посылаю вамъ свой, кажется несходный, портретъ, но нарисованный въ Вѣнѣ человѣкомъ, котораго вы знаете и который помнитъ сердцемъ ваше московское гостепріимство. Это Ranftl, весьма хорошій живописецъ въ Вѣнѣ. Взгля-

нувъ на эту лысую рожу, помолите Господа Бога, чтобы оригиналъ ея добрался до васъ не полмертвымъ и не полхромымъ и чтобы намъ еще разъ блеснуло солнышко по прежнему на нашей родинѣ, и чтобы при свиданіи не было недочету.

Христосъ воскресе вамъ и всѣмъ моимъ-вашимъ.

Письмо писано во время заграничнаго путешествія Жук-аго съ Наслѣдникомъ, которое продолжалось съ мая 1838 г. до конца лѣта 1839 г. Печатается съ копіи руки Екат. Ив. Мойеръ.

XL.

(17 февраля 1840 г.)—Милая Авдотья Петровна, посылаю вамъ эще кипу книгъ. Условіе съ Смирдинымъ пока сдѣлано на словахъ и означено въ простой запискѣ, которую я отъ него имѣю. Теперь пока запаситесь переводомъ 1001 ночи. Какъ скоро будетъ готовъ томъ на десять печатныхъ листовъ, доставляйте его сюда. Я попрошу, чтобы въ мое отсутствіе Петръ Александровичъ Плетневъ былъ посредникомъ между вами и Смирдинымъ. Я ѣду черезъ двѣ недѣли; главная квартира моя будетъ въ Дармштатѣ. Надолго ли—не знаю самъ. Адресуйте ко мнѣ письма на имя Е. П. Ѳедора Ив. Прянишникова. — Я эще напишу къ вамъ прежде отъѣзда, чтобы увѣдомить о Плетневѣ. А васъ прошу прислать мнѣ еще того табаку, который былъ присланъ въ послѣдній разъ; коробки четыре. Адресуйте на имя Прянишникова. Можетъ быть, еще успѣю получить до отъѣзда, мы ѣдемъ во вторникъ на 1-й недѣлѣ. Обнимаю васъ и всѣхъ.

Писано не задолго до новой поѣздки заграницу (выѣхалъ 5 марта). Во время того путешествія Жук-ій сдѣлалъ предложеніе Е. А. Рейтернъ.

„Кипа книгъ“ и „условіе съ Смирдинымъ“ объясняются такъ. Въ концѣ 1839 г. Жук-ій предложилъ Авд. П—нѣ и ея сестрѣ, Аннѣ Петр. Зонтагъ, жившей въ Одессѣ, заняться переводами сказокъ разныхъ народовъ; Смирдинъ былъ готовъ издать цѣлую Библіотеку сказокъ“. Предложеніе было принято съ восторгомъ; особенно горячо взялась за дѣло Авд. П—на, которую въ это время угнетали и семейныя дѣла, и матеріальныя заботы. Письмо Жук-аго съ планомъ изданія не сохранилось, но изъ письма Елагиной отъ 7 дек. 1839 г. видны многія его черты. На первый разъ Жук-ій предлагалъ перевести „Тысячу и одну ночь“, причемъ рекомендовалъ обращаться сразу къ французскому, нѣмецкому, англійскому и старому русскому переводамъ. За сказками, повидимому, должна была слѣдовать библіотека романовъ. Приводимъ выдержку изъ письма Авд. П—ны.

„Ваше письмо заставило меня вспрыгнуть отъ радости, безцѣнный другъ: я очутилась въ кругу дѣятельномъ, писательномъ и безконечномъ. Немедленно полетѣла купить французскій переводъ Galland, увидѣла тамъ за 1001 ночью 1001 день, потомъ книгу Зендабада, т. е. Султанша и Визири перевода Petit de la Croix, потомъ басни Бидпая, потомъ Jardin des Roses Саади, — и вся моя радость исчезла. — Не страшно намъ, двумъ женщинамъ, переводить съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго *арабскія* сказки?—Правда, ихъ разсказывала тоже женщина, и языкъ ея легокъ и намъ доступенъ, но что скажутъ оріенталисты?—Подумайте объ этомъ, душа моя, и изъ желанія добра намъ не сдѣлайте вреда себѣ. Нѣмецкаго экземпляра жду, англинскаго здѣсь нѣтъ, я объ немъ написала къ Аннѣ Петр., отправивъ къ ней письмо ваше. Французскій и русскій лежатъ у меня на столѣ.—Далѣе, для библіотеки сказокъ: у Гримма есть чудное предисловіе о народныхъ сказкахъ, его можно перевести при этомъ изданіи, прибавивъ и свое. Это дѣло я задамъ Петру, когда онъ возвратится изъ Берлина, Иванъ не берется и увѣряетъ, что не умѣетъ бросать взгляды; Петръ же потонулъ въ народности, въ пѣсняхъ и сказкахъ. Если за Гриммомъ, Perrault'омъ, Музеусомъ пойдетъ

Фантазусъ [1]), то почему и не Гофманъ?—Брембилла и Цахесъ и прочія конфекты? — А Шписъ? Лямотъ Фуке?—Что же касается до библіотеки романовъ, то тутъ міръ безконечный, лишь бы только можно было уговориться съ Смирдинымъ. Гете! одинъ Гете чего стоитъ! Иванъ будетъ переводить Вильг. Мейстера прозу, а вы стихи, то и будетъ *конъ*! – Нужно всѣ его романы: Wilhelm Meisters Lehr und Wanderjahre, Wahlverwandschaft, Dichtung und Wahrheit, Werther, переведенный у меня [2]). Затѣмъ Jean Paul, одинъ или два романа. Съ итальянскаго еще не переведено у насъ Манзони Обрученные. Съ французскаго нѣсть числа, съ англинскаго тоже. Пишите только заглавія, а мы раздѣлимъ честно и прилежно будемъ доставлять манускрипты. Условія — чего же лучше? 100 р. за листъ печатный и деньги по доставленіи манускрипта, а не по напечатаніи.— Рядомъ съ этой библіотекой, куда должны входить и Коринна, и Дельфина, и Стелла, и Servitude et Grandeur militaire и пр. и пр., почему нейти и еще одной библіотекѣ, которой вы хотѣли сдѣлать *планиметрію?* Библіотекѣ для воспитанія: Локкъ, Эмиль, Miss Edgeworth, Miss Hamilton, Madame Guizot, Madame Campan, Fenelon: Educ. des filles, Mad. Lambert, Mad. Necker-Saussure, Aimé-Martin, Levana etc., etc., etc."

Дальнѣйшія извѣстія объ этомъ предпріятіи почерпаемъ изъ писемъ Елагиной начала 1840 г. Она затруднялась начинать съ 1001 ночи, такъ какъ узнала, что въ прошломъ 1839 году только что появился русскій переводъ этихъ сказокъ съ изданія Habicht und von Hagen со всѣми нужными примѣчаніями и довольно порядочный. Затѣмъ она извѣщаетъ, что ей обѣщано „предисловіе Григоровича, извѣстнаго нашего оріенталиста, на 1001 ночь" и сообщаетъ Жук-му списокъ изданій сказокъ различныхъ народовъ изъ 18 №№, составленный П. Кирѣевскимъ. Очевидно, планъ Жук-аго привелъ въ нѣкоторое движеніе рядъ лицъ около Авд. Петровны, интересовавшихся народностью и желавшихъ научной ея разработки. Она пишетъ: „Если бы дѣлать ученое изданіе, то можно бы многое отыскать и уладить. Напр. сказки наши и всѣхъ народовъ совершенно однѣ и тѣже по содержанію, но мѣстность придастъ каждому народу свой особенный колоритъ, и любопытно бы сличить ихъ всѣ вмѣстѣ и издать какъ бы варіанты одна другой". Такимъ образомъ тутъ мелькала первая идея того, что суждено было выполнить лишь 20 лѣтъ спустя А. Н. Аѳанасьеву. Но Жук-ій въ эту эпоху былъ слишкомъ отвлеченъ въ сторону, чтобы отозваться на широкіе московскіе планы (онъ какъ разъ собирался съ Наслѣдникомъ въ путешествіе, которое устроило судьбу ихъ обоихъ), да и звѣзда Смирдина, который одинъ могъ въ то время пойти на широкое, мало прибыльное изданіе, уже закатывалась: въ октябрѣ того же года Елагина писала Жук-му: „Грустно, что литературное наше предпріятіе не удалось", а черезъ годъ Жук-ій писалъ и Елагиной и Зонтагъ, что Смирдинъ сейчасъ не можетъ заплатить имъ по векселю, такъ какъ дѣла его въ плохомъ состояніи.

XLI.

(14 марта 1841 г.)—Вотъ я и въ Петербургѣ, милая Авдотья Петровна, вотъ и московская жизнь прошла какъ сонъ; вотъ ужъ я теперь могу сказать, что я на возвратномъ пути, что я ѣду прямо къ своему счастію и что Петербургъ теперь только станція на дорогѣ... доберусь ли? а когда доберусь, долго ли продлится блаженный сонъ? и не дай Богъ проснуться!... Но зачѣмъ это?—Благодарствуйте, милая, за наше житье-бытье вмѣстѣ. Мы съ вами не мѣняемся и не старѣемся. И не правда ли, что въ судьбѣ у меня есть что-то, какъ будто предопредѣленное. Эти слова изъ Евангелія, прочитанныя надъ моею головою, въ минуту отпуска въ другую жизнь, въ присутствіи всѣхъ представителей прежней, живыхъ и мертвыхъ, какое разительное имѣютъ они значеніе. И здѣсь случилось нѣчто, имѣющее также значеніе особенное; я собрался продавать въ разныя руки свои ме-

[1]) Тика.

[2]) Она подразумѣваетъ очевидно переводъ Рожалина, изданный въ 1829 г. въ Москвѣ А. А. Елагинымъ.

бели; вдругъ является Зейдлицъ, и онъ купилъ ихъ всѣ вмѣстѣ. Можетъ быть, онъ же купитъ и Мейерсгофъ. Все это похоже на доброе предзнаменованіе. Доверши Богъ, начатое Имъ же. — Посылаю вамъ письмо Елизаветы, отъ нея уже получилъ здѣсь три: одно меня ожидало; другое очередное пришло черезъ день, коротенькое, писанное послѣ болѣзни; и у насъ былъ Grippe. Третье не въ очередь, длинное. Во всѣхъ одно и тоже, сердечное, чистое, прелестное одно и тоже. Всѣ ея письма, какъ журчанье ручья въ уединенной, спокойной долинѣ; слышишь все одинъ и тотъ же звукъ, но чѣмъ болѣе слушаешь, тѣмъ болѣе слышишь, тѣмъ болѣе хочешь слушать: это голосъ безъ словъ, все выражающій, что душѣ надобно. — Простите, милая. Увѣдомьте объ Аннѣ Петровнѣ и увѣдомляйте всякій разъ, когда получите объ ней извѣстіе. Что то ея сонъ? Ужъ не миновался ли? Напишите о томъ, что рѣшено положительно о Карлсбадѣ. Наконецъ увѣдомьте, что наши Муратовцы? Въ Москвѣ ли еще, или уѣхали. Доставьте имъ мое письмо. Обнимаю васъ всѣхъ. Алексѣю Андреевичу дружеское рукожатіе.

„Вотъ и московская жизнь съ вами прошла, какъ сонъ". Жук-ій, возвратившись къ ноябрю 1840 г. въ Петербургъ женихомъ, 3-го января былъ уже въ Москвѣ, гдѣ оставался и въ теченіе февраля.

„Увѣдомьте объ Аннѣ Петровнѣ". У А. П. Зонтагъ какъ разъ въ это время умеръ мужъ.

„Напишите о томъ, что рѣшено о Карлсбадѣ". Авд. Петр. весной уѣзжала въ Карлсбадъ съ Екатериной Ив. Мойеръ, здоровье которой было тогда предметомъ заботъ.

XLII.

(*$^{18}/_{30}$ марта 1841 г.*)—Спѣшу васъ увѣдомить, милая Авдотья Петровна, что я сообщилъ Соболевскому ваше желаніе и что Соболевскій немедленно займется его исполненіемъ. Зейдлицъ проситъ васъ остановиться у него; онъ живетъ въ Галерной улицѣ, въ домѣ, не знаю какомъ, но этотъ домъ замѣтенъ тѣмъ, что въ немъ находится аптека; онъ на лѣвой сторонѣ улицы, когда ѣхать отъ Исакіевской площади и, думаю, не далѣе какъ 10-й или 12-й домъ съ конца улицы; вотъ рисунокъ (*приложенъ планъ*). Вы хорошо сдѣлаете, если остановитесь у Зейдлица; онъ васъ обѣихъ посмотритъ и разсудитъ вмѣстѣ съ вами о томъ, что вамъ дѣлать за границей. У меня былъ Ржевскій. Онъ сказалъ мнѣ, что говорилъ съ Мойеромъ, съ Schneewitchen и съ вами; что не знаетъ, чѣмъ почитать отзывъ Мойера — отказомъ или согласіемъ; что полагаетъ, что со стороны Schneewitchen было бы согласіе.—Я отвѣчалъ ему, что для него должно быть главнымъ: знать навѣрное, согласится ли *она* и потомъ уже требовать согласія отъ отца.—Изъ словъ его заключаю, что онъ почти увѣренъ въ Катѣ.—Это мнѣ что то неясно. Вы пишете, что Катя ни о чемъ не знаетъ, онъ говоритъ совсѣмъ иное; какъ это растолковать? Если

же Катя знаетъ, или даже она позволила Р. говорить съ собою и ничего не сказала отцу, то это весьма нехорошо, и Мойеръ будетъ имѣть право жестоко оскорбиться такимъ недостаткомъ довѣренности. Онъ *могъ* не говорить ей ничего, ибо считалъ вѣроятно ненужнымъ ее тревожить теперь, когда надобно исключительно заняться ея здоровьемъ. Она же, если посторонній могъ подойти къ ней съ такимъ предложеніемъ (которое онъ почитаетъ и неотвергнутымъ), должна была непремѣнно открыться первому отцу. Откуда такая скрытность? Признаюсь вамъ, мнѣ досадно за Мойера. Вотъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые разрушаютъ семейное согласіе. Можно ли жить вмѣстѣ безъ взаимной довѣренности? — Вы будете въ Петербургѣ, гдѣ вѣроятно будетъ еще и Ржевскій; не совѣтую продолжать съ нимъ никакого по этому предмету сношенія; пусть все останется in statu quo Безъ вѣдома Мойера не дѣлайте ни шагу. Она не должна никому давать руки безъ согласія собственнаго сердца, это первое условіе. Но въ такомъ случаѣ, когда сердце захочетъ сказать свое, она должна позволить говорить ему вслухъ только съ согласія отца. Не говорите ей, что я знаю объ этомъ и не сообщайте ей моего неодобренія; но не допустите ее до того, чтобы заслужить упреки отъ себя, и отъ отца, и отъ меня. — Посылаю вамъ вышедшія livraisons 1001 ночи. Прошу передать приложенное письмо Гельфрейху; пошлите его съ тѣмъ лакеемъ, который вначалѣ ѣздилъ за мной: онъ знаетъ квартиру Гельфрейха, на Ордынкѣ, въ домѣ Шереметева. Увѣдомьте, когда будете. Обнимаю всѣхъ васъ.

Не смотря на выставленную Жук-имъ двойную дату письмо не изъ заграницы и не заграницу (и онъ, и Авд. Петровна лишь готовились къ отъѣзду; Жук-ій выѣхалъ только 2-го мая). — *Schneewitchen*, т. е. Бѣлоснѣжка — Е. И. Мойеръ, которую иногда звали такъ въ семьѣ за бѣлизну. Рѣчь идетъ здѣсь о сватовствѣ за нее В. К. Ржевскаго; оно кончилось ничѣмъ, такъ же, какъ и сватовство Н. И. Пирогова, которое шло черезъ Авд. П—ну въ 1840 году. — *Гельфрейхъ* — родственникъ Рейтерновъ.

XLIII.

(30 марта 1841 г.) — Милая Авдотья Петровна, спѣшу васъ увѣдомить, что Смирдинъ отказывается заплатить въ срокъ по векселю и дѣйствительно дѣла его въ большомъ разстройствѣ. Въ эту минуту не могу сказать вамъ навѣрное, могу ли дать вамъ отъ себя тѣ деньги, кои онъ вамъ долженъ: это объяснится послѣ свадьбы Великаго Князя; если мнѣ дана будетъ денежная помощь на мое обзаведеніе, то разумѣется я приготовлю вамъ деньги; если же не будетъ дана, то я самъ буду въ крайнемъ затрудненіи. И такъ вы возьмите свои мѣры теперь для уплаты за пароходъ, и привезите съ собою деньги, нужныя возвратить Соболевскому, который за билетъ заплатилъ изъ своего кармана. У меня же теперь все въ обрѣзъ: что есть въ карманѣ, то надобно все заплатить; на дорогу и свое обзаведеніе надобно зани-

мать—въ концѣ же мѣсяца (апрѣля) все уладится. — Чтобъ вамъ не дѣлать по пустому путешествія на Рейнъ, то знайте, что я въ Дюссельдорфѣ буду не прежде, какъ послѣ 21 мая (день, назначенный для моей свадьбы въ Штутгардѣ). Вѣрнѣе устроить такъ, чтобы вамъ заглянуть въ Дюссельдорфъ на вашемъ возвратномъ пути. — Я нынче писалъ къ Аннѣ Петровнѣ. Увѣдомьте, на что она рѣшится.

Цѣлую всѣхъ. Христосъ Воскресе.

30 марта. Св. Воскресенье.

Прошу васъ приложенный ящикъ отослать къ Гельфрейху съ *тремя* экземплярами моего портрета, такъ же и письмо.

Письмо къ Аннѣ Михайловнѣ Павловой также отошлите.

Не вообразите, чтобы я отказывался отъ выдачи денегъ; мнѣ ихъ только *теперь* нельзя выдать; послѣ я это улажу. Но вы только приготовьте денегъ для уплаты Соболевскому, ибо теперь у меня все въ обрѣзъ.

Одинъ экземпляръ портрета Аннѣ Михайловнѣ Павловой и еще одинъ барону Петру Ивановичу Черкасову.

Портретъ Жук-аго, о которомъ здѣсь упоминается, былъ печатный; судя по времени, это могла быть или гравюра Райта съ Брюлловскаго портрета (относ. къ 1839 г.) или литографія съ Берлинскаго портрета Крюгера (относ. къ 1840 или 1841 г.—А. М. Павлова—это сестра пансіонскаго товарища Жук-аго, С. М. Соковнина.

XLIV.

(21 апрѣля 1841 г.)—Милая Дуняша, писать мнѣ къ вамъ много нѣтъ никакой возможности; но въ двухъ словахъ надобно сказать вамъ о томъ, что для меня рѣшилось. Во первыхъ, чинъ тайнаго совѣтника; это хорошо для *внѣшняго* свѣта. Для внутренняго, домашняго свѣта, гдѣ всего нужнѣе покойное настоящее и ясное завтра, сдѣлано все, чего я желалъ: дана мнѣ полная свобода съ сохраненіемъ мѣста при Наслѣдникѣ; 10,000 жалованія обращены въ пенсіонъ; окладъ по мѣсту 18,000 сохраненъ; все это съ моимъ пенсіономъ прежнимъ дастъ мнѣ 32,000 годоваго дохода; да еще Государь пожаловалъ 10,000 серебромъ на первое обзаведеніе — большаго я и во снѣ не желалъ: могу теперь смѣло идти подъ вѣнецъ рука въ руку съ моею—какое бы дать ей имя? Сами назовите ее. Сверхъ того и продажа имѣнія идетъ весьма удачно. Я не думалъ продать его дороже 90,000, а продамъ за 110,000, что вмѣстѣ съ моею арендою составитъ мнѣ капиталъ въ 130,000.—Слава Царю небесному! Дай Богъ пожить такъ, какъ Ему надобно. И да благословитъ онъ Царя земнаго. — Ѣду 30-го апрѣля или 1-го мая. Вы однако не ищите меня при вашемъ пріѣздѣ въ Дюссельдорфъ. Лучше при отъѣздѣ. Тогда ужъ я вѣрно буду на мѣстѣ. Теперь же вѣрно меня не найдете.—Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ.

P. S. Сію минуту кончилъ продажу моего имѣнія. Думалъ сначала, что оно не можетъ быть продано дороже 90,000, а продалъ за

115,000 и на чистыя деньги. Это сдѣлалось передъ портретомъ Елизаветы Алексѣевны.

И знаете ли, кто купилъ?—Зейдлицъ. — Не чудное ли стеченіе обстоятельствъ?

Письмо это напечатано у Зейдлица (173—174), но не вполнѣ точно и съ небольшими сокращеніями. Имѣніе Жук-аго—это Мейерсгофъ близъ Дерпта. Полученный отъ продажи капиталъ Жук-ій, какъ извѣстно, раздѣлилъ на три части и назначилъ трем дочерямъ А. А. Воейковой.

XLV.

(*1841 г. 29 апрѣля*).—Милая Авдотья Петровна, я ѣду послѣзавтра, 1-го мая. Простите, до свиданія. Мои дѣла, слава Богу, совсѣмъ устроились и какъ я желалъ. Объ этомъ весело будетъ поговорить на Рейнѣ; но заѣзжайте ко мнѣ не иначе, какъ на обратномъ пути, если поѣдете черезъ Любекъ; теперь меня не найдете.

Вашъ Жуковскій.

Приложенное письмо перешлите по адресу.

XLVI.

($^{5}/_{17}$ *іюля 1841 г.*) — Спѣшу предувѣдомить васъ, милая Авдотья Петровна, что я ровно черезъ мѣсяцъ послѣ сего дня отправляюсь на двѣ недѣли къ роднымъ жены моей. Было бы для меня больно и грустно, и досадно, и ничѣмъ не заплатимо, если бы вы меня не нашли въ Дюссельдорфѣ. И такъ, согласите планъ вашего путешествія с моимъ планомъ и предувѣдомьте меня, когда непремѣнно будете вы въ Дюссельдорфѣ? По вашему письму 1-го іюля было уже двѣ недѣли вашего пребыванія въ Карлсбадѣ, и такъ нынче, 5-го почти три недѣли; вамъ вѣроятно надо будетъ пробыть тамъ еще три недѣли. Слѣдовательно, вы можете быть въ Дюссельдорфѣ около $^{3}/_{15}$ августа. Хорошо бы этотъ день провести съ нами: это день моей помолвки. Жаль только, что вы не найдете все еще меня совершенно устроеннымъ въ своемъ домѣ: но побывать у меня вы должны непремѣнно.

Жду нетерпѣливо вашего отвѣта.

XLVII.

($^{11}/_{23}$ *апрѣля 1845 г.*)—Милая душа моя Авдотья Петровна, Христосъ воскресе вамъ и всѣмъ вашимъ моимъ. Я пишу къ вамъ только для того, чтобы сказать это вамъ братское, христіанское привѣтствіе. Самъ же ѣду въ Висбаденъ говѣть. Нынче страстная среда; причащаюсь, если сподобитъ Богъ, въ субботу. Вы уже имѣете письмо отъ жены. Я буду писать къ вамъ подробно по возвращеніи изъ Висбадена, къ вамъ и къ доброму моему Ивану, котораго вмѣстѣ съ вами

и съ его милой женой поздравляю съ сыномъ: имени же его еще не знаю; вы забыли его мнѣ написать. Москвитянина получилъ и жадно читалъ его; и буду писать объ немъ къ издателю. У меня еще поспѣло кой-что, но теперь не до того. А прошу васъ меня простить во всемъ, что могло вамъ во мнѣ показаться и что въ самомъ дѣлѣ было дурно противъ васъ.—Скоро опять откликнусь.

XLVIII.

(1/13 *ноября 1845 г. Франкфуртъ*). — Милая Авдотья Петровна, ваше письмо изъ Москвы отъ 17 сентября получилъ я въ одно время съ письмомъ Булгакова, писаннымъ 17 октября. Ровно мѣсяцъ оно промедлило въ дорогѣ, заѣхавъ въ Петербургъ къ Родіонову и, можетъ быть, отдохнувъ нѣсколько времени передъ отбытіемъ въ собственномъ вашемъ письменномъ столикѣ, ибо наша эпистолярная лѣнь (какъ вы называете эту чертовку) имѣетъ два вида; въ одномъ видѣ она мѣшаетъ писать письма, а въ другомъ она мѣшаетъ ихъ отправлять, когда они уже написаны. И эта послѣдняя гоститъ обыкновенно у васъ, въ Бунинѣ, Петрищевѣ, въ Москвѣ. Первая у всѣхъ насъ въ одно время въ очахъ совершается. Вы говорите, что я на нѣсколько писемъ вашихъ не отвѣчалъ; это похоже на мою фразу іезуитскую, которою я начинаю къ нѣкоторымъ письма, не писавъ къ нимъ долгое время: *я увѣренъ, что вы моихъ писемъ не получаете*. Но теперь конечно у васъ въ рукахъ уже мое послѣднее письмо, и вы уже конечно обдумали мое предложеніе. Я знаю, что письма мои дошли: Булгаковъ меня увѣдомляетъ, что ихъ получилъ и что уже имѣетъ увѣдомленіе отъ Орловскаго почтмейстера, что они доставлены. Но отвѣта и не думаете вы мнѣ сдѣлать никакого; а, кажется, было бы на что отвѣтить. Запросъ я вамъ сдѣлалъ важный. Съ отвѣтомъ на этотъ запросъ связаны мои здѣшнія обстоятельства: мой домъ остается за мною до 1-го апрѣля; мнѣ надобно сдѣлать свои распоряженія заранѣе, дабы ихъ согласить съ вашимъ пріѣздомъ или непріѣздомъ. Отвѣчайте, ради Бога, поскорѣе. А я все думаю, что вамъ хорошо бы предпринять это путешествіе *прежде* свадьбы и совершить его не моремъ, а сухимъ путемъ. Теперь, конечно, уже поздно; но съ первыми весенними соловьями.—Не стыдно ли вамъ изъ такой дали писать такъ неопредѣленно? Ну что я могу понять изъ этого басурманскаго слова corbeille de noce? Если бы вы прислали мнѣ, какъ слѣдуетъ, роспись того, что должно войти въ составъ этой corbeille, я бы здѣсь конечно дешевле все могъ для васъ купить. Я для своей жены не готовилъ corbeille de noce и не знаю, что это за звѣрь, а она и подавно не имѣетъ о немъ понятія; но если бы вы сказали именно что купить и насколько, то конечно здѣсь все бы умѣли купить наилучшимъ образомъ и дешевле. Но теперь другой вопросъ—какъ переслать? купишь

дешево, да таможня съ тебя сдеретъ вдвое. Можно бы было все привезти съ собою, но тогда не поспѣло бы къ свадьбѣ. Но что за бѣда, когда бы и не поспѣло: лишь бы было. А еще бы было лучше, когда бы вы, пріѣхавъ сюда сами, запаслись и приданымъ, и здоровьемъ, и сыграли свадьбу по возвращеніи: откладывать же свадьбу бѣда не велика; этотъ промежутокъ прошелъ бы не въ разлукѣ, а въ наслажденіи Богомъ благословенной надеждой. Впрочемъ пусть будетъ, какъ Ему угодно. День, выбранный для свадьбы, день вашего рожденія, будетъ хорошимъ предзнаменованіемъ, да благословитъ его Богъ, какъ нѣкогда благословилъ для васъ, вызвавъ при свѣтѣ его на землю такую милую душу, которая умѣла постигнуть все доброе и прекрасное земное и не увяла подъ вліяніемъ многихъ, многихъ непогодъ и холодовъ, и зноевъ житейскихъ. Я желаю быть посаженнымъ отцомъ Кати съ Ек. Ав. или съ вами, какъ вы это назначите. Благословлю ее образомъ Спасителя, который долженъ находиться между образами Ек. Ав. и которымъ меня благословилъ отецъ. Или нѣтъ; въ эту минуту мнѣ какой-то голосъ шепчетъ, что надобно сохранить отцовское единственное благословеніе въ семьѣ моей; прошу васъ приготовить отъ меня ей образъ, или лучше, пускай образъ мой, благословеніе отца, представляетъ въ день свадьбы тотъ, который я послѣ самъ передамъ ей и который въ ея семьѣ останется на вѣчную обо мнѣ память. Скажите, такъ ли: ангелъ Кати—Екатерина Мученица, ангелъ Василія—Василій Великій? На это отвѣчайте поскорѣе.

— У меня слава Богу все идетъ порядочно. Мой Павелъ крѣпышъ, силачъ и вообще честный, тихій малый; но не флегма. Не воюетъ, не кричитъ, всегда смиренъ, но когда вздумаетъ побунтовать, то у него все: носъ, уши, ноги, морда и плечи бунтуютъ. Въ Сашѣ множество прелести и геніальности. Третьяго дня былъ у меня семейный праздникъ, и все плясало, и была стукотня непомѣрная, посреди которой не мало отличался и Павелъ Васильевичъ, пыхтя, визжа, фыркая, брыкая ногами и махая, какъ говоритъ Вяземскій, пузомъ отъ радости. Жена васъ цѣлуетъ и всѣхъ васъ проситъ вмѣстѣ со мною. Срокъ нашего пріѣзда зависитъ отъ Швальбаха, которымъ и ей, и мнѣ по волѣ Коппа надобно будетъ еще разъ воспользоваться.— Прощайте. Отвѣтъ вашъ перешлите черезъ Булгакова, то есть вложивъ письмо на мое имя въ пакетъ, надписанный на имя Булгакова; такъ дойдетъ вѣрнѣе и можно будетъ справиться.

Часть этого письма напечатана у Зейдлица (стр. 210 — 211). Зейдлицъ однако напрасно говоритъ, что оно „исполнено надежды на скорое свиданіе въ Россіи“: изъ процитированнаго имъ же конца письма видно, что Жук-ій еще цѣлый годъ не могъ думать о возвращеніи (необходимъ еще лѣтній сезонъ въ Швальбахѣ); „скорое свиданіе“ могло быть только, если бы Елагина пріѣхала заграницу, куда онъ ее и звалъ, какъ это видно изъ даннаго письма. Здѣсь идетъ рѣчь о свадьбѣ Екат. Ив. Мойеръ и Василія Алекс. Елагина, старшаго сына Авд. Петр. отъ втораго брака. „Предложеніе“ Жук-аго состояло въ томъ, чтобы въ виду некрѣпкаго здоровья невѣсты свадьбу отложили, а Авд. Петр. пріѣхала съ ней къ Жук-му полечиться. Оно не было принято, и свадьба состоялась въ январѣ 1846 г.

XLIX.

(*$^{11}/_{23}$ генваря 1846 г.*) — Я отложилъ посылать это письмо до нынѣшняго дня, мой милый другъ Авдотья Петровна. Пусть будетъ оно видимымъ знакомъ того, что мы въ этотъ день, столь значительный и по настоящему, и по воспоминанію о прошедшемъ, были съ вами вмѣстѣ и мыслями, и надеждами, и молитвами сердца. Благослови Богъ этотъ день, день вашего рожденія; пусть будетъ онъ днемъ *возрожденія* всѣхъ святыхъ радостей жизни; вы пришли къ нему дорогою трудною; особливо послѣднія станціи этой дороги были печальны и мрачны. Вмѣстѣ съ вашими были таковы же и наши: къ вашему горю (которое равномѣрно и наше) присоединились и собственныя наши потери: Тургеневъ въ послѣднее время пожилъ подъ моею кровлею какъ будто для того только, чтобы со мною проститься и оставить моей женѣ *живое* о себѣ воспоминаніе. Онъ былъ старѣйшимъ изъ моихъ товарищей на этомъ свѣтѣ. И еще другая печаль насъ посѣтила въ послѣднее время. Объ этомъ жена уже говорила въ письмѣ своемъ; а я упоминаю объ этомъ только для того, чтобы съ большею благодарностью къ Богу указать и вамъ и себѣ на замѣну, которую Онъ вамъ и намъ посылаетъ въ счастіи дѣтей вашихъ. Онъ его устроилъ, онъ же его и сохранитъ, и можетъ быть дозволитъ намъ еще нѣсколько лѣтъ имъ радоваться *вмѣстѣ*. Въ эту минуту (теперь $\frac{11^1/_2 \text{ пополудни у насъ}}{3^1/_2 \text{ пополудни у васъ}}$) все должно быть кончено; они обвѣнчаны; вы всѣ вѣроятно сидите за столомъ и пьете здоровье молодыхъ; (Мойеръ — за меня, а вы — за жену). Благослови Богъ эту заздравную чашу. Поручаю вамъ ихъ за меня нѣжно прижать къ сердцу. Такъ же прошу душевно поздравить Алексѣя Андреевича. Больше писать нѣтъ времени. Хочу, чтобы еще нынче же письмо пошло на почту.

Горе Авд. Петровны — по поводу смерти 19-лѣтняго сына Андрея въ концѣ декабря 1844 г., и затѣмъ смерти молодого ученаго Д. Валуева, въ ноябрѣ 1845 г.: Валуевъ нѣсколько лѣтъ жилъ какъ родной въ домѣ А. П.: ***потеря*** Жуковскаго — смерть А. И. Тургенева въ Москвѣ, 3 декабря 1845 г., и смерть дочери его друга Радовица.

L.

(*$\frac{25 \text{ апрѣля}}{7 \text{ мая.}}$ 1846 г.*)—Христосъ Воскресе! Вашимъ же словомъ отвѣчаю на ваше или, лучше сказать, общимъ, всемірнымъ, на все дающимъ отвѣтъ, все разрѣшающимъ, все изъясняющимъ, все мирящимъ словомъ. Блаженъ тотъ, кто можетъ произносить его съ вѣрою, то-есть со *всѣмъ* тѣмъ, что заключаетъ въ этомъ словѣ *вѣра*; кто можетъ произносить его такъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всѣхъ положеніяхъ души. Выше этого ничего на землѣ быть не можетъ. Кому этого блага не дано, или кто не умѣлъ обрѣсти для себя этого

блага, тотъ проси его безпрестанно отъ Бога, и эта просьба пусть будетъ содержаніемъ главнымъ всѣхъ молитвъ его. Съ исполненіемъ этой молитвы онъ все получитъ. — Вы знаете весь смыслъ этого слова и вы вѣрите; и такъ, передъ вами все, что теперь нужно вашей душѣ, и утѣшительное въ горѣ и въ изъясненіи самого несчастія въ пользу того, кѣмъ оно послано, и примиреніе съ вашимъ собственнымъ сердцемъ, когда оно въ тревогѣ само съ собою. — Насъ поразило ваше извѣстіе. Какъ неожиданно! и вдругъ онъ пропалъ изъ круга своего семейства, гдѣ только что водворилось счастіе въ замѣну недавняго горя. Мнѣ собственно для себя весьма, весьма горестно, что уже по возвращеніи своемъ не найду его. Онъ былъ ко мнѣ всегда такъ добръ; и у меня всегда такъ лежало къ нему сердце. Обстоятельства кончины его, вами описанныя, весьма замѣчательны. Это видѣніе не просто физическое. Что же онъ видѣлъ? — Подкрѣпи васъ Богъ, моя милая. Вы знаете, гдѣ искать лѣкарства противъ бѣдъ всякаго рода. А теперь вамъ надобно взять на себя трудное дѣло *кормилицы* своего семейства. Прошу васъ скорѣе ко мнѣ написать и увѣдомить меня, какія распоряженія у васъ сдѣланы насчетъ всего домашняго. Увѣдомьте меня о своемъ здоровьѣ, которое меня тревожитъ; о Машѣ, Лилѣ; то, что пишетъ о нихъ наша Катя, весьма также тревожно. И Мойеръ боленъ. Прошу васъ написать поскорѣе. Письма ужасно долго ходятъ.

Обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ.

Писано въ отвѣтъ на извѣщеніе о смерти А. А. Елагина. Въ обстоятельствахъ кончины его не было ничего особеннаго вопреки словамъ Жук—аго: Авд. Петр. писала, что смерть наступила послѣ трехъ короткихъ обмороковъ, послѣ одного изъ которыхъ больной сказалъ: „Странно, я видѣлъ теперь что-то очень пріятное, а разсказать не могу". Слова Жук—аго характерны для его настроенія въ этотъ періодъ. Маша и Лила —дочери Авд. Петровны.

LI.

(*20 января 1847 г.*) — Ваше письмо, милая Авдотья Петровна, грустно, несказанно грустно. Чего-чего не перетерпѣли вы на свѣтѣ. Но вы знаете хорошо главную науку жизни—терпѣніе, слѣдовательно, главная цѣль достигнута. Кто безъ всякаго раздраженія души, съ утѣшительнымъ чувствомъ любви къ Искупителю принимаетъ испытанія, для того они, при всей своей болѣзненности, теряютъ всю свою горечь; плотская душа страждетъ, а душа духовная бодрствуетъ, свѣтла и спокойна. Вашему смиренному горю отвѣчаю я своимъ, которое ужасно давитъ мою жизнь. До сихъ поръ я былъ баловень жизни, и только грезилъ о ней и о себѣ самомъ. Теперь настали минуты испытанія, которыя разбудили меня и разсѣяли мои роскошныя сновидѣнія — стою передъ чашей, знаю, что̀ въ этой чашѣ и кто налилъ въ нее горькое питье, и для чего подана она мнѣ—и все это знаніе ничему не помогаетъ; во мнѣ два человѣка: одинъ знающій, что̀ и для

чего, другой—мертвый, каменный, безъ вѣры, безъ любви, безъ молитвы и всегда готовый разразиться — но къ счастію еще не ропщущій, а покорный, но покорный, какъ машина. Таково мое теперешнее положеніе, изъ котораго своею волею не могу выйти. Моя бѣдная жена тяжко страдаетъ: нервическое разстройство, это чудовище, котораго нѣтъ ужаснѣе, впилось въ нее всѣми своими когтями, грызетъ ее тѣло, и еще болѣе грызетъ ея душу. Физическая тоска душитъ ее и производитъ въ ней безпрестанный страхъ смерти; при этомъ страданіи самая несносная, все убивающая, нравственная грусть вытѣсняетъ изъ ея головы всѣ ея прежнія мысли и изъ ея сердца всѣ прежнія чувства, такъ что она никакой нравственной подпоры найти не можетъ ни въ чемъ и чувствуетъ себя всѣми покинутой;—вотъ что съ утра до вечера совершается ежедневно въ глазахъ моихъ тому уже нѣсколько мѣсяцевъ съ самаго нашего возвращенія изъ Швальбаха. Это состояніе приготовлялось издалека; нынѣшнее лѣто своимъ нестерпимымъ, вулканическимъ жаромъ развило его; страхъ, произведенный землетрясеніемъ, хотя минутный, далъ толчекъ болѣзни, которая сперва явилась подъ видомъ нервической горячки и послѣ себя оставила теперешнее тяжелое нервическое разстройство. Коппъ утверждаетъ, что все пройдетъ съ наступленіемъ весны, и что нашему путешествію въ Россію помѣхи не будетъ—дай Богъ, чтобы это было пророчество. Но въ ожиданіи его совершенія—горе, горе и горе. Пошли Богъ силу принять, понять и обратить въ пользу души Его строгіе уроки. Во всемъ этомъ мракѣ жизни одно только убѣжденіе можетъ свѣтить намъ свѣтомъ истины, убѣжденіе, что все посылается Богомъ, что все Его воля.—Но я знаю, съ горемъ знаю по себѣ, что не въ нашей волѣ покорствовать съ любовію, съ вѣрою, съ спокойствіемъ надежды, съ умиленіемъ благодарности — все это дается свыше, все это есть благодать. Мы можемъ только *покорствовать*. И даже надежда на *лучшее* не можетъ, скажу, не должна утѣшать насъ: наши надежды на лучшее суть игрушки воображенія, мечты безъ основанія. Какъ для многихъ это лучшее, то есть это *видимое*, житейское лучшее никогда не приходитъ! Надѣяться отъ Бога чего-то, *по-нашему* лучшаго, есть предписывать Ему дѣйствовать въ нашемъ смыслѣ. Нѣтъ, все для насъ заключено въ безусловной покорности, въ покорности волѣ Божіей, потому только что она—Его воля,—въ покорности, лишенной даже всякаго наслажденія, дающаго ей прелесть и ее облегчающаго для сердца. Въ этой вѣрѣ много крѣпости для души. Но какъ трудно имѣть эту вѣру! Одно только въ нашей власти: не роптать! все остальное—даръ Божій; онъ сходитъ на душу, какъ роса на землю. Блаженъ тотъ, чья душевная пустыня освѣжена этою росою.—Я теперь болѣе, нежели когда-нибудь, знаю настоящія блага жизни, и въ то же время болѣе, нежели когда-нибудь, знаю и ея страданія и проникъ все недостоинство бѣдной души своей. Послѣдніе

два года были для меня тяжкіе отъ безпрестанныхъ болѣзней, но послѣдняя половина прошедшаго 1846 г. была самая тяжелая не только изъ двухъ этихъ лѣтъ, но изъ всей жизни. Моя бѣдная жена худа, какъ скелетъ; и ея страданіямъ я помочь не въ силахъ: противъ черныхъ ея мыслей нѣтъ никакой противодѣйствующей силы; воля тутъ ничтожна; разсудокъ молчитъ. Одни впечатлѣнія чувственныя дѣйствуютъ, какъ самая сильная пытка, которая ломаетъ руки и ноги. Мои работы всѣ давно остановились; Одиссея два года не подвинулась впередъ ни на шагъ. Одни только дѣтенки, которые до сихъ поръ, по милости Божіей, здоровы, насъ радуютъ и оживляютъ кругомъ насъ нашъ міръ. Да благоволитъ Онъ ихъ сохранить намъ—но и этого просить не должно. Сашка – прелестная сильфидочка, съ геніальными глазами (которые часто меня изумляютъ своею выразительною значительностью), съ пышными, свѣтлыми волосами, съ граціей во всѣхъ движеніяхъ. Она необыкновенно умна; была бы очень своенравна, но я пріучилъ ее къ покорности. Умъ ея въ безпрестанномъ движеніи; съ утра до вечера играетъ одна со своею куклою, и безпрестанно говоритъ, поетъ, разсказываетъ. По большей части вздоръ, но часто что-то фантастическое, поэтическое. Теперь она принялась за рукодѣліе, уже очень порядочно вяжетъ и большая охотница рисовать. Теперь они могутъ уже играть вмѣстѣ съ братомъ,—но игра часто обращается въ драку и они часто такъ царапаются, что наконецъ, дабы спасти ихъ глаза, надобно было употребить краснорѣчіе розги. Мое главное теперь занятіе клеить для нихъ на картонѣ картинки и устраивать Guckkasten на подобіе той камер-обскуры, которая такъ насъ во время оно забавляла.—Но довольно.

О вашей болѣзни, милая, я говорилъ съ Коппомъ. Онъ говоритъ, что для васъ будетъ спасеніемъ Gastein. Но рѣшитесь ли вы туда ѣхать? Обнимаю васъ. Коппъ мнѣ сказалъ печальную вѣсть: онъ прочиталъ въ Francfurter Journal статью изъ Петербурга, въ которой сказано, что поэтъ Языковъ умеръ въ Москвѣ, на 40 году. Такъ стоитъ въ газетѣ. Но ни въ какихъ другихъ газетахъ этого извѣстія нѣтъ. А я получилъ письмо изъ Москвы отъ Булгакова, писанное $\frac{6}{18}$ января, въ которомъ онъ ничего о Языковѣ мнѣ не пишетъ. Посему и полагаю, что газетное извѣстіе есть басня [1]).

Моя бѣдная больная сердечно обнимаетъ васъ, какъ свою милую сестру, какъ вѣрнаго, испытаннаго друга. Писать ей я не даю; это ей очень трудно. Въ послѣднее время къ главной болѣзни присоединился catharre, потомъ des pertos и наконецъ теперь еще геморроиды. Все это сокрушаетъ ея силы.

Нѣсколько строкъ изъ этого письма (отъ „нервическое разстройство“ до „всѣми покинутой“ Зейдлицъ приводитъ (стр. 215) якобы изъ письма къ себѣ; текстъ совпадаетъ буквально, мы пользовались подлиннымъ письмомъ Жук—аго; слѣдовательно, или

[1]) Извѣстіе оказалось вѣрнымъ: Языковъ умеръ 26 декабря.

поэтъ буквально повторилъ одно и то же въ двухъ письмахъ, или, что вѣроятнѣе, Зейдлицъ ошибся въ обозначеніи цитаты. Тоже относится и къ другой его цитатѣ на той же 215 страницѣ: „Послѣдняя половина 1846 года“...

LII.

(*$^{10}/_{22}$ іюня 1847 г.*)—Милая Авдотья Петровна, какъ мнѣ жаль, что на ваше милое послѣднее письмо, въ которомъ вы дѣлаете планы нашего будущаго *вмѣстѣ*, я долженъ отвѣчать вамъ грустнымъ словомъ: *я къ вамъ нынѣшнимъ лѣтомъ не буду*. Почему, это узнаете изъ приложенной копіи съ Коппова свидѣтельства. Онъ посылаетъ жену въ Швейцарію. Я не могу отпустить ее туда одну и долженъ поворотить свои оглобли не къ сѣверу, а къ югу. Если бы не должно было мнѣ дождаться прибытія сюда Великаго Князя, то я бы успѣлъ съѣздить къ вамъ въ іюнѣ; но теперь іюнь уже въ исходѣ, а Великій Князь только что пріѣхалъ. Впрочемъ пріѣхать только для того, чтобы сказать *прости*, было бы платить дорогою цѣною за тяжкое сердечное мученіе: нѣтъ ничего въ жизни несноснѣе, какъ послѣдняя недѣля передъ долгою разлукою; а мнѣ всего на всего пришлось бы провести съ вами только недѣлю по тому разсчету, который было я сдѣлалъ для этой поѣздки. Какъ ни трудно, какъ ни грустно было рѣшиться, но надобно было отказаться отъ радости взглянуть на васъ, которая была бы болѣе пыткою, нежели радостью. Жена въ послѣднее время начала было поправляться; но теперь опять пошатнулась; тѣже симптомы болѣзни, которые такъ мучили ее зимою, возобновляются. Коппъ говоритъ, что поѣздка въ Россію была бы ей къ добру, но что наша долгая зима *теперь*, когда она еще не совсѣмъ отдохнула отъ зимнихъ своихъ страданій, возобновила бы ихъ въ полной мѣрѣ и что ей о пребываніи въ Россіи нынѣшнею зимою и думать не можно. Я рѣшился ѣхать одинъ, не зная еще, что Коппъ назначитъ женѣ ѣхать въ Швейцарію; и очень жалѣю, что такъ поспѣшилъ рѣшиться и такъ скоро о томъ васъ увѣдомилъ; теперь и мнѣ и вамъ грустнѣе отказываться отъ того, что было бы намъ всѣмъ такъ весело. Что же дѣлать? Прошу васъ только не обвинять ни въ чемъ жены. Она здѣсь просто страдалица и безпрекословно покоряется тому, что велятъ обстоятельства; она была готова на разставаніе со мною, и не имѣетъ никакого участія въ томъ, что я рѣшилъ остаться для пребыванія съ нею въ Швейцаріи. Это было для нея чисто сюрпризомъ, вовсе неожиданнымъ. Судя по письму Кати Елагиной я могу думать, что у васъ есть мнѣніе, что болѣзнь жены мечтательная, что она причудничаетъ,—позволено ли дѣлать такія замѣчанія за двѣ тысячи верстъ, не зная обстоятельствъ, не видавъ, каковы были—не часы и не дни, а цѣлые мѣсяцы страданія? Лучше просто жалѣйте о ней, и горюйте вмѣстѣ съ нами, что такое тяжкое по волѣ Божіей препятствіе положено нашему соединенію, котораго и жена моя желаетъ столь же

сильно, какъ я (ибо оно необходимо и по сердцу, и по нашему назначенію), хотя это и не мѣшаетъ чувствовать, что за одно, намъ драгоцѣнное, надобно будетъ заплатить другимъ, столь же драгоцѣннымъ. Помоги Богъ перенести покорно и благоразумно посылаемое намъ испытаніе. Какъ мнѣ ни больно впрочемъ отказаться отъ свиданія теперь съ вами и съ моею милой второю матерью, но я внутренно убѣжденъ, что мы поживемъ еще вмѣстѣ и что она порадуется дѣтьми моими, и дастъ имъ свое благословеніе. Простите, сердечный другъ, пошлите это письмо къ Ек. Ѳ., а сами поскорѣе напишите.

Нѣсколько строкъ этого письма Зейдлицъ цитируетъ на стр. 217, но въ измѣненномъ порядкѣ фразъ и не вполнѣ точно.

LIII.

(*7 марта н. с. 1848 г.*) — Милыя друзья, вы вѣрно объ насъ безпокоитесь. И есть отъ чего: мы живемъ на берегу кратера, изъ котораго льется лава; но по милости Божіей мы попали въ такой уголокъ Германіи, который въ эту минуту, сколько можно думать, самый безопасный. И у насъ по примѣру всего окружающаго были безпокойства, но только мимоходомъ и ничего до сихъ поръ важнаго не случилось. Первая минута взрыва прошла; можно надѣяться, что порядокъ болѣе не нарушится — то есть порядокъ внутренній. Но изъ за Рейна глядитъ на насъ громовая туча. Здѣсь оставаться не должно: ибо война можетъ всякую минуту вспыхнуть. Если бы были крылья, сію же минуту мы перелетѣли бы въ Россію. Но теперь надобно ждать дороги и не пускаться въ путь, теперь вездѣ болѣе или менѣе опасный. Если бы я былъ одинъ, я давно бы уже былъ въ Россіи; но везти жену въ распутицу, которая вездѣ скоро начнется, везти малютокъ, это значитъ предаваться произвольно вѣрному худому; чего нельзя избѣжать, тому надобно спокойно покоряться — въ этомъ неизбѣжномъ есть ясная Божія воля. Опять повторяю: мѣсто, гдѣ мы, самое безопасное въ Германіи. Остальное въ рукѣ Божія Промысла. Мы не тревожимся тѣмъ, что насъ окружаетъ; но безпрестанно тревожитъ душу будущее Европы: надъ нимъ задернулась завѣса Провидѣнія.—Мнѣ горько одно—то, что вѣроятно женѣ не удастся воспользоваться Эмсомъ во второй разъ; онъ такъ было ей помогъ, что Кошъ назначилъ ей во второй разъ нынѣшнимъ лѣтомъ ѣхать въ Эмсъ--но позволятъ ли это обстоятельства. До начала нынѣшняго года жена чувствовала благотворное дѣйствіе водъ. Теперь же опять началось прежнее, хотя не въ прежней силѣ, но она часто жестоко мучится; и теперь бѣдная только что поднялась съ постели. Она васъ обнимаетъ, но писать сама не можетъ. Какъ это мучительно и тревожно при нынѣшнихъ, страшныхъ обстоятельствахъ, это вы легко вообразить можете. Но дай Богъ разума и спокойной преданности въ Его

святую волю. Милая Авдотья Петровна, прошу васъ сообщить это письмо Ек. Аѳ. А приложенное письмо, написанное и непосланное Гоголю мѣсяца за полтора передъ этимъ, я посылаю вамъ для сообщенія его С. П. Шевыреву, издателю Москвитянина: если онъ найдетъ его годнымъ для журнала своего, то пускай напечатаетъ. Скажите ему, что я дружески ему кланяюсь. Обнимите за меня Хомякова и жену его (если позволитъ); жена обоимъ имъ сердечно кланяется. Просимъ у нашей милой сестры Ек. Аѳ. материнскаго благословенія.

Прошу васъ внимательно прочесть письмо къ Гоголю и поправить ошибки, чтобы избѣжать ихъ въ печати. Мнѣ самому перечитывать некогда и не хочется. Письмо давно переписано, но я промедлилъ послать.

Письмо Гоголю, о которомъ здѣсь говоритъ Жук—ій, было дѣйствительно помѣщено въ № 4 Москвитянина подъ заглавіемъ: „О поэтѣ и современномъ его значеніи“ съ помѣтой: „29 января 1848 г. Франкфуртъ на Майнѣ; теперь оно носитъ названіе: *Слова поэта—дѣла поэта.*

LIV.

(*Мартъ 1848 г.*) — Милые друзья, Авдотья Петровна и Катя, пишу къ вамъ нѣсколько строкъ: глаза не дозволяютъ болѣе. Я желалъ бы, чтобы душа моя была болѣе достойна тѣхъ испытаній, которыя теперь щедро посылаетъ мнѣ Господь. Онъ приметъ желаніе и признаніе недостоинства за то, чего недостаетъ душѣ моей. И такъ я не увижу ее [1]) и не подведу подъ ея благословеніе жены и дѣтей — это несказанно горько. А когда посмотрю на то, что кругомъ происходитъ, и подумаю о томъ, что еще можетъ привести съ собою будущее, то мысль о этой мирной кончинѣ, о этомъ тихомъ пріютѣ въ гробѣ меня умиляетъ и, если бы смѣлъ, то пожелалъ бы туда же. Катя, жаль тебя, жаль, что не видала ты этой лучшей минуты въ жизни; но и мысли объ ней довольно. Простите, милыя. О томъ, что съ нами будетъ, напишу къ вамъ скоро. Теперь долженъ кончить, чтобы не раздражить глаза. Обнимаю васъ и милаго, безцѣннаго друга Мойера. Напишите поболѣе о вашихъ предположеніяхъ.

LV.

(*Франкфуртъ на Майнѣ* $\frac{19\ апрѣля}{1\ мая}$ *1848 г.*)—Изъ приложеннаго здѣсь моего письма къ Аннѣ Петровнѣ, диктованнаго мною женѣ, увидите вы, милая Авдотья Петровна, что съ нами было за 10 дней передъ этимъ. На другой день послѣ написанія письма мы принуждены были уѣхать изъ Ганау: тамъ царствуетъ анархія во всей своей неопрятности; здѣсь во Франкфуртѣ она по крайней мѣрѣ умыта, при-

[1]) Письмо касается смерти Ек. Аѳан. Протасовой.

чесана и одѣта, но вѣроятно и здѣсь скоро разгуляется. Черезъ недѣлю по приказанію Коппа везу жену въ Эмсъ; съ самаго пріѣзда изъ Ганау она въ постели, вчера только поднялась и очень слаба, отчего ни къ вамъ, ни къ Аннѣ Петровнѣ не пишетъ; будетъ писать изъ Эмса. Въ Эмсѣ мы пробудемъ 6 недѣль, потомъ 2 недѣли отдыха, потомъ въ дорогу—но какую дорогу выберемъ, этого теперь еще опредѣлить невозможно. Мы поѣдемъ прямо въ Ригу, оттуда въ Дерптъ, гдѣ я намѣренъ оставить жену на зиму, самъ же поѣду въ Петербургъ и буду къ вамъ. Таковъ на первый случай планъ нашъ. Видишь ли, Катя, что ты напрасно сидишь у Тверской заставы и ждешь нашего пріѣзда. Обними за меня твоего милаго отца и скажи ему отъ меня, что мы съ нимъ друзья и братья на жизнь и смерть. Простите. Прошу переслать и мое письмо, писанное рукою жены, и это, писанное къ вамъ, немедленно къ Аннѣ Петровнѣ.

LVI.

(Базель $^{17}/_{29}$ мая 1849 г.)—Милая Авдотья Петровна, къ вамъ газеты доходятъ поздно; но все уже, вѣроятно, вы теперь знаете, что въ Баденѣ кипитъ революція, и зная это, конечно о насъ безпокоитесь. Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. И свинья—революція насъ и не понюхала. Мы переѣхали въ Страсбургъ, оттуда въ Базель и завтра въ Бернъ; что будетъ далѣе, о томъ васъ увѣдомлю. Одиссея кончена и отпечатана, но какъ то она проберется между Сциллой и Харибдой къ берегамъ Итаки - Россіи—не знаю. Вотъ вамъ отвѣтъ, полученный мною отъ принца Ольденбургскаго. Онъ точнѣе любезнаго моего пріятеля Ивана Васильевича: тотчасъ меня увѣдомилъ. —Я еще не благодарилъ васъ за увѣдомленіе меня о Астраковыхъ. Прошу теперь сдѣлать одно: дать имъ знать, чтобы всегда держали васъ и меня въ извѣстности о мѣстѣ своего пребыванія. Что вы сдѣлаете для нихъ теперь, все будетъ прекрасно и мы при свиданіи сочтемся. — Отъ Анны Петровны получилъ предлинное письмо и престранное. Я писалъ къ ней, чтобы для наполненія теперешней пустой жизни принялась за воспоминаніе о прошедшемъ и, что вспомнится, записывала бы безъ всякаго порядка и плана. Объ этомъ я просилъ ее *для себя, и для васъ, и для насъ*, бывшихъ когда то въ одномъ Эдемѣ. А она вообразила, что я ее сажаю писать мемуары для свѣта, по образу и подобію Маркиза де Креки, для наставленія современниковъ и потомства, и что ей надобно будетъ судить строго жизнь многихъ и пр. и пр. Странное дѣло! Но это только странно, а вотъ это и досадно: въ какомъ письмѣ моемъ къ вамъ нашла она, что я обвиняю бабушку и кладу на ея отвѣтственность мое классическое невѣжество? Жена моя можетъ быть свидѣтелемъ, какъ мнѣ дорога память милой нашей бабушки, которая такъ нѣжно меня любила; у меня всегда согрѣвается

сердце, когда я объ ней вспоминаю. А наша Анета сочла нужнымъ высчитывать мнѣ всѣ ея благодѣянія и доказывать мнѣ, что я долженъ быть благодарнымъ. Признаюсь, я весьма мало ей благодаренъ за такое ненужное и досадное наставленіе, основанное на какомъ нибудь mal-entendu, котораго ей бы ни въ какомъ случаѣ на мой счетъ имѣть было не должно. Прошу васъ поискать въ моихъ къ вамъ письмахъ то мѣсто, которое могло послужить Анѣтѣ текстомъ къ ея предикѣ; и выпишите мнѣ. Къ ней самой я не пишу, полагая, что она теперь въ Одессѣ; но когда она возвратится, покажите ей эти строки. Прощайте, милая. Скоро буду писать болѣе. Да увѣдомьте, что Катя? Письма пересылайте черезъ Булгакова. Мой адресъ: Berne, poste restante.

1) Астраковы—московская семья, знакомая еще матери Жук—аго, Елизаветѣ Дементьевнѣ; они заботились по просьбѣ Жук—аго о ея могилѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Жук—ій всю жизнь не забывалъ ихъ помощью и хлопотами объ устройствѣ.

2) По поводу предложенія Жук—аго А. П. Зонтагъ писать мемуары приведемъ слова Авд. П—ны въ письмѣ Жук—му 21 мая 1849 г. „Вы хотите, чтобы она писала біографіи всей семьи? Тутъ слишкомъ много будетъ Dichtung и слишкомъ мало Wahrheit. Она страннымъ образомъ видитъ вещи, желая вездѣ играть какую нибудь роль. Боюсь, что вамъ не совсѣмъ пріятно будетъ, что она напечатала въ Москвитянинѣ о вашемъ дѣтствѣ". Какъ извѣстно, таковъ же былъ и взглядъ Зейдлица на воспоминанія Зонтагъ, собщенныя ею кн. Вяземскому (Зейдлицъ, стр. 4).

3) Подъ „бабушкой" здѣсь можно подразумѣвать только М. Г. Бунину, жену Аѳанасія Ивановича; нерѣдко называя Екатерину Аѳанасьевну своей *второй матерью* и привыкнувъ видѣть въ Авд. Петр. не племянницу, а сестру и звать ее такъ, онъ говоритъ ей здѣсь о М. Григ. какъ о „милой *нашей* бабушкѣ".

LVII.

($^{14}/_{26}$ *декабря 1850 г.*)—Милая Авдотья Петровна, посылаю эту записочку, вслѣдъ за письмомъ вчера отправленнымъ, только для того, чтобы сказать вамъ то, что я, кажется, забылъ въ письмѣ моемъ: не говорите ни слова о томъ, что происходитъ съ женой моей. Я не почитаю еще дѣло конченнымъ. Когда все совершится и *какъ* совершится, увѣдомлю васъ. Ея убѣжденіе еще неполное. Оно должно быть совершенно произвольное, то есть, какъ Богъ велитъ. Обнимаю васъ.

Къ 1850 г. письмо отнесено по содержанію — въ немъ говорится о намѣреніи жены Жук—аго перейти въ православіе—а также по соображенію съ письмомъ Жук—аго къ П. И. Базарову 15 іюля 1851 г., гдѣ поэтъ пишетъ, что жена его чувствуетъ потребность перемѣнить вѣроисповѣданіе, и проситъ священника пріѣхать къ нему для бесѣды, прибавляя: „я давно бы попросилъ васъ, но вашъ отъѣздъ остановилъ меня" (о. Базаровъ зиму 1850 года провелъ въ Россіи). Наконецъ Зейдлицъ прямо относитъ письмо къ этому году (стр. 232).

LVIII.

($^{9}/_{21}$ *апрѣля 1851 г.*)—Христосъ воскресе, милый другъ Авдотья Петровна! Авось въ послѣдній разъ посылаю вамъ этотъ привѣтъ изъ чужи. Молите вмѣстѣ со мною Бога, чтобы возвратилъ меня въ оте-

чество: эту молитву приношу я Ему каждое утро и каждый вечеръ. Въ концѣ іюня ѣдемъ мы изъ Бадена. Но еще надобно будетъ завернуть въ Остенду на цѣлый мѣсяцъ для морскихъ ваннъ. Въ сентябрѣ надѣюсь быть въ Москвѣ. Устройте такъ, чтобы мы могли тамъ свидѣться. Объ этомъ однако буду еще писать передъ отъѣздомъ изъ Остенда. Не пеняйте, что пишу такъ мало, я уже предувѣдомилъ васъ, что въ послѣднее время моего здѣсь пребыванія буду писать только записочки: все мое время занято работою, которую хотѣлось бы кончить до отъѣзда; но едва ли. Я писалъ къ Плетневу, чтобы доставилъ вамъ копію съ манускрипта, который я представилъ въ цензуру. Въ немъ заключается все, что написано мною въ разное время прозою: я раздумалъ печатать, но вамъ многое будетъ по сердцу. Примите этотъ подарокъ вмѣсто краснаго яйца. Если манускриптъ еще не присланъ, напишите о немъ къ Плетневу (Е. Пр. Петр. Алексѣев. Плетневъ, ректоръ С.П-бурскаго университета). Простите, душа моя, обнимаю всѣхъ вашихъ и моихъ.

1) Дата выставлена послѣ, рукою Зейдлица. Она подтверждается датированнымъ письмомъ къ Ек. Ив. Елагиной, гдѣ Жук—ій въ тѣхъ же выраженіяхъ говоритъ о своемъ пріѣздѣ въ Россію.

2) „Манускриптъ" содержалъ въ себѣ рядъ короткихъ статей Жук—аго религіозно-философскаго и отчасти политическаго содержанія. Одна изъ этихъ статей (О смертной казни) вызвала обмѣнъ мнѣній между Жук—имъ и Елагиной, о чемъ см. ниже, стр. 87.

LIX.

(*Баденъ* $\frac{29\ іюня}{11\ іюля}$ *1851 г.*) — Милая Авдотья Петровна! Два слова; вотъ мой маршрутъ:

14 іюля с. с. выѣздъ изъ Бадена.
15—20 іюля переѣздъ изъ Франкфурта въ Дрезденъ.
21 іюля—2 августа пребываніе въ Дрезденѣ.
3—12 авг. переѣздъ изъ Дрездена въ Дерптъ.
13 авг. пребываніе въ Дерптѣ.
14—15 авг. переѣздъ въ Петербургъ.
16—17 авг. пребываніе въ Петербургѣ.
18—20 авг. переѣздъ въ Москву.
21 августа прибытіе въ Москву.
21—31 авг. пребываніе въ Москвѣ.

Благослови Богъ этотъ путь. Молитесь за насъ. Отвѣчайте на это письмо: á Dresde, poste restante. Обнимаю васъ въ надеждѣ на желанное свиданіе.

P. S Сообщите это Мойеру и нашимъ Елагинымъ. Неужели Мойеръ не согласится меня порадовать свиданіемъ съ нимъ въ Москвѣ. Попросите его отъ меня объ этомъ именемъ нашей вѣрной, неизмѣнной дружбы.

Въ подлинникѣ нѣтъ года; онъ выставленъ по соображенію съ письмомъ къ А. Булгакову отъ того же числа[1]), гдѣ прибытіе въ Москву назначено на тотъ же срокъ, что и въ данномъ письмѣ; наконецъ наша дата оправдывается и слѣдующимъ письмомъ.

LX.

(5 авг. н. с. 1851 г.) — Милая Авдотья Петровна, изъ формы моего письма и изъ моего почерка вы можете заключить, что со мною случилось что нибудь неожиданное. Вотъ что: на мой слѣпой глазъ напала подагрическая матерія отъ простуды; вмѣсто того, чтобы выѣхать изъ Бадена, я сижу слѣпой въ своей горницѣ, и еще не знаю, когда кончится это затворничество. Пишу къ вамъ съ помощью машинки, мною выдуманной на случай слѣпоты; пишу, чтобы вамъ сказать, что моя болѣзнь, которая вѣроятно еще по крайней мѣрѣ двѣ недѣли задержитъ меня въ Баденѣ, лишитъ меня возможности пріѣхать въ нынѣшнемъ августѣ въ Москву, чего мнѣ сердечно жаль. Но мнѣ съ моими почти семидесятью годами нельзя предпринимать такихъ усталостей, надобно поберечь машину, которая уже трескаться начинаетъ, чтобы дать душѣ съ ея помощью еще кое что на землѣ доброе сдѣлать. И такъ мы увидимся, душа моя, не прежде, какъ весною будущаго 1852 года. Простите. Благослови васъ Богъ. Жена хворастъ, но это ей не мѣшаетъ цѣловать васъ мысленно.

Это и три слѣдующихъ письма писаны карандашомъ при помощи машинки, крупнымъ, почти квадратнымъ почеркомъ. Болѣзнь глазъ захватила Жук—аго около 15 іюля, за два дня до выѣзда въ Россію.

LXI.

(24 августа н. с. 1851 г.).—Грустно мнѣ было получить ваши два слова, моя милая Авдотья Петровна. Вмѣсто свиданія съ вами я осужденъ сидѣть въ темной горницѣ съ больнымъ глазомъ. Я еще все въ Баденѣ: хотя не у моря, но жду погоды. Теперь 24 число н. с. августа, день разрушенія Помпеи и Варѳоломеевской ночи. Если глазъ поправиться къ первому числу, я выѣду — но ужъ въ Москвѣ мнѣ не бывать. Во время моего затворничества нашло на меня поэтическое наитіе и я началъ нѣчто, давно у меня гнѣздившееся въ головѣ, и что должно быть моею лебединою пѣснью. Благослови Богъ исполнить такъ, какъ задумано, исполнить и потомъ прочитать вмѣстѣ со всѣми вами. Простите. Весною увидимся.

„Лебединой пѣснью“ своей Жук—ій называетъ поэму „Вѣчный жидъ“. Извѣстно, что Жук—ій давно задумалъ эту вещь, но, написавъ не болѣе 20 стиховъ, оставилъ; о томъ, какъ онъ взялся за нее теперь, онъ пишетъ 13 сент. Плетневу: „Почти черезъ два дня послѣ начала моей болѣзни загомозилась во мнѣ поэзія, и я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны назадъ тому десять лѣтъ, которой идея

[1]) См. 7-е изд сочин. Жук—аго, т. VI, стр. 590 примѣчаніе.

лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ неразвитая, и которой созданіе я отлагалъ до возвращенія на родину, до спокойнаго времени осѣдлой семейной жизни. Я полагалъ, что не могу приступить къ дѣлу, не приготовивъ многаго чтеніемъ. Вдругъ дѣло само собой началось: все льется извнутри. Обстоятельства свели около меня людей, которые читаютъ мнѣ то, что нужно и чего самъ читать не могу именно въ то время, когда оно мнѣ нужно для хода впередъ. Что напишу съ закрытыми глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію. Въ связи же читать не могу безъ него... Думаю, что уже около половины (800 стиховъ) кончено".

LXII.

(Августъ 1851 г.). — Милая Авдотья Петровна, въ письмѣ моей жены получите полный отчетъ въ томъ, что съ нами происходитъ. Препятствіе, такъ неожиданно разрушившее всѣ наши планы, должно быть, какъ и всякое другое, къ добру и отчасти есть уже отъ него добро; между семью недѣлями, которыя провожу я взаперти, были четыре прекраснѣйшей погоды, ими жена воспользовалась для купанія въ текучей водѣ, чего бы она не могла сдѣлать, если бы мы поѣхали; а теперь, когда мы принуждены рѣшительно остаться на зиму заграницею, она въ сентябрѣ и октябрѣ, которые мы проведемъ въ Баденѣ, будетъ продолжать свое леченіе, которое прекратилось бы нашимъ отъѣздомъ и которое ей нужно, ибо она далеко еще не оправилась, хотя мы и рѣшили было ѣхать. Такимъ образомъ моя болѣзнь, которая скоро вѣроятно пройдетъ, была Богомъ даннымъ средствомъ получить то добро, котораго мы безъ этого неожиданнаго средства произвольно бы искать не стали. — Вотъ вамъ все. Обнимаю васъ. Какъ скоро справлюсь съ моимъ „Вѣчнымъ жидомъ", пришлю его къ вамъ въ манускриптѣ.

Скажите Катѣ, что я ее совсѣмъ не благодарю за тѣ 20 писемъ, которыя она начала ко мнѣ и не послала, потому что всѣ они были бранныя. Что-то она теперь скажетъ?

LXIII.

Милая сестра и другъ, вотъ вамъ письмо отъ жены. Хотѣлъ бы многое къ нему приписать, но глазъ мѣшаетъ, послѣ буду писать, теперь пока отошлите мое письмо Катѣ. Обнимаю васъ. Напишите поболѣе о Хомяковѣ. Посылаю вамъ въ дополненіе этого письма стихи.

Письма за №№ LXII и LXIII не имѣютъ дать; первое изъ нихъ писано еще въ августѣ, какъ явствуетъ изъ содержанія. „Бранныя" письма Ек. Ив. Елагиной были горячія увѣщанія ея Жук—му скорѣе возвращаться въ Россію. Она не разъ въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, когда возвращеніе Жук—го все откладывалось, писала, какъ больно ей думать, что дѣти его не знаютъ Россіи, не слышатъ русской рѣчи, не окружены роднымъ воздухомъ.

LXIV.

(Баденъ $^{3}/_{15}$ января 1852 г.). — Благодарствуйте, моя милая Авдотья Петровна, за ваши письма; одно изъ пришло прямо изъ Москвы,

а другое вслѣдъ за нимъ изъ Дрездена; я былъ весьма имъ радъ, ибо такое долгое незнаніе объ васъ начинало меня весьма тревожить. Но то, что вы о себѣ пишете, весьма для меня печально: вы страдаете и это омрачаетъ вашу прекрасную жизнь. И я провелъ послѣдніе 6 мѣсяцевъ не на розахъ; еще болѣзнь моя не кончилась и думаю, что продолжится всю зиму; глазу лучше, но всякая попытка на работу его снова воспламеняетъ и меня опять принуждаетъ къ бездѣйствію, что для меня весьма тяжело: всѣ мои работы и поэтическія, и педагогическія какъ будто разбиты параличемъ. Особливо мнѣ жаль послѣднихъ; я наработалъ много, но то, что въ настоящую минуту нужно, еще не сдѣлалъ—а время летитъ и унесетъ меня, можетъ быть, прежде, нежели успѣю сдѣлать что-нибудь для дѣтей моихъ. Какъ бы я желалъ показать вамъ мои педагогическія работы; вы бы нашли ихъ довольно оригинальными; и если бы Богъ позволилъ мнѣ исполнить планъ мой, то послѣ меня остался бы, для пользы русскихъ семействъ, практическій, весьма уморазвивательный курсъ первоначальнаго ученія, который солидно бы приготовилъ къ переходу въ высшую инстанцію ученія. Но планъ мой объемлетъ много, а время между тѣмъ летитъ, работа же по своей натурѣ тянется медленно, глаза и силы тѣлесныя отказываются служить, и я, при самомъ началѣ постройки, вижу себя посреди печальныхъ развалинъ; это тяжело, но спорить съ Божьей волей не должно: жизнь не для того, чтобы что-нибудь здѣшнее для здѣшняго сдѣлать, а для того, чтобы научиться при всякомъ случаѣ уничтожать свою волю предъ Высшею. Когда буду въ Москвѣ, покажу вамъ мои работы. Но когда же я буду въ Москвѣ? Этого теперь я и самъ опредѣлить не могу: теперь уже мнѣ и самому сдѣлалось необходимо порядочное леченіе. Гугертъ говоритъ, что оно начнется въ мартѣ и не прежде кончится, какъ въ половинѣ іюня. Не надобно впередъ загадывать. Получили ли вы отъ Родіонова полный экземпляръ моихъ сочиненій? Я давно къ нему писалъ объ этомъ. По моей просьбѣ, Государь приказалъ купить все изданіе въ казну, которой я уступилъ 20 процентовъ, изъ этого вышло, что у меня теперь есть капиталъ 30 тыс. руб сер., единственное достояніе, которое по смерти моей останется моему семейству. Кстати о смерти; вы напрасно критикуете мою статью о смертной казни: во-первыхъ надобно сказать, что я этой статьи не сочинялъ, она сама собою написалась въ письмѣ къ Великому Князю. Во-вторыхъ, я въ этой статьѣ не разсуждаю о смертной казни и не думаю разрѣшать вопроса: должна ли или не должна быть смертная казнь? На этотъ вопросъ отвѣчать весьма трудно. Я говорю только о томъ, что если уже существуетъ смертная казнь, то изъ ея совершенія не должно дѣлать отвратительнаго зрѣлища, которое вмѣсто пользы приноситъ жестокій нравственный вредъ. Я говорю, что смертная казнь, если она уже существуетъ, должна быть величественнымъ ак-

томъ строгаго человѣческаго правосудія и умилительнымъ выраженіемъ любви христіанской, спасающей душу въ минуту погибели тѣла. Если вы изъ того, что я хочу, чтобы казнь совершалась *невидимо* толпѣ, выводите заключеніе, что я желаю, чтобы и судъ и совершеніе суда производились въ тайнѣ, то это вовсе ошибочно: я хочу, чтобы одно только зрѣлище казни, вреднымъ образомъ волнующее чувственность, было скрыто отъ глазъ матеріальныхъ, для которыхъ и ужасъ имѣетъ свою драматическую прелесть, но чтобы оно сохранено было для очей воображенія и черезъ нихъ дѣйствовало на душу спасительнымъ страхомъ, а не звѣрскимъ удовлетвореніемъ праздная любопытства. Должна ли существовать смертная казнь, это другой вопросъ; если я въ моей статьѣ говорю утвердительно, то это только оттого, что я не имѣлъ намѣренія вступать въ разсужденія о томъ, что уже существуетъ. Что бы я отвѣчалъ на этотъ вопросъ, если бы мнѣ задано было разрѣшить его—не знаю; знаю только то, что въ наше время, когда буйство и безвѣріе опрокинули всѣ преграды страстей, страхъ смерти есть необходимая подпора общественнаго порядка.—Обращаюсь теперь къ другой вашей критикѣ: вы нападаете на сюжетъ Странствующаго Жида, и вы правы, если полагаете, что я смотрю на него глазами Eugène Sue, котораго проклятый романъ мнѣ вовсе неизвѣстенъ. Я не намѣренъ писать романической сказки, дабы повеселить праздное воображеніе поэтическими картинами. Предметъ, мною выбранный, имѣетъ объемъ гигантскій; тому болѣе 10 лѣтъ, какъ мнѣ пришла въ голову первая мысль и какъ я написалъ первые 20 или 30 стиховъ. Я принялся за исполненіе моей мысли при началѣ теперешней моей болѣзни; половина поэмы написана, и тѣмъ, что написано, я доволенъ; но это было только службишка, а настоящая служба впереди. Вотъ уже три мѣсяца, какъ работа остановилась; черезъ нѣсколько дней опять примусь за нее. Дай Богъ, чтобъ я выразилъ во всей полнотѣ то, что въ нѣкоторыя свѣтлыя минуты представляется душѣ моей: если изъ моего гиганта выдетъ карликъ, то я не пущу его въ свѣтъ. Послѣдняя половина несравненно труднѣе первой, и я знаю, что во мнѣ и сотой части того нѣтъ, что нужно, дабы мое созданіе могло соотвѣтствовать своему предмету. Скажу вамъ, что по поводу этой работы я сдѣлалъ стихотворный, нѣсколько сокращенный переводъ апокалипсиса; изъ этого перевода 20 или 30 строкъ войдутъ въ текстъ поэмы.—Но пора кончить. Моя жена вмѣстѣ со мною васъ поздравляетъ съ Новымъ Годомъ; ваши оба письма несказанно ее тронули; она васъ нѣжно любитъ и ея душа вполнѣ понимаетъ вашу: вы родныя сестры. Она хотѣла вмѣстѣ со мною писать къ вамъ, но вмѣсто того лежитъ: съ нѣкотораго времени овладѣла ею удивительная слабость; нынѣшняя зима была для нея гораздо лучше прошлогодней и Гугертъ былъ доволенъ ея состояніемъ; то, что съ ней теперь дѣлается, можно отнести къ перемѣнчивой погодѣ: у насъ былъ снѣгъ

и морозы до 12 градусовъ и вдругъ перескочило на 12 градусовъ тепла; это не любо нервамъ. Прилагаю здѣсь ея отвѣтъ на письмо Кати Елагиной ко мнѣ; она, какъ скоро сможетъ, будетъ сама писать къ Вамъ.

Письмо диктовано и только подписано самимъ Жук—имъ. Нѣсколько строкъ отсюда взято Зейдлицемъ въ свою книгу (стр. 236). Жук — ій возражаетъ здѣсь противъ отзыва Авд. Петровны о Вѣчномъ Жидѣ и объ одной изъ прозаическихъ статей (О смертной казни). Приводимъ самые отзывы Елагиной въ письмахъ 6 ноября и 1 декабря 1851 г. [1]).

Въ первомъ она говоритъ: Je ne comprends pas comment vous pouvez vous servir du cadre désagreable du Juif errant. La legende qui s'y attache m'a toujours révoltée. Celui, qui „n'éteint pas la mèche, qui fume encore", celui qui meurt pour le salut des pêcheurs, ira-t-il punir dans cet instant où Il consomme son sacrifice?—Je conçois qu'on peut parcourir des siècles avec toutes leurs horreurs avec l'homme qui ne meurt pas, et les épisodes peuvent racheter le fond; d'ailleurs *Sue* m'a degouté du Juif, ainsi vous pardonnerez mon objection.

Другой отзывъ слѣдующій: Vous savez si chacune de vos paroles a du retentissement dans mon coeur; il y a pourtant un seul article qui m'a remué tristement l'âme, et qui n'aurait pas dû se trouver sous *Votre* plume. C'est sur la peine de mort. Une societé chrétienne ne doit pas, ne peut pas prononcer l'arrêt de mort d'un frère. Cet appareil pompeux de chants, de prières, ces murs où on immole une victime invisible [2]),— seraient très beaux en Grèce quand elle était payenne, aux autels de Jupiter ou de Diane,—mais le Sauveur nous a donné un precepte sur la manière dont nous pouvions juger le pêcheur: que celui qui est sans pêché jette la première pierre. — Et certes ce n'était pas pour cette femme seule que cette parole a été dite, mais pour tout pêché, tel, quel. Et n'a-t-elle pas été répetée sur la Croix? — Et puis ne voyons nous pas dans la vie de St. Jean comment il a couru après un assasin pour l'embrasser et prier pour lui?—La societé a sans doute le droit d'ôter de son sein celui, qui est nuisible à *tous*, mais elle n'a pas le droit de lui ôter la vie, *car il peut se repentir*. Il n'a pas éteint la mèche qui fume encore.

Объясненія Жук—аго по поводу статьи о смертной казни не вполнѣ совпадаютъ съ содержаніемъ статьи. Онъ пишетъ, что не рѣшалъ вопроса, должна ли существовать смертная казнь, а говорилъ лишь, какъ ее слѣдуетъ совершать, если она существуетъ. Но въ статьѣ есть два мѣста, въ которыхъ опредѣленно высказанъ его взглядъ на самый вопросъ о казни: въ началѣ статьи онъ говоритъ по поводу „декламацій нѣкоторыхъ филантроповъ" противъ смертной казни: „вмѣсто того чтобы нападать на уродливое, варварское, отвратительное совершеніе казни, начали нападать на самую казнь, которая не иное что, какъ представитель строгой правды, преслѣдующей зло и спасающей отъ него порядокъ общественный, установленный самимъ Богомъ". Нѣсколько ниже, изобразивъ вредное нравственное вліяніе зрѣлища казни, онъ говоритъ: „Что же дѣлать, спросите вы? Уничтожить казнь? Нѣтъ! Страхъ казни есть то же въ цѣломъ народѣ, что совѣсть въ каждомъ человѣкѣ отдѣльно. Не уничтожайте казни, но дайте ей образъ величественный и т. д." Послѣ этихъ, вполнѣ опредѣленныхъ заявленій немудрено, что Авд. П—на должна была съ огорченіемъ причислить Жук—аго къ прямымъ защитникамъ смертной казни. Да онъ и въ письмѣ повторяетъ, что „въ наше время... страхъ смерти есть необходимая подпора общественнаго порядка", хотя тутъ же малопонятнымъ образомъ прибавляетъ, что не знаетъ, что̀ отвѣтилъ бы онъ на этотъ вопросъ, если бы ему задано было его разрѣшить.

---

[1]) Письма писаны по французски, чтобы жена могла прочитать ихъ Жук—му; интересны слова А. П—ны по поводу необходимости чужаго языка: „Pourrai-je écrire ma prochaine lettre en russe? Je suis sûre que Vous (т. е. Елиз. Ал. Жук—ая) lisez le russe et le comprenez à present. J'avoue qu'il m'est cruel d'écrire *à mon âme* dans une langue étrangère, une langue à belles phrases; c'est peut-être parce que je suis habituée avec Joukoffsky à la langue dont chaque môt me rappelle ses vers qui ont fait pendant toute ma jeunesse mon bonheur et ma plus chère occupation".

[2]) Всѣ эти подробности взяты Авд. Петр. изъ статьи Жуковскаго.

Къ А. П. Юшковой (Зонтагъ).

I.

(Дерптъ, конецъ 1816 года).—Милая сестра, я хорошо сдѣлалъ, что позамедлилъ отвѣтить на ваше прелестное письмо: я бы вѣрно много сказалъ вамъ пустого объ Америкѣ въ своемъ отвѣтѣ, о Ніагарѣ, о Гуронахъ, о квакерахъ Пенсильванскихъ и о томъ большомъ змѣѣ, который заѣдаетъ быковъ и тигровъ и который, кажется мнѣ, не водится въ Америкѣ! все это было бы мѣдь звенящая и кимвалъ звящаяй. Изъ вашего послѣдняго письма къ тетушкѣ догадываюсь, что скромная Москва съ мутной сестрицею Неглинною перебила у Ніагары! Дай Богъ здоровья родной Москвѣ! пошли, Господи, ей каменный мостъ вмѣсто Москворѣцкаго! пошли, Господи, ей и на другую сторону такую же прекрасную набережную, какая на одной сторонѣ! Да отражаетъ она долго, долго въ свѣтлыхъ струяхъ своихъ кремлевскія башни, увѣнчанныя славою! да долго, долго катаются по ней въ салазкахъ отважные россы въ котахъ и прелестныя россіянки въ кокошникахъ, и прочее и прочее! Оставя шутки, скажу вамъ, милый другъ, одно: описаніе ваше той безъимянной семьи, которая хочетъ быть счастливой, заманивая васъ въ свой небольшой кругъ, мнѣ очень по сердцу. Отецъ и два сына, согласные, образованные—явленіе въ этомъ кругу милой, образованной женщины, съ прекраснымъ сердцемъ, съ твердымъ характеромъ и съ яснымъ умомъ, есть явленіе благодати. Вамъ будутъ благодарны за новую жизнь въ домѣ, которую вы съ собой туда принесете. Если и умъ вашъ и сердце не противъ этого союза,—то обстоятельства кажутся мнѣ благопріятны. Посмотрите на нихъ поближе, съ надлежащею осторожностью и благослови васъ Богъ! Но вамъ должно быть счастливой! Ваши требованія отъ судьбы самыя скромныя; то, чего вамъ хочется, такъ легко бы могло быть исполнено и оно же есть самое лучшее: добрая, дѣятельная, семейная жизнь. Заочно вамъ дать рѣшительнаго совѣта не могу; но, кажется, можно не бояться, что вы сдѣлаете дурной выборъ, ибо васъ *не принуждаетъ* ничто: вы можете смотрѣть безпристрастно и повѣрить все добрымъ своимъ умомъ. И собственная моя выгода заставляетъ меня радоваться тому предпочтенію, которое вы даете Москвѣ: мы вѣрно всѣ опять сбредемся въ одну кучку. Счастье бываетъ только вмѣстѣ. Я не думаю, чтобы какая нибудь belle allemande меня привинтила къ Лифляндіи. Я все поглядываю на свою родину, какъ на землю обѣтованную. Не надобно, чтобы она пустѣла.

Обнимаю васъ, и Дуняшу, и Като, и дѣтей. Писалъ бы къ вамъ болѣе, но все что то разстроенъ и перо не движется. У насъ все

идетъ благополучно. A propos! Я давно придумалъ для васъ всѣхъ работу, которая можетъ быть для меня со временемъ полезна. Не можете ли вы собирать для меня русскія сказки и русскія преданія: это значитъ заставлять себѣ разсказывать деревенскихъ нашихъ разсказчиковъ и записывать ихъ росказни. Не смѣйтесь. Это — національная поэзія, которая у насъ пропадаетъ, потому что никто не обращаетъ на нее вниманія. Въ сказкахъ заключаются народныя мнѣнія; суевѣрныя преданія даютъ понятіе о нравахъ ихъ и степени просвѣщенія, и о старинѣ. Я бы желалъ, чтобы вы, Анета, Дуняша и Като, завели каждая по двѣ бѣлыхъ книги: въ одну записывать сказки (и, сколько можно, тѣми словами, какими онѣ будутъ разсказаны), а въ другую всякую всячину—суевѣрія, преданія и тому подобное. Работа и не трудна, и не скучна. Писать не нужно съ стараніемъ, записывать просто содержаніе. Все это привести со временемъ мое дѣло. Какъ вы думаете? Я пописываю по немногу: есть сказка о чертѣ гекзаметрами!! [1]) 12 спящихъ дѣвъ доканчиваю. Пѣвецъ на Кремлѣ конченъ и печатается. Все вы получите. Богъ съ вами, друзья!

Письмо отнесено къ концу 1816 г. по указанію на „Пѣвца“: Жук—ій долго собирался его кончить и лишь 6 ноября могъ написать А. Тургеневу: „Посылаю тебѣ Пѣвца, милый другъ“ (Письма къ Тургеневу, 168). Намеки объ Америкѣ и о безъимянной семьѣ объясняются изъ „Воспоминаній“ Екат. Ив. Мойеръ — Елагиной. Анна Петровна въ то время колебалась въ выборѣ между двумя претендентами на ея руку: москвичемъ Вражскимъ и недавно пріѣхавшимъ въ Орелъ американцемъ русской морской службы, Е. В. Зонтагомъ. — Толки про *la belle allemande* имѣли реальное основаніе, какъ это видно изъ слѣдующаго письма, а также изъ писемъ Маріи Андреевны (см. ниже).

II.

(*4 февраля 1817 г.*)—Милая Анета, что же это за Корсаръ? Вы пишете, что онъ все у васъ похитилъ—и мнѣ это такъ кажется! онъ даже отнялъ у васъ и перо. Вы не увѣдомляете насъ о слѣдствіяхъ его высадки на берегъ Мишенскаго! Брошенъ ли якорь? Пропѣлъ ли онъ свое Te Deum, и пѣли ли у васъ многія лѣта! О, тысяча верстъ! какъ бы хотѣлось васъ увидѣть! Вы спросите: что жъ мѣшаетъ? Боже мой! вѣдь всѣмъ желаніямъ сердца угодить нельзя. Ваше милое, дружеское приглашеніе тащитъ меня къ вамъ весьма сильно; необходимость *своими глазами* увидѣть васъ счастливой, увѣриться въ этомъ не по однимъ слухамъ также меня зоветъ къ вамъ—мнѣ очень, очень грустно оттого, что я принужденъ на ваше милое слово: „je demande à votre amitié de venir me voir!“ сказать: „не могу!“ И странное дѣло! теперь, когда надобно рѣшительно отказаться отъ счастья васъ всѣхъ увидѣть, мои важныя причины теряютъ для меня свою силу! Какъ бы то ни было, вотъ онѣ: первая, и менѣе другихъ важная, есть та, что у меня нѣтъ денегъ на путешествіе, которое взадъ и впередъ

[1]) „Красный карбункулъ“ Гебеля.

должно стоить по крайней мѣрѣ 500 рублей — нѣтъ денегъ и есть долги, которые хочется нынѣшній годъ заплатить всѣ, чтобы съ слѣдующаго начать жить независимо. Но, повторяю, эта причина меня бы ни минуты не остановила, если бы она была единственная. Другая: мнѣ надобно *работать*. Пенсіонъ, который далъ мнѣ Государь, который я считаю наградою за *добрую надежду*, налагаетъ на меня обязанность трудиться, дорожить временемъ и поскорѣе успокоить совѣсть свою, написавъ что нибудь важное. Слава достойная есть для меня теперь то же, что благодарность. Чтобы работать порядкомъ, надобно сидѣть на мѣстѣ; а чтобы написать что нибудь важное, надобно собрать для этого матеріалы. У меня сдѣланъ планъ [1]): онъ требуетъ множество матеріаловъ историческихъ; того, откуда я ихъ почерпнуть долженъ, съ собою я взять не могу, а время между тѣмъ летитъ. Что, если оно улетитъ и умчитъ съ собою возможность что нибудь сдѣлать? Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важной тратой! вся моя прошедшая жизнь есть не иное что, какъ жертва, и боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ. Мнѣ нельзя перетащить къ вамъ съ собою всѣхъ своихъ книгъ; а большая часть ихъ будутъ мнѣ нужны, если не для чтенія, то для справокъ. Сверхъ того я беру здѣсь лекцію [2]), именно для моего плана весьма важную; она продолжится отъ февраля до конца мая и должна облегчить мнѣ большой трудъ! Однимъ словомъ, въ нынѣшнемъ и будущемъ году я долженъ написать что нибудь важное— безъ этого душа не будетъ на мѣстѣ! Я не долженъ обмануть надежды царской! NB. Вы вѣрно не получили моего письма о моемъ пенсіонѣ. Воображая, что вы въ Москвѣ, я адресовалъ свой пакетъ на имя почтамскаго экзекутора Аѳанасьева, который долженъ былъ передать его Офросимовымъ для доставленія Дуняшѣ: въ этомъ пакетѣ былъ и экземпляръ „Пѣвца“, поднесенный его высокоблагородію Ваничкѣ [3]). Получено ли оно? Мой пенсіонъ [4]) есть для меня происшествіе счастливое, безъ всякой примѣси непріятнаго. Я ни о чемъ не заботился и не хлопоталъ. Все сдѣлала попечительная дружба Тургенева. Онъ безъ моего почти вѣдома заставилъ поднести кн. Голицына, нынѣшняго министра просвѣщенія, Государю экземпляръ моихъ сочиненій. Правда, надобно было написать посвятительное письмо Государю— но вотъ все, что сдѣлано съ моей стороны. Кн. Голицынъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать добро и его сердце сильно въ этомъ участвовало. Онъ хотѣлъ дать мнѣ не мелочную награду, а независимость. Дать перстень съ шифромъ была мысль самого Государя. Все это меня радуетъ. Мысль, что будущее обезпечено, успокоиваетъ душу. Теперь постоянный трудъ для меня обязанность.

---

[1]) Предполагавшейся поэмы „Владиміръ“.
[2]) Жук—ій слушалъ лекціи по исторіи Эверса младшаго.
[3]) Кирѣевскому.
[4]) Около Рождества 1816 г. Жук—му былъ пожалованъ пенсіонъ въ 4000 р. и перстень.

Должно ли вамъ говорить о третьей причинѣ? Эта третья причина называется Анетой. Не воображайте меня въ цѣпяхъ. Нѣтъ! Я стою передъ затвореннымъ домомъ; мнѣ говорятъ: „войди! Это пріютъ счастія!“ Говорятъ; *самъ* я не знаю ничего — но скажите, должно ли отойти отъ этихъ дверей, не заглянувъ въ нихъ? Что, если въ самомъ дѣлѣ за ними счастіе! Вотъ въ чемъ дѣло: здѣсь есть Анета, которой, *какъ говорятъ*, я по сердцу; все хвалитъ ея характеръ; она необыкновенно умна; сердце прекрасное—но вотъ бѣда: она принадлежитъ къ одному изъ первыхъ домовъ въ Лифляндіи, жила вѣчно въ самомъ большомъ свѣтѣ. Препятствіе важное! Я не захочу остаться въ ея кругѣ. Будетъ ли она довольна моимъ? Я не промѣняю своей родины на Лифляндію. Надобно знать, будетъ ли съ нея довольно того маленькаго, спокойнаго, неблестящаго свѣта, въ который она должна будетъ за мной послѣдовать; однообразная жизнь русскаго поэта будетъ ли удовлетворительной для нея, привыкшей жить въ шумѣ разнообразныхъ свѣтскихъ веселостей? Все это надобно знать, а чтобы знать, надобно имѣть съ ней нѣкоторую короткость. Здѣсь я не позволю себѣ дѣйствовать по первому побужденію: не хочу и не буду имѣть любви! но хочу имѣть вѣрную привязанность, основанную на знаніи характера, на согласіи образа мыслей о счастіи. Если же будетъ это необходимое согласіе образа мыслей, то можно понадѣяться на счастіе. Но до сихъ поръ не было способа имѣть короткости. Прошедшимъ лѣтомъ ея не было въ Дерптѣ, а теперь она въ Петербургѣ. Тамъ я ее видѣлъ, но былъ въ ихъ домѣ рѣдко: въ этомъ домѣ приливъ всей петербургской знати! что тутъ увидишь? Въ Мартѣ мѣсяцѣ возвратятся они изъ Петербурга въ Дерптъ: это *единственное время*, въ которое буду имѣть способъ что нибудь *узнать*. Будемъ вмѣстѣ каждый день—спрашиваю васъ, долженъ ли я оттолкнуть этотъ случай? Уѣхавъ теперь, я рѣшительно откажусь отъ того, что, можетъ быть, дастъ мнѣ счастіе, и откажусь какъ слѣпой, добровольно, не давъ себѣ даже взглянуть на то, что само шло ко мнѣ на встрѣчу. Со всѣмъ тѣмъ этотъ Мартъ меня пугаетъ: сердце молчитъ! въ немъ совершенно нѣтъ никакого яснаго, рѣшительнаго желанія! Единственная связь между мной и ей есть та привязанность, которую я въ ней къ себѣ предполагаю. И эта связь можетъ быть сильной—теперь однако нѣтъ ничего! и я нахожу въ себѣ одно только безпокойное ожиданіе, чувство болѣе непріятное, нежели пріятное! Я даже думаю, что обрадуюсь, когда увижу, что меня обманули, что этой привязанности ея ко мнѣ нѣтъ и не бывало!—Вотъ вамъ моя исповѣдь, милыя сестры, Анета и Дуняша! Прошу никому, совершенно никому (разумѣется кромѣ Катоши) не говорить объ этомъ, не пишите и въ Дерптъ. *Мнѣ одному* скажите свои мысли. Прошу васъ рѣшить: важны ли причины, для которыхъ я здѣсь остаюсь?

Между тѣмъ, поговоримъ о дѣлахъ: прошу васъ, милая Анета,

устроить, какъ найдете лучше, мои денежныя обстоятельства. Увѣдомьте меня о срокахъ, въ которые написаны различные векселя моихъ многочисленныхъ должниковъ. У насъ съ вами положено, чтобы вы не платили мнѣ процентовъ, а уплачивали ими мои долги. Начните съ себя и возьмите ту 1000, которую я вамъ долженъ (одна ли тысяча? не больше ли?) но это вы знаете сами лучше. Съ прочими моими долгами надѣюсь расквитаться самъ, вѣроятно въ теченіи нынѣшняго года. Если мои разсчеты меня меня не обманутъ, то у меня еще и деньги за уплатою останутся, и эти деньги употреблю на напечатаніе своихъ писаній.

Надобно сказать вамъ прости! Благослови васъ Богъ, милая сестра, добрый товарищъ молодости. Несносно тяжело съ вами не видаться. Но какъ быть! Обнимаю милаго брата [1]), а вамъ поручаю сказать ему за меня все, что внушитъ вамъ собственное ваше сердце, которое должно вѣрить моей дружбѣ. Прошу васъ написать о себѣ поболѣе.

Милая Дуняша, что же вы такъ молчите? Вы умѣете говорить мнѣ, что я отъ васъ огородился заборомъ, а сами строите каменную стѣну. Ни слова ни о себѣ, ни о Вагнерѣ [2])—на мое къ вамъ письмо нѣтъ отвѣта! Къ Машѣ пишете вы неясно; говорите о какихъ то печальныхъ для васъ случахъ и ничего не объясняете. Что же пользы такъ царапать душу? Теперь мнѣ много писать къ вамъ некогда. Боюсь, что теперешнее письмо мое огорчитъ васъ: оно отниметъ у васъ надежду на скорое наше свиданіе! Но послушайте, милая, наше *вмѣстѣ* играетъ большую роль во всѣхъ моихъ планахъ. Это прошу знать одинъ разъ навсегда. Спокойное, дѣятельное, беззаботное *вмѣстѣ*—оно будетъ непремѣнно! Простите, милая; перецѣлуйте дѣтей. Получилъ ли Ваничка Пѣвца?—О моемъ теперешнемъ письмѣ никому ни слова.

Азбукиныхъ и дочку мою обнимаю. Скажите Василью [3]), чтобы онъ не обижалъ меня, думая, что я понеглижировалъ его дѣломъ и забылъ о его бумагахъ: но что же мнѣ дѣлать? Я поручилъ хлопоты въ Петербургѣ одному моему знакомцу Жихареву, — онъ ѣздилъ въ Польшу, а теперь въ деревнѣ; будетъ въ Петербургъ черезъ мѣсяцъ и до его пріѣзда бумагъ возвратить нельзя. Право въ этомъ случаѣ съ моей стороны вѣтренности нѣтъ: все было бы сдѣлано, если бы дѣлать самому! Черезъ другихъ же ничто никогда не дѣлается!

Часть письма этого отъ словъ: „Пенсіонъ, который далъ мнѣ Государь“, кончая словами: „я не долженъ обмануть надежды Царской“, была напечатана Плетневымъ въ его книгѣ о Жуковскомъ (стр. 43—45).—Здѣсь заслуживаетъ особаго вниманія мѣсто объ „Анетѣ“. Нѣкоторыя подробности объ этомъ лицѣ см. ниже, въ письмахъ Маріи Андреевны 1816 г. Изъ плановъ этихъ ничего не вышло и послѣ въ перепискѣ нѣтъ уже упо-

[1]) Е. В. Зонтага, за котораго вышла Анна П—на въ январѣ.
[2]) Учитель дѣтей А. П. Кирѣевской.
[3]) В. А. Азбукину; дѣло шло объ исхлопотаніи ему дворянства; объ этомъ говорится въ перепискѣ Жук. съ Тургеневымъ.

минаній объ этой особѣ; неизвѣстно, кто была она,—изъ Протасовскихъ знакомыхъ въ Дерптѣ могла бы подходить развѣ граф. Менгденъ. Крайне интересно отношеніе Жуковскаго къ вопросу: вопреки тому, чего мы ожидали бы на основаніи сложившагося взгляда на его несчастную любовь, онъ здѣсь не отвергаетъ мысли о бракѣ. По нашему убѣжденію это доказываетъ лишь узость и поверхностность общепринятой точки зрѣнія; подлинная психологія Жуковскаго была жизненнѣе и сложнѣе. Въ его отношеніи видна и присущая ему всегда жажда семейной жизни, теперь естественно еще усилившаяся послѣ крушенія всѣхъ надеждъ, и, быть можетъ, желаніе закрѣпить этимъ бракомъ переходъ своего чувства къ Маріи Андреевнѣ въ новый видъ; вмѣстѣ съ тѣмъ его и страшитъ мысль о возможной перемѣнѣ его судьбы, какъ будто эта перемѣна что то должна унести невозвратно изъ его жизни, изъ его сердца. Однимъ словомъ, здѣсь вскрывается живая, сложная ткань душевной жизни, *и такой* Жуковскій, не теряя ничего въ искренности и чистотѣ натуры, гораздо понятнѣе и ближе намъ, чѣмъ тотъ, который рисуется по прямолинейной романтической легендѣ. — Ниже (письмо XII) есть еще матеріалы по этому вопросу.

III.

(Павловскъ, іюня 22, 1819 г.). — Милая Анета, посылаю вамъ письмо къ Василію Николаевичу, прошу его доставить. Дѣло наше что то не клеится. Я говорилъ съ Меньшиковымъ и мнѣ отвѣчали холодно. Едва ли что-нибудь удастся. Васъ благодарю за милое ваше письмо и за ваши милыя похвалы вашему мужу—весело читать ихъ. Судьба съ вами въ дружбѣ и вы стоите ея дружбы. Лучшее счастіе—семейное; оно-то вамъ и досталось. Радуйтесь имъ и ничего другого не желайте, ибо все другое—пустяки. Въ семьѣ только бываетъ то, что можно назвать *своимъ*. А безъ *своего* худо на свѣтѣ. У меня есть свое, но все это отъ меня далеко; со всѣмъ этимъ надобно переписываться, а я такъ привыкъ лѣниться, что письма, единственный способъ теперь для меня жить съ друзьями, кажится мнѣ какимъ-то страшилищемъ. Не знать же объ васъ — душа деревенѣетъ. Получать же ваши письма — горе и радость. Чувствуешь себя виноватымъ передъ самимъ собою, чувствуешь себя бѣднымъ, худшимъ, нежели каковъ былъ прежде. Однимъ словомъ, я часто съ собою въ разладѣ; поэтическая жизнь вянетъ; а въ настоящей жизни мало прелестнаго. Такое положеніе тягостно. Я кончилъ свою грамматику; но это долговременное занятіе такъ меня высушило, что съ трудомъ возвращаюсь къ своей поэзіи—боюсь, не все ли пропало. Теперь принялся снова, но все идетъ еще очень плохо. Не стану, однако, робѣть и постараюсь кое-какъ съ собой сладить. Между тѣмъ, вы, милая Дуняша, пишете ко мнѣ обо мнѣ съ прежнимъ вашимъ энтузіазмомъ. Это высокое ваше обо мнѣ мнѣніе и дорого мнѣ, и бременитъ меня. Потерять его въ сердцѣ своихъ друзей значило бы бросить послѣднюю доску, на которой кое-какъ спасаешься; но каково же и плыть на этой доскѣ, знавъ, что она не принадлежитъ мнѣ, что она — похищенная не по праву. Но вы, друзья, оставьте ее мнѣ, и не сталкивайте меня въ воду. Можетъ быть, неожиданный случай и прибьетъ къ какому-нибудь берегу. На что однако пишу объ этомъ; я въ какомъ-то мрачномъ расположеніи — оно все для меня очернило; не

надобно его передавать вамъ.—Простите. Деньги получилъ; но что же вы не прислали мнѣ векселя Полонскихъ? NB. На пакетѣ стоитъ двѣсти рублей; эти двѣсти стоятъ здѣсь сто восемьдесятъ. Если вамъ захотятъ заплатить Полонскіе сумму, то попросите, чтобы заплатили ассигнаціями. На что же мнѣ терять отъ пересылки деньги по-пустому. Прошу васъ отдать Максиму Григорьеву, сколько причтется по первое января будущаго года; такъ же и другому Максиму, и увѣдомить объ этомъ. А я къ этому времени возвращу вамъ деньги. Теперь тоже ихъ не имѣю. Простите, обнимаю васъ.

Видаете ли вы Сашу? Прошу васъ меня объ ней увѣдомить. Здорова ли она? что дѣлаетъ? Я видѣлъ на письмѣ вашемъ ея печать: развѣ она съ вами? За что же ко мнѣ ни словечка? Развѣ боится запрещенія? Скажите ей, что она всегда мой милый другъ и что я люблю, когда думаю объ ней, говорить: *моя душа, мой ангелъ!* Дѣтей ея и вашихъ цѣлую.

Письмо обращено и къ Авд. Петровнѣ: сестры были тогда вмѣстѣ, такъ какъ А. П. Зонтагъ пріѣзжала по дѣламъ изъ Одессы, гдѣ служилъ ея мужъ.

IV.

(11 января 1823 г.).— Узнаете ли этотъ почеркъ, милая Анета? и захотите ли узнать его? Что, если онъ для васъ сдѣлался незнакомымъ совершенно? Странное волшебство долгой разлуки и долгаго молчанія! Я не знаю съ чего начать къ вамъ мое письмо, и что вамъ сказать, хотя предо мною теперь стоитъ картина моего, или, лучше сказать, нашего прошедшаго, гдѣ все лучшее жизни было за одно и вмѣстѣ. Наша связь, драгоцѣнная, всегда равна одинаково для меня, не измѣнилась — вѣрю внутреннему голосу, который ясно мнѣ это подтверждаетъ. Мы съ вами, какъ два человѣка, которые держатъ длинную веревку; эта веревка не натянута, много лежитъ на землѣ, и движенія одного не слышны вдалекѣ другому; но рука держится за веревку, потому что ни одному не могло придти въ голову ее выбросить; а чтобъ дать одному знать о себѣ другому, надобно натянуть веревку—вотъ тутъ то и запятая! Надобно было не давать ей ослабѣвать—это значитъ: надобно было писать постоянно, не откладывать, не привыкать къ молчанію! Какъ много мелочи дѣлаютъ въ жизни! Жизнь вся сшита изъ мелочей! опусти нѣкоторыя—какія вдругъ прорѣхи явятся, и жизнь сдѣлается изорванной ветошкою!— Отъѣздъ пріятеля[1]) въ Крымъ далъ мнѣ поводъ написать къ вамъ, милая сестра и товарищъ лучшаго времени жизни. Хотя и не нужно было ожидать поводовъ и случаевъ—ибо есть на свѣтѣ почта! но что же дѣлать—я разучился писать письма! Не пишу никому, спросите у Маши и

[1]) Д. А. Кавелина.

Дуняши! Онѣ такъ же точно, почти какъ всѣ, не получаютъ писемъ моихъ, и это имѣетъ худое слѣдствіе для души — даетъ ей часто засыпать! Чувствую сонливость ея и не имѣю силъ сладить съ собой. Не воображайте же меня равнодушно-спокойнымъ насчетъ моего съ вами молчанія — вы присутственны моему сердцу, какъ мое прошедшее. Мнѣ съ вами нельзя раздружиться — это вѣрно и навсегда! Но мы такъ многаго не знаемъ другъ о другѣ! вся важнѣйшая половина жизни вашей для меня безъ воспоминанія! Моя теперешняя жизнь не столько имѣетъ привлекательнаго для васъ, какъ ваша можетъ имѣть для меня. Вы можете мнѣ говорить о семейномъ, близкомъ, я могу только разсказывать вамъ о такомъ свѣтѣ, который для васъ чужой, который и для меня чужой по сю пору — я остался все тѣмъ же, какимъ былъ въ наше время: ни лучше, ни хуже. Но многое пропало, и въ душѣ *провалъ* на мѣстѣ прежней полноты.

Я не буду описывать вамъ моей жизни со времени нашей разлуки — это хлопотливо для моего пера, да и интересу немного; вся она составлена изъ дней, между которыми нѣтъ никакой тѣсной связи. L'unité est partie depuis longtemps. Самая лучшая эпоха ея есть 1821 годъ. Я пространствовалъ по Европѣ: провелъ веселые полгода въ Берлинѣ, потомъ видѣлъ часть Германіи, прелестный Дрезденъ и его живописныя окрестности, обошелъ пѣшкомъ Швейцарію, прошелъ черезъ С.-Готаръ въ Италію, былъ въ Миланѣ, плавалъ по Lago Maggiore, любовался Барромейскими островами, черезъ Симплонъ и Валлисъ прошелъ къ подошвѣ Monblanc; видѣлъ великолѣпіе и прелесть природы на берегахъ восхитительныхъ Швейцарскихъ озеръ; плавалъ по Рейну, любовался его великолѣпнымъ водопадомъ, его замками, его богатыми виноградниками — и все это оставило на душѣ то волненіе, какое оставляетъ быстрый сонъ, исчезающій въ минуту удовлетворенія. Не описываю вамъ подробностей — можетъ быть, вы будете имѣть ихъ печатныя. Путешествіе сдѣлало меня и рисовщикомъ — я нарисовалъ au trait около 80 видовъ, которые самъ выгравирую такъ же au trait. Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ искусствѣ, посылаю вамъ гравюры Павловскихъ видовъ. Такъ же будутъ сдѣланы и Швейцарскіе, только при нихъ будетъ описаніе. Чтобъ познакомить васъ съ поэтической стороной моей жизни, посылаю вамъ подарокъ: альбомъ, въ которомъ найдете почти все дурное и хорошее, написанное въ послѣднее время. Многаго можете не понять, ибо лица вамъ не знакомы. Многаго вѣроятно не разберете — ибо рука не очень четкая. Тутъ не достаетъ однако Шиллеровой Іоанны, которая давно кончена и печатается. Вы получите ее вмѣстѣ съ новымъ изданіемъ сочиненій моихъ, къ которому я теперь приступаю; печатаніе продолжится вѣроятно около года; но изданіе будетъ прекрасное.

Кончу это письмо весьма важнымъ дѣломъ; хочу поручить вашему нѣжному попеченію друга, которому и вы другъ заочно, ибо знаете его

душу. Говорю о нашемъ поэтѣ Батюшковѣ. Онъ теперь находится въ Симферополѣ. Не смѣю назвать его болѣзни помѣшательствомъ: этого слова не хочется ни произносить, ни писать, но его болѣзнь похожа на помѣшательство. Онъ сдѣлался дикъ, отчуждился отъ всѣхъ друзей, подозрѣніе овладѣло его душою; онъ увѣренъ, что его окружаютъ какіе то тайные враги, которые хотятъ лишить его чести и очернить его передъ правительствомъ. Теперь слышу, что еще новое къ этой мысли присоединилось: желаніе смерти. Болѣзнь такого рода, что требуетъ нѣжной, осторожной и терпѣливой попечительности. Но онъ одинъ въ Симферополѣ, объ немъ заботится находящійся тамъ докторъ Мюльгаузенъ и самъ губернаторъ Перовскій знаетъ объ немъ и хлопочетъ. Отсюда скоро поѣдетъ къ нему его родственникъ Шепиловъ. Милая Анета, подумайте, не можете ли что нибудь сдѣлать? Ему нужны осторожныя попеченія—болѣзнь нравственная болѣе, нежели физическая. Не можете ли съѣздить въ Симферополь, когда будетъ тамъ Шепиловъ; на мѣстѣ легче знать, что нужнѣе всего сдѣлать – увидите сами и можете рѣшить, чѣмъ можете быть полезны гибнущему. Напишите въ Симферополь (по полученіи этого письма) хотя къ самому Перовскому, чтобы онъ увѣдомилъ васъ, тутъ ли Шепиловъ, и съѣздите туда сами, если можно. Надобно или вытащить Батюшкова изъ Крыма или ввѣрить его надежному попеченію. Вѣроятно, что вы получите это письмо уже тогда, когда Шепиловъ или кто иной изъ родныхъ будутъ уже съ нимъ. Вамъ стоитъ только прямо списаться съ Перовскимъ. Прошу васъ увѣдомить меня, на что вы рѣшитесь.

Простите, милая сестра! Если мое молчаніе могло заставить васъ подумать, что я не тотъ для васъ, какимъ былъ прежде, то вы предо мной виноваты. Матушка [1]) умерла на рукахъ вашихъ и послѣдними своими словами завѣщала намъ дружбу — я этого не могу забыть. Бабушка [2]) любила насъ обоихъ равно, а ея память для меня святыня. Не говоря уже о нашемъ младенчествѣ, въ которомъ мы были неразлучны: вы для меня представитель лучшаго, любезнѣйшаго времени жизни. И такъ я не могу (не) быть вашимъ и теперь, и всегда, какъ былъ прежде. Но что же дѣлать съ Крымомъ и Петербургомъ? ихъ не сблизишь. А дружба и почта не одно и то же. Я не пѣняю вамъ за ваше молчаніе — я его заслужилъ! Только спрашиваю у вашего сердца: молчаніе ваше заставило ли его разлюбить меня? Вѣрно нѣтъ! И такъ, обнимаю васъ отъ души, всегда вамъ вѣрной. Обнимаю и незнакомца—милаго Зонтага. Прошу васъ написать ко мнѣ. Мой адресъ самый вѣрный: въ С.-ПБ., въ Аничковскомъ дворцѣ; отдать швейцару для доставленія.

Опишите мнѣ вашъ Крымъ: хочу видѣть, не потеряли ли вы своего прекраснаго слога.

---

[1]) Елизавета Дементьевна.

[2]) Такъ обыкновенно звалъ Жук—ій М. Г. Бунину.

Два отрывка изъ этого письма: [1) Самая лучшая эпоха—только при нихъ будетъ описаніе, и 2) Хочу поручить вашему нѣжному попеченію—Прошу увѣдомить меня, на что вы рѣшитесь] помѣщены въ книжкѣ Плетнева (58—59 и 61—62).

По поводу заботъ о Батюшковѣ напомнимъ, что уже пораженный психической болѣзнью поэтъ съ осени 1822 г. жилъ въ Симферополѣ и тамъ въ концѣ года трижды покушался на самоубійство. Родные и друзья въ Петербургѣ безпокоились, не имѣя подробныхъ извѣстій о больномъ, и 4 Января 1823 г. кн. П. А. Вяземскій писалъ Жуковскому: „Если есть еще прежняя дружба, то поѣдемъ за нимъ. Ты можешь отпроситься легко въ отпускъ, а я отпрошусь у обстоятельствъ, и совершимъ доброе дѣло". Поѣздка друзей не состоялась, но къ Батюшкову отправился П. А. Шипиловъ, мужъ его сестры. Кромѣ того старый пріятель Жуковскаго, Д. А. Кавелинъ, ѣхавшій въ Крымъ, взялся посѣтить Батюшкова; съ нимъ и послалъ Жук-ій свое письмо къ А. П. Зонтагъ. См. книгу о Батюшковѣ Л. Н. Майкова, стр. 227.

V.

(*5 марта 1824 г.*)—Милая Анета! какая то Немезида преслѣдуетъ меня! я наказанъ небомъ за мою непростительную лѣнь писать письма. Я точно писалъ къ вамъ и два раза по полученіи извѣстія о вашей крошкѣ [1])—но вы не получали моихъ писемъ. По дѣломъ мнѣ; но за что же вамъ огорченіе? Ибо вамъ вѣрно весело было бы услышать поздравительный голосъ своего брата и друга. И такъ, хотя поздно, но поздравляю васъ съ вашимъ милымъ товарищемъ. Дай Богъ, чтобы она долго, долго жила на вашу радость, чтобы пережила васъ, но только тогда, когда уже вы будете довольны жизнію и сами захотите въ другую сторону. Когда то увидимся мы въ здѣшней сторонѣ—право и надежды нѣтъ! Вашъ прекрасный Крымъ какъ будто далекая мечта для меня. Хотѣлъ бы заглянуть въ очарованный край—dahin! dahin! Хотѣлъ бы взглянуть на васъ, на моего милаго представителя прежнихъ, лучшихъ лѣтъ. Но намъ суждено старѣться розно. Когда увидимся, то замѣтимъ другъ на другѣ, что долго были въ разлукѣ. Перемѣны нравственной во мнѣ не найдете, — тотъ же дитя, житель уединенія! Но теперешняя жизнь остановила меня на одномъ мѣстѣ; я не перемѣпился, но и не подвинулся впередъ, слѣдовательно отсталъ назади: а все прежнее исчезло.—Ваше послѣднее порученіе я давно исполнилъ; вотъ двѣ записки Тургенева. Кажется, ничего того не сдѣлано, о чемъ вы писали: просьбы отъ васъ нѣтъ. Велите ее подать: тогда здѣсь скоро кончится; тотчасъ, только дайте знать. Я тогда употреблю всѣ старанія. — Въ ожиданіи дѣла, посылаю вамъ бездѣлье, послѣдніе стихи мои, написанные на выходъ дѣвицъ изъ Смольнаго монастыря. Довольно дурны, какъ все, что пишется по заказу. Между прочимъ вышла и Софья (*фамилія неразборчива*), миленькая и умная дѣвочка; она отправилась къ матери въ Полтаву. Скоро пришлю вамъ новое, полное изданіе моихъ стиховъ. Пщите для нихъ покупщиковъ: изданіе напечатано на мой счетъ и прекрасное. Вы будете имъ довольны.—Скажу вамъ два слова о себѣ: у меня теперь на

[1]) Дочь А. П—ны, Марія Егоровна Гутмансталь.

рукахъ новая, милая ученица, великая кн. Елена Павловна. Но все это держитъ меня на грамматикѣ, разрываетъ на кусочки мое время и муза молчитъ. Наши всѣ здоровы. Саша теперь въ Дерптѣ у Ек. Афан., а я здѣсь съ ея дѣтьми.—Простите, душа. Поцѣлуйте вашего мужа и вашу крошку. Обнимаю васъ отъ всей души.

Начало письма, кончая словами: „а все прежнее исчезло", напечаталъ Плетневъ (стр. 64—65), но съ ошибкой въ одномъ словѣ; вмѣсто стоящаго у него *далекъ, далекъ!* въ подлинномъ письмѣ читается ясно: *dahin, dahin!*

VI.

(*21 февраля 1826 г.*) — Милый другъ Анна Петровна, я собирался отвѣчать на письмо ваше, какъ узналъ объ отъѣздѣ Василія Ѳедоровича Тимковскаго [1]), который вызвался доставить отъ меня вѣсточку. Я предпочелъ отдать свое письмо ему; онъ прибавитъ къ письменному многое словесно, слѣдовательно мнѣ не нужно будетъ многаго описывать. Петербургскія происшествія перепугали васъ и этотъ испугъ былъ продолжительнѣе, потому что былъ за глаза: у насъ ужасное продолжалось только полдня или день; потомъ все успокоилось. Вы слышали о безпрестанныхъ арестаціяхъ, о безпрестанныхъ привозахъ въ Петербургъ заговорщиковъ, о разныхъ гибельныхъ планахъ и возмущеніяхъ, воображаете себѣ страшную, жестокую инквизицію, цѣпи, допросъ и прочее. Мы, видя все это вблизи, видимъ иное: инквизиціи нѣтъ, всякій спокоенъ за самого себя, по простымъ подозрѣніямъ ни къ кому не придираются, допросъ учтивъ и безпристрастенъ, правда, многихъ привозятъ, но безъ этого обойтись нельзя; это длится, но какъ же иначе — надобно добраться до истины, отдѣлить виновныхъ отъ заблужденныхъ и невинныхъ. Крѣпость населена— это несчастіе неизбѣжное; можетъ быть, между поселенцами есть и невинные..., но прежде надобно узнать, что они невинны, потомъ они получатъ свободу: мѣры предосторожности въ теперешнихъ обстоятельствахъ необходимы. Съ ними сопряжено множество неудобствъ и временныхъ огорченій частныхъ, но это неизбѣжно! по крайней мѣрѣ вѣрно то, что не желаютъ находить никого виновнымъ и радуются оправданіями: — таковъ духъ дѣйствія комиссіи розыскной благодаря новому Императору. И такъ не представляйте себѣ ничего не вчернѣ. Туча прошла и разразилась въ сторонѣ; громъ не упалъ на Россію. Наше бѣдствіе имѣетъ весь характеръ лѣтней грозы послѣ зноя: поля были изнурены засухой. Мы ждали дождя; гроза была, и былъ даже благотворный дождь... теперь посмотримъ, воспользуются ли благотвореніемъ грозы, чтобы удобрить заброшенную ниву. — Оставимъ все

[1]) Одинъ изъ нѣсколькихъ братьевъ Тимковскихъ, извѣстныхъ, какъ профессора и писатели; служилъ при Шишковѣ и составлялъ манифесты во время 1812 г.; умеръ Бессарабскимъ губернаторомъ.

это. Тимковскій краснорѣчивъ; онъ разскажетъ вамъ много и разскажетъ хорошо. А я скажу вамъ нѣсколько словъ о себѣ и васъ.

Милая, ваше письмо точно было голосъ съ того свѣта, а *тьмъ свѣтомъ* я называю нашу молодость, наше бывалое, счастливое *вмѣстѣ*. Какъ давно не говорили мы другъ съ другомъ! Какъ давно мы розно! но неужели мы стали другъ для друга чужіе? Не я этотъ вопросъ дѣлаю! Я не могу его сдѣлать *себѣ* на вашъ счетъ, ибо неестественно прійти ему въ голову! Сердце не пропуститъ, сердце, въ которомъ всегда, всегда живо братское къ вамъ чувство и благодарность за ваше нѣжное товарищество въ лучшіе годы жизни, и дружба, которая никогда не переставала быть чувствомъ настоящимъ и не принадлежитъ одному воспоминанію. Но мы не пишемъ другъ къ другу — вотъ настоящая разлука! Мы не знаемъ, что съ нами дѣлается! все, что насъ окружаетъ, чуждо для каждаго изъ насъ. Чувствую это несчастіе и никакъ не умѣю помочь ему. Со всѣми *моими* у меня одно. Сколько разъ принимался начинать переписку и все по напрасну. Я отъ этой болѣзни неизлѣчимъ и чувствую съ горемъ, какъ она мучительна и убійственна. Она клевещетъ на меня передъ моими друзьями: они полагаютъ, что параличъ, заключающійся въ однихъ моихъ пальцахъ, которые почти разучились водить перомъ въ почтовые дни, перешелъ въ мою душу. Нѣтъ! душа еще жива, а письма не пишутся. Теперь и болѣе сдѣлалось для меня невозможнымъ сохранить какую нибудь точность въ перепискѣ: моя настоящая должность беретъ все мое время. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе: не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ Наслѣдника престола—какая забота и отвѣтственность! (не ошибитесь: наставникомъ, а не воспитателемъ—за послѣднее никогда бы не позволилъ себѣ взяться) Занятіе питательное для души! Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость и всѣми мыслями стремлюсь къ ней! До сихъ поръ я доволенъ успѣхомъ; но кругъ дѣйствія безпрестанно будетъ расширяться. Занятій множество: надобно и учить, и учиться, и время все захвачено. Прощай навсегда—поэзія съ риѳмами. Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь. Вамъ объяснять этого нѣтъ нужды: мы съ вами выросли на однѣхъ идеяхъ; и такъ, дайте мнѣ отпускъ, милая сестра, на счетъ моего письменнаго молчанія, и не наказывайте меня своимъ. Я давно, давно отъ васъ ничего не имѣю: пришлите мнѣ въ слѣдующемъ вашемъ письмѣ l'historique de cette periode de silence. Пишите ко мнѣ, если можете рѣшиться иногда остаться безъ отвѣта; мы никогда не можемъ быть другъ для друга не тѣмъ, чѣмъ были всегда. Простите, милая. Обнимаю вашего Зонтага и вашу малютку.

Саша все нездорова; она теперь возится съ четвертымъ ребенкомъ, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще выйдетъ на свѣтъ. Дай

Богъ, чтобы этотъ послѣдній томъ былъ похожъ на первый. Екатерина Аѳанасьевна въ Дерптѣ, здорова, живетъ грустно и уединенно для милой крошки, Машиной дочери, которая прелестна, какъ ангелъ—и похожа свойствами на свою мать.

Средина письма („Ваше письмо точно было голосъ съ того свѣта", кончая: „не наказывайте меня своимъ") дана у Плетнева (67 — 69) съ тремя невѣрностями (вм. *принадлежитъ* у него *не принадлежащимъ*, вм. *почтовые дни* у него *послѣдніе дни*, вм. *болѣе сдѣлалось* у него *почти сдѣлалось*). Нѣсколько строкъ изъ этого же отрывка взялъ Зейдлицъ (143—144).

Выраженный здѣсь взглядъ на благодѣтельность декабрьской грозы для Россіи и увѣренность въ гуманности слѣдственной коммиссіи и суда послѣ уже не раздѣлялся Жук—имъ, какъ это видно напр. изъ напечатаннаго выше письма къ Н. И. Тургеневу.

VII.

(27 октября 1827 г.)—Милая сестра! Я возвратился на родину и первое явленіе передъ глазами моими былъ Зонтагъ! увидя его, я въ минуту понялъ, какъ могли вы такъ скоро рѣшиться за него выйти. Я самъ тоже бы сдѣлалъ на вашемъ мѣстѣ. Не знаю человѣка, котораго бы можно было такъ скоро полюбить, какъ этого милаго Зонтага. Мы съ нимъ какъ будто вѣкъ жили вмѣстѣ: онъ пришелъ мнѣ по сердцу не потому, что онъ *вашъ*, а потому что онъ — *онъ!* Глядя на него, скажешь, что сама простосердечная доброта вздумала облечиться въ мундиръ и ходитъ по свѣту въ этомъ прозаическомъ нарядѣ для того, чтобъ люди скорѣе съ нею свыклись. Мы однако въ сихъ поръ видѣлись съ нимъ только мелькомъ. Я въ хлопотахъ. Ему не устроилъ ни времени моего, ни мѣста; въ моихъ горницахъ въ сихъ поръ былъ ужасный хаосъ. Но надѣюсь видѣться съ нимъ на просторѣ и говорить объ васъ вдоволь. Скажу вамъ о себѣ: я не даромъ ѣздилъ заграницу, воды мнѣ помогли. Я воротился совсѣмъ не тотъ, каковъ поѣхалъ. Между тѣмъ видѣлъ много прекрасныхъ сторонъ: жилъ цѣлую зиму въ Дрезденѣ, который и самъ по себѣ, и по прекраснымъ окрестностямъ весьма пріятенъ. Жилъ на Рейнѣ и объѣздилъ берега Рейна, живописные и унизанные развалинами древнихъ рыцарскихъ замковъ. Заглянулъ и въ Парижъ, который можно назвать бездною дѣятельности и образованности. Нахожу, что лѣчиться такимъ методою весьма весело—но дорого. Впередъ, если надобно будетъ съ болѣзнію сдвинуться съ мѣста, поѣду къ вамъ въ Одессу. Какъ бы желалъ васъ увидѣть и порадоваться вашею тихою, счастливою семейною жизнью. И такъ, хоть одному изъ нашего прежняго круга удалось найти то, что ему надобно. Жребій этотъ выпалъ вамъ — и по дѣломъ! Вы его стоите. Я проѣзжалъ черезъ Дерптъ, видѣлъ Екатерину Аѳанасьевну. Въ бытность мою съ нею (я провелъ въ Дерптѣ четыре дня) былъ у ней обыкновенный ея мигрень. Она лежала одна въ горницѣ на постели; я былъ подлѣ нея одинъ, только прелестная Катя, Машина дочь, подлѣ меня сидѣла — а всѣ другіе? Гдѣ? Какой

ихорь всѣхъ разбросалъ? Васъ унесло въ тихій пріютъ Одессы—но вы не даромъ получили теперешнее ваше счастье! вы имѣли горькія отери! Сохрани, Всевышій, то прекрасное, что осталось вашимъ. онтагъ достойный его сторожъ. Онъ мнѣ сказывалъ про васъ нѣчто, го меня весьма порадовало: вы пишете. Это прекрасно. Я знаю вашъ огъ. Не много изъ нашихъ авторовъ могутъ похвалиться такимъ ѣрнымъ и пріятнымъ слогомъ. Вы перевели съ англійскаго Эдинбургкую темницу: я еще не читалъ ея, но увѣренъ, что переводъ хоошъ. Примитесь за авторство съ особенною цѣлью, то есть пишите ами и переводите то, что написано лучшаго о воспитаніи и для дѣей. Не можетъ быть достойнѣйшаго занятія для матери. Напримѣръ, бы желалъ, чтобъ вы, дѣлая замѣчанія надъ вашею дочерью и занимаясь ея воспитаніемъ, собрали наконецъ свои отдѣльныя мысли, ривели ихъ въ нѣкоторый порядокъ и наконецъ выдали; практическія амѣчанія на счетъ одного ребенка могутъ быть полезны для всѣхъ. Разумѣется, по одному только примѣненію не надобно дѣлать изъ частнаго общаго. Но общее само собою выходитъ изъ частныхъ опыовъ. Соберите *опыты матери*, сперва для себя, потомъ, если найдемъ это, могутъ они пригодиться для другихъ. Между тѣмъ переводите. У насъ, кромѣ Дѣтскаго Чтенія, нѣтъ ничего порядочнаго. Дѣтское Чтеніе уже устарѣло. Слогъ для дѣтей не такъ то легокъ, акъ думаютъ: обыкновенно наши писатели педагоги, думая быть поятными, ребячутся самымъ неловкимъ образомъ. Это противно вкусу и есть порча языка. Слогъ для дѣтей долженъ быть простъ, ясенъ, адобно найти средину между сухостью и болтовнею. Говоря съ реенкомъ, надобно не все ему сказывать и объяснять, иначе умъ его дѣлается лѣнивымъ. Il faut reveiller l'attention sans la fatiguer, ni a distraire par trop de details minutieux; il faut être naif sans être ni trivial, ni plat. Il y a une belle eloquence qui est à la portée de 'enfance—il faut ne pas oublier, qu'il peuvent vous entendre si vous dressez à leur coeur et si vous possedez vous même le langage du oeur. Surtout il faut être vrai. Но мнѣ васъ учить нечего. Умная, ѣжная мать всегда имѣетъ краснорѣчіе. Я собралъ для васъ нѣсколько нигъ для дѣтей на французскомъ, особенно на нѣмецкомъ. Сдѣлайте ыборъ сами. Переводите не рабски, но какъ будто сами разсказывая ужое своей дочери: это дастъ нужную ясность и простоту вашему огу. Особенно рекомендую вамъ все, что написано авторомъ *Osterwer*: Blumenkörbchen, Weihnachtsabend, Heinrich von Ehrenfels, enoveva, Erzählungen für Kinder [1]). Всѣ эти повѣсти прекрасны. Ихъ ожно назвать повѣстями о Провидѣніи. Такъ же много хорошаго въ увальдѣ: особенно его комедіи [2]). Принимайтесь, за работу, милая!

---

[1]) Авторъ этихъ разсказовъ—извѣстный дѣтскій писатель Христофъ Шмидъ.
[2]) Мелкій нѣмецкій писатель 20-хъ годовъ.

а я буду вашимъ издателемъ здѣсь въ Петербургѣ. Жаль, что отдали Гречу сказки Эджевортъ, но мы ихъ выдадимъ снова. — Гнѣдичъ съ вами, воспользуйтесь имъ для правилъ русскаго языка языкъ вашъ всегда былъ правиленъ. — Простите. Обнимаю вас вашу незнакомку-дочку. Скажите Гнѣдичу, что я получилъ письм и вмѣсто того, чтобы писать къ нему особенно, рѣшился обнять въ вашемъ письмѣ и вамъ поручить пожать ему дружески руку. значитъ, что я отъ себя поручилъ его вашей дружбѣ. Радуюсь, онъ съ вами—это поможетъ ему вылѣчиться. Радуюсь, что вы съ познакомились. Съ нимъ будетъ у васъ ладъ. Скажите ему, ч весьма жалѣю, что его здѣсь не нашелъ, и что его возвращеніе много, много обрадуетъ.

Часть письма (отъ „Я не даромъ ѣздилъ за границу“, кончая словами: „В стбите“) напечатана у Плетнева (73–74) съ характернымъ пропускомъ одного с Парижѣ (бездной дѣятельности *и образованности*—подчеркнутое отсутствуетъ).

VIII.

(*$^{10}/_{22}$ января 1828 г.*).— Милая душа Анета, писать мнѣ вамъ много нечего: Зонтагъ разскажетъ вамъ о моемъ житьѣ-бы Мнѣ не жаль съ нимъ разставаться; онъ такъ счастливъ, что къ ѣдетъ, и дѣла его здѣсь хорошо устроились: воображаю радость ва свиданія и почти готовъ завидовать. Мнѣ не скоро доведется бы кругу вашемъ; но ваша южная сторона кажется мнѣ какъ будто слѣднимъ пріютомъ — кончивъ свое дѣло, отправлюсь грѣть тѣ покоить душу подъ вашимъ голубымъ и теплымъ небомъ. Но разговаривать съ вами мнѣ некогда. Вамъ же будетъ и не до когда это письмо развернется передъ вашими глазами: Зонтагъ бу тогда подлѣ васъ. Пусть будетъ лучше онъ самъ моимъ предста лемъ и представителемъ очень вѣрнымъ моей къ вамъ неизмѣнив дружбы. Какъ бы хотѣлъ взглянуть на васъ — все бы прошедшее скресло. Но поговоримъ о настоящемъ. Часть вашего перевода лучилъ; другой жду; присылайте и Ostereyer. Все это вмѣстѣ переводами вашими, помѣщенными въ Собесѣдникѣ Греча, прис нивъ и мой переводъ волшебныхъ дѣтскихъ сказокъ, можетъ соста книжку листовъ въ десять печатныхъ in 16°. Я говорилъ уже изданіи Сленину и просилъ съ него за книжку 1,000 рублей. желалъ бы, чтобы въ годъ выходило четыре книжки. Въ одной ч для *перваго* возраста; въ слѣдующихъ чтеніе для возрастовъ б зрѣлыхъ; или можно и двѣ книжки для перваго возраста. Сдѣ сами выборъ. Die Ostereyer, Weihnachtsabend, Blumenkörbchen, Hei von Ehrenfels, Genoveva и нѣкоторыя изъ маленькихъ сказокъ то автора могутъ составить прекрасное собраніе; а переведете хо Сдѣлайте, прошу васъ, сперва планъ, то есть назначьте изъ

которыя я послалъ къ вамъ, піесы, которыя годны къ переводу, выпишите титулы и пришлите ко мнѣ. Для перваго же возраста у васъ должны быть матеріалы; вѣроятно, есть много и между тѣми книгами, которыя везетъ къ вамъ ваша англичанка. Доставьте мнѣ эту роспись; тогда увидимъ, что дѣлать. А сами между тѣмъ начинайте съ Богомъ. Простите, милая. Поклонитесь отъ меня графу Эделингу и семейству Стурдзы. Это письмо поѣдетъ съ Зонтагомъ. Онъ повезетъ и гостинецъ отъ меня Машѣ. Поздравляю съ Новымъ Годомъ.

. Неясно, о какомъ *своемъ* переводѣ сказокъ говоритъ здѣсь Жук-ій.

IX.

(20 февраля 1828 г.).— Милая Анюта, вашъ прекрасный переводъ давно полученъ мною, а я еще все не собрался вамъ отвѣчать на ваше письмо и поговорить объ немъ. У меня правило писать письма черезъ воскресенье. Я его держусь, ибо въ противномъ случаѣ совѣмъ бы не писалъ писемъ. Но иногда ихъ столько накопится, что и нѣтъ времени. Вы же, между тѣмъ, получили Зонтага. Вѣроятно, онъ къ вамъ доѣхалъ не поврежденъ отъ дороги, не померзъ, не помятъ; однимъ словомъ, такой, какъ былъ — ему другого и желать нечего. Славный Егоръ! Теперь слово о переводѣ. Онъ еще въ моихъ рукахъ, и я не думаю, чтобы нужно было печатать его особенно. Лучше собрать хорошенькій томикъ. Кончите Henry et Lucy. Жалѣю, что Казначеева навязывается переводить Weihnachtsabend. Это одна изъ самыхъ лучшихъ сказочекъ въ вашемъ собраніи: вы переводите вообще прекрасно. Я читаю теперь вашъ переводъ великой княжнѣ, и намъ очень весело. Нельзя ли какъ отдѣлаться отъ Казначеевой? Что нужды, что Маша будетъ понимать по-англійски; все можно переводить съ англійскаго. Въ собраніи Miss Edgeworth есть много прекраснаго. Ваша англичанка вѣроятно привезетъ много книгъ съ собою. Можете выбирать и изъ нихъ. Надобно и о другихъ подумать. Рѣшитесь выдать хорошую, полную библіотеку занимательнаго чтенія для дѣтей; только выбирайте самое лучшее, вы же имѣете два вкуса: вкусъ общій и вкусъ матери. Книга будетъ толстая. При большихъ сказочкахъ не худо бы помѣщать и мелочи: анекдоты, отдѣльныя мелочи и тому подобное.—Но скажу вамъ, что Сленинъ сперва подался быть издателемъ, а теперь отказался. Поговорю съ другимъ. Простите, поцѣлуйте Зонтага и Машу.

X.

(2 апрѣля 1828 г.).— Милая Анна Петровна, Христосъ Воскресе! Какъ-то вы провели этотъ праздникъ на берегу Чернаго моря? Вы провели его въ своей семьѣ, немноголюдной, но милой. А всѣ прочіе, которые съ вами проводили его во время оно—гдѣ они? какъ многихъ

нѣтъ! и какъ другіе разсѣяны. Екатерина Аѳанасьевна, около которой мы всѣ собирались, почти *одна*, съ маленькой внучкой и въ сосѣдствѣ гроба Маши; Саша съ дѣтьми у Средиземнаго моря [1]); я одинъ у Балтійскаго. Пріютился къ другой семьѣ, живу въ мірѣ дѣтей, но моихъ подлѣ меня нѣтъ никого. Одна Дуняша на нашемъ старомъ пепелищѣ. Помните наше послѣднее Свѣтлое Воскресеніе, въ той церкви, въ которой мы были всѣ вмѣстѣ съ бабушкой и моею матушкой, и въ которой послѣ отпѣвали бабушку, и какъ скоро послѣ того все начало крошиться! Пришла буря 1812 года; потомъ другая буря, хуже первой,—Воейковъ, и все разлетѣлось. Вы, милая, приняли свою судьбу прямо изъ рукъ Провидѣнія; вы ничего не выбирали, вы встрѣтили, какъ будто случайно, свое счастіе, и оно досталось вамъ такое, какое нужно было вашему сердцу. Богъ вамъ его сохранитъ. Про свое счастіе мнѣ говорить нечего. Оно не личное; въ моей судьбѣ много хорошаго. Имѣю дѣятельность, удовлетворяющую вполнѣ сердцу. Этого довольно.— Отвѣчаю на ваше письмо. Съ нашими переводами что-то нѣтъ удачи. Сленинъ отказался ихъ печатать. А Смирдинъ предлагаетъ печатать отдѣльно въ своихъ дѣтскихъ изданіяхъ, то есть посреди всякаго дрязга. Этого мнѣ не хочется. Онъ предлагаетъ по 30 руб. за печатный листъ. Дѣло не въ деньгахъ, а въ изданіи. Продолжайте переводить. Послѣ выдадимъ *вмѣстѣ*, какъ скоро все соберется. Сказочки автора Ostereyer могутъ составить нѣчто цѣлое, прекрасное. Къ нимъ можно присоединить и повѣсти изъ Гувальда. Такъ же многое изъ Palmblätter—и все выдать вмѣстѣ. Я велю здѣсь все переписать, поправивъ, и выдамъ особенно. А вы присылайте все, что будетъ готово.— Объ нашей поѣздкѣ въ Одессу ничего не вѣдаю. Слухи есть, что Императрица ѣдетъ, но куда: въ Одессу ли, въ Кіевъ ли, въ Тульчинъ ли —не знаю. Что же касается до меня, то очень вѣроятно, что я изъ Петербурга не тронусь; не захотятъ нарушать порядка нашихъ занятій и вѣроятно оставятъ Великаго князя тамъ, гдѣ онъ теперь.— Вотъ вамъ и все. Простите, милая сестрица. Богъ съ вами и съ вашимъ Зонтагомъ и Машею. Поцѣлуйте ее за письмо. Поклонитесь Гнѣдичу. Получилъ ли онъ мои гекзаметры? Каковъ онъ? Видаете ли вы Вигеля? Онъ отъ васъ въ восхищеніи и описывалъ васъ очень сходно съ натурой Блудову. Простите.

Я сообщилъ вамъ отвѣтъ Лонгинову. Писалъ ли Воронцовъ къ Бенкендорфу?

Подъ „гекзаметрами“ надо разумѣть, очевидно, шутливое стихотвореніе, начинающееся словами:

Здравствуй, мой другъ Николай Ивановичъ Гнѣдичъ! Не сѣтуй,
Долго такъ отъ меня не имѣя ни строчки отвѣтной...

Въ нихъ говорится и объ А. П. Зонтагъ. (Сочин. Жук., изд. 9-е, II, 559—60).

[1]) А. А. Воейкова въ злой чахоткѣ уѣхала на югъ, гдѣ и умерла годъ спустя.

XI.

(6 февраля 1831 г.).— Милая Анна Петровна, поздравляю васъ съ Новымъ годомъ и винюсь опять, какъ слѣдуетъ, въ томъ, что не отвѣчалъ на многія изъ писемъ вашихъ. Resignez vous une fois pour toujours. Это всегда будетъ, и вотъ тому причина: какъ скоро начнется у меня какая нибудь работа, то я уже не могу отъ нея оторваться, и все, что ни случится въ промежуткѣ, поневолѣ откладываю до ея окончанія. А вы понимаете, что работа моя не уменьшается, а увеличивается. Теперь на рукахъ русская исторія: дѣлаю выписки изъ Карамзина, изъ сихъ выписокъ составляю хронологическое обозрѣніе, потомъ подробныя таблицы, потомъ сочиняю общее обозрѣніе, и ко всему этому карты и таблицы генеалогическія. Это беретъ время. Между тѣмъ, письма накапливаются и, наконецъ, накопится ихъ столько, что меня начинаетъ теребить безпокойство, которое даже портитъ самую мою работу. Это обстоятельство всегда предшествуетъ письменному изверженію. Долго рука не подымается на взятіе пера. Наконецъ, вдругъ льетъ лава двадцати и болѣе писемъ, и душа успокоивается до слѣдующаго изверженія.— Но въ такомъ безпрестанномъ волненіи, гдѣ мнѣ думать о стихахъ для альманаховъ. Вы ихъ у меня просили для вашихъ одесскихъ поэтовъ. Извините меня передъ ними; не имѣю ничего къ ихъ услугамъ. А вамъ посылаю 1,500 руб. за ваши три книжки: Смирдинъ предложилъ ихъ мнѣ, а я взялъ и думаю, что вы будете довольны. Составьте четвертую книжку. У васъ есть довольно матеріаловъ. О себѣ скажу вамъ, что вообще здоровъ, толстѣю, не бываю нигдѣ, работаю, сержусь на свѣтъ, который въ пять мѣсяцевъ оборотился вверхъ дномъ, проклинаю абсолютистовъ, которыхъ безуміе всему причиною, и еще болѣе проклинаю анархистовъ, которые, смѣнивъ первыхъ, хотятъ на вмѣсто худого построить худшее [1]); смотрю на будущее, не знаю что будетъ, но увѣренъ, что Правитель верховный не дремлетъ и, наконецъ, сдѣлаетъ по своему. Простите. Обнимаю васъ, Егора и Машу.

Вчера получилъ я ваше письмо, къ которомъ вы меня ласкаете и браните, милая душенька. И то, и другое по дѣломъ. Но вы уже теперь получили письмо мое, въ коемъ я предувѣдомляю васъ о посылкѣ денегъ. Кремеръ до сихъ поръ не уѣзжалъ, а я не рѣшился послать деньги по почтѣ, вы получили бы ихъ съ дырами [2]). Теперь посылаю и цѣлую васъ отъ всего сердца. Увѣдомьте о Машѣ. Узнавъ о ея болѣзни отъ Гнѣдича, я писалъ къ вамъ. Табакъ давно полу-

---

[1]) О французской революціи 1830 года.

[2]) По случаю холеры тогда письма на почтѣ протыкались въ нѣсколькихъ мѣстахъ насквозь и окуривались.

ченъ и курится такъ же постоянно, какъ я люблю васъ. Цѣлую Машу и „воскресенье“ [1]).

XII.

(24 мая 1831 г.)—Милая Анета, вы будете ждать письма моего; надобно побѣдить свою привычку откладывать и отвѣчать на него поскорѣе, хотя не тотчасъ послѣ его полученія—это совершенно невозможно. На вашъ вопросъ хотите вы отъ меня просто *да* или *нѣтъ*. Радъ бы отвѣтить: „да“, но можно ли? Вы прислали мнѣ одинъ вопросительный знакъ и спрашиваете съ важностью, хочу ли жениться на этой *закорючкѣ?* Болѣе ничего о будущей женѣ моей не знаю. Я уступилъ бы вамъ имя. Но уже прежде нежели сказать *да*, все нужно знать, есть ли у ней носъ, глаза, брови, руки и какіе? При этомъ не худо узнать и le cher *moi*, каково оно? не худо знать и то, что присоединяется извнѣ къ le cher *moi*. И въ двадцать лѣтъ воображеніе не загорится отъ одного вопросительнаго знака, а въ мои лѣта, когда на все глядишь равнодушными глазами, такія чудеса рѣдко бываютъ. Можетъ быть, я сказалъ бы вамъ *да*, если бы вашими и своими глазами глядѣлъ на вашу безъимянную закорючку, если бы былъ съ вами! Расшевелить меня легко: помните ли Корсаковыхъ? Но за тысячу верстъ... Нельзя! Я все поджидалъ, что Провидѣніе какъ нибудь за меня похлопочетъ и пришлетъ мнѣ жену. Самому хлопотать было некогда. Но Провидѣніе ничего не сдѣлало; вѣрно не суждено имъ, чтобы у меня была моя семья. Лѣта между тѣмъ подоспѣли и сдѣлали меня весьма нерѣшительнымъ. Одиночество тяжко и грустно подъ старость, но съ семейною жизнью сколько заботъ и зависимости! Сколько неволи отъ обстоятельствъ, теперь для меня не страшныхъ: что ни будетъ, все будетъ со мною однимъ. Въ молодости на борьбу съ ними рѣшиться легко; въ мои лѣта такая борьба пугаетъ. Надобно быть увлечену сильнымъ чувствомъ, сильнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, чтобы на нее рѣшиться. Притомъ же надобно имѣть свободное состояніе: могу сказать, что я теперь *про себя* богатъ и тѣмъ, что теперь имѣю, могъ бы дать жить семьѣ. Вы удивитесь, когда скажу вамъ, что съ нынѣшняго года буду получать по 32,500 рублей въ годъ (на сихъ дняхъ Государь пожаловалъ мнѣ аренду въ 1500 серебромъ, которую безъ всякихъ хлопотъ будутъ присылать мнѣ деньгами изъ казначейства). Но изъ этого дохода вѣроятно по окончаніи моей службы останется мнѣ около 20,000. И это кусокъ. Но что же останется семьѣ, когда переберусь на тотъ свѣтъ? Положимъ, что и все останется, ибо на милость Государя могу смѣло надѣяться. Но вотъ еще какая закорючка: у меня есть долгу 26,000.

---

[1]) Т. е. Зонтага.

Какъ, спросите вы, вмѣсто того, чтобы откладывать, могъ я копить долгъ? Изъ этого долгу, собственно моего не болѣе 2000, остальное изъяснять было бы длинно. Уплатить этотъ долгъ теперь ничего не значитъ. Но есть другія обязанности, кои мѣшаютъ мнѣ свободно пользоваться своимъ доходомъ. У меня на рукахъ три дочки: Катя, Саша и Маша [1]). Надобно всѣмъ тремъ заблаговременно составить кусокъ. По разсчету моему, при теперешнемъ доходѣ моемъ, въ четыре года будетъ все устроено: я буду квитъ съ долгомъ, а дѣти будутъ имѣть капиталы: Катя болѣе 45,000, Саша 40,000, Маша 25,000. Разумѣется, что сіи капиталы не изъ однихъ моихъ денегъ составятся; но это вѣрно, если только я живъ буду. Между тѣмъ до того срока буду проживать самъ 20,000, но въ числѣ этихъ 20,000 около осьми не на себя. По истеченіи же четырехъ лѣтъ, или въ концѣ 1835 г. весь мой доходъ освободится, и у меня *собственно на себя* будетъ 28,000 чистаго дохода. Вотъ вамъ подробный отчетъ въ моемъ теперешнемъ положеніи. Видите ли, что какъ бы ни вертѣлся, а для жены, въ теченіи четырехъ лѣтъ, у меня не можетъ быть болѣе 12,000. Этимъ въ Петербургѣ не проживешь. Слѣдуетъ важный вопросъ: имѣетъ ли ваша закорючка что нибудь такое, что, при ея любезномъ *moi*, могло бы быть приложено къ симъ 12,000? А важнѣе всего, каковъ этотъ *moi* au physique et au moral. Прошу благоволить отвѣтствовать. Я между тѣмъ скоро отправлюсь на морскія ванны. Пишите ко мнѣ, адресуя на имя Е. П. Константина Яковлевича Булгакова. Обнимаю васъ, нашего мужа и нашу дочь. Если не женюсь, то все подъ конецъ пріѣду къ вамъ на берега Чернаго моря доживать на вашихъ рукахъ поэтическую старость. Vale.

Какъ видно изъ письма, Зонтагъ извѣщала Жук—аго, что у нея есть на примѣтѣ подходящая для него невѣста, и спрашивала, хочетъ ли онъ жениться, не сообщая ему пока никакихъ подробностей. Въ отвѣтѣ же своемъ на данное письмо Зонтагъ пишетъ, что она имѣла въ виду графиню Наталью Григорьевну Чернышеву; повидимому это была сестра декабриста, Захара Григорьевича: Зонтагъ говоритъ о „несчастіяхъ, постигшихъ эту семью за послѣдніе 6 лѣтъ“ и о томъ, что Чернышева посылаетъ помощь сестрѣ (сестра ея была за декабристомъ же, Н. М. Муравьевымъ и тогда жила съ нимъ въ Сибири, а братъ ея въ 1831 г. уже служилъ рядовымъ на Кавказѣ).

Письмо содержитъ вполнѣ искреннія признанія поэта, почему онъ не женился такъ долго. Вопросъ этотъ до сихъ поръ за недостаткомъ прямыхъ матеріаловъ обыкновенно рѣшался указаніемъ на глубину и силу чувства Жук—аго къ Маріѣ Андреевнѣ; это чувство, утверждаютъ, хотя и превратилось въ чистую братскую привязанность, не позволяло однако ему кого бы то ни было ввести въ свою жизнь на тѣхъ правахъ, которыя принадлежали первой избранницѣ сердца поэта даже послѣ ея смерти. Факты не позволяютъ болѣе оставаться при этомъ одностороннемъ объясненіи. Живая дѣйствительность всегда сложнѣе отвлеченныхъ схемъ; не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что любовь Жуковскаго была глубокимъ и сильнымъ чувствомъ, проложившимъ слѣдъ на всей его жизни, но изъ многихъ мѣстъ публикуемой теперь переписки ясно, что поэтъ не разъ думалъ о бракѣ и не разъ его воображеніе останавливалось на той или другой опредѣленной личности (la belle allemande въ 1816—7 г., гр. Самойлова въ 1819—20 г., упоминаемыя въ данномъ письмѣ Корсаковы; есть и еще указанія). Если всякій разъ мечты и планы исчезали безслѣдно, главныя причины тому указаны выше

[1]) Воейковы, оставшіяся на попеченіи Жук—аго послѣ смерти А. А. Воейковой въ 1829 г.

самимъ поэтомъ съ его обычной искренностью. Сосредоченность всѣхъ жизненныхъ силъ на многіе годы около важной и привлекательной педагогической работы (съ 1817 до 1825 г. занятія съ Великой Княгиней, а послѣ съ Наслѣдникомъ), природная нерѣшительность и мнительность, боязнь осложнить свою жизнь еще новой отвѣтственностью (о чемъ онъ вполнѣ искренно говоритъ и въ стихотворномъ посланіи къ кн. Оболенской):—вотъ нѣсколько условій, ставшихъ поперекъ дороги его желанной мечтѣ—имѣть свою семью. Вначалѣ, послѣ крушенія первой, завѣтной мечты, конечно, Жуковскому трудно было думать о семейномъ счастіи, но его „исповѣдь" въ письмѣ къ Долбинскимъ сестрамъ (см. выше стр. 91) показываетъ, что уже въ началѣ 1817 г. онъ серьезно считался съ возможностью брака, основаннаго на спокойной симпатіи и сходствѣ склонностей.

XIII.

(*$\frac{29\ янв.}{10\ февр.}$ 1833 г. Вернэ на берегу Женев. озера.*)—Милая Анета, вы вѣрно думаете обо мнѣ на берегу Чернаго моря въ этотъ день, а я думаю объ васъ на берегу Женевскаго озера. Вѣроятно и около васъ тоже, что вокругъ меня, то есть весна (посылаю вамъ первую фіалку, сорванную нынче въ полѣ). Вашъ Эвксинъ величественнѣе моего Лемана, но вѣрно не живописнѣе своими утесами; а такихъ деревьевъ, какія здѣсь, у васъ нѣтъ и въ поминѣ. За то въ вашу гавань влетаютъ на парусахъ стопушечные корабли; шумъ торговли и разнообразіе народовъ оживляютъ вашу пристань; восточные костюмы напоминаютъ вамъ о Тысячѣ одной ночи, и подчасъ вѣсти о чумѣ проводятъ васъ въ безпокойство. Здѣсь все тише и однообразнѣе; нѣтъ такого величія въ равнинѣ озера, котораго гранитные, высокіе берега кажутся весьма близкими; лазурь его воды не столь блистательна; волны его не столь огромны и ревъ его не такъ грозенъ во время бури; вмѣсто кораблей летаютъ по немъ смиренные челноки, протягивая за собой серебряную струю и надъ ними вьется рыболовъ; но природа вездѣ природа, то есть, вездѣ очаровательна. Какими она красками росписываетъ озеро мое при захожденіи солнца, когда всѣ цвѣта радуги сливаютъ небо и воды въ одну великолѣпную порфиру; какъ ярко сіяетъ по утрамъ снѣгъ, удивительно чистый, на высотахъ темно-синихъ утесовъ; какъ иногда прелестна тишина великолѣпныхъ горъ при яркомъ солнцѣ, когда оно уже перешло за половину пути и начинаетъ склоняться къ закату, когда его свѣтъ такъ тихо, такъ *усыпленно* лежитъ на всѣхъ предметахъ: идешь одинъ по дорогѣ, горы стоятъ надъ тобою, подъ голубымъ безоблачнымъ небомъ, въ удивительной торжественности; озеро какъ стекло; не движется, а дышетъ; дорога кажется багряною отъ солнечнаго свѣта; по горамъ блестятъ деревни, каждый домъ и въ большомъ разстояніи виденъ; дымъ свѣтло-голубою, движущейся лентою тянется по темной синевѣ утесовъ; каждая птица, летящая по воздуху, блеститъ; каждый звукъ явственно слышенъ: шаги пѣшеходца, съ конмъ идетъ его тѣнь, скрипъ воза, лай, свистъ голубинаго полета, иногда звонкій бой деревенскихъ часовъ... все это прелесть. Но я вамъ принялся описывать то, что у меня теперь передъ глазами, не сказавъ ни слова о себѣ. И не скажу

ни слова, ибо все сказалъ въ письмѣ къ Дуняшѣ, которое вы получите вмѣстѣ съ вашимъ. Два раза пѣть одну пѣсню скучно, а мнѣ хотѣлось непремѣнно что нибудь прочирикать вамъ въ день моего рожденія. И такъ будьте довольны маленькимъ отрывкомъ швейцарскаго ландшафта, который, самъ не знаю какъ, сбѣжалъ съ пера моего на бумагу. Дѣло въ томъ, что нынче мнѣ стукнуло 49 лѣтъ и пошелъ пятидесятый—плохо. Я не состарѣлся и еще, такъ сказать, не жилъ, а попалъ въ старики. Жизнь моя вообще была такъ одинакова, такъ сама на себя похожа и такъ однообразна, что я какъ будто не покидалъ молодости; а вотъ ужъ надобно сказать рѣшительное прости этой молодости, и быть старикомъ, не будучи старымъ. Нечего дѣлать. Но мнѣ некогда говорить о себѣ, поговоримъ объ васъ. Плетневъ увѣдомляетъ меня, что еще прислали вы томъ своихъ повѣстей, между коими, какъ онъ пишетъ, есть одна, которая много слезъ выманила изъ глазъ его, одна, въ которой все наше прошлое ожило подъ перомъ вашимъ. Я просилъ его, чтобы онъ велѣлъ, какъ можно мельче переписать для меня эту повѣсть и прислать въ первомъ письмѣ: хочу у подошвы швейцарскихъ горъ посидѣть на томъ низкомъ холмикѣ, на коемъ стоялъ нашъ Мишенскій домъ съ своею смиренною церковью, на коемъ началась моя поэзія Греевой элегіей. А вамъ, милая Анета, скажу одно: пишите, какъ можно болѣе. У васъ много въ душѣ богатства, въ умѣ ясности и опытности; вы имѣете рѣшительный даръ писать и овладѣли русскимъ языкомъ. Я хочу для васъ не авторской славы; у насъ она ничтожна; хочу для васъ сладости авторской жизни, а для читателей вашихъ истинной пользы. Какъ умная мать, которая знаетъ свое ремесло, ибо выучена ему любящимъ сердцемъ, здравымъ умомъ и опытомъ, пишите о томъ, что знаете сами въ наукѣ воспитанія: теперь просто повѣсти; а со временемъ соберите въ одну систему и правила, коимъ сами слѣдовали. Передайте свою тайну другимъ матерямъ: поле, которое можете обработать, неограниченно и неистощимо. Для распространенія и приведенія въ порядокъ мыслей своихъ загляните въ лучшія книги (но весьма немногія) воспитанія и нравственной философіи, а потомъ бросьте ихъ и пишите свое. Вы не обманетесь и не обманете другихъ, ибо напишете свое, взятое изъ существенной жизни и только обдуманное простымъ умомъ, не отуманеннымъ предразсудками и умствованіемъ. Этотъ совѣтъ посылаю вамъ вмѣсто подарка въ день рожденія. Болѣе писать некогда. Подробное донесеніе обо мнѣ найдете въ письмѣ моемъ къ Дуняшѣ, которое просилъ я ее къ вамъ отправить.

Простите. Обнимите Зонтага и ваше маленькое воскресенье — Машу. Видаете ли вы Стурдзу и графиню Эделингъ? скажите имъ отъ меня нѣжнѣйшій поклонъ. Я всею душой вспоминалъ о Стурдзѣ въ Эмсѣ. Тогда съ нами былъ графъ Каподистрія. Гдѣ то сіяетъ теперь свѣтлая, чистая душа его?

Это письмо почти все помѣщено въ книжкѣ Плетнева (стр. 88 — 92), но болѣчѣмъ въ десяти мѣстахъ есть пропуски словъ или невѣрное ихъ чтеніе, поэтому мы сочли нужнымъ напечатать его съ подлинника.

XIV.

(17 іюля 1835 г.).— Вы имѣли бы полное право сердиться на меня, милая Анета, если бы мое нерадѣніе было причиною того, что рукопись ваша [1]) такъ долго не является въ свѣтъ и не отдана въ печать. Вотъ ея исторія. Прежде нежели я подалъ ее въ цензуру, я поручилъ пересмотрѣть и поправить ее протоіерею Павскому, бывшему учителю религіи Наслѣдника. Это взяло довольно времени. Пересмотрѣвъ первую часть, онъ отдалъ ее въ цензуру, которая пропустила ее, и я, получивъ рукопись, отдалъ ее Смирдину, который, однако, отрекся приступать и къ покупкѣ ея, и къ печатанію прежде освобожденія второй части изъ цензурнаго плѣна. Павскій, пересмотрѣвъ вторую часть, отдалъ ее также въ цензуру, гдѣ она (какъ увидите изъ приложеннаго ко мнѣ письма Павскаго) пробыла весьма долгое время. Наконецъ рукопись у меня. Но вотъ еще остановка: многія мѣста, выписанныя вами текстами изъ Новаго Завѣта, не сходны съ тѣмъ переводомъ Нов. Зав., который находится въ печати. Всѣ эти мѣста должно поправить по сему переводу. Посылаю вамъ экземпляръ Новаго Завѣта. Вы сами знаете, что̀ откуда вами выписано. Экземпляръ вашей рукописи у васъ конечно есть. Выпишите все въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ ваши выписки въ вашей книгѣ, и пришлите ко мнѣ съ точными ссылками на тѣ главы, къ коимъ будутъ принадлежать выписки. Безъ этого приступить нельзя къ печатанію. Тогда представлю и письмо ваше Государынѣ и выпрошу у ней позволеніе оное напечатать вмѣстѣ съ книгой. Это можетъ однако быть не иначе, какъ въ Октябрѣ, ибо черезъ двѣ недѣли она уѣзжаетъ въ Калишъ и возвратится не прежде, какъ черезъ два мѣсяца. Между тѣмъ, имѣя въ рукахъ вторую часть, сдѣлаю условіе со Смирдинымъ и увѣдомлю васъ. Напрасно вы возмечтали, что я на васъ дуюсь за отвѣтъ вашъ насчетъ Арбенева. А дѣло въ томъ, что я увѣдомилъ Арбенева о вашемъ отвѣтѣ, даже послалъ ему въ оригиналѣ ваше письмо; но онъ не отвѣтилъ мнѣ на письмо мое и даже не возвратилъ и вашего. Его святая воля. Обнимаю васъ, Егора и Машу.

XV.

(8 декабря 1835 г.).— Милая душа моя Анна Петровна, виноватъ, что не тотчасъ извѣстилъ васъ о полученіи вашего манускрипта [2]).

---

[1]) Говорится о писавшихся тогда А. П—ою „Разсказахъ изъ Священной Исторіи“.

[2]) Рѣчь идетъ о второмъ томѣ „Разсказовъ изъ Священной Исторіи“ или „Библіи“, какъ ее называетъ Ж. ниже; Зонтагъ безпокоится о рукописи потому, что она была адресована на имя почтъ-директора К. Булгакова, который какъ разъ въ то время умеръ.

Онъ доѣхалъ благополучно и теперь у меня. Дѣло состоитъ за Смирдинымъ. Я съ нимъ видѣлся и требовалъ отъ него вашихъ денегъ. Онъ обѣщалъ ихъ доставить въ концѣ прошлаго мѣсяца, но еще не доставлялъ; какъ скоро получу, отправлю ихъ къ вамъ. Насчетъ библіи вотъ какія дѣлаю съ нимъ условія: даю ему право напечатать два завода, то-есть 2400 экземпляровъ; но съ тѣмъ, чтобы тотчасъ заплатить 2,500 рублей. Согласны ли вы? увѣдомьте. Если нѣтъ, то назначьте сами, какія хотите условія. Императрицѣ я говорилъ, что ваша книга готова, и отдамъ ей ваше письмо, какъ скоро улажу съ Смирдинымъ. Отвѣчайте на это немедленно.— Потемкина, пишете вы, отыскала мнѣ землю въ Крыму. Хорошо. Да гдѣ взять денегъ на покупку? Это мечта! До Крыма мнѣ еще далеко. И безъ жены въ Крымъ худо ѣхать. Поищите мнѣ съ землею и хозяйку.— Обнимаю васъ трехъ. Буду ждать вашего отвѣта насчетъ Библіи.

XVI.

(Апрѣль 1836 г.). — Милая Анна Петровна, при этомъ письмѣ получите вы письмо отъ Шамбо[1]) и подарокъ отъ Императрицы за поднесеніе ей вашей Библіи. Я очень радъ, что она такъ благосклонно приняла трудъ вашъ. Съ Смирдинымъ я сдѣлаю условіе на 4 года, считая отъ публикованія вашей Библіи. По истеченіи 4 лѣтъ можно будетъ сдѣлать второе изданіе. А вы между тѣмъ принимайтесь за романъ. Я увѣренъ, что вы можете написать прекрасный. Описывайте тотъ свѣтъ, который знаете теперь, то-есть вашъ одесскій, сцена можетъ быть живописная, разнообразная. И въ помощь вамъ Крымъ съ своими древними воспоминаніями и съ своею величественною природою. Можете взять и нашъ бывшій міръ, нашу сторону и наши воспоминанія: и у насъ довольно было лицъ, которыхъ вѣрный списокъ будетъ привлекательнымъ. Напишите что-нибудь простое, привлекательное истиной происшествій и локальной вѣрностію. А чтобъ понастроиться, то перечитайте лучшіе романы В. Скотта, Клариссу, Miss Edgeworth, особенно Hélène. Все это найдете въ библіотекѣ графини Воронцовой. Чтобы нравственность была въ примѣненіи; но чтобы въ самомъ романѣ было только живое, вѣрное изображеніе человѣка и общества. Можно написать не одинъ романъ, а нѣсколько, взявъ, напримѣръ, за предметъ изобразить судьбу женщины въ ея разные фазисы. Пишите, пишите непремѣнно. Это дастъ и счастіе внутреннее, и деньги, кои здѣсь будутъ не главной цѣлью, а непремѣннымъ слѣдствіемъ. Я бы вамъ присовѣтывалъ сдѣлать и другое: напишите свои воспоминанія, или, лучше сказать, наши воспоминанія. Для этого не нужно и плана; или вотъ какой планъ: сдѣлайте по

[1]) Секретарь Императрицы Александры Ѳеодоровны.

азбучному порядку роспись именъ всѣхъ тѣхъ, кого знали, и каждый день напишите что-нибудь о комъ нибудь изъ этого лексикона: пропасть приклеится само собою и посторонняго, и мыслей всякаго рода, и описаній, и собственныхъ опытовъ.— Вотъ вамъ задача. Прошу не откладывать и приниматься за работу. А я васъ обнимаю. Вамъ и Машѣ, и мужу нашему—Христосъ Воскресе!

Дуняша въ Ганау близъ Франкфурта на рукахъ у доктора Копп, который вѣрно ей поможетъ.

Шамбо зовутъ Иванъ Павловичъ, Его Превосходительство.

XVII.

(24 августа 1836 г.).— Милая Анна Петровна, ваши Вельсы были здѣсь въ Петербургѣ и теперь ѣдутъ къ вамъ въ Одессу. Спѣшу васъ предувѣдомить, что я писалъ о Вилліамѣ къ графу Воронцову. Прошу васъ поддержать мою просьбу, какъ скоро Вельсъ пріѣдетъ. Я увѣренъ, что графъ не откажетъ ему въ покровительствѣ: надобно только, чтобы вы и Зонтагъ усердно за него похлопотали. Давно уже я не писалъ къ вамъ. Между тѣмъ успѣлъ пожить уединенно съ нашими Дерптскими. Всѣ они здоровы. Возвратясь — или нѣтъ, до отъѣзда къ нимъ — видѣлся съ Дуняшею, которая теперь въ Москвѣ. Какъ переѣду въ Петербургъ изъ Царскаго Села, примусь опять за Смирдина и отдамъ въ Библіотеку вашу милую піесу. Она взбудоражила мою память, и я нарисовалъ на память всю нашу сторону, какъ она была во время оно. Со временемъ будутъ и у васъ эти рисунки. О Вельсѣ говорите не теперь съ графомъ, а когда онъ къ вамъ пріѣдетъ и отдастъ письмо мое. Простите. Знаете ли, что можетъ быть мнѣ удастся будущимъ годомъ и погостить у васъ въ Одессѣ? Обнимаю всѣхъ васъ.

Упомянутые здѣсь Вельсы были—племянникъ Е. В. Зонтага, американецъ Вильямъ Вельсъ и жена его, Авдотья Васильевна Азбукина (дочь Ек. Пет. Юшковой).— „Милая пьеса“ Анны Петровны, напомнившая Жук—ому его родину, въ ея письмахъ называется „сказкой о Максимѣ Григорьевичѣ и супругѣ его Аксиньѣ Кузминичнѣ“: здѣсь говорилось объ одномъ изъ двухъ Максимовъ Жук—аго и дѣйствіе происходило въ Мишенскомъ. Это былъ повидимому первый опытъ Зонтагъ передавать въ литературѣ свои воспоминанія, связанныя съ Жук—имъ, если не считать упомянутой въ письмѣ XIII повѣсти, о которой мы не могли найти никакихъ указаній: быть можетъ, и тутъ, и тамъ рѣчь идетъ объ одной и той же вещи.

XVIII.

(30 ноября 1836 г.).— Милая Анна Петровна, съ Тройницкимъ я не отвѣчалъ вамъ по обыкновенной своей причинѣ: не собрался во время написать письмо и упустилъ его. Онъ уѣхалъ съ моими словесными къ вамъ порученіями. Я былъ радъ съ нимъ познакомиться. онъ не только умный, знающій, но и привлекательный человѣкъ. Но

знакомствомъ его я мало могъ пользоваться оттого, что онъ былъ въ Петербургѣ, а я въ Царскомъ Селѣ.— Ваша Библія печатается, а я самъ держу корректуру съ большимъ удовольствіемъ; слогъ прекрасный и книга будетъ полезная. Она мнѣ даетъ охоту написать нѣсколько повѣстей библейскихъ гекзаметрами, держась строго текста; но время, время—его то у меня и нѣтъ.— Мойеръ отыскался[1]). Просто сидѣлъ, собака, дома и молчалъ; а мы объ немъ тревожились, и я точно вообразилъ, что съ нимъ какая-нибудь бѣда приключилась. Никакой бѣды, просто лѣнился писать, какъ я грѣшный, и продавалъ клеверъ.— Посылаю вамъ подарокъ, который вамъ будетъ пріятенъ. Мнѣ такъ стало грустно, что все на родинѣ нашей исчезло, что я вздумалъ все снова построить на бумагѣ; какъ могъ что вспомнить, такъ и нарисовалъ; иное не совсѣмъ вѣрно. Но, кажется, à peu près, все вспомнилъ. При этихъ Мишенскихъ рисункахъ два Муратовскихъ и четыре Эллистферскихъ, такъ называется замокъ, гдѣ живетъ Екатерина Аѳанасьевна, близъ Дерпта. Прошу васъ прислать мнѣ свои замѣчанія на эти рисунки. Вашу статью можетъ быть помѣщу у Вяземскаго въ Альманахѣ;[2]) продавать ее не къ чему; что тутъ возьмешь. Но вы, милая, пишите. Хорошо бы романъ, хоть дѣтскій. Я увѣренъ, что вы напишете прекрасно. Обнимаю васъ и Машу, и Зонтага.

PS. Вотъ какая проказа сдѣлалась: чортъ, который во все мѣшается, поджогъ двѣ страницы вашего манускрипта. Посылаю къ вамъ ихъ остатки; дополните недостающее и возвратите немедленно. Между тѣмъ, ужъ около 300 страницъ перваго тома напечатано. Приложенное письмо отдайте по адресу.

Упоминаемые здѣсь рисунки сохранились въ гравюрахъ; они исполнены въ обычной контурной манерѣ Жук—аго, которую онъ называлъ au trait. Одинъ экземпляръ ихъ имѣется въ Уткинскомъ архивѣ.

XIX.

(16 января 1838 г.).— Милая моя Анна Петровна, у васъ чума, а у насъ пожаръ. Подъѣзжая къ Петербургу, куда пріѣхалъ я изъ Москвы послѣдній изъ нашего общества, я увидѣлъ еще въ Тоснѣ, за 50 верстъ отъ Петербурга, зарево; а въ десяти верстахъ отъ Петербурга узналъ, что Зимній дворецъ горитъ. Я пріѣхалъ къ концу этой трагедіи, которая только для меня одного не имѣла печальнаго результата. Я живу въ Шепелевскомъ дворцѣ, туда пожаръ не достигнулъ, и я всѣ свои пожитки нашелъ въ цѣлости; ничто даже съ

[1]) Мойеръ передъ окончательнымъ переѣздомъ своимъ изъ Дерпта поѣхалъ въ свою Орловскую деревню Бунино и нѣсколько мѣсяцевъ не давалъ о себѣ знать, приведя этимъ въ большую тревогу всѣхъ родныхъ, особенно Е. А. Протасову, ждавшую его, сидя въ Дерптѣ со внучкой, безъ своего угла и хозяйства.

[2]) Разумѣется задуманный кн. П. А. Вяземскимъ въ 1836 г. альманахъ „Старина“.

мѣста не было тронуто. Мнѣ какъ-то стыдно. На ваши послѣднія письма отвѣчаю вотъ что: ко второму изданію повѣстей Смирдинъ приступить отказывается. О вашей Библіи для Демидовской премія представлю отъ себя, но врядъ-ли будетъ можно ввести ее въ нынѣшнюю раздачу призовъ. Надобно бы было представить ее уже въ ноябрѣ, а я пріѣхалъ 17 декабря въ Петербургъ. Попытаюсь, но, вѣроятно, надобно будетъ дождаться слѣдующаго года. Въ карманѣ моемъ случились лишнія деньги. Могу безъ всякаго насилія себѣ отдѣлить вамъ тысячу рублей, которые и посылаю съ тѣмъ, чтобы вы нисколько не хлопотали объ уплатѣ. Тогда заплатите, когда будетъ это возможно сдѣлать безъ натяжки. Впрочемъ, прошу ихъ употребить со временемъ на приданое Машѣ: это еще и лучше. Обнимаю васъ, душа моя; увѣдомьте о полученіи этого письма. Поцѣлуйте Зонтага и нашу дочку. А жаль мнѣ, что не посылалъ я вамъ своихъ крымскихъ рисунковъ: тамъ бы вы имѣли и Зонтага во всей его полнотѣ и въ самомъ живописномъ положеніи. Кланяйтесь моимъ одесскимъ знакомымъ, особенно Стурдзѣ, котораго обнимаю, его милой женѣ и графинѣ Эделингъ.

XX.

(27 апрѣля 1838 г.). — Милая Анна Петровна, черезъ недѣлю отправлюсь въ дальній путь за-границу съ Великимъ Княземъ; путешествіе наше продолжится, вѣроятно, до начала будущаго года. Писать къ вамъ много не имѣю времени; все откладывалъ по своей сумасбродной привычкѣ, а теперь такъ приспичило, что нѣтъ минуты времени и хлопотъ бездна. Напишите-ка, прошу васъ, для дѣтей сказку о откладываніи до завтра, о исполненіи ежедневномъ мелкихъ обязанностей, о необходимости писать письма. Вотъ три богатыхъ сюжета. Между тѣмъ, вашъ манускриптъ (переводъ Щербинина) остался у меня на рукахъ. Я говорилъ съ Смирдинымъ; тотъ предлагаетъ 50 рублей за печатный листъ; не знаю, согласится ли Щербининъ. Въ ожиданіи его согласія манускриптъ его оставляю у Плетнева, къ которому прошу васъ написать. Адресъ его: Его Превосходительству Петру Александровичу Плетневу, на Обуховскомъ проспектѣ, въ домѣ Сухаревой. Я вамъ совѣтую войти въ литературное сношеніе съ Плетневымъ, онъ хлопоталъ объ изданіи вашихъ библейскихъ повѣстей и теперь взялся хлопотать, чтобы онѣ вошли въ конкурсъ Демидовскихъ премій на будущій годъ. Я оставилъ на этотъ предметъ ему письмо къ секретарю Академіи наукъ Фусу, котораго самъ уже просилъ предварительно. Послушайте, однако: давайте мнѣ всѣ *ваши* литературныя комиссіи, исполненіемъ ихъ займусь всегда, какъ собственно *своимъ* дѣломъ, но не давайте мнѣ хлопотъ о продажѣ чужихъ произведеній, на это у меня нѣтъ времени, тѣмъ болѣе, что это всегда бываетъ

ряжено съ скучною перепискою и множествомъ мелкихъ, но тре-
ыхъ заботъ. Всякому, кто будетъ къ вамъ обращаться съ подоб-
ми просьбами, *отказывайте наотрѣзъ*. Развѣ встрѣтится что-нибудь
быкновенное. Это изъ ряду вонъ.

Простите, милая; не знаю, откуда придется мнѣ написать къ
ъ, но напишу. Поклонитесь отъ меня графу и графинѣ Воронцо-
ъ и другимъ моимъ одесскимъ знакомцамъ, обнимите Зонтага, по-
луйте Машу, пожмите руку Стурдзѣ и графинѣ Эделингъ, а себя
рошенько прижмите къ моему сердцу. Богъ съ вами. Правда ли,
) вы будете нынѣшнимъ лѣтомъ на родинѣ?

XXI.

(29 ноября 1839 г.)—Милая Анна Петровна, грустно мнѣ очень
что вы пишете о болѣзни нашего добраго Зонтага, къ которой
мѣшалось это печальное уныніе, происходящее не отъ чего иного,
ъ отъ физическаго разстройства. Авось съ возстановленіемъ тѣ-
ныхъ силъ исчезнетъ и мысль, что онъ межъ нами не нашъ. Такая
сль могла быть произведена конечно только болѣзнію, иначе она
ла бы самою жестокою несправедливостью.—Жаль, что мнѣ не уда-
ь провести съ вами денька два въ Мишенскомъ, мы бы запаслись
долгое время воспоминаніями о прошломъ; а теперь, когда мы тамъ
рѣтимся?—я прилипъ къ сѣверу, вы къ югу. — Но много мнѣ съ
ми разговаривать некогда, по обыкновенію накопилось множество
емъ и надобно спускать ихъ, какъ съ плотины воду. Вотъ въ чемъ
вное дѣло: Смирдинъ желаетъ купить у васъ второе изданіе библей-
хъ вашихъ повѣстей, двѣ тысячи пятьсотъ экземпляровъ и предла-
тъ вамъ за нихъ 2500 рублей. Согласны ли вы? Если да, то при-
айте мнѣ довѣренность на заключеніе условія съ Смирдинымъ и на
леніе отъ него денегъ. Условіе должно состоять въ томъ един-
енно, что вы продаете за 2500 рублей право напечатать 2500 эк-
пляровъ, съ тѣмъ, что по истеченіи трехъ лѣтъ отъ выхода въ
тъ второго изданія вы получаете съ своей стороны право присту-
ь къ третьему изданію; деньги же вѣрите получить мнѣ,—тотчасъ
заключеніи условія, сполна.—О другомъ моемъ предложеніи увѣдо-
ъ васъ Авдотья Петровна, къ которой пишу на этой же почтѣ и
орая перешлетъ вамъ письмо мое [1]). Прошу отвѣтить на него ей и
немедленно. —Мысль біографій для моихъ историческихъ таблицъ
ьма добрая; но отложите пока ея исполненіе, до изданія въ свѣтъ
хъ таблицъ, коими начну заниматься не прежде, какъ въ будущемъ

[1]) Это было предложеніе литературной работы; подробности о немъ см. выше въ
мѣчаніяхъ на письма къ Елагиной стр. 65.

году и то въ послѣднюю его половину [1]). Но вамъ теперь будетъ
Цѣлую васъ, Зонтага и Машу.

Пожалѣйте обо мнѣ и о потерѣ, которую вся Россія сд
Завтра хоронимъ Дашкова.

XXII.

(*8 апрѣля 1841 г.*) — Милая моя Анна Петровна, какова
душа моя? Сколько знаю васъ—а вѣдь мы, кажется, друзья съ
бели—смѣло могу поручиться, что вы главное горе жизни снос
тѣмъ высокимъ достоинствомъ, которое всѣ земныя утѣшенія дѣ
не нужными. Гете сказалъ про поэзію:

Leid und Freude wird Gesang.

Онъ правъ—поэзія единственное вѣрное *земное* утѣшеніе. Но
если бы могъ, долженъ бы былъ выразить это и такъ:

Leid und Freude wird Gebet.

А всего лучше и всего выше эти слова: Блаженни плачущіе
они утѣшатся.—Надобно плакать и имѣть способность плакать, ч
постигнуть всю небесную сладость того утѣшенія, о коемъ гов
въ своей проповѣди Спаситель.

Но мнѣ нѣтъ времени говорить съ вами о томъ, что вы
меня знаете и что, конечно, теперь постигли не одною мыслью,
сердцемъ. Я хотѣлъ только сказать вамъ, что Смирдинъ еще
силахъ выплатить вамъ тѣ тысячу рублей, на которую далъ мн
сель. Посылаю ее вамъ изъ своихъ, ибо могу на Смирдинѣ подо
и возьму ихъ съ него въ концѣ года. Что же касается до присл
вами второго тома сказокъ, то передамъ его Плетневу. А васъ
уже прямо съ нимъ войти въ сношенія. Мнѣ нельзя будетъ этог
кончить передъ отъѣздомъ. Ибо Смирдинъ дѣйствительно въ п
положеніи, изъ котораго мнѣ хочется вырвать его, но не
удастся ли.

Вѣроятно, что я отправлюсь отсюда 28 или 29 апрѣля.
ятно, что 21 мая буду въ Штутгартѣ стоять съ своей невѣсто
редъ налоемъ въ русской церкви—въ этотъ день вспомните об
и помолитесь за меня Богу. Обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ,
Машу, и братскій поцѣлуй гробу Зонтага.

Писано передъ отъѣздомъ заграницу для женитьбы, въ отвѣтъ на извѣстіе
мужа Анны Петровны.

XXIII.

(*21 апрѣля 1841 г.*)—Милая Анна Петровна, отвѣчаю в
ваше послѣднее дружеское письмо. Первое, полученное съ г

[1]) Зонтагъ писала, что она хочетъ составить рядъ историческихъ біог
дѣтей, расположивъ ихъ по таблицамъ, составленнымъ Жук—имъ для Наслѣдн
исполнила часть работы; написанныя ею біографіи отчасти остались не издан

ронцовымъ, считаю неписаннымъ; вы бы вѣрно его ко мнѣ не слали, если бы имѣли время перечитать [1]). — Сперва скажу вамъ о бѣ: я ѣду черезъ 10 дней изъ Петербурга, то есть 30-го апрѣля и 1-го мая. Надѣюсь, что 21-го мая въ Штутгардѣ будетъ моя адьба. Въ этотъ день вспомните обо мнѣ. Число это уже вырѣзано обручальныхъ кольцахъ, которыя прислала мнѣ Дуняша и для которыхъ всѣ мои (и вы съ Машею и съ Зонтагомъ) сложились: пришлите Дуняшѣ деньги за себя, за Машу и за него. Мои обстоятельства устроились наилучшимъ образомъ; я свободенъ жить гдѣ хочу и в то же время состою при Великомъ князѣ, что почитаю особеннымъ частіемъ. Весь мой окладъ мнѣ оставленъ, что даетъ мнѣ возможность существовать съ моею будущею семьею безъ нужды. Сверхъ ого Государь жаловалъ мнѣ и денегъ на первое обзаведеніе. И наонецъ я стою въ книгѣ животныхъ подъ фирмою тайнаго совѣтника. ловомъ, Государь устроилъ мое будущее, какъ добрый, заботливый ецъ. Мое перо не поворотилось бы описывать все это для васъ (хотя знаю, что вы за меня порадуетесь, несмотря на свое горе), но я мѣю на то слѣдующія причины, вотъ онѣ: я передъ вами богачъ, ѣдовательно, не вамъ со мною дѣлиться, а мнѣ съ вами. Если не азначатъ вамъ законный пенсіонъ по праву вдовы, то вы по общему становленію получите только осьмую долю того жалованія, которое онтагъ получалъ въ послѣднее время: такъ разсчелъ министръ внуеннихъ дѣлъ при мнѣ въ кабинетѣ Воронцова. Вся эта осьмая часть ставитъ едва ли 500 рублей. Вотъ что я сдѣлалъ съ своей стороны: ъ Императрицы назначено мнѣ въ пенсіонъ 4000 рублей. Я уже осилъ ее, и она уже на это согласилась, отдѣлить отъ этихъ 4000 ну тысячу и обратить ее въ пенсіонъ вамъ. Объ этомъ сдѣлано детъ распоряженіе еще прежде моего отъѣзда. И такъ вы будете лучать около 1500 пенсіона. Сверхъ того постараюсь выхлопотать нея какое нибудь единовременное пособіе. Да вотъ еще что: у меня чти кончена поэма, за которую я надѣюсь получить 6000 рублей [2]). и деньги могли бы мнѣ быть нужны, если бы мнѣ не пожаловано ло Государемъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько я ожидалъ. И такъ ьма естественно, что они должны быть ваши, и вы ихъ получите, къ скоро они будутъ въ моихъ рукахъ. Поэма моя еще не совсѣмъ това; но уже на счетъ платы условія у меня сдѣланы. Я не видѣлъ щей, которыя вы отдали Воронцову для продажи [3]). Посмотримъ, во о оцѣнитъ ихъ Кабинетъ: надѣюсь, что ихъ легко будетъ сбыть съ къ. Однимъ богачамъ дозволено беречь брилліанты. Намъ голякамъ

[1]) Огорченная смертью мужа, боясь остаться безъ пенсіи, Зонтагъ просила Жуковскаго хлопотать за нее ради дочери, прибавивъ упрекъ, будто онъ никогда не хотѣлъ замолвить хотя слово за ея мужа, когда тотъ подвергался преслѣдованіямъ по службѣ.

[2]) Разумѣется „Наль и Дамаянти“.

[3]) Зонтагъ просила, чтобы пожалованные ей Императрицею драгоцѣнные подарки ли взяты, какъ это водилось, обратно въ казну и съ вычетомъ извѣстнаго процента.

мертвый капиталъ только тягость. — Ваши предпріятія біографическ пока надобно остановить, ибо мои таблицы не приведены въ порядо и мнѣ изъ нихъ ни одной нельзя сообщить вамъ. За эту работу я мемся, когда я возвращусь во свояси, а когда? не знаю. Но н надобно войти въ литературныя сношенія съ типографщикомъ Фи ромъ. На Смирдина теперь нельзя надѣяться: онъ въ въ тѣсны обстоятельствахъ и не можетъ платить. Я переговорю съ Фишеро А объ результатѣ нашего разговора увѣдомитъ васъ Плетневъ. На юсь, что вы не скажете мнѣ ни слова противъ того, что мною устрое вамъ и сказать нечего; если бы вы были въ моихъ обстоятельства а я въ вашихъ, то вы бы сдѣлали что нибудь для меня, и я бы тол этому порадовался; ибо мы не даромъ были сосѣди колыбелями. Т такъ, милая сестра, простите. Можетъ быть, напишу еще что нибу къ вамъ передъ отъѣздомъ. Если же не успѣю, то уже буду писа вмѣстѣ съ женою. А вы и Маша помолитесь объ ней и обо мнѣ; и 21 мая вспомните меня. Обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ.

P. S. Чтобы облегчить вашу совѣсть на счетъ моихъ 6000, пр исходящихъ изъ моей поэмы и принадлежащихъ (если вы отъ нихъ откажетесь) Машѣ, то вѣдайте, что я продалъ свое Лифляндское им ніе 25-ю тысячами дороже, нежели какъ ожидалъ. Есть изъ чег дѣлиться. И такъ прошу не спорить; это будетъ безпокойно, досад и обидно.

XXIV.

(*1 марта н. с. 1842 г. Дюссельдорфъ.*) — Наконецъ пришло отъ васъ письмо, моя милая Анна Петровна; четвертое по порядку и един ственное до меня дошедшее — гдѣ первыя три, Богъ знаетъ! Кто по лучилъ ихъ? судьба или Прянишниковъ? [1])—Противъ первой нѣтъ за щиты, а послѣдняго я допрошу порядкомъ. Можетъ быть и найдет пропажа. — Ваше письмо, моя милая сестра, и я и жена прочитал съ глубокимъ участіемъ: какъ грустно мнѣ за васъ! Какъ больно, что вы, образецъ нѣжной матери, осуждены находить свое несчастіе в томъ, что должно составить счастіе вашей дочери [2]), въ чемъ она сам его видитъ и что, по всему тому, что вы сами пишете, может и должно составить его, по крайней мѣрѣ *въ главномъ*. Она даетъ серд свое по *выбору*, онъ, какъ вы сами пишете, стоитъ ея любви; бѣ

---

[1]) Ѳ. П. Прянишниковъ занялъ мѣсто Петербургскаго почтъ-директора по К. Я. Булгакова; Жук-ій просилъ направлять всѣ письма къ нему.

[2]) М. Е. Зонтагъ полюбила австрійскаго консула въ Одессѣ Гутмансталя, за тораго и вышла; мать долго не могла примириться съ разлукой; кромѣ того ее сок шала то, что женихъ былъ иностранецъ и притомъ не дворянинъ: бракъ отчужд дочь отъ родины, и мать по тогдашнимъ законамъ не могла даже передать ей въ слѣдство дорогого Мишенскаго; продать же его она считала грѣхомъ: „я не могу т говать прахомъ моихъ родителей“, писала она Авд. Петровнѣ.

ности имъ бояться нельзя, семейство, въ которое она должна войти, порядочное и доброе—слава Богу! сколько истиннаго добра! Но разлука... О! это тяжело! но тяжело наиболѣе для васъ. Ей будетъ жаль отъ васъ оторваться, но судьба ея должна образоваться отъ вашей отдѣльно; мужъ будетъ для нея цѣлый міръ, а мать только добрый проводникъ, доведшій ее до границы этого міра! Разлука для васъ, а не для нея! на то вы мать. Примите это неизбѣжное материнское горе съ надлежащею твердостью; и радуйтесь, забывъ себя, тому, что главныя условія семейнаго счастія исполнены въ выборѣ вашей дочери. Не вамъ жить, а ей, говорите вы! въ этомъ все сказано. Въ ея выборѣ, сами вы говорите, худо только то, что касается лично до васъ, все, касающееся лично до нея, хорошо. Пріймите свой крестъ не только съ покорностью, но и съ радостью. Мы на семъ свѣтѣ не для того, что обыкновенные, грубые, чувственные люди называютъ *счастьемъ*, а единственно для *смиренія*. Жизнь есть школа смиренія. У каждаго свой профессоръ для этой науки. И не всякому достанется такой, котораго слушать пріятно, или, правильнѣе, котораго понимать удобно. Иной говоритъ ясно и просто, языкомъ строгимъ, величественнымъ, глубоко трогающимъ сердце; другой кричитъ, пугаетъ слухъ, мучитъ сердце и тревожитъ умъ—но всѣ говорятъ одно. Вашъ профессоръ принадлежитъ къ первому разряду; одна изъ его лекцій оканчивается изображеніемъ той чугунной рѣшетки, о которой вы говорите въ письмѣ своемъ [1]); смыслъ ея—любовь и на любви основанная вѣра; другая лекція приведетъ васъ къ тому алтарю, у котораго вы благословите дочь на здѣшнее счастіе — и смыслъ ея будетъ тотъ же—та же любовь, съ тою же вѣрою! и въ обоихъ случаяхъ разлука—и въ обоихъ случаяхъ вы можете быть въ большомъ выигрышѣ, смиреніемъ. Оно конечно будетъ куплено горемъ, но какимъ горемъ?—чистымъ, возвышеннымъ, въ которомъ все вамъ дорого, котораго источникъ въ любви, въ безкорыстномъ самоотверженіи. Что, если бы вамъ при замужествѣ вашей дочери надобно было сожалѣть о ея *выборѣ*, видѣть передъ нею несчастіе заслуженное, основанное на будущемъ нравственномъ несогласіи съ мужемъ? — но, благодаря Богу, ничего подобнаго здѣсь нѣтъ. Вся главная бѣда здѣсь ваша *личная*. О! это самая легкая, и когда вы сладите съ своимъ сердцемъ, то все на горизонтѣ вашемъ сдѣлается опять ясно. — Богъ вездѣ — и въ Смирнѣ, и въ Каирѣ, и вы спокойно можете передать свою дочь Ему, зная, что и земной товарищъ ея, заступившій ваше мѣсто, не поведетъ ее кривою дорогою. Не печальтесь, что дочь ваша найдетъ *полное* счастіе въ своей особенной семейной жизни и что мать будетъ для нея въ сторонѣ, будетъ только милымъ, благодарнымъ воспоминаніемъ сердца ея. Такъ оно и быть должно. Это не только законъ природы, но и тайн-

[1]) На могилѣ мужа.

ство христіанства. Пускай это таинство совершится для васъ вполнѣ. Сердце матери есть сокровищница самоотверженія. Вы ничѣмъ лучше быть не можете, какъ матерью; и на это вы болѣе другихъ способны. Будьте матерью во имя Божіе. И не пугайтесь тѣмъ, что женихъ вашей дочери иностранецъ — въ томъ смыслѣ, въ которомъ это ни для васъ такъ страшно, всякій другой мужъ ея былъ бы для васъ иностранецъ, ибо каждый бы могъ ее разлучить съ вами, а разлука— все разлука, какъ бы ни называлось то мѣсто, гдѣ мы живемъ вдали отъ своихъ. Въ самомъ же дѣлѣ разлуки истинной нѣтъ, когда есть вѣрная любовь; а разлука матеріальная — en petite monnaie длится безпрестанно; мы каждый день половину времени розно съ своими.

$^{15}/_{27}$ марта. Изъ этого письма видите, какая неизлѣчимая болѣзнь для меня моя эпистолярная лѣнь; оно уже давнымъ давно написано. Мнѣ хотѣлось еще кое что прибавить къ нему; я долженъ былъ однако прервать его и цѣлые 25 дней за него не могъ приняться. У меня теперь передъ глазами куча не отвѣтствованныхъ писемъ и я, глядя на нихъ, точно какъ въ горячкѣ. Не сердитесь на меня, моя милая, а пожалѣйте, что такіе припадки письменной лѣни со мной дѣлаются.

XXV.

Baden-Baden. Maison Kleinmann.

($\frac{20\ Декабря\ 1848\ г.}{1\ Января\ 1849\ г.}$). Какъ сказать вамъ, мои милые, милые друзья? Употребить ли обыкновенное слово: *поздравляю* съ Новымъ годомъ. Конечно, конечно, безъ всякаго сомнѣнія. Каждый Новый годъ есть всходъ на новую ступень лѣстницы, ведущей къ дверямъ отеческаго дома. Дверь передъ глазами; она затворена для насъ, но она отворится; и если за нею много насъ ждущихъ—тѣмъ лучше; если они идутъ съ нами рядомъ—тѣмъ веселѣе идти; если другіе отъ насъ отстали, когда дверь для насъ отворилась — все они на той же лѣстницѣ, не стоятъ, а за нами идутъ. И такъ, поздравляю васъ и себя и всѣхъ нашихъ, съ нами взошедшихъ на одну и ту же ступень; и попросимъ Бога позволить еще нѣсколько ступеней перейти вмѣстѣ, рука въ руку, не завидуя тѣмъ, которые передъ нами ихъ перескочили, позванные прежде насъ на семейную, неразлучную жизнь. Благослови Богъ этотъ начинающійся годъ. Этого слова опредѣлять далѣе не нужно. Счастлива душа, для которой все, что ни встрѣтится въ здѣшней жизни, имѣетъ видъ благословенія—все здѣсь благословеніе, но не все мы за благословеніе принимать умѣемъ. У одного для этого сердце слишкомъ живо и горячо, у другого оно слишкомъ сухо и холодно. Но, во всякомъ случаѣ, мы можемъ имѣть убѣжденіе, смиренное убѣжденіе, что оно такъ. Соединить съ этимъ убѣжденіемъ блаженство чувства не отъ насъ зависитъ: его даетъ Богъ—однимъ,

какъ награду, а другимъ, какъ исцытаніе, (ибо зємную радость гораздо вѣрнѣе принимать за испытаніе, нежели за вѣрное, положительное благо), инымъ же, избраннымъ, какъ чистую, неизмѣнную сущность души ихъ. Я давно не имѣю отъ васъ писемъ, моя милая Анна Петровна (это письмо я назначаю вамъ, хотя пишу его ко всѣмъ совокупно. Посылаю его Авдотьѣ Петровнѣ, а ее прошу переслать его по назначенію); давно, милая Анна Петровна, вы не писали ко мнѣ; это давно—почти цѣлый годъ. Вы описали мнѣ кончину нашей общей, выбранной сердцемъ матери [1]); я отвѣчалъ вамъ (бывъ тогда полуслѣпымъ), съ тѣхъ поръ отъ васъ ни слова. Не знаю, дошло ли мое письмо до васъ. Но ваше молчаніе (съ этой стороны я васъ знаю) похоже на bouderie; вы молчите не отъ одной лѣни, вы на меня дуетесь, душа моя, вы огорчаетесь моимъ къ вамъ равнодушіемъ, вы приписываете мое молчаніе забвенію, забывъ сами, что и ваше молчаніе ни дать, ни взять точно такое же, какъ мое. Не хорошо, моя голубушка. Но не будемъ считаться. Напишите мнѣ о себѣ. А я о себѣ вотъ что вамъ скажу. Во-первыхъ, надобно объяснить кой-какое недоразумѣніе. Вы всѣ думаете, что мы Богъ знаетъ какъ привязаны къ чужбинѣ и остались произвольно и нынѣшній годъ за-границей. Заочно вы судите болѣзнь жены моей и, чего добраго, называете болѣзнь ея причудою, отъ которой вылѣчиться легко, стоитъ сѣсть на пароходъ и плыть съ Богомъ. Съ Богомъ, конечно; но Богъ велитъ покоряться смиренно неизбѣжному бѣдствію; а когда есть лазейка, чтобы отъ этого бѣдствія ускользнуть, то эта же самая лазейка есть знакъ, что ускользнуть должно. Во-первыхъ, болѣзнь жены не причуда, она—бѣдствіе, отъ котораго избавиться coûte que coûte необходимо должно. Что эта болѣзнь не простое разстройство нервическое, отъ котораго лечитъ перемѣна воздуха, разсѣяніе и путешествіе, теперь намъ это очевидно. Чтобы избавиться отъ этой бѣшеной бѣды я новезъ жену въ Эмсъ, въ которомъ видѣлъ для нея спасеніе Коппъ; что для насъ было рѣшено ѣхать въ Россію послѣ курса въ Эмсѣ, свидѣтельствомъ тому служитъ то, что я передъ отъѣздомъ туда сдалъ свой домъ въ Франкфуртѣ, продалъ всю свою мебель за безцѣнокъ; все остальное склалъ въ ящики и отправилъ и самъ остался съ однимъ самымъ необходимымъ. Вдругъ холера. Ѣхать ли къ ней навстрѣчу или нѣтъ? На этотъ вопросъ я не самъ отвѣтилъ. Я потребовалъ отвѣта у Зейдлица. Онъ прислалъ мнѣ строгое, рѣшительное: нѣтъ! Здѣсь для насъ не было лазейки: какую бы ни взяли мы дорогу, все надобно было пробиваться сквозь фронтъ холеры, которой правое крыло упиралось въ Абовъ, а лѣвое въ Константинополь, А состояніе здоровья жены располагало ее къ воспріятію заразы. Съ горемъ великимъ (какъ говорится въ Одиссеѣ) я рѣшился остаться въ Германіи, въ

[1]) Ек. Ав. Протасовой.

которой не было мирнаго, безопаснаго пріюта; но въ этой бѣдѣ оказалось спасительное указаніе Божіе. Страхъ холеры остановилъ меня: приготовленія къ отъѣзду заставили меня разсчитаться съ Франкфуртомъ (гдѣ я вѣроятно остался бы опять, имѣя тамъ устроенный домъ). это обстоятельство переселило меня въ здоровый климатъ Бадена; въ Баденѣ нашелся Гугертъ, который, живучи съ нами рядомъ, можетъ слѣдовать pas à pas за болѣзнью жены (не такъ, какъ нашъ добрый Коппъ, который лѣчилъ ее заочно и видалъ разъ въ двѣ недѣли): Гугертъ угадалъ болѣзнь жены моей и уже оказалъ ей пользу, тогда какъ Эмсъ только что ее разстроилъ; она теперь сама чувствуетъ, что подвигается впередъ: Гугертъ обѣщаетъ ей выздоровленіе, увѣренъ, что можно будетъ пуститься въ дорогу въ началѣ іюня и послѣдней станціей ея леченія назначаетъ Ревель и купанье въ морѣ. Такова моя собственная и моей Пенелопы Одиссея. Не обвиняйте же меня въ легкомыслін, а болящую мою страдалицу въ причудливости. Нельзя сказать, что она, бѣдная переноситъ. И все это не вѣнчаетъ розами мою шестидесятипятилѣтнюю голову.

Слава Богу, съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Баденѣ, на душѣ стало легче. Здѣсь климатъ цѣлебный; природа чудно прекрасная; сторона, по сравненію съ другими, спокойная; хотя и постучалась у нашихъ воротъ разбойничья шайка Штруве [1]), но теперь все притихло: все это сдѣлало то, что я снова принялся за работу. Моя муза теперь вышла замужъ за Эскулапа и они оба помогаютъ моему поэтическому вдохновенію. Мнѣ спится, какъ радостный сонъ, мое возвращеніе на родину. И что, если къ этому сну прибавится другой! Что, если бы вдругъ Мойеръ сказалъ: „я давно не видалъ Ревеля, тамъ всѣ мои родные, надобно же съ ними когда-нибудь повидаться; туда привезетъ всѣхъ своихъ мой родной Жуковскій; собирайтесь-ка, всѣ мои здѣшніе, въ дорогу; вы всѣ потерпѣли въ прошломъ году, поѣдемъ поглядѣть на Божій свѣтъ, это поразсѣетъ туманъ, лежащій у насъ на душѣ; поѣдемъ всѣ вмѣстѣ на общій семейный конгрессъ въ Ревель, тамъ проведемъ вмѣстѣ все лѣто; я, Мойеръ, буду предводителемъ каравана; моя дочь и ея супругъ [2]) будутъ завѣдывать всѣми экономическими дѣлами путешествія: царицею нашею на время странствія выберемъ Авдотью, а Анна будетъ нашимъ историографомъ. Когда узнаемъ, что наши заграничные спутники тронулись въ путь, и мы тронемся съ мѣста имъ навстрѣчу. Пріѣхавъ въ Ревель, всѣ вмѣстѣ утопимъ въ морѣ прошлыя печали и пропоемъ хоромъ: Тебе, Бога, хвалимъ“.— Какова покажется вамъ эта программа? отвѣчайте. А я васъ мысленно всѣхъ прижимаю къ сердцу, въ которомъ память объ васъ, любящая, вѣрная память си-

---

[1]) Г. Струве, писатель и политическій дѣятель, въ 1848 г. б. членомъ Франкфуртскаго парламента; въ апрѣлѣ этого года стоялъ во главѣ вооруженнаго возстанія въ Баденѣ; повторилъ попытку поднять Баденъ въ сентябрѣ и въ третій разъ—въ маѣ 1849 г.

[2]) В. А. и Е. И. Елагины.

дитъ, какъ птичка на гнѣздѣ, и высиживаетъ безпрестанно живыхъ птенчиковъ. Анна Петровна, пишите ко мнѣ, душа моя. Дуняша милая, напишите. Ваше послѣднее письмо не отвѣтъ на мое. Получили ли вы его? Оно было въ то же время отвѣтомъ и на письмо Кати Елагиной. Всѣ точно такъ же лѣнивы, какъ я. Мы всѣ равно виноваты, слѣдовательно всѣ равно невинны. Анна Петровна, напишите мнѣ что-нибудь о моей Одиссеѣ, о Рустемѣ и проч. Это мои милѣйшія мнѣ дѣти; но я ихъ отправилъ на родину, какъ въ лѣсъ, и никто не скажетъ имъ малѣйшаго привѣта.

XXVI.

(*$^{6}/_{18}$ марта* [1]) *1849 г. Баденъ-Баденъ*).— Благодарствуйте, душа моя Анна Петровна, за милыя и премилыя письма. Въ обоихъ много для меня и для жены моей прелести. Въ послѣднемъ только то дурно, что вы его оканчиваете *тревогою* отъ неполученія письма изъ Одессы, и послѣ уже ничего не пишете, и тѣмъ оставляете меня въ недоумѣніи. Но вотъ нынче пришло письмо отъ Дуняши; она пишетъ, что вы у нея гостили на масленицѣ, слѣдовательно все хорошо — сохрани Богъ васъ, насъ и нашихъ. Я не отвѣчалъ еще на ваше первое письмо, оттого что до окончанія Одиссеи хотѣлъ было отложить попеченіе о всѣхъ письмахъ; но ваше второе письмо подожгло меня сказать вамъ нѣсколько словъ, то-есть сообщить вамъ одну мысль, которая при чтеніи обоихъ писемъ завладѣла моимъ сердцемъ.

Вотъ въ чемъ дѣло: вы такъ мило говорите о нашемъ прошломъ [2]), и такъ мило, просто, правильно и пріятно, и практически правдиво пишете по-русски, что мнѣ живо захотѣлось васъ изъ біографа великихъ мужей древности для дѣтей превратить въ нашего семейнаго біографа. Вы живете такъ тихо, такъ уединенно, и около васъ все наше бывшее (правда, много измѣненное, но тѣни прошедшаго живущее самихъ живыхъ его образовъ). Вы живете тамъ, гдѣ каждая тропинка, каждый уголокъ имѣетъ для васъ знакомое лицо и родной голосъ; вы болѣе, нежели всѣ мы, знаете и помните о томъ, что было, ибо у васъ въ умѣ всегда было болѣе практическаго, нежели у всѣхъ насъ — возьмитесь за перо и запишите все, что вспомните. Не дѣлайте никакого плана. Каждый день что нибудь, какъ придетъ въ мысль и въ сердце. Прошу отъ васъ этого для себя: у меня странная память; въ ней все подъ спудомъ; иногда воспоминанія ясно и живо выскакиваютъ изъ какого-то

---

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ *апрѣля*, но ниже въ текстѣ письма *нынѣшній день* названъ *половиной марта*. Свѣдѣнія, которыя даетъ здѣсь Жук-ій о своемъ переводѣ, сопоставленныя съ собственноручной его табличкой, присланной Зейдлицу (Зейдлицъ, стр. 227), убѣждаютъ, что *апрѣль* въ заголовкѣ есть описка.

[2]) Въ письмѣ отъ 16 января Анна Петровна дала ему свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ лицъ, связанныхъ съ прошлымъ ихъ обоихъ.

закоулка души, провѣютъ, какъ тѣни, мимо внутреннихъ очей и пропадутъ, и все опять смѣшается въ одинъ хаосъ. У васъ, я знаю, въ душѣ прекрасный порядокъ, и вы имѣете даръ все просто и точно высказывать, такъ что простая истина имѣетъ что-то поэтическое. Однимъ словомъ, скорѣе, скорѣе возьмитесь за перо и возвратите себѣ и мнѣ наше прошедшее; меня эта мысль такъ плѣняетъ, что сердце бьется и боюсь, что вы заупрямитесь.

Я бы на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ такъ: сперва просто написалъ бы хронологическій, табеллярный порядокъ всѣхъ главныхъ событій, по годамъ, какъ вспомнится. Потомъ сдѣлалъ бы роспись всѣхъ лицъ, намъ знакомыхъ (отъ моего Максима до Императрицы). Имѣя эти двѣ росписи, каждый бы день бралъ изъ нихъ какой-нибудь предметъ для описанія; не подчиняя себя никакому плану, а такъ, на волю Божію, на произволъ сердца, на вдохновеніе минуты. Какое было бы это занятіе, полное, животворное, воскресительное для прошедшаго, живительное для настоящаго и приготовительное для здѣшняго и загробнаго будущаго — для васъ, моя милая, для васъ, живущихъ надъ нашею колыбелью, недалеко отъ гробницъ нашихъ *прежнихъ*, въ виду нашей церкви и (helas! тысячу разъ helas!) недалеко отъ тѣхъ кучекъ, которыя означаютъ фундаментъ разломаннаго нашего дома. Не понимаю, какъ еще доселѣ эта мысль не пришла вамъ сама въ голову! Что бы ужъ было написано, если бы вы давно принялись за это? Боюсь, что вы полѣнитесь! У васъ же теперь Петерсонъ [1]). Онъ могъ бы быть вашимъ секретаремъ! вы бы могли ему диктовать. Да и могъ бы онъ тотчасъ переписывать для меня. Ну! помоги вамъ Богъ. Надѣюсь, что моя мысль зажгетъ ваши; сами тогда увидите, какъ населится ваше уединеніе.

Теперь нѣсколько словъ о себѣ. Я запрегъ тройку Пегасовъ въ русскую телѣгу, посадилъ на козлы Гомера и скачу во всю Аполлоновскую съ Одиссеею. Ужъ теперь подъѣхалъ къ XX станціи, Пегасовъ кормятъ; послѣзавтра доѣду до XXI. Говоря по-русски: съ 27 н. с. октября мѣсяца я принялся за вторую часть Одиссеи — и до нынѣшняго дня, то-есть до половины марта (переводилъ же всего-на-всего 65 дней) отдѣлалъ на-чисто VII пѣсней, работа льется, какъ по маслу; типографія у меня сбоку; корректуръ могу дѣлать сколько хочу, а въ корректурѣ поправляется гораздо лучше, нежели въ рукописи; и надѣюсь (если Богъ дастъ, что буду самъ здоровъ и всѣ мои), что все кончится и отпечатается къ половинѣ апрѣля — новаго стиля. Никогда я еще такъ свѣжо и живо не писалъ. Вторая часть, думаю, будетъ лучше первой; но для перевода она труднѣе, ибо все мелкія, прелестныя подробности, которыхъ нельзя потерять ни одной, но которыя тогда только сохраняютъ свою прелесть, когда бываютъ выражены легко, безъ на-

---

[1]) А. П. Петерсонъ, побочный сынъ П. И. Юшкова, жившій въ то время съ Анной Петровной въ Мишенскомъ.

тяжки, простымъ, обыкновеннымъ, но поэтическимъ языкомъ, безъ всякихъ вставокъ, вынуждаемыхъ мѣрою, съ полнымъ сохраненіемъ языка собственнаго и съ сбереженіемъ всей физіономіи языка оригинальнаго, такъ чтобы это *чужое* было замѣтно, какъ *природное*, но было чистое выраженіе природнаго, а не кривляніе. Меня весьма порадовало то, что пишетъ Стурдза о переводѣ моемъ къ Северину: мнѣніе Стурдзы для меня составляетъ (относительно искусства) всю литературную публику. Еще пишетъ ко мнѣ изъ Берлина Фарнгагенъ (знатокъ греческаго и русскаго языковъ и теперь одинъ изъ почетныхъ критиковъ Германіи), что онъ находитъ, что мой переводъ, изъ всѣхъ ему извѣстныхъ, не выключая и Фоссова, самый ближайшій къ оригиналу. Пишу это вамъ не изъ хвастовства, а только потому, что мнѣ это любо: дать Россіи Гомера живьемъ великая радость. Меня не забудутъ, и будутъ обо мнѣ вспоминать именно въ минуты чистѣйшаго поэтическаго наслажденія; моимъ дѣтямъ весело будетъ читать Одиссею... Но довольно, я заговорился.

Нѣтъ, еще слово о вашей критикѣ. Одно вы навели на меня сомнѣніе. *Птенцы*—вы говорите, что это слово значитъ *птички;* я видѣлъ въ немъ *питомцевъ*. Не знаю, правъ ли я. Лексикона академическаго у меня нѣтъ. Если ошибся, послѣ поправлю. О *реяхъ* говорить нечего. *Яркій* ячмень я употребилъ въ смыслѣ блестящаго, какъ у Гомера; не знаю, хорошо ли выраженіе, и готовъ согласиться на *крупный*, но это уже должно остаться до второго изданія. За *милое сердце* крѣпко вступаюсь и никакъ не не соглашусь его превратить ни въ *ретивое,* ни въ *сердечушко:* я сохранилъ это выраженіе, какъ *гомерическое*, оно именно потому и прилично, что имѣетъ этотъ локальный характеръ. Оно входитъ въ разрядъ многихъ оборотовъ, которые чисто греческіе, но могутъ легко быть нами присвоены, потому что уже ими овладѣлъ славянскій переводъ Евангелія, напримѣръ: *говоря сказалъ*, и тому подобное. Ретивое сердце употребить нельзя: слишкомъ по-русски. Я употребляю многія наши народныя поговорки (напр. *милости просимъ*) но такія, которыя *не* исключительно намъ принадлежатъ, а составляютъ общее, простодушное, всѣмъ народамъ принадлежащее.—Вы смѣшны, душа моя, извиняясь передо мною въ вашей дерзости критиковать меня. Вы, напримѣръ, такъ меня похвалили, какъ никто похвалить не можетъ; если тѣ замѣчанія, которыя вы сдѣлали, составляютъ *итогъ всего*, что *можно* замѣтить, то мое твореніе совершенно. Полдюжины выраженій въ 6000 стиховъ! Господи, помилуй! Да это такая багатель, такой антраша, что хоть на стѣну лѣзь отъ радости. Послѣ ученыхъ, отчетливыхъ критикъ Стурдзы и Фарнгагена — скажу вамъ безъ всякихъ маскарадныхъ, хвалебныхъ закорючекъ -- для меня всѣхъ прочихъ критиковъ дороже ваше мнѣніе и моей милой Авдотьи Петровны. У васъ чудное чутье русскаго языка, у нея чудное чутье поэзіи, да и по-русски пишетъ она, какъ никто,—именно той поэзіи,

которая заключается въ томъ *je ne sais quoi*, которое всюду и нигдѣ; такъ что, слив васъ двухъ въ одно, я могу имѣть полную критику, лучшую оцѣнку прекраснаго и глубокое понятіе о не прекрасномъ, и все это не въ угожденіе авторскаго самолюбія (котораго во мнѣ теперь совсѣмъ нѣтъ), а какъ дѣлежъ того, что мило душѣ, съ родными душами. Жалѣю, что нѣтъ для меня суда Пушкина: въ немъ жило поэтическое откровеніе. Вотъ почему и весело бы было для меня, несказанно весело, если бы вы обѣ, мои соколыбельницы, вы и Дуняша, поболѣе разболтались со мной о моей милой Одиссеѣ, которую теперь записываю при шумѣ дѣтей моихъ, около меня прекрасно играющихъ, и въ виду ихъ матери, которая однако ее читать не можетъ и которую въ этомъ отношеніи вы обѣ для меня замѣняете. При семъ письмо отъ жены и мой портретъ, нарисованный вчера моею дочкою Александрою Васильевною.

Здѣсь Жук—ій отвѣчаетъ на письмо Анны Петровны отъ 1 февраля, гдѣ она, между прочимъ дѣлала замѣчанія на Одиссею. Приводимъ эту часть ея письма:

„Мнѣ кажется, надобно было сказать *ярымъ ячменемъ* и *ярая пшеница*. Т.-е. не свѣтлымъ (яркимъ), а яровымъ, посѣяннымъ весною. Ибо, хотя вы и не занимаетесь хлѣбопашествомъ, но знаете, что хлѣбъ сѣютъ озимый и яровой, и этотъ яровой хлѣбъ въ нашихъ старинныхъ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ называется *ярымъ*. Но ячмень бываетъ всегда ярый, а пшеница бываетъ и озимая, слѣдственно во второмъ изданіи, мнѣ кажется, пшеницу должно назвать *ярою*, а ячмень пусть будетъ *крупный*. Страница 125, стихъ 335: „У великаго льва въ логовищѣ лань однодневныхъ сосущихъ *птенцовъ* положила". Я не знаю, какъ по-русски называются дѣтеныши лани, только конечно уже не птенцами! Птенцы это — птицы, птичьи дѣти. На стр. 139, въ стихѣ 538 въ первый разъ встрѣчается: „и во мнѣ растерзалось *милое сердце*".—Мнѣ какъ-то этотъ эпитетъ *милаго* сердца, относящагося къ самому себѣ, кажется неприличнымъ. Можетъ статься, нашъ нѣмецъ Эллинистъ не могъ иначе выразить эллинскаго слова по-нѣмецки, какъ *mein liebes Herz*; но по-нѣмецки это возможно, терпимо, а по-русски если не *бѣдное* сердце, то не лучше ли *ретивое*, или *сердечушко*?"

Наконецъ, въ послѣднемъ пунктѣ она замѣчаетъ, что въ Одиссеѣ всюду употребляется корабельный терминъ *рашна* вмѣсто *рея*, тогда какъ на югѣ, у Чернаго моря, рашнами зовутъ пирамидальные тополя; въ словарѣ она, впрочемъ, нашла и рапну въ смыслѣ морского термина.

Всѣ эти замѣчанія мы сочли не лишенными интереса, потому что Жук—ій относился къ нимъ очень внимательно и нѣкоторыми изъ нихъ рѣшилъ воспользоваться при второмъ изданіи. Прибавимъ, что тѣмъ не менѣе въ Одиссеѣ до сихъ поръ остались *птенцы лани* и *яркій ячмень*.

XXVII.

(*30 сентября / 11 октября 1850 г.*) — Благодарю васъ, милая Анна Петровна, за послѣднее письмо ваше, прекрасное продолженіе прежнихъ, и снова убѣдительно прошу продолжать, продолжать и продолжать [1]). При чтеніи этихъ писемъ прошедшее живое выходитъ изъ темной могилы моей памяти.—нѣтъ! слово *могила* тутъ не у мѣста, а просто изъ кладовой,

[1]) Этихъ писемъ, гдѣ Анна Петровна передавала свои воспоминанія, не сохранилось; но мы знаемъ, что она еще при жизни поэта напечатала кое что объ его дѣтствѣ (Москвитянинъ 1849, май). Другая, болѣе полная и обильная фактами редакція этихъ воспоминаній, изложенная въ видѣ письма къ кн. Вяземскому, была использована Зейдлицемъ и потомъ напечатана цѣликомъ въ журн. Русская Мысль (1883 г., февраль).

въ которой все складено въ порядкѣ, но дверь ея заперта, ключъ потерянъ, а регистръ вещамъ не сдѣланъ. Вотъ почему и хорошо я сдѣлалъ, что обратился къ вамъ: у васъ свой ключъ, ваши пожитки лежатъ вмѣстѣ съ моими; перебирая свои, вы пересматриваете и мои; и такимъ образомъ я снова владѣю моимъ давнишнимъ богатствомъ, которое было подъ замкомъ и если не потеряно, то не употребительно. Я думаю, вы теперь сами благодарите меня за то, что мнѣ вздумалось сдѣлать васъ анналистомъ нашего общаго прошедшаго. Здѣсь я думалъ не о сочиненіи въ родѣ обыкновенныхъ мемуаровъ нашего времени, которыхъ авторы болѣе или менѣе жеманятся передъ собою, чтобъ передать жеманные портреты своимъ современникамъ и потомству; мнѣ хотѣлось просто пожить въ нашемъ общемъ прошедшемъ, которое рѣзкою чертою отдѣлено и отъ моей теперешней семейной. Кто возобновитъ во мнѣ воспоминанія о моихъ подвигахъ съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ сторону моего дѣтства и юношества? Для семейной жизни жена можетъ быть вѣрнымъ біографомъ: у нея память крѣпкая. Но средній періодъ жизни моей для меня въ глубокомъ туманѣ. Я вамъ разскажу анекдотъ о моей памяти, недавно случившійся: на сихъ дняхъ я нашелъ здѣсь въ книжной лавкѣ русскую грамматику, сочиненную какимъ то Іюліусомъ Корнстомъ и напечатанную въ Лейпцигѣ. Послѣднюю половину ея составляетъ выборъ образцовъ въ стихахъ и прозѣ изъ писателей русскихъ. Изъ меня взята часть *Пѣвца во станѣ* для стиховъ. Когда я началъ пересматривать отдѣленіе прозы, нахожу и мое имя, читаю статью и не знаю, что такое; наконецъ узнаю свое письмо о Бородинскомъ праздникѣ въ 1839 г., котораго я былъ свидѣтелемъ. Я такъ забылъ о немъ, что вовсе не зналъ, писалъ ли его, и теперь не могу вспомнить, къ кому писалъ и гдѣ оно напечатано. Не знаете ли вы объ этомъ письмѣ? Я радъ, что оно мнѣ попалось въ руки; я внесу его въ изданіе сочиненій моихъ, ибо описаніе живо, горячо и вѣрно. Но какова память? [1])

Вотъ вамъ клочекъ изъ теперешней моей исторіи. Я собрался было въ Россію и уже мнѣ нанимали въ Дерптѣ домъ, а я не поѣхалъ, и теперь этому радуюсь; женѣ сдѣлали пользу рѣшительную *сто* сильныхъ душъ и ей будетъ спасительно остаться въ продолженіи зимы на рукахъ Гугерта. Потомъ я собрался было съѣздить въ Варшаву, дабы тамъ увидѣть Императрицу: и это не удалось. Гугертъ мнѣ запретилъ. Погода у насъ стоитъ премерзкая, дождь, дождь и дождь. Постараюсь воспользоваться Баденскимъ уединеніемъ. Теперь у меня начнется главное мое дѣло: ученіе дѣтей, пока одной Саши. Учу ее по русски и счету, который въ тоже время есть и практическая логика. Этотъ трудъ имѣетъ для меня прелесть несказанную. Я составилъ особеннаго рода живописную азбуку,

[1]) Письмо о Бородинской годовщинѣ было писано къ Вел. Кн. Маріи Николаевнѣ; объ этомъ случаѣ забвенія Жук. писалъ тогда же и Плетневу (см. Плетневъ, 104—105).

для которой самъ нарисовалъ около 500 фигуръ, которая въ одно время легкимъ образомъ выучиваетъ читать и писать и удерживать въ памяти выученное. Теперь составляю *наглядную* (anschaulich) ариѳметику, таблицы и карты для священной исторіи и атласъ всемірной исторіи, по особенной методѣ, которая будетъ въ своемъ родѣ нѣчто весьма оригинальное, практическое не для однихъ дѣтей, но и для взрослыхъ. Постараюсь кончить въ Баденѣ часть древней исторіи этого атласа. Дай Богъ жизни! Мой трудъ для моихъ дѣтей, если Богъ позволитъ кончить его, можетъ со временемъ быть полезенъ и всѣмъ въ домашнемъ воспитаніи; онъ обхватитъ систематически весь кругъ свѣдѣній, которыя нужно имѣть: мальчикамъ для вступленія въ гимназію, а дѣвочкамъ для продолженія своего образованія чтеніемъ и собственнымъ занятіемъ.—Теперь кругъ занятій очень тѣсенъ и я не намѣренъ спѣшить. Въ теперешнія лѣта нужно одно для дѣтей: здоровье, веселость, привычка къ покорности; что же касается до ученія, то главная нужда не въ пріобрѣтеніи знаній, а въ упражненіи ума, въ его гимнастикѣ; это должно быть предметомъ первыхъ уроковъ; послѣ дѣло пойдетъ скорѣе, вѣрнѣе и успѣшнѣй. Но въ христіанскомъ образованіи не надобно терять времени. И здѣсь должно крайне беречься всякаго педантическаго наставленія. Но святыя повѣсти Библіи принадлежатъ младенчеству, онѣ должны слиться съ нашей душею въ веснѣ ея жизни, когда она такъ воспріимчива. Говорю объ однѣхъ *повѣстяхъ* библейскихъ, объ однихъ чистыхъ *фактахъ*, составляющихъ матеріальный фундаментъ христіанства; о фактахъ безъ всякаго нравственнаго толкованія, которое въ нихъ само собою заключается, какъ запахъ въ цвѣтахъ.—Это занятіе у насъ принадлежитъ воскресенью. Жена разсказываетъ, а на другой день я повторяю разсказанное. Экзаменую, показываю картинки, принадлежащія къ разсказанному наканунѣ, и указываю, что нужно, на картѣ: такимъ образомъ съ ходомъ священныхъ событій развивается сама собою и географія: мы знаемъ теперь тѣ мѣста на землѣ, гдѣ былъ рай, гдѣ былъ Араратъ, откуда разошлись народы, гдѣ прежде и нынѣ жилъ Авраамъ, и теперь вмѣстѣ съ облакомъ и пламеннымъ столпомъ путешествуемъ по пустынѣ. Видите ли, что у меня дѣла много. Сверхъ этого главнаго труда есть еще и два другихъ, огромныхъ, о которыхъ говорить не буду, дабы не поступить, какъ оная гордоболтливая госпожа синица, которая летала зажигать море и не сподобилась зажечь онаго.—Желалъ бы имѣть втрое болѣе времени и втрое или хоть вдвое менѣе лѣтъ на плечахъ. Но Богъ поможетъ, если Ему угодно, чтобы намѣренія мои были исполнены. Преданіе себя въ Его волю есть тоже, что сладкій сонъ въ колыбели, съ живымъ чувствомъ безопасности. Допусти Господи до несказаннаго счастія сдѣлаться подобнымъ спящимъ младенцемъ!— Простите. Зная, что теперь я долженъ дорожить всякою минутою, не сѣтуйте, если буду писать къ вамъ мало; но сами пишите, какъ на-

чали; ваши письма удивительную имѣютъ привлекательность, отъ нихъ вѣетъ воздухомъ родины и молодости. Когда, со временемъ, будетъ промежутокъ отъ дѣла въ работахъ моихъ, перечитаю всѣ письма сряду и напишу свои къ нимъ дополненія.

Жена васъ обнимаетъ.

XXVIII.

(*8 апрѣля 1851 г.*)—Милая Анна Петровна, Христосъ воскресе! Воображаю, съ какимъ чувствомъ встрѣтили вы этотъ праздникъ *одна* въ той церкви, гдѣ мы нѣкогда были всѣ вмѣстѣ на лицо и теперь такъ разбросаны на землѣ и подъ землею. Но *Христосъ воскресе* — на все отвѣтъ! Цѣлую васъ заочно. Скажите однако, отчего вы замолчали? Я, кажется, предувѣдомилъ васъ, что въ послѣднее время моего здѣсь пребыванія буду писать рѣже прежняго и однѣ записочки. Слѣдственно вы не должны болѣе прежняго сѣтовать на мое молчаніе и не должны за него наказывать меня вашимъ, тогда какъ ваши письма такъ несказанно для меня усладительны. Послѣ каждаго остается во мнѣ дня на два безпрестанное чувство родины: музыка прошедшаго отзывается въ сердцѣ. Какъ многое для меня трогательно; особливо всѣ воспоминанія о бабушкѣ [1]). Она такъ меня любила! Обѣщаю вамъ написать длинное письмо въ отвѣтъ на всѣ письма вмѣстѣ; и откладываю это не отъ лѣни, а просто отъ того, что мнѣ нѣтъ возможности приняться за такое письмо, которое возьметъ много времени и которое не захочется оставить, коли разъ за него примешься: величайшимъ будетъ для меня наслажденіемъ перечитывать письма ваши сразу; и такъ, пишите, милая. — Авдотья Петровна сообщитъ вамъ манускриптъ моей прозы, который она должна получить отъ Плетнева [2]). Прочитайте. А я оставлю Баденъ въ концѣ іюня н. с.; по этому распоряжайтесь и съ вашими письмами. Послѣ десятаго іюня с. с. уже не пишите ко мнѣ. Въ сентябрѣ увидимся въ Москвѣ. Благоволи это счастіе дать мнѣ Господь Богъ. Обнимаю васъ.

XXIX.

(*15 апрѣля 1851 г.*) — Вотъ вамъ еще записочка, милая Анна Петровна, вслѣдъ за послѣднею, которая была написана въ самое Свѣтлое Воскресенье. Эта записочка отвѣчаетъ на ваше послѣднее— длинное и по обыкновенію милое письмо. Оно меня особенно порадовало тѣмъ, что вы объявляете мнѣ въ немъ объ окончательномъ устройствѣ дѣлъ вашихъ. Это не со многими случается на Руси. Но

---

[1]) М. Г. Буниной.

[2]) См. въ примѣчаніяхъ къ перепискѣ съ Елагиной, стр. 82.

прошу васъ продолжать получать по прежнему вашъ пенсіонъ; я ни-
какъ не соглашусь на то, чтобы вы его мнѣ возвратили; я радъ, что
онъ помогъ вамъ привести въ порядокъ денежныя ваши обстоятель-
ства; пускай онъ и продолжаетъ вамъ служить вѣрою и правдою, какъ
служилъ до сихъ поръ. Чтобы сдѣлать однако его вамъ пріятнѣе, могу
устроить слѣдующее постановленіе: употребляйте его, безъ всякой
оглядки, на свои нужды, что же останется сверхъ годового расхода,
то откладывайте про себя, съ тѣмъ, чтобы все накопленное осталось
послѣ васъ моей дочери; но въ тоже время и съ тѣмъ, чтобы все,
что накопилось въ теченіи времени, могло быть безъ всякой оглядки
употреблено вами самими на вашу собственную нужду [1]). Такимъ обра-
зомъ не обязывая себя ничѣмъ, вы дадите этому мизерному доходу
нѣкоторое особенное значеніе, которое конечно будетъ вамъ по сердцу.
Жду отъ васъ продолженія нашей общей лѣтописи. Вы описали въ
одномъ изъ послѣднихъ вашихъ писемъ непріязнь ко мнѣ Филиппа
Гавриловича [2]). Я помню, какъ онъ запретилъ мнѣ ходить въ училище,
но совсѣмъ не помню, что было причиною его ко мнѣ непріязни.
Весьма будетъ мнѣ весело, когда начну перечитывать съ перомъ въ
рукахъ ваши письма и вставлять въ нихъ заплаты моихъ собственныхъ
воспоминаній, которыя пробуждаются отъ вашихъ. Простите. До сви-
данія въ Москвѣ. Какъ все трогательно, что вы говорите о Ек. Ав.
Ея старость была умилительнымъ смиреніемъ. Отъ Саши и Маши [3])
я не имѣю и тѣни извѣстій.

XXX.

(Апрѣль — май 1851 г.) — Милая Анна Петровна, сію минуту
получилъ ваше послѣднее письмо, прочиталъ его и тотчасъ отвѣчаю.
Оно заставило меня плакать, такъ живо и такъ много милыхъ тѣней
встало изъ глубины прошедшаго передъ глазами моими. Вы описали
въ этомъ письмѣ тѣ дни, въ которые меня уже не было съ вами. И какіе
дни! Какъ они мнѣ напомнили нашихъ милыхъ матерей! Когда огля-
нешься на жизнь тѣхъ, которые были наши спутники и хранители въ
нашемъ дѣтствѣ, какъ много трагическаго напомнится намъ въ судьбѣ
ихъ! Наша жизнь прошла тише и безтревожнѣе. Ей (Варв. Афанас.
Юшковой) было только 28 лѣтъ, когда она кончила жизнь свою; она
имѣла много геніальности; и какъ много вытерпѣла въ эти немногіе
годы жизни. Я былъ ничтожный 14-лѣтній мальчишка, когда ея не
стало. И часто, когда думаю объ ней, мнѣ становится жаль, что мы
не пожили другъ съ другомъ. Оба бы живое приняла участіе въ судьбѣ

---

[1]) Въ октябрѣ того же года Зонтагъ писала Жук—му, что ею положено въ Одес-
скій банкъ 100 р. на имя „дѣвицы Александры Васильевны Жуковской“.
[2]) Рѣчь идетъ о *Θеофилактѣ* Гавр. Покровскомъ.
[3]) Воейковыхъ.

юей. Въ ней было много поэтическаго. Все, выходящее изъ низшаго орядка жизни, ее интересовало. Въ ней таилось много неразвитыхъ алантовъ. Это меня поражало тогда при всей моей необразованности. І теперь еще помню, какъ она умѣла привлекательно разсказывать. Однажды она разсказала бабушкѣ романъ Simple Histoire, самый трудный для разсказа; я и теперь помню, что разсказъ былъ лучше оригинала, который превосходенъ, одинъ изъ лучшихъ романовъ старыхъ новыхъ. Многое, что мнѣ особенно понравилось въ ея разсказѣ, было придумано ею. Въ вашемъ письмѣ описано именно то, что мнѣ о сихъ поръ было неизвѣстно: обстоятельства ея кончины. Какъ трогательно!

Изъ постороннихъ лицъ этого времени самое памятное и любезное для меня есть лицо Болотова. Съ той поры я съ нимъ не встрѣчался. Разъ только видѣлъ его мелькомъ въ Москвѣ: онъ ѣхалъ въ наемной каретѣ извощичьей и держалъ въ рукѣ планъ Москвы, по которому, вѣроятно, отыскивалъ нужную ему улицу. Въ то время, когда онъ посѣщалъ насъ въ Тулѣ, онъ былъ мнѣ самый привлекательный человѣкъ и сильно на меня дѣйствовалъ своею многосторонностью. — Я къ вамъ недавно написалъ записочку, въ самый день праздника. Самъ стоитъ, когда вѣроятно буду въ Москву,—въ сентябрѣ до начала октября. Пишите.

Письмо безъ даты; время опредѣлено по упоминанію о *недавней* записочкѣ, посланной въ день Пасхи (8 апрѣля). — Здѣсь интересно указаніе на вліяніе личности Болотова. Въ своихъ Запискахъ Болотовъ не разъ говоритъ объ Юшковыхъ.

Авторъ романа Simple Histoire—англійская писательница E. Inchbald (1753-1821); романъ вышелъ въ 90-годахъ 18-го в. и тогда же былъ переведенъ на французскій яз. тёткиимъ Deschamps; онъ пользовался большимъ успѣхомъ.

II.

Письма М. А. Мойеръ.

I.

А. П. Кирѣевской.

(10 февраля 1815 г. Дорпатъ [1]*).*

Das *dort* ist nun *hier* geworden!...

(14 февраля). — Бѣдная твоя Машка не имѣла минуты къ тебѣ писать (на листочкахъ, а не въ красной книгѣ). Мы до сихъ поръ жили на постояломъ дворѣ, въ одной комнатѣ, и гадко. Вчера мы переѣхали въ свой домъ, который свѣтелъ, теплъ и хорошъ, но завалены книгами, мебелью, посудой и, однимъ словомъ, теперь такой же хаосъ *здѣсь*, какой былъ въ Муратовѣ. Теперь скажу, что успѣю; подробности находятся въ книгѣ. Мы пріѣхали 10 числа и тотчасъ явился къ намъ одинъ нѣмецъ, который повелъ Воейкова искать нашъ обозъ и квартиру. Ректоръ [2]) безъ насъ сдѣлалъ намъ кучу одолженій; мы 11 числа (мой *милый* праздникъ) познакомились съ нимъ и съ женой его, и вообрази... отгадай, что случилось! Пришли вчера всѣ профессора платить Воейкову визиты, а намъ принесли билеты въ *концертъ*, который даютъ они и студенты всякую недѣлю. Мы и ѣздили (въ казенной университетской каретѣ, на казенныхъ лошадяхъ и на казенный коштъ). Ne riez donc pas si haut! Милая ректорша пріѣхала за нами; я надѣялась найти тамъ что-нибудь очень странное—но вообрази: 700 человѣкъ, одинъ одѣтъ лучше другого, всѣ женщины красавицы, зала какъ Московская, музыка прелестная, и виртуозъ *Мойеръ*, который, Дуняша... будетъ меня учить! Еще слушай! славный живописецъ *Зенфъ*, который рисуетъ масляными, гуашными и на

---

[1]) Въ Уткинскомъ архивѣ хранятся письма Маріи Андреевны начиная съ 1806 г. Мы ограничились письмами наиболѣе важнаго, Дерптскаго періода ея жизни. Свадьба сестры и переселеніе въ Дерптъ провели рѣзкую черту въ судьбѣ М. А.; тутъ раскрылся (и очень быстро) въ истинномъ свѣтѣ характеръ Воейкова, во многомъ опредѣлявшій собою ходъ событій; тутъ нашла себѣ завершеніе исторія любви Жуковскаго; здѣсь прошли послѣдніе годы М. А.—Ранними ея письмами мы пользовались для ея характеристики въ предисловіи.

[2]) Ректоромъ тогда былъ Фридрихъ Рамбахъ, писатель; его драмы и романы выходили подъ псевдонимомъ Оттокара Штурма.

кости. будетъ насъ учить! Еще славный арфистъ *Фрике* будетъ меня учить! Дунька моя! а тебя здѣсь нѣтъ! о, Боже мой! если бы ты знала, какъ я васъ люблю. Въ Петрушкины [1]) родины я была у обѣдни, но не знаю, больше ли обыкновеннаго за васъ молилась. Дуньки, наши дѣти будутъ такіе, какъ ты! Послушай, они всегда будутъ любить меня! мы не розно!

Здѣсь народъ очень смѣшонъ, всѣ чухны бѣлокурые или рыжіе и всѣ ходятъ съ длинными, распущенными волосами; извощики и всѣ вообще ѣздятъ съ 10 колокольчиками на каждой лошади, и это такой дѣлаетъ смѣшной стукъ! Эстляндскій языкъ не похожъ ни на нѣмецкій, ни на русскій, и мы наняли себѣ прачку переводчицу. Посылаю тебѣ здѣшнихъ денегъ. Профессора поступили съ нами не по-нѣмецки: вообрази, что они *приплели* Воейкова взять 500 руб. на квартиру, 800 руб. за вояжъ и все жалованье съ мая мѣсяца. Ректоръ Рамбахъ—прелестный старичокъ. Посылаю роспись всѣхъ ихъ.

Насъ звали сегодня на вечеръ къ ректоршѣ, гдѣ будутъ всѣ профессорши. Прощай, моя душка! цѣлую тебя—Богъ съ вами. A propos: знаешь ли, журналъ лучше писать на feuilles volantes, по-немножку. Какъ велишь?

Милыя сеструшки и добрые братишки, здравствуйте! Bonne amie Anette [2]), vous m'écrivez beaucoup! Знаешь, ты должна писать по двумъ причинамъ: первое для того, чтобы много утѣшить Машу, а второе для того, чтобы поучить ее писать; ты одна не знаешь, какъ твои письма хороши. Спроси у Дуняши, какъ мы вмѣстѣ перечитывали и удивлялись каждому. Bonnes et chères amies! сердце бьется, когда объ васъ думаешь. Като [3]), милая, Богъ съ тобой! что то ты, моя голубушка!

Милую Нат. Андр. цѣлую, а она поцѣлуетъ обоихъ братьевъ [4]) (если Като позволитъ).

Ребятишки мои, любите Машу, я васъ теперь больше люблю.—Дуняша, пришли мнѣ мой альбомчикъ,—право, я разсержусь.—Я забыла у васъ видъ Муратова, рисованный Анной Ив. [5]); пришлите, пожалуйста.

Анета, скажи Соковнину [6]), что отъ Новгорода до Пскова все болота, и дичи столько, что здѣсь она задаромъ. Ему бы не скучно было осенью до насъ доѣхать. А здѣсь какая музыка!

Молодые супруги Воейковы и М. А. съ матерью уѣхали въ Дерптъ изъ Москвы около 1 февраля, оставивъ Жук—аго въ Москвѣ (онъ пріѣхалъ къ нимъ около 13 марта). Отношенія съ Воейковымъ были, очевидно, еще мирныя: сохранился лоскутокъ бумаги

[1]) П. В. Кирѣевскаго.
[2]) А. И. Юшкова.
[3]) Ек. Петр. Азбукина.
[4]) Н. А. Азбукина и его два брата—В. А. Азбукинъ и В. А. Проташинскій.
[5]) Плещеевой.
[6]) С. М. Соковнинъ, пансіонскій товарищъ Жук—аго.

съ помѣтой: Москва, 28 января 1815 г., гдѣ Воейковъ написалъ Марьѣ Андреевнѣ четверостишіе:

Въ тебѣ прелестенъ умъ, любезность, дарованья;
Но зависть противъ нихъ шипитъ;
Увидя-жъ скромныя твои благодѣянья,
И зависть самая молчитъ.

Но уже въ слѣдующемъ письмѣ Марьи Андреевны начинаются сѣтованія на Воейкова.

Журналъ [1]).

(23 февраля).— Послушай — faites semblant de m'écouter, je m'en vais vous parler: il y a ici un monsieur [2]), qui a commencé à venir bien souvent chez nous, il parle très peu avec moi, tous les compliments qu'il veut me dire s'adressent à maman, on admire tout ce que je fais, il aime tout ce que j'aime, et puis des demis - mots, des choses à double sens, enfin il ne manque que (*одно слово неразборчиво*) tout cela me pèse d'une manière terrible! — Avant-hier encore, je le trouvais très bien, ayant de l'esprit et des qualités éstimables, aujourd'hui *мнѣ скучно!* il faut qu'il soit ce qu'il doit être — et je ne manquerai pas de le lui faire sentir. — Il faut surtout ne plus le voir, et grâce à ma bonne maman, et au bon Woey. je puis ne plus quitter ma chambre. L'église et ma chambre: voila deux réfuges. Comme il aime Woey.! ходитъ на лекціи, слушаетъ стихи, заставляетъ читать безпрестанно—однимъ словомъ: *мнѣ скучно!* Où est donc le poëme sur la conversation? спиши мнѣ ее. Завтра будутъ къ намъ въ 11 часу— я буду въ церкви; будутъ ужинать—у меня крайнія дѣла: письма писать. Къ кому? Конечно не къ тому, кому *они* нужны, но къ тому, съ кѣмъ мнѣ нужно говорить, къ Авд. Петр.

(24 февраля).— Я не сержусь больше — но мнѣ грустно. Дуняша! какъ бы я обняла тебя теперь! какъ бы хотѣлось прижаться къ моему другу. — Ces Messieurs sont arrivés, il est midi, on prend du café, et moi—je suis auprès de mon cher bureau, je t'écris, je les entends rire, moi je voudrai pleurer, mais je suis heureuse comme une reine! Il fait si crotté que je ne puis aller à l'église, et tant mieux!

---

[1]) При разлукѣ М. А. дала обѣщаніе своему лучшему другу, А. П. Кирѣевской, не только писать по почтѣ, но и вести откровенный дневникъ „въ красной книгѣ“ или на *feuilles volantes*, о которыхъ упоминается въ первомъ письмѣ. Этотъ дневникъ или журналъ долженъ былъ ради полной непринужденности избѣгнуть даже дружеской семейной цензуры (по тогдашней привычкѣ переписка каждаго члена семьи была общимъ достояніемъ и даже письма Жук—аго, пришедшія въ его отсутствіе, иногда прочитывались въ семьѣ Протасовыхъ); Авд. Петр. могла познакомиться съ нимъ лишь при случайной оказіи—какой-нибудь посылкѣ—или же при свиданіи. Помѣщенный здѣсь *журналъ* писанъ на нѣсколькихъ отдѣльныхъ почтовыхъ полулистахъ (feuilles volantes). Онъ хорошо передаетъ настроеніе Маріи Андревны въ первое время деритской жизни и обстановку, въ которую она попала; здѣсь же видны попытки Воейкова навязать ей *партію* и первое недовольство имъ: М. А. уже начинаетъ разгадывать его характеръ.

[2]) Генералъ Красовскій.

j'aurai pu les rencontrer — ici, mes pensées et mes occupations sont bonnes aussi. Ah, si j'avais une lettre de toi! Какъ бы оно меня освѣжило! Ты все меня много, очень много любишь, я увѣрена, и сохрани Господи когда-нибудь въ этомъ усумниться. Но ты не отгадаешь меня издали! Il faut être présente! Виновата, Дуняша! но у меня туманъ на сердцѣ!

Я заглянула въ Eugène de Rothelin: помнишь ли, когда Athenaïs въ другой разъ играла на арфѣ и пѣла: ce sentiment le bonheur de ma vie, и бабушка сказала ей: „Vous pouvez chanter *bonheur* ou *malheur* alternativement, la mesure du vers est la même". Elle répondit: „ah, c'est comme la vie elle même, malheur ou bonheur, la mesure des jours est égale aussi". Comme ce mot est touchant! Davon ein ander Mal!

(26 февраля).— Je t'ai parlé de mes inquiétudes, il faut bien que je te parle de ma joie: je suis tout-à-fait tranquille à présent, et bien persuadée que M-r Кр. ne pense pas plus à moi, qu'à toutes celles et à tous ceux qui parlent le russe. Mais ce qui me fait plus de plaisir encore, c'est qu'il est parti pour Pernov. Il revient le carême—je ferai mes dévotions—et je ne crains plus rien! О, Дунька! зачѣмъ тебя нѣтъ! какъ ты мнѣ дорога. Сегодня суббота, послали на почту, а у меня сердце бьется! Je suis bien contente de mon genre de vie, je suis continuellement occupée, je ne perds pas une minute, et j'attends du bien de mon avenir.—Почто-жъ унываетъ такъ сердце тоской! Harre, dulde, hoffe,— und erwarte die Erfüllung, da wo sie bloss von einem guten Vater abhängt! traue auf Ihm, er wird dich retten! Er allein!

(Minuit).— Слушай смѣшную вещь. Крас. написалъ прощальное письмо и велѣлъ сказать, что не будетъ. Петерсонъ смотритъ, какое вліяніе это будетъ имѣть на собраніе — но мы не догадались упасть въ обморокъ. Разговоры продолжались такъ же весело... дверь скрипитъ—Красовскій. — „Не могъ проѣхать мимо, хотѣлъ взглянуть на Воейк." — Ахъ, какъ милъ! —„Былъ въ сосѣдствѣ на крестинахъ и ушелъ отъ купели".— О, какой добрый!— На концертъ не ѣдетъ, а просидитъ у насъ все время.—О, великодушіе!— За то Марья будетъ играть.— Ну, и посадили Марью. Кр. стоитъ за пюпитромъ и глядитъ такъ въ глаза, что нельзя смотрѣть на ноты. „Ma chère maman, позвольте повернуть фортепіано, очень несетъ въ двери". Позволили, и повернули, и наконецъ отвязался: изволилъ прогнѣваться за грубость. Послѣ завтра будетъ назадъ, но мы говѣемъ, а онъ боится молиться Богу. Дуняша, я не могу вообразить, чтобъ онъ могъ когда-нибудь казаться мнѣ лучше, и говорила опять съ Воейковымъ, что бы онъ сказалъ, если бы не *генералъ Кр.* такъ ухаживалъ? Онъ отвѣчалъ, что генералъ въ походѣ имѣетъ коляску, а офицеръ простой— нѣтъ. Каково?

(1 марта).— Сегодня я писала къ тебѣ на почтѣ *много* и *весело*, теперь скажу то, что на сердцѣ, и какъ можно короче. У васъ сегодня весело и *вы часто* думаете обо мнѣ, а я объ васъ безпрестанно — и мнѣ очень грустно. Не говоря о моемъ ужасномъ безпокойствѣ насчетъ твоего здоровья, у меня еще свое горе! Дуняша! дай Богъ, чтобы мы *всегда* радовались *благороднымъ характеромъ* мужа нашей Саши. Sa conduit me déplait souverainement, et je n'y conçois rien! Je l'ai prié avec des larmes de parler à Крас. de sa part, de lui dire tout ce qu'il voudrait, de l'assurer que j'avais la phtisie — il me l'a promis,—eh bien, il est mieux avec lui que jamais! — Крас. croit que je suis l'amie de Woey: comment ne penserait il pas qu'il lui montre tous ces égards avec une intention particulière, qu'il n'est que l'interprête de ce que je sens? J'ai demandé à Woey. quel but avait-il? Il assure que tout cela est très bien, qu'il ne montre à Крас. que ce qu'il sent veritablement,--et c'est moi qui en souffre!

Maman se conduit comme un ange; elle a fait des réproches à W. de ce qu'il me compromettait, et en même temps elle bat froid К. qui malgré cela vient tous les jours; et pourquoi ne viendrait-il pas? W. le reçoit comme un membre de la famille! Что можетъ заставить сдѣлать тщеславіе? На лекціяхъ быть *escorté* par un général tout décoré! *O, défiez vous d'un homme vain!*

Я писала сегодня В. въ альбомъ на *заданный сюжетъ*. Писала для того, что хотятъ заставить Крас. писать.--Вѣрно Базиль мой огорчился бы тѣмъ, что написано, но я писала это для того, чтобъ прочелъ это Красов.—Худо мнѣ, моя Дуняша!— и сердцу не съ кѣмъ отдохнуть! Съ какой бы радостью отдала бурную свою остальную жизнь за то, чтобъ мой *ангелъ милый*, хранитель теперь пріѣхалъ. Какъ бы бодро пошла впередъ, если должно еще идти! — Я писала въ альбомъ *заднимъ* числомъ, надѣюсь, что вспомнится этотъ день. Кр. мнѣ сдѣлался отвратительнымъ. С. *(фамилія неразборчива)* насмѣхается надъ нимъ прелестно и... *(не дописано).*

(6 марта.)—Дунька! какъ ни грустно, а надобно и посмѣяться съ тобою. Вчера день начался гадко. Ходили гулять, вдругъ встрѣчаемъ всѣхъ генераловъ (5)! Адъютанты, офицеры, солдаты; словомъ, вся улица заставлена. Писаревъ [1]) однимъ глазкомъ подмигиваетъ, прочіе всѣ въ плюмажахъ, орденахъ! все блеститъ... Мы растаяли! вдругъ изъ за угла бѣжитъ толстенькая фигура въ шапочкѣ и фракѣ. Красовскій! Воейкову на шею, намъ поклоны; мы откланялись тѣмъ и хотимъ продолжать свою дорогу.—Онъ виситъ на Воейковѣ и за нами! *Я замолчала крѣпко.* Воейкову не отвѣчаю, Сашѣ тоже, и такъ до своей улицы. — „Неужели вы съ нами?“ — Онъ будто не слыхалъ и идетъ. — Ангелъ маменька приняла его такъ сухо и дурно, что

[1]) Одинъ изъ пяти генераловъ; всѣмъ имъ ниже М. А. дѣлаетъ характеристики.

уплелся назадъ. Послѣ обѣда, какъ тутъ! Маменька не принимаетъ,— голова болитъ! Воейковъ вышелъ и отправились вмѣстѣ гулять. Сегодня является, я продолжаю свою работу.—„Читали ли вы опытъ о вкусѣ, Марья Андреевна"?—Читала-съ.—„Замѣтили вы одну статью?" и начинаетъ читать, смотри стр. 48 *переводъ Авд. Н. Воейковой*. — „Извините, я не могу васъ слушать"; и сѣла подлѣ студентовъ, начала съ ними разговаривать. Онъ къ маменькѣ съ тѣмъ же, я разговаривала громко, долго и со вниманіемъ. Потомъ, какъ ушли студенты, пошла въ свою горницу, гдѣ мнѣ запрещено сидѣть (послѣ того, какъ я такъ радовалась позволеніемъ), и просидѣла до ужина!

(12 марта.)—Послушай, я въ красную книгу писать больше не буду, она сдѣлалась всѣмъ интересна; да и надобно будетъ показать. Въ маленькой книжкѣ я пишу немного смѣлѣе, но и ее увидятъ, а feuilles volantes мои безъ цензуры полетятъ къ тебѣ; и такъ, если прежде я ихъ не издеру, читай ихъ и жги.

Сегодня здѣсь праздникъ, у насъ опять гости, но я уже никого не боюсь, Бука[1]) уѣхалъ. Дуняша, война ужасна, и сохрани насъ и всѣхъ бѣдныхъ отъ нея, Господи! а вѣдь все Его рука. Мнѣ бы быть въ петлѣ. A propos, un trait de caractère qui m'a fait pleurer: Петерсонъ[2]) *теперь* хвалитъ Крас. больше, нежели когда нибудь, говоритъ почти безпрестанно и со слезами о немъ, и дѣлаетъ, что другъ только можетъ сдѣлать. Воейковъ *теперь* сталъ надъ нимъ насмѣхаться и все, что находилъ прежде хорошимъ, оборачиваетъ въ дурную сторону, Дуняша, дай Богъ намъ радоваться *благороднымъ характеромъ*!

Я въ воскресенье ходила съ нимъ одна къ обѣднѣ, и говорила искренно обо всемъ, но когда онъ признается? Онъ отвѣчалъ, что я все вижу вчернѣ, что *онъ* меня избавитъ отъ Крас. и что я должна поставить себя на его мѣсто, что нѣтъ причины, которая заставила бы его желать моей свадьбы. Я и увѣрена, что онъ этого не желаетъ, но всегда будущее жертвуетъ настоящей минутѣ. Если бы не походъ, Крас. сдѣлалъ (бы) предложеніе, и когда бъ ему отказали, кричалъ бы вездѣ, что Воейк. безчестный человѣкъ, и оно бы такъ и было. Il a eu toutes les espérances du monde. Не поддержи меня маменька, и Богъ знаетъ, что́ бы теперь было самому Воейкову. О мой ангелъ! мое *все*! гдѣ ты? Знаешь ли, что твоя Маша дѣлаетъ, каково ей безъ тебя?—О, лишь бы тебѣ было хорошо—и все перенесешь.

Очевидно, про этотъ журналъ пишетъ Жук—ій А. П. Кирѣевской 24 мая (Русск. Стар. 1883, мартъ, стр. 675): „Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о томъ, что со мной было въ Дерптѣ, посылаю вамъ нѣкоторые документы: нѣсколько страницъ изъ Машинаго журнала, писаннаго для васъ; она отдала ихъ мнѣ съ тѣмъ, чтобы переслать къ вамъ, но я ихъ позадержалъ, теперь посылаю, съ тѣмъ однако, чтобы возвратить мнѣ

---

[1]) Т. е. Красовскій.

[2]) Повидимому подразумѣвается К. Петерсонъ, университетскій библіотекарь, прозванный *толстымъ*; во всякомъ случаѣ этого Петерсона не надо смѣшивать съ позже появившимся въ Дерптѣ А. Петерсономъ, незаконнымъ сыномъ П. Н. Юшкова.

опять и безъ всякаго замедленія—они мнѣ нужны. При этихъ страницахъ есть и нѣкоторыя мои къ ней письма. То, что въ нихъ вы найдете, извинитъ насъ передъ вами. Вы увидите, что все писанное можно бы было говорить вслухъ, когда бы позволили намъ свободно быть добрыми, когда бы намъ вѣрили, когда бы маску не предпочитали лицу. Но для этихъ документовъ нужно объясненіе. Въ Дерптѣ былъ генералъ Красовскій—къ счастію, онъ былъ до меня и до меня ушелъ въ походъ. Надежды, ему данныя, испугали меня, и онѣ то произвели было во мнѣ такую перемѣну, какой я и ожидать не могъ". Дальше онъ объясняетъ, что эта перемѣна состояла въ рѣшеніи пожертвовать своимъ чувствомъ, чтобы получить право на братское участіе въ судьбѣ М. А. и не дать ей сдѣлаться жертвой чужихъ разсчетовъ. Онъ прибавляетъ, что недовѣріе Ек. Аѳ. къ искренности его рѣшенія не дало укрѣпиться въ немъ порыву самопожертвованія и косвеннымъ образомъ толкало его опять на борьбу.

II.

(*6 марта 1815 г.*)— Слава Богу, слава Богу! почта милая привезла мнѣ хорошія письма. Дуняша несносная, ты не знаешь и никогда не узнаешь, каково мнѣ было жить столько времени безъ всякаго извѣстія объ васъ! Я не смѣла думать о тебѣ—путешествіе твое изъ Клину, послѣ всѣхъ этихъ слезъ, въ одной шубкѣ... Боже мой, я не смѣла сама себѣ сказать, что̀ я думала! Письмо тетушки не только меня не успокоило, но еще болѣе увѣрило, что она не смѣетъ объявить мнѣ самое ужасное несчастіе! Вчера (блаженный день), въ ту минуту, какъ ѣхали всѣ мои причащаться, вдругъ почтальонъ! Мы всѣ заплакали, глядя на подписи пакетовъ, и только тутъ каждый рѣшился признаться другъ другу въ томъ, чего боялся, и каждый боялся *одного*![1]) Ты здорова! я счастлива.

Милое, милое твое письмо — благодарю тебя, Дуняша, сестра моя! Боже мой, еще теперь сердце бьется, когда вспомню о всѣхъ своихъ страхахъ. Но послушай, чтобъ впередъ не давать такихъ мучительныхъ дней, недѣль и мѣсяцевъ, попроси сама Афанасьева или кого хочешь, чтобъ вѣрнѣе отправляли ваши письма; мы получили вдругъ отъ 17 и отъ 24—а безпокойства было на 33 дни.—Я пишу къ тебѣ журналъ, и все искренно и подробно—однако до 25 февраля, а тамъ я положила, что писать *не къ кому* болѣе и бросила.... теперь примусь за него опять, но пришлю его не въ Москву, а въ Долбино; онъ пишется для *тебя* и только!

Жаль, что сегодня *en passant* могу только поболтать съ тобой, мнѣ такъ весело! такъ я счастлива, что Воейк. увѣряетъ, что и лицо даже стало *гордое*! Скажу тебѣ свою радость: вчера милый дядюшка Павелъ Ив. [2]) такое написалъ къ намъ письмо, что одни твои письма могутъ быть такъ добры. Тетушка ждала насъ къ себѣ, приготовила всѣмъ комнаты и наняла ложу въ театръ, а добрый братъ Саша, бросивъ всю лѣнь, такъ мило пишетъ, что хотѣлось бы послать тебѣ

---

[1]) Всѣ они боялись, не заболѣла ли Авд. Петр., провожавшая ихъ изъ Москвы до Клина.

[2]) П. И. Протасовъ, братъ Андрея Ивановича, отца М. А.; дальше упоминается его жена, Марія Никол. и сынъ Александръ.

письмо его. Сейчасъ буду къ нимъ отвѣчать. — Мы живемъ здѣсь исправно; ни одна минута не потеряна. Катенька наша растетъ[1])! О іюль! о счастіе! Домикомъ своимъ мы очень довольны, хотимъ нанять его на цѣлый годъ; противъ насъ еще есть другой, который черезъ два мѣсяца наймемъ также. — Время мое шло дурно, оттого что отъ тебя не было писемъ, у меня сдѣлалась безсонница и все что-то немоглось, теперь - saute, *sotte* Marquise! Я пишу очень много, учусь по итальянски, скоро буду рисовать учиться, а завтра Фрике дастъ первый урокъ на арфѣ. Здѣсь есть Вернетъ — c'est tout dire! Но онъ пишетъ портреты, а не paysage, выработаю 30 руб. и пришлю тебѣ свою рожу.—Мы сдѣлали пріятное (и много непріятныхъ) знакомство: въ городѣ стоятъ полки, и за то, что мы русскіе, все бѣжитъ къ намъ.—Nous sommes personnages de consequence, il y a ici 5 generaux, et tous viennent chez nous. Entre autres il y a un, bien brave homme, M-r Кнорингъ[2]), qui est marié avec M-elle Narischkin; она кузина Анухтиной и похожа на нее чрезвычайно, а мужъ ея точный Ростопчинъ манерами и обращеніемъ; у него лежитъ на сердцѣ то, что я никуда не ѣзжу, и все хлопочетъ, чтобъ познакомить насъ съ здѣшними дворянами: на первой недѣлѣ выпросилъ позволеніе *пріѣзжать по насъ*, чтобъ везти къ своей матери, гдѣ всякій вечеръ собранія, и гдѣ я буду представлена... увы! можетъ быть, завтра! Еще есть здѣсь одинъ генералъ, который мнѣ довольно нравится, Борисъ Влад., генер. маіоръ Полуектовъ[3]), онъ очень полюбилъ маменьку, которая читаетъ ему мораль и хочетъ его женить на одной красавицѣ; похожъ онъ на Гутальса фигурой, и такой добрый, простой малый, что хочется ему счастія. Здѣсь двѣ сестры гр. Менгсъ, въ одну онъ влюбленъ, но она сговорена за брата мужа сестры своей; Полуек. волочится, а прямо не говоритъ, и все идетъ худо. Надобно его женить. 3-й генералъ есть авторъ, ген. лейт. *Писаревъ—оберъ-осель*[4]). Сегодня ввечеру онъ пожалуетъ читать намъ стихи: мудрено быть глупѣе и тошнѣе его. 4-й ген. лейт. *Паскевичъ*[5]), прекрасный молодой человѣкъ: ему 25 лѣтъ, всѣ войны служилъ, говоритъ съ большой скромностью и не наряжается въ свои ордена: онъ былъ только одинъ разъ. 5-й безсмѣнный ген. маіоръ *Красовскій*[6]), влюбленъ въ Воейкова и

---

[1]) Такъ заранѣе рѣшили назвать ребенка, котораго въ іюнѣ ждала А. А. Воейкова.

[2]) По времени это едва ли могъ быть Б. О. Кнорингъ, главнокомандующій финляндской арміей въ 1809 г., ему въ 1815 г. было уже 70 лѣтъ, но это могъ быть его сынъ: ниже (письмо V) М. А. упоминаетъ и о „старомъ Кнорингѣ“.

[3]) Б. В. Полуектовъ (1778—1843 гг.) отличался въ Отечественной войнѣ.

[4]) А. А. Писаревъ, бывшій потомъ попечителемъ Московск. университ. и предсѣдат. Общ. Любит. Росс. Словесн., дѣйствительно, бездарный авторъ нѣсколькихъ незначительныхъ произведеній.

[5]) Это очевидно П. Ф. Паскевичъ, послѣ графъ и фельдмаршалъ.

[6]) Этотъ Красовскій, такъ пугавшій М. А., повидимому былъ А. И. Красовскій, боевой генералъ, участвовавшій и послѣ вмѣстѣ съ Паскевичемъ при взятіи Эривани въ 1826 г. и въ Польской войнѣ 1831 г.

вѣрнѣе тѣни ходитъ за нимъ, добръ очень и скромнѣе всѣхъ прочихъ.—Не удивляйся, что я пишу всѣмъ титулы, я живу *въ Дерптѣ*, а здѣсь, если хочешь освѣдомиться о здоровьѣ, то говори: ваша госпожа супруга надворная совѣтница госпожа Воейк. здорова ли?

Здѣсь есть проф. Ledebourg-ботаникъ. Онъ будетъ давать намъ уроки, и я рада! Сады здѣсь славные, а въ іюлѣ *вмѣстѣ*! О Боже мой! для чего не вѣчно живемъ мы на семъ свѣтѣ.—Барито[1]) боялся, чтобъ не сказали объ немъ: *voila l'éternité qui passe,* если бы ему велѣли жить вѣчно; я бы согласилась позволить это говорить, лишь бы все были Іюли! Прощай, Дунька. Я къ тебѣ писала 1 марта, но получишь только въ Долбинѣ. О какъ мнѣ было тогда грустно! и я не умерла?—Дѣти мои, ангелы! вы любите Машу? вы ея дѣти! Христосъ съ вами.—Письмо мое глупо! но ты не знаешь, какъ мнѣ весело! Надобно было страдать цѣлый мѣсяцъ, чтобъ послѣ быть такъ счастливой. Вотъ одно слово изъ письма дядюшки Пав. Ив.: „я васъ ждалъ, радовался, что Богъ дастъ старику сестру и дочерей еще увидѣть, вмѣсто того письмо отъ васъ. Мнѣ грустно, вообразите это и всю дружбу моего семейства и сдѣлайте, друзья мои, чтобъ мнѣ было весело!“ Онъ точно доброта во плоти.

III.

(*23 апрѣля 1815 г.*) — Сейчасъ получили всѣ твои письма отъ 20 и 26 марта. Такъ, Дунька моя! несравненная моя Дунька! ты въ Долбинѣ, слѣдовательно мы опять вмѣстѣ! ты на волѣ думать, жить, вспоминать, молчать, говорить. Мнѣ весело знать тебя дома *съ собою*. Тебѣ весело! у тебя такой теперь товарищъ, котораго никто не замѣнитъ. О Дунюшка моя! у меня все сердце вспрыгалось отъ надежды *жить вмѣстѣ*! Это было бы такое счастіе, что — оно не можетъ быть!

(*25 апрѣля*). — Душенька моя! мнѣ жаль, что я не кончила третьяго дня письма своего. Сегодня погода перемѣнилась; ne parlons *que d'affaires* et Monsieur le coeur doit être *mis à part*. Ты меня называешь *Клушинымъ*[2]). Нѣтъ, Дунька, даже и туда не гожусь! отдавай скорѣй въ уголовную палату. Je suis si fachée contre Jean Nikifre[3]), il est si ingrat que je dois être punie pour t'avoir engagée á le prendre. Mais c'est peu s'en repentir, il faut corriger l'affaire—que ferons nous donc? Скажи мнѣ, гдѣ видѣла ты Вишнякова[4]) и какимъ манеромъ?

---

[1]) Учитель нѣнія или рисованія въ Москвѣ.

[2]) Не разъ попадается въ письмахъ М. А. и Авд. Петр. этотъ Клушинъ, причемъ ясно, что онѣ звали другъ друга этимъ именемъ за извѣстное настроеніе духа.

[3]) И. Н. Гриневъ, одно время управлявшій Долбинымъ, имѣніемъ А. П. Киреевской.

[4]) Новый управитель Долбина, смѣнившій Гринева.

Почему онъ тебѣ понравился, почему считаешь его годнымъ въ опекуны, и извиняешь ему прошедшее?

Дуняша моя! знаешь ли, твое письмо такъ мило, какъ *тебя* показываетъ, что его весело читать, перечитывать и думать безпрестанно о тебѣ! Такъ, мой другъ, можно и *должно* жизнь сдѣлать чѣмъ то важнымъ безъ счастія, безъ восхищенія, а съ должностью просто. Эта жизнь должна быть важна, она дастъ вѣчную! Чего же послѣ этого бояться? за что роптать, чѣмъ огорчаться? Heureux qui est prêt à tout, et qui attend tout de Dieu. Другъ мой! ты вѣрно находишь счастіе въ твердости, oui, il faut exister *sur la terre!* et puisqu'il le *faut*... sacrifier tout au devoir. et placer son bonheur aussi haut que les hommes ne puissent l'atteindre! — Аркадію городишь ты *съ душа*. Ходи въ нее чаще! нигдѣ тебѣ такъ хорошо не будетъ — но зачѣмъ Аркадію? Зачѣмъ еще *городить*, покуда душа здѣсь? *Тамъ*—розница! а тутъ примѣсь испортитъ все. Не пришивай плату небѣлену къ ветхой ризѣ!

Жаль многаго, говоришь ты. Ma fille, il faudrait autant regretter un vain songe. Чего жалѣть и чѣмъ огорчаться можно? J'ai toujours pensé qu'il n'y avait de malheur réél que les chagrins des personnes que nous aimons, mais n'est-ce pas Dieu qui nous a dit: „Malheur à ceux qui ont leurs consolations dans ce monde, ils ne l'auront pas dans l'autre“: вотъ и все хорошо, и все сносно. Que peut-on craindre? les hommes n'ont le pouvoir de faire que ce que Dieu leur laisse faire et Dieu *est notre Père!* Намъ должно благодарить Творца за жизнь, и всѣ случаи предоставить Его святой волѣ. Нѣтъ, Дуняша! съ стоицизмомъ недалеко уйдешь! горе тому, кто на себя въ чемъ нибудь полагается. Твердость тогда только можетъ быть, когда перенесешь все въ другой міръ, а здѣсь одна добродѣтель можетъ не pas avoir d'excés: resignation parfaite à la volonté de Dieu. Avec elle tout est léger! On n'attend rien ni de soi, ni des autres; on ne compte pas sur sa propre vertu (qui n'est qu'une chimère, dès qu'on s'y appuie). On ne craint pas l'avenir! il n'est pas à nous, mais à Dieu, *à notre Père* — on est tout prêt de continuer le chemin qui nous a été tracé, malgré les peines inévitables qui doivent y être. Стоицизмъ же на первомъ шагу заставитъ споткнуться, а впередъ не самъ пойдешь, а *поведутъ и туда, куда не хочешь*. Man kann was man will nur damals, wenn man *nichts* will! Tout est bon, puisque tout vient également de Dieu! Конечно, другъ мой, не должно и нельзя намъ смѣть желать чего нибудь для себя и для другихъ! C'est avoir une très petite et très faible idée de Dieu que ce n'est pas sans une cause particulière qu'il donne ou ôte ce que Lui plait à ses créatures! Si on t'avait donné le pouvoir, n'aurais-tu pas tout fait pour rendre heureuse la personne que tu aimes, et lui notre Père, qui est *Tout-puissant*. peut-on ne pas croire que tout ce que nous arrive n'est que pour notre bien? N'est qu'un effet de son amour, n'est qu'une préparation à un

bonheur éternel, immuable, parfait[1]).—И я готова говорить: нѣтъ несчастія на свѣтѣ! нѣтъ сиротъ въ семействѣ Бога!

Скажи Леночкѣ[2]), что во всѣ минуты дня, въ которыя я думаю о Богѣ, я молюсь за нее. Да подкрѣпитъ ее Господь! бѣдное, милое твореньe! Боже мой! сколько ей надобно силы и любви къ Богу, чтобъ сносить жизнь. Дуняша, для чего ты не съ ними, ей было бы гораздо легче, а бѣдной ея матери!.. О Господи! ты милосердъ и всемогущъ! Этотъ ангелъ страдалъ во всю свою жизнь, съ концомъ и началось бы для нея вѣчное блаженство. A дѣти! l'amour parfait chasse la crainte! elle a recommandé ses enfants à Celui qui a été leur père avant leur naissance! Pauvre Hélène! je ne demande à Dieu que de la force et de la resignation pour elle!

Tu veux donner un cours complet de *Persévérance*, et *proffesser la bonne volonté* à Dorpat! Je serai ton étudiant le plus assidu et j'espère, mon maître, vous faire honneur. Il est facile d'être persévérant quand votre rûe est éclairée par des lanternes; mais j'oublie que les lanternes n'eclairent que celle que vous avez déjà passée, mais qu'il n'y on a point dans celles que vous devez encore traverser. N'importe! allez toujours. Незримая рука, простертая надъ нами, поставитъ фонари и впереди!

Но вотъ 3 часа, надо кончить.

На будущей почтѣ пришлю много *стараго*! Пиши ради Бога больше, чаще и обстоятельнѣе. Пиши о нашемъ ангелѣ баронессѣ! Господи, не остави ихъ! voilà tout ce qu'on ose dire. Прощай, Христосъ съ тобой. Дѣти мои безцѣнныя! помните ли вы свою *ге*[3]). Любите ее всегда такъ, какъ она васъ любитъ. Ваничка, мой ангелъ, напиши ко мнѣ.

IV.

Дерптъ, Іюнь, жаръ смертельный, шторы закрытыя въ моей горницѣ, Саша больная на канапэ, и мы всѣ около нея, одинъ насаднѣе другого.

Вотъ pendant къ началу твоего письма! еще забыла прибавить: Воейк. читаетъ: *близка желанная обитель!* Ну, если близка, то... пожалуй!

Дунька моя, ты больна! какъ грустно было читать письмо твое! береги себя, моя Душинька; когда я вспомню, какъ ты страдала прошлаго года, мнѣ станетъ еще грустнѣе, что мы такъ далеко! Положи себѣ за правило писать къ намъ всякую недѣлю непремѣнно, а не

---

[1]) Характерный образчикъ философіи, сильно распространенной въ всемъ кругу, близкомъ къ Жук-ому, который и былъ первымъ ея адептомъ и насадителемъ среди семьи.

[2]) Рѣчь идетъ объ Е. И. Черкасовой, мать которой была безнадежно больна.

[3]) *Ге*—такъ звали Марью Андр. дѣти Кирѣевской.

жди отвѣтовъ или писемъ отъ насъ, и тогда мы будемъ безпрестанно переписываться, а жить такъ, какъ теперь, слишкомъ грустно; мы разстались совершенно, и эти 1000 верстъ...

(1 іюня).— Письмо не кончилось и не поѣхало, и что хотѣла сказать,—не помню. Теперь есть минута свободная, примусь за перо и не оставлю его *до нельзя*. Я было взяла въ руки письма Миллера къ Бонстетену[1]), прочла страницъ 12; онъ предсказываетъ другу своему несчастія, которыя будутъ съ отечествомъ, и потомъ говоритъ: Aber zurück aus der Welt, in den Schoos der Freundschaft! и я бѣжать и своимъ письмомъ къ Дуняшѣ! Сегодня *1 іюня*, можетъ быть, ты вмѣстѣ съ моими милыми Плещеевыми, и вы всѣ думаете часто объ насъ—Богъ съ вами, мои голубчики!

Надобно больше тебѣ разсказывать о своемъ житьѣ, чтобъ ты *познакомилась* съ нимъ.—Слушай-же. Теперь лѣто, и такъ какъ этотъ товаръ рѣдкій въ благословенномъ Дерптѣ, то мы живемъ на воздухѣ, и все время проходитъ въ томъ, чтобъ гулять, да еще гулять, и опять гулять.

(2 іюня).— Благодарствуй за поздравленіе съ моимъ имянинникомъ[2]), мой другъ! Дай Богъ *намъ* имъ всегда радоваться. Сегодня за обѣдомъ всѣ меня поздравляли и я въ мысляхъ и тебя благодарила. Меня тяжелымъ только корпусомъ не было за долбинскимъ столомъ, а мыслью, и сердцемъ, и жизнью и воспоминаніями была съ вами и у васъ. И вы часто обо мнѣ думали и грустили,— но послѣдняго не должно!

Что сказать тебѣ? мое житье худое—у насъ все больные; у Машеньки болитъ глазъ, такъ сильно, что она не можетъ ничего дѣлать; у Воейк. такія сильныя спазмы, что онъ по 5 минутъ не можетъ перевести духу. Круглая моя Сашка такъ стала слаба, что уже почти мѣсяцъ сидитъ дома. Sa grossesse la fait souffrir d'une manière incroyable, jamais je n'ai vue qu'on soit aussi faible qu'elle l'est. Ты ее не узнаешь, Дунюшка, она такъ худа и блѣдна, какъ я не бывала! Сердце сжимается, когда подумаешь о будущемъ мѣсяцѣ—*Богъ съ ней*, вотъ что я твержу себѣ всякую минуту, и что одно даетъ силы. Мы собираемся переѣхать на недѣлю въ одну дачу *Lunia* и 10 верстъ отъ города, гдѣ наймемъ двѣ комнаты въ саду, чтобы можно было ей *de plein pied* гулять. Какая смѣшная и странная вещь жизнь! —Но какъ бы не завраться, сегодня не должно, мой резонансъ лопнулъ.

Въ Дерптѣ обычай при всякихъ похоронахъ звонить до тѣхъ поръ, покуда не только гробъ спустятъ, но даже и родные воротятся съ кладбища—теперь звонятъ, и я подъ это *memento mori* философствую

---

[1]) Въ 1810 г. Жук-аго познакомилъ съ этой книгой А. Тургеневъ, теперь она дошла до М. А.

[2]) Воейковымъ.

à loisir—вѣдь пошлины не платятъ. Сегодня уже 5 число, несчастное письмо это долго трудится.

Знаешь ли, Дуняша, у меня выпалъ передній зубъ, cela me donne l'air si vieilli, que j'en suis enchantée (помнишь мою претензію имѣть 30 лѣтъ). Notre docteur *M. Lechmann* (все есть mann) m'a proposé une dent postiche et m'a consolé en me disant que toutes les belles dames de la ville en ont; mais je suis trop heureuse pour aller m'en faire mettre une autre. Adieu, je veux enfin dormir. Дуняша, что же ты мало пишешь? Я совсѣмъ раззнакомилась съ твоимъ образомъ жизни, знакомствами, временемъ и даже дѣтьми! Вообрази, что когда я ихъ увижу, онѣ уже совсѣмъ будутъ для меня новые, а ты не пишешь ничего.

(7 іюня).—Хотѣла сегодня кончить письмо, но нѣтъ, голова такъ сильно болитъ, что опять скажешь себѣ: безумно то отвергать, что намъ предлагаетъ минута, и такъ кончу только листъ, а не письмо, и впередъ свободная минута будетъ священна. *Oggi a me, domani a te*, говоритъ пословица. Желала бы отдать тебѣ всѣ мои *oggi*! Дуняша, я не хочу и не зову тебя сюда, и большая будетъ глупость и нерасчетливость, если ты поѣдешь, и будешь ты виновата передъ дѣтьми, и передъ людьми, и передъ опекунами, и передъ всѣми *судителями*. Не ѣзди, не ѣзди и не ѣзди.—А нельзя не сказать тебѣ, что большое было бы счастье тебя увидѣть. Твой Фьеско не велитъ *говорить* — виновата. Но мой Фенелонъ говоритъ, что сердце лопнетъ; Карлъ Мооръ говоритъ: *ich* bin mein Himmel und meine Hölle—оно такъ, но—и не такъ. *Sie* sind mein Himmel [1]).

V.

В. А. Жуковскому.

(7 іюня 1815 г.).—Добрый, милый Жуковскій! благодарю тебя за твое несравненное письмо, за подробное описаніе всего, что съ тобою бываетъ, за все, за все, что ты говоришь! Послѣднее письмо чрезвычайно насъ утѣшило. Прошу васъ, *сударь*, не хвастать свиданіемъ съ Кутузовой [2]),—ея свѣтлость и для насъ сіяла! Но надобно разсказать тебѣ все подробно.

Полицеймейстеръ прибѣжалъ, запыхавшись, сказать, что она будетъ; я была очень любопытна на нее взглянуть, Рамбахъ же велѣлъ всѣмъ профессорамъ показывать кабинеты—однимъ камнемъ два удара:

---

[1]) У М. А. и Авд. Петр. была сильно развита привычка пускать въ ходъ и примѣнять къ своимъ обстоятельствамъ фразы и афоризмы изъ любимыхъ книгъ. Они даже гадали по любимой книгѣ, когда испытывали душевную тоску или не находили выхода изъ затрудненія. Эта привычка очень характерна для писемъ Жук-аго, особенно въ первый періодъ, до 1815 г.

[2]) Объ этомъ свиданіи Жук—ій писалъ 11 іюня Долбинскимъ друзьямъ (см. стр. 14).

и кабинеты, и Свѣтлѣйшая! Итакъ я уговорила Воейк. идти въ университетъ и ходить за ней всюду. Приходимъ: она у Парротa [1]) — и туда... И видѣли ее со всѣми дочерьми и всѣми малютками, а Парротъ забавлялъ ихъ тѣмъ, что пускалъ въ глаза не—пыль, а песокъ, ce qui revient au même. — Съ нею была какая-то Дерптская генеральша Стернгельмъ, которая подошла ко мнѣ и дала мнѣ ловкость, но Свѣтлѣйшая еще все не удостоила меня взгляду. Мы пошли черезъ минуту въ библіотеку; княгиня заговорила съ Воейк., а я между тѣмъ уже познакомилась съ Опочининой и Толстой; вдова твоя, между тѣмъ, спросила, кто я, и подошла ко мнѣ, говоря: „позвольте мнѣ себя поцѣловать“ — и я позволила. Потомъ стала разспрашивать о Дерптѣ, о моихъ занятіяхъ и, однимъ словомъ, хоть бы *я* написала „Пѣвца“ и „Вождь славянъ!“ — На другой день Воейк. поѣхалъ къ ней, и она спрашивала о Сашѣ и маменькѣ и обѣщала сама пріѣхать. На слѣдующее утро Саша съ мужемъ поѣхала къ нимъ, а послѣ обѣда и ея Свѣтлость пожаловала. Вотъ какіе мы! Сегодня получили отъ стараго Кнорринга инвитатъ обѣдать, и мы двое съ Сашей ѣздили. Тамъ нашли молодую госпожу Левенштернъ, которая такъ похожа на нашу Марью Петровну [2]), что я даже остановилась; она черезъ 8 дней должна родить, и такъ задумчива и грустна, что грустно станетъ глядѣть на нее.

(8 іюня). — Вчера, возвратясь отъ Кнорринга, я было усѣлась писать къ тебѣ, но — письма уже отправили; и такъ, какъ удастся!

(12 іюня). — И не удалось: сегодня скажу только два слова. Мы сбираемся переѣхать въ Лунію, гдѣ вѣрно будетъ лучше, нежели въ душномъ, *умирительномъ* Дерптѣ, ville de bruit et de fange — ou plutot de vent et de poussière. Сегодня Саша и я обѣгали его весь, ходили прощаться съ знакомыми и друзьями, и теперь отдыхаемъ въ ожиданіи того часа, въ который надо будетъ укладываться. Въ Луніи даютъ намъ прекрасный домикъ, въ которомъ жилъ прежде садовникъ. Говорятъ, фамилія Нолькена премилая и препочтенная — я ихъ боюсь: въ деревнѣ хорошо и можно *жить одному*, а частые гости не дадутъ *жить*. Семейство состоитъ изъ старой баронессы Нолькенъ, ея дочери, замужемъ за теперешнимъ хозяиномъ, сестры барона и трехъ дѣтей. Сестра эта, которой 18 лѣтъ и которая очень похожа на M-lle Willebois, такъ же, говорятъ, мила, какъ ея лицо, но l'intimité est une épreuve que peu de gens soutiennent, et étant seuls, toujours ensemble nous serons *intimes*. — Все это говорю я для того, чтобы извинить свою боязнь. Je veux être libre comme l'air, et les chaines les plus difficiles à supporter et les plus pésantes sont celles de l'etiquette et des convenances, car elles empêchent de chercher le refuge

[1]) Г. Ф. Парротъ, профессоръ физики, извѣстный своими близкими отношеніями къ Александру I.

[2]) Офросимову, сестру Авд. Петр.

le plus sûr, et celui qui n'est jamais fermé dans les autres cas: *soi même!* Вотъ тебѣ съ *кадушки ръчь* [1]) — и засимъ прощай — поберегу еще письмо до понедѣльника; изъ Луніи, можетъ быть, (подлѣ баронессы Нолькенъ), еще что нибудь прибавлю.

Базиль! Массильонъ твой такъ хорошъ, такъ утѣшителенъ, и.. такъ строгъ, что bongré, malgré сдѣлаешься хорошимъ, читая его· У меня еще есть хорошенькая книжка, которую дала графиня: „Esprit de Rousseau", въ которой есть прелестныя вещи и самыя христіанскія правила.

(20 іюня).— Письмо мое пропадало нѣсколько дней, теперь оно уже почти не годится, потому что все перемѣнилось. Вояжъ въ Лунію отложенъ до августа, Екатерина Алекс. [2]) *на колѣняхъ* туда поѣдетъ. Мы ѣздили двое съ Воейк. благодарить баронессу и гулять въ саду. Но не нашли хозяйки дома, а такъ какъ намъ сказывали, что тутъ въ деревнѣ есть *un objet digne d'être vu*, то-есть тѣло фельдмаршала Миниха, бальзамированное и совершенно неиспорченное, то мы выпросили ключъ отъ часовни и поѣхали къ ней.

А вотъ Саша, которая все кричитъ и бранитъ, что я не кончила.—Прощай, мой голубчикъ, будь здоровъ, и веселъ, и спокоенъ насчетъ нашего ангела, она здорова теперь, а впередъ Богъ ее помилуетъ. Ты все-таки молись и молись за нее безпрестанно.

Посылаю Бока.

VI.

А. П. Кирѣевской.

(Начало іюля 1815 г.)— Добрая, милая моя сестра! опять отъ тебя старинное, милое, говорящее прямо сердцу письмо! Нѣтъ, ты вѣрно не воображаешь, какое счастіе получать *такія* письма *изъ отечества отъ тебя* — и въ холодномъ, холодномъ Дерптѣ! Ты бы вѣрно не лѣнилась, и писала бы чаще, много, не скупилась бы такъ, какъ теперь, присылала бы *все* свое. А ты, front d'airain, еще осмѣливаешься поминать *о нѣкоторомъ украденномъ* альбомѣ. Non, Madame, vous êtes bien gatée et bien changée. Я сейчасъ перечитывала старыя твои письма, писанныя во время пребыванія Воейк. въ Петербургѣ, хотѣлось бы тебѣ ихъ показать (то-есть, прочесть ихъ вмѣстѣ). Ты хочешь знать *все* объ насъ, ты говоришь, что мы разлучились, что *надобно* насъ соединить. — Что тебѣ разсказать? Теперь что ни буду сообщать, все будетъ вертѣться около одной оси: *моя Сашка, Сашка моя!* Дунюшка, ты вѣрно знаешь, какъ я за нее боюсь. Тебѣ еще

---

[1]) Еще образчикъ интимнаго дружескаго условнаго языка, состоящаго изъ намековъ.

[2]) Разумѣется ожидавшаяся дочь Воейковыхъ.

хуже моего теперь — я ее вижу, а ты нѣтъ. *Богъ съ ней.* Дуняша, молись, мой ангелъ.

Мое здоровье стало что-то очень плохо, безсонница не даетъ ни одной ночи, а аппетитъ ни одного обѣда порядочнаго, но все это зависитъ отъ нашей Сашки; когда будетъ на сердцѣ легко, то все возвратится. Прощай, Дуняшка! сегодня я не стою того, чтобы писать къ тебѣ. Мои ангелы дѣти, любите всегда свою Машу. Adieu. Dis à notre chère Hélène, que je l'aime bien tendrement et baise bien la main de son angélique maman.

Письмо безъ даты; по связи съ слѣдующимъ письмомъ отнесено къ началу іюля. Письмо содержитъ одно изъ первыхъ по времени проявленій тоски по родинѣ въ чужомъ нѣмецкомъ краю; М. А. до конца жизни періодически испытывала приливы этой тоски.

VII.

Ей же.

(*17 іюля 1815 г.*) — 17 іюля! Дуняша! помнишь ли, что было въ этотъ день? Помнишь ли, какъ ты боялась, чтобъ тебя не спасли *прежде* меня? Голубушка моя! Мнѣ, знаешь ли, весело думать о твоемъ сердцѣ. Оно есть одно изъ лучшихъ твореній Божіихъ. — Дуняша, благодарю тебя за твое послѣднее письмо — оно мнѣ было утѣшеніемъ въ теченіи двухъ дней дурныхъ и самыхъ тяжелыхъ. Что, если бы тебѣ почаще *хотѣлось* писать такъ ко мнѣ? я не могу вообразить, какъ бы это было весело.

Я теперь здорова; кромѣ безсонницы, которая иногда бываетъ скучна, все хорошо; но 5-го іюля я было очень занемогла, маменька испугалась, чтобъ не вышло что нибудь важное, однако въ 5 дней я совсѣмъ оправилась. Теперь пугаетъ ее моя худоба, но и то, надѣюсь, скоро пройдетъ. Вотъ, Дунюшка, разлука на что нибудь да годится! Ты не боялась за меня ничего. — Богъ знаетъ, что съ вами дѣлается — *навѣрное* за васъ не страдаю. J'ai lu un ouvrage qui m'a beaucoup plû et que je voudrais bien te communiquer; si je pourrai le trouver ici, je te l'enverrai: *Das Kampaner Thal, oder über die Unsterblichkeit der Seele*, par *Jean Paul Richter*. Il y a un passage qui ne me sort pas de la tête, et que j'ai copiée dans l'album rouge: il dit que l'homme n'est pas créé pour ce monde, et que la plus grande preuve se trouve dans cette tristesse, cette inquiétude qui le poursuit au milieu des plus grandes jouissances. Il semble, dit il, entendre toujours la musique de sa patrie, le rang des vaches des Suisses — und er sehnet sich *dahin, nach sein Vaterland;* und das beweiset — nicht dass wir *unglücklich*, sondern dass wir *unsterblich* sind! — *Mein* Kuhreigen ist jetzt noch mehr hörbahr für mich.

Что, Дунюшка! твоя сестра никуда не годится — ты бы была мною очень недовольна, а мнѣ это грустно!—Мнѣ хотѣлось отвѣчать на многое въ твоемъ письмѣ, но когда недоволенъ собою, своимъ *внутреннимъ* и *внѣшнимъ*, то всего лучше *положить хранило на уста*. Je n'ai rien de mauvais à me reprocher, je suis même sous plusieurs rapports plus digne d'être contente de moi, mais — cela n'est pas assez (surtout quand on rend triste, ou mécontent les autres, malgré soi à la verité, mais le resultat est toujours le même). Comme je voudrais te parler, *me montrer* à toi! Il n'est pas possible d'écrire et surtout à 1000 verstes, toût ce qui miaule au dedans! Dieu! à tous les instants de ma vie, je sens qu'on ne peut pas être *trop* sevère avec soi même. Le vilain *moi* est un enfant si gaté, et toujours si peu digne de l'être! nous trouvons mille raisons pour l'excuser dans tous les cas de la vie—mais lui, à son tour, nous abime par ses reproches, quand il n'y a plus de remèdes. — Eudoxie, ne vas pas t'imaginer quelque chose de serieux, je vois que je suis plus que jamais disposée à radoter.—Tout le mal vient de ce que j'avais comptée sans mon hôte. Обожглась тамъ, гдѣ только хотѣла погрѣться, и теперь улитка твоя влѣзла опять въ свою шкуру, откуда ничто и никогда не выманитъ. Werde dich selber die Welt!—Знаешь ли, когда мнѣ стапетъ грустно и *тяжко*, то я пойду за свое бюро и сяду писать къ тебѣ, до тѣхъ поръ, покуда все сброшу съ сердца; если бы ты видѣла кучу писемъ, начатыхъ къ тебѣ! мнѣ смѣшно ихъ перечитывать *въ добрыя минуты*. Посылать ихъ нельзя и не должно, а, признаюсь, съ волненіемъ думаю о тѣхъ минутахъ, когда ихъ будемъ читать *вмѣстѣ*! Я переплела здѣсь двѣ книжки совершенно одинакія, разумѣется, что одна для тебя; посылаю ее теперь; прошу прочесть титулъ, и поступать по немъ.— Другая же до половины наполнена и пріѣдетъ къ тебѣ тогда, когда я получу мой маленькій альбомчикъ и эту книжку *полную* и *пеструю*. Ты будешь писать все, что побольше сдѣлаетъ впечатлѣнія на сердце, и что *достойно* воспоминанія. Моя книжка скоро къ тебѣ поѣдетъ съ своими мечтами, радостью, тоской и—контрадикціями! faites en ce que vous plaira; sie können sie beschmieren, deschirieren, papillotisieren — nur—antworten, und auch herzlich schreiben.

Здѣсь есть студентъ von Borg, очень милый и умный малый; онъ перевелъ много стиховъ Жуковскаго, и между прочимъ Эолову арфу, которую спишу на досугѣ и пришлю тебѣ. Милый нашъ братъ пріѣхалъ сюда 12 числа, и такъ милъ и добръ, какъ всегда бывалъ. Je remercie Dieu pour l'état dans le quel il se trouve maintenant! on ne peut certainement pas être meilleur, ni plus bon que lui. Que Dieu le soutienne! Прощай, Дунька, Богъ съ тобой и съ моими дѣтьми— Онъ васъ сохранитъ для счастія и жизни вашей Маши.—Это письмо глупо безъ милости, но ты не воображай ничего очень дурного; мнѣ было грустно, *несносно*, четыре дня. Теперь опять на душѣ яснѣе.

Это письмо при всей сдержанности, присущей всегда Маріи Андреевнѣ, даетъ понятіе о ея душевномъ состояніи. Жук—ій въ это время переходилъ отъ надеждъ и рѣшимости на самопожертвованіе и обратно, но еще не отказался отъ борьбы: изъ писемъ Е. А. Протасовой (см. ниже) видимъ, что онъ и въ августѣ, и въ октябрѣ дѣлалъ еще попытки получить согласіе матери. Но тонъ письма М. А. заставляетъ думать, что въ іюлѣ для нея вопросъ былъ уже покончен и осталось лишь справиться съ своимъ сердцемъ: вотъ почему *четыре дня* (т. е. съ дня пріѣзда Жук—аго) ей было *грустно, несносно*, а потомъ *опять на душѣ яснѣе*. Прибавимъ, что Мойеръ уже весной дѣлалъ ей предложеніе (см. письмо XV); она отказала и просила его бывать по прежнему.

VIII.

Ей же.

(2 августа 1815 г.) — Здравствуй, моя добрая сестра! Вотъ уже 8-й день, какъ у насъ родилась дочка. Слава Богу, и она и мать здоровы совершенно, и Машка наша [1]) всякій день становится лучше и милѣе. Дунюшка моя! что если бы ты была теперь со мною! много бы дала за твое милое, милое сердце. Я къ тебѣ уже написала одно письмо, и еще напишу, когда будетъ время и на сердцѣ полегче. Теперь надобно скорѣй кончить для многихъ, очень многихъ причинъ. Будьте здоровы, мои ангелы. Дѣти мои несравненныя, любите всегда свою Машу, которая безпрестанно почти о васъ думаетъ, и такъ умѣла связать съ вами свое бытіе, что и за 1000 верстъ мы всегда вмѣстѣ.

Поцѣлуйте нашихъ сестрицъ и пишите чаще, мои добрые друзья! Donnez nous de la manne dans le désert. Богъ съ вами.

Сашка васъ цѣлуетъ. Она еще все лежитъ въ темнотѣ, и дѣвочка ея подлѣ нея въ своей люлькѣ, а я хожу между ими и говорю: Слава тебѣ, Господи! слава тебѣ!

IX.

А. П. Юшковой.

(2—12 августа 1815 г.) — Ничьи письма не производятъ такого сильнаго желанія *отвѣчать*, какъ твои и моей Дуняши, добрая, несравненная сестра Анюта! Другъ мой, какое у тебя славное, богатое сердце! сохрани тебя Господи говорить: *не входите въ это*! Лучше сего *это* ты вѣрно не найдешь ничего на свѣтѣ. Твоя жизнь (*тихая, какъ въ могилѣ*, но прекрасная и полезная, какъ должно быть на Божьемъ свѣтѣ) не пройдетъ даромъ; береги наше сокровище, ты хранитель не гробовъ, а счастія сестеръ друзей твоихъ, которыя умѣютъ тебя понимать и цѣнить твою душу. Желала бы я быть иногда Шатобріаномъ, Фенелономъ и... даже Каченовскимъ, чтобъ лежать у тебя на столѣ, давать тебѣ утѣшительныя мысли и — заставлять хохотать

[1]) Очевидно было колебаніе, не назвать ли дѣвочку Машей.

надъ *задремавшимъ владыкой*[1]). Правда твоя, владыко несравненень и c'est bien le cas de dire: *врешь, владыко.*

Милый другъ! прежде, нежели я успѣла окончить письмо свое и отправить его къ тебѣ, мы получили отъ васъ такія грустныя и дурныя, что вамъ обѣимъ непростительно такъ писать—вы все забываете, mesdames, что между нами 1000 верстъ, и что теперь еще больше надобно *все* говорить, или — *ничего*. Что у васъ на сердцахъ? Скажите, друзья мои? Что значитъ въ Дунюшкиномъ письмѣ: то, что прежде было *справедливо,* теперь *несправедливо*. Кто ее мучитъ? Какія вы безчеловѣчныя! Богъ знаетъ, что будетъ, когда мы получимъ отвѣтъ, а до тѣхъ поръ надо все, что ни есть хуже, за васъ придумать. Злодѣйки!

Что бы тебѣ разсказать про здѣшнихъ? Милый другъ, моя участь лучше твоей, я тебя умѣю вообразить во всѣхъ положеніяхъ, во всѣхъ занятіяхъ, во всякомъ кругу, со всѣми знакомыми, а я для тебя, для твоего воображенія не существую. — Постараюсь познакомить тебя хоть немножко съ нашимъ кругомъ. Здѣшнія дамы dans le tiers état, т. е. наша братья-профессорши весьма, весьма не просвѣщены. Знаютъ свою кухню, свою расходную книгу — и только. За то мущины только что звѣздъ не хватаютъ. Право, можно подивиться ихъ прилежанію и знанію. Рѣдко найдешь, чтобъ не зналъ по гречески, латыни и всѣхъ наукъ, которыя преподаются въ здѣшнемъ университетѣ. Mais aussi comme ils sont orgueilleux! beaucoup plus que tous les *dons Espagnols*, et orgueilleux seulement vis à vis des seigneurs Livoniens. Въ томъ состояніи найдешь совершенно противное. Мущины такіе всѣ дураки и неученые, что невѣроятно, а дамы такія умницы и просвѣщенныя, что похожи на ходячую энциклопедію. Ты не можешь вообразить, какія романическія головы! Напримѣръ, здѣсь мода дѣлать безпрестанно *des voeux*. Une demoiselle fait *voeu* de porter toute sa vie, ou bien un terme marqué la couleur *bleue* et elle n'ose sortir de son lit sans mettre ou une robe bleue, ou des souliers, ou bien un ruban, un cordon etc. Une autre fait voeu de ne pas se friser les cheveux les mercredis et vendredis; une troisième de ne point porter d'anneau, de colier et autres choses en or. Et on dit que très souvent elles se demandent entre elles: *quel est votre voeu?* Я хочу тоже сдѣлать какой нибудь обѣтъ, но не могу придумать что. Одна была мысль, но не очень интересна: я намѣрена *обѣщать носить во всю зиму шерстяные чулки и во все лѣто бумажные.* — Il y a ici une pauvre victime des romans: la baronne d'Ikskül, qui est pour moi extrêmement interes-

---

[1]) „Ты дремлешь, владыко!“ — стихъ изъ Катенинскаго перевода Эсѳири Расина. Анна Петровна очевидно привела стихъ, какъ образчикъ дурнаго языка. Переводъ Катенина печатался въ 1815 г. въ Вѣстникѣ Европы, и Юшкова привела въ письмѣ къ Жук-ому лѣтомъ этого года еще одну цитату для смѣха. „О, Боже, сице Вѣсы въ твоей десницѣ“.

sante. On l'a marié à l'age de 17 ans avec un homme qui ne connaît que chiens et chevaux — elle qui n'a habité que *l'empyrée*, et qui ne connaissait en fait d'homme que les Mortimers et les lords Orvilles, a été très étonné de trouver son mari bien différent de l'idée qu'elle s'en était faite. Elle a fait d'abord l'exigeante, ensuite la malheureuse, et a fini par le devenir en effet. Son aimable mari la maltraitait et cette pauvre jeune femme après cinq ans de mariage, avec deux enfants sur les bras, n'ayant rien, a demandé le divorce.—Dès que son mari a vu qu'elle avait pris son parti, il a changé absolument de conduite, a été aux petits soins avec elle, lui a assuré la plus grande partie de son bien, lui a fait cadeau d'une belle maison, s'en est acheté une très petite à côté, qu'il habite, et s'amuse à regarder sa femme!

Und erbaut sich eine Hütte
Jener Gegend nach
Wo, (nicht das Kloster, aber die Liebliche ist)
Blickte stundenlang
Nach dem Fenster seiner Lieben,
Bis das Fenster klang,
Bis die Liebliche sich zeigte.

Вообрази, что теперь онъ не выходитъ со двора, безъ того чтобъ не освѣдомиться, не нуженъ ли ей экипажъ. А она, бѣдная (теперь 25 лѣтъ) въ презлой чахоткѣ! Я ее видѣла одинъ только разъ; сама романическая геройша! Больше Саши ростомъ, чрезвычайно тонка и бѣла, волосы каштановые, глаза голубые и румянецъ, какъ у чахоточныхъ. Здѣшніе доктора ставятъ ее въ примѣръ терпѣнія. Неправда ли, что все это очень интересно.—Еще есть здѣсь штучка, но ту побережемъ до другой почты, а теперь только скажу тебѣ, что наша Катенька-Маша есть все, что ни есть лучше на свѣтѣ. Этотъ добренькій ребеночекъ такъ тиха, что голоса ея совсѣмъ не слышно, и точно какъ будто насъ знаетъ, улыбается каждой изъ насъ и мила несравненно. Ты бы ею радовалась, если бы она имѣла счастіе быть подлѣ тебя.

Прощай, мой милый другъ! Цѣлую тебя очень нѣжно. Добрая Анеточка, напиши мнѣ хорошенькое письмо — и пожалуйста, пиши всегда по французски. Признаюсь, мнѣ весело *показывать* твои письма, но я ихъ показываю только такимъ твореньямъ, которыя тебя умѣютъ понимать и достойны читать ихъ. Adieu, bonne amie. Aime moi bien et toujours.

Письмо интересно по живымъ и мѣткимъ наблюденіямъ окружающаго общества, а также по глубоко-вѣрному отношенію къ сантиментальному романтизму, навѣянному книжкой. Интересно и слегка ироническое отношеніе къ „Рыцарю Тогенбургу“, извѣстному ей еще *до* перевода Жуковскаго (появился въ № 1 „Для немногихъ“ въ 1818 г.); отношеніе это очевидно сложилось у М. А. самостоятельно и едва ли совпадало съ взглядомъ Жук—аго на балладу. Все это указываетъ на большую правдивость и глубину натуры М. А., умѣвшей соединить возвышенно-идеалистическое міровоззрѣніе съ полнымъ отсутствіемъ сантиментальности.

X.

А. П. Кирѣевской.

(6 сентября 1815 г.).— Здравствуй, моя Апонѣнъ, добрая, милая сестра моя! Какое милое, славное письмо ты намъ прислала! оно такъ и дышетъ твоею душой. Дуняша! мы точно одинаково съ тобой живемъ: мы одно думаемъ, равно боимся и равно надѣемся. Іюль (по 26) [1]) былъ самый несчастливый мѣсяцъ всей моей жизни, точно потому, что я воображала его быть *послѣднимъ* счастливымъ! я разставалась съ каждымъ днемъ, какъ съ другомъ, котораго хоронила на вѣчно— Катька *все* поправила. Дунька моя, для чего же *теперь* мы розно? Но Іеремеи не годятся тамъ, гдѣ пособить нечѣмъ.

Дуняша! пиши, ради Бога, побольше объ себѣ. Ты не знаешь, какъ тяжело отказаться отъ васъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, ты одинъ разъ только писала такое письмо, которое заставило тебя *увидѣть* въ Долбинѣ—а то все одна своя голова работала. Я бы желала много тебѣ объ себѣ разсказать, но мой міръ тебѣ незнакомъ. Надобно тебѣ показать все, что есть лучшаго здѣсь, а его много! Первый человѣкъ (который заставляетъ благодарить Творца за то, что создалъ свѣтъ и на этомъ прекрасномъ свѣтѣ его и меня) есть *Лоренцъ Эверсъ* [2]). Вообрази, что этотъ прелестный старикъ заключаетъ въ себѣ все, что мы съ тобой видали, читали и воображали хорошаго. Ему уже 70 лѣтъ. Онъ крестилъ нашу Катьку и вчера, пришедъ навѣстить свою крестницу, благословилъ ее, заплакалъ и сказалъ: ich bin glücklich, da ich sie sehe. Ich will ihnen gestehen, wenn Gott mich ruft, ich bin fertig—aber ich kann es nicht leugnen: ich möchte so gerne sie herum laufen sehen! Что можетъ быть этого прелестнѣе?— Онъ очень глухъ и для того ходитъ очень рѣдко—вчера сказалъ: „Wenn ich bei ihnen bin, so denke ich immer, ich gehöre zu ihrer Familie mit, aber wenn ich an meine Taubheit mich erinnere, so fürchte ich—ihnen zu Last werden. Geben sie nicht Acht auf mich, lassen sie mich Zwirn oder Baumwolle wiekeln, und beschäftigen sie sich mit ihrer Arbeit, ich bin schon zufrieden, da ich mit ihnen in einem Zimmer bin. Lassen sie mich was vorlesen: ich wollte so gerne nützlich sein". — Chateaubriand про него сказалъ: on sent auprès de lui un certain apaisement des troubles du coeur. Когда мнѣ грустно, или придетъ минута нетерпѣнія, то я погляжу на его окошки, которые прямо противъ моего бюро, и опять все станетъ хорошо! Эверсъ заставляетъ любить свѣтъ Божій и всѣ Его творенія.

---

[1]) День рожденія Е. А. Воейковой.
[2]) См. посланіе Жук—аго „Старцу Эверсу".

Второе украшеніе Дерпта есть милый, добрый, благородный *Мойеръ*. Мнѣ бы хотѣлось показать его тебѣ такимъ, каковъ онъ есть, но *теперь* этого нельзя [1]). Скажу только нѣкоторыя главныя черты: напримѣръ, онъ положилъ себѣ за правило забывать или не думать о себѣ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ ближняго, и жертвовать всѣмъ другому. И это не слова, *а дѣло*. Онъ отказываетъ себѣ въ самыхъ пріятныхъ занятіяхъ для того, что можетъ употребить свое время и свой талантъ для другихъ. Клиникъ университетскій у него на рукахъ—но какъ тамъ нельзя содержать безпрестанно болѣе 5 человѣкъ (и то, чтобъ были больные разными болѣзнями, для обученія студентовъ), то Мойеръ нанимаетъ большой домъ, куда привозитъ себѣ безрукихъ и безногихъ и лѣчитъ на свой счетъ.—Скажу еще одно правило, которое онъ сдѣлалъ себѣ на всю жизнь и о которомъ говоритъ (онъ чрезвычайно веселаго и даже смѣшливаго нрава): Je sais, dit-il, que mon caractère enjoué et même étourdi ne convient pas à un docteur, et n'inspire pas beaucoup de confiance, mais je l'ai par principe: le proverbe favori de mon père (qui était ministre [2]) à Reval) était: soyez semblables à des enfants et le royaume des cieux est à vous. Je me suis donc fait une loi de m'armer d'insouciance dans tous les cas les plus extraordinaires de la vie, car l'insouciance est la vertu des enfants — je remets tous mes chagrins entre les mains de Celui qui me les envoie — et moi même je commence par rire, et à force de gaité factice je finis par être tranquille. Если бы ты его знала *всѣм*. то вѣрно полюбила бы чрезвычайно; поступки его съ нами есть все, что ни находится благороднѣйшаго на свѣтѣ. Во время Сашиныхъ родинъ онъ дѣлалъ то, что одна ты могла бы сдѣлать (c'est tout dire): маменьку онъ не вылѣчилъ, а спасъ отъ ужасной лихорадки, которая всѣхъ насъ мучила несносно; теперь взялся меня лѣчить и съ такимъ добродушіемъ и простотой, что хочется сказать: le royaume des cieux est à vous.

Третья прелесть есть оберъ-пасторъ *Ленцъ* [3]), который проповѣдуетъ евангельскую мораль примѣромъ. Pour celui là, il est extrêmement seduisant! C'est absolument un pasteur comme on en voit dans les romans: il a vingt huit ans, extrêmement pâle et maigre, de grands yeux noirs. Pour sa femme, c'est un petit être delicieux; elle est jolie comme un coeur gai et enjoué, et aimant son mari à l'adoration. Ils ont deux enfants qu'elle a nourrie elle même, et qu'elle aime, comme tu aimes les tiens. Lenz est le bienfaiteur de toute la famille de sa femme; sa belle mère qui demeure dans sa maison l'aime plus que sa fille, et tous les malheureux le regardent comme leur père.

---

[1]) Объясняется въ связи съ письмомъ XV.

[2]) Пасторъ.

[3]) Г. Е. Ленцъ, родственникъ извѣстнаго нѣмецкаго поэта Рейнгольда Ленца; его лестную характеристику даетъ Жук—ій въ письмѣ къ А. Тургеневу 1823 г. (стр. 134-5

Il est bon d'habiter un monde où il y a tant de braves gens! Еще скажу тебѣ хорошую вещь, твое сердце ей порадуется. Я получила сейчасъ отъ моего милаго брата Алекс. Павлов. [1]) письмо, и вотъ что въ немъ между прочимъ есть: au milieu d'une capitale je vis comme un solitaire, je lis, j'écris, je ne forme aucun projet, excepté celui de remplir mon devoir et tous les jours je prie l'Etre Suprême que mon aimable Marie, que j'aime comme une soeur, soit heureuse. Милая Дуняша! Видно, несчастіе лучше, нежели счастіе, потому что эти прелестныя души его не имѣютъ. Son devoir lui tient lieu de bonheur. Дуняша, объ немъ тоже весело думать, онъ украшаетъ Божій міръ.

Что сказать тебѣ о моихъ занятіяхъ? Наша жизнь идетъ помаленьку. Катька наша утѣшаетъ насъ и радуетъ всѣми своими затѣями. Мы избаловали малютку свою, она уже не можетъ иначе спать, какъ на рукахъ у которой нибудь изъ матерей. Можешь вообразить, что послѣ этого мы немного дѣлаемъ *дѣла*. Однако, все понемножку продолжаю старыя свои занятія; Зенфъ далъ мнѣ срисовать миніатюру, портретъ герцогини Курляндской, о которой говоритъ одинъ молодой и преумный человѣкъ *Götz*, что онъ не вѣритъ, чтобъ этотъ портретъ могъ быть похожъ, потому что если бы такое лицо существовало, то много бы Вертеровъ было на свѣтѣ! Моя копія удалась мнѣ очень. Не обѣщаю, но желаю и постараюсь сдѣлать для тебя другую на пергаментѣ.—У насъ завелись *дни*; по средамъ сбираются къ намъ на вечеръ гг. студенты, нѣкоторые профессора и короткіе знакомые, и мы играемъ въ жмурки, веревочку и *jeux innocents*. Одинъ студентъ, котораго люблю чрезвычайно, есть von *Wachschlager*, прелестное животное, похожъ на моего Алек. Павл. какъ родной братъ, говоритъ очень дурно по-русски и такъ милъ, и такъ же примѣчателенъ, какъ онъ; совсѣмъ не похожъ на нѣмца, я его люблю больше всѣхъ. Еще есть *фонъ-деръ-Боргъ*, преумный и поэтъ. 3. *Lebrun*, точный Menou [2]) нашъ, французъ во всей силѣ слова, и такой же нетерпѣливый. 4. *Шталь*, скучная умница, про котораго Саша сказала прекрасное bon mot. У него носъ чрезвычайно длиненъ, а самъ онъ малъ ростомъ. Я говорила, что мнѣ не нравятся его манеры; Саша сказала: *у него во всѣхъ манерахъ видънъ носъ*. 5. *Штеръ* и 6. *Шуманъ*, которые — такъ-съ, ничего! 7. *Палицынъ*, орловскій житель. 8. *Хрипковъ*, воспитанникъ Вендриха [3]). A propos: Знаешь ли, что Вендрихъ былъ здѣсь на двѣ недѣли, и что я ему обрадовалась, какъ дура. А онъ не только ничего отъ васъ не привезъ, но даже и не

[1]) Двоюродный братъ М. А., сынъ П. И. Протасова. Характеристика, его подробная и очень сочувственная, дана въ „Мелочахъ“ Дмитріева.

[2]) Французскій маршалъ, взятый въ плѣнъ въ 1812 г. и пользовавшійся вмѣстѣ съ многими французами гостепріимствомъ Протасовыхъ и Плещеевыхъ въ деревнѣ.

[3]) Ѳ. Г. Вендрихъ былъ сосѣдомъ Жук—аго по деревнѣ; письмо къ нему напечатано въ VI т. 7-го изданія Жук—аго. О Хрипковѣ см. ниже въ письмахъ 1818 г.

знаетъ ничего! Мы не выѣзжаемъ никуда и къ намъ никто изъ дам почти не ѣздитъ. Les grandes dames sort encore à leurs terres, et Mesdames les professeuses après avoir fait les visites de ceremonie attendent que ma soeur les leur rende.

Разскажу тебѣ смѣшную вещь, которая была съ нами съ начала пріѣзда нашего сюда. Мы ходили нанимать себѣ квартиру и намъ показали прекрасный домикъ, въ которомъ жилъ пасторъ Бидеръ. Не правда-ли, что фамилія уже что-то обѣщаетъ. Мы приходимъ: господинъ пасторъ сидитъ съ своей женой, которая (похожа на Соковнина) наливаетъ ему кофе; стали съ ней разговаривать объ городѣ — она никого и ничего не знаетъ: „Mein lieber Mann ist meine Welt!“ и тому подобное. Можешь вообразить, что она намъ чрезвычайно понравилась. Madame Pastorin Bieder уѣхала изъ Дерпта для того, что воздухъ противенъ слабому здоровью ея мужа. — Вотъ 7 мѣсяцевъ, какъ мы въ Дерптѣ. Профессоръ Ледебуръ присылаетъ сказать, что онъ помолвилъ жениться: на комъ? На пасторшѣ Бидеръ. — А господинъ пасторъ? — Онъ такъ боленъ, что съ нимъ жить нельзя, а что еще хуже, онъ такъ мало просвѣщенъ, что говорить съ нимъ не объ чемъ; будучи женаты уже 15 лѣтъ, они обо всемъ переговорили и Frau Bieder, geborene Fräulein von Mirbach (sehr bekannte Dichterin in Kurland) беретъ новаго супруга для того, чтобы имѣть кой о чемъ поговорить. — Me voilà désenchantée sur son compte!

(8 сентября). — Вотъ уже два дня, какъ это письмо начато; я не могла его отправить оттого, что занемогла было очень, провалялась въ постели и съ помощью почтеннаго благодѣтеля Мойера теперь опять на ногахъ, хотя еще на дрожащихъ, но опять въ силахъ писать къ тебѣ. Вчера, во время сильнаго жара, получила письмо твое. Дуняша, за что ты такъ несправедлива? я, право, этого ничѣмъ не заслуживаю. *Plus rien entre nous?* Mais ai-je merité tout ce que tu me dis? Ne te coûtait il pas à toi même de dire tant de choses injustes? Mais il faut te répondre article par article. La lettre que j'ai reçue ne venait pas de toi – et je veux parler à Eudoxie, à mon Eudoxie telle qu'elle etait avant, et point telle qu'elle veut paraître. Я бы дорого дала за то, чтобы совсѣмъ не получать письма этого, или по крайней мѣрѣ получить его гораздо позднѣе, когда физика и мораль мои не воюютъ противъ бѣдной *меня*, всегда слабой, но теперь sur un sol étranger слабѣйшей, нежели когда-нибудь. Мнѣ надобно оправдываться *передъ тобой*! О, Дуняша! между нами есть 1000 верстъ! Je ne voulais pas regarder la vie comme un *songe vain*! je ne comptais pas le sentiment que je porte dans mon coeur *si triste*, comme *une chimère*. Je *suis toujours digne de ton estime*.

Здѣсь (и въ слѣдующемъ письмѣ) виденъ образчикъ тѣхъ упрековъ, которые приходилось терпѣть М. А. даже отъ такихъ близкихъ друзей, какъ Авд. Петр. Послѣдняя, очевидно, не могла издали ясно представить себѣ, что дѣлалось въ душѣ М. А.

чувствовала какую то недоговоренность, обижалась ею, не понимала переходовъ настрсенія, и главное, продолжая быть вѣрной поборницей надеждъ Жук—аго, повидимому считала теперь иногда нужнымъ защищать его интересы противъ самой М. А. Ей не трудно было ошибиться; М. А. не могла быть вполнѣ откровенной въ письмахъ и не разъ горевала, что ея Дуняша не въ Дерптѣ и ей нельзя выложить ей все, что на душѣ. Такимъ образомъ, А. П. поневолѣ оставалась при своихъ личныхъ наблюденіяхъ прошлыхъ лѣтъ и могла для настоящаго опираться только на то, какъ переживалъ всю исторію Жук—ій, а онъ, какъ извѣстно, въ это время еще не потерялъ надежды на бракъ. Вотъ почему Авд. Петр. могла счесть напускную бодрость писемъ М. А., прикрывавшую глубокія страданія, за легкомысленную веселость; въ слѣдующемъ же письмѣ М. А. говоритъ ей ясно, что она заблуждается насчетъ душевнаго состоянія своего друга. — Ко всему прочему, М. А. въ сентябрѣ была сильно больна.

XI.

Ей же.

(*20 сентября 1815 г.*) — Милый другъ, я была очень больна и не могла отвѣчать тебѣ. А теперь мнѣ кажется, что это уже и не нужно. Вѣрно, Дунька моя, тебѣ самой грустно, что ты прислала мнѣ такое письмо. Оно меня огорчило очень — но такъ и быть. Что ты мнѣ ни говори, я буду все думать, что ты меня любишь, и что каково бы ни было, ты меня видишь такой, какъ я есть. Tu m'as donnée des preuves trop grandes de ton amitié pour que tes boutades puissent m'en faire perdre la conviction, qui est aussi necessaire à mon existence que l'air que je respire. Mais il ne faut pas que je m'attendrisse—j'ai été bien malade; et je remercie Dieu pour ma maladie—elle m'a fait beaucoup de bien. Depuis six mois, j'etais si mal sans être malade, que le docteur dit que je devais faire absolument une grande maladie; j'en ai été quitte pour une fievre au mal de côté, la toux et encore quelques autres agréments. On m'a fait avaler bien de vilenies, mais ce qui pis est, on a appliqué toute sorte de belles choses au côté et au dos, et l'affaire est finie comme à l'ordinaire par une bosse de carton. Je n'ose pas encore quitter mon lit, et je pense et parle bien souvent du temps où tu étais ma garde malade! О, моя Дунька! ты никогда не узнаешь, сколько я тебя люблю, да и не *должна* знать. Genug fur mich dass ich es weis!—Un seul petit mot encore, чтобъ все сбросить съ сердца. Ma lettre à Hélène t'a fait du chagrin, tu n'as trouvée que de la froideur dans *le titre de compatriote* que je vous donnais. Comme tu me connais peu. Pourquoi donc notre angelique amie, Марья Алексѣевна, me dit-elle que le chagrin qu'elle a remarqué dans ma lettre lui a fait du mal! M'aime-t-elle mieux que toi? Sait-elle mieux deviner mes sentiments et mes chagrins? Est-elle plus sûre que toi de mon attachement pour vous? — Но я опять заболталась. *Мнѣ запретили именно* писать къ тебѣ, покуда я совсѣмъ оправлюсь, но, Дуняша, можно ли въ этомъ послушаться. Ты же больна, моя душа, и у тебя лихорадка, а я, Богъ знаетъ, какъ далеко отъ тебя. Какъ то еще мы увидимся? Боже мой!

Нѣтъ, я видно тогда только буду умна, когда замолчу. Прощай, моя Душенька, береги себя, если хочешь, чтобъ я была довольна своею жизнью. Твоя есть моя собственность. — Когда будетъ мнѣ хорошо, то напишу много. Поблагодари Еленочку за ея письмо, и скажи, что диссертація ея о дружбѣ очень справедлива. Elle est bien heureuse de pouvoir expliquer aussi bien ce qu'elle sent. Il n'en est pas de même avec moi. Je remercie son angélique mère pour m'avoir deviner. Прощай, Дуняша! цѣлую моихъ дѣтей и крещу ихъ. Богъ сохранитъ всѣхъ васъ для Маши; она далеко отъ васъ.

Вопреки *всему* ты хочешь провести день рожденія Сашинаго *вмѣстѣ*. Ты хочешь *объясняться*, для того чтобы *не разстаться совсѣмъ*. Tu as besoin d'éstimer mon caractère, de me voir une âme grande et elevée. Tu compares mon amitié aux feuilles volantes qu'emporte le vent. Tu as partagé tous les sentiments de mon âme avec la force de *ton* amitié, et non de la mienne. Mon silence a tout fait disparaître et ton imagination était ton seul bien Tu attends de longues explications, des recits detaillés. Тебѣ бы хотѣлось любить меня *меньше*, или *не такъ:* видишь меня *такъ часто передъ собою виноватую очень*, и не только передъ собою, но и *передъ чистою совѣстью, прелестью добра* и *истинною, святою неизмѣнностью добродѣтели:* и въ эти часты минуты успокоиваетъ тебя одно *твое воображеніе*, одна *твоя довѣренность, превышающая слабость моей дружбы, холодность молчанія*, и *всѣ мечты дурныя. А я отталкиваю твое сердце*! *берегусь твоей дружбы*! Ты предлагаешь мнѣ въ *послѣдній разъ* руку черезъ *все*! Ты просишь меня *не увѣрять тебя въ дружбѣ*, если ты для меня не дорога. Однако жъ ты еще столько добра, что надѣешься на мой характеръ, на мое уваженіе и ждешь отъ меня искренности. Vous craignez ces faux fuyants, qui vous mettraient sur une même planche avec M-lle Щавински, Marie et autres personnes que je n'ai pu deviner. *Rien entre moi et vous!* Et puisse cette belle chimère de votre coeur ne point être un songe vain, comme tous ceux de la vie, comme la vie elle même. Vous nommez fantôme une chère croyance de l'âme qui l'avertit de sa noblesse et de sa grandeur.

Voila, Eudoxie, le resumé de ce qui se trouve dans votre lettre. Je n'ai fait que copier fidèlement tout, mot pour mot. Et après avoir relu votre lettre et la mienne, je pense que la meilleure chose, que je pourrais faire, ce serait de vous envoyer cette feuille telle qu'elle est, sans aucune explication, ni defense. Ton coeur prendrait mon parti contre toi même, et plus éloquement que tout ce que je pourrai dire. Eudoxie, je devine à peu-près ce qui t'a fait écrire cette lettre et je te pardonne le chagrin que tu m'as causé. Je suis sûre que tu l'as fait sans intention et que tu n'as pas relu cette triste et malheureuse épître après l'avoir achevée.

Изъясняться для того, чтобы не разстаться совсѣмъ. — Дуняша, этого не можешь сказать! Мое сердце говоритъ мнѣ, что мое пристве, мои изъясненія не такъ необходимы для сохраненія твоей жбы, какъ ты меня хочешь въ этомъ увѣрить. Je t'assure que a caractère n'a pas changé, depuis que nous sommes separées; tu besoin de l'estimer, dis tu—

(*Письмо не дописано*).

Въ благородномъ сознаніи своего достоинства и въ чувствѣ крѣпкой дружбы, ко-ми проникнуто письмо, прекрасно видна та самая l'âme grande et élevée, которую ала бы видѣть" Авд. Петр. въ Маріи Андреевнѣ.

XII.

Изъ дневника.

(Ноябрь 1815 г.)—Я пріѣхала отъ Мантейфель къ самому обѣду. кожу Мойера съ маменькой; онъ посылаетъ меня за игрушкой въ гую горницу, идетъ самъ за мной—вдругъ вынимаетъ письмо, го-я: „prenez ceci" и ушелъ очень скоро отъ меня прочь. Походка йк., спѣшившаго подсматривать, что мы дѣлаемъ, заставила меня ть его. Мойеръ пишетъ, что, не имѣя возможности говорить со й, онъ рѣшается писать. Я также не буду имѣть возможность го-ить, я должна говорить письменно, сказать *все* и тогда, когда мы лали контрактъ этотъ съ Воейк. Конечно, онъ давно его разру-къ, и первый, но онъ не уничтоженъ [1]). Таиться отъ мужа сестры й, и просить прибѣжища отъ чужаго! сказывать все, тогда, когда ама еще ни на что порядочно не рѣшилась. Казаться и даже быть самомъ дѣлѣ виноватой передъ всѣми—въ чемъ? въ томъ, что не у пустить погибнуть всѣхъ моихъ. Меня ужасаетъ отвѣтъ М. Если будетъ противный моимъ планамъ, то я крѣпко рѣшилась убѣ-ть изъ дома *куда нибудь*. Авось Воейк. сжалится надъ несчастіемъ . и Саши—потерявъ меня, онѣ будутъ несчастливы.

Мы ѣздили съ визитами; въ это время В. обѣщалъ мам. убить йера, Жуков. и потомъ зарѣзать себя.

Послѣ ужина онъ опять былъ пьянъ... У мам. пресильная рвота, а меня идетъ безпрестанно кровь горломъ. В. смѣется надо мной, го-я, что этому причиной страсть, что я также плевала кровью, когда ралась за Жук., что черезъ годъ вѣрно отъ какого нибудь генерала етъ таже болѣзнь.—Господи! если бы Жук. или Кавелинъ могли ѣть одинъ изъ этихъ ужасныхъ вечеровъ, они бы сжалились надъ нами.

---

[1]) „Контрактъ" этотъ, очевидно, былъ въ такомъ же родѣ, какъ тотъ, о которомъ А. писала въ декабрѣ Жук-му: „Воейк. требуетъ, чтобы я дала ему клятву не выхо-ь замужъ никогда, если онъ не будетъ дѣлать мнѣ огорченій" (Русск. Стар. 1883 г. ь, 14).

Этотъ листокъ изъ дневника (безъ числа) мы помѣтили Ноябремъ по указанію XV-го письма къ Кирѣевской. Тамъ М. А. разсказываетъ о тайно переданной запи Мойера и прибавляетъ, что въ отвѣтѣ своемъ Мойеру она извѣстила его, что прос у Жук—аго совѣта о замужествѣ (а объ этомъ М. А. впервые писала Жуковскому ноября).

Въ этой страничкѣ, писанной для себя, — яркая картина того, что приходи переживать Мар. Андр. Воейковъ всѣми силами противился браку съ Мойеромъ. Принявъ въ соображеніе всѣ матеріалы, извѣстные намъ, мы можемъ объяснить его поведеніе такъ. Прежде всего онъ не желалъ ни съ кѣмъ дѣлиться своей авторитетной роли въ семьѣ, состоявшей изъ однихъ женщинъ; хотя его внутренній авторитетъ былъ подорванъ самимъ же имъ, но это было больше всего въ глазахъ М. А., Екат. же Ив долго въ него вѣрила, тѣмъ болѣе, что дочери всегда молчали о его грубостяхъ, т что онъ оставался главой семьи — распоряжался имѣніемъ (Муратово было не раздѣлено), могъ даже оказывать вліяніе на судьбу М. А. (вспомнимъ его роль въ случаѣ съ Красовскимъ). Наконецъ онъ понималъ, что ради Алекс. Андреевны съ нимъ считали что боязнь за нее и самая деликатность семьи держитъ всѣхъ въ его рукахъ и обезпечиваетъ ему нужную и важную поддержку со стороны Жуковскаго и его вліятельныхъ петербургскихъ друзей. Какъ разъ не задолго передъ тѣмъ одинъ изъ этихъ пріятелей, Д. А. Кавелинъ жестоко поссорился съ Воейковымъ изъ за его поведенія въ семьѣ; Воейковъ, раздраженный этимъ, усилилъ свои грубости и имѣлъ быстро удовлетвореніе видѣть, какъ Екат. Ивап. и М. А. стали молить Жук—аго, чтобы онъ водворилъ миръ (въ концѣ дневника есть намекъ на связь поведенія Воейкова съ этой ссорой). Наконецъ, онъ чувствовалъ, что въ бракѣ М. А. ищетъ опоры и спасенія отъ него, и это должно набросить на него тѣнь въ глазахъ всѣхъ (объ этомъ онъ самъ говорилъ М. А.). Есть указанія и на то, что свое сопротивленіе онъ не прочь былъ выставить передъ Жук—имъ въ видѣ какъ бы нѣкоторой защиты интересовъ послѣдняго; по крайней мѣрѣ онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ послѣ рѣшенія М. А., пугалъ Жук—аго разсказами о томъ, будто М. А. рѣшилась противъ желанія, подъ давленіемъ матери и т. п. Вернувшись въ Дерптъ, онъ говорилъ, что пока онъ живъ, свадьбѣ не бывать, и давалъ понять, что дѣйствуетъ въ пользу Жук—аго, поселяя этимъ недовѣріе къ Жуковскому, все время просившему не торопиться. Вообще трудно представить себѣ всю массу лжи и гнусностей, которыми окружилъ онъ М. А. въ это тяжелое для нея время. Она же и въ это время искала съ нимъ мира.

XIII.

А. П. Кирѣевской.

(28 ноября 1815 г.) — Il y a longtemps, Eudoxie, que je suis morte pour toi — et je voudrais bien ressusciter. Погоди, можетъ быть, скоро будетъ можно. Сашино письмо есть точно то, что я чувствую, только еще вдвое, втрое сильнѣе ея, потому что ты у меня *одна*. У меня много есть начатыхъ къ тебѣ писемъ, можетъ быть, и пришлю ихъ. Прощай, моя душа, моя радость, береги мнѣ свою дружбу. Дуняша, знаешь ли, я думаю, *я увѣрена*, что ты готова сдѣлать для меня *все*, все то, что я бы для тебя сдѣлала. Люби меня *всегда* такъ, и будь увѣрена, что я *все такое*.

Не пишу больше, потому что очень болятъ зубы. Впрочемъ мое здоровье совсѣмъ поправилось. Богъ съ вами.

Милые мои ангелы ребятишки, здравствуйте! Ванюша, напиши ко мнѣ, пожалуйста, хорошенькое письмо. Ты знаешь, какъ бы ты меня утѣшилъ этимъ.

М. А. не хотѣла и не могла дѣлиться съ своей „Дуняшей“ тѣмъ, что переживала тогда, когда даже съ Жук—имъ у нея еще не установилось взаимнаго пониманія: она чувствовала, что еще труднѣе было бы сговориться съ А. П., которая долго и настойчиво лелѣяла мечту о счастьи Жук—аго.

XIV.

Ей же.

(29 декабря 1815 г.) — Ангелъ мой! счастіе мое! какъ благода-ть мнѣ тебя за письмо твое? Дуняша, если бы у тебя былъ какой-нибудь большой грѣхъ на душѣ, то вѣрно Богъ простилъ бы его тебѣ тотъ часъ, который ты мнѣ дала. Я уже *давно* не имѣла радостей, давно отъ нихъ отказалась, но письмо твое воскресило меня опять. Мнѣ ли бояться огорченій, мнѣ ли ждать несчастія! Дуняша моя бу-детъ ко мнѣ, Дуняша моя не больна такъ опасно, какъ я этого боя-лась. Вообрази, какъ Богъ ко мнѣ милостивъ: вчера получаемъ отъ тебя два письма, гдѣ ты ничего не говоришь о своемъ здоровьѣ, и они писаны въ ноябрѣ. На той же почтѣ письмо отъ Леночки отъ декабря, и она сказываетъ, что ты въ постели, что у тебя идетъ кровь горломъ и *просить* молиться о тебѣ!—Признаюсь, что я такъ была дурна, что не могла этого дѣлать; я не могла тебя вообразить иначе, какъ отчаянно больную, и просила у Бога только возможности *другой* за тобой слѣдовать. День этотъ, а особливо ночь 29 были одни ли не самые ужасные въ моей жизни. Je n'avais plus de resigna-tion pour mes propres chagrins, et j'avais une seule idée fixe. — Le bon Dieu, *ce Père*! il m'envoie aujourd'hui une lettre de toi, datée 14 —cette lettre m'a ressuscitée! я смѣло опять иду впередъ—мнѣ чего бояться? Все, что со мною ни дѣлается, я на все говорю: Дуняша здорова, Дуняша будетъ ко мнѣ, а теперь покуда *abia pa-zienza, Monsignor*, все перенесу! Je ne demande à Dieu que des for-ces physiques—le malheur, je ne le crains plus.

Ахъ, Дуняша! какъ ни дурно, какъ ни тяжело, но послѣ этого не могу жаловаться на свою участь. Mon ange! si je pouvais te voir — ты говоришь, кто мѣшаетъ мнѣ воскреснуть для тебя? *все*, Дуняша! а болѣе всего любовь моя къ тебѣ. Объ несчастіяхъ своихъ, такъ же какъ о болѣзняхъ, можно *говорить*, а не писать. Моя душа больна, но я должна сама все переносить. Твой взглядъ, твое слово, знаю, облегчили бы мое сердце, и даже дали бы мнѣ бодрости на будущую жизнь—но для этого нужно твое присутствіе. Когда мнѣ бы-детъ грустно очень, и неожиданно вдругъ слѣлается полегче, то я тебя благодарю за это; мнѣ кажется, что въ эти ужасныя минуты твой ангелъ хранитель научаетъ тебя за меня молиться.

Дуняша моя, когда ты будешь здѣсь, то я *все прошедшее* тебѣ представлю. Послушай, въ твоемъ письмѣ много такихъ выраженій, которыя огорчили бы всякаго другого, кромѣ меня. Ты имѣешь право читать мнѣ упреки (я увѣрена, что въ дружбѣ ты не сумнѣваешься), я имѣю также право *смѣло* смотрѣть тебѣ въ глаза. Дуняша!

нельзя вообразить, какъ далеко обстоятельства завести могутъ. Но Богъ—все *отецъ нашъ!* Пріѣзжай скорѣй, прошу тебя во имя Его!

По поводу „упрековъ“ Авд. Петровны, которые были такъ тяжелы М. Андреев припомнимъ, что Жук — ій 17 декабря журилъ Авд. Петровну за тонъ ея писем Дерптъ (см. выше, стр. 24 и примѣч. на стр. 25). Для М. А. декабрь дѣйствител былъ самымъ тяжелымъ временемъ: недовѣрчивость Жук—аго относительно добро ности ея рѣшенія, настойчивыя требованія отсрочки самого вопроса о бракѣ съ Мо ромъ, рѣзкости его съ Ек. Аоан., инсинуаціи вернувшагося изъ Петербурга Воейк его угрозы самоубійствомъ, дуэлью и пр. — все это падаетъ на декабрь; на святк когда М. А. пишетъ данное письмо, Жук—ій еще только готовилъ ей то громадное сланіе (20 печатн. страницъ, Русск. Стар. 1883 г., іюль), гдѣ впервые его тонъ с новится мягче и онъ выражаетъ желаніе пріѣхать вскорѣ въ Дерптъ для личныхъ го говоровъ. Онъ былъ у нихъ въ январѣ, заставилъ Воейк. присмирѣть, объяснил М. А. и Мойеромъ, и тамъ всѣ вздохнули полегче.

XV.

Ей же.

(13 февраля 1816 г.)—Милый ангелъ! ты страдаешь, твоя жи въ опасности и я этому причиной. Дуняша моя! если бы ты вид весь ужасъ моего состоянія.—O mon Dieu! ma vie serait trop peu chose pour racheter tes souffrances! mon ange, tout mon bien! me pa donneras-tu les inquietudes que je t'ai causées? Mes bons enfants, le pardonnerez vous? Non, Eudoxie, j'ai exigé trop de bonheur, n'étais pas digne de le posseder. A présent il n'y aurait qu'un bien pour moi, c'est de pouvoir aller chez toi, de te voir un instant, te demander pardon à genoux pour tout le mal que je causé! Mon ange, je te vois continuellement malade, souffrante et n'ose me rendre compte de tous les sentiments affreux qui m'obsedent.— Жива ли ты? Господи, неужели я тебя переживу! Дуняша, и я пр чиной всего нашего несчастія. Дѣти мои, неужели вы меня не буд проклинать. Боже мой! если бы я могла къ тебѣ ѣхать. Мамень хотѣла ѣхать со мной тотчасъ по полученіи эстафета, но это нев можно. Саша уже недѣлю больна жестокой лихорадкой, одна болѣ ея насъ остановила. Te voir un seul instant, aurait été *tout* pour m Милый ангелъ, въ тебѣ мое сокровище, ради Бога, дѣлай все, что выздоровѣть. Non, Eudoxie, ta vie est la mienne—je suis sûre[1]).

Мнѣ надобно скорѣй растолковать тебѣ глупое, сумасброд письмо мое, которое я не прощу себѣ никогда. Я думала сдѣлать ли лично! Мнѣ нужно было тебя видѣть и показать себя такъ, какъ

[1]) Тревога объясняется тѣмъ, что Авд. Петр. выѣхала изъ Долбина на призы М. А., но заболѣла, едва доѣхавъ до Москвы. Жук — ій писалъ ей по этому повод „Провалиться подъ ледъ въ 50 верстахъ отъ своего дома, простудиться жестокимъ об зомъ, жить два дня въ избѣ, потомъ ѣхать еще 200 верстъ, чтобы остановиться о только день и пускаться за 1000 верстъ съ болѣзнью, съ опасностью потерять мил безцѣнную жизнь, забыть изъ неравненной дружбы все—и дружбу, и дѣтей — так ангеломъ-бѣсомъ можете быть только вы!“ (Русск. Стар. августъ, 229).

ъ—je voulais te demander des forces, des conseils, *ton âme*, pour
ce le bien, pour meriter d'être heureuse. J'avais peur de t'affliger
ec les lettres, il fallait que tu me vois, que tu vois tout ce qui
ntoure, que tu puisses juger de *tout*, et que tu me benisses pour
n avenir. Joukovsky m'avait fait entrevoir un bonheur encore plus
nd—il disait que tu viendrais avec nos enfants pour une paire d'an-
s que tu te fixerais auprès de ta Marie, qu'il était sûr que cela
rrait se faire. Et lui il voulait se consacrer pour notre pauvre
xandrine, il voulait tout faire pour son répos; demeurer avec elle
empêcher à Woey. de nous separer. Eudoxie, j'ai eu beaucoup de
grins, je me suis trouvée vraiment malheureuse, car je n'ai plus
de patience pour supporter mon sort. Mais Dieu a tourné en bien
s les malheurs, et j'espére tout de l'avenir. Mon ange, je veux me
rier. Eudoxie, je t'avouerai franchement que j'ai été d'abord *forcé*
cela, mais Dieu a eu pitié de moi, je le *desire* maintenant. Joukovsky,
ange, me l'a conseillé d'abord et à présent il dit que ce sera faire
bonheur que d'y travailler au mien. Je lui ai écrit tout de suite,
que j'avais pris cette résolution. Il est arrivé de Petersbourg, a
sé avec nous deux s maines et nous promet de revenir pour le 1
Mars (nous avons crû le fêter *avec toi!*). Je t'envoie la lettre que
s avons reçu hier. Дуняша, безподобная душа его создана для сча-
я другихъ; я увѣрена, что все будетъ лучше и для него, какъ скоро
ъ будетъ знать, что я имѣю все. Le temps qu'il a passé ici nous
ns toujours parlé sans contrainte et avec la plus grande sincerité.
aime Moier comme un frère et dit qu'il sera heureux, quand il
ra que je depends d'un homme aussi vertueux et estimable sous
s les rapports. Они говорили обо всемъ вмѣстѣ, искренно и съ чи-
сердечнымъ желаніемъ найти *мое* счастіе. Мойеръ любитъ Жуков-
го больше всего на свѣтѣ, онъ говоритъ, что откажется навсегда
счастія, какъ скоро минуту будетъ думать, что не *всѣ трое* мы
демъ его. Дуняша, мнѣ хотѣлось, чтобъ ты сама видѣла его и су-
а объ немъ. Tout ce que je te dirai ne te suffira pas et ne pourra
te rassurer. Il a une âme presque tout aussi belle que celle de
kovsky, un caractère noble. Malheureusement j'ai eu occasion de
rouver dans bien des cas. Видишь ли, мой другъ, онъ весной, во
мя Сашинаго брюхатства, предлагалъ мнѣ руку, не знавши ничего.
тказала и просила его продолжать быть съ нами по старому. Во
мя родинъ Сашиныхъ онъ дѣлалъ болѣе, нежели желать и вообра-
ь можно. Осенью я была опасна больна, онъ меня вылѣчилъ и все
мя былъ со мною, какъ съ сестрой. *Дома* было было у насъ *очень*
но, я рѣшилась идти замужъ и первой *résolution* виновата передъ
еромъ. Теперь я люблю его очень много, и увѣрена въ своемъ,
нашемъ счастіи. Я говорила маменькѣ и писала Жуковскому прежде
хъ. Между тѣмъ des malveillants se sont depéchés de parler à Moier

de ma vie passée tout à fait autrement qu'elle n'a été, croyant l'a
ger à me mépriser. Le brave homme a reçu ces confidences d
manière la plus noble. Son premier désir a été de m'être utile;
pouvant jamais me parler il m'a écrit une lettre, que je vo
t'envoyer, mais dont je te copie quelques passages. Ou bien je te
de quoi il est question. Il me dit qu'ayant appris tout ce qui regar
Joukovsky et me voyant malheureuse à la maison, il me priait de
enseigner la manière dont il pourrait m'être utile: „Wahrheiten
Niemandem geglaubt werden, glaubt man oft dem Arzte. Vielleicht
ich am leichtesten ein Vorurtheil besiegen, indem ich die verderblich
Folgen desselben schildere. Fordern Sie dreist was ich für sie
soll; ich werde nichts für einen Opfer halten. was zu ihrem Gl
beiträgt".—Я отвѣчала искренно на все, сказала, что просила у Ж
совѣта идти за него замужъ и что Жук. отвѣчалъ, что ему
только знать меня счастливу, что онъ проситъ меня не спѣшить и
тать себя. Мойеръ говорилъ со мной много, и я сказала *все*, что
на сердцѣ. Après cette conversation il m'a dit, que je n'étais eng
a rien, qu'il serait bien malheureux si la chose n'avait pas lieu.
qu'il le serait mille fois plus, si j'allais me repentir un jour de c
résolution, qu'il me priait d'être avec lui comme auparavant, et d
regarder toujours comme un frère, qui ferait tout pour mon bonh
Il partit pout Reval, et ne revint que le jour de l'arrivée de Joukov
Они говорили много. и Жуковскій говоритъ, что никто такъ его
понимаетъ, какъ Мойеръ, что и его и ему весело было слушать.
Joukovsky fait toujours des plans pour notre bonheur, et tu y es c
prise dans tout. mon ange. Il veut loger avec Alexandrine et all
son sort autant que possible, et qui peut le faire mieux que lui? M
съ ребятишками хочетъ онъ перетащить сюда года на два (по кра
мѣрѣ) и радуется той *блаженной колоніи*, которую мы населим
dit qu'il a plus de confiance en Moier, qu'il n'en a en moi et en
man. qu'il est sûr que lui il fera plus pour nous que nous m
Этотъ ангелъ говоритъ, что онъ *теперь* счастливъ, когда у него
вязаны руки для меня работать. — Жук. говорилъ Мойеру, что
долженъ чувствовать цѣну той жертвы, которую я ему дѣлаю.
non seulement je renonce à ma partie, à mes habitudes, mais à
famille, à ma maison même pour lui. — Тотъ отвѣчалъ, что это
нужно, que ses sacrifices à lui étaient déjà faits. Qu'il quitterait
patrie, son cercle, ses parents, *tout*, dès que je le desirerais -
maintenant il apprend le russe pour pouvoir partir d'ici le plutôt p
sible. Я знаю, каково разстаться съ отечествомъ, и не буду эт
требовать прежде, чѣмъ увѣрюсь, что могу замѣнить его (если
только когда нибудь можетъ быть возможно). Дуняша, напиши
что планъ Жуковскаго не есть химера; если бы ты могла вообра
какъ ты мнѣ необходима! Но нѣтъ, ты этого знать не можешь

должна, потому что и тебѣ было бы грустно. *Contre impossibilité il n'y a rien qui tienne!* et je suis sûre de toi, que si la môindre possibilité existera jamais, tu en profiteras. Je n'ai pas besoin de te *prier* pour cela.

Слушай же, мой ангелъ, *le resumé* всего: теперь еще ничто не рѣшено и ничто не положено. Мойеръ-*докторъ* ходитъ провѣдывать насъ всякій день, изрѣдка говоритъ со мной искренно, и требуетъ всегда *одного*, чтобъ я не спѣшила ничѣмъ, чтобъ узнала его больше, и чтобъ прежде всего думала о счастіи Жуковскаго. Вчера принесъ мнѣ журналъ своей жизни въ Италіи, и просилъ судить объ немъ sans prévention, favorable. Il a un coeur excellent et très bienfaisant. n'a pas du tout d'ambition et un desir extrême d'être utile et active. Жуков. будетъ сюда въ мартѣ, и можетъ быть поѣдетъ за тобой. — Для чего сама ты не можешь ни о чемъ судить, а особливо обо мнѣ. Дуняша, я отъ тебя ждала добродѣтели, твердости и всѣхъ качествъ, чтобъ быть достойной счастія. — Семейство Мойера состоитъ изъ матери 60 лѣтъ, сестры-вдовы, премилой, лѣтъ 30-ти и трехъ ея дѣтей — дочери 15 л. и двухъ маленькихъ отъ втораго брака. Онѣ, кажется, никто ничего не знаютъ, ласкаютъ меня, какъ хорошую знакомую, и не ѣздятъ къ намъ никогда, для того чтобъ не досадить Воейкову. — Eudoxie, pourquoi n'est tu pas ici? Ou plutôt pourquoi n'est tu pas restée à Dolbino! jamais je ne me pardonnerai ton voyage! Дуняша, я безпрестанно молюсь за тебя Богу, но мнѣ еще не легче. Ради Бога, пиши ко мнѣ, пиши больше и адресуй свои письма на мое имя. Воейк. еще почти ничего не знаетъ. O ma bonne amie! si Dieu nous réunit un jour, je serai parfaitement heureuse! Завтра буду много писать, теперь покуда прощай. — Добрый Мойеръ ждалъ тебя съ нетерпѣніемъ и въ отчаяніи отъ твоего письма и твоей болѣзни. Онъ самъ бы желалъ ѣхать, чтобъ увѣриться, что ты не очень больна. Богъ знаетъ, что со мной будетъ, если еще два дня не получу отъ тебя извѣстія.

Въ томъ же февралѣ (19-го) Жук—ій пишетъ Авд. Петровнѣ съ своей стороны подробно о Дерптскихъ дѣлахъ. Письмо его проникнуто мягкимъ и свѣтлымъ чувствомъ, искреннимъ желаніемъ для всѣхъ все устроить и удовольствіемъ отъ возможности этого достигнуть. Онъ называетъ три недѣли, проведенныя въ Дерптѣ, „самой богатой прекраснымъ чувствомъ эпохой своей жизни“. Онъ настолько полонъ самоотверженія, что совершенно не далъ даже чуткой М. А. замѣтить тѣхъ тяжелыхъ минутъ, которыя находили на него тамъ и о которыхъ онъ откровенно пишетъ Авд. Петровнѣ. (См. Русск. Стар. 1883 г. августъ, 233, 236).

XVI.

Ей же.

(14 февраля 1816 г.).— Милый другъ мой, пришли мнѣ тотъ образъ, который ты обѣщала; я его ждала долго съ нетерпѣніемъ и

грустно *очень*, что не получила его мѣсяцами двумя прежде. Дуняша, мнѣ *иногда*, *часто* бываетъ тяжело, очень тяжело, но это пройдетъ! Въ иныя минуты я такъ увѣрена въ счастіи, добромъ, продолжительномъ, что ничего не боюсь и смѣю дѣлать планы на будущее, а иногда—*худо! Голосъ друга, друга Дуняши*, могъ бы воскресить. Si tu savais, ma soeur, comme j'ai su t'associer à moi, a toutes mes idées, à mes sentiments, pensées, plaisirs—à tout enfin excepté les peines—et même les peines,— je les partage aussi avec toi, ma douce amie! je t'avais écrit un long journal, très detaillé, pendant quatre mois, depuis Septembre, et j'avais voulu te le rendre; mais ensuite dans un moment de bonté (peut-être déplacée) je l'ai brulée sans pitié. J'ai eu raison de le faire, car ce ne serait que te causer un chagrin inutile—tu me connais, Eudoxie, tu ne m'accuseras jamais. Посылаю теперь несчастные остатки грустныхъ и хорошихъ минутъ. Посылаю то, что приготовила было къ твоему пріѣзду—и мой альбомъ. Я заказала был для тебя такой же, но онъ еще не готовъ. Посылаю экземпляръ, который Жуковскій велѣлъ *вручить* тебѣ.

Прощай, мой ангелъ! моя добрая, несравненная Дуняша. Молюсь о тебѣ точно всякую минуту—Богъ дастъ намъ счастіе еще увидѣться. Береги себя—ты *все* для твоей Маши.

Посылки теперь не приняли; въ четвергъ отправлю ее на имя Офросимовыхъ.

XVII.

Ей же.

(16 февраля 1816 г.).—Дуняша, мнѣ стоитъ только запечатать письмо къ тебѣ и отослать его на почту, чтобъ получить сильнѣйшее желаніе опять писать къ тебѣ. Какой ты ангелъ! Господи! могу ли я имѣть одну грустную минуту тогда, когда знаю, что твое сердце—мое. Я перечла теперь два твои письма, Дуняша—жить и не видать тебя—Богъ знаетъ! mon coeur n'est que contradiction! ce que je desire le plus c'est d'être sûre que tu es *bien*, et puis je me mets à penser, que tu as des amis, de liaisons que j'ignore, des connaissances pour moi inconnus, des personnes, que te font passer ton temps agréablement, sans que tu te rappeles de moi, je deviens si triste de mon absence! Non, Eudoxie, il n'y aura jamais que toi, toi seule au monde qui sera pour moi *l'amie, le bien suprême*, enfin tout ce que signifie le mot *d'amie* dans toute son étendue. Послушай, съ тѣхъ поръ, какъ мы разлучены, мнѣ необходимо нужны увѣренія въ дружбѣ: голубушка, говори мнѣ во всякомъ письмѣ такія же милыя слова, какъ въ одномъ изъ послѣднихъ! Хотя ты это теперь сдѣлаешь по моей просьбѣ, но ты такъ мило будешь говорить, что они выдутъ

изъ сердца. Мой добрый ангелъ, мы никогда не будемъ разлучены, мы раззнакомиться не можемъ. Mes nouvelles liaisons m'attachent encore plus aux anciennes, ce que je trouve bon n'est jamais meilleur que le vieux, ce qui est mauvais — est plus supportable par le souvenir du bonheur dont j'ai joui. А ты—*моя душа* (во всей силѣ слова), ты всегда присутствуешь въ хорошемъ и дурномъ, въ радости и непріятности. *Ты* связана со всѣми чувствами и любить тебя есть тоже, что дышать.

Зачѣмъ начала я письмо это? сказала-ли я тебѣ что-нибудь новое или интересное — нѣтъ! но мнѣ уже стало полегче. Нѣтъ, Дунька, если я тебя не увижу, то мнѣ будетъ худо! Богъ знаетъ. Послушай, моя прелесть, — будь на мой счетъ спокойна, моя жизнь будетъ хороша! je crois qu'il est très facile d'être bon et heureux, une fois que l'on est resolu à l'être. Mes devoirs me sont chers — мнѣ бы нужно было имѣть путеводителя или лучше сказать *поддержателя*, но мое и твое сердце одно и то же, стало быть, вѣрные проводники на длинную дорогу.

Я завтра собираюсь говѣть. Дуняша, если бы ты знала, какъ много у меня воспоминаній на всякомъ шагу жизни. Я помню, что счастливѣйшая минута для меня была та, когда я лѣтомъ говѣла вмѣстѣ съ нашей Марьей Петров. и мы дали другъ другу слово быть *добродѣтельными* и останавливать одна другую во всемъ дурномъ. Теперь...

Послушай, я лучше завтра буду писать къ тебѣ.

XVIII.

В. А. Жуковскому.

(20 февраля 1816 г.).— Здравствуй, мой милый, добрый другъ, благодарю тебя за твое письмо, оно избавило меня отъ мучительнаго безпокойства на твой счетъ. Береги себя, безцѣнный мой Жуковскій! если бы ты зналъ, какъ тяжело за тебя бояться. — Я къ тебѣ не писала всю недѣлю, не сердись за это, право оттого, что хорошаго не имѣла сказать, а дурнаго такъ много, что не смѣла взять пера въ руки. У меня теперь одна мысль, одинъ страхъ и мученье, за мою Дуняшу, всѣ прочія *tracasseries* передъ этимъ ничего не значатъ. На послѣдней почтѣ отъ нея не было писемъ, а въ пятницу получили мы письма отъ ребятишекъ къ ней! можешь вообразить, каково было читать ихъ [1]). Они просятъ ее скорѣй возвратиться и пеняютъ, что отъ нея нѣтъ такъ долго писемъ. Je crains de vous communiquer mes craintes, теперь за одну строчку руки ея отдала бы жизнь.

---

[1]) Надо понимать такъ, что пока А. П. больная оставалась въ Москвѣ и вѣсть объ разстройствѣ ея поѣздки еще не дошла въ Долбино, дѣти успѣли написать ей въ Дерптъ.

Я здорова совсѣмъ, безпрестанно выѣзжаю и молчу крѣпко. Ты знаешь, что 20-е числа у насъ *много значатъ* [1]). Сашина лихорадка прошла, она живетъ на своей половинѣ, но мы изрѣдка видимся. Бѣдная Катька наша мила, какъ ангелъ, у нея два зуба и вышли почти безъ боли, двѣ ночи она покапризничала немного, и теперь опять умна и спокойна.

Mon tuteur jaloux est plus aimable que jamais, à présent qu'il voit que j'ai pris le parti de me taire et de paraître indifferente à tout ce qu'il fait; il a plus de peines que jamais — je suis toute la journée hors de la maison, et le pauvre homme est obligé de courir à toutes les portes pour voir où se trouve mon traineau, il tremble qu'il ne soit à la porte de Moier. Куда дѣвалась прежняя лѣность! послѣ обѣда уже не спитъ, по утру встаетъ ранехонько и только имѣетъ немного покоя вечеромъ. Мы ожидаемъ Ивана Ѳедоровича [2]) и желаемъ казаться очень дружными, но такъ какъ онъ будетъ не прежде, какъ въ пятницу, то мы смѣло ссоримся, потому что помириться *успѣемъ!* Добрый Мойеръ не перемѣняетъ своего обращенія, онъ видитъ всѣ наши бѣды и притворяется, что ничего не замѣчаетъ. Мать его звала меня очень вчера къ себѣ, но я еще не смѣю, peut être dans trois ou quatre jours je serai poltron revolté, et je pense que cela sera mieux, au moins cela ne pourra pas être *pire*. C'est sûr! Воейк. просилъ Мойера не обращаться *такъ вольно* съ женой его, потому что Ив. Ѳед. имѣетъ прекрасный топъ, et il pourrait être choqué de *la conduite d'un docteur*. Добрый Мойеръ не отвѣтилъ ничего. Петерсонъ посѣщаетъ насъ всякій день, и мы [3]) его боимся.

Вотъ мои новости, Жуковскій, дай Богъ тебѣ ихъ не знать на опытѣ. Но это все не тяжело, лишь бы я была спокойна насчетъ Дуняши. За нее нѣтъ силъ терпѣть. Прощай, мой ангелъ! Дай Богъ, чтобъ тебѣ было хорошо, чтобъ ты зналъ уже что-нибудь объ ней. Будь здоровъ, береги себя. Христосъ съ тобой.

XIX.

А. П. Кирѣевской.

(27 марта 1816 г.).— Ангелъ мой! опять отъ тебя давно нѣтъ извѣстія, и послѣднее письмо ваше говоритъ, что ты больна *очень*. Господи! все сердце изныло отъ этой мучительной неизвѣстности и несноснаго безпокойства; я молюсь за тебя безпрестанно — а все нелегче. Ради Бога, пишите теперь почаще. Дуняша, во всякое время

---

[1]) Очевидно, имѣетъ отношеніе къ Воейкову и его кутежамъ, которые пріурочивались къ полученію жалованья.

[2]) Братъ Воейкова.

[3]) Т. е. Воейковъ.

ужасно бы было безпокойство насчетъ твоего здоровья, вообрази же, каково *теперь* мнѣ бояться за тебя и не слыхать родного голоса. Ecrivez moi, par pitié! ta maladie me fait souffrir bien plus que tu ne le peux croire—quand je pense que c'est moi, qui en suis la cause, et qu'elle augmentera bien davantage lorsque tu auras reçu ma lettre, je suis plus que malheureuse. Дуняша, Богъ знаетъ, что со мной будетъ, и *теперь* я съ тобой розно. — У насъ дома все продолжаются ссоры и огорченія. Воейковъ собирается въ маѣ ѣхать въ Крымъ, Катеньку оставляетъ намъ. Que deviendra ma pauvre soeur étant si loin de tous les siens, avec un homme qui a si peu de pitié pour elle? On ne peut pas avoir une idée de son peu de delicatesse, et de tout ce qu'il invente pour la tourmenter. Здоровье ея такъ разстроено, что я отчаиваюсь, чтобъ оно когда-нибудь поправилось. Дуняша, мы не знали годъ назадъ, что такое настоящее несчастіе.

Душа моя, пиши о себѣ, ради Бога. Неужели я осуждена безпрестанно страдать за все то, что всего дороже. Я могу дѣйствовать противъ всѣхъ *здѣшнихъ* огорченій, и имѣю на это довольно силъ— но противъ безпокойства на твой счетъ у меня нѣтъ никакого лѣкарства! Нѣсколько разъ приходило мнѣ въ голову отправить къ тебѣ Мойера, онъ бы вылѣчилъ, утѣшилъ, успокоилъ тебя на мой счетъ и — привезъ бы сюда! О. Дуняша, мнѣ тогда только будетъ легче, когда тебя увижу. Мы ждемъ Жуковскаго теперь всякій день—этотъ ангелъ все, все дѣластъ для спокойствія маменькинаго.

Въ іюнѣ мы непремѣнно поѣдемъ къ водамъ въ Ревель. Ангелъ мой, если бы мы уже были вмѣстѣ. О! тогда всѣ лѣченія мнѣ бы помогли. Жуковскій увѣряетъ, что ты будешь здѣсь со всѣми дѣтьми и что мы *поживемъ вмѣстѣ!* Ты не можешь знать, сколько ты мнѣ нужна. Si même tu m'aimais autant que je t'aime, cela ne serait pas possible, car les circonstances sont tout-à-fait differentes. J'attends *tout* de toi.

Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы ты знала Мойера; его доброе сердце и деликатность вѣрно бы тебя заставили полюбить его—да и на мой счетъ ты была бы спокойнѣе. Je suis si sûre de mener une vie tranquille et bonne, utile à mes semblables, sans reproches sur le présent, tranquille sur l'avenir et ce qui est le comble du bonheur savoir maman tranquille et Alexandrine consolée. Cet ange meriterait un sort si different du sien.

Adieu, ma chere. J'attends ta reponse avec un serrement de coeur impossible à décrire, et j'espére l'avoir samedi. Дуняша, неправда ли, что этотъ ужасный годъ, проведенный здѣсь, мы гораздо болѣе были *розно,* нежели когда-нибудь смерть можетъ разлучить насъ. Впередъ этого не будетъ. Прощай теперь, Богъ съ тобой.

Поцѣлуй дѣтей и сестеръ. Я надѣюсь, что ты имъ читала мои письма.

XX.

Ей же.

(3 апрѣля 1816 г.)—Милый, добрый мой другъ! какое письмо! Богъ тебѣ заплатитъ за тѣ минуты, которыя я имѣла, читая его. О, Дуняша какое бы мнѣ благодѣяніе было теперь тебя видѣть. Душа моя, какъ тебѣ за меня должно быть страшно и тяжело—я увѣрена, что и тебѣ было бы легче, когда бы ты меня видѣла, когда бы я тебѣ *все* говорила, когда бы ты знала добраго Мойера. Ему можно смѣло повѣрить счастіе семейства, il a des sentiments élevés, et sa belle âme est capable d'apprécier et de remplir les devoirs qu'on lui confie. Je suis sûre de posseder toujours sa confiance; son estime et son amitié pour Joukovsky sont aussi grands qu'ils doivent être; j'attends de lui un bonheur tel que je le desire, et tel qu'il est possible. Милый другъ! увѣрь себя, что *жертвы* я сама бы считала *эгоизмомъ*. Въ тихой жизни, въ искренней дружбѣ, совершенной довѣренности и въ крѣпкой увѣренности, что завишу отъ достойнаго, благороднаго человѣка, заключено для меня будущее. Оно должно быть прекрасно. У меня добрые товарищи на жизнь, *за себя* мнѣ бояться нечего. — Je t'avoue, Eudoxie, que le moment où je me suis decidée a été affreux, mais Dieu a tant fait pour moi, que je le remercie pour la résolution que j'ai prise. Plus je connais Moier, et plus j'ai lieu de m'applaudir.— Какъ хочется, чтобъ ты узнала его, ты была бы спокойнѣе на мой счетъ. Il ne pourra jamais soupçonner le mal, car il ne lui croit pas, et il a un desir si ardent de faire le bien, d'être actif, utile, il est si désinteressé. Онъ просилъ у меня *пожертвовать* — отказаться отъ имѣнія и отдать его Воейкову. Il a cru acheter son amitié! mais rien ne pourra jamais la lui faire avoir, car W. lui envie toutes ses bonnes qualités et il est sûr de voir *un pauvre docteur* preferé en tout à lui.— Добрый мой ангелъ Жуковскій боится, что меня будетъ огорчать новый кругъ, въ которомъ я должна буду жить, que ces gens là ne me conviennent pas. Je voudrais l'en dissuader. Si les amis que j'ai maintenant ne m'aiment qu'a cause de ma condition, et s'ils me quittent pour mon nouvel état, je ne les trouve pas dignes d'être regrettés— ceux qui m'aiment pour moi ne cesseront pas de m'aimer malgré le changement. La mère de Moier est une excellente femme; il est difficile d'être plus bonne, et d'aimer plus ses enfants, qu'elle ne l'aime. Il sera facile de lui plaire. La soeur est aussi très bonne, et je suis sûre d'avoir déjà gagnée son amitié. Pour le genre de vie que je menerai, je crois qu'il sera le plus tranquille et le plus actif: beaucoup de travail (car cela sera *не нужное, а необходимое*), beaucoup de bonnes occupations, car j'aurai tous les moyens de faire le bien, et encore les exemples devant les yeux.

Прощай, мой милый, добрый другъ. На будущей почтѣ пришлю много писемъ. Теперь нельзя. Жуковскій не пишетъ оттого, что онъ обѣдаетъ у Мойера, а Мойеръ написалъ было къ тебѣ большое письмо, но я не посылаю.

XXI.

Ей же.

(Пасха 1816 г.)—Милый, безцѣнный другъ! я получила твою записочку.—Дуняша, не отнимай у меня надежды тебя видѣть! ты лишишь меня всего.

Христосъ воскресе! мы вѣрно въ праздникъ были вмѣстѣ — въ однѣ минуты другъ объ другѣ молились и знали, что вмѣстѣ молимся. О Дуняша, иногда я бы желала не такъ много любить тебя. Безъ тебя нѣтъ ничего для меня въ жизни! Другъ мой, ты пеняешь, что я мало пишу—я не знаю, куда дѣваются мои письма. Будь спокойна на мой счетъ, здоровье мое довольно крѣпко; добрый Мойеръ заставляетъ меня безпрестанно себя болѣе почитать и менѣе бояться будущаго. Il gagne beaucoup à être connu, et je sens bien tout le prix du bonheur qu'on doit éprouver en étant sous la dépendance d'un homme vertueux. Eudoxie, comme je voudrais que tu le vois! j'aurais été beaucoup plus tranquille. Ma sœur, puis-je espérer que tu passeras une ou deux années avec moi? Sais-tu que de tous ceux qui m'aiment c'est à toi la dernière que j'oserai adresser quelques demandes; tu me les accorderas toutes, et je dois avoir de la raison contre ton amitié. Sois plus sage, aime moi moins.—Чѣмъ болѣе я перечитываю письма твои, тѣмъ мнѣ сильнѣе хочется тебя увидѣть, крѣпко, крѣпко прижаться къ твоему сердцу и открыть тебѣ все мое. — Ты хочешь знать что новаго? Ничего. Я все болѣе и болѣе укрѣпляюсь въ добромъ мнѣніи своемъ о Мойерѣ, и надѣюсь много на его искренній характеръ. Онъ такъ незнакомъ съ притворствомъ, такъ желаетъ *простого* счастія, полагаетъ его въ дѣятельной, полезной жизни и увѣренъ, что искренностью и безпредѣльной довѣренностью заслужитъ и мою довѣренность. Онъ умѣетъ цѣнить Жуковскаго. Дуняша, какъ бы мнѣ было легко, если бы мы были вмѣстѣ! но ты обдумай хорошенько, что и какъ сдѣлаешь. Жуковскій увѣряетъ, что дѣтямъ нашимъ будетъ очень хорошо и полезно въ здѣшнихъ школахъ учиться, и что для нихъ ты должна бы здѣсь быть.

Я на будущей почтѣ много буду писать. Теперь пріѣхали къ намъ графини Мантейфель, надобно идти къ нимъ. Прощай, мой ангелъ, *жизнь моя*! береги себя мое сокровище, ты знаешь, какъ я тебя люблю. Богъ съ тобой.

Здравствуйте, мои ребятишки! поздравляю васъ съ великимъ праздникомъ. Любите ли вы свою Машу по прежнему? какъ бы я была счастлива, если бы вы были здѣсь.

Скажи Фору, что я за него молюсь Богу. Я меньше боюсь за тебя по его милости.

Форъ—французъ докторъ въ Орлѣ, лѣчившій весь кругъ родни Жук—аго.

XXII.

И. ф. Мойеру.

(5 мая 1816 г.)—Bonjour, cher Moier, j'arriverai dans l'instant pour vous le dire moi même. Nous allons très vite, et j'espére être pour le diner à la maison, où certainement je vous trouverai aussi. J'espére que vous avez été bien aimable et bien gentil sans moi. J'espére aussi que vous ne m'avez pas encore oublié, sinon je viendrai me rappeler à votre souvenir. Au revoir, cher ami.

Marie.

M'avez-vous pardonné ma petite folie? avec-vous pris la résolution d'avoir le courage de me refuser les sottises de ce genre? Sinon, decidez-vous bien vite, avant mon retour. Adieu.

XXIII.

А. П. Кирѣевской.

(11 августа 1816 г.) — Посылаю тебѣ письмо отъ 17 іюля. — Съ тѣхъ поръ я писала къ тебѣ только урывками и по нѣскольку строкъ. Теперь, получивъ за тысячу верстъ письмо отъ тебя, писанное три недѣли назадъ, въ которомъ не сказано ничего такого, чтобы можно было раздѣлить, и которое даетъ только безпокойство и несносное мученіе, думая объ этихъ 1000 верстахъ — что можно отвѣчать на это? Мнѣ хуже Аббадоны! Дунька, ты совсѣмъ безчеловѣчна. *Davon ein andermal mehr!* Когда будетъ этотъ *andermal?* Что будетъ до тѣхъ поръ со мной? Я не хотѣла посылать тебѣ письма отъ 17 іюля теперь, чтобъ наказать за твои *полуслова*, посылаю его, и еще тебя помучу, прибавивъ что нибудь такое, что бы тебя напугало. Впередъ ты будешь милостивѣе ко мнѣ, и станешь зажигать свѣтлѣе *звѣзды сѣвера* для изгнанницы. Посылаю тебѣ вальсъ въ три руки, выучите его съ Анетой, и, когда будете играть, всегда думайте: *онъ напоминаетъ нашей Машѣ хорошее дѣло. Une victoire remportée sur elle même. Elle a vaincu son grand, son seul ennemi.* И танцуйте подъ

:о бодро и весело. Посылаю тебѣ сонетъ *Körner*'а, убитаго подъ рижемъ въ 1814 году.

13 августа.

Знаешь ли, я нынче проснулась съ сильной головной болью и самымъ лучшимъ стихомъ въ этой головѣ: Klag'ist ein Miston im ore der Sphären. И этотъ стихъ такъ меня хорошо расположилъ,) и боль головная прошла. Сегодняшній день будетъ одинъ изъ важйшихъ въ моей жизни; жаль, что ты не *все* мнѣ говоришь! и я не гу сказать тебѣ *все*—а хорошо! Сегодня ужинаютъ у насъ гости и детъ.... кто? отгадай: une jeune personne de 17 ans, jolie comme coeur, parfaitement bien elevée, charmante sous tous les rapports! e viendra avec sa mère, sa grand'mère, son oncle (un jeune homme 30 ans), ses petits frères et soeurs. Maman m'a ordonné de lui ner un bouquet de myrtes (что здѣсь много значитъ) et trois oeils, et puis une branche de *Lebensbaum!!!* Et pour finir... Elle est ma ale!—...Что, Авдотья Петровна! раскаешься, что говоришь со мною полъ слова? Здѣсь въ большой модѣ Эоловы арфы, я заказала одну і тебя. Поставь ее въ гостиной на окошко и скажи, чтобъ въ мое споминаніе *милыя струны играли и были вѣстниками неизмѣнной ши* [1]). — Что, Дунька, если бы ты все ко мнѣ писала, не загоравалась бы заборомъ огорода, который за 1000 верстъ непроницемъ. Ты говорила въ одномъ письмѣ, что ты пишешь журналъ. Но звѣ онъ для меня?

Hélas, non! on ne viendra pas! on me redoute. Ce que peut-elle indre? ne me surpasse-t-elle pas en tout? Maman ira faire une visite за mère, et moi je partirai pour deux jours à 35 verstes d'ici, chez Mannteufel pour ne pas les importuner.—Ainsi va le monde! Courtes issances et — longues privations. Такъ и быть. Дѣти мои ангелы, авствуйте! люблю васъ всѣмъ сердцемъ.

Рѣчь идетъ о той аристократкѣ, „Анетѣ", о которой писалъ въ началѣ слѣдующаго года Жук—ій Аннѣ Петровнѣ Юшковой—Зонтагъ.

XXIV.

Ей же.

(24 августа 1816 г.).—Ma bonne et chère amie! comment te mercier pour ta chère lettre. Oui, mon Eudoxie, je suis digne de amitié; tu dois avoir la plus parfaite confiance pour ton amie; cela indispensable pour notre bonheur commun. Mon ange, comment xprimer ma reconnaissance pour les conseils que tu me donnes! Je

[1]) „Эолова Арфа" Жуковскаго.

te promets que ma conduite sera toujours digne d'être approuvée par toi. Ce qui t'a fait du chagrin dans la lettre de Joukovsky, nous a affligé doublement, car il dit qu'il l'avait ecrit dans un moment d'humeur, et que maintenant il n'y a pas de raison d'être triste. Combien je desirerais que tu connaisses Moier, la connaissance de son caractère te rassurerait entièrement sur mon avenir. Il a tant de noblesse et un si bon coeur que j'aurais été la plus mauvaise créature du monde, si j'avais pu lui cacher quelque chose. Ce que tu desires, mon cher ange, est accompli, nous n'avons rien de caché les uns pour les autres, et la confiance que je desirais toujours est seule capable de donner un bonheur parfait. Tes conseils m'ont attaché à toi encore plus, si c'est possible. — Tu m'as dit, Eudoxie, que je pouvais toujours faire cesser tous les moments de tristesse à maman, en venant la prier sincerement de m'en dire la cause. Je t'assure qu'elle a pour Moier et pour moi plus de bonté que je ne le merite, et que Jouk. qui t'a écrit la lettre qui t'a fait tant de chagrin, est maintenant bien faché de l'avoir fait, car il n'a plus rien sur le coeur, et il se repent de t'avor donné du chagrin; toi qui es absente et qui juges autrement des choses, à cause de l'eloignement, qui nous aimes, comme on n'aime que dans le Ciel, qui ne desires que de me savoir vertueuse et digne du bonheur, toi qui voudrais ne me connaître aucun defaut—tu devrais être toujours sans inquietude sur mon compte Il faudrait absolument que tu connaisses Moier, alors tu n'aurais plus rien à craindre.

Il faut que je te fasse un aveu que me pèse sur le coeur; j'ai fait une étourderie qui m'a rendu bien malheureuse pour plusieurs jours et qui me tourmente encore. J'ai reçu ta lettre comme tu l'as desirée, et j'ai été bien, bien fachée de n'avoir pas pu montrer tout-de suite à maman combien tu étais digne d'être aimée d'elle. Si ces lignes: *ne montre pas cette lettre à maman et demande lui la permission de m'ecrire sans qu'elle lise nos lettres*, — ne se trouvaient pas, je n'aurais pas hésité à la lui montrer. Ce qui me retenait encore c'était l'ignorance où j'étais de ce que Joukovsky t'avait écrit dans la sienne, et je voyais qu'il avait fait des plaintes, je craignais d'aigrir maman contre lui. Ensuite l'ayant reçue à l'insus de maman il me coûtait de l'avouer. Nous lûmes cette lettre (que j'aurais volontiers donnée la moitié de ma vie pour ravoir) avec Moier, je desirais que Joukov. t'écrive de ne pas m'écrire en cachette, parce que cela ferait du chagrin à maman, quoique personne plus que toi et Alexandrine ne merite sa confiance. Moier me dit que j'aurai très grand tort de garder une chose que je ne voudrais pas montrer à maman, et me conseilla à la brûler. ce que malheureusement je fis. A présent s'il fallait te justifier aux yeux de maman à mes propres dépens, je l'aurais fait en remerciant Dieu pour cela, mais ici, où il suffirait de lire ta lettre pour voir que tu es un ange, et que je suis dans l'impossibilité de le faire.

je me trouve bien malheureuse. Tu avais bien raison de m'écrire en cachette, car etant loin de moi, tu pouvais supposer que j'avais encore à présent, comme autrefois, des secrets et des démarches à cacher. Mon ange, je te bénis pour tes conseils—à présent je mérite davantage ton estime; sois tranquille sur mon compte. — Ecoute, Eudoxie, je ne le suis guère sur le tien, tu as bien des chagrins sur le coeur, et personne pour les alléger; je ne puis deviner ce qui te pèse, car voilla 19 mois que nous sommes separés, et comment! Tu m'écriras beaucoup, ma bonne, bonne amie!

Encore un aveu: Moier t'avait écrit une lettre de recommandation encore au mois de Fevrier, lorsque j'espérais encore que tu viendrais à Dorpat. Il me l'apporta pour te l'envoyer, et je ne l'envoyais pas—sais tu pourquoi? j'avais peur que tu serais choquée un peu de son style badin, et encore de ce qu'il avait prononcé plusieurs fois le mot de Bräutigam. Je lui avouais tout cela par la suite. Maintenant je t'envoie cette lettre et encore une autre qu'il vient d'écrire aujourd'hui. Je t'en prie, Eudoxie, aime le bien, il rendra ta Marie bien heureuse. Nous avons passé six semaines à Reval continuellement ensemble, il a un caractère égal, droit, confiant et absolument tel, qu'il le faut pour mon bonheur. Il n'est pas capable d'eprouver de la défiance et jamais je n'aurai rien de caché pour lui, dans l'avenir comme dans le passé. Réponds lui une bonne et grande lettre, et tu peux hardiment écrire en français, car il l'entend très bien: il t'écrit en allemand parce qu'il s'exprime plus aisement dans sa propre langue et avec toi il désirerait ne pas avoir une gêne quelconque. Ma bonne amie, j'ai remarqué dans tes lettres que tu évitais de parler d'Hélène. Ne serait-elle plus pour toi ce qu'elle a été autrefois? aurais-tu des raisons pour en être mécontente? Réponds moi à cela; c'est un petit poids que j'ai sur le coeur et que l'incertitude augmente. Il me parait impossible qu'Hélène et sa mère puissent te méconnaître. Chère amie, combien il m'est necessaire de te savoir heureuse.—La lettre d'Annette à Joukovsky m'a fait beaucoup de peine:—combien elle aurait pu être heureuse en te donnant des consolations, combien d'heureux ne pourrait-on pas faire de tout le bonheur qui se perd ici bas. Мнѣ нынче очень, очень грустно, Богъ знаетъ, когда будетъ легче! Прощай, мой добрый, милый другъ! опять повторяю тебѣ, будь спокойна, люби и уважай меня, я этого стою. Меня до слезъ тронуло нѣмецкое твое писаніе къ Мойеру. Добрая моя сестра, маменька приказала тебѣ сказать, что она желала бы, чтобъ свадьба моя была 11 января, для того, чтобъ этотъ день сдѣлался для нея дороже. Vous enverrez les gens en conséquence. Demandez, mon ange, à Annette, désire t'elle y aller? Cela me fera beaucoup de peine, si elle le fait à contre coeur. Son frère est un bon sujet à ce qu'on dit, au moins ce sera une consolation pour elle que de le suivre.

Пиши ко мнѣ больше. Эта почта тебя огорчитъ и мнѣ грустно. Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя, добрая, безцѣнная моя Дуняша. Пусть Богъ пошлетъ тебѣ всѣ свои лучшія утѣшенія, я прошу Его объ этомъ отъ всего сердца. Поцѣлуй моихъ дѣточекъ. Христосъ съ вами, друзья мои.

Милую Наташу цѣлую и прошу ее любить моего добраго Мойера. Онъ учится по русски для того, чтобъ написать вамъ рекомендательное письмо, а я прошу покамѣстъ видѣть въ немъ брата, которому вы уже дороги, милая. Не забывайте меня.

Письмо нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ. Огорчившія Авдотью Петровну вѣсти отъ Жуковскаго, въ сообщеніи которыхъ онъ раскаивается по словамъ М. А., содержались въ письмѣ его изъ Дерпта отъ 12 апрѣля (Р. С. 1883 г., сент. 533–4). Онъ пишетъ, что ему съ самаго пріѣзда въ Дерптъ *нехорошо съ самимъ собой*, хотя онъ ни разу не колебался въ томъ, на что рѣшился. Дальше выясняются нѣкоторыя причины его недовольства тѣмъ, какъ идутъ тамъ дѣла. Главнымъ источникомъ тяжелаго чувства онъ считаетъ характеръ Екат. Аоан. „Тетушка и теперь видитъ себя одну несчастной и всѣхъ причиной несчастія. Ошибки ея для нея не существуютъ. Слѣдовательно, и будущее не можетъ перемѣниться... Пріѣзжайте... вы увидите, что надобно дѣлать. Сказать этого теперь никакъ не умѣю. Съ Мойеромъ мы совершенно согласны въ образѣ мыслей и чувствъ; между нами нѣтъ ни малѣйшей принужденности, ни малѣйшаго недоразумѣнія; мы говоримъ свободно о нашемъ общемъ дѣлѣ, о счастіи Маши — такой черты довольно, чтобы дать понятіе и о его характерѣ. Но между тѣмъ все идетъ не такъ, какъ бы хотѣли и онъ, и я; онъ каждый день бываетъ вмѣстѣ съ Машей, но эти частыя свиданія ихъ не сближаютъ, ибо всегда принужденность. Тетушка довольна тѣмъ, что есть, и такъ же теперь готова ручаться за Машино счастіе, какъ прежде за счастіе Саши". Очевидно въ отвѣтъ на это Авд. Петр. послала въ Дерптъ то письмо, которое она просила сохранить втайнѣ отъ Екат. Аоан. и которое было сожжено. — Марья Андреевна здѣсь пишетъ, что Жук—ій раскаивается въ томъ, что написалъ Авд. Петровнѣ: дѣйствительно, послѣ совмѣстной поѣздки съ Протасовыми въ Ревель лѣтомъ 1816 г., онъ пишетъ Авд. Петровнѣ: „На нашъ счетъ будьте покойны: все идетъ очень хорошо. То, что я писалъ вамъ прежде, было справедливо, но только тогда, когда я писалъ. Теперь все уладилось". — Мы обращаемъ вниманіе на подозрительность Екат. Аоан. и на часъ недостаточно тонкое пониманіе своихъ близкихъ, потому что эти черты даютъ себя знать нерѣдко, и хотя онѣ постоянно смягчались и сглаживались горячей любовью между нею и дочерьми, иногда видно, что онѣ оставляли незабываемый слѣдъ.

XXV.

Ей же.

(Осень 1816 г.) — Душка моя, что же и ты не отвѣчаешь къ Мойеру? мнѣ мало обѣщанія, а ему и подавно. Жуков. восхитился твоимъ первымъ письмомъ, писаннымъ въ моемъ миломъ, большомъ, секретномъ; онъ говоритъ, что ты и по нѣмецки даже такъ пишешь, что могла бы *сочинять*. А Мойеръ ждетъ-пождетъ хоть французской писулички.

Послушай, не сердись, что я рѣдко пишу, у меня право много писемъ къ тебѣ лежитъ готовыхъ, но послать ихъ я не смѣю. Они часто писаны во время грусти, а ты, будучи далеко, вообразишь что нибудь и хуже. Я только бываю глупа, но не несчастлива.

Mon ange, mon amour pour toi remplit mon coeur. Passe moi de même: si tu savais ce que tu es pour Marie Милую Наталью Ан-

реевну люблю много и прошу не совсѣмъ забывать меня. Мнѣ грустно, то она намъ обоимъ не отвѣчаетъ. Я васъ увѣряю, что и русское письмо еще Мойеръ умѣлъ бы понять съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ писалъ вамъ по нѣмецки. Милая, неужели вы перестали любить меня? мнѣ это очень грустно и я этого не заслуживаю.

Записка отнесена къ осени по упоминанію о большомъ секретномъ письмѣ; о немъ говорилось впервые въ августѣ (см. предыдущее письмо).

XXVI.

Ей же.

(29 октября 1816 г.)—Милый другъ, я получила письмо твое; не нужно сказывать, сколько оно меня огорчило. Дуняша, мое лучшее счастіе на свѣтѣ есть твоя дружба, и *теперь* лишать меня ея — есть злодѣйство. Что бы со мной ни было, и что бы я ни чувствовала, но я смѣло могу сказать, что я достойна твоего уваженія и дружбы твоей. Bonne amie, si je me suis servie d'expressions non choisies, tu peux savoir qu'au moins je sais sentir le prix de Joukovsky, et que ni son coeur, ni son caractère ne seront pas accusés par moi. Si j'ai dit qu'il s'en est plaint, c'etait parce qu'il l'avait dit à maman lui même. Mais il sera à l'abri de toute accusation avec ses ennemis même et non avec moi. Дуняша, я не узнала тебя и сердца твоего въ этомъ письмѣ. Если бы ты знала, какое несносное чувство горести и одиночества оно мнѣ дало. Я привыкла съ тобою дѣлить всѣ радости, а ты говоришь, что мы уже не знаемъ другъ друга, que même si nous nous revoyons, nous serons obligées *à nous reconnaître, à nous accoutumer l'une à l'autre*. Eudoxie, pourquoi l'ai-je merité? Tu ne m'as jamais aimé si tu peux penser un seul instant. Ecoute, ma bonne amie, je suis accoutumée à te regarder comme un des êtres les plus parfaits, je t'aime de toutes les puissances de mon âme, ne me fais pas perdre ce qu'aucun bien du monde ne pourrait me compenser! Въ твоемъ письмѣ проскакиваютъ ласковыя выраженія, но *malgré toi*, et de quel bonheur pourrais-je jouir, si je pensais que je ne suis plus pour toi ce que j'étais autrefois.

Вотъ что было написано въ прошедшее воскресенье. Теперь на душѣ моей гораздо легче. Ты пишешь къ Жуков. веселое письмо и ласковыя для меня выраженія. Душенька моя! ради Бога люби меня, это нужнѣе для моей жизни, нежели ты вообразить можешь. Ты не велишь отвѣчать на твое письмо и жалѣешь, что его написала. Ну, славу Богу! Душа моя, ты вѣрно знаешь, *что* для меня любовь твоя! Безъ нея и жизнь ни на что — я увѣрена, что мы увидимся скоро, и *узнаемъ* другъ друга (Богъ тебѣ проститъ это слово). Послушай, моя душа: я довольна своей участью, но ежели бы мнѣ нечего было

ожидать кромѣ несчастій, то и тутъ бы я не согласилась перемѣнить своей судьбы и возвратить старое. *Теперь* Жуковскій спокоенъ и счастливъ, онъ любитъ меня, какъ сестру, и вѣрно теперь ему лучше прежняго. Любовь его ко мнѣ ничего, кромѣ горести и мученій, не давала ему, а теперь онъ увѣренъ въ моемъ счастіи и спокоенъ. Я такъ же увѣрена, какъ и онъ, что все сдѣлалось къ *лучшему* и лучше, нежели я могла ожидать. Je désirerais que Joukovsky soit avec toi, vous seriez tous les deux heureux. Ma bonne soeur, si tu savais combien mon coeur a besoin de ton amour. — Au mois de Juin nous serons absolument réunis — comme cette pensée me ranime. Милая, я надѣюсь на твою дружбу къ Мойеру; ты найдешь въ немъ множество прекрасныхъ качествъ, а особливо доброту и довѣрчивость чрезвычайную. Дуняша моя, тебѣ хочется, чтобъ мы переселились въ ваши края. Это благополучіе слишкомъ велико, чтобы мнѣ смѣть желать его. Добрый Мойеръ часто говоритъ, что желалъ бы быть директоромъ управы въ Орлѣ—что̀, если бы этотъ планъ (былъ) исполнимъ? Тогда то бы исполнились всѣ твои старинные планы, подобные *(два слова неразборчивы)*. Добрая, прекрасная моя Дуняша, мнѣ всегда станетъ легко и хорошо, когда я о тебѣ думаю.

Вчера получили мы, то есть Жуковскій, письмо отъ Анеты. Какъ вамъ обоимъ не стыдно писать такъ superficiellement объ такихъ важныхъ вещахъ? Пожалуйста, Душенька, назови всѣ пять номеровъ и поскорѣй [1]).

Je t'avoue que je penche beaucoup pour le finois; figure-toi quel bonheur cela serait, si elle arrivait tout d'un coup dans nos contrées, et pour s'y fixer! - Il y a déjà bien longtemps que nous n'avons point de lettres de toutes les deux soeurs; reçoivent-elles les notres? — Дуняша, пиши мнѣ больше о Вагнерѣ. Дай Богъ, чтобъ ты была имъ довольна, а жаль, что Cedergrün не у тебя, его чрезвычайно хвалятъ [2]). Что мои ребятишки, что моя Маша? о, мои друзья! вся моя душа у васъ и съ вами.

Прощай, моя безцѣнная сестра, прелесть моя. Ангелъ твой сохранитъ тебя для моего счастія, а оно живетъ въ вашихъ краяхъ. Дуняша, ce serait une belle chose, si la belle allemande et Moier étaient du même avis, mais — autant que lui pense à me procurer du plaisir, autant elle n'a de pensées et de désirs que pour la capitale et la Livonie, la Livonie et la capitale. Mais elle est charmante, Eudoxie,

---

[1]) Дѣло идетъ очевидно о нѣсколькихъ претендентахъ на руку А. П. Юшковой; изъ писемъ ея этого времени видно, что родные въ Москвѣ (Офросимовы) сильно заботились о „партіи“ для нея.

[2]) Цедергрюнъ—педагогъ, котораго Жук—ій рекомендовалъ Авд. Петр. взять для ея дѣтей; Жук—ій не успѣлъ переговорить съ нимъ, какъ узналъ, что А. П. уже взяла случайно встрѣченнаго ею учителя Вагнера. (Нѣкоторыя подробности о послѣднемъ см. въ письмѣ Жук—аго Р. Ст. 1883 г. сент. 539. Характерно, что онъ пріѣхалъ въ Долбино покупать у А. П. заводъ, а вмѣсто того сталъ учителемъ ея дѣтей).

eulement elle était moins riche et moins titrée et encore si elle
ait bien le russe. Je ne désire pas que tu la connaisses, tu ne
merais plus, tu n'aimerais qu'elle; vous vous ressemblez beaucoup,
s elle est d'une naiveté d'enfant. — *On*[1]) a été la voir à la cam-
ne, *on* ira la voir à Petersbourg, on a écrit dans l'album, sur les
es du jardin mille choses, mademoiselle rougit et palit à tous mo-
ts, mais n'avait du plaisir que *chez nous!* elle *nous* aime si ten-
ment.

Вотъ тебѣ много вранья. Но это одно вранье, не вѣрь, а смѣйся,
в пиши объ этомъ къ Жук. — онъ меня съѣстъ; онъ запретилъ
> собою смѣяться; я просила позволенія написать къ тебѣ, и онъ
щалъ переломить ту руку, которая это сдѣлаетъ. Прощай, мой ан-
.! мнѣ что то нездоровится, но теперь этого бояться нечего, вѣдь
и лѣчатъ *даромъ,* говоритъ Воейковъ. A propos de ce dernier:
é à notre ange Joukovsky tout va beaucoup mieux là bas. Il l'a
ré d'Alexandrine autant que possible, il le fait travailler dans ses
nbres, et ne lui permet de sortir, que lorsqu'il est bien sûr, que
y. est de bonne humeur. Alexandrine se trouve mille fois mieux
tenant.

Эпизодъ съ la belle allemande слѣдуетъ сопоставить съ II-мъ письмомъ Жук — аго
аннѣ Петровнѣ (см. выше, стр. 91 и примѣчаніе къ письму). Тонъ, въ которомъ
тъ М. А., показываетъ, что надъ Жук — имъ дружески трунили въ Дерптѣ по по-
этой особы, но тѣмъ не менѣе бракъ его въ то время (на данной особѣ или на
ой) по существу считался возможнымъ или даже желательнымъ. Изъ письма самого
—аго Аннѣ Петровнѣ мы видѣли, что онъ въ февралѣ слѣдующаго года серьезно
ается выяснять, подходящая для него невѣста эта belle allemande, или нѣтъ. Выше
высказана догадка, что подъ этимъ названіемъ скрывается гр. Менгденъ; присое-
емъ указаніе на бар. Левенштернъ, которую звали Анной.

XXVII.

Ей же.

(18 декабря 1816 г.)—Милый, прелестный мой ангелъ, *старая* Дуняша! какое несравненное письмо, какъ благодарить тебя за), то есть, какъ изъяснить тебѣ все, что оно заставило чувство- ,? Милая, ты умѣешь давать самыя блаженныя минуты въ жизни;) доброе, ласковое письмо возвратило мнѣ всѣ мои старинныя ра- ти и заставило меня чувствовать настоящія. Только будь здорова. поди, теперь у меня одна мысль и одно чувство — *твоя болѣзнь.* ia! въ тебѣ все мое хорошее, все лучшее счастіе нашихъ жизней. какимъ нетерпѣніемъ жду весны; Мойеръ тебя совершенно вылѣ- ь, благословляю его искусство теперь болѣе, нежели когда нибудь. ько берегись до тѣхъ поръ, ради самого Бога! — Дуняша милая, чего нѣтъ тебя теперь со мною? Боже мой, какого счастія я ли- а, и въ какую минуту!

[1]) Т. е. Жуковскій.

Вчера, по обычаю Дорпатенцовъ, дѣлали мы визиты: въ 3 пополудни маменька, Мойеръ и я сѣли въ карету и поѣхали : граф. Мантейфель; 2) къ Петерсону; 3) къ пастору Ленцу; 4) къ Trauseће; 5) къ граф. Менгденъ и домой. А потомъ карета раз 278 карточекъ къ Мойеровымъ и моимъ знакомымъ. Ты можеш образить, какъ страшно и неловко было съ этими поздравленія рекомендаціями. Вездѣ находили мы собранія любопытныхъ, ко смотрѣли на насъ, какъ на чудовищъ. Сегодня пріѣзжаютъ намъ вать карточки, а мы сидимъ въ задней горницѣ и погасили всѣ въ гостиной. Душа моя, сегодня уже 18-е! уже менѣе мѣсяц 11 января. Какъ я ни увѣрена въ своемъ счастіи, но мнѣ такъ стра что я бы рада совсѣмъ умереть. Мойеръ добръ очень, я увѣрена онъ меня любить будетъ, что мнѣ бояться нечего, mais tout m'effray et cette langue que je connais si mal et que je serai obligée de p toujours, et ces nouveaux parents, qui ont tout-à-fait d'autres ha des, d'autres usages, d'autres vertus même et aux quelles il faudr plier et m'habituer d'imiter. Сестра его очень добра и имѣетъ м прекрасныхъ качествъ; она похожа во всемъ (кромѣ лица) на Анну Антоновну, такая же акуратность и чистоплотность, сл экономка и очень добрая женщина. C'est l'ordre en personne. Ес ты знала, какъ я теперь стараюсь исправляться и поддѣлываться нимъ. А проклятый этотъ языкъ, который мѣшаетъ даже сказа выразить то, что могло бы заставить полюбить. Tout cela bien re de tous côtés ne donne pas beaucoup de courage.

Мойеръ ожидаетъ къ свадьбѣ своей еще сестру изъ Выб Mad. Reichenberg (de) съ пятью дочерьми, изъ которыхъ одна нев Encore un article pour la crainte. Son intime ami M. Zöckel y vie aussi; c'est un charmant homme, j'ai fait sa connaissance ce printe et il m'aime beaucoup. Il écrit à Moier qu'il aimerait tout autant quer d'assister à sa propre noce qu'à celle de Moier. Et puis un c Tideböhl avec femme et enfants, et ensuite la mère de Moier et e un beau frère, et *ensuite les sept cousins de Monsieur Dubrio* готова закричать, какъ Варлашка [1]): *боюсь!* Дуняша моя, для чего нѣтъ, если бы ты знала, какъ ты мнѣ необходима во всѣ сек жизни.

Ангелъ нашъ Жуковскій поѣхалъ по дѣламъ Воейкова въ Пе бургъ и далъ честное слово быть здѣсь 7 января. Этотъ безподо человѣкъ даетъ намъ сильно чувствовать свое отсутствіе. Il a d'influence sur l'esprit de Woeykoff que dès qu'il est présent, n'avons ni querelles, ni maladies; voila dix jours qu'il est parti et sommes de nouveau dans une inquietude terrible pour Alexand

[1]) Варлашкой звался домашній шутъ Буниныхъ; его изрѣченія не разъ ш ются въ родственной перепискѣ Жук—аго.

près deux jours de larmes, dont nous ignorions toujours la cause, lle est de nouveau au lit, et nous ne pouvons aller là voir. Ангелъ ой, что можетъ быть несноснѣе этого состоянія! И это прелестное вореніе только и желаетъ скрывать и оправдывать его поступки! — Іеужели ей нужно было несчастіе, чтобъ показать свою душу во всей я прелести? Comment ne pas espérer en un monde meilleur, lorsqu'on oit que c'est elle qui souffre!

Милая моя прелесть! еще отъ тебя письмо, и опять такое же, акъ ты сама. Господи, какое ты у меня сокровище! какъ благодаить мнѣ за тебя Бога. Ты умѣешь меня сдѣлать счастливою. Дунька оя, даю тебѣ слово, что мы будемъ вмѣстѣ столько, сколько возожно за 1000 верстъ. Я буду съ тобою дѣлить все на свѣтѣ и мы удемъ une seule âme et un seul *coeur*. Ты не должна *меня* ревноать; нѣтъ, мой ангелъ, я умѣю тебя любить всѣми силами души. oi fachée de vivre? Mais que serait donc ma vie sans toi? Non, mons. э docteur n'a pas besoin de faire des amputations, il dit que le meilеur remède pour ce mal (que tu n'auras plus) c'est de te dire, s'il st possible, combien il t'aime, combien je t'aime, combien *nous t'aimons*. h! et c'est *bien beaucoup*. — Que Moier aille se mettre entre nous? — Дунька моя, toi qui veux garder une place pour lui dans ton coeur, eux tu prononcer un mot comme cela? Mes bulletins ne seront pas ussi courts que tu le veux, mais ils contiendront toujours ces mots: e suis heureuse, je bénis Dieu, je bénis mes chers anges, qui me endent la vie si douce, ma bonne Eudoxie, qui est une autre moiаême et qui sans schismes, ni division, ni manchot, ni autres confiures sera toujours *moi!* dont le coeur m'appartiendra comme le mien ui appartient, et qui me fera bénir Dieu de meilleur coeur encore, n me laissant toujours connaître et admirer son âme angélique. Полушай, душка, не Клушинъ притворяется больнымъ, не Клушинъ тступился отъ губернатора, не Клушинъ отлучился самовластно, не Клушинъ вѣтренничалъ и не его добрая воля была страдать всѣми траданіями, какія бываютъ на землѣ. Губернаторъ виноватъ много, о обстоятельства еще больше. Если бы бѣдный губернаторъ вмѣсто ого, чтобъ провалиться сквозь ледъ, доѣхалъ до Клушина, то много, ного бы перемѣнилось въ *его* и *ихъ* жизняхъ. Но губернаторъ сперва провалился, потомъ писалъ, какъ ангелъ, а послѣ разсердился и наплевалъ на Клушина. Бѣдный Клушинъ! Надобно утереться, да прочь ойти! а сердце его все у губернатора. Его превосх. мучитъ страальца и говоритъ: теперь ужъ не люблю, а если пріѣдешь, то не знаю! Ну, ужъ тутъ ему и больно стало, хоть бы умереть. Но добрый голосъ говоритъ: не вѣрь ей, то есть *ему*! онъ боленъ и грустенъ и все оттого же, что тебя любитъ. А какъ увидитесь, то все съ обѣихъ сердецъ сбросите и будетъ хорошо по старому. Дружба его не перенесетъ, всѣ силы Атланта ничего противъ двухъ друзей!

И то, что губернаторъ гнѣвается, доказываетъ, что онъ только зашелъ не туда, а *налѣво*! Минута искренности и старое по старому [1])! – Душенька, не сумнѣвайся въ моемъ сердцѣ никогда! оно *твое крѣпостное*! Мойеръ насъ больше соединитъ, а не станетъ *между* нами, этого живой человѣкъ не въ состояніи сдѣлать.

A propos: знаешь ли, что Анна Ив. [2]) отъ меня отступилась? Elle ne m'écrit plus, et je crois que tout est fini entre nous. La dernière lettre que j'ai eu était à Reval, où elle me faisait des reproches de ce que tu avais de mes lettres et elle pas; de ce que je t'avais envoyée un grand livre où se trouvait mon journal écrit pendant deux ans, et à elle point; enfin—le vieux refrain – jalousie sans amitié et envie sans mérite! A propos de journal: maman m'a permis de t'envoyer notre vieux journal d'ici; s'il ne te mettra pas au fait des choses, au moins il te fera rire quelque fois. — Свадьба моя лишила меня двухъ близкихъ родныхъ: Анны Ив. и тетушки Маріи Никол. [3]) Вообрази, что она совершенно перестала писать; дядюшка все по старому, писалъ даже къ Мойеру, Алек. Павл. тоже, а она и слышать обо мнѣ не хочетъ. Какъ тебѣ это нравится? Меня не огорчаетъ это по двумъ причинамъ: первое, ни дядюшка, ни братъ не перемѣнились отъ нея, второе, я боялась очень подарковъ, а теперь, будучи избавлена подарковъ и лишена дружбы, остаюсь съ почтеніемъ преданная племянница. Я продолжаю писать всякія двѣ недѣли, освѣдомляюсь все о здоровьи—и только. Анны Ив. мнѣ очень жаль, но я думаю, что въ другое время мнѣ бы болѣе жаль было, нежели теперь—все къ лучшему.

20 декабря.

Милый другъ, ich bin heute aufgeboten worden! хоть я это и знала напередъ, но сердце невольно сжалось. Мудреная вещь сердце человѣческое; il y a mille choses que je ne pourrai jamais expliquer, et donc je ne pourrai rendre compte même à moi! — Aujourd'hui il y a eu un monsieur qui est venu me féliciter en disant „*le pasteur a proclamé à l'église* et c'est d'après cela que je prends la liberté de vous féliciter“: я чуть не заплакала, а отчего—сама не знаю. Дунька, дай Богъ мнѣ счастія, не правда ли?

Ты хочешь знать подробно мое будущее: я введу тебя всюду и начну съ дома, вотъ его планъ. *(Приложенъ планъ)*. Вотъ, мой добрый ангелъ, гдѣ ты должна будешь воображать свою Марью, когда получишь это письмо. Да, сестра! когда это письмо будетъ у тебя, то моя участь *навѣки* рѣшится! Молись, ангелъ.

---

[1]) Снова условный языкъ друзей; смыслъ ясенъ, но форма намека непонятна.
[2]) Плещеева.
[3]) Протасовой, рожденной Новосильцевой, жены П. И. Протасова.

Моя золовка пришла теперь помогать намъ шить, итакъ я должна кончить. О, моя Дунька, береги себя, ради Бога. Твое здоровье и мое счастіе нераздѣльны. Пиши мнѣ о нашихъ дѣтяхъ, ты уже давно ничего мнѣ объ нихъ не говоришь. Сохрани васъ Господи, мои ангелы.

Еще одно слово: назови мнѣ, пожалуйста, счастливыхъ претендентовъ[1]), очень любопытна знать ихъ. Pauvre personne! comment se résoudre à sacrifier un bonheur certain, une vie indépendante et libre contre une ombre, contre du clinquant! Où donc est cet esprit tant vanté et proné! Que Dieu lui aide. Дуняша моя, одна ты ангелъ. Много, много бы надобно было сказать тебѣ, но все берегу впередъ. Je serai heureuse, Eudoxie, car j'aurai une confiance sans bornes. Tu verras Moier au mois de Mai et tu verras que s'il n'y a rien de brillant en lui, rien pour *faire croire* qu'on est heureux, il y a au moins *tout* pour l'être en effet, et Dieu nous aidera! que Sa sainte volonté soit faite. Eudoxie, il t'aime extrémement, sois en sûre, il te connait autant que moi, il sait que pour que je vive, il me faut t'aimer au dela de tout ce qu'on peut dire, et être aimée de toi comme de lui. Adieu, ange du Ciel.

Книгу Horus[2]) отыщу и пришлю непремѣнно. Я писала въ Ригу, черезъ 8 дней будетъ отвѣтъ.

XXVIII.

В. А. Жуковскому.

(21 декабря 1816 г.) — Мой добрый, безцѣнный Жуковскій, не сердись, что на прошедшей почтѣ я къ тебѣ не писала. Маменька опять была больна очень, опять пресильная мигрень и рвота. Теперь, слава Богу, все хорошо и она покрѣпче. Что то ты подѣлываешь, мой добрый, милый другъ? Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ твоихъ писемъ, этого изъяснить нельзя. Я все надѣюсь, что ты напишешь подробно и обстоятельно *все,* растолкуешь намъ всѣ *и*, и всѣ — —. Исполнишь ли ты мою надежду? Мы получили отъ Дуняши премилыя и преласковыя письма. Посылаю тебѣ то, что досталось на твою часть, а своего не посылаю оттого, что скуплюсь. Пріѣзжай скорѣй, мой хорошій другъ. Если бы ты могъ вообразить, сколько твое присутствіе намъ нужно и прелестному ангелу нашему Сашкѣ. Она опять была больна и въ постели; но мы почти не видались. Сегодня идемъ туда обѣдать, дай Богъ, чтобъ обошлось безъ бѣдъ. Notre présence coûte toujours bien cher à notre ange. Милый другъ, возвращайся скорѣй.

---

[1]) Анны Петровны Юшковой.
[2]) О ней см. ниже.

У насъ въ домѣ все идетъ по старому, кромѣ того, что женихъ, маменька и невѣста разослали визитныя карты и теперь сидятъ въ заднихъ комнатахъ, а Жанета принимаетъ возвратные билеты. Мойеръ мой сбирался писать къ тебѣ, но лѣнь и недосугъ пересилили. Я здорова совсѣмъ. Луиза лѣнится, а Трикса толстѣетъ. Сейчасъ пріѣхала M-me Stoppelberg, чтобъ на меня работать, и потому надобно кончить. Прощай, мой несравненный Жукъ! дай Господи тебѣ всего хорошаго! — Напиши что нибудь о *Львѣ и дѣвѣ*. Катька наша такъ мила и хороша, что все жаль, что ты ее не видишь; безпрестанно новыя затѣи и пресмѣшныя. Прощай, милый Жуковскій.

XXIX.

А. П. Кирѣевской.

(31 декабря 1816 г.).— Милый, добрый мой другъ, сегодня одно только слово объ томъ, что необходимо сказать тебѣ: Horus oder akrognotisches Endurtheil есть самая безбожная книга; она написана была обществомъ людей, положившихъ себѣ за правило въ теченіи 20 лѣтъ заставить въ *просвѣщенныхъ городахъ перестать обожать имя Христа*. Карлъ Петерсонъ, къ которому Мойеръ адресовался, сказалъ ему, что онъ не имѣетъ этой книги, но далъ ему прочесть выписки, которыя онъ дѣлалъ; и Мойеръ принужденъ былъ ужасаться мыслямъ, но, между тѣмъ, удивляться слогу и краснорѣчію. Вчера обѣдалъ у насъ Эверсъ; я спросила его, не знаетъ ли онъ чего объ этой книгѣ.— „Я долженъ былъ по несчастію прочесть ее, для того, чтобы дѣлать опроверженія, но я равно скоро соглашусь дать ее прочесть кому-нибудь или напоить ядомъ“. Дуняша, неужели Вагнеръ желаетъ имѣть ее? Ради Бога, отвѣчай скорѣй на это. Если-бы ты знала, какъ мнѣ страшно за васъ. Пиши мнѣ объ немъ больше, je crains tant que tu n'aies été trop enthousiasmée pour lui et que tu ne sois forcée de t'en repentir. Mon cher ange, ne juge personne d'après toi-même, il n'y a pas au monde d'êtres aussi celestes que toi! Comme je voudrais le voir et le juger. Eudoxie, j'ai beaucoup d'expérience à présent, tu aurais pu te confier à moi.

Напиши мнѣ, желаешь-ли еще имѣть эту книгу? вопреки запрещенію Эверса я ее достану! — Вообрази: Horus толкуетъ библію и разсказываетъ, что Моисей описалъ въ *Genèse*, что звѣзды родятся, всходятъ и заходятъ, и выводитъ такія глупыя и безбожныя заключенія изъ этого, что Мойеръ прискакалъ безъ памяти разсказывать намъ все, что прочелъ. Нѣтъ, Дунька, я ее не достану, если даже и ты этого захочешь. Отвѣчай мнѣ объ Вагнерѣ, ради Бога, до смерти его боюсь.

Завтра Новый годъ! поздравляю тебя, моя душа. Дай Богъ тебѣ того, чего я желаю. Береги свое здоровье и пиши, пожалуйста, больше. Нынче 31 е число и 22-й день послѣ 8-го декабря, а людей нѣтъ! [1]) Прощай, мое сокровище. Мойеръ цѣлуетъ твои ручки.

Подлинное заглавіе книги, о которой идетъ рѣчь, такое: *Horus oder Astrognostisches Endurtheil über die Offenbarung Iohannis und über die Weissagungen auf den Messias wie auch über Iesum und seine Iunger. Mit einem Anhange von Europeens neuern Erklärung und von der Bestimmung des Menschen durch Gott. Ein Lesebuch zur Erholung für die gelehrten und ein Denkzeddel für Freimaurer. Ebeneser. Im Verlage des Vernunfthauses. 1783.*

XXX.

Ещe.

(20 января 1817 г.). — Дуняша моя, вотъ я и замужемъ; пишу къ тебѣ изъ *своего* дома, подъ музыку моего добраго мужа, который достоинъ твоей любви. Милая, я счастлива, довольна своимъ жребіемъ и жду отъ будущаго еще больше. Дуняша, *теперь* ты должна мнѣ вѣрить; я буду говорить съ тобой, *съ одной тобой* все и искренно. J'ai parlé et agi souvent et beaucoup trop contre ma conscience, maintenant il n'existera plus de contrainte parmi nous. Dis moi tout ce qui te pèse, tout ce que tu voudrais partager; je te promets qu'il n'y aura pas un seul sentiment de caché pour toi. Mon mari a une confiance entière en moi, et je la mériterai toujours. Ecoute, mon cher ange, que ce soit la première preuve de confiance, et un bon commencement pour toute la vie: je veux te parler de ta dernière lettre reçue avec Аннушка. Tu n'as pas assez réfléchie à ce que tu m'y as dit. Tu as bouleversé toutes mes idées et tu m'as causé un trouble qu'il m'était impossible de calmer ni par la résignation, ni par la prière. Si Joukovsky ne serait pas arrivé deux jours après, et si je n'aurais pas vu, combien il se rejouissait de me voir hors de toute inquietude, et combien lui-même etait heureux, j'aurais trouvé mon existence bien à charge. Душенька, ты меня, *насъ* не видала въ теченіи двухъ лѣтъ, ты не имѣла понятія объ ужасномъ моемъ положеніи и видишь одну только *перемѣну*, а вообразить не можешь объ *необходимости*. Je te dirai franchement qu'au moment où je me suis dit à moi même que je veux renoncer à tout ce que faisait mon bonheur, que je ne voulais plus ne vivre que pour J., que je donnerai ma main à celui qui voudra la recevoir (car j'etais decidée à me marier avec le premier venu). ce moment a été plus terrible que tous les tourments de l'enfer. Et tout cela deux mois après que Jouk. m'a demandé encore en mariage! Богъ хотѣлъ дать мнѣ счастіе,ославъ Мойера, но я не ждала счастія, а

[1]) Посланныхъ отъ А. П. съ вещами для свадьбы, закупку которыхъ она дѣлала по порученію Ек. Аѳан.

видѣла одну возможность перестать страдать. Теперь я люблю его и нахожу, что то счастіе, которое я себѣ представляла, можетъ еще для меня существовать, потому что я его полагала не въ тѣхъ радостяхъ, которыя имѣла *въ молодыхъ хорошихъ лѣтахъ*, а въ томъ покоѣ и дѣятельности, которыхъ буду искать и которыя будутъ мнѣ наградой за пожертвованія и за предпочтеніе другихъ себѣ.

Насчетъ Мойера я не обманулась, voila encore un point de gagné. Il m'aime autant qu'il est capable d'aimer, mais les expériences que j'ai faites, ne m'ont que trop appris que ce n'est que dans *mon* coeur. que je dois chercher le bonheur pur et *sans melange*. Voila deja onze jours que je suis mariée [1]): ils n'ont pas été bons, non qu'il en soit la cause, mais la vie dissipée, les visites rendus et reçus et la separation de maman, jointe à quelques petites privations, que je ne connaissais pas avant, m'ont rendu plus triste que je ne devrais l'être. Je te promets que cela ne sera plus. Je veux m'habituer à me rendre compte, ou plutôt à toi, mon ange, de tout ce qui m'arrivera, et surtout de toutes les impressions que je recevrai, alors je serai sûre d'être bonne. Je regarde mon mariage comme un point de réunion pour nous deux; à présent rien de caché l'une pour l'autre! je revivrai pour toi, et toi pour moi, et je n'aurai rien à craindre pour mon avenir, la pensée à ma vertueuse Eudoxie sera le guide de toutes mes actions. Послушай, не говори мнѣ болѣе ничего подобнаго тому, что есть въ послѣднемъ письмѣ; мнѣ надобно *показать*, а *не описать* тебѣ свое сердце, ты должна видѣть его какъ собственное, и тогда дѣлать изъ него, что хочешь. Прошедшее мое счастіе слишкомъ живо у меня въ глазахъ, оно украшаетъ мое настоящее, потому что Жук. есть ангелъ добродѣтели и совершенства; но я должна быть его достойна, и потому спокойное исполненіе долга, безъ примѣси того, что прежде было блаженствомъ, должно наполнить жизнь и сдѣлать раемъ всѣ мысли и воспоминанія. Если бы мнѣ надо было переначинать жить, то я выпросила бы себѣ то же, потому что все хорошее, что я имѣю въ себѣ и передъ собой, есть только слѣдствіе прошедшаго, и будущее мое вѣрно будетъ лучше и меня сдѣлаетъ лучшей, нежели я была до сихъ поръ.

Я не могу еще ничего сказать тебѣ о своей жизни, мое настоящее еще очень дурно; я надѣюсь, что черезъ недѣлю начну *жить* и пользоваться жизнью. У меня много хорошихъ плановъ въ головѣ, и я непремѣнно ихъ выполню. Я ожидаю много хорошаго отъ своихъ намѣреній,—цѣль ихъ хороша.

Милый другъ мой, благодарю тебя за твои хлопоты и за кучу подарковъ, которые ты мнѣ прислала. Я знаю, что тебѣ было весело ихъ сдѣлать, а не то я бы побранилась на тебя за *множество*. Бла-

---

[1]) Значитъ, письмо писалось нѣсколько дней (свадьба была 14 января).

годарю за кружку, которую прислала мужу. — 11 января не могла быть моя свадьба, но Жуковскій и Мойеръ выпили ее за твое здоровье. 14 мы вѣнчались; я все надѣюсь, что и Анетина свадьба была въ этотъ день. Напиши мнѣ побольше о Зонтагѣ, я очень любопытна узнать его. Послушай, Дунька, tu m'as dit un secret à demi et tu as bouleversé toute mon âme, ты все забываешь, что мы за тысячу верстъ, и что если горе меня и замучаетъ, все мнѣ нельзя будетъ придти къ тебѣ и спросить: что съ тобой? Напиши мнѣ *все*. Qu'est ce que c'est homme qui t'a tourmenté? Quel chagrin t'a-t-il causé? Nomme le, je t'en supplie [1]). Oh, combien je me trouve malheureuse de cette espace qui est entre nous.

Прощай, я промюзардничала, и письмо уже пора отсылать. Мой мужъ любитъ тебя чрезвычайно и ты должна его любить, онъ этого очень стоитъ. Поцѣлуй моихъ ангеловъ ребятишекъ. Господь да сохранитъ васъ и помилуетъ для счастія Маши. Поцѣлуй сестеръ и Азбукина; я видѣла объ немъ вчера такой страшный сонъ, что всю ночь проплакала. Schlechte Träume bedeuten glückliches Leben so wie unglückliches Leben bedeutet glückliche Zukunft. Напиши мнѣ объ всѣхъ ихъ побольше. Вы, злые люди, не знаете, какъ тяжела expatriation; въ чужой землѣ своихъ не разлюбишь, а дома, кажется, скоро забываютъ изгнанниковъ. Отечества и *дымъ* хорошъ.

Адресуй письмо по приложенной запискѣ. Мы не хотимъ имѣть дѣло съ русскимъ почтмейстеромъ, нѣмецкій помощникъ нашъ протекторъ и письма съ нѣмецкимъ адресомъ вѣрно и скоро получаются.

XXXI.

Ей же.

(11 февраля 1817 г.).—Мы получили сегодня отъ доброй нашей Анеты милыя, ласковыя письма, которыя сдѣлали сильное впечатлѣніе на душѣ моей; но сильнѣйшее изъ всѣхъ есть то, что Дунька моя поѣхала въ Козельскъ *pour consulter un medecin*. Мой ангелъ, жизнь, сокровище, все хорошее — меня теперь нѣтъ съ тобой! Какъ ты поѣхала, съ кѣмъ, надолго ли, гдѣ дѣти, чѣмъ больна? Вотъ тысяча вопросовъ, на которые никто отвѣчать не можетъ — и они раздаются въ сердцѣ для того, чтобъ болѣе чувствовать его сиротство и одиночество. Дуняша, ничто столько, сколько разлука, не заставляетъ вѣрить будущей жизни, будущему блаженству. Моя жизнь мнѣ мила была *вами*, теперь много стало иначе — но прелесть жизни все таже и ни отъ чего перемѣниться не можетъ. J'ai plus d'expérience et plus

---

[1]) Очевидно, Авд. Петр. дѣлала намеки на свое новое знакомство съ А. А. Елагинымъ (за котораго она вышла въ іюлѣ того же года).

de cœur pour vous aimer, et pour vous aimer *mieux*. Но Дуняша, чтобъ не роптать на жизнь, чтобъ сносить ее съ терпѣніемъ, надобно знать, что всѣмъ милымъ *хорошо*, что ты здорова, что дѣти твои счастливы. На мой счетъ будьте спокойны, я нашла то, чего искала: мужа, котораго могу почитать, и жизнь независимую и дѣятельную. Я разскажу тебѣ одинъ день и ты будешь видѣть *всѣ*.

Встаемъ мы въ 8-мъ часу, Мойеръ идетъ въ залу, гдѣ всегда сидитъ пять или шесть человѣкъ больныхъ, а я къ золовкѣ на половину, изъ которой видно окошко маменькино, гдѣ завтракаю; просидѣвъ у нея часъ, иду къ себѣ, между тѣмъ Мойеръ идетъ завтракать и мы иногда имѣемъ утѣшеніе встрѣтиться въ передней, а иногда больные уходятъ не прежде, какъ въ 10 часовъ, и Мойеръ бросается въ сани и ѣдетъ давать урокъ, потомъ дѣлать визиты больнымъ и возвращается въ 2 часа; а я между тѣмъ работаю въ своей горницѣ, въ 11 часовъ иду къ маменькѣ, гдѣ рисую, читаю и болтаю; въ 3-мъ мы обѣдаемъ, до 3-хъ Мойеръ спитъ, до 4-хъ опять консультація и нашъ домъ наполненъ всякаго сорта людьми, — мужчинами, дамами, дѣтьми, купцами, чухонцами, графами, баронами и пр. Иному вырываетъ М. зубъ, другому пишетъ рецептъ, третьему вырѣзываетъ ракъ, четвертому прокалываетъ бѣльмо, и всякій кричитъ на разные голоса. Отъ 4 до 5 Мойеръ запирается въ своей горницѣ и пишетъ лекціи; въ 5 сани готовы и онъ ѣдетъ въ университетъ, а я ухожу въ свою горницу, читаю по плану, который сдѣлали мы въ Муратовѣ, пишу экстракты въ твою красную книгу и пр.; въ 6 приходитъ ко мнѣ маменька и Жуковскій, или я иду къ нимъ ужинать, а иногда и Саша. Начинается бостонъ, пикетъ и фортепіано, моя золовка наливаетъ чай, стряпаетъ кушанье и говоритъ; въ 9 часовъ пріѣзжаетъ Мойеръ, въ 10 ужинаемъ, въ 11 расходимся. Das ist mein *häusliches g-selliges* Leb'n! Mais, Eudoxie, c'est un bien grand bonheur que de pouvoir se dire: les heures que je passe sans voir mon mari, il les emploie au bonheur de ses semblables.

Сердце мое сильно бьется, когда я думаю, что увижусь весной съ тобою, — но когда думаю о всѣхъ невозможностяхъ, о всѣхъ затрудненіяхъ, то—кровь останавливается въ жилахъ. Мойеръ не перестаетъ говорить, что онъ употребитъ всѣ старанія и для этого собирается теперь въ Weissenstein, за 12 миль отсюда, чтобъ оперировать слѣпаго богача, который своимъ великодушіемъ или скупостью рѣшитъ мой жребій. Сегодня Петрушки моего рожденіе! я молилась за васъ, мои ангелы. Господи, неужели сердце мое должно только любить васъ и грустить объ васъ. Нѣтъ, Дунька, я соврала — любить тебя, это synonyme счастью.

12 февраля.

Дуняша, я сегодня прочла:

Und das Herz voll schlafender Stürme trägst du, wie die Mutter

as entschlummerte Kind, scheu und behutsam über die weichen Blu-
ıen des Lebens, aber die Stürme fahren doch aus und greifen nach
em Herzen.

Я не знаю отчего, ничто, никакое воспоминаніе прекрасной на-
уры не трогаетъ столько мою душу, сколько воспоминаніе прелест-
ыхъ вечеровъ Мишенскихъ. Я готова выплакать сердце, когда во-
бражу, какъ я пріѣзжала изъ Долбина, какъ гуляла съ тобой, съ
воимъ мужемъ, какъ сиживали на широкой террасѣ, какъ провожала
асъ послѣ ужина домой, какъ ходила съ тобой взадъ и впередъ по
вѣтнику—я помню ясно, что тогда я боялась жизни; я не имѣла
ора, но всякій разъ, когда думала, что жизнь передо мной, я закры-
ала глаза и желала *отвратить чашу,* но причины не имѣла. Теперь
смотрю на жизнь, на мое будущее самымъ спокойнымъ и равнодуш-
ымъ образомъ. Если я буду счастлива, то дай Богъ быть этого до-
тойной; если же буду очень несчастлива, то у меня такъ много бла-
енства въ прошедшемъ, что воспоминаніе освѣтитъ все темное и
рное—je sais à présent que je puis me suffire à moi même, le mal
'atteint pas un coeur qui trouve toutes ses consolations et tout le
ıarme de la vie dans un bien qui ne peut-être ravi — une bonne
ınscience, et la persuasion d'avoir fait autant—et même *plus* de bien
u'on ne peut exiger d'un mortel. Je suis en paix avec moi-même
t une fois que je serai parvenue à m'éclairer sur mes devoirs actuels,
me les rendre aussi nets et faciles qu'ils le sont en réalité, à me
débarasser de toutes ces petites peines qui peuvent à la longue influer
ur la vie et en faire le malheur, je serai tout-à-fait contente de
on sort.

Знаешь ли, мнѣ очень хочется показать тебѣ мою домашнюю
изнь; въ ней много хорошаго, а что есть дурнаго, то истребится со
ременемъ. Я занимаюсь теперь болѣе, нежели когда нибудь, и теряю
чень мало времени. Дурно то, что вы, мои ангелы, меня слишкомъ
збаловали. Никуда не годится провести лучшія лѣта жизни съ по-
обными тебѣ и тобою тогда, когда зиму жизни не можешь протащить
ъ тобою. Я окружена самыми добрѣйшими людьми въ свѣтѣ, но мнѣ
этого теперь мало—я хочу совершенныхъ, и все, что не похоже на
овершенство, дѣлаетъ меня maussade и въ дурномъ нравѣ.

(Дальше отрѣзана часть страницы).

14 февраля.

Я была въ дурномъ нравѣ, когда кончила эту страницу, а теперь,
проспавшись, ее отрѣзала. Не думай, чтобъ я хотѣла говорить о моемъ
обрѣйшемъ мужѣ; — онъ точно старается о моемъ счастіи. Будь со-
всѣмъ спокойна на мой счетъ.

Ma bonne amie, je t'assure que je suis heureuse en possédant
e bon mari—il fait tant de bien, il est si utile! Ce matin il a coupé

la jambe à un pauvre malheureux, dont il faut que je te conte l'histoire. Здѣсь проѣзжалъ прошедшей зимой одинъ купецъ и имѣлъ съ собой человѣка, который отморозилъ себѣ обѣ ноги. Разумѣется, что купецъ этотъ не имѣлъ болѣе въ немъ нужды, а потому и оставилъ его — посреди улицы. Несчастный этотъ страдалъ цѣлую весну и лѣто, сидѣлъ на дорогѣ, ведущей къ Домскому строенію[1]), просилъ милостыню и ждалъ смерти. Въ одно утро идутъ Моргенштернъ[2]) и за нимъ Жуковскій въ библіотеку. Бѣднякъ (которому едва 30 лѣтъ и у котораго уже отвалились пальцы на ногахъ) проситъ подаянія. Великій Моргенштернъ остановился: „какъ не стыдно въ твои лѣта проводить жизнь въ бездѣйствіи и унижаться, прося милостыню? если бы я былъ полицмейстеръ, то велѣлъ бы всѣхъ васъ запереть въ одну тюрьму“.— Онъ продолжалъ очень долго этимъ манеромъ; несчастный, потупивъ голову, не отвѣчалъ ни слова. Жуков. слышалъ одну часть этой проповѣди и удивился терпѣнію нищаго, подошелъ, спросилъ, для чего онъ проситъ милостыню. Бѣднякъ поднялъ полу своего кафтана и показалъ свои ноги. Жук. далъ ему 5 р., потомъ, сдѣлавъ два шага, возвратился, далъ еще 5 р. и далѣе. Взошедъ на гору, ему стало совѣстно, что изъ 200, которые онъ имѣлъ, онъ отдалъ только 10; возвратился опять и далъ 50 руб. Хотѣлъ продолжать свою прогулку, но подумалъ: я имѣю ноги, могу гулять и берегу для себя 150 р.! возвратился и далъ ему еще 50. Я не знаю, далеко ли онъ ушелъ бы въ этотъ вечеръ, если бы нищій остался на своемъ камнѣ, но онъ собралъ послѣднія силы и поползъ въ свою хижину. Всѣ эти подробности знаю я отъ г-жи Лангхамеръ, помощницы почтовой, которая, сжалясь прежде всѣхъ надъ этимъ несчастнымъ, дала ему уголъ въ домѣ и записывала каждый вечеръ то, что онъ собиралъ въ теченіи дня. Больной нашъ заказалъ себѣ новыя рубашки, тулупъ, шапку и благословлялъ ежеминутно den russischen Poët, den ihm der liebe Gott geschickt hatte. Лангхамерша уѣхала въ деревню, Саша въ Крымъ, мы въ Ревель, и прогулки на Домъ были оставлены. Возвращаемся — больного нѣтъ! мы справлялись, сколько возможно — напрасно. Наконецъ, одинъ добрый человѣкъ увѣрилъ Жук., что зная, сколько онъ ему помогъ, онъ желалъ угодить Жук. и для того отправилъ его на свой коштъ въ Митаву къ роднымъ его. 25 сентября пошла я съ маменькой и съ женихомъ моимъ въ клинику, чтобъ разсматривать подарки Императора. Оглядѣвъ все интересное, мы попросились въ тѣ комнаты, гдѣ лежатъ les éstropiés. На чистой, мягкой кровати съ чистымъ занавѣсомъ лежалъ безрукій сапожникъ, подлѣ него сидѣла безногая дѣвушка и читала библію. По лѣвую сторону, на такой же кровати лежалъ—нашъ бѣдный курляндецъ! Какимъ манеромъ и когда

---

[1]) Т. е. Соборному.
[2]) Профессоръ Дерптскій.

зашелъ онъ? Вообрази, на той же недѣлѣ Мойеръ шелъ той же дорогой; онъ попросилъ милостыню, Мойеръ подалъ деньги безъ совѣтовъ; онъ такъ тронулся, что показалъ ноги, а Мойеръ уговорилъ его перейти въ клинику, гдѣ платитъ за его содержаніе по полтинѣ на день. Сегодня онъ отрѣзалъ ему правую ногу, а лѣвую надѣется вылѣчить.

Eudoxie, pourquoi nos *Lagarayes* [1]) n'existeraient-ils pas? Ah! il y a encore beaucoup de bonheur sur la terre!

XXXII.

Ей же.

(1 Mai 1817).— Mon ange, je viens de recevoir ta lettre du 7 avril, c'est-à dire presque 6 semaines après sa mort [2]). Dieu sait ce que j'ai souffert en la lisant. Eudoxie, je ne puis pas *t'écrire* des consolations, mais le premier mot de mon excellent mari était—*allons chez elle!* Ecoute, mon ange, dis moi, si cela t'est necessaire, et au commencement de Juin nous partons, si même ce ne sera que pour quinze jours — mais te voir, t'embrasser, se sera déjà nous rendre la vie à toutes les deux. Дуняша, ея жизни жаль! она была счастлива; думая объ ней, мы не однѣхъ себя можемъ жалѣть! Сестра, мое сердце такъ полно—я боюсь за тебя смертельно. Не забывай, что я *сестра* твоя, что твоя жизнь *все*. Жуковскаго пріѣздъ теперь моя сильнѣйшая надежда. Пиши, что я тебѣ нужна, что ты меня хочешь, это нужно для того, чтобы дать намъ новыхъ силъ. О, Дуняша, ты одна можешь вообразить, *что* для меня ты. Теперь вся жизнь моя заключилась въ той минутѣ, когда я поѣду.

Далѣе приписываетъ Жуковскій: „Милая сестра, благодарю васъ отъ всего сердца за имя брата, сказанное въ такую минуту, когда это имя должно было быть вамъ утѣшеніемъ. Милый другъ, я завтра отсюда ѣду, и буду у васъ въ концѣ мая, ждите меня. Сердце за васъ страдаетъ; о братѣ Азбукинѣ не могу думать. Мнѣ кажется, что единственное слово, какое можно смѣть сказать ему и вамъ теперь, есть то же, какимъ вы начинаете ваше письмо: Христосъ воскресъ! Что къ этому прибавить? Это ея голосъ, а намъ только отвѣчать: воистину! Съ надеждой, съ твердостью, съ терпѣніемъ и конечно, конечно съ любовью! Развѣ конецъ? Право, нѣтъ! Подлѣ милаго мертваго „Христосъ воскресъ“ есть слово жизни, твердости, награды, надежды. Право! Это — дѣло Провидѣнія! Отымая у насъ милаго человѣка, оно соединило съ минутой потери воспоминаніе о лучшемъ, что мы имѣемъ въ жизни. Милый другъ, мы скоро увидимся—дай Богъ, чтобы свиданіе наше было вамъ утѣшеніемъ. Теперь простите! Мы были бы вмѣстѣ скорѣе, но я долженъ ѣхать черезъ Петербургъ, гдѣ пробуду по крайней мѣрѣ недѣлю—а для чего, объ этомъ поговоримъ при свиданіи“.

Въ Петербургѣ Жук—аго призывали начавшіеся переговоры о приглашеніи его учителемъ къ Вел. Княг. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, тогда еще невѣстѣ Великаго Князя Николая Павловича, принцессѣ Шарлоттѣ. (См. письмо Жук—аго къ А. Тургеневу 25 апрѣля изъ Дерпта).

---

[1]) Это слово встрѣчается въ перепискѣ подругъ для обозначенія утопическихъ мечтаній о всеобщемъ благѣ; отъ какого собственнаго имени оно происходитъ, намъ не удалось найти.

[2]) Умерла сестра Авд. Петр., Ек. Петр. Азбукина.

XXXIII.

Ей же.

(Le 15 de Juin 1817).— Mon angélique amie! enfin j'espére avoir des nouvelles sûres et promptes sur ton compte. Le docteur me promet que bientôt je n'aurai plus rien à désirer. Il se dépêche tant de partir, que je ne puis te dire tout ce je voudrai, mais ce sera pour la première occasion— bientôt il ne manquera plus rien à mon bonheur; si tu m'aimes toujours bien, tu le devineras, je n'aurai pas besoin de te le dire. Porte toi bien, maintenant c'est la seule chose que je désire et que je demande à Dieu: que le ciel te conserve pour ton heureuse Marie, qui ne sait comment elle a merité du bon Dieu tant de felicité. Adieu.

М. А. говоритъ о надеждѣ (не оправдавшейся) стать матерью. Писано передъ самымъ отъѣздомъ Мойеровъ въ Муратово.

XXXIV.

Ей же.

(30 іюня 1817 г. Муратово).— Мы по вашей милости доѣхали благополучно, мои милые друзья. Здѣсь нашли все такъ, какъ желали. Теперь я готовлю съ большой радостью комнату моей Дуняши, и не дождусь той минуты, когда ее увижу въ ней. Пріѣзжайте скорѣй, покуда розы еще цвѣтутъ, мнѣ хочется показать нашему новому другу Муратово во всей его красотѣ, чтобы оно ему понравилось.—Цѣлую тебя, сестра моя безцѣнная, и безподобныхъ моихъ ребятишекъ. Бояръ вашъ у насъ, я его холю и покою, а отослать не смѣла, потому что ему надобно было бы пробѣжать почти 400 верстъ, и я надѣюсь, что гнѣвъ Петушковъ [1]) укротится, когда онъ узнаетъ причину смѣлаго поступка моего.— Марія Ник. здѣсь; пріѣхала третьяго дня и была теперь у насъ. Плещеева еще не видали, онъ въ Черни и со всѣми дѣтьми.— Вотъ всѣ новости. Прощай, мой ангелъ, пріѣзжай скорѣй, цѣлую тебя нѣжно. Маменька тебя цѣлуетъ и говоритъ: *пріѣзжайте поскорѣй.* Она рветъ розы и воображаетъ, какъ будетъ осыпать ими Машу. Мойеръ спитъ, но несмотря на то въ восхищеніи отъ тебя. До свиданія!

Новый другъ—Ал. Андр. Елагинъ, женихъ Авд. Петровны.

XXXV.

В. А. Жуковскому.

(Іюль 1817 г. Изъ деревни).— Мой добрый, безцѣнный другъ! не можешь вообразить, какъ грустно объ тебѣ—*теперь* тебя нѣтъ съ

[1]) Петруши Кирѣевскаго.

нами. Кто могъ вообразить, что пріѣздъ мой въ Муратово будетъ время самое несчастное въ жизни. Здѣсь точно ничего болѣе для меня не осталось, точно духъ смерти пролетѣлъ по родинѣ. Будучи въ Козельскѣ, я говорила сама себѣ, что въ Черни найду все свое по старому, что тамъ *не можетъ* ничто перемѣниться—и черезъ день узнаю о нашемъ несчастіи [1]). Другъ мой, я читала съ самой живѣйшей благодарностью къ Богу и къ тебѣ письмо твое къ нашему милому, несравненному Плещееву. Ты умѣлъ своей дружбой облегчить наше состояніе, и Плещ. стоитъ ея. Я его теперь точно полюбила гораздо больше. Нашъ ангелъ Нина не умерла для него, его поступки и любовь къ ней, которая, если возможно, еще усилилась, облегчаютъ ужасъ его состоянія. Горесть его сильна и непритворна. Онъ кажется веселымъ, старается заниматься посторонними вещами и между тѣмъ всякую минуту думаетъ объ ней и все къ ней относитъ. Онъ живетъ въ Черни на ея могилѣ; она погребена подлѣ дѣтей. Тѣло перевезли изъ Орла, и Плещеевъ уже ожидалъ его въ Черни; онъ пошелъ встрѣчать его по самой той дорогѣ, по которой она такъ часто ѣзжала къ нему навстрѣчу. Ты знаешь, какъ онъ былъ счастливъ, ему нечего было желать — теперь онъ больше сирота, нежели ребятишки. Его безпечность и привычка жить, не думая о завтра, потому что все за него было обдумано, и разница съ теперешнимъ состояніемъ—раздираютъ душу. Il s'accroche à chaque bagatelle pour parler d'elle et pour la remercier du bonheur dont elle l'a fait jouir. Quand on est à Tchern il est impossible de croire qu'elle ne soit plus —on l'attend toujours et l'on croit qu'elle s'est absente, qu'elle doit revenir. Часто даже слышится голосъ ея. Обхожденіе Плещ. со мною такъ мило, такъ прелестно, что она вѣрно имъ радуется; вообрази, что дѣти должны со мною обходиться, точно какъ съ нею—безъ моего позволенія ничего не дѣлаютъ—и если спросятъ что у него, то онъ всегда отвѣчаетъ: demandez à Marie, si elle le permet, vous pouvez faire. Дочерей оставляетъ у насъ до самаго отъѣзда нашего въ Дерптъ, а потомъ привезетъ ихъ туда и оставитъ навсегда. Онъ точно любитъ меня такъ же, какъ она любила. Боже мой! за что не имѣла я счастія еще ее увидѣть. Она скончалась 20-го, а мы пріѣхали 25-го. Я увѣрена, что я бы остановила ее дня на два. Бѣдныя дѣти! они грустятъ объ ней какъ должно. Варвара будетъ другая Анна Ивановна; она такъ мила, такъ примѣчательна, что узнаю въ ней ангела—мать ея. Жуковскій, не желай быть въ Муратовѣ! здѣсь все напоминаетъ прошедшее, невозвратимое —только и видишь, что гробы, ничего нѣтъ стараго. — Дуняша много любитъ своего мужа и надѣется быть счастлива [2]). Дай-то, Господи! Мы его совсѣмъ не знаемъ, видѣли

[1]) Въ это время умерла А. И. Плещеева.
[2]) Лѣтомъ Авд. Петр. вышла замужъ за А. А. Елагина.

только два дня, за недѣлю передъ свадьбой, и такъ смутно, что ни объ чемъ судить нельзя. Она вѣнчалась въ Козельскѣ. Дѣти любятъ очень Алек. Андр. и онъ ими много занимается. Eudoxie n'a qu'une seule pensée, un seul sentiment, et je suis jalouse, jalouse comme le diable. Въ первыя минуты я жалѣла, что покинула Дерптъ, теперь же, видя моего милаго, добраго Плещеева, я благодарю Бога за Мойера и за тѣ утѣшенія, которыя онъ мнѣ даетъ черезъ эту добрую душу. Плещеевъ плакалъ вмѣстѣ со мной, читая твое письмо, ты умѣешь понять его. Жуковскій, все въ жизни къ великому средство — и минута, въ которую скажешь съ совершенной покорностью: „да будетъ воля твоя“, замѣняетъ потерянное счастіе. Le devoir c'est le bonheur, et les moments les plus tristes de la vie sont justement ceux, où l'on aime Dieu, comme il faut l'aimer. *Отче нашъ!* съ этимъ словомъ перенесешь смерть Анны Ивановны и станешь безъ ропота жить на гробѣ счастія.

Милый, ты долженъ все обдумать для дѣтей, и все сдѣлать, какъ можно лучше. Почему думаешь ты, что Петерб. должно предпочесть Дерпту? Я бы лучше желала переселить ихъ къ намъ — Плещеевъ могъ бы больше заниматься дѣтьми, а теперь это одно можетъ дать ему спокойствіе. Жизнь свѣтская, которой онъ не избѣжитъ въ Петербургѣ, не замѣнитъ ему ничего и отниметъ послѣднее. Но, впрочемъ, рѣши, какъ думаешь лучше. Въ сентябрѣ они навѣрное пріѣдутъ изъ Черни. Добрый Букильонъ [1]) хлопочетъ, какъ другъ самый лучшій, его надобно почитать и любить, какъ достойнаго родственника нашихъ Плещеевыхъ.

Я получила письмо, которое ты писалъ въ Дерптъ, уже здѣсь; мнѣ грустно, что не могу сдѣлать того, что ты желаешь, но мы возвратимся въ половинѣ августа и тогда я пришлю все такъ, какъ ты желаешь. Воейковы пріѣхали 13 іюля, и онъ уже собирается опять ѣхать въ Дерптъ сегодня вечеромъ. Tout va sans histoires, et par conséquent mieux qu'on ne l'espérait, mais ce qui est désolant, que le désordre recommence: il oblige Alexandrine de donner des lettres de change pour lui, et bientôt elle sera forcée de vendre sa part [2]). Онъ будетъ въ Петербургѣ въ концѣ этого мѣсяца, ты посовѣтуй ему быть осторожнѣе и увѣрь, что репутація его страдать будетъ, если жена безъ куска останется. — Прощай, мой добрый, милый ангелъ. Господь тебя сохранитъ и помилуетъ. Дай Богъ тебѣ удачи во всемъ, я молюсь объ этомъ прилежно. Мойеръ тебя обнимаетъ *братски*. Онъ славный малый и любитъ меня очень, и я пресчастливое твореньe. У меня была маленькая лихорадка, но уже почти прошла. Если Воейк. что и скажетъ, то не бойся.

---

[1]) Букильонъ былъ управляющимъ въ Черни; къ нему обращено шутливое стих. твореніе Жук—аго: De Bouquillon je veux chanter la fête.

[2]) Т. е. принадлежавшую ей часть Муратова.

XXXVI.

А. А. Воейковой.

(Лѣто 1817 г.) — Вотъ мы и въ Никольскомъ, моя душа! Для чего тебя нѣтъ? тогда бы мнѣ было здѣсь еще лучше. Безцѣнныя наши тетушки приняли насъ такъ же, какъ въ старину; грустно только, что Маши нѣтъ, она у свекра на цѣлый мѣсяцъ. Олинька—прелестный ребенокъ, и чернобровая. Что-то моя Катька? Ангелы мои, когда я васъ опять увижу. Береги себя, моя Сашка, я съ безпокойствомъ вспоминаю о томъ, какъ ты себя мало бережешь. Душенька, будетъ ли въ Дерптѣ письмо, когда мы пріѣдемъ? Не лѣнись, мой Сандрокъ!— Если Дуняша съ тобой, то поцѣлуй ее и скажи, что я все разсказала тетушкѣ о ея свадьбѣ. Прощай, мое сокровище, Господь тебя сохранитъ; я молюсь за тебя безпрестанно.

А. А. Воейкова съ мужемъ въ это лѣто тоже пріѣзжала изъ Дерпта на родину; но очень недолго пробыла вмѣстѣ съ сестрой. Письмо и писано вскорѣ послѣ разлуки. Никольское, откуда писано письмо, принадлежало дядѣ М. А., Вас. Ив. Протасову, тамъ жили его сестры, Елена Иван. и Нат. Ив.

XXXVII.

А. П. Елагиной.

(1 октября 1817 г.) — Здравствуй, Авдотья! ты меня забыла, моя каналья, а нынче 1 октября! А я тебя люблю, какъ душу. Неужели твой мужъ выбилъ меня изъ твоего сердца? Скажи ему, что я не прощу ему никогда этого. Дунюшка, поживши съ вами, тяжело опять привыкать къ холодному Дерпту. Пиши, ради Бога. — У насъ все благополучно. Нынче буду изъ твой маленькой кружечки за твое милое здоровье пить и отъ твоего имени поздравлять нашу маменьку. Грустно, что вы не вмѣстѣ съ моимъ Сандрочкомъ, даже и сегодня. Она одна, бѣдняжечка! Сердце ноетъ за нее и за себя [1]).

Прощай, мой другъ, гости настоящіе и будущіе мѣшаютъ писать. Поцѣлуй своего мужа и ребятишекъ. Богъ съ вами.

Писано уже изъ Дерпта. Поѣздка на родину мало принесла утѣшенія М. А.: ее встрѣтили тамъ смерть одного друга и недоразумѣнія съ другимъ (съ Авд. Петр.). О послѣднемъ см. ниже, письмо XLIII.

XXXVIII.

Ей же.

(1817 г. 18 декабря, 2 часа ночи). — Мой милый другъ! Я получила вчера на почтѣ подъ кувертомъ письмо изъ Бѣлева, которое

---

[1]) А. А. ждала ребенка, который и родился вскорѣ въ домѣ у Елагиныхъ (это была вторая дочь, Александра).

дѣлаетъ гримасу, какъ будто бы пришло отъ тебя, или отъ твоего мужа, но я не перестала еще обожать въ тебѣ добродѣтель и дружбу en personne, и потому не повѣрила бы даже и тогда, когда ты (*одно слово вырвано*) бы его послала. Зная же, съ *кѣмъ* вы теперь, легко угадываю автора! Прошу Бога отъ всего сердца простить ему то горе, которое онъ мнѣ сдѣлалъ, и сама прощаю ему [1]). *Друг!* теперь ты нужна мнѣ болѣе, нежели когда нибудь. Наконецъ меня принудили имѣть тайну отъ Мойера, не для того, чтобъ я не смѣла открыть ему сердца и боялась титула *любовницы*, но для того только, чтобъ избавить его отъ того несноснаго горя, которое ненависть близкаго человѣка мнѣ дѣлаетъ. Такъ какъ я не могу просить у нуля совѣта, то прибѣгаю къ тебѣ. Скажи, ангелъ, что мнѣ сдѣлать? Должна ли притвориться, что я не получала письма, отправленнаго съ такой осторожностью? — Завтра ихъ пришлютъ десять, и велятъ отдать въ собственныя руки. Писать къ нему? — Можно ли будетъ скрыть отвѣтъ отъ моего добраго мужа? Да и какого отвѣта могу я ждать отъ Воейкова? Прочти письмо и рѣши сама. Я требую одного, чтобъ Саша ничего совершенно не знала, и если безъ того нельзя, то сожги все и оставь меня на волю Божію. Милая сестра! чѣмъ могла я навлечь такую ненависть? Онъ умѣлъ меня заставить посреди счастія жалѣть о смерти. Душенька, я вотъ чего бы желала, чтобъ ты сама и одна поговорила ему: не мѣшай, ради Бога, своего милаго мужа. Такія пакости не должны смѣть прикасаться до него. Скажи Воейкову, что если онъ выведетъ меня изъ терпѣнія, то я открою такія вещи, которыя справедливы, хотя и неправдоподобны; что одна любовь моя къ Сашѣ заставляла меня молчать, но терпѣнію есть границы. Я могу показать нѣкоторую бумагу, которая *не была сожжена*, и которая заставитъ даже и его покраснѣть. Скажи, что у меня есть еще письмо Жуков., въ которомъ онъ заклинаетъ меня Богомъ выдти замужъ за Красовскаго или за Мойера, или за кого нибудь; проситъ маменьку позволить ему найти мужа, единственно для того, чтобъ избавить меня отъ Воейкова. Напомни ему, что рѣшившись идти замужъ, я желала одного покоя, и обѣщала ему отказать Мойеру, если въ теченіи мѣсяца онъ допуститъ меня спать спокойно и дышать на волѣ. Но Воейковъ далъ мнѣ десять росписокъ (изъ которыхъ половина цѣла), и самъ и одного часа не пробылъ безъ сценъ и исторій. Пускай онъ вспомнитъ, какъ онъ обѣщалъ мнѣ выкинуть меня за ноги на улицу, если онъ узнаетъ, что я въ тайной перепискѣ съ Жуковскимъ. Мойеръ знаетъ, что я не думала найти счастіе, но Богъ и Жуковскій дали мнѣ его вопреки Воейкову. Я горжусь титломъ дочери пастора, обо-

---

[1]) Рѣчь идетъ о полученномъ отъ Воейкова письмѣ, которое было исполнено всяческими гнусностями. Воейковъ тогда былъ у Елагиныхъ и, какъ видно, стремился поссорить ихъ съ М. А.

жаемаго даже послѣ смерти. *Пономарство* [1]) Мойера смѣшно и не можетъ меня обидѣть. Милая, если ты думаешь, что экспликаціи могутъ сдѣлать пользу, то поговори ему, а если нѣтъ — то Богъ съ нимъ. Я пошлю копію съ письма его къ Жуковскому, онъ поблагодаритъ его за ту дружбу, на которую мы оба столько полагались.

Но Дуняша брюхата, я боюсь, чтобъ мое горе не огорчило ее, и такъ рѣшаюсь лучше послать къ вамъ это письмо, милый братъ! Прочтите его сперва одни и если вы думаете, что нашъ ангелъ не встревожится, то отдайте ей; если же боитесь, то изорвите все и не говорите никому ни слова, а пуще всего Воейкову! Я лучше соглашусь получить еще кучу такихъ обидъ, нежели васъ съ нимъ замѣшать. Бѣдный мой Мойеръ спитъ спокойно, не воображая того, что происходитъ. Я бы желала дать знать Воейкову о его спокойствіи; это единственное мщеніе, которое я себѣ позволяю.

Прощайте, мои милые друзья! Да сохранитъ васъ Господь Богъ, я благословляю вашихъ четырехъ дѣтей, они будутъ лѣлать ваше счастіе. Берегите мою Сашку; послѣ всякаго огорченія отъ Воейк. она мнѣ становится еще дороже. Еще тревожитъ меня часто одна мысль: она еще не забыла, какимъ манеромъ я рѣшилась идти замужъ, и не совершенно вѣритъ моему счастію. Когда Воейк. уѣхалъ въ Петерб. и мы остались спокойно цѣлыя три недѣли однѣ, то я скоро забыла все прошедшее и колебалась опять выходить замужъ; она знала все, что у меня было на сердцѣ, и уговаривала не идти; я имѣла слабость слушать ее съ удовольствіемъ и отвѣчала ей, подумавъ немного: *но вѣдь В. воротится!* и она начала опять меня уговаривать идти за Мойера. Теперь я благословляю все прошедшее, потому что оно меня *принудило* на счастіе, и я счастлива совершенно. Но я боюсь, что Саша не всегда это думаетъ, и это меня тревожитъ. Увѣрьте ее, что я всѣмъ довольна. Маменька со мной — и спокойна; мужа я почитаю и люблю лучше всего на свѣтѣ; родъ жизни мнѣ нравится, и я увѣрена, что съ моимъ нравомъ такая дѣятельность мнѣ была необходима. Все въ жизни къ великому средство! Благословляю Провидѣніе за цѣль, а средства, которыми ее достигла и буду достигать, отдаю съ покорностью на Его волю. Прощайте.

XXXIX.

Ей же.

(Январь 1818 г.)—Здравствуй, моя добрая сестра! Какъ ты поживаешь? Милый другъ, мы такъ рѣдко имѣемъ отъ тебя письма; я,

[1]) Очевидно, Воейковъ издѣвался надъ духовнымъ происхожденіемъ Мойера (онъ былъ сынъ пастора).

сестра твоя, даже не знаю, когда ты родишь! Дунька, неужели мы можемъ раззнакомиться? Милый другъ, пиши по старинному, ты мне должна *много* любить, *обыкновенныя* связи не для насъ сдѣланы, а мы какъ будто разстались! Послушай, если у тебя есть что нибудь на сердцѣ противъ меня, скажи ради Бога; я право оправдаюсь, потому что сердце не виновато, и потому, что ты захочешь увидѣть меня невиноватою.— Я давно къ вамъ обоимъ не писала, оттого что мои родные были всѣ у насъ, и я, новая, неопытная хозяйка, хлопотала съ утра до утра (не до ночи, потому что и спать много не успѣвала). Теперь я свободна, и опять буду писать много, а ты, моя душа, отвѣчай по старому. Неужели оттого, что мы обѣ счастливы, стали мы чужды другъ другу? Твой милый мужъ дорогъ мнѣ столько же, сколько ты моего любишь. Дай Богъ только одного, чтобъ намъ узнать другъ друга покороче.

Милые друзья, благодаримъ васъ за хлопоты о Курентьевѣ[1]. Изъ письма маменькинаго увидите, что мы передумали покупать его, и я думаю, что это благоразумно; теперь оставить Дерптъ, когда можно жить безъ заботъ, было бы безразсудно, а затѣивать новыя спекуляціи и входить въ долги тогда, когда смотрѣть сама не можешь, такъ мудрено. Я не совѣщусь, что надѣлала вамъ хлопотъ, по двумъ причинамъ: 1-е, потому что это *вы*. мои Елагины, а 2-е, потому, что вы себѣ купите эту деревню. Объ деньгахъ, другъ мой, велѣлъ тебѣ Мойеръ сказать, что если уже задатокъ данъ, то пускай его пропадаетъ, пожалуйста, не хлопочи и не безпокойся; а если нѣтъ еще и если тебѣ нужны, то оставь ихъ, мой добрый другъ. Еще велѣлъ онъ сказать тебѣ, что онъ въ отчаяніи, что книги не ѣдутъ, ему обѣщали ихъ непремѣнно въ концѣ ярмарки, но до сихъ поръ еще нѣтъ; онъ надѣется на первой почтѣ переслать.

Прощай; поцѣлуй своего милаго мужа въ щечку и пожми за меня его бѣленькую ручку, а ему вели поцѣловать себя въ губки во имя мое и живите благополучно, и любите меня, а я по гробъ ваша. Дѣти мои безцѣнные, здравствуйте! помните ли вы свою Машу? а она васъ васъ любитъ безъ памяти. Посылаю моей Машкѣ чулки и передникъ чухонскій, я думаю, она уже выросла изъ нихъ.

Прощайте, добрые друзья, Господь съ вами.

XL.

А. А. Елагину.

(Конецъ января 1818 г.)— Милый мой братъ! не могу выразить вамъ того, что я чувствовала, читая ваше письмо. Прелестная душа,

---

[1]) Мойеры въ это время задумали было купить деревню около Елагиныхъ и поручили имъ покупку.

Благодарю васъ за вашу дружбу, благодарю Бога за все, что случи-
лось; оно мнѣ дало возможность еще болѣе узнать васъ. Съ какимъ
восторгомъ прощаю все Воейкову, онъ не могъ сдѣлать мнѣ больше
добра. Другъ мой, не сердитесь на него, и не наказывайте его ничѣмъ
инымъ, кромѣ вашего презрѣнія. Онъ довольно несчастливъ—будучи
въ раю, вмѣстѣ съ вами, съ женой своей и вашею, не чувствовать
всей мѣры своего счастія и находить время обижать и огорчать лю-
дей, которые желаютъ только забвенія отъ него. Послушайте, милый!
вы не должны брать къ сердцу этой пакости, онъ не стоитъ того,
чтобъ *отъ него* обижаться. Я не прощаю себѣ, что два дня могла
плакать и не спать отъ его письма; я больше, нежели вознаграждена
за это огорченіе. Мой добрый другъ, намъ Богъ далъ равную участь:
думать только о счастіи нашихъ милыхъ товарищей, а все, что можетъ
ихъ огорчить, презирать и не обращать на это вниманіе. Хорошо,
что *я* вамъ подаю совѣты, когда примѣръ мой былъ совершенно про-
тивный. Признаюсь вамъ, милый братъ, что я теперь упрекаю себя
въ эгоизмѣ — мнѣ бы жаль было, еслибы этого приключенія не слу-
чилось--ваши несравненныя письма мнѣ дали новую жизнь. Мнѣ бы
жаль было не имѣть ихъ.—Привязанность моя къ Дуняшѣ съ самаго
нашего рожденія была больше всего, что сказать можно; съ тѣхъ
поръ, какъ она замужемъ и какъ мы разстались, что-то поселилось
между нами, что меня огорчало; я не имѣла ни малѣйшей причины
обвинять васъ въ этомъ, но не давая себѣ отчета въ чувствѣ, сер-
дилась на васъ. Теперь прошу у васъ прощенія, благодарю васъ за
любовь сестры моей, за ея счастіе и за вашу дружбу. Какъ и чѣмъ
заслужила я свое счастіе? понять не могу. Милый братъ, нашъ ан-
гелъ Саша навѣки соединена съ этимъ жалкимъ твореніемъ, для ея
спокойствія простимъ ему все; не пишите ему ни о чемъ, онъ до-
стоинъ одного сожалѣнія. Если бы вы видѣли, какъ онъ всѣми оста-
вленъ, и изъ какого рода людей состоитъ теперь его общество. Какъ
онъ ни золъ, но чувствовать умѣетъ свое положеніе. На всякомъ шагу
видитъ презрѣніе отъ самыхъ почтенныхъ людей и не имѣетъ права
роптать и защититься.— Милый другъ, не горячитесь, ваше письмо
меня испугало. Пуще всего не пишите къ нему ничего, не показавъ
напередъ нашей милой властительницѣ, какъ вы говорите. Сохрани
намъ ее, Господи. Съ тѣхъ поръ, какъ ея пузо выросло, я прилеж-
нѣе молюсь за нее Богу. Вы будете, мои друзья, радоваться своей
крошкой. Когда я ее увижу? Прощай, милый братъ! люби свою бла-
годарную сестру и друга.

Къ концу января отнесено по связи съ слѣдующимъ письмомъ (упоминаніе объ отвѣтѣ Елагина).

XLI.

А. П. Елагиной.

(*7 февраля 1818 г.*). — Сейчасъ получила письмо твое отъ 12-го января, то-есть на другой день 11-го [1]), мой милый, несравненный другъ. Сестра моя, я уже раскаивалась, что огорчила васъ этимъ мерзкимъ происшествіемъ, которое заслуживаетъ общее наше презрѣніе. Я боялась до смерти, что это будетъ имѣть вліяніе на твое здоровье, и бранила себя чрезвычайно. Душенька моя! нѣтъ, я ни одной секунды не думала на твоего милаго, добраго мужа, онъ имѣлъ случай показать мнѣ свое прекрасное сердце, и я прежде, нежели прочла его безцѣнное письмо, увѣрена была въ его дружбѣ. Мои добрые друзья! если бы я вамъ не сдѣлала горя, то благодарила бы Бога за все случившееся! Сеструшка моя, береги мое счастіе — теперь ты его еще прибавишь! благословляю твою пузу и молюсь за васъ безпрестанно.

Послушай, дружокъ! давай толковать о Сашѣ Петерсонѣ [2]). Признаюсь тебѣ, я удивилась, когда его увидѣла, и подосадовала немножко на тебя, хотѣла говорить съ тобой объ этомъ искренно, но письмо твое закрыло мнѣ ротъ. Ты пишешь неласково и колко, и подумала: за 1000 верстъ не дѣлаютъ упрековъ; Богъ знаетъ, въ какомъ расположеніи духа получитъ она письмо мое! А Мойеръ запретилъ мнѣ писать объ этомъ для того, что ты могла бы подумать, что я завидую Воейк. и что желаніе имѣть добраго Сашу у себя заставляетъ меня имѣть несправедливое мнѣніе о Воейк. C'est un homme qui n'a qu'un seul principe auquel il sacrifie tout le reste, c'est son plaisir, et je t'avoue que je crains qu'Alexandre ne devienne un autre Chripkoff [3]). Les exemples qu'il a sous les yeux ne sont pas édifiants. Je crois que le mieux serait à présent de le donner chez Asmouss, maître de l'institut de Pestalozzi, où se trouve le petit Joukovsky [4]). C'est un vrai ami de notre Basile, et un homme comme il y en a peu. Его семейство такъ почтенно, въ домѣ царствуютъ дѣятельность и порядокъ. Павлуша Жук. самый простой и глупенькій мальчикъ, но онъ такъ много научился по-нѣмецки и во всѣхъ наукахъ такъ ушелъ, что видно, что у него хорошіе примѣры въ глазахъ, и что имъ много

---

[1]) 11-е января было днемъ рожденія Ек. Аѳан.

[2]) Этого юношу (побочнаго сына П. Н. Юшкова) Авд. Петр. отправила для полученія образованія въ Дерптъ и поручила попеченіямъ Воейкова. Въ послѣдствіи она скоро имѣла случай раскаяться. Поступокъ ея, какъ знакъ ея нѣкотораго довѣрія къ Воейкову, удивилъ М. А.; кромѣ того, М. А. не могла не связать его съ тѣмъ одолженіемъ, которое замѣтила въ это время въ Авд. Петр. къ себѣ. Искренняя любовь и прямота М. А. по обыкновенію поправили дѣло.

[3]) Хрипковъ былъ воспитанникомъ Вендриха и, живя на попеченіи Воейкова, плохо оправдывалъ заботы о немъ.

[4]) Павелъ Жуковскій; о немъ см. письма Жук—аго къ Елагиной. Объ Асмусѣ и его школѣ въ Дерптѣ см. переписку Жук—аго съ А. Тургеневымъ.

занимаются. Пансіонъ его стоитъ не болѣе 800 руб. вмѣстѣ съ ученіемъ. Переговори объ этомъ съ Жуковскимъ. Добрая моя малютка! мнѣ досадно, что Воейк. могъ до такого градуса заслужить твою довѣренность, тогда, когда ея не достоинъ. Письмо его простительнѣе многихъ другихъ поступковъ. Дай Богъ не знать его коротко. Признаюсь тебѣ еще, что онъ причиной тому, что мы отказались отъ Курентьева; теперь, не имѣя никакого права, онъ вступается въ наши дѣла, притѣсняетъ Дементъ.[1]) мужиковъ, отдаетъ въ тюрьму—для мужика невозможно выдумать тяжелѣе этого наказанія, потому что, теряя время, все семейство его разоряется. Вообрази же, когда бы надобно было перевозить мужиковъ, намъ не принадлежащихъ и заложенныхъ въ казенномъ мѣстѣ, какихъ помѣшательствъ не сталъ бы онъ дѣлать? Входить въ долги затѣмъ, чтобъ имѣть тысячу неудовольствій, и тогда, когда безъ заботъ можно имѣть состояніе не блестящее, а порядочное! Теперь же я прикована къ Дерпту по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять, слѣдовательно то, что плѣняло въ Курентьевѣ, твое сосѣдство—не плѣняетъ болѣе.

Я написала тебѣ, что пошлю Жук. копію[2]) для того, что надѣялась, что Воейк. увидитъ мое письмо, но сама не хотѣла говорить ему, Жуковскому, объ этомъ. Теперь жалѣю, потому что Петерсонъ могъ бы у него остаться. Когда Воейк. возвратился, то пришелъ тотчасъ къ маменькѣ; я была въ залѣ со свекровью, онъ заглянулъ мнѣ въ глаза, не поклонился, не снялъ шляпы и, спросивъ, *дома ли маменька*, пошелъ далѣе. Я осталась въ залѣ и, признаюсь тебѣ, едва стояла на ногахъ, къ тому же мнѣ хотѣлось скрыть все отъ матушки и золовокъ, которыя прибѣжали, увидя изъ другой горницы эту фигуру въ шляпѣ. Едва успѣлъ онъ поцѣловать у маменьки руку, какъ закричалъ такъ, чтобъ я могла слышать: „а я отдалъ М. А. мужика въ тюрьму!“ Маменька стала его просить, чтобы онъ говорилъ сперва о Сашѣ и о тебѣ, но онъ отвѣчалъ: „онѣ всѣ здоровы, чего-жъ вамъ больше“. Маменька не могла вытерпѣть, чтобъ не говорить ему о письмѣ; сначала онъ заперся во всемъ, послѣ сталъ требовать, чтобъ ему его показали; добрая маменька отвѣчала, что она послала его къ Жук. и что тотъ ему будетъ отвѣчать на это. Тутъ онъ вышелъ изъ себя, началъ бранить меня, Мойера и Жуков. непристойнымъ манеромъ до того, что маменька принуждена была встать и уйти. Съ тѣхъ поръ онъ, слава Богу, у насъ не былъ, но я всегда безпокойна, когда Мойеръ уѣзжаетъ со двора, а это бываетъ безпрестанно. Il est capable de l'accoster et de lui faire des affronts. Sa bassesse et sa poltronerie, sont les seules qui me rassurent.

Но онъ, право, не стоитъ того, чтобъ объ немъ говорить. Чтобъ отдохнуть, разскажу тебѣ планы моего мужа, которые тебя порадуютъ.

[1]) Григорій Дементьевичъ былъ бурмистромъ-управителемъ Муратова.
[2]) Копію съ пасквиля Воейкова.

Здѣсь очень много нищихъ и онъ вознамѣрился истребить ихъ. Магистратъ даетъ домъ, а Мойеръ посредствомъ своихъ концертовъ содержаніе. Вчера давалъ первый и собрали 1,100 рублей за всѣми расходами. Онъ игралъ несравненно. Оберъ-пасторъ Ленцъ и старикъ Эверсъ продавали билеты, а баронъ Икскюль и проф. Рамбахъ стояли швейцарами у двери. Я взяла за тебя и за Сашу по билету, ты мнѣ должна 250 коп. Вообрази, они выбрали 12 членовъ, которымъ это заведеніе поручено будетъ, и между ними одинъ мясникъ, для того, чтобъ варить Румфортовъ супъ и знать, какую контрибуцію можно сбирать и съ прочихъ мясниковъ. Въ комитетѣ будетъ предсѣдать Эверсъ, а такъ какъ онъ слѣпъ, то его ассистентами Ленцъ и Мойеръ. Баронесса Ферзенъ, которая характеромъ точная Олимпіада Васил., будетъ надзирать надъ одеждой и увѣдомлять общество (состоящее изъ всѣхъ безъ исключенія фамилій Дерптскихъ) о недостаткахъ. Вчера видѣла я, какъ Мойеръ любимъ всѣми. Ты не можешь вообразить, съ какой радостью всѣ богатые и бѣдные, знатные и нѣтъ старались помогать ему и привести планъ его въ дѣйство. Каждый нищій, просящій на улицѣ милостыню, вмѣсто денегъ получаетъ билетъ на имя Эверса, а Эверсъ приказываетъ розыскать ассистентамъ своимъ подробно о его семействѣ и состояніи; тѣ нищіе, которые не терпятъ нужды въ жилищѣ, будутъ имѣть только порціи кушанья и платья, прочіе же будутъ жить въ этомъ домѣ.

Такъ какъ одинъ концертъ не надолго достанетъ, то Мойеръ дастъ еще два: первый—на второй недѣлѣ поста въ музеѣ, а второй въ церкви и въ великую пятницу. Здѣшнія красавицы всѣ хотятъ участвовать, одна собирается играть на фортепіано, другая на органахъ, десять хотятъ пѣть. Самыя гордыя и презирающія le tiers état учатъ quintette, trio и даже хоры, гдѣ несмотря на то, что должны будутъ *s'encanailler*, просятъ только позволенія пѣть. Vraiment c'est le bon Dieu qui a béni son projet, il n'aurait pas pu réussir aussi bien.

Воскресенье.

Вотъ тебѣ добрыя новости. Я сейчасъ возвратилась съ новаго гульбища, которое завели здѣсь: на Эмбахѣ расчистили широкую дорогу и надѣлали множество креселъ, на которыхъ дамы катаются, а кавалеры патинируютъ. Ты не можешь вообразить, какъ это весело. Кресло бѣжитъ скорѣе, нежели качели, и безъ малѣйшей опасности. Маменька наша даже рѣшилась пустить катать себя. Надобно признаться, что проворство и ловкость кавалеровъ невѣроятна. Теперь сбираются сдѣлать гулянье въ темную ночь и съ факелами; это, говорятъ, прелестно. Правду сказать, что нѣтъ во всей Россіи города, въ которомъ бы больше думали объ удовольствіяхъ, и больше на нихъ посвящали времени и денегъ. Mais aussi nulle part on est aussi bienfaisant qu'ici.

Ну, другъ! надѣюсь, что я довольно говорю тебѣ о себѣ и о своемъ и что я заслуживаю длинное и милое письмо и отъ тебя. Стыдно, если ты не будешь по-старому отвѣчать мнѣ. Первое и самое главное, напиши на первой почтѣ, когда родишь ты? вообрази, что я до сихъ поръ этого еще не знаю. Душа моя, до чего мы разсталисъ — но ты виноватѣе меня; я въ тебѣ не сумнѣваюсь, а ты такъ *очень!*

Прощай, моя прелесть. Боже тебя сохрани. Ребятишекъ цѣлую и люблю ихъ безъ памяти. Напиши мнѣ о милой нашей баронессѣ. Леночку и Полину обними.

XLII.

Ей же.

(*5 апрѣля 1818 г.*) — Мой милый другъ, добрая моя сеструшка! давно я къ вамъ не писала, да и давно отъ васъ не имѣла никакой вѣсточки. Что вы подѣлываете, друзья мои? Развѣ хорошо забывать друзей. — Милая Дунюшка, я послала тебѣ къ 1 марту маленькій подарокъ, и такъ засуматошилась, что письмо забыла отправить и нашла его 3 недѣли спустя въ бюро. Ты вѣрно удивилась и не понимаешь, что это значитъ? Табакерку съ музыкой послалъ тебѣ Мойеръ; зная твою слабость къ табакеркамъ, онъ обрадовался чрезвычайно, найдя эту, и проситъ тебя беречь ее на память. А кольцо послала я; въ немъ лежатъ волосы нашего ангела, общей нашей дочки Дашечки [1]). Она—ангелъ хранитель насъ обѣихъ. Милый другъ, не грѣхъ ли тебѣ не написать мнѣ, когда ты родишь? Я до сихъ поръ еще не знаю. Право, мнѣ иногда кажется, что ты много разлюбила меня. Я иногда желала бы дѣлать тебѣ упреки, но умнѣе оставить времю (sic!) комиссію насъ помирить. Оно докажетъ, что я достойна твоей любви.

15 апрѣля.

Друзья мои безцѣнные! какъ благодарить васъ за милыя, добрыя письма ваши *въ Свѣтлое Воскресенье!* Вы мнѣ дали хорошій праздникъ *не смотря* ни на что. А такъ тяжело было до 4 часовъ, покуда вашихъ писемъ не было. Праздничные дни далеко отъ васъ, моихъ сестеръ, меньше сносны, нежели будни. Письмо Елагина *все* меня утѣшило, а въ Дунькиномъ многое огорчило очень. Но сегодня отвѣчать не буду; скажу одно только, что если ты когда нибудь меня любила, то не должна перемѣнять своего мнѣнія на мой счетъ; я все таже, старая и чтобъ тебѣ ни казалось и ни показывалось, *моей* любви ты должна вѣрить, потому что она—*моя жизнь*. Ты не знаешь, любила

[1]) Умершая ребенкомъ дочь Авд. Петр. отъ Кирѣевскаго.

ли я когда нибудь? На это право не умѣю отвѣчать и поручаю тебѣ въ веселую и *мою* минуту сказать тебѣ то, что я чувствую. Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ ты вышла замужъ, мы разстались — сохрани меня Господи ревновать къ твоему мужу и обвинять его за это, напротивъ я считаю это доказательствомъ твоего счастія и благодарю его; моя дружба не есть болѣе необходимость, ce n'est plus q'un accessoire,—тѣмъ лучше.

Но я не хотѣла писать—и пишу.—Прощай, до будущей почты. Знай, что чѣмъ больше я счастлива, тѣмъ ты мнѣ нужнѣе. Добрый Елагинъ, милый братъ, благодарствуйте за вашу дружбу. Любите меня, милый.

Ваша всѣмъ сердцемъ сестра Маша.

Милые ребятишки! Христосъ воскресе! Дуняша, подари мнѣ будущаго—если бы у меня былъ, я бы право тебѣ подарила вовсе.

Мужъ цѣлуетъ васъ обоихъ, и свою любезную Машку.

XLIII.

Ей же.

(*15—26 мая 1818 г.*)—Ты обѣщаешь поселить меня опять между вами и забыть все дурное прошедшее, если получишь отъ меня такое письмо, какого желаешь. О, другъ мой, милый, добрый и первый! я тебѣ буду говорить все искренно, взаимно стряхнемъ съ сердца все, что становилось между нами, и отдай мнѣ мою старую Дуньку, которой дружба нужнѣе мнѣ всего на свѣтѣ. Въ послѣдній разъ вспомнимъ все дурное и оставимъ навсегда. Милая, любовь моего мужа и домашнее счастіе мое не могли мнѣ замѣнить потерю дружбы твоей; ты не можешь вообразить, какое мученіе были для меня всѣ почтовые дни. Когда не было отъ тебя писемъ, я сокрушалась, плакала отъ твоей холодности; когда же получала письмо (что случалось очень рѣдко), то плакала опять отъ упрековъ и колкостей, которыми оно было наполнено. Вообрази, что во всякомъ письмѣ было: *если вы желаете что нибудь знать обо мнѣ, если вы вспомните обо мнѣ, если мы вамъ еще не совсѣмъ чужіе* и прочія подобныя, утѣшительныя слова. Въ послѣднюю мерзкую исторію Воейкова твой мужъ писалъ ко мнѣ такъ, какъ бы одинъ родной братъ, какъ бы Жуковскій могъ написать, показалъ мнѣ участіе стариннаго друга, брата, мужа моей прежней Дуньки, а ты, сударыня, что написала: *Мой мужъ такъ добръ, что я желала бы отдалить отъ него всѣ эти исторіи, загородиться съ нимъ и съ дѣтьми отъ всего міра и не допускать своей любовью до него ничего.* Что же это значило для меня? — „Напрасно ты искала защитника въ мужѣ друга твоего, хотя и имѣешь доказательства, что

онъ готовъ сдѣлать для тебя все, что одинъ твой мужъ, къ которому ты прибѣгнуть не можешь и не должна, бы сдѣлалъ. *Счастіе* не понимаетъ горестей дружбы! откажись отъ всѣхъ химеръ и люби одна, хотя твоя любовь теперь ни на что и не нужна, да и никогда не была дѣятельна. Твои горести только что надоѣдаютъ и мѣшаютъ ихъ семейному спокойствію". — Вотъ что у меня бродило безпрестанно въ головѣ, отнимало покой и запрещало писать къ тебѣ по старинному. — Вспомнимъ теперь Муратовскую жизнь: первая минута свиданія нашего въ Козельскѣ будетъ всегда *самой счастливой* въ моей жизни. По письмамъ твоимъ я вообразила тебя опасно больную, а Мойеръ, видя мои слезы и безпокойства дорогой, счелъ за нужное приготовлять меня увидѣть тебя въ самомъ ужасномъ для меня положеніи. И такъ твоя радость и твое здоровье сдѣлали то, что я считала себя на небесахъ. Узнавъ о вашей связи съ Елагинымъ, ты мнѣ сдѣлалась еще дороже; я разставалась съ тобою въ надеждѣ увидать тебя черезъ два дня и быть съ тобой въ рѣшительную минуту. Если бы я знала, что вы не будете къ намъ, я бы осталась съ тобой en dépit de lui et de toi, mon ange. Но вы не пріѣхали, ты вѣнчалась одна, меня даже *и не пожелала!* Потомъ прошли пять смертельныхъ недѣль — васъ не было. Мы сбирались уѣзжать изъ Муратова, и мнѣ оставалась мысль, что та цѣль, которая принудила насъ сдѣлать вояжъ этотъ, совершенно для меня уничтожилась, что на родинѣ не осталось роднаго сердца. Твое счастливое замужество замѣнило тебѣ роднаго друга, а смерть Анны Ив. истребило мое мѣсто въ ея сердцѣ, которое было *вѣрное*. Я увидѣла, что какъ ни холодно въ Дерптѣ, по крайней мѣрѣ нѣтъ милыхъ воспоминаній, нечего жалѣть, и потому *en vivant au jour la journée* доживешь и до конца. Признаюсь тебѣ, съ начала возвращенія моего сюда мнѣ было чрезвычайно тяжело, я было сдѣлала себѣ привычку писать къ тебѣ во всякую грустную минуту, такъ же, какъ и въ веселую (но, признаюсь, больше желала дѣлить горести, нежели радость и это — еще доказательство моей неограниченной любви и почтенія къ тебѣ, довѣренности и *persuasion*, что въ твоемъ сердцѣ всѣ мои лучшія утѣшенія). Но получа два холодныхъ письма, я сказала: полно, теперь Елагинъ замѣнилъ все, ты дѣли свои горести съ стѣнами, она ужъ не пойметъ тебя; на родинѣ остался одинъ ангелъ, который самъ требуетъ утѣшенія и отъ котораго все дурное скрывать надобно [1]), а счастливые обойдутся и безъ тебя. — Письмо Воейк. я рѣшилась послать къ вамъ, и, признаюсь (виновата!), болѣе къ твоему мужу, нежели къ тебѣ. Я знаю его разсудительность, знаю, что Воейк. дорожитъ его мнѣніемъ, и надѣялась, что мое письмо найдетъ его у васъ, также увѣрена въ трусости Воейк. и по всѣмъ этимъ причинамъ ду-

[1]) Разумѣется А. А. Воейкова, отъ которой мать и сестра до послѣдней возможности скрывали все дурное, что знали о Воейковѣ, чтобы не повредить ея слабому здоровью и не разрушить ея семейную жизнь.

мала не мочь лучше сдѣлать, какъ скрывъ всѣ эти подлости отъ мужа, маменьки и Жуковскаго, просить у васъ защиты и дружбы. Мужъ твой не обманулъ моей надежды, а ты вторымъ письмомъ разрушила все. Я не сочла за нужное отвѣчать тебѣ, потому что насильно любовь не воротишь, но отдала бы послѣднюю каплю крови за то, чтобъ не ты, а Воейк. написалъ письмо это. Не сердись за то, что я такъ искренно говорю, это въ послѣдній разъ.—Ensuite cette vilaine histoire de Mann.[1]) Tu devins si froide avec moi que c'était, comme si tu m'en voulais à moi pour ses horreurs à lui. Ta dernière lettre me prouve que tes froideurs même sont une preuve de ton amour pour moi. Tu croyais que tous ces gens là m'étaient aussi chers que toi, tandis que je n'ai encore comparé personne avec toi, Eudoxie. Mon attachement pour Moier n'a pas balancé mes sentiments, je l'aime comme mon bienfaiteur, comme celui qui m'a assuré le répos, le bonheur stable et sûr, qui m'a delivré de tout mal, et qui a encore donné le repos à maman, mais son caractère egal et raisonnable m'empéche de l'aimer avec la passion, dont je t'aime toi. Je ne t'aime pas raisonnablement depuis que j'existe, ou plutôt depuis que je veux être comprise de toi, je le suis toujours. Tu devines mon coeur, et tu n'as qu'à me faire un signe, pour que toute mon âme soit à toi et à Alexandrine. Vous deux, êtres parfaits, sans vous mon existence est peu de chose. Joukovsky et vous deux, je ne vous sépare pas.

Первый листъ былъ гнѣвный: *теперь мои оправданія*. Ты видѣла меня равно ласкову къ Азбук. и къ тебѣ. Это вы лжете, мой ангелъ. Признаюсь тебѣ, il m'a montré tant de bonne foi, que j'ai été tentée plusieurs fois de t'accuser d'être *un peu* injuste envers lui. Je croyais que son amour pour Дуничка était cause de ce qu'il ne te la donnait pas, je supposais même quelques vues d'interêts, excusables dans sa position, et je croyais que tu lui en voulais trop pour t'avoir ravi sa fille. Les premiers soupçons que j'ai eu sur lui, ce fut à Mourat. le jour de son départ, lorsque vous étiez auprès de mon lit, que nous exigions que vous vous expliquez, et que lui *bien grossièrement* montrait son mécontentement et n'avait cependant rien à dire. C'est à Moscou que j'ai eu des preuves de son coeur méchant et ingrat.

La mort de Nina[2]) me rendit Plestch. plus cher; j'avais de la peine à croire ce que le baron Pierre racontait de lui, et même à présent je doute encore.—Plestcheef était inséparable avec nous, notre société lui était necessaire, il me confiait ses filles, il me promettait de les fixer tout-à-fait auprès de moi. Toi, tu ne vins pas pendant la plus grande partie du peu de temps, que j'avais à passer avec toi; lorsque tu vins, tes fils ne t'accompagnèrent pas; Moier et moi nous te suppliames de

[1]) Повидимому, Маннтейфель, съ которыми сблизилась М. А. въ Дерптѣ. Ан. Петр. очевидно упрекала ее этой близостью: на это есть еще указанія въ письмахъ М. А.

[2]) А. П. Плещеевой.

ıs donner Jeannot — refusé. Te dirais-je encore tout? Je te voyais ;liger les enfants, ton mari s'en occupait plus que toi. Les bons ırmants garçons étaient confiés a une bête de gouverneur qui ne les nprenait pas. Maman demanda une fois à Jean, qui lui avait enseigné français? il répondit: „c'était autrefois maman, mais à présent elle s'occupe plus de nous". —Je courus chez toi pour te repeter cela—tu is si occupée de ton mari, que tu ne fis pas attention à moi, et je en allais en pensant: je lui ecrirai cela. Tu sais pourquoi je ne l'ai i fait.—Ensuite l'arrivée de Woeyk. et huit jours après je vis Aleıdre[1]). Ma lettre de plaintes était partie, je la croyais arrivée à ıps et je ne concevais rien à cette conduite. Alexandre me donna e lettre qui commençait: если вы *паче чаянія* пожелаете знать объ ъ и пр. et qui finissait: если вамъ не очень трудно, то позвольте ıнѣ иногда бывать у васъ. — Вообрази же, что̀ мнѣ сказалъ Саша ѣзъ недѣлю послѣ своего пріѣзда: „Какъ мнѣ жаль, что Авд. Петр. послала меня къ вамъ. Здѣсь бы мнѣ больше хорошаго можно было ѣенять, да и Ив. Фил[2]) такъ ко мнѣ милостивъ. По нѣмецки я бы учился тутъ, говоря съ людьми и съ дѣтьми". Сашѣ казалось *такъ*, Дуняшѣ?

Послушай, je suis indécise, si je dois t'envoyer cette lettre; de ı, dit-on, il ne faut pas être si sincère; mais avec toi, ma soeur, ce que je dois réfléchir à ce que je dirai, et à ce que je ne dirai ı? Ne te fâche pas pour ce que j'ai écrit de Jeannot, cher ange, a me rendait inquiète. Tu es la meilleure des mères, je crains que domestiques ne veuillent influer sur les enfants et ta bonté angéli- ; ne te fera pas croire à la mechanceté de ces gens. Ton mari fera ıt pour remettre l'ordre, raison principale pour s'attirer leur haine, ils se vengeront sur ces chères créatures. Je te dis, cela me tourıte, et non seulement moi, mais encore Moier, et nous vous supons, tenez-vous bien en garde. Si tu n'as pas la force de te séparer tes enfants, éloigne les du moins autant que possible de ces malıreux complaisants, qui trouveront tous chemins bons, pour arriver leur but. Chère amie, l'expérience du Plestch. est une bonne leçon ur nous.

Si ma lettre te fâche, déchire la et ne me dis rien. Ton bonheur est aussi nécessaire que le mien, et crois que c'est la seule cause i m'a fait écrire ainsi. Il faut être aussi sûre de ton coeur que je suis, pour oser parler aussi franchement. — A présent quelques ts sur Саша. Woeyk. est parti en laissant son neveu et Саша dans e énorme maison avec 50 r. pour tout entretien et pour 3 mois. n'ont qu'une seule cuisinière (qui est sur le point d'accoucher – et

[1]) Петерсона.
[2]) Мойеръ.

c'est là ce qui attend Alexandrine). Maman ne sait pas cela. Alexandre a loué un domestique ne pouvant naturellement vivre comme cela. Grâce au Ciel, il nous aime, Moier l'aime beaucoup, par conséquent s'il serait resté avec 50 sous, ce n'est pas l'embarras; il est tous les jours chez nous et ne va à la maison qu'aux heures de ses leçons. C'est un bien bon enfant, et tu peux être sûre qu'il te tiendra parole, il deviendra digne des soins que tu as pour lui. Il n'avoue pas, mais je crois que W. s'est opposé à ce qu'il vienne nous voir, car pendant son séjour ici Alexandre ne venait que les dimanches et lorsque je l'envoyais chercher, mais maintenant il est bien volontiers avec nous. Il faut remercier Dieu de ce que Хрипковъ les ait quitté, sa société n'était pas trop édifiante pour Саша, qui ne peut concevoir comment un jeune homme dans 3 ans n'ait pas appris un mot d'allemand, ait oublié le russe, et n'ait fait aucun progrès dans rien (excepté certaine maladie, dont Moier l'a guéri).

Письмо мое начато было 15 числа, но я опоздала. Теперь еще два слова. Я послала нашей будущей дочкѣ Авдотьѣ Алексѣевнѣ[1] маленькое приданое, которое все шила своими руками, маменька она помогала въ кроеньи. Душенька моя, мнѣ за тебя до смерти страшно! Сердце уйдетъ въ пятки, когда выговорю твое имя, или подумаю о васъ. Богъ насъ помилуетъ, но ты, моя душа, *послѣ* берегись ради Его святаго имени. Вспомни прошедшій годъ, какъ ты плевала кровью и на волоскѣ была лишить меня *всего*! Теперь твоя жизнь есть жизнь, блаженство *многихъ*; Авдотья Алексѣевна проситъ свою маменьку беречь себя. Боже мой! можетъ быть, въ сію минуту уже все рѣшилось! вы всѣ вмѣстѣ, счастливы и вспомнили обо мнѣ.

12 ч. утра 26 мая.

Маша *твоя* на вѣки.

XLIV.

Ей же.

(28 мая 1818 г.) — Милый, добрый другъ! вчера получили мы съ Сашей письмо твое. Благодарю тебя за доказательство любви твоей. Изъ письма моего увидишь, что я ревновала тебя даже къ Воейкову, а ты, еще не зная этого, уже починила. Не правда-ли моя, что ты умѣешь угадывать? Давай говорить дѣло: Саша[2] говоритъ, что весь расходъ Воейк. (включая кушанье, квартиру и стиранье) не простирается до 200 руб. Что онъ заплатилъ нѣмецкому учителю 100 руб.

---

[1] По обычаю имя будущему ребенку онѣ опредѣлили еще до его рожденія.

[2] Петерсонъ, о перемѣщеніи котораго отъ Воейкова къ Мойерамъ идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ.

ы сдѣлалъ ему платье. Я ему совѣтую писать къ Воейк., увѣдомить его, что сдалъ *казну* и всѣ сокровища въ совершенномъ порядкѣ, а не то скажутъ, что онъ все перекралъ къ намъ. — Тебѣ все хочется, чтобъ онъ добился до студентства. Другъ мой, всѣ лекціи читаются по-нѣмецки, и ему непремѣнно должно сперва *хорошо* знать языкъ этотъ, потому что лекціи, въ которыхъ употребляютъ слова техническія, кромѣ того очень возвышеннаго слога. Я бы желала, чтобъ онъ взялъ теперь двоихъ учителей: одного математики, а другого— нѣмец. яз. Онъ началъ, и хорошо началъ математику въ Москвѣ, слѣдовательно теперь, повторяя на незнакомомъ языкѣ знакомую науку, онъ привыкнулъ бы къ выраженіямъ, принужденъ бы былъ слышать и говорить про науки по-нѣмецки и сдѣлалъ бы шагъ къ лекціямъ. Еще хотѣла я давно уже спросить у васъ нѣчто: Саша знаетъ правильно и прекрасно русскій языкъ, многіе просили меня уговорить его давать уроки за деньги; я ему говорила и ему этого хочется, но понравится ли это вамъ? Увѣряю васъ, что то, что у насъ въ Россіи *низко и подло*, то здѣсь дѣлаетъ честь молодому человѣку. По моему не худо бы пріучить его знать цѣну деньгамъ. Пускай берстъ онъ свои полтора рубля за урокъ и знаетъ, что покупаетъ ихъ скукой. Научась доставать ихъ трудами, онъ не будетъ и впередъ бросать ихъ.—Вообрази, что два года тому назадъ Мойеръ далъ сыну одного портнаго 200 руб. съ тѣмъ, чтобы онъ учился математикѣ, а не портняжному искусству, замѣтивъ въ мальчикѣ необыкновенныя склонности. Вообрази, что теперь онъ принятъ въ лучшихъ домахъ, гдѣ вездѣ даетъ уроки — 25 часовъ въ недѣлю, по 1 руб. 50 к. за урокъ, и и теперь нанимаетъ комнату за 300 руб., содержитъ себя хорошо, одѣтъ, какъ нельзя лучше, и обѣщаетъ быть Гершелемъ. Пускай Саша учится по-нѣмецки 4 часа въ недѣлю съ учителемъ такъ, какъ до сихъ поръ это дѣлалъ, 3 часа математикѣ, и пускай даетъ тоже 7 часовъ въ недѣлю. Нѣмцы будутъ брать уроки, стало-быть будутъ говорить съ нимъ по-нѣмецки; на выработанныя деньги пусть купитъ себѣ онъ, что ему угодно, всякая бездѣлица будетъ милѣе. Отвѣчайте мнѣ оба скорѣй на это. — Мнѣ хочется, чтобъ Саша бралъ уроки у *Karlblum*, молодого человѣка 18 лѣтъ, который живетъ противъ насъ и есть примѣръ хорошаго поведенія и дѣятельности. Онъ тоже еще не студентъ, тѣмъ больше будетъ соревнованія попасть вмѣстѣ въ студенты. Г. Тило, теперешній его учитель, такъ глупъ, какъ дерево, и лучше знаетъ по-русски, нежели по-нѣмецки. Сашѣ надобно нѣмца, который бы принудилъ его говорить. Чего они не растолкуютъ, Мойеръ тутъ для помощи. Я надѣюсь, что мы съ 1,000 рублями сладимъ. Une fois étudiant, cela lui coûtera beaucoup moins. Il ne prendra que 5 colléges tout au plus à 30 r. chacun, cela fait 150 par an. Les livres et la matricule reviendront à 300 pour la première année, et ensuite cela sera facile de plus en plus. У насъ ему не нуженъ бу-

детъ наемный лакей,—буфетчикъ, столяръ и камердинеръ Яковъ можетъ и ему служить.

Признаюся тебѣ, что мнѣ немножко трудно было уговорить Мойера взять Сашу. Онъ, первое, боялся, что Воейк. оклевещетъ его въ глазахъ жены за это, а потомъ, не зная ничего того, что случилось, онъ не можетъ вообразить, отчего ты перемѣнила мнѣніе насчетъ Воейк. Деньги не могутъ быть причиной, потому что, отказывая ему, ты мнѣ даешь carte blanche. Онъ думаетъ, что ты теперь за что-нибудь недовольна Воейк., что когда онъ будетъ у васъ, вы поссоритесь и ты позволишь ему взять Сашу опять назадъ. Я не могу сказать ему истинной причины, но твержу, что я въ тебѣ увѣрена, что теперь ты Мойеру покажешь больше увѣренности, и что ни клеветы, ни подлости Воейк. ничего больше не сдѣлаютъ. Ты не можешь вообразить, чего онъ ни насказалъ Сашѣ Петерс. о Мойерѣ! Mais qui dit trop, ne dit rien; Саша догадался, кому больше вѣрить, и пришелъ очень искренно спросить у меня (наединѣ): правда-ли, что Ив. Фед. струсилъ, что Ал. Оед. вызывалъ его на дуэль, а тотъ сталъ у него прощенія просить? Правда-ли еще та и та подлость, та и та грубость? и прочее. Мы уговорились не произносить имя Воейк. кромѣ самыхъ нужныхъ случаевъ, а не то все-бы надобно было браниться. Саша предобрый и пречувствительный мальчикъ. Онъ васъ любитъ, какъ должно.

Мужъ мой на тебя сердился за Сашу, особливо когда узналъ о всѣхъ гадостяхъ съ кухаркой. Онъ требовалъ отъ Саши, чтобъ онъ былъ чаще у насъ и жужжалъ ему поминутно наставленія въ уши. Теперь я дала ему думать, что ты желаешь, чтобъ Саша жилъ у насъ, по письмамъ Петерс., который можетъ быть говорилъ тебѣ искренно. Это одно побудило взять его скорѣй, какъ можно. Сашина комната готова, и я надѣюсь, что онъ всѣмъ будетъ доволенъ. Да и къ тому же ему не худо привыкнуть къ экономной жизни.

Теперь послѣднюю страничку о Сашѣ сестрѣ. Я боюсь смертельно пріѣзда Воейк. къ вамъ; онъ можетъ надѣлать сценъ, налжетъ на всѣхъ насъ. Я должна желать, чтобъ она ему вѣрила, потому что ей легче сердиться на насъ, нежели презирать мужа такъ, какъ онъ этого достоинъ. Вообрази же пріѣздъ ея сюда! мнѣ жаль, что письмо твое не застало Воейк., тогда бы всѣ исторіи уже миновались и онъ былъ меньше бы золъ. Въ день своего отъѣзда онъ писалъ къ мам., ко мнѣ, требовалъ денегъ и, поймавъ насъ на улицѣ, разругалъ маменьку, какъ бы свою служанку. Плещ. былъ съ нами и съ горестнымъ видомъ сказалъ ему: „бѣдный В., какъ ты боленъ, ты вѣрно сходишь съ ума? я разскажу эту сцену Тургеневу, онъ пожалѣетъ о тебѣ“. Вообрази, что онъ въ ту же минуту началъ просить прощеніе и уговаривать Плещ. плюнуть ему въ лицо et lui donner un coup de pied. Плещ. ввечеру уѣхалъ, онъ тотчасъ опять надѣлалъ грубо-

стей, прислалъ маменькѣ записку ея, изорванную въ клочки, и пре-грубое письмо. Скажите, что дѣлать съ этимъ подлецомъ? Его каменная ограда *Саша* спасаетъ отъ уроковъ, которые ему очень бы были нужны. Я рада, что Саша увидитъ его у васъ, присутствіе Жуковскаго много поможетъ.

Друзья мои, сердце сожмется, когда воображу васъ всѣхъ вмѣстѣ на родинѣ, а меня нѣтъ съ вами! Но будьте за меня покойны, мое счастіе вѣрно. Анета Лёвеншт. называетъ его bürgerliches Glück; конечно, въ немъ мало идеальнаго, огорожено заборомъ огорода, но въ огородѣ хорошо. Почтеніе и довѣренность суть первые *légumes*. Если иное и не совсѣмъ такъ, то этому *я* виной. Мужъ любитъ меня, сколько можетъ, и любитъ *хорошо*. Всѣ его поступки благородные; я его не вижу, но знаю за то, что всѣ часы посвящены или добрымъ дѣламъ, или трудамъ для прокормленія *большаго* семейства. J'ai peu de besoins, je me suis habituée à avoir beaucoup d'ordre, de sorte que les dépenses n'excédent jamais les revenues. Nous n'avons ni vins, ni grands diners, mais tant mieux—les importuns nous laissent en repos.—Ты не можешь себѣ вообразить, до какого градуса Мойерова дѣятельность простирается, когда дѣло идетъ помогать несчастнымъ. Теперь концертами собралъ онъ почти 6,000, домъ сторговалъ, сдѣлалъ комитетъ, въ которомъ самые низкаго состоянія люди членами, напр., мясникъ одинъ изъ главнѣйшихъ, онъ такъ доволенъ, что берется варить супы Румфорт. для бѣдныхъ, и брать контрибуціи костей съ другихъ мясниковъ.

Здѣсь венерическая болѣзнь въ самомъ сильномъ градусѣ въ народѣ. Мойеръ выпросилъ себѣ престрашный сарай на шесть мѣсяцевъ, куда собралъ всѣхъ, которые приходятъ. Цёкель покупаетъ лѣкарства, а Мойеръ вылѣчиваетъ и отпускаетъ. 36 человѣкъ, которые два мѣсяца назадъ страдали, теперь отпущены здоровые совсѣмъ. Не весело ли думать, что моему мужу они этимъ обязаны.

Вотъ мои новости, душка! послѣ этого можешь думать, счастлива ли я, и можешь ли быть спокойна на мой счетъ. Теперь же и ты обѣщаешь быть старая моя Дунька! Чего же мнѣ еще желать на свѣтѣ? ахъ, кромѣ одного и важнаго, что отравляетъ все прочее: *счастія Сашкинаго*. Но Богъ справедливъ; этотъ ангелъ будетъ знать его. Дуняша, ты теперь родила благополучно, Жук. съ вами, Сашка тоже, Воейк. еще не пріѣхалъ—весело объ васъ думать, мои ангелы.

Послушай, смотри, чтобъ мое письмо не попалось Сашѣ. Оно не огорчитъ; пускай я буду вѣчно передъ ней виновата, лишь бы она почитала своего мужа. Не говорите, мои безцѣнные Елагины, Воейк. объ его мерзостяхъ, я ему простила искренно; прошу Бога, чтобъ и онъ ему также простилъ. Моему счастію онъ повредить не можетъ, а если и впередъ будетъ платить мнѣ ругательствами, то я ихъ превираю. У меня въ сердцѣ много оправданій противъ нихъ. Si je devais

recommencer ma vie, je n'y voudrais rien changer, car mon bonheur présent et passé tiennent intimement l'un à l'autre. Si j'ai quelque chose de bon, c'est au passé que je le dois, et mes sentiments, les plus élevés, les plus dignes de Dieu, c'est au passé que je les dois.

Здравствуйте, мой добрый братъ Елагинъ! обнимаю васъ, поздравляю васъ съ дочерью. Да сохранитъ вамъ Господь нашихъ ангеловъ, нашихъ обѣихъ Дуничекъ [1]). Пишите ко мнѣ, мой другъ. Теперь меня жена ваша опять обѣщаетъ любить, ваша дружба также мнѣ нужна. Дѣтей знакомыхъ и незнакомыхъ благословляю.

Милые друзья, пишите мнѣ объ Еленочкѣ баронессѣ. Я уже давно, давно ничего объ этомъ прелестномъ человѣкѣ не знаю. Господь подкрѣпитъ ее.

Скажи мнѣ, приданое мое во время ли пріѣхало?

XLV.

А. А. Елагину.

(Іюль 1818 г.). — Слава Богу, слава Богу, милый братъ! Поздравляю васъ отъ всего сердца. Съ радостными слезами читала письмо ваше къ маменькѣ и не перестаю благодарить Бога за то, что онъ сохранилъ намъ нашего ангела. Я увѣрена была въ милосердіи Господа, но, признаюсь, съ самаго мая мысль о моей Дуняшѣ всегда была сопровождаема горестнымъ, несноснымъ чувствомъ; я видѣла ее безпрестанно во снѣ и на яву, и вся кровь поднималась къ сердцу, когда воображала ея страданія. — Господь услышалъ мои безпрестанныя молитвы. Я могу насладиться вашимъ счастіемъ безъ примѣси всякаго безпокойства и неизвѣстности. Теперь молюсь еще о вашемъ малюткѣ, дай Богъ вамъ имъ утѣшаться такъ, какъ я этого желаю.

На письмо ваше ко мнѣ, *по милости счастія*, не хочу и не могу отвѣчать; скажу только, что вы ни меня, ни жены своей еще не знаете, и что потому я не могу на васъ сердиться за мнѣніе ваше обо мнѣ, какое бы оно ни было. Дуняшинъ отвѣтъ на письмо мое вѣрно будетъ совершенно противный вашему; но она любитъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я дышу, и знаетъ всю неограниченность моей любви къ себѣ. То, что вамъ кажется *недостойнымъ вѣроятности*, ей покажется заботливостью нѣжной дружбы, которая готова всѣмъ рисковать для того, чтобъ предостеречь милаго человѣка отъ самаго ужаснаго горя; она его заслужить не можетъ, но отъ излишней снисходительности (главной черты ея характера) можетъ навлечь его *шутя*. *Вѣрить* же мнѣ будетъ всегда столько же, сколько своимъ дѣтямъ и самой

---

[1]) Опять, какъ всегда, опредѣлены были заранѣе полъ и имя будущаго ребенка. Родился сынъ Василій (13 іюня 1818 г.).

себѣ.— Впрочемъ, мнѣ странно и глупо передъ вами въ этомъ оправдываться; благодарю васъ за вашу искренность и прошу быть увѣреннымъ, что она ни мало не перемѣнила мнѣнія моего на вашъ счетъ, и что вы не имѣете нужды въ искренности передо мной извиняться.— Мысль, что Дуняша все перенесла, здорова и счастлива, заставляетъ меня смотрѣть другими глазами на многое, на весь бѣлый свѣтъ. Нѣтъ огорченія, которое теперь могло бы дойти до меня. *Она* и еще четыре человѣка составляютъ всю мою вселенную. Знать ее счастливу, и быть избавленной отъ самаго ужаснѣйшаго безпокойства на ея счетъ—это верхъ блаженства—чего не перенесешь!

Саша вашъ живетъ у меня съ половины мая; скажите моей Дунькѣ, что она забываетъ, что 1300 верстъ между нами и что отвѣтъ на вопросъ приходитъ не прежде, какъ черезъ 6 недѣль. Когда я получила ея безпокойства насчетъ Саши, то онъ жилъ уже полтора мѣсяца у насъ и дополняетъ точно наше семейство. Я не знаю добрѣе и милѣе мальчика; онъ старается отгадать желанія Мойера и ведетъ себя такъ, что я желаю, чтобъ мой Павелъ[1]) былъ ему во всемъ подобенъ.

Прощайте, милый братъ! дай Богъ вамъ всего хорошаго; будьте увѣрены, что мы васъ любимъ, и что всегда почти *вы*—предметы разговоровъ нашихъ. Долбино—наша обѣтованная земля; я думаю, что и мнѣ, какъ израильтянамъ, суждено таскаться по пустынѣ 40 лѣтъ, но отдыхать буду у Дуняши. Милыхъ ребятишекъ обнимаю; дай Богъ, чтобъ они меня любили.

Ваша преданная сестра.

XLVI.

Елагинымъ.

(24 декабря 1818 г.).— Мои добрые, милые друзья! отъ васъ нѣтъ ни строчки, но подарокъ zum heiligen Christ. Большой ящикъ вашъ пріѣхалъ за нѣсколько часовъ до нашихъ веселостей и былъ точно предвѣстникомъ, что и мой праздникъ наступилъ. Благодарю васъ! я развѣсила одну долю славныхъ конфектъ вашихъ на дерево, другія разложила на 16 тарелокъ, которыя сдѣлаютъ сегодня 16 счастливцевъ, и мнѣ очень весело. Дунька моя! я всей душой съ тобою; вспоминаю свои 1 апрѣля и 16 января[2]), какъ ты съ самаго младенчества до молодости и теперь до старости все думала, какъ бы меня утѣшить, какъ бы дружбой твоей сдѣлать своей Машкѣ не одинъ праздникъ, а цѣлую жизнь счастья! Если бы въ моей волѣ, то и я бы

---

[1]) Жуковскій, воспитанникъ поэта, или племянникъ Мойера.
[2]) Именины и рожденье Мар. Андр.

дала тебѣ же эту жизнь, которую ты и мысль о тебѣ дѣлаютъ столь прекрасной.— Нынѣшній праздникъ еще тѣмъ мнѣ милѣе, что къ нему не присоединяется никакое грустное воспоминаніе. Я люблю васъ, и и все тутъ! Хотѣла бы съ вами раздѣлить его, благодарю васъ за то, что и здѣсь вы умѣли мнѣ его украсить, и наслаждаюсь радостью веселыхъ лицъ, которыя черезъ часъ меня окружать будутъ.

XLVII.

А. П. Елагиной.

(29 апрѣля 1819 г.) — Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я не имѣю отъ тебя ни строчки. Мой милый другъ, скажи ради Бога, что это значитъ? я не могу вообразить, чтобъ ты была мною за что нибудь недовольна, я не могу упрекнуть себя ничѣмъ; напротивъ, все, что отъ меня зависитъ, стараюсь дѣлать для твоего спокойствія. Твое молчаніе мучитъ меня. Вспомни, какое между нами разстояніе, и брось съ сердца все, что въ немъ гнѣздится противъ меня. Я знаю, что ты на меня сердишься за вещи, въ которыхъ не могу оправдаться, потому что не виновата, но—чтожъ дѣлать? Это можно только при свиданіи поправить. Je te prie, mon amie, regarde moi sans prévention et crois à mon attachement; tes soupçons me rendent bien malheureuse et Dieu sait, si je les merite.

Жуковскій былъ у насъ три недѣли, можешь вообразить, что я была съ нами; я стала еще счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ еще разъ благословилъ мое счастіе. Скоро пролетѣли эти три недѣли, и онъ обѣщаетъ быть еще разъ лѣтомъ. Его пребываніе здѣсь много сдѣлало мнѣ добра; оно подкрѣпило все хорошее въ сердцѣ и дало снова силъ на будущее. Il serait bon de sauter par dessus les moments et de prendre la vie *en grand*, on aurait plus de raison d'être content d'elle. Il y a des moments, où je suis d'une philosophie et d'une raison étonnante, et il y en a d'autres où chaque enfant a plus de forces que moi; въ такія то минуты нуженъ голосъ друга съ родины—но другъ забылъ! Если бы ты знала, *что* ты для меня, то перестала бы ты уничтожать меня своимъ молчаніемъ, которое нестерпимо. Моя Дуняша, неужели все прошедшее прошло безъ остатку? потерявъ отечество, надобно было все потерять?.

Саша наша сбирается назадъ къ вамъ. Она разстроила опять здѣсь свое здоровье, мужъ ея разстроилъ дѣла и она уѣзжаетъ опять поправлять, сколько можно, и то, и другое. Il est impossible de définir ce que j'éprouve en la voyant partir. Я должна желать, чтобы она уѣхала, и Богъ знаетъ, какъ съ нею тяжело разставаться. Послѣ всего того, что произошло между нами и Воейк. и что ты лучше знаешь, нежели Саша, я не могла ходить къ ней. Она, здоровая, бывала у

насъ всякій день, но когда она не могла, то проходили цѣлыя недѣли, и мы не видались ни разу. Leurs affaires vont si mal, que les créanciers ne les laissent pas en repos; Woeyk. ne lui permet pas de se mêler du ménage, on prend tout à crédit, et on n'a plus de crédit pour un sou. Tu peux t'imaginer quelle humeur cela donne, et quelles scènes Alexandrine a à soutenir. Aussi sa santé est-elle tout-à-fait détruite. Должно провожать ее *съ радостью*, но между тѣмъ она увезетъ послѣднее счастіе.

Сообщу тебѣ мои бывшіе планы, которые дѣлали меня блаженну цѣлые два мѣсяца. Мойеръ рѣшился было покинуть свою холодную Лифляндію и переселиться въ Москву, но чтобъ этотъ прожектъ привести въ дѣйствіе, нужны свои деньги; добрая маменька приказала продавать Козловку; она не продалась, и мы остались. Мы уже все было сладили для переселенія, разными спекуляціями надѣялись отправить людей и нужныя вещи безъ большихъ убытковъ и наперед рѣшились прожить полгода въ Муратовѣ, для того, чтобъ моего доктора выучить по русски. Ты не можешь вообразить, какъ я ждала этого времени; но такъ какъ это было верхъ счастія, то я ему не вѣрила, и предчувствіе сбылось. Мы опять съ новой бодростью рѣшились оставаться здѣсь еще годъ; будущимъ лѣтомъ минутъ Мойеровы 6 лѣтъ, онъ возьметъ отставку и тогда авось Богъ помилуетъ жить, какъ на яву и во снѣ хочется. Теперь я опять стала старая, но четыре мѣсяца назадъ мысль о возможности жить опять подлѣ васъ такъ меня избаловала, что я совсѣмъ было сдѣлалась негодна для Лифляндіи. Весенній воздухъ часто переноситъ въ Долбино, и становится горько, горько! Избави тебя Господи знать эту несносную болѣзнь Heimweh. Мишенское, Бѣлевъ, Долбино, Муратово, все старое, всѣ воспоминанія, всѣ радости,—все тѣснится въ сердцѣ, и губитъ ту каплю радостей, которую здѣсь имѣю. Другъ мой, ты была мой первый другъ въ жизни, не перестань любить меня. Твое сердце мое лучшее убѣжище. О тебѣ думать весело, ты счастлива, и въ твоей любви я увѣрена, пиши ко мнѣ изрѣдка! ты подкрѣпишь меня на все хорошее и облегчишь, что трудно. Воображать же тебя недовольную, и не имѣть въ цѣлые полгода почти ни строчки—это, право, свыше силъ! Мы сбираемся въ половинѣ іюня въ деревню къ другу Мойера *Zöckel*, она въ 20 миляхъ отсюда; мы пробудемъ тамъ все время вакацій и въ началѣ августа возвратимся сюда. Бѣдная маменька вѣрно не перенесетъ здорово разлуку съ Сашей, и потому я совсѣмъ не радуюсь этому путешествію; вообще, какъ то мало радостей ожидаю отъ предстоящаго года. Знаешь ли, у меня еще новая дочка: Вѣра Бородина. Она осталась одна съ мальчиками у Плещеева, и Мойеръ позволилъ мнѣ выпросить ее себѣ. Теперь получила обѣщаніе на одного ребенка еще; одна дама (которой имя я запретила себѣ сказывать) ожидаетъ девятаго младенца на свѣтъ, она и мужъ ея ему не рады, потому что очень бѣдны, и наша па-

сторша выпросила будущаго себѣ, съ тѣмъ, чтобъ подложить его у моихъ дверей. Я не знаю, сладится ли это дѣло, но меня занимаетъ это чрезвычайно. Шью теперь рубашечки и чепчики будущей *дѣвочкѣ* — надѣюсь и таю отъ Мойера, какъ пребольшой секретъ. Когда корзина съ будущимъ моимъ наслѣдникомъ очутится у дверей, то онъ столько же радъ ему будетъ, какъ и я. Боюсь чрезвычайно, чтобъ намъ не сказали имени родныхъ — тогда прелесть тайны разрушится, и я буду не зависимости отъ матери и отца, а я желаю быть ему одна мать.

Вотъ, моя Дунька, какіе у меня планы и надежды. Напиши мнѣ такое же письмо—говори обо всемъ такъ же, какъ я говорю, право, кажется, уголочка въ сердцѣ нѣтъ, который не былъ бы твой.

1 мая.

Милый другъ, Сашка наша ѣдетъ послѣзавтра—и я съ ней вижусь только минуты. Vraiment on est quelquefois tentée de demander raison pour avoir été créé. Une vie inutile est si peu de chose! — Мнѣ бы хотѣлось переѣхать къ вамъ вмѣстѣ съ Сашей, поселиться въ Муратовѣ, хозяйничать и копить съ своей стороны такъ, какъ Мойеръ съ своей, и когда бы въ разъ наработали побольше, могли бы отдыхать вмѣстѣ. C'est aussi le conseil que Joukovsky nous a donné; c'est rêver le bonheur que de le croire exécuter. Рада ли бы ты была, если бы я переселилась въ Муратово? Пришло ли бы для меня старое назадъ? Этому такъ же не вѣрится, какъ счастію.

Скажи, милая, твой Вагнеръ все ли еще у тебя, и какъ ты имъ довольна? До смерти хотѣлось бы взглянуть на дѣтей. Что наша Анета? отчего она намъ не отвѣчала? Грустно, что можно такъ развыкнуться и въ такое короткое время. Долго ли она еще здѣсь останется и гдѣ Зонтагъ? Ради Бога, напиши обо всемъ и обо всѣхъ. Вы не знаете, какъ вы дороги.

Вотъ ужъ 12 часовъ. Скажи милому Елагину, что я его люблю очень много, и что онъ долженъ насъ связать еще сильнѣе, потому что ты счастлива.

Еще нѣсколько словъ о Петерсонѣ. 22 мая кончится его годъ. Онъ хочетъ вмѣстѣ съ тремя товарищами нанять себѣ комнаты, faire ménage commun, avoir les mêmes maîtres, et par conséquent économiser sur cette dépense. Je crois aussi que c'est très sage: Moier désirait qu'il prenne une place dans l'école privée de Dittler, où il devait donner 8 heures par semaine, pour 500 r. de gage; cette place a été occupé par un étudiant qui quitte Dorpat, et qui pendant tout le temps qu'il a passé chez Dittler a continué ses études. — Mais la chose jusqu'à présent ne s'est pas encore arrangée; кажется, съ обѣихъ сторонъ мало охоты.— Pour ce qui regarde son argent, il parait qu'il le dépense bien; en général il n'a pas une seule mauvaise qualité, et il a infiniment de l'ordre dans les affaires. Je veux le garder jusqu'au 10 de Juin, ou

jour de notre départ, для того, что въ іюнѣ обыкновенно мѣняются студенты горницами и дѣлаютъ свои распоряженія. На него положиться можно; кажется, что онъ не промотается и не надѣлаетъ дурачествъ. Деньги, которыя ты ему прислала, отдалъ онъ маменькѣ, беретъ у нея понемногу и записываетъ все акуратно.

Прощай, Душенька. Маменька хочетъ къ тебѣ писать.

Саша отдастъ тебѣ 29-й томъ Deutschen Klassiker, который я не послала оттого, что его еще не было въ Ригѣ. Напиши, нравится ли тебѣ это изданіе. На будущій годъ выйдутъ еще 12 томиковъ продолженія, хочешь ли ихъ имѣть?

Прощай, цѣлуй дѣтей и мужа и люби меня. Иванъ [1]) цѣлуетъ твои ручки и обнимаетъ брата.

XLVIII.

В. А. Жуковскому.

(24 мая 1819 г.)—Другъ милый, благодарю тебя за твои хлопоты о дипломѣ. Мойеръ говоритъ, что нельзя сыскать числа и года, да и къ тому же, кажется, мы теперь *рѣшились* жить и доживать здѣсь.—Que la volonté de Dieu soit faite! Когда 6 лѣтъ кончатся, то дипломъ ему дадутъ уже, а между тѣмъ много воды утечетъ; можетъ быть — и вѣроятнѣе всего, — что онъ захочетъ совсѣмъ здѣсь оставаться. Я же рѣшилась не желать ничего и не дѣлать плановъ; такъ всего легче.

Завтра Троицынъ день; время славное, все прошедшее тѣснится на душу, и я благодарю Бога за него. Кто лучше моего зналъ совершенное счастіе?—теперь каждое дыханіе должно быть благодарность. Если иное теперь и не такъ, то не мнѣ роптаніе позволено. Другъ мой, тебѣ обязана прошедшимъ и настоящимъ хорошимъ, и если заслужу когда нибудь награду въ томъ мірѣ, то твоя же вина. Ты не можешь вообразить, какъ ты мнѣ безцѣненъ, и какъ дорого для меня то чувство, которое къ тебѣ имѣю; я никогда не любила тебя такъ хорошо, какъ теперь, и malgré tout мнѣ все еще кажется, что воспоминаніе обо мнѣ тебѣ также нужно, какъ мнѣ о тебѣ. Я никогда не отвыкну относить къ тебѣ все хорошее и могу смѣло сказать, что ты мой вѣчный судія aux moments où vous vous en doutez le moins, *ты* ободряешь на хорошее трудное, и строго наказываешь за вѣтренности, неосторожности, нетерпѣніе и прочія радости. Вотъ моя исповѣдь. Дурачокъ, когда такъ много воспоминаній общихъ, то прошедшее — другъ вѣчный. Сихъ узъ не разрушитъ могила. Прощай до завтра.

---

[1]) Мойеръ.

26 мая.

Мы провели весь вчерашній день въ деревнѣ за три версты отсюда; время было славное и всѣмъ было довольно весело; сегодня сбирались сдѣлать тоже, но не тутъ то было — Мойера утащила проклятая практика и мы сѣли на мель. Признаюсь тебѣ, cette dépendance dans laquelle nous vivons me fait souvent perdre patience.

Едва успѣла я проклясть практику, какъ явился Вольфъ съ приказаніемъ объявить Мойеру, что его супруга намѣрена произвести сына на свѣтъ, и потому Мойеръ долженъ просидѣть праздникъ дома. Добрая моя маменька уѣхала было напередъ, готовить обѣдъ, теперь надобно и ее ворочать. En général notre existence dépend tant des autres, que souvent tout se tourne et s'arrange d'après leur humeur. Теперь Мойеръ долженъ былъ идти къ извѣстной намъ дамѣ, которая ожидаетъ мужа изъ Риги, и потому должна *казаться* больной, а Мойеръ долженъ la séconder tristement, писать рецепты и щупать пульсъ; si j'avais dix mille fils, pas un ne serait docteur.

Добрый Вейраухъ [1]) посидѣлъ минуточку, отъ него стало какъ то полегче и повеселѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ Саша уѣхала, то совсѣмъ разучилась веселиться, сердцу не съ кѣмъ отдохнуть. Жуковскій, не забудь своего обѣщанія пріѣхать лѣтомъ, прошу тебя *Христа ради*. Ты долженъ быть здѣсь въ началѣ августа, потому что мы ѣдемъ въ Цѣкелю, гдѣ пробудемъ до конца іюля. Твое присутствіе опять дастъ силъ на эти тяжелые два года, которые здѣсь должно мучиться. Мое здоровье разстроилось очень, Мойеръ надѣется, что деревенскій воздухъ поможетъ его поправить; но я не надѣюсь. Богъ съ нимъ; право, мнѣ такъ мало жалѣть и желать осталось, что я, во всей силѣ слова, живу закрывши глаза. Одного только желать смѣю, *покою поскорѣй!* вамъ на это на меня сердиться не должно. Une vie inutile est toujours trop longue. Прости, если тебѣ это не понравится — ты знаешь, какъ мало въ жизни хорошаго — это не ропотъ, а молитва.

Я просилась у Мойера ѣхать съ Сашей въ Россію, все кажется, что тамъ было бы легче, но онъ не рѣшился. J'aurais été trop près de Wocykoff. Сашкинъ отъѣздъ былъ тяжелъ чрезвычайно; она уѣхала 10 дней скорѣй, нежели думала, и везла съ собой все, что дѣлало жизнь сносною. Вообрази, что еще надобно ей было испытать новаго горя. Заимодавцы начали ихъ такъ тѣснить, что они были принуждены были раздавать векселя, платить ужасные проценты, да и тутъ все еще не хотѣли выпускать ее изъ города. Этому бѣдному ангелу надобно всѣхъ мученій пробовать. Она поскакала въ Москву затѣмъ, чтобъ выпрашивать у зятя деньги, которыя здѣсь должно раздавать; вообрази, что отъ нея требовали, чтобъ она ѣхала одна въ дрожкахъ,

[1]) Живший въ Дерптѣ музыкантъ и стихотворецъ. Онъ написалъ музыку на цѣлый рядъ стихотвореній Жук—аго. См. Зейдлицъ, 81.

на почтовыхъ въ Москву, за тѣмъ, чтобы скорѣй умилостивить брата[1]). Слава Богу, не знаю, какимъ чудомъ, это перемѣнилось и она поѣхала въ каретѣ и со всѣми своими. Ты можешь вообразить, чего этотъ страхъ намъ стоилъ.

Прощай, Жуковскій, я много написала тебѣ вздору, не огорчись и не сердись. Мнѣ отъ весны, отъ здоровья и отъ письма твоего грустно, а когда грустно, то дома не хорошо. Дай Богъ, чтобъ тебѣ, дуракъ, было легко и весело. Обнимаю тебя нѣжно. Богъ тебя сохранитъ.

Хагенъ ѣдетъ къ вамъ и проситъ твоей протекціи, чтобъ рисовать въ Эрмитажѣ. Онъ явится въ Павловское, не откажи тогда. Христосъ съ тобой, прелесть, радость и все мое лучшее на свѣтѣ.

Маша.

XLIX.

А. П. Елагиной.

(30 іюня 1819 г. Rausenhoff). — Благодарю тебя за письмо твое, душа моя. Оно опять воскресило сердце на нѣсколько времени. Странные вы люди; кажется, ничего бы не значило вамъ любить меня немного, а для меня была бы цѣлая жизнь любовь ваша. Нѣтъ, Дунька, что ни говори, какъ ни баюкайся съ сердцемъ, а все надобно признаться, что мы разстались. Эта Лифляндія схоронила меня заживо для счастія. On a beau tâcher de se figurer le contraire, а на *поверку выдетъ* (какъ бывало говаривалъ Василій музыкантъ), *что и серафимъ сталъ просто Ефимъ*. Твое письмо опять взбудоражило всю утробу—а на что? на то, чтобъ два мѣсяца сильнѣе сокрушаться объ твоемъ молчаніи и холодности. C'est précisement parce que tu sais si bien aimer, que je te pardonne si difficilement ta froideur. Ты правду говоришь, прошедшее многое прошло, но ты, слава Богу, еще не знаешь, какъ однимъ прошедшимъ жить можно, и еще благодарить Творца за жизнь. Довольно и двухъ фонариковъ на длинной улицѣ за тѣмъ, чтобы не заблудиться. Когда же ее хорошенько затвердишь, то пускай себѣ погаснутъ: и безъ нихъ добрести можно. Я сегодня въ премерзкомъ нравѣ, думаю оттого, что дождь идетъ. Хотѣла бы съ тобой поругаться, но такъ какъ слишкомъ зла, то не смѣю.— Дуняшка, не требуй, чтобъ я тебя водила по закоулкамъ сердца. C'est un dédale, je m'y perds souvent moi-même, il n'est que trop nécessaire d'être *ensemble de corps* et *d'âme* pour entreprendre ce voyage là. Что скажешь ты, моя совѣсть, если я тебѣ признаюсь, что я меньше собой

[1]) Подъ братомъ, какъ и выше подъ зятемъ, надо подразумѣвать И. Ѳ. Воейкова, который обладалъ большими средствами.

довольна теперь, нежели въ старину? Вы, мои кумиры, вы совсѣмъ меня уничтожили! Ты не найдешь во мнѣ своей старой Марьи, j'ai perdu l'unique qualité que j'avais—la résignation, et je me surprends quelquefois à oublier le Créateur pour les créatures. Дуняша, всѣ эти бѣды можно сказывать, а не писать. Мнѣ не станетъ легче оттого, что принесу тебѣ свои жалобы и на себя, и на судьбу, а тебѣ многое можетъ показаться иначе, оттого что не могу и *не смѣю* ставить les points sur les *i*. Ты на меня сердишься за то, что моя жизнь тебѣ незнакома. Дурочка, съ 1 октября ты не спросила объ ней, я ее считала совсѣмъ не нужною. Теперь ты опять воскресила ее, только не надолго.—Сжалься надо мной, полюби опять! смотри на меня такъ, какъ бы ты желала меня видѣть. Право, ты не ошибешься. Я знаю, что тебѣ *нужно* любить меня, за что же отравлять несправедливостями одно утѣшеніе, которое намъ осталось? Мойеръ ревнуетъ меня къ твоимъ письмамъ, *онъ* знаетъ, что ты для меня, а ты еще все не вѣришь. Вѣроятно, что мнѣ и умереть придется прежде, нежели вы меня совершенно узнаете. Тѣмъ бы лучше, потому что меньше будете жалѣть обо мнѣ; но вотъ эгоизмъ—мнѣ ужъ больше этого не хочется. Иногда я желаю огорчить васъ *очень* своею смертью и оправдываю это желаніе тѣмъ, что скоро, скоро утѣшитесь. J'ai honte de te montrer ma mauvaise humeur,—кончится тѣмъ, что и ты не рада будешь моимъ письмамъ. Прошу не прогнѣваться.

Давай говорить объ окружностяхъ. Нѣтъ, милый другъ, о дѣлахъ нашихъ не безпокойся; съ помощью Божіей, мы не только не терпимъ нужды, но еще, напротивъ, многое поправили, и поправила я. Съ тѣхъ поръ, какъ стала я хозяйка въ домѣ, то мы заплатили почти 6,000 долгу, и устроили такъ дѣла, что остальной выплатится въ 5 лѣтъ и безъ малѣйшаго безпокойства. Правда, что мы живемъ чрезвычайно экономно, но никто изъ насъ не полагаетъ удовольствіе въ противномъ, и потому il n'y a pas de privation en cela. Если что не удается, то мы себя упрекать не можемъ. Когда Мойеръ купилъ домъ свой, то квартиры были такъ дороги, что онъ думалъ сдѣлать большую находку; тогда жили въ Дерптѣ всѣ, бѣжавшіе изъ Риги, Митавы и всѣхъ маленькихъ городовъ. Теперь всѣ разъѣхались по мѣстамъ, и дома, и квартиры большія упали: тотъ самый домъ, который Мойеръ нанималъ, будучи холостой, за 950 р., теперь отдается за 700. Нашъ домъ старъ и построенъ противъ городскаго плана. Въ покупкѣ сталъ онъ 14,000; за перестройки заплатили мы еще 3,000. Теперь никто не дастъ за него 15,000, и вѣроятно, что всякій годъ цѣна его будетъ уменьшаться. Cette mauvaise speculation coûtera certainement 4 bonnes années de peine, et on ne pourra rien mettre à part. pour pouvoir se reposer un peu plutôt. Еще же скажу тебѣ: по раздѣльной, которую маменька сдѣлала, мы обѣ не можемъ располагать имѣніемъ; доходы Муратовскіе простираются до 3,500 и 4,000. Этого

недостаточно чтобъ жить и платить маменькѣ ея пансіонъ, стало быть, мы живемъ тѣмъ, что Мойеръ достаетъ трудами своими, il est donc plus que juste, que je tâche de lui rembourser ses dépenses. Supposons qu'il reste seul; mille roubles lui suffiraient pour l'année, les gages et les honoraires de sa pratique seraient mis à part, voila donc un capital de 25,000, formé dans moins de 3 ans. Cette somme, jointe aux 18,000, que maman nous a promis, suffirait pour acheter une jolie petite terre, qui rendrait son existence indépendante. Quitter a présent le service, et venir s'enfermer à Mouratof, sans avoir d'autres revenus, se serait absurde—ce serait ne penser qu'à moi et oublier ce qui nous attend dans deux, trois ans. S'il avait donc le courage de me renvoyer pour une couple d'années, ce serait gagner du bonheur. Et je t'assure, qu'il n'y aurait point de sacrifice dans la séparation, car la vie privée d'un médécin n'est pas faite pour un homme marié, et ni lui, ni moi, nous ne connaissons aucune des jouissances de la vie domestique. Peu à peu l'habitude devient seconde nature, et la séparation par les verstes nous réunirait peut-être plus que ne le fait la vie actuelle. Съ нѣкотораго времени я увѣрена, что мнѣ недолго жить осталось — не хороните меня живую, дайте поблагодарить себя за жизнь. — Жуковскій совѣтовалъ разлуку точно потому, что увидѣлъ все такъ, какъ я говорю, прежде, нежели я сама еще увидѣла. Мойеровъ отказъ утѣшилъ меня несказанно. Теперь я опять думаю, что это лучше. Que la volonté de Dieu soit faite! Quand je pense, que je dois mourir bientôt, je suis d'une indifférence étonnante pour le présent, il n'y a que le passé qui prend tout mon coeur. Кто былъ такъ счастливъ, какъ я? Какъ мнѣ не благодарить со всякимъ дыханіемъ Творца за жизнь. Правда, что она пройдетъ безъ пользы и безъ слѣдовъ, но всякая хорошая мысль, хорошее воспоминаніе не есть ли *крестъ на могилѣ*.

1 іюля.

Я вчера много написала вздору и точно оттого, что была въ капризѣ, а въ капризѣ была оттого, что Paul [1]) мой былъ очень боленъ, я боялась скарлатины и безпокоилась чрезвычайно. Нынче ночью у него шла кровь носомъ такъ сильно, что теперь все прошло, пятна спрятались и онъ проснулся почти безъ жару. Мы живемъ съ самыхъ вакацій въ 20 миляхъ отъ Дерпта, въ деревнѣ друга Цѣкеля; je n'ai jamais vu quelque chose de plus joli que cette terre; il y a trois rivières dans un énorme bois, elles forment des cascades, des îles, des lacs, et serpentent si joliment entre les arbres, qu'on ne peut absolument pas s'écarter de la route frayée, car on risque toujours de se voir vis-à-vis d'une rivière là, où l'on s'y attend le moins. Je viens de faire un grand tour de promenade avec mes deux messieurs; Moier qui est

[1]) Племянникъ Мойера, жившій у нихъ.

Landwirth passionné a reçu de Zöckel la comission de faire le foin de treffle d'après Klappmeier, on lui a assigné son champ et ses ouvrières, et j'ai aussi appris à faucher. Вообрази, что здѣсь все женщины косятъ. Я учусь тоже хозяйничать, хожу на скотный дворъ, перенимаю все и, если Богъ дастъ буду у васъ, то и васъ выучу. Вообрази, что у Цёкеля 170 дойныхъ коровъ, 60 быковъ и 30 телушекъ, всѣ голландской породы. Ничего нѣтъ веселѣе, какъ видѣть возвращающееся стадо съ поля. Коровы лучшія въ красныхъ ошейникахъ съ погремушками, коровницы такъ нарядны, какъ аркадскія пастушки. — Здѣсь во всемъ такая чистота, какой мы въ Россіи вообразить не можемъ; повѣришь-ли, что коровъ чистятъ такъ же, какъ лошадей, доятъ 3 раза въ день, даютъ имъ обѣдать дома 4 воза травы, которую скашиваютъ въ тотъ же день — и все это дѣлаютъ пять женщинъ. Что сказали бы наши барыни, если бы ихъ заставили такъ поработать? Мнѣ весело было читать описаніе Анетинаго хозяйства. Теперь ты можешь имѣть идею и обо мнѣ. Я не дою сама корову оттого—что ея у меня нѣтъ, но на кухнѣ стряпаю, ключи отъ погреба и отъ амбара у меня, и только въ дурную погоду не смѣю бѣгать по хозяйству.

Мое семейство еще прибыло. Одна бѣдная купчиха, умираючи, поручила намъ своихъ дочерей; мы было помѣстили обѣихъ въ хорошіе дома, но меньшой такъ стало худо жить, что мы принуждены были взять ее къ себѣ, и она теперь помогаетъ мнѣ во многомъ. Желала бы посмотрѣть на Анету—я думаю, ей потяжелѣе моего было къ этому привыкать: Mais le grand mot: „tu peux aussi être utile!“ il est capable de remuer les pierres. Que le bon Dieu me donne seulement les forces, la volonté ne manquera certainement pas. Какъ жаль теперь того времени, которое потеряла за нюпитрами и фортепіано! лучше бы было варить мыло и стряпать паштетъ. Я очень довольна своимъ состояніемъ и увѣрена, что со временемъ сдѣлаю изъ себя что-нибудь лучшее.

Душенька, ты мастерица заставлять меня говорить изъ души съ собою. Признаюсь тебѣ, что если бы я всегда на тебя полагалась такъ, какъ въ ту минуту, въ которую читаю письмо твое, то мнѣ всю бы жизнь нечего бы было дѣлать, какъ писать къ тебѣ. — Мои четыре страницы уже исписаны, а еще не отвѣчала на многое, многое. Теперь скорѣй въ двухъ словахъ: маменька моя добрая живетъ съ нами, и я надѣюсь, что Богъ и добрый мой мужъ помогутъ мнѣ беречь ее и покоить до тѣхъ поръ, покуда буду жива. Tu n'as pas d'idée à quel point elle entre dans tous nos plans, comme elle m'aide à remplir mon but. Elle, qui était habituée au luxe, se contente maintenant du nécessaire et très souvent se prive elle-même du superflus. Mon bon mari est avec elle comme un fils, non seulement pour l'extérieur, mais par son attachement. Il prévient ses désirs et est si scrupuleux dans ce qu'il nomme ses devoirs envers elle, que je puis dire hardiment qu'elle ne peut rien avoir à désirer. Dieu veuille que tout

reste comme cela est, c'est la seule prière que je lui fais. Pour ce qui regarde Alexandrine—je t'avoue, je la regrette pour ma personne, mais je vois de plus en plus, que son départ était indispensable et pour les affaires. Cela va de mal en pis, et Dieu sait comment cela finira. Ils ont fait beaucoup de dettes, leur crédit est perdu. Tu peux t'imaginer l'humeur que cela donne. La santé d'Alexand. est beaucoup trop faible maintenant pour supporter tout cela. Woeyk. reçoit à tous moments des humiliations—ему все съ гуся вода, а ей нельзя этого выносить хладнокровно. Elle m'a écrit en secret une lettre, je n'ose lui adresser la réponse, car je crains que W. ne soit maintenant là. Fais moi le plaisir de la lui faire parvenir, si tu le peux; mais ne la donne que lorsque tu sera bien sûre, qu'elle parviendra à elle seule, si non, déchire la. On trompe Alex. dans les affaires d'une manière impardonnable, elle m'a demandé un compte exacte de ses dettes, et il s'est trouvé qu'il surpassait du triple ce qu'elle croit. C'est à elle à agir ayant un mari comme cela. Alex. est très contente de son beau frère—признаюсь тебѣ на ушко, у меня что-то сердце не лежитъ къ нему, я не имѣю на это причины, но что то не вѣрится. Помнишь ли первое наше знакомство съ Воейк.? тоже сердца обѣимъ намъ сказали: будь подалѣе! Добрая моя Сашка отъ брата въ восхищеніи, но ее не трудно обмануть. Дай Богъ, чтобы все было понапрасну.

Сейчасъ пришелъ Мартинъ сказать, что почта уже ушла. Тѣмъ лучше, я успѣю до четверга написать еще страничку. Цёкелева сестра пріѣхала сію минуту изъ Риги въ свою деревню, завтра вѣрно будетъ здѣсь — еще новое знакомство. Боюсь! мнѣ было здѣсь очень весело всѣ эти три недѣли, теперь, кажется, прошли праздники. La gêne de la ville est aussi venue passer l'été à la campagne. О Петерсонѣ нѣсколько словъ. Мы звали его съ собой въ Розенгофъ, но онъ не захотѣлъ; я оставила его въ нашемъ домѣ до 1 августа, потому что въ это время легче найти квартиру съ товарищемъ. Вы прислали недавно 416 руб. на наше имя, чтобъ ему передать; я было то и сдѣлала, но онъ не взялъ деньги, а просилъ меня получить ихъ за его содержаніе, и хотѣлъ писать къ тебѣ, чтобъ узнать, какая это сумма и на что ты ее назначала. Я была его поведеніемъ во все время очень довольна, но думаю, что онъ могъ бы сдѣлать больше успѣховъ въ наукахъ, а особенно въ нѣмецкомъ языкѣ. Можетъ быть, мы сами виноваты въ томъ, что онъ мало выучился, потому что между собой всегда говоримъ по-французски, а товарищъ его также русскій. Я взяла теперь съ него слово, что онъ будетъ жить съ нѣмцами и стараться имѣть между ими больше знакомыхъ. Жаль чрезвычайно, что не удалось имѣть мѣсто въ школѣ такъ, какъ я надѣялась; вѣрно, это было бы для него всего выгоднѣе. Незнаніе латинскаго языка причиною того, что ему отказали.— Какъ бы хотѣлось представить тебѣ моего пенсіонера Енко, онъ бы тебѣ понравился не на шутку. Il n'a

que 18 ans, mais on peut déjà prédire hardiment que ce ne sera pas un homme ordinaire; tout ce qu'il sait il le sait à merveille et il ne sait pas peu de choses. J'ai rarement vû un esprit plus éclairé et en même temps plus de conduite à son âge. Мойеръ твердитъ, что онъ желалъ бы имѣть такого сына. — Онъ останется у меня только до января, послѣ войдетъ въ службу въ артиллерію или въ институтъ Betencourt, и прощай навѣки [1]).

Жуковскій обѣщалъ пріѣхать къ намъ лѣтомъ. Мы возвратимся въ Дерптъ въ концѣ іюля, я надѣюсь, что августъ начнемъ вмѣстѣ. Дунька, если бы ты умѣла, негодная, вообразить только, какъ ты была съ нами, когда мы бывали вмѣстѣ. Je ne conçois pas comment est-ce que tu oses me faire un seul réproche d'indifférence, quand j'éxamine mon coeur. Я тебя обожаю такую, какую сама создала себѣ, и воображаю, что ты все еще меня любишь, тогда, когда уже все давно прошло. Я плакала отъ радости, когда увидѣла, что ты опять брюхата, ни одно облачко зависти не вошло въ сердце. — C'est la plus grande preuve d'attachement, que je puisse te donner [2]). Que Dieu vous envoie ses meilleures bénédictions. И ты можешь поминать о Мантейф. и считать себя недостойной сравненія съ ними! Единственный человѣкъ на свѣтѣ, который иногда contrebalance le passé, c'est Moier! Mais aussi que ne lui dois-je pas. Безъ него и кромѣ его все несносно. Какія радости въ чужбинѣ? Лифляндія для меня хуже Сибири, потому что здѣсь ничего нѣтъ моего. Проси мнѣ у Бога терпѣнія, оно нужнѣе всѣхъ утѣшеній и одно можетъ быть дѣйствительно. Теперь твой будущій ребенокъ опять засѣлъ у меня въ головѣ и подъ моимъ сердцемъ такъ же, какъ подъ твоимъ. Хотя я и твержу себѣ безпрестанно, что никуда не годится много любить, что кромѣ горя ничего не выиграешь, но рада, что черезъ тебя будетъ еще дорогое существо. Ради Бога, пиши мнѣ больше о дѣтяхъ, ты не повѣришь, какъ грустно, что я ихъ такъ мало знаю. Parle moi quelquefois, comme si j'étais avec toi, communique moi tes plans avec Wanitchka; quelles sont ses dispositions? quelle, crois tu, sera sa destination? Много радостей быть матерью, но много, много и горя. Каковъ характеръ Петруши? сохраняетъ ли онъ свою твердость? я увѣрена, что изъ него выйдетъ что-нибудь необыкновенное. Entre nous soit dit, lui est le plus heureux d'être tombé entre les mains de ton mari; il saura lui conserver cette force de caractère et cette confiance

---

[1]) Подъ этимъ институтомъ подразумѣвается недавно открытый тогда Институтъ Путей Сообщенія, связанный для современниковъ съ именемъ своего основателя, извѣстнаго инженера, генерала Бетанкура; въ 1819 г. онъ управлялъ вѣдомствомъ путей сообщенія.

[2]) М. А. страстно желала быть матерью; острое чувство неудовлетворенности въ ея письмахъ этого года въ значительной степени объясняется отсутствіемъ дѣтей; оно не заглушалось даже заботами о многочисленныхъ воспитанникахъ, которыхъ она такъ охотно брала въ домъ и которыхъ всегда было много.

en ses forces. А ты, моя голубушка, не сумѣла бы, я боюсь, поддержать этого. Вообще трудно и тяжело воспитывать, но бѣда съ мальчиками. Что вашъ Васька? Похожъ ли онъ на своего папеньку? уменъ ли сталъ? Стало быть, ты меня немного любишь, если ничего никогда не говоришь объ нихъ. Что, если бы у меня было чѣмъ съ тобой подѣлиться? Нѣтъ, душка, что ни говори, а я тебя люблю больше. Всякій разъ, какъ я повторяю этотъ аксіомъ, то слезы навернутся на глазахъ. Прощайте, ребята. Вспоминайте обо мнѣ съ дружбой.

Милый Алексѣй Андреевичъ, поздравляю васъ съ будущей Лизанькой. Дай Богъ скорѣе васъ прижать къ сердцу — это осталось почти одно желаніе вашей сестры.

Маменька начала къ тебѣ большое письмо, но пріѣхала Mad. Rading, она осталась ее занимать, а я улизнула, чтобъ свое кончить. Прощай, душка. —Сдѣлай поумнѣе съ Сашинымъ письмомъ.

4 іюля.

L.

В. А. Жуковскому.

(15 іюля 1819 г. Rausenhoff). — Здравствуй, дружокъ! я давно къ тебѣ не писала, и виновата передъ собой болѣе, нежели передъ тобой. Ты пишешь къ намъ такъ много и такъ часто, что если бы не *ты* былъ этотъ лѣнивецъ, то Протасовская кровь заставила бы думать, что лучше и совсѣмъ къ тебѣ не писать. Милый другъ, полно такъ безжалостно молчать. Право я еще не могу привыкнуть къ мысли, что это безъ резона, сердце противъ воли безпокоится. Хотѣлось бы на тебя сердиться и *наказать* молчаніемъ, но выходитъ, что наказываешь себя больше, и поскорѣй за перо.

Мы живемъ теперь уже мѣсяцъ у друга Цѳкеля, въ 20 мил. отъ Дерпта. Здѣсь столько весело, сколько въ Лифляндіи быть можетъ; добрый нашъ хозяинъ дѣлаетъ все возможное, чтобъ намъ у него было хорошо и спокойно. Я беру ванны всякій день, и здоровье мое весьма поправилось; жалѣемъ только объ томъ, что черезъ 10 дней надобно опять въ несчастный Дерптъ. Цѳкель ѣдетъ 7 августа въ чужіе края— онъ рѣшился вояжировать единственно оттого, что думалъ, что Мойеръ покидаетъ Университетъ—но мы остались, а онъ ѣдетъ. По послѣднимъ планамъ нашимъ остаемся мы еще на одинъ годъ. Въ августѣ 20-го года минутъ 6 лѣтъ Мойеровой службы и тогда возьмемъ мы отставку, но что сдѣлаемъ и куда дѣнемся, это еще не рѣшено. Вѣроятнѣе всего то, что поселимся въ Лифляндіи, купимъ деревушку и будемъ жить sans peines ni plaisirs. Родная страна съ своими радостями, кажется, на вѣки заперлась. — Мойеръ думаетъ иногда взять

мѣсто въ деревнѣ, здѣсь есть много выгодныхъ. За однихъ крестьянъ цѣлаго прихода платятъ до 6 тысячъ рублей.

Опять Дерптъ, 2 августа.

Вотъ мы и въ Дерптѣ! Милый Жуковскій, завтра бывалъ счастливый для меня день. Сердце все еще не перестало роптать. — Но ни слова о грустномъ, я затѣмъ только взялась за перо, чтобъ отдохнуть съ тобой немного. Мы возвратились сюда всѣ здоровы, старая жизнь началась опять и, признаюсь, теперь кажется несноснѣе прежняго. Я было отдохнула въ деревнѣ и такъ было отъ всего отвыкла, что теперь шумъ и крикъ и comme'r-ы кажутся нестерпимы. Авось скоро привыкну. Мнѣ весело было въ Раузенхофѣ, какъ еще въ Лифляндіи не бывало; жаль, что все прошло такъ скоро. Здѣсь видѣли Раупаха, который сказывалъ, что ты *будешь* писать. Разумѣется, что я ему не повѣрила. Я хотѣла писать много, но вотъ хорошая оказія. Посылаю тебѣ ящичекъ славнаго чернослива, кушай на здоровье. Жуковскій, Богъ съ тобой, милый другъ! Люблю тебя много.

LI.

Ему же.

(27 августа 1819 г.) — Мой добрый, хорошій другъ! благодарю тебя *много* за письмо твое. Дружокъ, ты не понимаешь, какъ твои письма мнѣ нужны. Я обрадовалась послѣднему столько же, сколько бы могла тебѣ обрадоваться. Вспомни, что ты не писалъ съ 8-го мая; я выдумывала причины твоему молчанію, говорила, что это лѣнь, но признаюсь тебѣ, что эта причина не могла служить утѣшеніемъ, потому что (ne vous en déplaise) молчать *отъ лѣни* съ людьми равнодушными. И такъ я въ минуты самыя тяжелыя повторяла себѣ громко и тихо: онъ вѣрно сердится! повѣришь ли, что эта мысль была какъ будто утѣшеніемъ. Тебѣ въ моемъ письмѣ не понравилось *malgré tout*. Скажи, другъ: когда очень грустно и когда ты молчишь непростительнымъ образомъ, то не натуральны ли такія фразы? Я повинюсь тебѣ, что часто безъ резону бываетъ грустно. Моя жизнь столько хороша, сколько быть можетъ; я нашла все, чего искала, покой совершенный и столько дѣятельности, сколько хочу; но не смотря на то бываютъ дурныя минуты (можетъ быть, отъ дурнаго желудка), и въ эти минуты не радъ жизни, потому что нѣтъ ничего стараго, что прежде подкрѣпляло и утѣшало. Вы всѣ отъ меня отчуждились. Ты не знаешь, жива ли я, да и не спрашиваешь. Дуняша въ 6 мѣсяцевъ написала одинъ разъ, въ отвѣтъ на 4 письма, да и то затѣмъ, чтобъ погнѣваться. Признаюсь, иногда хочется дома меньше покою, чтобъ скорѣе васъ забыть.

Вотъ и 5 сентября: мнѣ не удалось кончить письма. *Сегодня* необходимѣе, нежели когда нибудь, болтать съ моимъ старымъ, древнѣйшимъ другомъ. Жуковскій, мнѣ часто случается такая необходимость пописаться къ тебѣ, что ничто не можетъ ни утѣшить, ни замѣнить этого занятія; я пишу къ тебѣ вѣрно два раза въ недѣлю, но въ минуту разума деру письма. Я бы желала посылать ихъ тебѣ, но сперва надобно условиться: *дери ихъ ты* и не отвѣчай ни на что. Если въ моихъ эпистолахъ тебѣ что не понравится, то не бранись и не задумывайся объ этомъ; думай просто, что это послѣдній отголосокъ въ старину вами избалованнаго сердца, которое еще все плачетъ объ своихъ игрушкахъ, и которое радо бы было переначать всю длинную жизнь снова, единственно для того, чтобъ поиграть такъ блаженно.—Съ жиру собаки бѣсятся. Я съ тобой не умѣю быть умна. Лучше разскажу тебѣ, что вчера со мной было: m-lle Bourgondie [1]) давала концертъ; я пріѣхала съ Мойеромъ, и въ надеждѣ, что будемъ сидѣть вмѣстѣ, сѣла на послѣднюю лавку, но онъ пошелъ искать своихъ товарищей; я осталась одна, наѣхала куча дамъ и за пенмѣніемъ лучшаго мѣста всѣ сѣли за, предъ и возлѣ меня, но ни одной знакомой. Здѣсь въ концертъ ѣздятъ за тѣмъ, чтобъ кой о чемъ поболтать; разговоры начались крестъ на крестъ, и для меня была особенная музыка, но довольно забавная. Одна изъ дамъ начала спрашивать у другой, кто эта дама, сидѣвшая на одной изъ первыхъ лавокъ?—„Dass ist die Moiern“ (я была отъ этой *Мойернъ* въ 30 шагахъ). — So? die wollte ich sehen! die soll die glücklichste Frau auf Erden sein“; и стала на цыпочки. — „Denken sie sich, ihr Mann ist steinreich, und sie soll die Schlüsseln von der Schatulle haben, er fragt *nie* Rechenschaft über die Ausgaben. Dazu haben sie keine Kinder — keine Sorgen; er ist niemals zu Hause, sie kann gehen wo sie will, er ist mit allem zufrieden. Sie haben ihr eigenes Haus, in der Wirtschaft ist eine Mamsell; mit einem Worte, mit dieser Frau möchte ich mein ganzes Leben vertauschen“. Знаешь ли, у меня невольно покатились ручьи слезъ изъ глазъ. Я просила прощенія у Бога въ томъ, что мнѣ завидуютъ и я не во всей силѣ цѣню свое счастіе; потомъ стала перебирать все прошлое и заключила тѣмъ, что даже и на самую несчастную, бурную жизнь у меня довольно запасу, чтобъ все снести не съ покорностью, а съ радостью и благодарностью. Въ эту минуту мнѣ жизнь стала такъ мила и драгоцѣнна, что если бы представилась мысль о смерти, то она бы показалась несчастіемъ. — Но въ эту же минуту *взглядъ друга* былъ мнѣ такъ нуженъ, что эту же драгоцѣнную жизнь отдала бы за него съ восторгомъ.

6 сентября. Милый другъ, я опять въ нерѣшимости, посылать ли тебѣ мои бредни. Скажу тебѣ одно: никогда мнѣ не бывала твоя Нина

[1]) Знаменитая пѣвица.

такъ понятна,—какъ теперь; я думаю, вопреки твоему молчанію, что ты держишь то, что въ ней обѣщалъ [1]). Когда мнѣ случится безъ ума грустно, то я заберусь въ свою горницу и скажу громко: Жуковскій! и всегда станетъ легче.

„И въ самой разлукѣ
Ты будешь хранитель невидимый взору, но видимый сердцу!
Въ часы испытанья и мрачной тоски“ [2]).

Смотри только, сдержи и то, что обѣщано въ послѣднихъ 12 строкахъ и на что я *надѣюсь,* какъ на будущую жизнь [3]). Я не потеряла привычку дѣлиться съ тобой весельемъ и тоской.

Милый другъ, пріѣзжай въ декабрѣ; ради Бога, сдержи слово. Теперь позволяю тебѣ писать рѣдко, и не то, чего мнѣ хотѣлось, *ты можешь не отвѣчать мнѣ.* Мнѣ кажется, что мое вранье одному тебѣ можетъ казаться простительнымъ и понятнымъ, потому что ты не будешь заключать въ немъ больше, нежели есть, но я бы не желала никому кромѣ тебя открывать свое глупое сердце. Отвѣтъ твой на мои старыя бредни *удивилъ* маменьку, и потому я *не прошу и не хочу отвѣтовъ.* Оставь мнѣ возможность искать въ тебѣ друга и утѣшителя (отъ печалей, которыхъ нѣтъ настоящихъ, а просто imaginaires) но утѣшителя безотвѣтнаго, и тогда я буду писать смѣло и съ весельемъ. N'ayant jamais pu être sincère avec aucun de mes parents, excepté toi, je ne puis commencer à l'être à présent. On ne guérit pas un mal qui vous tourmente, en le déclarant tout simplement ridicule et romanesque. Изорви это.

Я не знаю, слышалъ ли ты, что нашъ бѣдный зять Тидебель [4]) скончался; бѣднякъ не могъ перенести сильнаго волненія; едва перебрался на новое мѣсто, какъ сдѣлалась нервическая горячка и въ 6

---

[1]) М. А. имѣетъ въ виду стихотв. „Къ Нинѣ“ 1808 г., откуда взяты и приведенныя ниже двѣ строки.

[2]) Цитируемое мѣсто читается такъ:

„И въ самой разлукѣ
Я буду хранитель невидимый твой,
Невидимый взору, но видимый сердцу;
Въ часы испытанья и мрачной тоски...

[3]) Вотъ эти 12 строкъ:

„Мой другъ, не страшися минуты конца:
Посланникомъ мира, съ лучемъ утѣшенья
Ко смертной постели приникнувъ твоей,
Я буду игрою небесныя арфы
Послѣднюю муку твою услаждать;
Не вопли услышишь грозящія смерти,
Не ужасъ могилы узришь предъ собой,
Но гласъ восхищенный, поющій свободу,
Но свѣтлый, ведущій къ веселію путь,
И прежняго друга, въ восторгѣ свиданья,
Манящаго ясной улыбкой тебя.
О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій“.

[4]) Родственникъ Мойера.

дней умеръ. Жена и трое дѣтей остались на чужой землѣ и безъ всякой надежды получить хоть маленькій пенсіонъ. Ты часто видишь Ливена [1]), не проси его ни объ чемъ, но разскажи ему обстоятельства такъ, какъ они есть. Право, святое дѣло за нихъ заступиться. Тысяча рублей пенсіону (за 30 лѣтнюю службу) могутъ сдѣлать спокойствіе всего семейства. Послѣднему сыну нѣтъ трехъ лѣтъ, а старшему 9. Я писала къ Annchen, просила у нея старшаго себѣ, и думаю, что она отдастъ намъ его; она вовсе не можетъ воспитать ихъ. Другъ мой, тебѣ не будетъ непріятна комиссія помочь бѣднякамъ, сколько можешь; мы станемъ работать вмѣстѣ *на одномъ грунтѣ*.

Объ Асмусѣ [2]): я отдала ему своеручно деньги въ тотъ самый день и часъ, какъ ты ихъ прислалъ, просила квитанцію, но онъ сказалъ, что пошлетъ ее тебѣ самъ. Вчера посылала за нею Павла своего опять, но онъ отвѣчалъ опять таки, что самъ будетъ писать въ воскресенье и самъ пошлетъ квитанцію.

Позволь мнѣ сказать тебѣ нѣчто, и прошу тебя *отвѣчать* на это. Мойеръ пришелъ въ Renutkammer. Эверсъ [3]) de but en blanc говоритъ ему: „Qu'en pensez vous, si nous *prions bien* Joukovsky, consentira-t-il à accepter la chaire de professeur ici?“ Мойеръ говоритъ, что ты считаешь себя ея недостойнымъ и потому не согласишься. Эверсъ началъ доказывать, что подъ этой личиной скромности вѣрно скрывается излишняя гордость, что если *это* мѣсто послѣ того, которое теперь занимаешь, не покажется тебѣ слишкомъ дурнымъ, и если *la cour ne vous a pas corrompu*, то ты сдѣлаешь большую честь университету, согласившись принять мѣсто проф.—Возвратившись домой, Мойеръ началъ мнѣ доказывать, какъ бы ты прекрасно сдѣлалъ, если бы отвернулъ *демона и всю прелесть его*, и поселился бы смирнехонько въ Дерптѣ, въ нашемъ домѣ; мы бы дали тебѣ 3 хорошенькія комнатки внизу и одну большую комнату наверху, въ которую сдѣлали бы теплую лѣстницу. Ты бы пересталъ терять свое драгоцѣнное время. Съ четырьмя тысячами пенсіону и 6000 жалованья, ты бы жилъ въ Дерптѣ, какъ князь — вообрази, что́ бы сдѣлалъ для потомства! Ни одинъ часъ твоего времени не былъ бы потерянъ, ce serait bien autre chose que dans ce maudit Pétersbourg, qui vous ôte même le temps d'écrire à vos amis. Нѣтъ, другъ, что ты ни говори, а планъ Эверсовъ — рай земной. Тогда бы не надобно другой жизни! Подумай-ка, голубчикъ. Боже мой, чего бы можно было тогда еще желать на семъ свѣтѣ?

---

[1]) Гр. К. А. Ливенъ, попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа.

[2]) Объ этомъ педагогѣ упоминалось въ письмахъ къ А. П. Кирѣевской; онъ держалъ въ Дерптѣ школу по системѣ Песталоцци.

[3]) Разумѣется, вѣроятно, не старикъ Лоренцъ Эверсъ, а болѣе молодой Густавъ Эверсъ, профессоръ русской исторіи въ Дерптѣ.

Скажи, ради Бога, не надѣлалъ ли Воейковъ еще какихъ пакостей. П. Нейманъ разсказываетъ ужасы объ его Петерб. жизни; вѣроятно, что безъ его просьбы получитъ онъ совѣтъ проситься въ отставку. Здѣсь потерялъ онъ совсѣмъ все; онъ заложилъ у Линде образа въ окладѣ, и всѣ лютеране такъ этимъ скандализировались, что послѣднее доброе имя пропало. Ив. Ѳедор. въ Петербургѣ ли еще? Что слышно о процессѣ? напиши, дружокъ.

Прощай, Жукъ, думай о моемъ планѣ! Вообрази, какъ бы мы стали поживать; я бы хозяйничала за тебя. Напиши одно слово — и я уберу комнаты, какъ игрушку—право оживу опять. Милый, милый другъ, не промѣняй настоящаго счастія за тѣнь его. Чѣмъ ты пожертвуешь? Дворъ *malgré tout* (еще разъ) не можетъ тебя привязать навсегда. Тамъ тебя цѣнить не умѣютъ, твоя прелестная жизнь теряется. Здѣсь ты будешь съ людьми, которые знаютъ, *что ты;* тебя все обожаетъ; ни одинъ не завидуетъ. Правда, что названіе *учителя принцессы* гораздо *wohlklingender* званія профессора, но ты возвысишь университетъ. Господи! Господи! чего намъ останется желать на семъ свѣтѣ? Душенька, подумай хорошенько и отвѣчай поскорѣе.

Прощай, Богъ съ тобой! да внушитъ онъ тебѣ добрыя мысли.

Напиши, сколько у тебя томовъ Manuel du musée — 9 или всѣ 10?

Я къ тебѣ писала съ Хагеномъ, съ Шеміотомъ и съ m-lle Weiss; получилъ ли ты хоть одно письмо? Что не отвѣчалъ ни на одно, такъ это вѣрно. Удивился ли ты черносливу, который привезъ Маннтейфель? Это было для того, чтобъ дать брату увидѣться съ сестрой; надобно было лгать и обманывать.

Посылаю письмо отъ Борга[1]), я его распечатала оттого, что тяжело, но ей Богу не читала.

A propos: безъименной сочинитель проситъ назадъ своихъ стиховъ. Пришли съ оказіей.

LII.

Ему же.

(13 ноября 1819 г.).— Милый другъ! опять нѣтъ отъ тебя цѣлый вѣкъ ни строчки! Какъ можешь ты такъ жить? Петербургъ засушилъ тебя совсѣмъ — проклятый Петербургъ! признаюсь, что я кляну его довольно часто. У насъ все хорошо, если ты *неравно* захочешь что-нибудь знать объ насъ. Часто, часто бываетъ грустно о прошедшемъ и невѣроятно настоящее — и часто не понимаю тебя! Ne vous en déplaise.

---

[1]) Поэтъ, переводчикъ Жук-аго.

У меня теперь новая радость, взяла себѣ трехлѣтняго ребенка, который очень забавенъ и дѣлаетъ мнѣ материнскія заботы. Перечитываю письмо твое, въ которомъ такъ *feierlich* обѣщаешь пріѣхать зимою, но не вѣрю зимнему обѣщанію больше лѣтняго. Успѣешь ли ты *въ Петербургѣ* объ этомъ подумать?— Voilà des piquanteries à la Pratassof, но признайся, что ты ихъ заслужилъ. Ты отвыкъ радоваться нашими письмами, и потому не имѣешь нужды и къ намъ писать.

Маменькино здоровье опять стало хуже; головныя боли приходятъ чаще; она груститъ о Сашѣ, груститъ о всѣхъ васъ и мало имѣетъ радостей. Мой родъ жизни и кругъ знакомыхъ ей неприличенъ; сама она не выѣзжаетъ, а болѣзни запрещаютъ имѣть тѣ занятія, которыя бы ей были пріятны. Вы забыли ея 1 октября, и признаюсь тебѣ, что она объ этомъ поплакала. Напиши, пожалуйста, къ 24 ноябрю, faites vous cette petite violence par charité — nous nous en trouverons si bien! — Воейковъ возвратился, но до сихъ поръ еще мало насъ мучилъ; ему здѣсь теперь совсѣмъ худое житье и, вѣроятно, въ будущемъ году оставитъ Дерптъ совсѣмъ. Avez-vous daigné lire ma lettre avec les plans?[1]) Malgré ton silence, je ne puis encore les abandonner, car ce n'est pas mon interêt que j'y cherche, mais bien le tien. Précisement ce changement de ton caractère me fait croire que Petersbourg ne te convient pas; autant que je te connais, je suis sûre qu'une vie retirée nous rendrait tous heureux. — Au reste, adieu désirs et espérances! Я читаю твоего Dräseke[2]) и говорю—sogar das Wünschen verlernt das Ihm ergebene Herz!—Не глупо ли это, что всегда, когда мнѣ грустно, то такъ хочется писать къ тебѣ, что не могу отвязаться отъ этого хотѣнія, и ты все получаешь отъ меня одни бредни. Regarde ceci, comme la plus grande preuve d'une amitié confiante, car il y a peu de personnes avec lesquelles on aime à partager les chagrins, tandis que les joies sont pour tout le monde.

Твоя болѣзнь, выдуманная Мантейфелемъ, надѣлала намъ много безпокойства. Спасибо милому Вилламову[3]) за то, что снялъ съ сердца этотъ тяжелый камень. *Ты* не обезпокоился *самъ* насъ утѣшить. Воейк. разсказываетъ за вѣрное, что ты женишься на Соничкѣ Карамзиной— я еще не вѣрю, потому что смѣю думать, что ты бы меня *первую* увѣдомилъ объ этомъ. Но несмотря на свою невѣроятность, съ тѣхъ поръ, какъ это узнала, теплѣе молюсь за тебя. Господь знаетъ, какъ твое счастіе мнѣ нужно! — Я рисую тебѣ Мадонну, скоро кончу и вѣроятно *пошлю* ее къ тебѣ. Не разсердись за то, что носъ длиненъ;

---

[1]) О профессорствѣ въ Дерптѣ.

[2]) Iohann Dräseke — епископъ Магдебургскій, выдающійся проповѣдникъ (1774—1849). Изъ его сочиненій здѣсь идетъ рѣчь, вѣроятно, о Predigten über Deutschlands Wiedergeburt. (2-е изд. 1818 г.).

[3]) Г. И. Вилламовъ состоялъ при Импер. Маріи Ѳедоровнѣ.

ты на свой вѣкъ столько критиковалъ мой собственный, что я думала угодить тебѣ, закроивши въ три аршина. А ты за это примѣчаніе привези мнѣ листъ *papier ivoire*, который находится у Кенеля и стоитъ одинъ рубль.

Прощай, дружокъ, Христосъ съ тобой! Дай Богъ тебѣ всѣ счастья на свѣтѣ, тогда и мое будетъ у меня. Обнимаю тебя дружески, мое сокровище. *Думай* обо мнѣ.

Мнѣ часто досадно, что нѣкоторыя выраженія à forcе d'usiter mal à propos, совершенно испортили. Напримѣръ, порученіе думать о себѣ я сказала съ *сокрушеннымъ сердцемъ*, а звонитъ оно, какъ ничего. Дурачокъ, не забудь, что ты мой милый ангелъ. Богъ съ тобой.

1819 годъ—время ослабленія не только дорогихъ семейныхъ связей, но и поэтическихъ стремленій Жук—аго. Все лѣто и осень прошли для него въ оживленныхъ сношеніяхъ свѣтскихъ; въ Павловскѣ и Гатчинѣ писались всего болѣе посланія къ фрейлинамъ; на это время падаетъ увлеченіе гр. Самойловой. Друзья его, А. Тургеневъ и кн. П. Вяземскій въ перепискѣ своей много разъ возвращаются къ образу жизни поэта и сѣтуютъ на то, что онъ тратитъ время въ безплодной суетѣ и придворныхъ развлеченіяхъ. Подробности см. въ I т. Остафьевскаго Архива (стр. 212—334 passim) и въ статьѣ Кульмана (Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ, т. V, кн. 4-я).—Жуковскій только на Рождествѣ пріѣхалъ въ Дерптъ и довольно надолго (31 дек.—19 января).

LIII.

Ему же.

(Понедѣльникъ 19 января 1820 г.). — Здравствуй, ангелъ мой! нашъ мужъ гораздо лучше; вчера былъ опять вечеромъ сильный жаръ и боль въ горлѣ больше, но теперь проснулся здоровъ и плюетъ avec zèle. Ердманъ еще не былъ, мы надѣемся, что онъ позволитъ даже вставать съ постели.— Теперь 12-й часъ, ты вѣрно уже недалеко отъ Нарвы. Ночь была тепла и свѣтла, я часто выбѣгала на нее смотрѣть. Богъ съ тобой, мой ангелъ. Пиши скорѣй.

LIV.

Ему же.

(20 января 1820 г.).— Здравствуй, мой ангелъ Жуковскій. Завтра великій день въ нашихъ аналяхъ![1]) обнимаю тебя — и прошу Бога сохранить тебя намъ. На почтѣ буду много писать тебѣ, а теперь скажу только объ дѣлѣ: я взяла смѣлость купить тебѣ на простыни вмѣсто холстины, которая бы стоила 110 руб., коленкору, изъ котораго вышло 3 простыни и стали 18 руб., а такъ какъ ты спишь на матрасѣ, то коленкоровыя простыни не хуже холстяныхъ. Рубашки

[1]) День рожденія Жук—аго.

твои шью прилежно, и надѣюсь съ первой оказіей уже нѣсколько прислать. Прощай, мой ангелъ; будь здоровъ, а у насъ все хорошо. Докторъ Пандеръ, который отдастъ тебѣ все это, пробудетъ около двухъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ, и такъ ты можешь прислать съ нимъ портретъ свой. Прощай, рожица! люблю тебя.

LV.

А. П. Зонтагъ.

(5 марта 1820 г.).— Милый другъ и сестра Анета! Знаешь ли ты, что есть у тебя на свѣтѣ старая сестра и давнишній другъ? Пора объ ней вспомнить. Мы ждали, ждали отъ тебя хоть строчки съ своей стороны, но — напрасно! Теперь зацѣпилась я за комиссію, чтобы имѣть резонъ вытащить отъ тебя милое, длинное письмо на старинный манеръ, и буду его ждать, какъ манну въ пустынѣ. Дуньки моей несравненной милыя письма успокоили насъ насчетъ твоего здоровья и судьбы твоей, но всѣ тѣ мелочи, которыя прежде были намъ общія, теперь взаимно стали неизвѣстны. Неужели мы могли разстаться до такой степени? Прошу тебя, милый другъ, примемся за старую дружбу и за переписку — хоть изрѣдка, но утѣшай насъ длинными, подробными извѣстіями о себѣ, о своемъ мужѣ (о которомъ Саша не нахвалится), о вашемъ родѣ жизни, о прожектахъ — однимъ словомъ, ты сама знаешь, что̀ о друзьяхъ знать хочется. Теперь *требую* отъ тебя письма для чужой намъ особы: Генеральша Тучкова, Маргарита Михайловна, урожденная Ласунская, которая тебя и Машу видала ребягами у Нарышкиныхъ [1]), проситъ тебя униженно сказать ей, что̀ ты думаешь о Крымѣ. Сынъ ея очень боленъ, и Мойеръ совѣтуетъ ей переселиться въ теплый климатъ къ морю. Слыша, что ты купила землю въ Крыму, она чрезвычайно бы желала знать возможныя подробности о тамошнихъ мѣстахъ, не только о родѣ жизни, жителяхъ и домашней экономіи, но и о внѣшнемъ хозяйствѣ. Она бы желала купить тамъ что-нибудь и проситъ описать величину, положеніе и родъ обработыванія твоей плантаціи. Имѣешь ли ты своихъ мужиковъ или работаютъ дворовые люди на Лифляндскій манеръ? Можно ли нанимать жителей и что это стоитъ? Если ты перевезла своихъ мужиковъ, что стоила тебѣ перевозка? Мѣряютъ ли землю десятинами или какъ дорого приходится наша десятина? Уроженцы татары-ли или очень ли лѣнивы? Гдѣ можно продавать продукты и можно-ли надѣяться на 6 проц. съ капитала? Не лучше ли поселиться въ степяхъ Одессы, если климатъ равно хорошъ? Чѣмъ насаженъ твой садъ, и какой хлѣбъ лучше сѣять? Можно ли надѣяться на пріятное общество?

---

[1]) Маргарита Михайловна Тучкова, вдова павшаго при Бородинѣ А. А. Тучкова, была урожденная не Ласунская, а Нарышкина (см. Воспоминанія Н. А. Огаревой-Тучковой. М. 1903 г., стр. 3).

Вотъ, милый другъ, какая куча вопросовъ. Я тебя по секрету попрошу объ одномъ: отвѣчай по-французски. М. Мих. окружена французами и француженками, которые conseillers d'état, и безъ нихъ нейдутъ никакія дѣла.

Voila qu'il m'arrive du monde, je dois finir au plus vite. Поклонись хорошенько своему милому мужу и постарайся, чтобъ онъ меня любилъ. Мойеръ цѣлуетъ твою ручку. Маменька обнимаетъ васъ обоихъ и не пишетъ отъ гостей. Скажи моей Дуняшѣ, что я жду отвѣта на 1 мартовское письмо съ большимъ нетерпѣніемъ. Мы рѣдко пишемъ другъ къ другу, и еще рѣже пишемъ все, что на сердцѣ, но несмотря на то я увѣрена, что никто меня не любитъ, какъ она, и никто (*не* выключая даже Алексѣя Андр.) не любитъ ее столько и такъ хорошо, какъ я ее люблю. Мы обѣ счастливы мужьями et on dit que c'est ordinairement la pierre d'achoppement pour l'amitié, но дружба наша не пострадала отъ счастія, только что увѣрять въ ней стали себя рѣже. Скажи ей, что я опять подтверждаю то, что писала 5 дней назадъ, и что по милости моего добраго мужа еще болѣе имѣю на это право.

Прощай, дружокъ! обнимаю тебя отъ всего сердца, люби стараго друга и сестру

Машу.

Милый другъ, ради Бога подробное письмо!

Милый другъ, напиши также, какой языкъ больше въ употребленіи, есть ли много французовъ и итальянцевъ, и есть ли иностранныя фамиліи.

LVI.

В. А. Жуковскому.

(17 марта 1820 г.)—Добрый, несравненный Жуковскій, благодарю тебя за милое письмечишко; хотя оно и очень коротко, но *ясно*. Крузенштернъ [1]) много о тебѣ разсказывалъ. — Послѣ твоего отъѣзда я было написала къ тебѣ большое письмо, но оно слишкомъ отзывается бурнымъ нравомъ—признаюсь тебѣ, что я часто *срываю сердце* на неудачи—письмами къ тебѣ, и намѣрена сдѣлать цѣлую коллекцію, которую вручу тебѣ при свиданіи, такимъ образомъ и мнѣ хорошо и тебѣ недурно. Благодарю за то, что спрашиваешь о моемъ Павлѣ. Слава Богу, все миновалось безъ опасности, одна только ночь была очень дурна, но сильное кровотеченіе носомъ спасло его опять; вообрази, что онъ всякій день терялъ крови 6 чайныхъ чашекъ, и не смотря на то, не ослабѣвалъ ни мало. Теперь другая бѣда: Вѣра за-

[1]) Слѣдуетъ разумѣть повидимому адмирала И. Ф. Крузенштерна; сынъ его А. И., съ которымъ Жук—ій переписывался въ 1850 г. (См. Описаніе бумагъ Жук. Бычкова), тогда былъ еще мальчикомъ 12 лѣтъ.

илась, и сегодня еще третій день, бѣдняжка больна очень. Надѣ-
ь, что все благополучно кончится.

Mad. Krusenstern дала мнѣ комиссію къ тебѣ, я увѣрена, что тебѣ не можно будетъ ее выполнить, но пожалуйста напиши, что можешь. Есть одна Fr. Hoffmann, которая ищетъ мѣста въ гербургѣ, и ты долженъ рекомендовать ее въ хорошій домъ; она ветъ все на свѣтѣ и претензіи ея очень малы, вѣроятно, что со-ится на самыя умѣренныя предложенія; поведеніе и воспитаніе красное, но бѣдна очень. Только главное то, чтобъ быть ей въ хо-емъ домѣ; отвѣчай, миленькій, черезъ недѣлю. Утѣшь, пожалуй-. За очки цѣлую твои ручки, они несравненно хороши. Деньги шлю съ первой оказіей. Въ послѣднюю пятницу читали сочиненіе rz'a объ нѣмецкихъ университетахъ и критику на оное. Ты насъ изилъ съ Вейраухомъ, надѣюсь, что теперь навсегда. Прощай, душа. Я рисую твою картину очень прилежно и до сихъ поръ тъ все хорошо.

Маменька тебя цѣлуетъ, Мойеръ тоже. Внутреннія дѣла идутъ старому, Воейк. кошонствуетъ ужасно. Сашка и дѣти здоровы. ощай.

LVII.

Ему же.

(24 марта 1820 г.) — Христосъ воскресе! милые друзья Жуковій и Плещеевъ! я давно, давно къ вамъ не писала, но вы еще *нѣе*. Теперь же пишу къ вамъ по комиссіи, и отгадайте, по какой? шелся одинъ человѣкъ, который требуетъ къ вамъ рекомендаціи къ у нибудь и для чего нибудь. Quelqu'un voudrait faire le voyage lque part avec quelqu'un, et il trouve que vous, mon cher Plestcheef, êtes si aimable et qui connaissez tant de monde, pourrez le plus ilement le recommander dans de bonnes maisons, en qualité de je sais quoi. Je n'aurais pas manqué de vous dire, comment il se nomme, e le savais, mais malheuresement je l'ignore. Il désire voyager c qui que ce soit et si cet individu se trouve un jour, il fera déjà conditions avec lui. Все, что я объ немъ знаю, состоитъ въ томъ, онъ говорилъ вчера съ Мойеромъ объ чемъ то, а Мойеръ забылъ сказать это; что онъ жилъ у той самой дамы, которую вы при-и за гору, а сестру ея за пригорокъ, и что онъ желаетъ путеше-овать. Vous aurez la bonté de le questionner adroitement sans lui e remarquer la maladresse de mon mari et de sa femme.—Сейчасъ ала, что его зовутъ *Kümerling*, онъ жилъ у *Браша* учителемъ и оятно желаетъ вояжировать, тоже какъ учитель. Вотъ моя просьба. пишите, ради Бога, лѣнивцы. Я буду на первой почтѣ писать много, ерь прощайте, онъ ждетъ письма.

Я не знаю вашего адреса и рекомендую его въ Аничковскій дворецъ, а ты, милый Жуковскій, прикажи ему явиться туда, куда слѣдуетъ. Мою комиссію вѣрно столько же будетъ вамъ пріятно исполнить, сколько мнѣ давать. Но что будешь дѣлать, постарайтесь, дружочки.

LVIII.

А. П. Елагиной.

(24 марта 1820 г.) — Авдотья Петровна! вотъ 7-й мѣсяцъ, какъ я не имѣю отъ тебя ни строчки. На четыре письма не было отвѣта; я для спокойствія своего намѣрена думать, что люди твои и безпорядокъ почты опять этому причиной [1]). Но теперешнее письмо будетъ *вѣрно* доставлено, и потому нѣтъ извиненія, если ты и теперь отвѣчать не будешь. Знаешь ли ты, что у меня въ пузѣ шевелится маленькое творенье, которое проситъ твоего благословенія и части той нѣжной любви, которою ты дѣлала его мать такъ счастливу. Я его безъ страха пускаю въ свѣтъ, потому что есть на этомъ свѣтѣ *Богъ, его создатель*, и *вы*, мои фонарики; вы и его жизнь освѣтите! Благослови же моего малютку на жизнь и обреки ему на крестъ *свое сердце*, а тамъ пускай будетъ, что угодно Богу — я никакихъ испытаній бояться не буду. Mon amie! combien me manqueras tu dans le moment décisif! mais pourtant je ne voudrais pas t'avoir auprès de moi; мои муки васъ замучаютъ. Пускай будетъ власть Божія — не могу тебѣ довольно представить моего спокойствія и покорности; если бы ты его видѣла, то сама была бы спокойна. Поручаю вамъ моего ребенка, вы отдайте его и Богу такимъ, какъ вы сами, а я безъ ропота и безъ страху отдаю себя во власть Божію. Прощай, благослови меня такъ, какъ я тебя во всѣ минуты жизни благословляю!

LIX.

В. А. Жуковскому.

(Среда 16 іюня 1820 г.) — Ангелъ мой, что за милое, прелестное письмо! Какъ мнѣ не желать жить сто лѣтъ подлѣ такого друга? Царство небесное едва ли будетъ лучше теперешней моей жизни. Онъ далъ мнѣ все — теперь прошу у Него только силъ перенести свое счастіе и не потерять готовности явиться при первомъ зовѣ. Вы заставили меня такъ полюбить жизнь, что я не знаю, гдѣ искать свои прежнія благоразумныя мысли. Ты все говоришь: *бѣды, несчастіе не-*

---

[1]) Однажды былъ случай, что всѣ письма Авд. Петр. не отправлялись, а бросались посланными, которые оставляли себѣ почтовыя деньги.

обычайное и пр.: дуракъ мой! развѣ мы не одно понятіе имѣемъ о будущей жизни? *Тамъ* для насъ *все*, а здѣсь такое чрезвычайное счастіе, какъ мое теперешнее, должно казаться феноменомъ и должно пугать, то есть пугать тѣмъ, что не перенесешь его достойнымъ образомъ. Я изъ *трусости* желаю смерти. За младенца моего чего бояться? ты и его душу возьмешь на свои руки такъ же, какъ взялъ нѣкогда душу матери — а если это единственное желаніе объ его будущемъ исполнится, то не могу ли я смѣло возвратиться къ Тому, Кто мнѣ далъ столько счастія. Другъ мой, я сдѣлала разсчетъ свой, какъ ты приказываешь, и вотъ *le resumé*: что бы со мной ни было, все будетъ счастіе—въ этой жизни, кажется мнѣ, никакое горе меня постигнуть не можетъ, я иду впередъ съ такой спокойной вѣрой и надеждой на Промыселъ, что не боюсь ничего не только за себя и васъ, но даже и за моего младенца.

Теперь только узнала я всю прелесть жизни и всю цѣну любви, но теперь же научилась знать настоящую любовь къ Отцу моему. Признаться ли тебѣ? когда я думаю о Богѣ, о всей Его любви къ намъ (ко *мнѣ* особенно), то мнѣ трудно воздержаться отъ искушенія *просить* Его взять меня къ себѣ, я чувствую какую то сверхъестественную прелесть въ мысли *все* покинуть въ ту минуту, когда жить такъ хорошо! когда всякій звукъ есть гармонія, когда ни одна печальная мысль не портитъ настоящаго, когда въ будущемъ ждешь и видишь однѣ радости! Я никогда Бога такъ не любила, какъ теперь; получивъ отъ Него столько, мнѣ бы хотѣлось въ полной мѣрѣ отдать Ему все. Par conséquent ce n'est pas la crainte qui ait dictée ma première lettre. *Вынять изъ души страхъ.* Другъ мой! въ ней нѣтъ иного чувства, какъ надежда самая сладкая, утѣшительная, какъ мысль, что *все*, что ни пошлетъ Творецъ, есть блаженство. Если бы Онъ оставилъ на мои руки *выбрать* мое будущее—сказать ли? какъ я ни люблю васъ — я бы не знала, на что рѣшиться. Все вокругъ меня перемѣнилось, теперь у меня нѣтъ горя, все обѣщаетъ одно счастіе. Младенецъ мой! всякое его движеніе восхищаетъ, возноситъ душу. Мнѣ равно хочется остаться съ нимъ и съ вами, и возвратиться къ Тому, который далъ мнѣ васъ и его. Нѣтъ, мой ангелъ, робость никогда не была такъ далеко отъ меня, какъ теперь; покорность совершенная— вотъ одно, что можетъ нѣсколько выразить мои чувства; но эта покорность такъ сладка, что въ ней заключается l'amour le plus pur avec la plus céleste espérance.

Пятница 18 іюня.

Я не успѣла окончить письма своего, теперь спѣшу безъ памяти, мы ѣдемъ черезъ 5 часовъ и надобно укладываться. Теперь стану отвѣчать только на главнѣйшее: срокъ мой въ началѣ октября; 21 мая изволилъ онъ откликнуться моему зову, а 9 октября долженъ отвѣ-

чать и взгляду.—Мы ѣдемъ въ Раузенхофъ къ Цёкелю (который въ Парижѣ) и пробудемъ у него до 26 іюля. Въ августѣ будешь ты къ намъ и пробудешь до половины сентября, а тамъ—*Господи, въ руцѣ твои предаемъ духъ нашъ.*

Обнимаю тебя, мой братъ, другъ, дѣдушка, сокровище, все, что есть прелестнаго и великаго на свѣтѣ. Благослови мое дитя.

LX.

А. П. Елагиной.

(3 августа 1820 г.) — Дуняша! напрасно ждала я отвѣта на письмо свое—ты не откликаешься! если бы я могла только тебѣ выразить, сколько огорчаетъ меня твое молчаніе. Сестра моя! ангелъ! неужели и теперь твое сердце не находитъ, что мнѣ сказать? О если бы ты знала, какъ мое тобою полно! я не могу раздѣлить мысли о моемъ будущемъ младенцѣ съ мыслью о тебѣ; мнѣ вѣрно кажется, что онъ будетъ на тебя похожъ совершенно—и я такъ спокойна за него, что напередъ ему обѣщаю dass er den schweren Kampf mit dem Leben brav auskämpfen wird. Si Dieu lui donne ton coeur, je lui désire une longue vie, et pour récompense je lui désire un coeur qui l'aime comme je t'aime! Non, ma soeur, jamais tu ne sauras ce que tu m'es! Je crois que je ne l'ai pas su non plus, jusqu'au moment où la vie me soit devenue si precieuse. Mais à présent aussi combien tu me manques! il n'y a pas de sentiment que je ne voudrais te communiquer. Et mon pauvre petit enfant — il ne sait ce qui l'attend, mais ce qui est sûr, c'est qu'il t'est confié tout aussi souvent que je le confie à Dieu. Si mes espérances se réalisent et que je reste en vie, alors nous l'éleverons ensemble — et si je vous quitte avant, alors qu'il soit tout à fait à toi; avec quelle tranquillité je quitterai ce monde, je vous regretterai, mais je ne craindrais rien pour vous.

Сегодня 3-е августа! какъ я находила себя счастливу въ этотъ день! Теперь и вспомнить объ немъ нельзя безъ слезъ. Какъ все, все перемѣнилось! на родинѣ нѣтъ ни одного уголка, гдѣ бы старое не вытѣснено было новымъ. Ваши сердца — мои ли они еще? Ты меня ужаснымъ образомъ покинула, а на тебя я надѣялась, какъ на вѣчность! Но теперь полно говорить о томъ, что мѣшаетъ жить — мнѣ не только надо жить самой, но еще дать жизнь. Душа моя! ангелъ! сердце иногда такъ полно, что не похоже на то, чтобъ мнѣ уже было 27 лѣтъ! я все еще требую чего-то отъ жизни — вся вселенная можетъ, кажется, вмѣститься въ мою душу.—О, какъ бы мнѣ хотѣлось *теперь* все тебѣ такъ показать, какъ оно есть во мнѣ и вокругъ меня. Мое настоящее прекрасно и занимаетъ меня почти столько же, сколько и прошедшее.

27 августа.

Я получила письмо твое! Другъ мой несравненный! все мое сердце взволновалось отъ него. Счастіе увидѣть тебя еще разъ было для меня такъ велико, что душа не можетъ постичь его — она отказывается вѣрить такому блаженству. О, Дуняша! съ тѣхъ поръ, какъ я стала ждать своего ребенка, всѣ чувства приняли какую-то силу, прежде неизвѣстную. Вы всѣ стали мнѣ дороже—но и отсутствіе стало чувствительнѣе. То, что прежде могла переносить съ бо̀льшею покорностью, теперь иногда становится несносно. Je trouve une si grande contradiction en moi-même, il n'y a de sûr et de stable que mon extrême amour pour vous! je voudrais et vivre et mourir, et mon attachement pour vous contrebalance toutes les idées. Милый другъ! конечно, мой ребенокъ (если его воспитывать стану) будетъ знать тебя, конечно, то, что я чувствую къ Дуняшѣ, будетъ наполнять и его душу. Нашу связь подкрѣпитъ общая любовь къ нему, такъ же, какъ ты мнѣ дороже чрезъ твоихъ, неизвѣстныхъ мнѣ, дѣтей. Какъ часто въ свѣтлую звѣздную ночь сажусь я къ окну и переношусь въ Долбино на широкую террассу и воображаю себя около васъ, но невидимой, представляю себѣ каждаго порознь и всѣхъ вмѣстѣ, около круглаго чайнаго стола, тебя съ Лиліей [1]) на рукахъ, Алек. Андреев. съ Васенькой, большихъ мальчиковъ, которые уже вѣрно больше матери, подлѣ васъ, а милую мою Машку—разливающую чай; воображаю, какъ твой добрый мужъ, съ трубкой во рту, читаетъ вамъ громко и какъ дѣти ему мѣшаютъ; иногда воображаю и Андрюшкину колыбель [2]) подлѣ васъ на полу, вижу, какъ ты со слезами на глазахъ заставляешь его улыбаться, какъ моя маменька сидитъ съ вами, и какъ вы ей замѣняете обѣихъ дочерей. А иногда — но рѣдко — чудится мнѣ и себя видѣть съ вами. Долбино кажется мнѣ той обѣтованной землей, куда въ награду за трудную, но хорошую жизнь суждено мнѣ и дѣтямъ моимъ переселиться на закатѣ солнца, и для того Курентьево есть и будетъ вѣчно моимъ любимымъ планомъ. Что до сихъ поръ не удалось, то сбудется, *какъ награда*. Жизнь подлѣ тебя, въ кругу нашего семейства кажется мнѣ идеаломъ блаженства. Ты воспитала меня, тебѣ, молодой другъ, была я всегда обязана хорошимъ примѣромъ и многими хорошими мыслями, стало быть, и хорошія качества твоя же работа; пускай же и дѣти наши воспитываютъ другъ друга. Представь себѣ черезъ 5 лѣтъ Лилію, которая учитъ Андрюшку писать и сама вмѣстѣ съ нимъ учится. Помнишь наши переводы La tendre mère Berquin'a? помнишь нашу переписку изъ одной горницы въ другую? Эти счастливые дни заставляютъ меня думать, что и моего ребенка ожидаетъ такая же дружба отъ твоихъ дѣтей, и что и имъ будетъ также нужно

[1]) Дочь Елагиной, Елизавета, рано умершая.
[2]) Своего будущаго ребенка М. А. рѣшила назвать Андреемъ.

любить другъ друга, какъ для матерей ихъ это необходимо.—Въ будущемъ моего ребенка я вижу тебя съ нимъ неразлучну, и мнѣ совсѣмъ за него не страшно. Только и твержу: willkommen in die schöne Welt Gottes!— Я сейчасъ ходила съ Мойеромъ гулять и, вообрази, что̀ нашла: въ отсутствіе наше повѣсили маменька съ Зейдлицемъ (однимъ студентомъ, который у насъ живетъ и съ которымъ мнѣ тебя надобно познакомить) люльку моего Андрюшки, постлали въ ней постельку и сладили все, такъ что недостаетъ въ ней только моего мальчика. Бѣдный дурачекъ! сердце забилось сильнѣе обыкновеннаго. Дуняша, пришли ему крестъ съ своей шеи, а если онъ тебѣ слишкомъ драгоцѣненъ, то пришли такой крестъ, который носила восемь дней, я его повѣшу въ люльку и надѣну въ день крестинъ вмѣстѣ съ крестомъ Жуковскаго. Какая у него славная люлька! этотъ добрый Зейдлицъ во время нашего отсутствія самъ ее сдѣлалъ и вотъ тебѣ ея портретъ. Вообрази же теперь въ ней моего маленькаго, или, лучше сказать, превеликаго Андрюшку, потому что пузо мое такъ велико, что я едва достаю до милаго моего бюро, чтобъ писать къ тебѣ. У меня еще есть сынишка трехъ лѣтъ, племянникъ Мойеровъ. Отецъ его [1]) умеръ годъ тому назадъ, а бѣдная мать, сестра Мойера, не имѣя возможности воспитать сыновей, отдала двухъ мальчиковъ мнѣ; старшему 12 лѣтъ, и потому онъ уже у Мойера на рукахъ, а меньшой моя игрушка.—Этотъ милый малютка забавляетъ меня и любитъ столько же, сколько мать, и я думаю, что едва-ли Андрюшка перевѣситъ его въ моемъ сердцѣ.

Я хотѣла писать къ тебѣ много, но съ тѣхъ поръ какъ я брюхата, такъ меня всѣ любятъ, что гостей не оберешься. Скажу только важнѣйшее. Знаешь ли, что нашъ ангелъ Жуковскій опять хочетъ жить съ Воейковыми [2]); онъ рѣшается принести эту жертву нашему Сандрочку и теперь какъ то меньше страшно за ея пребываніе въ Петербургѣ. Я надѣюсь, что Саша пріѣдетъ *одна* къ моимъ родинамъ, и что Жук. будетъ тоже здѣсь въ концѣ октября; срокъ мой въ началѣ *онаго*. Молись, душа! Я уже написала къ тебѣ два письма и отдала ихъ *въ вѣрныя руки*, одно которое нибудь пошлется на почту въ ту самую минуту, когда прокричитъ Андрюшка свой виватъ. Прощайте, мои анѓелы! Ахъ, какъ я васъ люблю.

Указаніе въ концѣ на два письма, изъ которыхъ „одно которое нибудь“ пошлется тотчасъ послѣ родовъ, слѣдуетъ толковать такъ, что М. А., думая, что можетъ умереть при рожденіи ребенка, приготовила прощальное письмо своей Дуняшѣ. Съ подобнымъ же фактомъ мы встрѣтимся ниже, въ 1823 году.

---

[1]) Тидебель.

[2]) Воейковъ въ 1820 г. вышелъ въ отставку изъ Дерптскаго университета и переѣхалъ въ Петербургъ. Жук—ій дѣйствительно одно время выѣхалъ изъ Аничкова дворца и поселился съ Воейковыми.

LXI.

Ей-же.

(30 сентября 1820 г.). Lieber Heinrich! glaube an die Unsterblichkeit! wie werden wir uns dann lieben, wenn wir verwesen sind!— Вотъ что я прочла въ ту минуту, когда услышала, что бьетъ 12, погасила свою свѣчу и закутала голову подъ одѣяло. Но сонъ и не подумалъ прійти ко мнѣ. Дуняша моя! Это прелестная мысль! какъ я буду любить тебя *тогда*, и какъ будемъ мы любить другъ друга. Я всю ночь думала о тебѣ и желала—тебѣ и себѣ смерти! Дѣти, простите меня! иногда, *очень рѣдко*, простительно много любить себя. Вѣдь вся жизнь за то ваша!—Я жду рѣшительной минуты съ удивительнымъ спокойствіемъ. Какъ бы что ни кончилось — все хорошо! Вообще послѣдній годъ моей жизни есть самый счастливый (то есть спокойный). Je sens un calme au dedans, comme autour de moi, et je n'ai aucun souhait à former. Je suis chrétienne dans toute la force du terme, car je ne prie pas même pour mon enfant; une confiance comme cela n'existe que dans le coeur d'un enfant heureux, et je crois que la disposition, dans laquelle se trouve mon esprit *à présent*, influera toujours sur mon petit. Вотъ что писалъ ко мнѣ Жуковскій, когда я объявила ему о прыганьѣ моего Андрюшки. „Съ довѣрчивостью къ Провидѣнію должна ты приступать къ тому добру, которое оно тебѣ посылаетъ; оно выходитъ къ тебѣ изъ своихъ царскихъ дверей и снимаетъ покрывало съ чаши: *вѣрую, Господи*! и говори это отъ всего сердца! ты должна причаститься лучшему таинству жизни! Не твое дѣло думать объ томъ, что *быть можетъ*, вѣрь тому, что *быть должно*, въ этомъ все человѣческое величіе! Эта постоянная привязанность къ тому, *на что мы созданы*, соединенная съ беззаботностью о томъ, что съ нами быть можетъ — беззаботностью, основанной на вѣрѣ въ Провидѣніе,—вотъ настоящая жизнь наша. Забудешь ли это высокое правило, главное, единственное, въ лучшую минуту твоей жизни! Съ той минуты, какъ твое дитя въ первый разъ тебѣ сказалось, до теперешней, прошло уже 20 дней. Ты уже познакомилась съ нимъ, и его воспитаніе началось. Я увѣренъ, что все стало для тебя ясно и вѣрно! Онъ спокойно созрѣваетъ подъ сердцемъ матери и, не зная ея, вбираетъ въ себя ея душу. Я увѣренъ, что теперь именно составляется первая основа характера и вся будущая судьба младенца образуется вмѣстѣ съ тѣломъ; то, что ты будешь дѣлать и чувствовать теперь, будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на всю судьбу младенца. Ты теперь живешь за двухъ во всемъ смыслѣ слова".

Жуковскій спитъ подъ моей горницей. Онъ пріѣхалъ четвертаго дня и пробудетъ только до 3 октября [1]).

---

[1]) Въ этотъ день Жук—ій выѣхалъ за границу.

Милый другъ! Я въ бѣдѣ и ни къ кому, кромѣ тебя, не хочется прибѣгнуть. Мнѣ крайняя нужда въ 500 рубляхъ; можешь ты мнѣ ихъ дать на цѣлый годъ? Но вотъ еще бѣда: мнѣ бы не хотѣлось сказать объ этомъ ни маменькѣ, ни мужу; если твои обстоятельства позволятъ прислать мнѣ эти деньги, то отдай ихъ Петерсону и прикажи отдать мнѣ безъ свидѣтелей. Если же у тебя нѣтъ, то напиши мнѣ безъ всякой arrière pensée, потому что я увѣрена, что когда бы у тебя что было, то тебѣ также весело было бы дать мнѣ, какъ мнѣ тебѣ. Пожалуйста, чтобъ это тебя не огорчило, мы другъ друга вѣдь знаемъ! На почтѣ напишу тебѣ все, что меня побудило просить тебя. Заплачу же не прежде, какъ въ началѣ января 1822 г. Не спѣши соглашаться, подумай, не разстроишь ли себя.

LXII.

В. А. Жуковскому.

(8 октября 1820 г.)—Андрюшка еще все не появлялся, но сегодня есть назначенный день. Я надѣялась въ первомъ письмѣ объявить уже тебѣ объ его рожденіи, но онъ упрямится, и я боюсь, чтобъ ты не сталъ безпокоиться. Милый другъ! Tu ne peux te faire une idée du vide que tu nous a laissé! Le temps que j'ai passé à attendre ton arrivée a été si heureux, et maintenant qu'il faut se dire *tout est déjà fini*, je suis toute triste. Que Dieu bénisse tous tes pas, et qu'il te donne le contentement que je te désire! Je crois que je prie davantage pour toi à présent. Мы всѣ здоровы, не исключая и прыгуна моего, который докладывается сильно, однако чаще пріятно, нежели съ болью. Добрыя Мантейфельши пріѣхали на другой день твоего отъѣзда и жалѣли чрезвычайно, что повѣрили Вел. Кн., которая разблаговѣстила, что ты здѣсь поживешь; онѣ не ѣхали *первые* восемь дней для того, чтобъ дать намъ пожить другъ для друга, а хотѣли въ слѣдующіе четырнадцать раздѣлить нашу радость. И нашли, что радости уже и тѣни нѣтъ! Отъ Сашки нѣтъ писемъ уже двѣ почты; я все надѣюсь, что она еще будетъ, и... Сейчасъ получила твое милое письмо изъ Риги и письмо отъ нея. Вся надежда пропала. On a confisqué ton argent et il parait qu'il n'est plus du tout question de la laisser venir. Sa lettre est si triste et elle veut paraître gaie. Non, cet homme reste toujours conséquent dans le mauvais, il a juré de m'empoisonner les plus heureux moments. Mon bon ami, mon frère! à présent que tu es si loin de moi, et que le moment décisif s'approche, je trouve que je ne t'ai pas dit tout ce que je pourrais et voudrais te dire—ton âme me serait si nécessaire! Je suis contente de ma vie, à qui donc communiquer mes joies, si ce n'est à celui qui a partagé ou plutôt porté tous mes chagrins! За то въ іюлѣ я сбираюсь такъ

болтать, такъ болтать съ тобою, что заранѣе горло пересохло. Нынче уже 10-е число, 10 часовъ вечера, Андребешка возится, но все понапрасну! Я не спала уже двѣ ночи, все отъ мысли: вотъ теперь начнется, вотъ сейчасъ будетъ больно! но не тутъ-то было! негодный обманщикъ.—Этотъ мальчишка вѣрно еще много намъ радостей готовитъ. Не правда ли, дружокъ?—Несравненная Дуняша прислала мнѣ письмо, такое милое, что оно обрадовало, не смотря на то, что получила его 5 октября.

Прощай, моя душа. Надѣюсь на будущей недѣлѣ объявить тебѣ пріятную вѣсть. Мантейфельши и Вейраухъ тебѣ кланяются. Богъ съ тобой, душа милая. Пиши ради Бога, ты не знаешь, какъ утѣшишь и какъ твои письма необходимы. Обнимаю тебя отъ сердца.

11 октября. — „Salue le de ma part, je lui écrirai une longue lettre"; вотъ что прокудахталъ Мойеръ.

LXIII.

А. П. Елагиной.

(2 ноября 1820 г.)—Нынче моей дочери три недѣли [1]), и я въ первый разъ сошла внизъ: какъ же мнѣ сегодня не писать къ тебѣ? Сестра, душа, сердце—хотѣлось бы выдумать какое нибудь милое имя, но лучше не умѣю, какъ *дочь*! И такъ, дочь моя Дунька! Наша дочь Катя такъ мила, что всегда, когда я ее подержу часа два на колѣняхъ, до смерти захочется писать къ тебѣ. Сестра, у нея прелестные голубые глазки, курносенькій носъ, и брови такія ужасныя, что Мойеровы ничего въ сравненіи съ ея лѣсомъ; а личико будетъ Дашино! О, нашъ маленькій ангелъ! Какъ часто думаю я объ ней, она насъ обѣихъ ангелъ хранитель! — Сейчасъ заигралъ мой добрый Зейдлицъ на своей кларинетѣ Thekla Geister Stimme: Wort gehalten wird in jenen Räumen jedem schönen gläubigen Gefühl, wo sich nicht mehr trennt, was sich verbunden, *dort*, wo keine Thräne wird geweint.— Ахъ, хорошо это *Dort*! Повѣришь ли, что я не просила у Бога Катькѣ долгой жизни, да и вообще ничего не просила, ни счастья, ни здоровья—а только царства небеснаго. Я рада ей до смерти, а страшно за нее, когда думаешь, что цѣлая жизнь еще передъ нею! Жить безъ нея кажется тоже невозможнымъ. Какой милый, добронравный ребенокъ! Какое прелестное личико—и на правой сторонѣ ямочки.

Дуняша, и я не могу ее видѣть на твоихъ рукахъ! Сестра, Богъ даетъ намъ много счастія въ этой жизни, но совершенное блаженство бережетъ у себя. Чего бы осталось еще желать, когда бы дочь моя была съ тобою подлѣ меня? Право, мнѣ кажется, въ послѣдніе два

[1]) Е. П. Мойеръ родилась 19 окт.

мѣсяца я тебя больше полюбила: въ октябрѣ оттого, что думала умирать, и потому вся душа летѣла къ вамъ проститься и спѣшить любить — а въ ноябрѣ оттого, что ужасно счастлива! Всякую радость хочется раздѣлить съ тобой, а теперь ихъ у меня очень много. Дуняша, воля *ихъ* (то есть Бога и Мойера), а намъ надобно увидѣться; у меня столько на сердцѣ, что я не могу долѣе одна его таскать — подбери и прибери, что найдешь достойнымъ нашей любви, нашей святой, милой любви, безъ которой самая хорошая жизнь была бы тяжелое изгнаніе. *Писать* то, что сердце давитъ или возвышаетъ, невозможно! Я часто и сама не знаю—*другъ* можетъ угадать и помочь, а самому не сладить; да и можно ли написать то, чему иногда имени нѣтъ? Въ понедѣльникъ обѣщаютъ мнѣ отвѣтъ отъ тебя на Катеньку. О, когда прійдетъ этотъ понедѣльникъ! Три недѣли назадъ, я была четвертую часть дня и ночи въ Долбинѣ, воображала каждаго изъ васъ и всѣхъ вмѣстѣ, и съ каждымъ простилась навсегда, а во вторникъ по утру, какъ будто бы нашла всѣхъ васъ опять. О, это былъ счастливый день! Онъ далъ мнѣ идею о раѣ Господнемъ; далъ ясную мысль о любви Божіей къ намъ. La femme accouchera avec douleur, a-t-il dit, en chassant la créature coupable du paradis, et en la maudissant dans toutes les générations. — Il est vrai, la douleur est terrible—mais quelle est la mère qui voudrait ne pas l'avoir éprouvé? Et si dans cette malediction Il montre tant d'amour, quel doit être le vrai amour? Благодарю за жизнь Творца! Сестра моя, съ тобой болтать сердце бѣжитъ на конецъ пера; не успѣлъ еще сладить мысли, а новая ужъ гонитъ старую. Я кормлю свою малютку сама, но по несчастью въ первыя двѣ недѣли такъ сильно разболѣлись груди, что Мойеръ, не сказавъ мнѣ ни слова, взялъ кормилицу, и покуда я лежала въ постели въ своей *Dachstübchen*, маменька прятала у себя кормилицу, и моя дѣвочка ходила только четыре раза въ сутки сосать у родной матери, которая такъ была глупа, что вѣрила, что ребенокъ больше не сосетъ и что ее внизу кормятъ просвирой. Когда маменька и Мойеръ увѣрились, что двѣ кормилицы не вредятъ малышкѣ, то рѣшились сказать мнѣ—et j'ai reçu cette nouvelle très raisonablement. Похвали! Теперь мы кормимъ еще вмѣстѣ, но я надѣюсь, что когда немного оправлюсь, то прощай *ma rivale*. Знаешь, какъ зовутъ мою дочь? Во первыхъ *Андрюшка*: покуда двѣ мы составляли одну, то ждали сына и прозвали такъ. Маленькій мой Тедина [1]) привыкъ къ этому имени и не вѣритъ, что изъ Андрюшки можетъ выйти Катенька. Всѣ другіе, кликавъ его 9 мѣсяцевъ Андрюшей, также еще не могутъ отвыкнуть. На молитвѣ назвали ее Сашей, на крестинахъ Катей, а въ моемъ сердцѣ Дуняшей и Дашей. Когда она глядитъ ангеломъ, то я зову ее—Даша, а когда очень люблю, то Дуняша; прочія же оба

[1]) Тидебель.

имени употребляются по буднямъ и въ праздники, ночью и днемъ, во снѣ и на яву.

Родины мои были очень благополучны, но послѣ отъ больной груди сдѣлалась слабость, и докторъ мой велѣлъ лежать въ постели двѣ недѣли, а чтобъ мнѣ было весело, то началъ дѣлать планы, какъ я буду жить въ Долбинѣ, и говорилъ съ такой правдоподобностью, что все сердце повѣрило, и ночью сдѣлался жаръ и бредъ, и я перенеслась въ Долбино и мнѣ было такъ хорошо, какъ только подлѣ твоего сердца быть можетъ. Теперь я хожу—и планы замолкли!—Но опять таки скажу, воля ихъ, а намъ надобно увидаться. Tant que la vie était pauvre, il y avait encore moyens de la supporter, mais à présent qui donnerait la force? Être si heureuse et sans vous autres!

Жуковскій проѣхалъ черезъ Дерптъ за двѣ недѣли до Катьки; онъ не благословилъ ея путешествія на свѣтъ Божій, не онъ и крестилъ ее — вообще день крестинъ не былъ праздникомъ. Кромѣ несравненной нашей маменьки не было никого изъ моихъ. Басурмане не умѣли даже дать ей крестика. Сашка не могла пріѣхать, а ты не могла даже знать дня. Другъ мой, пиши теперь чаще! если бы ты знала, что значатъ въ Дерптѣ твои письма?—Сейчасъ приходила дѣвчонка наша пососать—ну, ужъ славная животная! Право, дѣти наши еще много намъ радости надѣлаютъ. — Сейчасъ пришло письмо отъ Саши: она обѣщаетъ пріѣхать къ 24-му и на два мѣсяца; даетъ даже комиссію нанять ей квартиру. Ахъ, если бы этому можно было повѣрить. Elle ne sait assez remercier Tourgueneff pour l'amitié qu'il lui témoigne, et si son voyage à Dorpat aura lieu, c'est à cet excellent homme que nous le devrons. Il a pris Woeyk. par l'ambition dans ses griffes et influe sur lui en bien au profit de sa pauvre femme. Тебѣ одной скажу, что я дрожу за ея жизнь въ Петербургѣ, особливо теперь, безъ Жуковскаго — и этотъ ангелъ будетъ цѣлый годъ отъ нея далеко! Саша такъ мила и зависитъ отъ такого изверга, что ему все позволено—pour atteindre son but il se permettra tout. A présent il lui a fait faire des liaisons ridicules, par exemple une Катерина Демьяновна. Mad. Gretsch dit: ce cercle là la fera rougir! As-tu lu la ridicule et indécente satire qui se trouve dans le Fils de la Patrie: отвѣтъ антикритика на Руслана. Скажи, каково должно было быть его расположеніе, когда онъ читалъ такія ужасныя насмѣшки надъ его *дѣвственностью*. Бѣдная Сашка! вѣрно это произвело не одну сцену! мнѣ грустно и страшно до смерти.

Прощай, моя радость. Помолись у образа Богородицы за то, что твоей сестрѣ такъ хорошо, и попроси, чтобъ она была достойна этого чрезвычайнаго счастія.—A propos, если ты будешь брюхата, то бери въ послѣднія пять мѣсяцевъ теплыя ванны всякій день, и когда будешь мучиться, то возьми ванну. Вообрази, что я страдала отъ 9 часовъ вечера до $3^1/_4$ утра, и когда все кончилось, то не вѣрила, что

это такъ легко. Я видѣла во снѣ, что ты брюхата и уже претолстенькая, напиши, правда ли.

Милый братъ, здравствуйте! Обнимаю васъ нѣжно, любите мою дочку, она сестра вашихъ малютокъ.

Подъ „отвѣтомъ антикритика“ М. А. разумѣетъ появившіяся въ Сынѣ Отечества (1820 г. № 42) Замѣчанія на Воейковскій разборъ „Руслана и Людмилы“ (помѣщенный тамъ же №№ 34—37). Авторъ замѣчаній, скрывшійся подъ буквами П. К—въ, издѣвался надъ критикой Воейкова, дѣйствительно педантичной, пространной и мелочной. Между прочимъ онъ не оставилъ безъ вниманія строгаго осужденія, съ которымъ отнесся Воейковъ къ игривымъ мѣстамъ поэмы; разсужденія послѣдняго о нравственной цѣли, какъ главномъ достоинствѣ всякаго сочиненія, его обращеніе къ Пушкину: „краснѣй, забывъ, должное уваженіе къ читателю!—должны были показаться особенно странными всякому, кто зналъ Воейкова. П. К—въ на стр. 79 писалъ: „Робкое цѣломудріе г. В. строго вооружается противъ нѣкоторыхъ шуточныхъ эпизодъ Пушкина. Эпизоды сіи конечно напоминаютъ намъ, что пламенный геній юнаго поэта не освободился еще отъ пылкихъ страстей, впрочемъ весьма извинительныхъ въ его лѣта, но, положимъ, что дѣвственный слухъ г. В. справедливо оскорбился описаніемъ приключеній Ратмира въ замкѣ, все не надлежало ему упускать изъ виду, что самая строгая нравственность не исключаетъ учтивости, и что можно быть или казаться Катономъ, не бывъ притомъ невѣжливымъ.“ Вотъ тѣ „ужасныя насмѣшки надъ дѣвственностью“ Воейкова, о которыхъ пишетъ М. А. Авторъ замѣчаній дѣйствительно хорошо зналъ Воейкова; это былъ А. А. Перовскій, другъ Жуковскаго, въ ту пору принимавшій живое участіе въ несчастной судьбѣ А. А. Воейковой. (Объ авторствѣ Перовскаго см. Остаф. Архивъ, II, 72).—Кто-то подъ буквами М. К—въ (повидимому, самъ Воейковъ) отвѣчалъ Перовскому, приведя для доказательства компетентности г. В. подробный его литературный послужной списокъ. Тонъ автора показываетъ, что замѣчанія сильно задѣли за живое Воейкова, и М. А. вѣроятно была права, что все это обрушилось на А. А. Сочувствіемъ къ послѣдней, надо полагать, объясняется и конецъ столкновенія; 28 окт. А. Тургеневъ пишетъ Вяземскому: „Сегодня противники помирились и обнялись“.—Про отношеніе А. Тургенева надо замѣтить, что онъ презиралъ Воейкова и какъ литератора, и какъ человѣка; какъ разъ осенью 1820 г. онъ пишетъ Вяземскому по поводу фактическаго перехода Сына Отечества въ руки Воейкова, причемъ было выпущено объявленіе о сотрудничествѣ Вяземскаго, Жуковскаго и Батюшкова: „Ваши имена доставили Воейкову 6000 р. ежегодно, а для отца семейства имя взаймы дать можно. Я ему самому сказалъ, что неприлично только ставить ваши имена, т. е. Жук. Батюшк. и твое, съ нимъ и Гречемъ; надобно беречь васъ и вопреки вамъ самимъ, если нужно, и не сопричислять васъ къ ликамъ Гнѣдича, Греча и Воейкова въ глазахъ всей публики. Не Воейковъ, а Жуковскій за это разсердился“ (Ост. Арх. II, 61). Так. образомъ извѣстная внимательность къ В—ву Тургенева, о которой говоритъ М. А., объясняется единственно расположеніемъ къ Жук—му и къ А. А., о которой Тург. вскорѣ послѣ перваго знакомства пишетъ Вяз—му горячія похвалы (Ibid., 82).

LXIV.

В. А. Жуковскому.

(9 января 1821 г.)—Ангелъ мой! Мы получили твои три милыя, несравненныя письма, и я на всѣ три вдругъ буду отвѣчать тебѣ. Мы вмѣстѣ съ Сашей! Жуковскій, этимъ счастіемъ мы тебѣ обязаны. Ахъ, я всѣмъ хорошимъ, всѣмъ счастіемъ тебѣ, одному тебѣ обязана, такъ за это новое не нужно благодарить особенно. Намъ удивительно хорошо вмѣстѣ, и мнѣ непонятно, какъ могла я прожить эти 19 мѣсяцевъ и не видать ея! Милый ангелъ! какая у меня дочь! что бы дала я за то, чтобъ положить ее на твои руки. Этотъ прелестный ребеночекъ такъ мила и добронравна, что ее поневолѣ должно любить безъ памяти. Что за милая рожица! Другъ мой, я полюбила ее больше съ

тѣхъ поръ, какъ вижу ее съ Сашей вмѣстѣ, что же будетъ, когда увижу ее у тебя на рукахъ? Vraiment il y a tant de bonheur à vivre dans ce monde, que je ne puis concevoir d'autre félicité dans un monde meilleur que celle d'être réuni à tous ceux qu'on aime, et de n'avoir besoin que de sentir, sans dire ce qu'on sent pour être comprise. Я пишу къ тебѣ на верху, внизу сидятъ мамаша съ Сашей и къ нимъ пришелъ Вейраухъ, который сейчасъ запѣлъ: „Розы расцвѣтаютъ". Это не имѣетъ никакого сношенія съ моимъ прошедшимъ, и однако такъ цѣпляетъ за сердце, что слезы льются contre mon gré. Другъ мой, если бы я могла тебѣ словами сказать, каково мнѣ было увидѣть Сашу и теперь жить съ нею! Кажется, и я перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ съ нею вмѣстѣ; душѣ такъ легко на свѣтѣ, что она ничего не требуетъ, и теперь то я понимаю слова Христовы: будьте, какъ дѣти, и тогда царство небесное ваше! Вотъ ужъ три дня какъ она здѣсь, мы еще ничего не могли порядочно говорить другъ съ другомъ — все начинается и кончается словами: *помнишь ли?* и мы обѣ блаженны.

Дальше приписываетъ А. А. Воейкова:

„Блаженны! c'est le mot! Но только тогда, когда забываю! На Машу весело глядѣть; le contentement de sa belle âme se peint si bien sur son angélique figure, tout ce qui est autour d'elle a l'air zu leben und sich zu regen bloss durch Sie. Cette belle existence si utile, si vertueuse, si bien remplie, me remplit d'admiration. C'est une céleste créature que ma soeur! Ah! sans doute il faut avoir monté la montagne de Cachemire pour devenir elle. Sa vie n'est qu'une suite des dévoirs parfaitement remplis, des devoirs les plus prosaiques, auxquelles elle a mis toute la poésie de son âme et qu'elle a su rendre si poétiques, que je ne puis rien concevoir au dessus de son existence. Son enfant est là comme un ange, qui manquait encore à son paradis et qui a enfin completé le bonheur, le paradis de sa maison. J'ai continuellement les larmes aux yeux. La mère de Moier est ici et ne fait que bénir l'enfant et Marie pour le bonheur de son fils. Cette adoration des parents de Moier pour ma soeur me fait tant de bien! Cher ami, à qui parlerai-je avec plus de joie du bonheur et de perfection de Marie, qu'à toi, le meilleur des hommes! Tout autre à ta place aurait un sentiment d'amertume en lisant cette lettre, ta belle âme est au dessus de cela! Adieu, je suis si heureuse, si triste, si troublée et si calme! Ты одинъ поймешь. Но что будетъ изъ меня въ Петербургѣ послѣ этого, не знаю. Мнѣ Тургеневъ больше, чѣмъ когда нибудь сдѣлается необходимъ! Прощай, *душа моя*, со мною здѣсь одна Катя и счастія моей милой матери не умѣю тебѣ описать.

LXV.

А. П. Елагиной.

(11 января 1821 г.) — Другъ мой безцѣнный! *нынче* ты вѣрно мыслями у насъ также часто, какъ мы въ Долбинѣ. Душа моя, я молилась за тебя отъ сердца, дай Богъ твоему сердцу такое же счастіе, какое чувствуетъ мое, когда оно о тебѣ думаетъ.—Саша у насъ: порадуйся объ своей Машѣ. Ахъ, друзья, будемъ ли мы когда нибудь по старому вмѣстѣ въ Муратовѣ? Ne saurons nous jamais apprécier le bonheur que lorsque nous l'aurons perdu sans retour?— Гдѣ мой мужъ? когда разстался онъ съ тобой? хорошо ли вамъ было вмѣстѣ? Другъ мой, обнимаю тебя, и люблю также, какъ его и дочь мою.

Посылаю тебѣ Гуніусовы условія, они сдѣланы на Лифляндскій манеръ; здѣсь каждая деревня имѣетъ доктора. Если десять дворянъ сложатся вмѣстѣ, то не худо бы взять его. Il est très habile et bien, bien malheureux. Figure toi, son père est en prison pour dettes; il a été marchand à Réval et a fait banqueroute, et sa grande famille est dans une si profonde misère que cela fait pitié. Постарайся сдѣлать, что можешь. Впрочемъ можно и торговаться; каждая деревня должна по его счету платить 200 р. и по здѣшнему это не много. Но прошу, другъ милый, постарайся скорѣе дать отвѣтъ, поговоривъ со всѣми знакомыми. Обнимаю тебя. Сашка сама будетъ писать. Прощайте.

LXVI.

В. А. Жуковскому.

(*27 января 1821 г.*)—Послѣ завтра, другъ милый, несравненный, твое рожденіе! Ты будешь сердцемъ у насъ чаще обыкновеннаго, а я едва ли чаще буду съ тобой. Сейчасъ получила милую твою записочку, въ которой ты обѣщаешь интересное описаніе двухъ интересныхъ людей. Душа моя, съ какимъ нетерпѣніемъ буду ждать этого милаго письма. Ты бранишься за наше молчаніе—виновата; мнѣ часто хотѣлось писать, и часто въ мысляхъ отправляла къ тебѣ длинныя грамоты, въ которыхъ все сердце выливалось; но это обыкновенно случалось по ночамъ, когда кормила Андрюшку; съ возвращеніемъ бѣлаго дня опять проходила нужда писать, но единственно отъ хозяйственныхъ заботъ. Теперь не хочу болѣе откладывать, und ich will dem Herzen Lust machen, indem ich dir mein ganzes Glück so viel wie möglich schildern werde. Ахъ, милый ангелъ! какой у меня прелестный ребенокъ! она такъ тиха и добронравна, такая хорошенькая, миленькая малютка, что я иногда не вѣрю своему блаженству — мнѣ кажется невозможностью сохранить ее; и между тѣмъ не смѣю просить Бога о ея жизни. Ты при этомъ наморщишь брови. Ахъ, Жуковскій, кто лучше моего можетъ говорить о счастіи, но и у меня много было горя! за себя я бы согласилась безъ страха еще разъ жить, а за нее какъ то очень страшно. Je sais bien tout ce que tu pourrais me dire là dessus, je me le dis moi-même, mais tu sais que raison n'est pas mon fort.

1 февраля.

29 и 30 января прошли: я ихъ праздновала *хорошо*, такъ какъ ихъ достойно въ твоемъ отсутствіи праздновать должно. Блудова пословица: „приберетъ Богъ сердцу милаго“, сдѣлала изъ меня лучшаго, дѣятельнѣйшаго человѣка, и мы пили за здоровье твое въ *большомъ* обществѣ.—Я не скажу, чтобъ мнѣ грустнѣе обыкновеннаго было объ тебѣ.

Ты у меня въ сердцѣ такъ, какъ должно, въ будни и въ праздники; но прошедшее больше бунтовало, и Катька съ своими голубыми глазами не всегда могла усмирить бурю. Теперь я умна; сейчасъ возвратилась отъ Зенфа, гдѣ не умолкаючи о тебѣ говорила; старикъ началъ фразу тѣмъ, что ты *необыкновенный* человѣкъ, *obgleich ein Russe*. Я вступилась за честь отечества, а онъ въ защищеніе требовалъ, чтобъ я назвала тебѣ подобнаго. Но и онъ признаться былъ долженъ, что не въ одной Россіи тебѣ нѣтъ подобнаго. Ахъ, мой Жуковскій! до смерти тебя люблю. — Не подумай, чтобъ я это для тебя написала, нѣтъ! я сама не знаю, какъ оно вырвалось изъ сердца — отъ его избытка вѣроятно!—Крестикъ Андрюшки мы получили и обѣ цѣлуемъ за него твою ручку. Носить его она еще не смѣетъ, но скоро надѣнетъ. Elle doit le meriter, и вотъ какъ: до сихъ поръ она еще носитъ распашныя рубашки, для того что не умѣетъ *попроситься*, а когда надѣнутъ *pour le merite* настоящую рубашку, то и крестъ твой съ нею вмѣстѣ. Онъ прелестный и вѣрно дастъ ей счастье. Я бѣгала сейчасъ къ матушкѣ, которая живетъ черезъ улицу, и видѣла свѣтлыя звѣздочки на небѣ. Я поручила имъ поклонъ въ Берлинъ; теперь 7-й часъ, ты идешь въ театръ и видишь ихъ и вѣрно подумалъ о Дерптѣ! — Съ нами много, много подѣлалось съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, и вотъ именно что: во первыхъ (но я думаю, ты это уже знаешь) у меня родилась немножко дочь, а какая дочь—этого ни ты вообразить, ни я написать не можемъ. Эта дочь сдѣлала изъ хорошей жизни *славную* и милую и эта же дочь такъ завладѣла всей этой жизнью, что остается только довольно время, чтобъ любить васъ, а написать вамъ этого совсѣмъ некогда. Съ тѣхъ поръ, какъ Сашка уѣхала, опять стала я принадлежать Катькѣ; но, покуда этотъ ангелъ былъ со мною, я совсѣмъ было—не разлюбила, а забыла Катьку. Для сихъ причинъ мнѣ еще не хочется тебя видѣть; до іюля я къ ней привяжусь больше и тогда раздѣлюсь съ вами. — Во вторыхъ: добрый мой Мойеръ по непріятнымъ дѣламъ ѣздилъ въ Муратово, гдѣ пробылъ 5 дней, а проѣздилъ цѣлый мѣсяцъ. У насъ совершенный голодъ и его присутствіе было необходимо. Тамъ привелъ онъ все въ порядокъ, и, рѣшившись отказаться отъ доходовъ, можно будетъ прокормить мужиковъ. Безъ него было очень грустно, но 5 января пріѣхала наша чародѣйка и все стало иначе. Я, кажется, люблю Мойера больше, нежели ее, но когда я съ нею, то кажется весь свѣтъ лишнимъ, потому что въ ней вижу и тебя, и все прошедшее, и настоящее хорошее, и даже всю будущую жизнь въ раю. Я думаю, что никого нельзя такъ любить, какъ сестру или брата. Первые года жизни суть le ciment pour les suivants. Сашка уѣхала и сиротство воротилось, но теперь опять почти уже побѣдила все дурное и начинаю понимать сама себя.—Я ходила купать Катьку. Возвратившись, прочла написанное и боюсь, что ты меня не поймешь. Другъ мой! verkenne mich nicht. Ach, ich liebe das Leben, weil ich

Euch habe, aber Moier sagt: es wäre noch zu viel Mondschein und Strohhütten in meinem Kopfe—если иногда что наговорится лишняго, то знай, что они этому виною, и что въ часы благоразумія и я хоть куда!

Дуняша прислала 600 р. Я заплатила Вегнеру 100 р. и Асмусу остальные. Объ инструментахъ хирургическихъ будетъ Мойеръ самъ къ тебѣ писать; въ апрѣлѣ ѣдетъ Вельтейнъ изъ Берлина назадъ въ Дерптъ, ты ему можешь отдать ихъ. Милый другъ, я къ тебѣ съ просьбой: приложенное письмо отдай (утѣшь меня) *собственноручно* по адресу, и скажи этому бѣдному малому пару ласковыхъ словъ. Ахъ, они ему нужны! Одолжи, мой другъ, не полѣнись. Вы счастливцы, у васъ много хорошаго въ рукахъ, daignez seulement parfois laisser tomber quelque chose. Ce pauvre garçon est malheureux, parce qu'il se trouve trop isolé, dis lui un mot d'amitié. Милый Жукъ, не откажи. Посылаю тебѣ Павлушинъ Zeichniss; мы читаемъ по русски по твоему приказанію, и писали недавно къ его матери. Онъ добрый мальчикъ. Я думаю, Мойеръ разсказывалъ тебѣ о планахъ своихъ съ семинаріей: дѣло идетъ на ладъ. Онъ купилъ Цихоріусовъ домъ, и 24 января давали Лиліенфельдши концертъ, который принесъ 1400 р. Богъ благословляетъ предпріятія добраго нашего Ивана, ахъ, онъ у насъ славный. – Жучка, я пресчастливая.

Прощай, моя радость! много бы еще хотѣла сказать тебѣ, но *сегодня* некогда, завтра можетъ быть допишу эту страничку.

Посылаю письмо отъ Асмуса. У насъ опять завелись Lesegesellschaften и вчера читали Jean Paule'въ *der Komet*. Прочти его, если еще не знаешь. Мойеръ хвалитъ очень. Милый другъ, позволь мнѣ дать тебѣ комиссію; если тебѣ не затруднительно будетъ везти, то купи мнѣ *Нитe* исторію; Мойеру очень хочется ее имѣть, и вообрази, что здѣсь продали изъ Мюниховой библіотеки съ аукціона за 750 коп. всѣ 18 волюмовъ. Говорятъ, книги въ Берлинѣ дешевы. — Прощай, моя Катька кричитъ. Богъ съ тобой, мой ангелъ. Къ 15-му приготовлю длинное письмо.

LXVII.

Ему же.

(7 февраля 1821 г.).— Милый, добрый другъ! Сейчасъ получила письмецо твое. Ахъ, мой Жуковскій! какъ мнѣ не быть счастливой, когда ты есть на этомъ прелестномъ свѣтѣ! Думать о тебѣ есть уже чувствовать рай Божій. И здѣсь все говоритъ мнѣ о тебѣ, во всемъ нахожу твою ангельскую душу.— Катька моя (которая еще ни разу не встрѣчала глазъ твоихъ, бѣдняжка) напоминаетъ о тебѣ, какъ будто ты и она одно. — Вѣроятно потому, что я васъ обоихъ одинаково

люблю. Такъ, другъ мой, душа моя теперь полна, я чувствую такое спокойствіе и довольство, какое слишкомъ хорошо для здѣшняго міра. Если что иногда взволнуетъ душу, то взглядъ на нее опять возвратитъ все хорошее. Я еще ни разу объ ней не молилась, мнѣ страшно *самой* попросить что-нибудь у Отца для нея. Кажется, Ему она еще должна быть милѣе, какъ же мнѣ смѣть вступаться въ Его виды? Я такъ увѣрена, что Онъ бы услышалъ всякую молитву! Et pourtant chaque fois que je m'approche de son berceau et que je la vois reposer en souriant comme un ange, je suis tentée de demander à Dieu qu'il me la conserve. Mais je ne l'ai pas encore fait! Ахъ, она прелестна, на миломъ личикѣ такое спокойствіе, невинность—видно, что жизни вѣсть къ ней не достигала. — Какъ же рѣшиться просить ей жизни? Когда *ты* ее увидишь? Я жду этого дня такъ же нетерпѣливо, какъ ждала дня ея знакомства съ собой.

Милый, я не знаю, радоваться ли тому, что ты добылъ себѣ маленькій форматъ бумаги. Правда, что ты пишешь чаще, но за то *verdammt wenig*! Гдѣ же обѣщаніе описанія Lamotte Fouquet и Шатобріана? *Твои* письма въ *Дерптъ*—эпоха, и мнѣ не довольно того, что писано для моего счастія, надобно еще и для любопытныхъ друзей твоихъ.—Болѣзнь твоя огорчила насъ—(и! неужто ты не подумалъ бы, если бы я не догадалась сказать) то-есть: все, что прежде заставляло съ удовольствіемъ о тебѣ думать, теперь производитъ сильную грусть. Напримѣръ, газета für Theater und Musik, которую съ такою жадностью читала, воображая, какъ ты былъ въ лучшихъ піэсахъ, теперь беру ее въ руки съ тяжелымъ на сердцѣ камнемъ; хочется вздохнуть, а больно. Это не утѣшеніе, что болѣзнь твоя *только* мучительна. Ангелъ мой! берегись, ради Бога.—У насъ были славнѣйшіе концерты; Женни пѣла всѣ аріи, которыя объявлены въ газетахъ о Mad. Bourgondie, и, сидя въ концертѣ, я была въ театрѣ въ Берлинѣ [1]).

Что тебѣ разсказать о Дерптѣ? *(неразборчиво)* пріѣзжалъ на ярмарку сюда, и говорилъ о тебѣ съ милымъ чувствомъ; я его полюбила за то. Мойеръ давалъ концертъ для бѣдныхъ, который принесъ 1,415 руб.; онъ былъ прелестенъ. Мауреръ игралъ, какъ ангелъ.—Вейраухъ (qui par parenthèses est amoureux fou de Jenny) даетъ студентамъ Declamations Uebungen, и они имъ очень довольны. Онъ говоритъ: Ein *Lector* muss *lesen* lehren.

Негодная моя Катька раскричалась, и я принуждена была кормить и купать ее цѣлые два часа. Теперь уже поздно и писать мнѣ некогда. Скажу тебѣ свое горе: Мойеръ велитъ перестать ее кормить теперь, когда вся боль прошла, и она уже начинаетъ понимать. Мнѣ такъ грустно думать объ этомъ и такъ завидно на соперницу свою, кормилицу, что нравъ мой сдѣлался прегадкій.

---

[1]) Извѣстная пѣвица Женни Линдъ была въ Дерптѣ.

Милый другъ, сейчасъ пришелъ Мойеръ сказать, что онъ купилъ Юма за 30 руб., и такъ я избавляю тебя отъ этой комиссіи. Прощай, Францъ велитъ кончить, пускай Сашка допишетъ письмо за меня, эта страничка остается для нея [1]). Объ инструмент. ничего не пишу еще, потому что побѣдить Мойерову лѣнь есть одна изъ работъ Геркулесовыхъ. Напиши, отдалъ ли письмо Вельтейну и видѣлъ ли его. Люблю тебя, мой ангелъ, *мой Андрюшка!* Будь, ради Бога, здоровъ; покуда не узнаю, что все прошло, сердце не уляжется.

Сашка, милый другъ, къ тебѣ не пишу оттого, что боюсь опоздать на почту. Скажи Жуковскому все, что *у насъ* на сердцѣ. Обнимаю тебя и дѣтей. Доброму Тургеневу *имѣю честь засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе.* J'ai volé sa phrase; qu'il ne la prenne pas en mauvaise part. Прощай.

Дальше приписываетъ А. А. Воейкова:

13 (февр.).

Другъ мой! Точно у *насъ на сердцѣ*: „думать о тебѣ есть уже чувствовать рай Божій"—потому что рай Божій c'est le calme et la paix de l'âme. J'étais très malade, et très mal même (теперь совсѣмъ здорова, доказательство то, что за 1000 верстъ тебѣ сказываю, не боясь тебя безпокоить, потому что все миновалось). Моя болѣзнь меня сблизила еще съ тобой; смѣйся, бывши всегда рядомъ, я сдѣлалась ближе. Машкино: „моя душа теперь полна, я чувствую спокойствіе и довольствіе!"... награди Богъ ее за эти слова! они въ минуту вспомнили мнѣ тебя, дерптскіе дни, и закрыли въ Петербургѣ все, кромѣ дѣтей и Тургенева! J'en avais besoin *dans ce moment* même! Et j'admire la bonté de la providence ingenieuse. Ихъ счастіемъ и вашею дружбою весело жить — la vie a une espèce d'attrait. На все это я смотрю не молясь,—aber mit Andacht. Твои письма, Тургенева разговоръ, всегда оставятъ меня ganz andächtig. Постигаешь величіе жизни—болѣзнь имѣетъ тоже дѣйствіе на меня.— Нынче, благодарю Бога, что не могу тебѣ сказать, что *у насъ* на сердцѣ одно — car j'ai un sentiment d'amertume qui m'a fait refuser ma porte même à Tourguenef, и для того пишу къ тебѣ, чтобы наплакаться et pour me mettre en état de prier. Другъ мой! все въ жизни къ великому средство, mais le calice dure trop longtemps! ce n'est pas un murmure, ce n'est qu'une réflexion! Прощай.

14-е.

Сколько милыхъ чувствъ производитъ во мнѣ Машино письмо! Ея только *покорности* можно имѣть право сказать: увѣрена, что Онъ бы всякую молитву услышалъ! Elle a le droit d'être sûre que sa prière pour sa fille sera exaucée, elle qui a plié sa tête sous le joug que la providence lui a imposé, non seulement avec douceur, mais en y cherchant, *en trouvant* le bonheur!—Посылаю тебѣ записку Плещеевой. Солнце свѣтитъ во всѣ окошки ко мнѣ и освѣтило душу! Нынче чувствую себя здоровою et ce sentiment me fait du bien. Передо мной стоитъ столъ, полный цвѣтовъ—все дышетъ *жизнью молодой!* Катюшка кудрявая сидитъ и учитъ Сашу читать—enfin, oubliant la réflexion d'hier, отъ всей души говорю: благодарю за жизнь, Творецъ! въ ней много прекраснаго и безъ счастія! Первое то, что пишу къ тебѣ, другу души, и знаю, что ты будешь радъ знакомому сердцу почерку. — Повторяю стихи изъ Донъ-Карлоса mit Entzücken:

O, wie entzückend und süss ist es in einer schönen
Seele uns verherrlicht zu fühlen!

Ich fühle mich so herrlich und so wohl in deiner schönen Seele. Ты—моя моральная Италія, da wo meine schönsten Blumen blühen. Не могу выразить того, что чувствую, глядя на дѣтей, съ мыслью объ тебѣ; c'est une sérénité si douce. Въ ихъ прекрасныхъ глазочкахъ такъ выражается то, что они будутъ тебя любить, достойные этого чувства. Желала бы ихъ взглядъ улыбающійся послать тебѣ; вся моя жизнь, вся душа въ немъ! Toutes les espérances de vertu!

---

[1]) М. А. пересылала свои письма черезъ Петербургъ и сестру.

LXVIII.

А. П. Елагиной.

(Январь—мартъ 1821 г.).— Добрая сестра моя! Мойеръ нашъ возвратился и счастливъ твоей любовью. Я не благодарю тебя за нее, потому что увѣрена, что тебѣ *нужно* любить его для твоего счастія. Какъ ему было хорошо подлѣ тебя, съ какимъ чувствомъ говоритъ онъ о моей Дуняшѣ, cet être *extraordinaire*; я не могу его наслушаться и только что умѣю плакать, когда онъ сгружаетъ свое сердце передо мной. Сколько счастья далъ мнѣ Богъ въ любви твоей.

До сихъ поръ было написано въ январѣ—теперь уже мартъ въ половинѣ, а я еще все не писала къ тебѣ! Другъ мой! я знаю, что ты не сердишься, но ты можешь этимъ огорчиться, а это еще хуже! Не заключи изъ этого, что мое сердце стало иначе. Ахъ, оно никогда еще не было ближе къ тебѣ! Любить тебя есть для него такая необходимость, что безъ этого счастія и будущей жизни даже не надо.— Другъ мой, какъ сильно я чувствую эту свѣтлую любовь къ тебѣ. Если бы я могла только выразить, какъ происходитъ въ сердцѣ, какъ *все* мнѣ тебя напоминаетъ: музыка, рисованье, писанье, чтеніе, мое дитя, мужъ мой и еще нѣкто. Ахъ, Дуняша! ничто не способно замѣнить связей младенчества! онѣ первое благо! во всемъ, во всемъ находишь первую любовь — лучшее счастіе. Знаешь ли, какой у меня теперь rêve de bonheur? чтобъ ты воспитала мою Катьку: я не могу глядѣть на нее безъ того, чтобъ не подумать: Господи, дай ей это счастіе!

Я вставала изъ-за письма, а любезный мой Иванъ захотѣлъ писать рецептъ, и увидя число, выставленное на бумагѣ, не нашелъ ничего лучше, какъ отодрать клокъ отъ письма моего. Читай же его такъ, какъ есть. Дуняша, мнѣ много, *много* надобно сказать тебѣ. Первое и самое тяжелое: маменька моя уѣхала вчера въ Петербургъ. Можешь вообразить, какъ трудно и грустно было разставаться съ нею! Я теперь такъ осиротѣла, что не умѣю еще убаюкать сердце. Саша, говорятъ, больна и просила ее чрезвычайно пріѣхать. Mon bon Moier était bien contre ce plan, mais voyant qu'elle se tourmentait à l'impossible, il lui a procuré tous les moyens pour faire ce voyage sans être sous la dépendance de Woeyk. (qui, dit-on, est cochon plus que jamais) Ахъ, Дуняша! многое, многое идетъ не такъ, какъ бы хотѣлось.

Прощай. Я буду скоро много писать. Посылаю письмо, которое отъ глупости моего зятя пропадало. Постарайся что-нибудь сдѣлать для бѣднаго Гуніуса. Другъ мой, благодарствуй за деньги! Дунюшка, я по старому къ тебѣ прибѣгнула въ нуждѣ.

LXIX.

Ей же.

(Мартъ—апрѣль 1821 г.)—Слушай мой разсказъ. Прошлаго году, въ мартѣ мѣсяцѣ, приносили студенты Мойеру виватъ, послѣ котораго подѣлались исторіи имъ бѣднымъ, непріятности, и два изъ отличнѣйшихъ, которые были вожди прочихъ, несправедливостью ректора попали въ карцеръ. Они такъ обидѣлись этимъ, что выписались тотчасъ изъ студентовъ, и одинъ медицинеръ, по имени Зейдлицъ, который былъ ассистентъ Мойеровъ въ клиникѣ, остался бы посреди улицы безъ копѣйки денегъ и не кончивши своего экзамена, если бы Мойеръ не взялъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ онъ и поселился въ апрѣлѣ прошлаго года. C'est un jeune homme de beaucoup de merite, qui adore Moier, et qui s'étant trouvé pour la première fois dans sa vie de 22 ans dans une maison comme il faut, prit beaucoup d'amitié pour moi. Commo il ne sait ni le russe, ni le français, je m'entretenais beaucoup en allemand avec lui; peu à peu je gagnais tellement sa confiance qu'il commença par me nommer Mutter Marie (nom que non seulement tous les miens me donnent, c'est-à-dire: Paul, Charles, François, Tedina et Louise, mais aussi plusieurs de mes connaissances en ville) et avec ce nom tous les prérogatifs qu'une mère a sur son fils: il ne faisait rien sans m'en demander la permission, me consultait sur ses plans, m'apportait son vieux linge à raccommoder, m'accompagnait pendant ma grossesse à la promenade (à la prière de Moier), et je te dirai franchement, sans craindre d'être mal comprise de toi, que je le traitais comme tous mes autres garçons, et l'en aimais davantage, car je le regardais comme un vrai ami.—Mais voila que ma bonne maman en prend des soupçons; tout-à-coup, ne dit mot ouvertement et fait sentir à tout moment ce qu'elle craint—enfin, un extrait de la vie de Mouratof. Mais comme les circonstances n'étaient plus les mêmes, je me décidais à en parler tout de suite à mon ange de mari, qui me dit qu'il approuvait en tout ma conduite, qu'il me priait d'être avec ce pauvre garçon qu'il aimait, aussi bien que possible, car il n'avait que nous au monde, et que tant que lui avait en moi une parfaite confiance, je ne devais pas me faire des soucis inutiles. Conformement à cela je vécus agréablement, car je fis mon possible pour ramener la confiance, mais cela me réussit mal. Pendant le voyage que mon excellent Moier fit chez vous, je persuadais S. d'aller à Réval, sa ville natale; et j'eus lieu d'être contente d'avoir eu cette idée, car il revint quelques jours avant Moier, et maman montra tant d'inquiétude, qu'elle parvint à m'en faire avoir aussi; je changeais de conduite avec lui et sa tristesse me fit craindre Dieu sait quelle chimère.—Maman partit pour Ptrsbg; peu à peu la gaité et la confiance de Moier nous

remit tous sur un si bon chemin, que nous sommes tous gais et joyeux sans aucune arrière pensée, ni sans cacher les uns aux autres quoi que ce soit.—Vois-tu, mon ange: si j'avais un vilain W. pour mari, ou si S. était un homme du monde, *vain et frivole*, ces soupçons là n'auraient-ils pas tournés à l'avantage du vice et du malheur? Et voila ce que je crains pour Alexandrine [1]). Compare encore la paix qui régne dans ma maison avec le trouble éternel de celle d'Alex., notre vie active et reglée avec leur désordre et fainéantise, la vie de Moier droite comme son caractère, avec la vie et le caractère de W. qui doit toujours cacher toutes ses démarches. Joukovsky, notre ange gardien, quand reviendra-t-il? Ce n'est qu'en lui que j'espére. Я люблю маменьку, какъ только можно любить, но она много, много сдѣлала мнѣ несчастливыхъ минутъ! Бѣдное мое прошедшее! Кому! кому больше моего суждено было счастье на свѣтѣ? И гдѣ моя молодость? Какова его жизнь? Онъ еще не зналъ счастья. Ахъ...

Конецъ страницы ($1^1/_2$ строки) отрѣзанъ.

LXX.

В. А. Жуковскому.

(19 апрѣля 1821 г.) — Милый другъ! я могу жить и не посылать къ тебѣ своихъ писемъ, жить и не получать отъ тебя (даже) ни строчки, но не писать къ тебѣ — дѣло не идетъ! Bongré, malgré ты долженъ быть помощникъ въ добромъ и дурномъ, съ тобой хоть imaginairement должна дѣлить радость и горе, чтобъ чувствовать во всей силѣ первое и усладить послѣднее. Нѣтъ, душенька, никакія власти не способны насъ разлучить! Я такъ привыкла всякое чувство относить къ тебѣ, что эта вторая натура необходимѣе для меня первой. Сегодня ровно полгода моей дочушечкѣ, какъ же не написать страничку къ моему ангелу? Мнѣ хорошо на свѣтѣ жить, стало быть любовь моя къ тебѣ увеличилась. Ахъ, другъ! Дай мнѣ радоваться твоимъ счастіемъ! (когда я говорю *твоимъ*, то это значитъ такое счастіе, какое ты мечталъ во время оно — другого нѣтъ на свѣтѣ для твоей души). *Женись*, Жуковскій! c'est la seule chose qui te manque pour être parfait!

LXXI.

А. П. Елагиной.

(19 апрѣля 1821 г.) — Ангельская моя Дуняша! Несравненный другъ мой, какъ благодарить мнѣ тебя за счастіе, которое мнѣ дало

[1]) См. Письма Жук—аго къ А. Тургеневу, стр. 192–193.

письмо твое? Ахъ. моя голубушка. какое сокровище душа твоя! Какъ умѣетъ она живить все, что только до нея касается. Сегодня ровно 6 мѣсяцевъ моей Катькѣ; я хочу праздновать этотъ день писаньемъ къ тебѣ—для меня нѣтъ больше наслажденья. Другъ мой, зачѣмъ не могу я снять у тебя съ сердца то, что его тяготитъ? Зачѣмъ именно намъ двумъ осуждено было жить такъ далеко отъ другъ друга? Я смѣю думать, что если бы судьба насъ двухъ свела вмѣстѣ, то мы бы не позаботились объ цѣломъ мірѣ.

Мая 8.

Que ton mari n'en soit pas jaloux! je sais bien qu'il faut rendre à César ce qui est à César.—Voila Moier qui entre, je lui demande si César s'ecrit avec S., онъ спрашиваетъ, къ чему и для чего. я ему разсказала и прочла, и онъ обидѣлся и проситъ милаго Елагина тоже разсердиться. Говоритъ, что онъ ужъ давно знаетъ, что я тебя больше люблю, и что malgré que cela est naturel, cela ne doit pas être, parce que j'ai promis au père Ефимъ de l'aimer plus, а я увѣряю, что я обѣщала Ефиму только бояться или *убояться* его. Ахъ, Дунька! Право, и мнѣ кажется, что натурально любить тебя больше! Вѣдь я съ этимъ чувствомъ родилась и выросла, съ нимъ и въ могилу понесутъ! Ты мать моей дочери, лучшая насъ обѣихъ. Умри я, то никому, кромѣ тебя, она принадлежать не будетъ. Ты ее лучше насъ воспитаешь. Право хочется немножко умереть, когда подумаю, какъ ей будетъ подлѣ тебя хорошо! Если бы ты знала, какое ты прелестное созданіе. Разскажу тебѣ одинъ разговоръ фамильный: Мы читали Мессіаду, и, глядя на картинки, Мойеръ сказалъ: c'est une bêtise que de donner à Dieu la figure humaine, mais pourtant chacun doit se représenter Dieu le Père sous une forme quelquonque. Я заспорила; онъ говоритъ, что всѣ добродѣтели привыкъ представлять себѣ въ человѣческомъ видѣ, а у меня навернулись слезы: объ чемъ?—Мнѣ нравится мысль эта.—„Je parie que tu auras déjà personnifié une des vertus"? — Mais oui! — eh qui donc?—„Pour la personne ce n'est pas à douter que c'est Eudoxie, mais quelle vertu"?—Devine!—Онъ подумалъ минуту; у него навернулись слезы: — eh bien, *c'est l'amour*!—Такъ, мой мужъ!—Добрый мужъ! Послѣ его вояжу люблю я его больше, потому что больше говоримъ о тебѣ. Мое письмо залежалось неоконченное. Сегодня уже 8 мая. Маменька не ѣдетъ! Я получила вчера такое грустное письмо отъ Саши, что не знаю, какъ съ нимъ быть. Хочу писать къ Тургеневу, просить, чтобъ онъ выпроводилъ маменьку изъ Петербурга; кажется, что она не рѣшается уѣхать, а тамъ уже ею тяготятся. Посылаю тебѣ Сашино письмо.

Прощай, ангелъ! Благослови моихъ дѣтей. Послушай! Утѣшь меня, сожги то письмо, которое сжечь надобно. Я право добрая бабочка, а

съ тобою сердце лѣзетъ на перо насильно. Андрюшка просыпается. Прощай, сестра. Обними брата.

Это письмо Авд. Петр. въ 1831 г. прислала Жук—му, прося его содѣйствовать, чтобы, по выраженному здѣсь желанію М. А., ея дочь была отдана на воспитаніе ей, Елагиной. См. выше, стр. 53, примѣч.

LXXII.

В. А. Жуковскому.

(12 мая 1821 г.).— Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я къ тебѣ не писала; это происходитъ отъ трехъ причинъ обыкновенно: или что со мной ничего не случилось отмѣнно грустнаго, или ничего отмѣнно пріятнаго, иначе я бы уже подѣлилась съ тобой; или что я не была недовольна собой, а то бы я уже тебѣ пожаловалась. Теперь же столько резоновъ писать къ тебѣ что не знаю, съ чего начать. Добрый Тургеневъ прислалъ мнѣ твою Пери. Другъ мой! я еще ее не читала, а вотъ уже три часа, какъ она лежитъ передъ мною. Признаться, не знаю, что̀ больше взволновало мою душу: толстая ли тетрадь *твоихъ* стиховъ, которые по крайней мѣрѣ на сутки оживятъ всѣ способности души, воскресятъ въ ней всѣ радости, всѣ хорошія чувства, или эта каракулька *Ж*, которая *собственноручно* намарана въ концѣ тетради. И не могу свести съ нея глазъ и думаю, что en partie и она причиной тому, что скуплюсь счастьемъ читать сначала.

LXXIII.

А. П. Елагиной.

(30 августа 1821 г.).— Ангелъ мой, сестра! до сихъ поръ все еще никакого о тебѣ извѣстія—вотъ ужъ пятое письмо безъ отвѣта. Ахъ, ангелъ мой! если бы ты могла вообразить мое безпокойство! вспомни себя въ октябрѣ прошлаго года, и ты поймешь, что̀ я чувствую. Я смѣло могу сказать, что во снѣ и на яву все одна ты. Сегодня снилось мнѣ, будто ты шла по Бѣлевской улицѣ отъ нашего дома къ Дезе (?) и несла нашу Катю на рукахъ, и будто возъ съ дровами едва на тебя не наѣхалъ; ты положила Катю на траву, а сама бросилась подъ возъ, чтобы тебя одну переѣхали. Я проснулась въ страшной испаринѣ отъ ужаса. Ахъ, теперь меня все за тебя пугаетъ! даже и этотъ глупый сонъ! Ради Бога, напишите поскорѣе. Теперь у васъ уже все прошло, всѣ вы въ радости, сжальтесь надъ моимъ бѣднымъ сердцемъ!— Я заказала отъ 9-го мая (день, въ который получила послѣднее письмо твое) до 18-го августа (сто сороковой день послѣ 1-го апрѣля) родъ заутрени съ молебномъ, который читается въ 4 часа поутру—ты можешь вообразить то чувство, съ которымъ при восходя-

щемъ солнцѣ я ходила всякое утро въ церковь и, полчаса послѣ, изъ церкви! Ахъ, сестра, я много люблю тебя!

Мы получили отъ Ж. письмо изъ Дрездена, которое я до половины переписала для тебя. Пришлю его на слѣдующей почтѣ съ бездѣлушками для нашего Рафаеля [1]). Что мои ребята? Скажи, Дунька, можно-ли намъ жить розно! Кто занимался ими во время твоей болѣзни? (то-есть, материнскимъ образомъ), разумѣется, что добраго отца ихъ замѣнять никому не было нужно, но мы съ тобой любимъ ихъ иначе, и иначе нужны *мы* имъ. Ah! si je savais que mon bon mari serait capable de me refuser, comme je le tourmenterais pour aller en Russie; mais comme je sais, que mon souhait à peine ausgesprochen serait deja réalisé, je n'ose lui rien demander.

У насъ былъ сегодня Блудовъ: онъ рѣдко милъ и уменъ, и невѣроятно умѣетъ давать другимъ ловкость [2]). Ah, mais plus je vois ces gens du grand monde et à grande réputation, et plus je remercie Dieu pour mon lot modique. Eloignée de tous ces fracas, de toutes ces petites prétentions qui jamais ne sont contentées, j'oublie qu'il y a un bonheur et un malheur hors le véritable. Comme je suis heureuse, mon amie! Moier est la vertu et la bonté en personne, je ne sais que remercier Dieu pour m'avoir fait sa femme.

Дуняша, напиши слово! *я увѣрена*, что у васъ все хорошо, но мнѣ такъ страшно, что жить не могу! Это письмо посылаю черезъ *(имя стерто)*, авось оно дойдетъ до тебя! Скажи, получила ли ты письмо и посылку черезъ нѣмецкаго доктора? Я просила его, въ случаѣ вашего неприбытія въ Москву, переслать въ Долбино, но ни онъ, ни вы не пишете ни слова. — Саша Петерсонъ живетъ теперь у Синдика бар. Унгерна, и имѣетъ надсмотръ надъ двумя племянниками куратора, сыновьями англійскаго посланника Ливена [3]). Его должность говорить съ ними по-нѣмецки и по-русски (они не знаютъ ничего, кромѣ англійскаго) и смотрѣть немного за поведеніемъ и науками, и за то получаетъ онъ 500 руб., квартиру и столъ. — Саша была два мѣсяца въ Ревелѣ, къ 30-му возвратилась въ Петербургъ — у насъ была только проѣздомъ, на недѣлю. Маменька теперь у бѣдныхъ моихъ Мантейфель, которыхъ бабушка умерла; сегодня похоронили, и маменька поѣхала къ нимъ въ деревню. Прощай, мой ангелъ! Ахъ, какъ я люблю тебя.

---

[1]) Имя ожидавшагося ребенка Елагиной; собственно, Рафаилъ.

[2]) Д. Н. Блудовъ.

[3]) Попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа въ 1819—1828 гг. былъ князь К. А. Ливенъ, а посломъ англійскимъ братъ его Христоф. Андр., съ 1834 г. назначенный попечителемъ Наслѣдника и умершій во время заграничнаго путешествія съ нимъ. Мать упомянутыхъ двухъ мальчиковъ была Дарья Христоф. Ливенъ (урожд. Буксгевденъ), славившаяся своимъ вліятельнымъ салономъ въ Петербургѣ, еще болѣе въ Лондонѣ, а съ 30-хъ до 50-хъ годовъ въ Парижѣ.

LXXIV.

Ей же.

(8 октября 1821 г.).—Другъ мой! ты жива, и у насъ есть Раль! Какъ отблагодарить мнѣ Господа за всѣ Его милости ко мнѣ. итала письмо твое, стоя на колѣняхъ, и едва могла отъ слезъ ичить строки. Дунька моя! ты спасена, а я уже давно тебя схоила — ожидая твои родины по моему счету 15—18 августа и до) октября еще не имѣя никакого извѣстія, ни одной строки ни отъ), я вообразила, что самое ужаснѣйшее несчастіе меня ожидаетъ, сякій день d'incertitude есть еще день счастія въ сравненіи съ буими; я плакала о тебѣ до того, что слегла въ постелю. Жестокая орадка съ бредомъ, продолжавшаяся 4 недѣли, кончилась 1-го ок-ря, въ 11 часовъ поутру, въ ту минуту, когда добрая Тучкова ѣла ко мнѣ съ письмомъ въ рукахъ, и на этомъ письмѣ адресъ ъ твоей руки. Я взяла Катьку на руки и положила ее передъ ізомъ Спасителя, которымъ *ты* меня благословила на замужество; очка моя дѣлала по своему поклоны головенкой и колола мнѣ глаза чушками, видя, что я плачу. Мойеръ тебя обнимаетъ — онъ, бѣдькій, до того былъ напуганъ моимъ безпокойствомъ, что бѣгалъ моихъ вопросовъ, какъ отъ язвы, а въ почтовые дни, возвращаясь почты съ пустыми руками, плакалъ вмѣстѣ со мною неутѣшно. ерь кажется, что Богъ подарилъ тебя намъ, какъ прошлаго года ьку въ это же время, и, право, иногда кажется, что теперь ты а еще милѣе. Опять могу радоваться твоимъ счастіемъ, опять могу ить съ тобою мое, и все хорошо, все лучше, все драгоцѣннѣе. шай объ нашемъ Андрюшкѣ [1]): вообрази, что $10^1/_2$ мѣсяцевъ она ла ходить, всѣхъ знаетъ, меня любитъ безъ памяти и, однимъ ъмъ, прелесть, а не твореньице. Личикомъ похожа на нашего ла Дашу, но во рту что-то не такъ пріятно, какъ у той было. енька увѣряетъ, что она похожа на тебя младенца. Глазки у нея, самомъ дѣлѣ, славненькіе! Ахъ, ангелъ мой! когда увижу я дѣтей ихъ! Право, думать даже грустно объ томъ, что̀ бы быть *могло* и еще до сихъ поръ нѣтъ! Ищи Мойеру мѣсто въ Москвѣ. Онъ ритъ, что если дадутъ ему квартиру и дрова, то онъ доволенъ тъ 2,000 жалованья. Здѣсь у него 6,000; но далеко отъ васъ. а, что̀ если бы это тебѣ удалось? Вообще я желала бы знать, во теперь жить въ Москвѣ. Есть ли возможность съ 5,000 дохода ъ très petitement, не дѣлая долговъ. Если мы продадимъ Козловку, е только не будетъ никакого долга, но еще останется 2,000 се-

[1]) Такъ М. А. иногда продолжала звать свою дочь.

ребромъ капитала. Ахъ, Боже мой! что сравнится съ счастьемъ жить опять одной семьей?

Я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе: ты пишешь, что у Маши никого нѣтъ. Не возьмешь ли ты одну нѣмочку, 20 слишкомъ лѣтъ, очень хорошо воспитанную и отмѣннаго поведенія. Она желаетъ имѣть 500 въ годъ и смотрѣть за дѣтьми, шить и вышивать, помогать въ хозяйствѣ и вообще во всемъ, куда только годится. Говоритъ понѣмецки довольно правильно и можетъ учить начальнымъ наукамъ; добра и порядочна, акуратна и чистоплотна, какъ лифляндка, но очень несчастлива! Вообрази, сестра ея, ребенокъ 13 лѣтъ, жила у Воейкова и ce monstre l'a séduite. Depuis 4 ans elle a quitté sa maison, mais elle est devenue misérable créature et cela fait que cette soeur ainée veut quitter Dorpat. Pendant que j'étais promise, elle a demeuré chez maman pour aider à faire mon trousseau, et ayant appris maintenant qu'elle était sans condition, je me suis empressée de la prendre; depuis trois mois elle demeure avec nous, et je ne puis assez la louer. Mais pour rien au monde elle ne veut rester à Dorpat où la ressemblance frappante avec sa soeur l'expose à mille insultes. Elle m'a demandée de lui procurer une place à Ptrsbg. et Md. Bloudof veut la prendre, mais je ne la lui donnerai, que lorsque je saurais que tu n'en as pas besoin. Je voudrais tant savoir Marie sous sa surveillance! tu aurais pu en être contente et tranquille tout-à-fait! Лилочка наша тоже бы выучилась по-нѣмецки, не знавши какъ. Если тебѣ не нужна, то поговори Дуняшѣ Арбеневой, но постарайся взять къ себѣ; я желаю этого и для ея, и для тебя. У тебя бѣдная моя Жанета была бы счастлива. Отвѣчай мнѣ поскорѣе, потому что она не согласится ни на какое предложеніе прежде твоего отвѣта.

Дуняша, меня безпокоитъ мой долгъ тебѣ. Знаешь ли, я заняла у тебя деньги для одного бѣднаго, бѣднаго человѣка, который не можетъ кончить своего экзамена и напечатать диссертацію безъ 625 руб. 125 собрала я продажей мнѣ совершенно ненужныхъ вещей, а остальные 500 взяла изъ твоего кармана, какъ будто изъ своего, въ надеждѣ, что онъ намъ заплатитъ въ началѣ будущаго года — но годъ прошелъ, а онъ еще все безъ мѣста. Потерпи, другъ; но если тебѣ деньги очень нужны, то напиши: мы сладимъ. Если же эти 500 руб. ne sont que la privation d'une chose agréable, alors supporte la pour l'amour de moi, et pense que je te demande ce sacrifice, comme je me le suis demandé à moi-même. Богъ благословитъ за то дѣтей нашихъ.

Посылаю тебѣ отрывокъ стараго письма, писаннаго лѣтомъ. У меня на шеѣ сидитъ докторъ Брунъ, Мойеръ дремлетъ, а Зейдлицъ и Францъ играютъ въ шахматы; сладкій докторъ говоритъ отъ скуки мнѣ комплименты, и у меня отъ неловкости потѣютъ губы. Послушай, у меня есть къ тебѣ письмо. Скажи, могу ли я его послать *тебѣ*, одной тебѣ. Если можно, то сними камень съ сердца. — Дунька, я

счастлива, но не спокойна, и страдаю за тебя, за Сашу, и съ тобой хотѣла бы все раздѣлить. Отвѣчай.

LXXXV.

Ей же.

(*Осень 1821 г.*).— Теперь у меня есть свободная минута отвѣчать на конецъ письма твоего. Какъ, дурачокъ, неужели ты не знаешь, что у меня есть *Дуняша* въ саду? Ей уже три года, около ея сидятъ и Ванька, и Петруша, и Машка, и „Ватча“ [1]); нынѣшнею весною посадила и Лилію, и мѣсто, гдѣ сидитъ мое милое семейство, есть любимое во всемъ саду. Ты, прошу не гнѣваться, *рябина*, и когда осенью все умерло и всѣ деревья измѣнили, то рябинка моя все еще продолжаетъ веселить своими пунцовыми плодами. Прошлаго года было на ней шесть прекрасныхъ кистей, которыя я всѣ сварила въ сахарѣ. Костюмъ мой: зеленый бомбазеновый капотъ, которому уже столько мѣсяцевъ, сколько первому извѣстію, которое дала мнѣ Катька объ своей жизни. По воскресеньямъ коричневый суконный, а по праздникамъ зеленое матеревое. — Чепцовъ я почти не ношу, а Катька *никогда*, это не входитъ въ Мейерову діэтетику, и онъ имѣетъ прозваніе Doctor Antihaubeist. — Читаю я: ахъ, Дуняша! Я прочла Новую Элоизу и въ такомъ отъ нея восхищеніи, что не понимаю, какъ могли мнѣ позволить прочесть ее такъ поздно. Тотъ, кто прочелъ исторію M-me de Wolmar, не можетъ быть развращенъ примѣромъ Юліи. J'entends souvent les admiratrices... (*часть листа отрѣзана*) me font assez rougir. Et puis sa manière de se conduire avec ses domestiques? Et moi, j'ai si peu d'ascendant sur les miens— я выросла на нихъ глазахъ, и они еще не привыкли думать, что меня даже должно стращиться. Что будешь дѣлать? Желая скрыть отъ Мойера всевозможныя домашнія непріятности, таишь и то, чего бы не должно, а они употребляютъ эту любовь во зло. Mad. Wolmar была умнѣе! Вотъ тебѣ моя исповѣдь. Еще читала я Jean Paul: Geschichte des Schulmeisterlein Maria Wutz; напиши, знаешь ли ты ее? Портъ почты теперь опять сталъ дешевъ, я буду присылать тебѣ читать многія прелести съ тѣмъ, чтобъ въ теченіи 6 недѣль ты возвращала мнѣ назадъ. Напиши, знаешь ли его Hesperus, Titan и Blumen Frucht und Dornenstück? Если не знаешь, то я тотчасъ пришлю.—Хозяйство мое— слава Богу, съ Его благословеніемъ все идетъ изрядно; мы проживаемъ въ мѣсяцъ на кухню, кофе и прочія конфекты 300 руб. бумажками. Одежда, проценты за домъ, жалованіе 4 слугамъ (y compris la nourrice), необыкновенныя издержки дѣлаютъ еще 300 въ мѣсяцъ; итого прожи-

[1]) Вася Елагинъ.

ваемъ мы почти 7,000 въ годъ. А всѣхъ насъ: маменька, Мойеръ, я, Францъ, Зейдлицъ, Пауль, Карлъ, Тедина, Луиза, Андрюшка, Аннушка, Яковъ, Васька и кормилица; двѣ лошади, корова и коза... (*другая сторона отрьзаннаго куска*).

LXXVI.

Ей же.

(23 октября 1821 г.)—Душа моя! здорова ли ты теперь? оправилась ли совсѣмъ? Злодѣи, что вы не пишете? развѣ вы не знаете, что сердце ноетъ! Дурачокъ мой, всякій вечеръ, ложась спать, воображаю я, что ты больна, что проводишь ночи въ безсонницѣ—до смерти бы хотѣлось сидѣть надъ тобой, разсказывать быль и небылицу, забавлять тебя, какъ моего Андрюшку, качать меньшого и засыплять старшихъ—а возможности нѣтъ! О, глупая жизнь! Душа, когда будемъ мы жить опять по старому? Сердце такъ привыкло къ тебѣ, что никакія другія связи не могутъ замѣнить моей Дуньки. Я люблю Катю, но при тебѣ и съ тобой она была бы мнѣ гораздо милѣе. Я не знаю, писала ли я тебѣ, что когда она была еще четырехъ недѣль, то въ самомъ большомъ горѣ и слезахъ кричала всегда *ге:* мнѣ казалось это, что какъ будто звала на помощь свою вторую мать; и съ тѣхъ самыхъ поръ какъ скоро плачетъ, то кричитъ во все горло *ге, ге!* Не могу тебѣ пересказать, какое у нея смѣшное личико; глазки самого небеснаго цвѣта и такіе говорящіе! Сегодня выучила новый кунштюкъ: ходитъ отъ маменьки ко мнѣ и отъ меня къ маменькѣ и Мойеру и подаетъ, что дадутъ—точно собаченка. Что бы мнѣ тебѣ еще разсказать? Это письмо пишу только за тѣмъ, чтобъ позабавить тебя сказками, какъ будто сижу у твоей постели и разсказываю тебѣ, покуда заснешь.— У меня здѣсь теперь двѣ милыя знакомыя: первая—Тучкова, Маргарита Михайловна—вдова того, кому построили церковь въ Бородинѣ. Любезная, очень сентиментальная женщина, parlant toujours de son malheur, de sa perte, regrettant toujours son mari et cherchant vivement toute sorte de plaisirs. Elle a un fils gâté et fluet—mais bon enfant, un fils adopté, excellent garçon, et une vieille gouvernante française, la bonté parfaite et la raison en personne pour toutes les deux. J'ai été souvent chez elle; c'est à dire 6 fois depuis le mois d'Août, et je m'y suis plû, mais — дома лучше. Вторая — *Хвостова,* тоже генеральша, тоже воспитывающая дѣтей, тоже faisant grande maison, mais mille fois plus raisonnable, et beaucoup moins bonne que celle-ci. Les deux dames sont dans une si grande rivalité entre elles qu'on ne peut être un peu plus caressante avec l'une, sans fâcher l'autre, et les scènes que cette rivalité occasionne, rendent leur commerce infiniment désagréable. Ma bonne maman qui s'était fortement attachée

à elles, uniquement parce qu'elle avait trouvé dans un pays étranger des compatriotes, a été forcée de se retirer, pour éviter des désagrements. Обо мнѣ ужъ и говорить нечего — j'y allais par devoir et je reste à la maison par plaisir. Je ne puis te dire, à quel point mon *chez moi* m'est agréable à présent. Tous les petits désagrements qu'un ménage bien détaillé doit naturellement attirer, je suis parvenue à les détruire, et cela uniquement par la ferme résolution de ne vivre que pour les miens et pour moi. Je passe pour ridicule et mon mari pour un homme exigeant, mais nous les laissons jaser et comme le proverbe de Moier dit: on ne vit qu'une fois, nous nous dépêchons de vivre pour nous.

У насъ было теперь три праздника: das Kartoffelfest, das Schlachtfest und das Kohlfest. Смѣйся, ангелъ, съ тобою дѣлюсь охотно этими вздорами. Мы наняли садъ, который обработывали сами, въ которомъ ни одна чужая рука не посадила ни былинки. Картофель поспѣлъ: вынимать его отправились мы всѣ, а людямъ данъ былъ шабашъ. Каждый изъ насъ имѣлъ свою работу: иной разводилъ огонь, другой рубилъ дрова, третій варилъ, четвертый пекъ картофель, пятый носилъ воду — и такъ какъ въ этомъ домикѣ не было ни стула, ни стола, ни вилки, ни стакана, то послѣ тяжелой работы обѣдъ въ 4 часа, состоящій изъ однихъ картофелей во всякомъ видѣ и всякой формѣ, былъ отмѣнно вкусенъ. Это копанье продолжалось три дня, и эти 3 дня были для малыхъ, какъ для большихъ, совершенными праздниками. Ахъ, сестра! rendons nos enfants heureux, il faut si peu de chose pour le faire! Ceux que j'ai maintenant le sont parfaitement et ils ne connaissent aucun de ces plaisirs coûteux qui tourmentent plus qu'ils ne contentent, mais toutes ces bagatelles sont assaisonnés d'une confiance sans bornes et d'une liberté aussi grande que possible, et ils aiment à m'aimer et a être bons. Потомъ пришелъ Schlachfest, то есть, не дѣти, и не я били быка и сдирали съ него шкуру, а дѣти и я дѣлали сосиськи и пальтены, которыя послѣ раздѣлили и каждый имѣлъ позволеніе жарить и подчивать товарищей. Этотъ праздникъ не былъ веселъ, потому что чужіе подъ конецъ замѣшались. Les saucissons ont eu trop bon goût! Наконецъ пришелъ Kohlfest. 300 качановъ капусты были искрошкованы моимъ Мойеромъ, Францомъ и Зейдлицемъ, и за труды ихъ должна я была варить имъ шоколадъ. Дѣти, которыя носили качаны и ѣли кочерыжки, запивали ихъ охотно шоколадомъ—единственное горе ихъ было то, что только 300 качановъ, а не 3000 [1]). Сегодня дѣтскій балъ въ городской муссѣ [2]); всевозможныя дѣти тамъ, а моимъ и въ голову не приходитъ пожелать идти туда;

---

[1]) М. А., описывая эти общія работы цѣлымъ домомъ на огородѣ, не прибавляетъ одного: огородъ назначался для потребностей того Armenhaus, который былъ основанъ Мойеромъ на суммы, собранныя имъ же при помощи концертовъ.

[2]) Такъ назывался клубъ; въ Ригѣ былъ клубъ Die Musse, основанный въ 1786 г.

они находятъ домашніе танцы на ходуляхъ интереснѣе Пелабоновыхъ и веселятся за жареной сосиской больше, чѣмъ другіе за столомъ, наполненнымъ конфектами. А Катька моя прохаживается между ими и говоритъ своимъ манеромъ безсмыслицу. Si Dieu m'accordait seulement la santé, je me trouverais si heureuse de pouvoir être bien active et bien *капустница,* comme disait Авд. Ник. Я писала къ ней сегодня, и съ большою грустью. Для чего мы теперь не въ Муратовѣ, когда она должна жить въ Орлѣ? Какъ все около насъ обѣихъ перемѣнилось! Дѣтей ея я почти не знаю, а нѣкогда любила ихъ, какъ своихъ собственныхъ — всего же больше огорчаетъ меня мысль, что наши общія дороги идутъ теперь такъ розно, что едва ли когда нибудь будемъ мы по старому вмѣстѣ. Je ne pourrai plus me plaire dans un genre de vie à la grande seigneure, et elle ne pourra jamais concevoir mes habitudes et mes goûts qui ont dégénerés. Ахъ, многое можно сказать и за нее и за меня, но вѣроятно, что наше *вмѣстѣ* будетъ часто отравлено—et mon bon mari, qui ne lui conviendra jamais! ils ont peu de rapports.

13 ноября.

Вотъ что было написано. Посылаю, какъ есть. Тебѣ душа открыта, она вретъ и бредитъ съ тобой, какъ съ самой собой. Только не показывай никому моихъ писемъ, они годятся одной тебѣ. Прощай, благословляю васъ, мои дѣти!

Поцѣлуй мужа, я его много люблю и мало знаю. Не стыдно ли тебѣ, дружокъ?

Зейдлицъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ такъ завидуетъ участи Жанеты, что умоляетъ меня позволить ему переодѣться въ женское платье. Онъ жертвуетъ за то своими бакенбардами и обѣщается тебѣ бриться всякую ночь непремѣнно. Къ тому же проситъ тебя замѣтить, что онъ экзаменованный докторъ, играетъ на кларнетѣ, танцуетъ на канатѣ, прыгаетъ трампелинъ и бѣгаетъ на конькахъ. Всего этого Жанета не умѣетъ. Да и къ тому же Жуковскій сказалъ объ немъ, будучи въ Берлинѣ при дворѣ: Зейдлицъ — добрый малый! — Ne te laisserais tu pas tenter? Отвѣчай.

Къ Жанетиному отъѣзду надѣюсь найти тебѣ нѣмочку для твоей кузины, и не дороже 180 руб.; вѣдь она можетъ быть не старѣе 20 лѣтъ? вдовы гораздо дороже. За поведеніе буду хвататься обѣими руками. Прощай, ангелъ. Crois de tout ton coeur sur ce que je t'ai dit de Jeannette, et sois persuadée que jamais tu ne te repentiras de l'avoir prise. Elle influera sur ma petite Marie par son ordre et sa raison en bien. Напиши мнѣ скорѣй и много, и признайся, что виновата, потому что въ первой посудила обо мнѣ не по себѣ.

LXXVII.

В. А. Жуковскому.

(*11 декабря 1821 г.*) — Ангелъ мой Жуковскій! Гдѣ же ты? все сердце по тебѣ изныло. Ахъ, другъ милый! неужели ты не отгадываешь моего мученья? Богъ знаетъ, что́ бы дала за то, чтобъ видѣть одно слово, написанное твоей рукой, или знать, что ты не страдаешь. *Ты* мое первое счастіе на свѣтѣ. — Катька мнѣ дорога, мила, но не такъ, какъ ты. Теперь я это живо чувствую! Ахъ, что съ тобой дѣлается? Je me berce d'espérance sur ton compte, je me représente tel et tel obstacle à ton retour, mais rien ne me console ni même ne me distrait véritablement.—Катька была больна, я увѣрена была, что она умретъ, и тѣмъ больше мнѣ ее жаль было, что ты ее не видалъ и не такъ любилъ, какъ должно. Катька выздоровѣла, а ужасное мученье меня не покидаетъ. Мнѣ все кажется, что счастье показать тебѣ ее сверхъестественно и что если *она* не умерла, то съ *тобою* сдѣлалось несчастье, что, поскупившись тою жертвою, я должна буду принести еще важнѣйшую! Ah, ne me condamne pas! Il est naturel de craindre jusqu'a l'imbécilité quand on aime, comme je t'aime. Cher ami! mon coeur est si plein! il a tant besoin de s'ouvrir à toi, de te demander secours contre la vie—et c'est pour toi que je dois craindre. Не вижу, что́ пишу, но эти слезы уже не помогаютъ! — Я вчера ночью изорвала и сожгла всѣ письма, которыя тебѣ написала въ теченіи этого года. Многое пускай остается нераздѣленнымъ! Я хочу только быть спокойна на твой счетъ—отдаю съ радостью наслажденіе. Ахъ, Боже! дай мнѣ моего Жуковскаго! Братъ мой! твоя сестра желала бы отдать не только жизнь, но и дочь, за то чтобъ знать, что ты ее еще не покинулъ на этомъ свѣтѣ! Ce malheur surpasserait tous ceux que j'ai éprouvés jusqu'à présent.

Жук—ій повидимому не успѣлъ получить этого письма въ Берлинѣ; письма къ нему шли кружнымъ путемъ черезъ А. Тургенева, Жук—ій же 13 января уже выѣхалъ въ Россію и 29-го былъ въ Дерптѣ. (См. Дневники Жук—аго при Русск. Стар. 1901 г. стр. 176—177).

LXXVIII.

А. П. Елагиной.

(*1 февраля 1822 г.*)—Ангелъ мой, письмо твое огорчило меня! не смѣю теперь отвѣчать на него, а скажу двѣ радости. Нашъ Жуковскій возвратился 29 января, здоровъ и *старый!* Душа, *ты* можешь вообразить, каково было увидѣть его и подать ему Катьку! Ахъ, я люблю его безъ памяти и въ минуту свиданія чувствовала всю силу любви этой святой, которую за никакія сокровища свѣта отдать бы не

могла. Письмо твое получили мы вмѣстѣ. Ангелъ, твои горести тяготятъ сердце! Слушай вторую радость. Въ маѣ мѣсяцѣ ѣдемъ мы въ Муратово, Мойеръ, я и двое младшихъ дѣтей; ты живешь въ Москвѣ; если тебѣ на это время нельзя пріѣхать въ Долбино, то мы увидимся дня на три — но, другъ милый, постарайся переѣхать въ Долбино! Тогда мы остались бы вмѣстѣ до конца августа. Сестра моя, послѣднее письмо твое доказываетъ мнѣ, что мое сердце тебѣ также нужно, какъ и мнѣ твое. Береги мнѣ его, и когда Богъ дастъ намъ счастіе быть вмѣстѣ, то отдай мнѣ все, что на немъ накопилось — и намъ обѣимъ будетъ легче.

Вчера было столько народу для Жуковскаго, что не имѣла возможности кончить письмо: теперь слова два въ отвѣтъ. Дѣвушку для Демидовыхъ наняла я за 120 въ годъ, за поведеніе мнѣ отвѣчаютъ; до сихъ поръ (ей 21 годъ) она еще не выходила изъ родительскаго дома и кормила мать работой. Ихъ 7-ро въ семьѣ и она рѣшилась уѣхать. Je crains qu'elle ne soit trop jeune et trop jolie, mais sage elle est. Elle pourra parler l'allemand avec les enfants, les soigner, leur toilette, mais enseigner la langue elle ne le pourra pas, car elle parle *mich* und *mir*, *sie* und *ihnen* comme bon lui semble. Je ne l'envoie pas à cause manque de trainage; dès qu'il y aura une sorte de chemin, je la ferais partir.

Adieu, cher ange, Joukovsky veut t'écrire. Bénis nos enfants, dis à Jeannot de m'écrire un peu.

Дальше пишетъ Жуковскій:

Милый, безцѣнный другъ Дуняша! Я опять здѣсь — когда то скажу это вамъ лицомъ къ лицу! Но это и вдали значитъ тоже, что вблизи. Здѣсь, съ тою же нѣжною, вѣчною къ вамъ дружбою, которая есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ моихъ благъ, и въ которой столько для меня необходимаго счастія! Изъ Петербурга буду писать къ вамъ подробно и скажу нѣсколько словъ о моемъ путешествіи. Теперь не могу писать много. Je suis excessivement obsédé; я не могу пробыть здѣсь болѣе четырехъ дней и завтра рано поутру ѣду въ Петербургъ. Ваши струны будутъ для васъ всегда играть старымъ тономъ; дружба къ вамъ необходима для того, что бы онѣ имѣли какую нибудь гармонію. Я читалъ ваше несравненное письмо къ Машѣ—ни слова о томъ, что вы въ немъ описываете. Но какое счастье знать васъ все такою же, какъ прежде! Ничто, ни время, ни горе, ни потери не убавили того огня въ вашей живой душѣ, которымъ такъ хорошо согрѣваться. Обнимаю васъ съ самымъ нѣжнымъ, дружескимъ чувствомъ. Простите до Петербурга. Поцѣлуйте дѣтей и мужа своего. Ж.

LXXIX.

В. А. Жуковскому.

(*8 февраля 1822 г.*) — Ангелъ мой Жуковскій! вотъ ты уже и проѣхалъ! кончилось все счастіе, которымъ сердце полтора года жило— теперь нечего ждать. Другъ мой, благодарю за то, что оставилъ—ne crois pas que je sois si ingrate! Dans ta précieuse amitié je trouve tout ce qui fait le charme de la vie, et tous les chagrins que je puis

partager avec toi cessent d'être des chagrins. Je me repens à présent seulement de t'avoir parler trop, ou trop peu, de choses qui parfois troublent ma vie. N'étant pas à même de juger de l'état des affaires, tu pourrais te figurer mon existence pire qu'elle ne l'est. Et je t'assure que pour aucun bien du monde je ne voudrais la changer. L'estime et l'attachement que j'ai pour Moier contrebalancent de beaucoup les chagrins que je puis avoir parfois, et s'il m'est quelquefois dur de sacrifier à des instants d'humeur une amitié tendre et bien fondée, ou une connaisance agréable, ou des habitudes prises dès l'enfance, cela est vite payée par l'idée de remplir mon devoir. Tant qu'un chagrin ne vous accable que vous seule, er ist gar zu balde verschmerzt. J'ai été peu patiente dans la chose dont je t'ai parlée, parce que la séparation de cet excellent ami n'a pas été pénible pour moi seule, et que l'impossibilité de lui donner quelques consolations me rendait abbatue[1]). Il merite bien l'amitié que je lui porte, car il me regardait vraiment comme sa mère. et je m'enorgueillis d'avoir influé sur son existence. Quand il est entré dans notre maison, il était sur le point de prendre une mauvaise route; mad. Knorre, qui l'observait et en qui il avait de la confiance, tremblait pour son avenir. Une connaissance plus intime avec nous lui fit trouver une grande différence entre cette vie bourchicose et la vie tranquille de Moier. Болѣзнь моя во время беременности сблизила насъ по желанью Мойера. У него тогда было много горя и моя дружба была утѣшеніемъ. Въ родины мои показалъ онъ мнѣ привязанность сына—не было удовольствія, которымъ бы онъ не жертвовалъ для меня. Эти три недѣли, которыя я пролежала съ мучительнѣйшей болью въ постели, не отходилъ онъ отъ меня прочь, читалъ старыя, извѣстныя ему книги и старался угадывать мои мысли. Я привязалась къ нему, какъ къ милому дитяти, и дорожу этой привязанностью. Въ доказательство же святости ея, говорю *тебѣ* объ ней. Personne ne savait comme lui influer en bien sur Moier. Tout était mieux chez nous, et moi j'étais tellement habituée à le regarder comme membre de la famille. comme le fils de Moier, que je redoutais le moment de son départ. Pour mon malheur je communiquais à M. tout ce que je sentais, et il a méconnu ces sentiments si innocents et si naturels! — Je suis, après ce qui c'est passé dans les dernières trois semaines, contente de ce qu'il est parti. Rien ne fait perdre le courage, comme ces espérances, suivis de craintes et changés d'espérances à tour de role. Когда онъ сходилъ внизъ, я дрожала, что М. будетъ съ нимъ дурно; когда М. много говорилъ и былъ ласковъ, я боялась, чтобъ тотъ не отложилъ своего отъѣзда. Онимъ словомъ, dans ce dernier temps j'avais eu quelque sorte essayée de la vie de Mouratof, sans en avoir les charmes. Le moment de son départ m'a été moins pénible

[1]) Рѣчь идетъ о Зейдлицѣ.

que je ne l'avais crû, parce que M. comme s'il voulait reparer son tort et me rembourser de tous les chagrins, vint m'embrasser tendrement. Il me semblait qu'il me disait: je te permets de le regretter et d'avoir de l'amitié pour lui.—Les jours qui suivirent son départ furent extrememont bruyants et Moier, que les répétitions du concert rendaient bien joyeux, redevint d'une bonne humeur, complaisant envers nous, et assez indifférent sur tout ce qui nous entourait. Je n'osais plus lui parler de ce qui se passait au fond du coeur, mais combien de fois n'ai-je pas pensé en moi-même: „Je suis heureuse de te voir content, permets moi d'être triste! c'est tout ce que je souhaite"! Ахъ, милый Жуковскій, повѣрь мнѣ — мнѣ мало надобно, чтобъ быть счастливой, и не требую отъ людей ничего больше, какъ позволенія жить съ собой. У меня есть два свѣтлыя сокровища: мой младенецъ и мое прошедшее! съ этими двумя спутниками можно прожить добродѣтельно и не такую жизнь, какъ моя!

Я получила Сашинъ отвѣтъ! онъ взбуровилъ всю внутренность! страшно выговорить то, чего боюсь [1]). Милый другъ, если можно, пришлите ее сюда! Moier est plus habile que Stoffregen [2]) et il parait, qu'il n'y a plus de temps à perdre. J'ai traduit à Moier ce qu'elle dit de sa maladie; il dit que les sages-femmes ne se trompent que trop facilement, et que d'ailleurs Alexandrine parle trop peu de son mal pour qu'il puisse dire ce qu'il en pense, mais que si après cinq mois elle ne découvre aucun des symptomes de grossesse, elle doit se traiter et se ménager mieux qu'elle ne l'a fait jusqu'à présent. Жуковскій, прикажи ей беречься. Она уморитъ не себя одну, а и насъ вмѣстѣ, пускай хоть это заставитъ ее сжалиться надъ собой. Ради Бога, поговори самъ съ Штофрегеномъ и напиши мнѣ, что онъ скажетъ. Мойеръ dit qu'il est probable, qu'elle aura une grande perte de sang, et que si elle ne se ménage, cela influera sur toute sa vie. Cher ami! vous ne pourrez jamais être assez sévère avec elle. Au nom du Ciel, écrivez bien en détails tout ce que dira Stoffregen.

Я перечла письмо и мнѣ стало что-то страшно, посылать ли его тебѣ или нѣтъ? Но *ты*, Жуковскій, jamais *vous* ne pourrez me méconnaître! Si j'ai trop jasé, c'est que je voulais donner de l'air au coeur qui étouffait — mais aussi il n'en est plus rien resté *in petto* [3]). Все тебѣ передала. Не заботься обо мнѣ — всѣ эти проходящія горести не могутъ лишить настоящаго счастія; я его почитаю всей душой, и смотрю на эти слабости, какъ на необходимое зло, котораго хоть немного надобно въ жизни. Pour vous prouver que je suis heureuse, je vous raconterai une anecdote. Наканунѣ новаго года лили

---

[1]) У А. А. Воейковой обнаружились, вѣроятно, первые признаки болѣзни и вмѣстѣ беременность.

[2]) К. К. Штофрегенъ, лейбъ-медикъ.

[3]) Въ груди.

счастья изъ свинца, и моя и Катина фигуры вышли совершенно сходны; сначала почувствовала я какое-то непріятное чувство, но, подумавъ минуту, сказала сама себѣ: дай Богъ ей *во всемъ* мою судьбу! Никто не имѣлъ и не имѣетъ столько наслажденій, какъ я. Даже и въ самыхъ горестяхъ столько для меня великаго, что je me suprends souvent non à prier Dieu de me les ôter, mais seulement à le remercier de m'avoir créé. Довольно теперь обо всемъ этомъ. *Другъ мой!* твоя душа меня знаетъ, пускай и впередъ не будетъ для нея ничего скрыто.

Левенштернъ велѣлъ сказать тебѣ, что онъ жалѣетъ, что ты не прежде говорилъ ему о ландшафтахъ,—но что если ты желаешь, чтобъ онъ хоть половину тебѣ отдѣлалъ, то присылай сюда по полдюжинѣ, а онъ будетъ возвращать отдѣланныя. На будущей почтѣ пришлю тебѣ Lago Lugano твое, которое онъ отдѣлалъ. Прощай, мой ангелъ! обнимаю васъ съ Сашей вмѣстѣ. Теперь легче стало за все прочее (кромѣ здоровья) съ тѣхъ поръ, какъ знаю, что ты съ нею. Сохрани васъ Господь, мои милыя сокровища! Если ты хочешь мнѣ одной отвѣчать, то надпиши на мое имя. Если же не хочешь, то—такъ и быть. Но объ здоровьѣ Сашиномъ вели хоть ей написать, да непремѣнно! Maman ne se doute de rien! Si elle avait le moindre soupçon, elle serait déjà chez vous—et Dieu sait, si elle serait la bienvenue. Изорви это маранье.

LXXX.

Ему же.

(*Весна 1822 г.*)—Добрый другъ мой! не показывай этого письма Сашѣ. Moior ne veut absolument pas entendre parler de faire venir Alexand. ici pour ses couches. Il craint que Woeyk. ne vienne aussi et dit qu'il se regarderait autorisé de rompre avec lui tout-à-fait. Tu peux t'imaginer les scènes que cela amenerait! J'aime mieux ne pas du tout voir Sacha que de lui causer du chagrin. Vois tu, cher ami, ce qui me semble être le mieux: pour rien au monde je ne voudrais cacher à maman la grossesse d'Alexand., elle ne le pardonnerait jamais; si vous croyez qu'elle pourrait rester chez vous pendant 4 — 5 mois sans avoir beaucoup de désagrement, il faudrait lui annoncer cette nouvelle quand les chemins seront tout-à-fait bons, et tout arranger pour son départ. Son inquiétude sera terrible, et il n'y a que la présence d'Alexand. qui pourra la consoler un peu. Нашъ вояжъ *рѣшенъ:* я ему не рада, первое отъ Саши, а потомъ и отъ того кладбища друзей и радостей, которое одно меня тамъ ожидаетъ! Mais que *sa* volonté soit faite! Cher ami! sois tout-à-fait tranquille sur mon sort—je suis tout-à fait *bien*, et ma petite Kati, qui est un vrai ange, довер-

шаетъ счастіе. Ахъ, друзья! побывать бы у васъ! Этотъ милый Перовскій! съ нимъ весело было говорить о тебѣ! Прощайте, онъ спѣшитъ ѣхать. — Жуковскій! Мойеръ говоритъ, что пріѣхать вамъ къ святой недѣлѣ, по дурной дорогѣ слишкомъ опасно для Саши. Но нельзя ли въ началѣ мая пріѣхать за маменькой? Ахъ, милый, вообрази, каково уѣзжать далеко и не взглянуть на Сашу! Но не думайте обо мнѣ, а дѣлайте, какъ лучше.

Приблизительная дата письма опредѣляется указаніемъ на дурныя дороги и просьбой въ началѣ мая пріѣхать за Екат. Аѳан. Въ маѣ же собирались Мойеры въ Муратово, о чемъ М. А. выше писала А. П. Елагиной.

LXXXI.

Е. А. Протасовой и А. Воейковой.

(Май 1822 г. Понедѣльникъ). — Друзья мои милые! ваши несравненныя письма утѣшили меня несказанно. Я читала ихъ въ 8 часовъ поутру на крыльцѣ церкви. Часы сіе не начинались, когда я пришла, и такъ sans aucun remord de conscience могла я читать мои милыя письма. Благодарю васъ, мои милые дружечки!

Вторникъ.

Я все отправляла сейчасъ извозчика съ люлькой[1]) и провозилась съ нимъ десять часовъ. Не зная, куда его адресовать повѣрнѣе, велѣла ему искать нашего милаго Тургенева; я даже не знаю, гдѣ живетъ нашъ другъ, но увѣряла его, что довольно знать его имя, чтобъ найти. За провозъ должно будетъ заплатить 11 руб., у меня ихъ не случилось; Саша, поблагодари Тургенева и отдай ему.

Середа.

Теперь середа и 5 часовъ утра; я сію минуту возвратилась отъ заутрени. Время безподобное, на сердцѣ что-то такъ легко! все думаю о 26 іюлѣ 815 года, какъ я ѣздила тоже въ 5 часовъ служить молебенъ. Тогда было лучше. Ахъ, друзья! — хотѣла было что-то соврать, но опомнилась. Когда вамъ вмѣстѣ хорошо, то пожалуйста не горюйте обо мнѣ. Когда я знаю, что вамъ хорошо, то, право, мнѣ не можетъ быть грустно. Я же съ ранняго утра до поздней ночи такъ работаю, что некогда хандрѣ бушевать сердце. Съ тѣхъ поръ, какъ вы, maman, уѣхали, сшила Полю двѣ пары неизъяснимыхъ, Богдашкѣ 5 паръ поясковъ на пупочекъ, новый свивальникъ, попадьѣ свивальникъ и фуфайку и Морицу двѣ манишки. Cela mérite tout éloge, j'espére! Сегодня промоція Адольфа Кнорре, Мойеръ званъ на ужинъ,

[1]) М. А. посылала сестрѣ свою люльку работы Зейдлица для ожидавшагося ея ребенка.

а я на завтракъ, но я постничаю и сегодня же обѣдня до 11-ти. Граф. Толстая, сестра Тютчевой, здѣсь, она звала Мойера на консультацію и за его снисхожденіе сдѣлала мнѣ, недостойной, визитъ. Вчера ѣздили мы съ Перевощиковыми [1]) отдавать его и смѣшно было смотрѣть, какъ обѣ сестры расхвастались канвовыми работами. Передо мною, maman! я, ваша дочь, должно была радоваться и хвалить безвкусное ихъ шитье! Толстая гораздо умнѣе нашей удивленной Тютчевой, но очень видно, что этотъ умъ—натертый въ большомъ свѣтѣ, а за нимъ ничего не ищи. Старикъ, кажется, уже покидаетъ Дерптъ: онъ еще не совсѣмъ рѣшился, но говоритъ, что одинъ сынъ его не связываетъ, и что здѣсь уже все дорого и дурно. Хвостова у меня бываетъ почти всякій день, а добрая Перевощикова непремѣнно всякій. Съ ней мнѣ не скучно, потому что мы совсѣмъ безъ церемоній; когда не объ чемъ говорить (что случается очень, по несчастію, часто), то читаемъ.—Поблагодарите милаго Тургенева за обѣщаніе прислать мнѣ стихи: я ожидаю ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Скоро ли выйдетъ Іоанна? Милыя, велите Жуковскому съ моимъ экземпляромъ Іоанны возвратить мнѣ мои „Для немногихъ“. Я прошу его очень серьезно объ этомъ, и надѣюсь, что послушается, иначе же никогда въ жизни ничего ему не повѣрю. Сейчасъ была Md. Brasch, которая сказывала, что графиня Брей [2]) пріѣхала наканунѣ Императора, и что онъ такъ былъ къ ней милостивъ, что все съ ней bras dessous, bras dessus гулялъ. Объ Лиліи [3]) ничего не говорятъ. Признаться, мнѣ очень будетъ досадно, если это правда. Но Md. Brasch слышала это отъ повара, которому сказывалъ кучеръ Левенштерна, и потому я жду еще подтвержденія. Саша, скажи Перовскому, нашему милому фурману, что я его обнимаю за вѣрное доставленіе маменьки, и особливо за милое его братское стараніе объ ней. Право, эта несравненная дружба тѣмъ болѣе меня тронула, что ее какъ-то мало ожидаешь. Но скажи ему также, что онъ не сдержалъ слова и не описалъ мнѣ, такъ какъ хотѣлъ, вашего перваго свиданія. Какіе они всѣ лѣнивые, и какая ты, моя Сашка, добрая! Несмотря на свое пузо, написала такое милое письмецо. Скажи Жуковскому, что отъ него я, признаться, ждала хоть строчку; послѣ свиданія его съ маменькой, думала, что вспомнитъ *даже* и обо мнѣ. Хорошъ мальчикъ!

Дружочки, бьетъ 5 часовъ, мнѣ надобно въ церковь. Христосъ съ вами! Благословите меня, а я за васъ молюсь день и ночь. Сегодня точно au pied de la lettre, потому что легла спать въ часъ, а встала въ половинѣ 3-го къ утрени, и съ тѣхъ поръ еще не спала.

---

[1]) Семья дерптскаго профессора и писателя, Вас. Мат. Перевощикова.

[2]) Жена баварскаго посланника, урожд. Левенштернъ.

[3]) Можетъ быть, подразумѣвается Вел. Княг. Александра Ѳеодоровна, которую въ Петербургѣ звали такъ; позднѣе Пушкинъ писалъ:

„Подобно лиліи крылатой,
Колеблясь, входитъ Лалла Рукъ“.

Какихъ цвѣтовъ прислала мнѣ mad. Ledebour! и между прочимъ Hoja cornosa; когда будете въ оранжереяхъ, велите себѣ показать: это — рѣдкая красота; Heliotrope такой вышины, что въ нашихъ комнатахъ не устанавливается, и еще какую то красавицу съ пунцовыми жилами на листьяхъ, точно кровь въ жилахъ, я цвѣтокъ ея посылаю. Прощайте, други милые.

Я шла садиться въ коляску, а къ намъ Иванъ Астаф.; старикъ добрый заѣзжалъ звать къ себѣ въ Камби на субботу и воскресенье. Какія вѣсти о брилліантахъ? Chère maman, Катька говоритъ: „Баба бухъ апельцинъ“. Это значитъ, что вы поѣхали въ Петербургъ за апельсиномъ. Въ первые дни она очень объ васъ горевала и для разсѣянія мы ее всѣ кормили изюмомъ. Когда онъ весь вышелъ, то начали отказывать, а она всякій разъ побѣжитъ въ вашу горницу и заплачетъ горько, и закричитъ: „баба, баба!“

LXXXII.

Къ ж е.

(*Передъ отъѣздомъ. Лѣто 1822 г.*) — Мой безцѣнный другъ маменька! Голубушка моя! не безпокойтесь обо мнѣ. Мы всѣ здоровы, ѣдемъ весело и такъ покойно, какъ нельзя больше, а потому и вамъ нечего ни за Катьку вашу, ни за меня бояться. Я постараюсь писать вамъ отовсюду; изъ Пскова, куда ѣдемъ на своихъ, уже непремѣнно напишу, потомъ, можетъ быть, и изъ Смоленска. Каково мнѣ будетъ жить въ Муратовѣ безъ васъ, безъ всего прежняго? Но ни слова! Будьте спокойны, мнѣ будетъ хорошо, потому что *я рѣшилась быть хорошо*. Ради Бога, доставьте мнѣ поскорѣе ваши извѣстія! вотъ мое одно горе — если бы ваши письма (и особливо то, которое рѣшитъ мою судьбу) доходили скорѣй, то я ѣхала бы еще съ большей покорностью. Жаль бѣдныхъ дѣтей; имъ будетъ жарко и тяжко [1]). Мы ѣдемъ въ каретѣ и дожидаемся только завтрашней почты; если она привезетъ извѣстіе, что Зонтагъ все кончилъ, и что наше присутствіе не *необходимо*, то мы не поѣдемъ. Дай то, Господи! Сашка, мой другъ! ты вѣрно чувствуешь, каково мнѣ теперь отъ тебя такъ далеко уѣзжать! Но не грустите, мои друзья! Je ferai déjà en sorte que le moment présent sera der mächtigste von allen Herrschern. Благодарствуй за письмо Жука. Весело было опять увидѣть его руку! давно ужъ не имѣла этого счастья. Послушайте объ Катькѣ: она уже много говоритъ, напр. bitte, bitte, liebe, gute, (s)üsse, миня обубушка, Mutter, мама, моиъ thé. И опять также фраза: за *агоды*. Майю свою полюбила теперь столько же, сколько прежде не терпѣла. Въ Камби вела себя какъ большая дѣвка, умнѣе Теодора, и всѣ на нее принуждены были радоваться. Bonne maman, не спрося вашего позволенія, дали мы Якову

[1]) Кромѣ дочери съ Мойерами ѣхалъ маленькій Ѳедя Тидебель.

паспортъ и позволеніе идти служить, куда ему угодно. Nous avons eu quelques petits mécontentements, et comme vous savez à quel point il est désobeissant, nous nous sommes décidés de prendre à Mouratof Dimitri ou quelqu'un d'autre. Il a le projet d'aller à Petersbourg et comme il doit nous payer 40 r. par an, il pourra bien se gagner bientôt une petite fortune. Il parait ne pas être fâché de ces arrangements. Другъ мой, я увѣряю Мойера, что вы за это не прогнѣваетесь. Спроситься же съ вами право было некогда. — Съ собою беремъ мы Аннушку и Ваську; ѣдемъ до Пскова на своихъ и мужичьихъ лошадяхъ, ночуемъ во вторникъ у Рихтера, въ середу въ Печорахъ, а въ четвергъ въ Псковѣ, гдѣ и отдохнемъ до пятницы утра. И такъ ваша Катя не успѣетъ устать.

L'opération de Moier avec Md. Stackelberg est finie aussi heureusement que faire se peut; elle voit tout et se porte à merveille. Il n'y avait rien de plus touchant que le moment du revoir avec ses enfants. Elle a été aveugle 8 ans, et ne peut du tout concevoir que ses enfants ont vieillis. Elle les croyait tous plus beaux et plus jeunes, et ne fait que gronder et se plaindre. M-lle Bistrom va déjà dans toutes les sociétés et se propose de danser le 27 de ce mois à un grand bal. Вотъ какъ у насъ идутъ дѣла! Порадуйтесь, мои друзья!

Скажи, Саша, Перовскому, что ему буду я отвѣчать изъ Муратова, изъ комнаты Жуковскаго. Милый *адъютантъ*! его письмо читать было точное наслажденіе. Ребята, я нынче въ капризѣ, больше писать не стану. Другъ мой, Тютчевъ спрашиваетъ, можно ли ему хоть въ октябрѣ привезти Фролова? будетъ ли тогда пріемъ? Напишите ему и поблагодарите за его дружбу къ намъ, мы въ самомъ дѣлѣ ему обязаны. Также и Кнорингу. Какъ идутъ его дѣла? что надежды объ брилліантахъ? Спишитесь съ нимъ и пришлите вашъ адресъ, чтобъ онъ могъ отвѣчать вамъ. Пожалуйста, мой милый другъ, не полѣнитесь все это сдѣлать. Кажется, Кнорингъ въ нуждѣ.

Что мой добрый Зейдлицъ? Послѣднее его письмо меня утѣшило— теперь за него грустно! я принуждена была сообщить ему печальную вѣсть, одна изъ пріятныхъ надеждъ рушилась: Лина Зенфъ—невѣста. Мойеръ говоритъ: тѣмъ лучше, а мнѣ очень жаль. Вообразите, что Адольфъ Кнорре получилъ превыгодное мѣсто ѣхать съ однимъ дворяниномъ въ чужіе края. Если бы это предложеніе пришло двумя мѣсяцами ранѣе! Il faut dire: счастье ѣздитъ и въ каретѣ!

LXXXIII.

В. А. Жуковскому.

(*Муратово. Лѣто 1822 г.*) — Ангелъ мой милый, старый мой Жуковскій! письмо твое такъ меня утѣшило, что мнѣ бы хотѣлось на

колѣняхъ благодарить тебя за него. Я мало жаловалась на твое молчаніе, но сколько оно меня огорчало, то ты этого вѣрно себѣ представить не можешь. Partout ailleurs je savais me mettre à la raison, mais ici, à Mouratowo, dans *vos chambres* — je t'avoue! le coeur se refusait de croire même au passé! Il se sentait tellement abandonné, que n'osant reporter les yeux sur le passé, qui jusqu'à présent avait été tout mon bien, mon unique refuge dans les plus violents chagrins, je regardais comme la plus grande des punitions de Dieu de vivre encore! Je vous ai écrit plus de 10 fois, mais je suis contente d'avoir déchiré ces lettres. J'ai été injuste et je vous demande pardon, mon cher ami, mon excellent frère!

Меня довезли сюда опасно больную, но искусство Мойера и мое хорошее сложеніе спасли скорѣе, нежели я думала. Милый другъ! признаюсь тебѣ въ своемъ эгоизмѣ: умереть въ Муратовѣ казалось мнѣ верхъ счастія! не подумай, чтобъ это было для того, чтобъ васъ тронуть—нѣтъ! я думала только о себѣ, а объ васъ старалась забыть; вспоминала о тебѣ тогда только, когда думала объ Катькѣ, и объ ней не грустила. Теперь я здорова.

Письмо твое, которое получила вчера, вознаградило меня за всѣ тяжелые дни; теперь опять сижу въ твоей комнатѣ съ легкимъ сердцемъ, на томъ же диванѣ, на которомъ надѣялась умирать, и прошу Бога продлить эту прекрасную жизнь, на пути которой стоятъ фонари моего ангела хранителя—Жуковскаго! Что можетъ быть меня счастливѣе? О, милый! твое письмо возвратило мнѣ все! и прошедшее, и потерянное въ настоящемъ, и всю прелесть надежды. Катька стала мнѣ милѣе! Она уже спала, когда пришла моя почта; я не могла оставить ее въ твоемъ вольтерѣ, гдѣ она обыкновенно спитъ, а взяла къ себѣ въ постелю, зная наперед, что всю ночь не сомкну глазъ отъ радости. А малышка какъ будто понимаетъ! то и дѣло, что обнимаетъ меня въ просонкахъ и твердитъ: „Мамамонъ! Катина мама! пай мама!“ и опять захрапитъ. Восхожденіе солнца встрѣтила я между садомъ и мельницей. Все казалось мнѣ весело и прелестно. Ты мнѣ отдалъ все, мой ангелъ! теперь нѣтъ для меня горя! *и въ Муратовѣ* я теперь счастлива! Нѣтъ, милый другъ, *теперь* здѣсь легче, нежели гдѣ нибудь. Твоя комната, съ письмомъ твоимъ въ рукахъ, есть мой рай земной! За мною и со мною ты, а передо мною Катя и славный мой Мойеръ. Чего бояться, чего желать? Ты правъ, мой другъ! я благодарю Бога за судьбу свою, за своего мужа, я его уважаю всѣмъ сердцемъ. Твердость его характера и доброта сердца sont de si bons garantis pour le bonheur de Cati, que je ne puis rien désirer, et s'il m'arrive parfois de murmurer, je t'assure que cela ne dure guère! un petit peu de réflexion me fait rentrer en moi-même et remercier Dieu pour ce qu'il m'a donné. Personne au monde ne serait moins capable que moi de supporter dignement trop de bonheur. Ce que j'ai est plus que suffisant pour ne pas craindre la

ıort, et pour vivre *въ будкѣ* [1]), какъ ты говоришь, ожидая смѣны езъ ропота и даже безъ нетерпѣнія. Пиши только иногда, ангелъ! *ıы мнѣ этимъ долженъ*! Ты *тамъ* узнаешь, что *ты* дашь мнѣ—рай ли адъ. Душенька, не разсердись за это письмо! крѣпилась, крѣпилась, да и прорвалась, какъ дурная плотина, вода и бушуетъ, не становишь!

Изъ окна большой твоей горницы виденъ твой холмъ съ своимъ ростникомъ и твоя деревенька. Сегодня я на нее смотрю къ какимъ то рустнымъ наслажденіемъ, а вчера еще не имѣла силъ остановить на ей глаза. Мнѣ все казалось, что я здѣсь, какъ въ Лифляндскихъ ашихъ подвалахъ. Кругомъ гробы всего наилучшаго и милѣйшаго ъ жизни, а я — живой мертвецъ, запертый въ этомъ погребѣ, не олько безъ надежды изъ него вырваться, но и безъ силъ оглянуться *а бывшихъ*. Теперь все въ этомъ кладбищѣ ожило! все говоритъ: „прошедшее—*твое*! если ты въ немъ иногда отчаеваешься, то твое же лупое сердце этому виною! Живи теперь за прошлое! тебѣ отсчитали іаграду прежде, нежели ее заслужила, теперь заработывай". И въ самомъ дѣлѣ, чувствую и силы, и желаніе стоить своей участи. Если бы ы меня теперь видѣлъ, то былъ бы мною и собою доволенъ. Бо-рость, которую ты мнѣ далъ, не останется безъ хорошихъ послѣдствій. Mais je me suis anéantie à la seule pensée à Alexand. И отъ того горя лишь письмо отъ васъ спасти меня можетъ! Je suis si superstitieuse: dans le moment, où j'avais écrit les trois premières lignes, après m'être demandée: *вѣдь такъ?*—невольно пересчитала, что ожетъ меня сразить, подумала объ Сашѣ, и все сердце обдало льдомъ! Господи, помилуй ее! на *ея* страданія силъ нѣтъ. Ce qui me tourmente à présent, c'est que la pensée à Alex. m'a fait plus de mal, que de penser à vous tous! C'est bête, mais je ne puis me vaincre présent.

Другъ мой, ты просишь, чтобъ я написала тебѣ *изъ Муратова*, то внушитъ ангелъ прошедшаго! Нѣтъ, другъ мой! *въ Петерб.* тебѣ яжело будетъ *читать* описаніе монументовъ нашего кладбища; легче дѣсь его *видѣть*. Здѣсь чувствуешь всего себя бывшаго, и потому наешь, чего впередъ отъ себя ждать долженъ. Тамъ только слышишь ъ себѣ, а иногда и не узнаешь. Я это знаю по опыту. Милый ангелъ! съ вчерашняго вечера мой храмъ отпертъ! въ Муратовѣ опять *же*—счастіе, даже одной, безъ васъ. Съ какимъ наслажденіемъ домоюсь тихомолкомъ до тѣхъ поръ, покуда изъ него вынесутъ! я, безумная, могла жить и думать, что осталась въ святынѣ своей одна! другъ милый! предохрани отъ этого отчаянія—ты избавишь отъ ужасаго чувства. Прости мнѣ его, но сжалься надъ нимъ безъ строгости!

---

[1]) Это—одинъ изъ образовъ Жук—аго для выраженія его жизненной философіи: ы должны принимать жизнь, какъ часовой принимаетъ свое караульное время. Характерны одинаково и самый взглядъ, и образъ, навѣянный эпохой.

Qui sait si je ne pourrai un jour apporter de bonnes excuses, qui maintenant restent au fond du coeur. Тебѣ, или, лучше сказать, *за тебя* я привыкла вѣрить, съ тѣхъ поръ, какъ знаю, что такое вѣра. Я знала, что я тебѣ была. Вообрази же, каково переносить твою видимую холодность. Я не вижу, что пишу! Милый, не разсердись: и слова даже не хотятъ слушать. Зейдлицъ пишетъ: Seine Seele ist heiter, er schloss mit dem Wunsche, dass doch alle wieder einst da zusammen *kömmen*, wo sie so glücklich zusammen waren. Mon cher ange! que Dieu vous donne ses meilleurs bénédictions pour ce seul souhait! Quel bien ne m'a-t-il pas fait.

Теперь скажу тебѣ секретъ, который мнѣ не хотѣлось бы *никому* еще сказать, даже и маменькѣ: Мойеръ рѣшился взять отставку за тѣмъ, чтобъ поселиться здѣсь и купить Маріи и Анны N. деревни[1]). Онъ уже крѣпко торгуетъ и всѣ его желаютъ, какъ господа, такъ и мужики. Il a désiré que je dise ce que je souhaite, mais comment voulez-vous que je prononce sur une chose qui doit décider du sort de toute sa vie? Je serais heureuse partout (разумѣется, если ты обяжешься писать всякіе шесть мѣсяцевъ), et lui qui doit changer tout son avenir, occupations, habitudes, connaissances, jusqu'à sa langue, comment peut-il être décidé dans un tel pas par quelqu'un d'autre que lui-même. Je crains de lui montrer ce que je désire; au reste je ne sais pas encore ce que je désirerais le plus! A présent ce n'est plus par la seule habitude, ni par principe que je dis: *да будетъ воля Твоя;* все сердце и душа повторяютъ за языкомъ. Я боюсь, что *теперь* маменькѣ не будетъ это пріятно Оставить же ее въ Петербургѣ не рѣшусь ни за какое блаженство. Отпустите съ нами Сашу? Но она не захочетъ! Ее прикрѣпили Гордіевымъ узломъ къ Петербургу. Кто рѣшится его перерубить? Другъ мой, до полученія письма твоего не хотѣлось сюда и для того, что далеко отъ тебя, но съ письмомъ въ рукахъ, *сегодня,* отъ дальности не грущу. Вдругъ Мойер. коллегіенратство упало, какъ бомба, на всѣ эти планы. Мы возвращаемся оба въ Дерптъ: (сперва я было оставалась въ Москвѣ) и служимъ до Рождества, а тамъ онъ подаетъ отставку, переѣзжаемъ сюда, и хозяйничаемъ до упаду. Что скажешь ты объ этомъ планѣ? Душенька, ne prenez pas en mauvaise part ce que je vous dirai maintenant: je crains beaucoup, *extrêmement,* qu'il ne soit trop désoeuvré ici! les travaux des champs ne durent que quelques mois, et encore n'y a-t-il pas un temps fixe pour quoi que ce soit, comme à Dorpat. Son enfant et moi, pourrons nous et aurons nous assez de loisir pour l'occuper? вотъ чего боюсь. Теперь ему все ново, все занимаетъ: онъ встаетъ въ 5 часовъ, пьетъ свой кофе и тотчасъ въ поле; мы выѣзжаемъ съ завтракомъ для мужиковъ въ один-

[1]) Бунино, Орловской губ., принадлежавшее М. Н. Свѣчиной и А. Н. Вельяминовой.

надцать и тотчасъ домой. Онъ возвращается въ 2 обѣдать, спитъ, а въ 4 опять туда, домой въ 10. Что дѣлать, когда пройдетъ прелесть новости или прійдетъ стужа? Я знаю, что всѣ непріятности, которыя я имѣла въ теченіи 5 лѣтъ, были во время ваканцій, да къ тому же въ Дерптѣ было разсѣянье, а здѣсь и въ погоду, и въ ненастье все будетъ le doux tête-à-tête. Encore une fois, ни слова объ желаніяхъ— il y a tant pour et contre, que c'est un bonheur que de pouvoir se laisser entraîner par le courant sans nager ni contre, ni avec.

Скажи Плещееву, что свиньи копаютъ Анны Иван. могилу. — Вообрази, мы пріѣхали туда[1]) въ часъ пополуночи, ночь была напрелестнѣйшая; я была еще довольно здорова. Пришедъ на кладбище, не могла почти различить ея могилы, потому что все было взрыто! Сторожъ деревни, увидѣвъ чужую фигуру, пришелъ узнать, кто я и за чѣмъ, и началъ дѣлать свои замѣчанія: такъ какъ скотъ все портитъ, то рѣшились они, мужики, писать къ барину и просить камня, но въ письмѣ своемъ упомянули, что *ей* все принадлежало, и—не получили никакого отвѣта. Они рѣшились сами, на свой счетъ, поставить простой черный крестъ и обгородить заборомъ. Онъ сказалъ мнѣ съ такимъ простосердечіемъ: „слава Богу, матушка, что баринъ нашъ живъ, но подумай, если бы не она, а онъ кончилъ жизнь, то наша матушка сама бы легла на его могилу, если бы у ней не было камня!“ — Въ саду все было въ напрелестнѣйшемъ видѣ! Туберозы и jasmin de charmille цвѣли прелестно... и они насъ пережили!

Прощай, мой ангелъ! благослови тебя Богъ за письмо твое, или, лучше, за тебя вообще, и за то, что я тебя такъ нѣжно люблю! Я бы желала къ вамъ больше писать, но некогда, надобно помогать Мойеру, который безъ моего перевода не сладитъ съ Дементьевичемъ. У Саши не была еще ни въ домѣ, ни въ саду, а черезъ плотину ходила и видѣла, что счастливый островъ нашъ залило до половины; деревья на немъ почти всѣ пропали и нигдѣ нельзя ступить, вездѣ вода. Сосѣди подтопили мельницу.

LXXXIV.

А. А. Елагину.

(1-го іюля 1822 г.)— Милый братъ Алексѣй Андреевичъ! Мы пріѣхали сюда и, узнавъ на станціи послѣдней, подъѣзжая къ Бѣлеву, что вы здѣсь, я надѣялась имѣть счастье васъ увидѣть, разспросить объ нашемъ ангелѣ Дуняшѣ, о милыхъ дѣтяхъ — но въ ту минуту, когда мы послали на почту за лошадьми, чтобъ ѣхать въ милое мое Долбино, узнали мы, что вы не тамъ. Милый братъ! какъ бы намъ

[1]) Въ Чернь, имѣнье Плещеева.

увидаться? Прошу васъ, если вамъ можно, назначьте намъ, гдѣ и когда можемъ мы провести хоть нѣсколько часовъ вмѣстѣ! Какъ бы я была счастлива, если бы вы согласились пріѣхать въ Муратово! Это одно могло бы меня утѣшить, что буду здѣсь на родинѣ и безъ сестры моей! Признаюсь, надежда провести съ Дуняшей это короткое время облегчала мнѣ всѣ безпокойства дороги, теперь же отказаться отъ этого счастія! Добрый, милый братъ! утѣшьте меня, подарите намъ нѣсколько денечковъ! вы исполните одно изъ живѣйшихъ желаній вашего друга и сестры.

LXXXV.

Е. А. Протасовой и А. Воейковой.

(4 іюля 1822 г.). —Мой милый другъ маменька! Сашка, моя радость! вотъ я и въ Муратовѣ! Мы пріѣхали третьяго дня и довольно благополучно, только еще отъ дороги и кой отъ чего другого не отдохну, къ тому же англичанка, обыкновенная сопутница безпокойства духа, преслѣдуетъ меня еще безъ милости! Здѣсь нашли мы все такъ, какъ ожидали, то-есть прекрасно: розъ и цвѣточныхъ луковицъ бездна, тюльпаны разрослись необъятной величины. Ахъ! все такъ хорошо и мило, что мочи нѣтъ! Саша! у тебя еще не была, сбиралась, но не имѣла сердца, дождусь, когда будетъ больше силъ. Мы живемъ въ своихъ флигеляхъ, въ которыхъ ничто не перемѣнилось, такъ же стоятъ, какъ бывало въ *оны дни*, только солнце не отъ того же мѣста взойдетъ и зайдетъ! Милые друзья, не сердитесь, что нонче не пишу. Je sers de truchement entre Moier et Dementievitch, ils se sont tous les deux un peu profité. Да и чернила же такія бѣлыя. Анета Вельяминова здѣсь, мы съ ней вчера пробыли цѣлый день вмѣстѣ и завтра опять будетъ ко мнѣ; Иша—милый, добрый мальчикъ; кажется, не сверхъестественно уменъ, но очень еще добръ и не избалованъ. Со мною обошелся, какъ съ матерью; рожица та же самая, только и самъ такой же карманный. Объ Петрушѣ баронѣ [1]) разсказываютъ ужасы такіе, что мнѣ даже не хочется его увидѣть. Ив. Петр. опять въ уголовномъ судѣ, и, говорятъ, получитъ опеку за всѣ ужасы, которые онъ и жена его дѣлаютъ. Вообразите, что на его конюшнѣ сѣкли вдругъ 60 мужиковъ (между тѣмъ какъ Полонскіе, отецъ и сынъ, стояли у дверей съ пиками), за то, что Полина [2]), ходивши изъ одного двора въ другой, донесла, что они покрали его лѣсъ. Баронъ посадилъ ее въ карету и отправилъ со двора, pour ménager son coeur sensible, а она родила въ каретѣ, не доѣзжая до Николы Гостун. Пріѣхавъ туда, окрестила ребенка и воротилась домой. Баронъ разсказываетъ

[1]) П. И. Черкасовъ, сынъ пріятеля Жук—аго, Ивана Петровича.
[2]) Пелагея Андреевна, жена бар. П. И. Черкасова.

это вотъ какъ: „Матушка, ни въ какомъ романѣ этого не найдете; я сижу подъ окномъ, вдругъ подъѣзжаетъ карета къ заднему крыльцу! жена кланяется мнѣ рукою, я удивился! она выходитъ, а за нею несутъ—сына, не только рожденнаго, но и окрещеннаго! Quelle délicatesse! ни въ какомъ романѣ этого нѣтъ"! —Мы сбираемся къ тетушкамъ, но когда еще — не знаю. Прощайте, ангелы! устала, какъ несчастная, спина болитъ и брюхо тоже. Ахъ, когда будетъ мнѣ отъ васъ письмецо!

LXXXVI.

Къ м ъ ж е.

(Вторникъ 19 іюля 1822 г.).— Вотъ я и дома! нашла своего муженька соннаго, потому что пріѣхали въ 1 ч. пополуночи. Изъ Орла никакъ не могли вырваться: поминутно были у Анеты гости, или сама она въ гостяхъ. Тамъ готовятся большія радости: смотръ четыремъ полкамъ и на него съѣзжаются всѣ красавицы околодковъ. Мы видѣли у тетушекъ Елизав. Пв. Аргамакову: вы не можете ничего вообразить злѣе этого языка; не было человѣка, объ которомъ она бы не поговорила, и наконецъ дошло дѣло и до тебя, моя Саша! начала разсказывать, что ты дружна съ Вар. Петр. Тургеневой, но только по наружности. Я ей отвѣчала, что tout ce qu' on raconte de cette dame, et tout ce qu' elle même, sa tante, vient de nous en dire, approuve votre conduite.—Mais, oui, madame! ce qui me fâche, que ma nièce, qui est une sotte, s'imagine qu'on l'aime! *(8 строкъ зачеркнуты).* Досадно видѣть злыхъ людей! les tantes sont enchantées de son esprit, et moi je la trouve au dessous du mediocre, parce que sa conversation ne roule que sur le compte des autres. En général j'ai été très mécontente de cette journée.—Марья Ивановна [1]) не говорила почти ничего о своихъ дѣлахъ, только сказала мнѣ: mon neveu est beaucoup plus tendre dans ses lettres, qu'il ne l'est à vive voix. Еленочка разсказывала мнѣ обстоятельно объ своихъ дѣлахъ и видитъ сама, что онѣ въ рукахъ у мошенника. Вообразите, что *Роженскъ*, Сальница и Никольское уже проданы, и что ни одна копѣйка долгу тетушекъ еще не заплочена. Онъ [2]) живетъ въ Москвѣ уже полтора года и пишетъ на всякой почтѣ, что завтра выѣдетъ, поѣхалъ на одну недѣлю; объ дѣтяхъ пересталъ заботиться съ самой кончины Маши, и тетушки принуждены дѣлать все для нихъ нужное изъ денегъ, назначенныхъ имъ. Умирая, Мар. Вас. сдѣлала духовную, по которой тетушки могутъ брать себѣ изъ доходовъ каждая по двѣ тысячи, а остальные 30 ему; но этого ему не достало, и послѣ продажи Роженска оста-

[1]) Протасова, родная тетка М. А.; ниже Еленочка—ея сестра.
[2]) Арк. Сем. Тимирязевъ, женатый на М. Вас., дочери Вас. Ив. Протасова.

лось доходовъ на его долю не болѣе 15. M-elle Siclair, по послѣднему письму его, уѣхала въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобъ ужъ не возвращаться, но не менѣе того они уже три раза были прокламированы въ церкви, и многіе за вѣрное говорятъ, что они женаты. Бывшихъ одинокскихъ людей при немъ отослалъ онъ всѣхъ назадъ и при себѣ имѣетъ только наемныхъ. По счастью въ духовной сказано, что если онъ женится, то не имѣетъ право брать дѣтей къ себѣ, и это одна отрада тетушекъ. Кажется, что онъ и никогда не подумаетъ брать ихъ назадъ, потому что это для него слишкомъ безпокойно. Не нужно сказывать, что тетушка Елена Ив. не беретъ своихъ двухъ тысячъ и что домъ и дѣти содержатся на ихъ общія 4000.

Объ пребываніи моемъ въ Орлѣ надобно сказать вамъ нѣсколько словъ: услышавъ, что въ женскомъ монастырѣ игуменьей сдѣлана Серафима Мих. Соковнина [1]), пошла я къ обѣднѣ. Дорогой разсказывала мнѣ Анета, что она никакъ не хочетъ знакомиться и никогда никого къ себѣ не зоветъ, я не повѣрила и хотѣла ей навязаться; послѣ антидора подошла къ ней: вообразите, что глаза у нея такъ завѣшены, что едва-едва можно ихъ на минуту увидѣть. Снизу лицо закрыто также по самую губу; она одѣвается по сѣвски, и монахиня, пріѣхавшая съ нею, тоже; на обѣихъ длинныя мантія, и вуаль совсѣмъ иначе и гораздо лучше, нежели на орловскихъ. Лицомъ больше всего похожа на Сергѣя, голосъ его совершенно. Я представилась, какъ старинная знакомая покойницы Ек. Мих. Она отвѣчала:—„я многое объ васъ слыхала, но какъ же мы не встрѣтились? Развѣ я уже была тогда въ монастырѣ?— Если бы я не боялась безпокоить васъ, то попросила бы позволенія представиться вамъ у васъ самихъ“.— На это, будто не слыхавъ, подала мнѣ она свою просфору, сказавъ: „не угодно ли“? Мы поговорили еще минуты съ двѣ; наконецъ, прощаясь, я попросила ее за себя молиться.—„Наша взаимная должность молиться другъ за друга“!—„Но вы посвятили себя такому званію“.—„Не говорите этого! Это всегдашнее дурное извиненіе свѣтскихъ людей. Кто же вамъ мѣшаетъ послѣдовать моему примѣру? я выбрала счастіе!“— Мы разстались.

Нельзя вообразить ничего пріятнѣе выраженія ея лица, на немъ спокойствіе той жизни. Глаза прелестные. Она такъ переобразовала монастырь, что его узнать нельзя, и архіерей, поселившійся въ Орлѣ, уважаетъ ее, и en dépit de sa modestie поминутно ей это показываетъ. Онъ ее *принудилъ* принять мѣсто игуменьи, хотя она цѣлые полгода отговаривалась. Эта женщина сдѣлала на меня впечатлѣніе особеннаго

---

[1]) Семья москвичей Соковниныхъ была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Жук—ими и Тургеневыми. Она состояла изъ С. М., товарища Жук—аго по Благородн. пансіону, и сестеръ—А. Мих. (дружной съ рано умершимъ Андр. Ив. Тургеневымъ и послѣ вышедшей за В. Н. Павлова), Екат. Мих., умершей въ дѣвицахъ, и упомянутой здѣсь Сераф. Мих.

рода, и если бы я жила здѣсь, то не отдѣлалась бы она своей просвиркой отъ меня такъ скоро.—Еще познакомилась со вторымъ феноменомъ орловскимъ – съ Плаховымъ: онъ въ своемъ родѣ другая Серафима! Что она въ монастырѣ, то онъ въ Орлѣ. Все бѣгаетъ за нимъ, и все его обожаетъ. Онъ мнѣ понравился, потому что спрашивалъ съ большимъ участіемъ о тебѣ, моя Саша, а я отвѣчала такъ глуно, что онъ можетъ подумать, что мы въ ссорѣ. *Теперь* не могу слышать твоего имени безъ слезъ, и чувствую, что голосъ мой дрожалъ; я отвернулась и заговорила о другомъ. Почуяла свою глупость, но не имѣла силы начать опять разговоръ. Онъ протежируетъ Анету и помогаетъ ей въ долговыхъ дѣлахъ. Скажи Жуковскому, что его деньги будутъ заплачены, и чтобъ онъ прислалъ намъ свой вексель, его надобно прежде ноября протестовать. Анета отказалась отъ наслѣдства; будетъ конкурсъ и черезъ два года всѣ кредиторы послѣ продажи деревни будутъ уплачены. Если же онъ затѣетъ быть великодушнымъ, то это будетъ глупо, потому что сдѣлаетъ этимъ подарокъ никому иному, какъ покупщику деревни, который иной выгоды имѣть не будетъ, какъ купить ее двумя мѣсяцами ранѣе. Вели скорѣй присылать. Если же векселя нѣтъ, то напишите поскорѣй. Проклама кончится въ ноябрѣ, и кто не явится, ничего не получитъ. Ангелы мои! теперь у васъ уже все кончено [1]). Ахъ! когда я объ этомъ узнаю? Саша, ради Бога, напиши мнѣ сама нѣсколько словъ!

LXXXVII.

Елагинымъ.

(Дерптъ. 13 сентября 1822 г.).—Вотъ уже недѣля и два дня, какъ я здѣсь, а еще все къ вамъ не писала, мои безцѣнные друзья. Кому же больше васъ хотѣлось бы сказать, сколько вы мнѣ дороги и сколько я вамъ благодарна за милую ласку вашу, за обхожденіе братское моего безцѣннаго Елагина, и за то, что моя Дунька все-таки старая, моя собственная, нераздѣлимая! Такъ, сестра, свиданіе мое съ тобою возвратило мнѣ всю прелесть старой жизни, молодость моя воротилась подлѣ тебя; теперь только, побывавъ съ тобою, вижу, какъ мнѣ свиданье это было необходимо. Покинувъ васъ, почувствовала живѣе, что̀ ты мнѣ; покуда были вмѣстѣ, только чувствовала счастіе, а разставшись съ нимъ, вижу всю его необходимость. Не писала къ вамъ до сихъ поръ оттого, что мой Mr. Musard [2]) сбирался писать со мною вмѣстѣ, и откладывалъ отъ одного дня до другого; знаю, что ему это весело, но онъ не можетъ рѣшиться сѣсть за перо и—отка-

---

[1]) Лѣтомъ 1822 г. у А. А. родился сынъ Андрей.
[2]) Мойеръ, прозванный такъ за медлительность.

зываюсь отъ него!—Вояжъ свой кончили мы благополучно и довольно скоро, но по причинѣ дурной дороги и часто пьяныхъ кучеровъ должны были четыре раза ночевать. Между Новгородомъ и Псковомъ на первыхъ двухъ станціяхъ натрусилась ваша сестра, какъ несчастная! два дня до нашего пріѣзда бѣглые солдаты зарѣзали прохожую, и я увѣрена была, что они и меня поджидаютъ.— Мойеръ, изъ снисхожденія къ моей трусости, остался на квартирѣ ночевать, и едва положили соломы на полъ, какъ заснулъ сномъ благодатнымъ; я же сѣла караулить того разбойника, которому угодно будетъ прійти насъ рѣзать, но вообрази, что кромѣ стада таракановъ, сонма блохъ и роя клоповъ никто не приходилъ, и на другое утро, живые, поѣхали мы далѣе. Въ Псковѣ отдохнули 24 часа, и ночью подъ вторникъ были въ Верро, 70 верстъ отъ Дерпта, гдѣ принуждены были взять долгихъ. Такъ какъ мы пріѣхали въ 12 часовъ и разбудили почтмейстера, то дѣти остались въ каретѣ; мы этому были рады, потому что надѣялись достать дешевле лошадей. Напоивъ почтмейстера чаемъ, поѣхали далѣе и пріѣхали въ Дерптъ въ 6 часовъ вечера. Тамъ, кромѣ моего добраго Полиньки, некому было ждать меня, и мы ѣхали по знакомой дорогѣ спокойно. Въ двухъ верстахъ отъ Дерпта стали кони наши, и мы пошли пѣшкомъ—вошли въ городъ, на дворъ, въ домъ, ни одной знакомой души! Наконецъ, изъ угла выскочилъ Митя Воейковъ, съ извѣстіемъ, что Поль пошелъ смотрѣть великаншу, что Карлъ остался совсѣмъ въ Ревелѣ и что Луиза не возвращалась. Мы помѣстились въ пустой маменькиной комнатѣ, въ которой прежде какъ-то не сиживалось; стали пить чай—какъ вдругъ отворяется дверь и— другъ нашъ, другъ Мойерова ребячества, молодости и совершенныхъ лѣтъ, Цёкель вбѣгаетъ! мы ему обрадовались въ эту минуту больше, нежели когда-нибудь, но онъ на насъ не смотритъ, кричитъ: „Катенька! Катенька! la voilà! Dieu soit loué!“ Можешь вообразить наше удивленіе; но вотъ ключъ: ѣхавъ черезъ Верро нѣсколько часовъ послѣ насъ, онъ остановился у того же почтмейстера, и этотъ бѣднякъ въ просонкахъ началъ ему жаловаться, что вотъ ужъ другой проѣзжій его будитъ. Спросивъ, кто былъ первый, узнаетъ объ насъ и разспрашиваетъ объ дѣтяхъ: тотъ его увѣряетъ, что мы были одни и что никто и не могъ быть съ нами, потому что мы ѣхали въ двухмѣстной каретѣ. Добрый Цёкель, вмѣсто того, чтобъ продолжать путь свой въ Ригу, взялъ почтовыхъ, перекладную, подставы и вслѣдъ за нами прискакалъ безъ души въ городъ, съ тѣмъ, чтобъ оплакивать нашу Катю. Увидѣвъ ее, забылъ насъ, а мы зато еще вдвое ему были рады. *Un ami véritable est une belle chose!* Ахъ, моя Дунька! подлѣ васъ было и мнѣ хорошо. Теперь—но сейчасъ получила письмо отъ маменьки; она будетъ сюда къ 1-му октября и Жукъ провожаетъ. Прощай.

Вамъ много будетъ надъ его письмами сидѣть [1]), а я нонче откланяюсь. Не повѣришь, какъ тяжело сидѣть, все еще тошнота продолжается. Душенька, посылаю тебѣ прочесть письмо моего Зейдлица, писанное къ одному другу въ Птрб., которое мнѣ досталось случаемъ. Возврати мнѣ его вмѣстѣ съ Жуков. письмами. Обними хорошенько добраго своего мужа и поблагодари его за дружбу его къ намъ. Проси его хлопотать объ нашемъ соединеніи. О! когда бы это было возможно! Христосъ съ вами, мое сокровище, мои дѣти, мое счастье, мое все хорошее.

Таубхеймъ экзаменовался въ магистеры, стало быть, мало надежды [2]), но я написала къ нему сегодня. Если онъ не удастся, хотите другого? Проф. Seare рекомендуетъ одного отмѣннаго.

LXXXVIII.

В. А. Жуковскому.

Другъ мой! Это письмо получишь ты тогда, когда меня *подлѣ васъ* не будетъ, но когда я еще ближе буду къ вамъ душою. — Тебѣ обязана я самымъ живѣйшимъ счастіемъ, которое только ощущала! ты научилъ меня достойнымъ образомъ обожать моего Создателя, Отца; Того, Который взялъ меня къ себѣ затѣмъ, чтобы узнать еще большее блаженство. Не огорчайтесь, что меня *потеряли*. Я съ вами! Жизнь моя была наисчастливѣйшая — выключая два, три дурныя воспоминанія, я не имѣю причины пожаловаться на нее, и все что ни было хорошаго, — все было твоя работа. Ангелъ мой! одна мысль, которая меня безпокоитъ, есть та, что я не довольно была полезна на семъ свѣтѣ, не исполнила цѣли, для которой создана была; но это чрезмѣрное желаніе, которое во всю жизнь меня не покидало— дѣлать что-нибудь полезное — неужели оно ни во что не причтется? Послѣдній годъ жизни моей былъ наилучшій—надежда имѣть ребенка осчастливила все; и всѣ чувства были *благодарность!* Чрезмѣрное это счастіе заставляетъ меня ожидать и желать смерти. Quitter la vie au moment, où l'on est si bien! où on espére avoir son avenir aussi heureux que l'a été le passé, et la quitter avec tant de bonne grâce, n'est ce pas se faire un merite auprès du bon Dieu? n'est ce pas compenser en quelque sorte le mal qu'on n'a pas évité et le bien qu'on a manqué? Je laisse mon enfant avec un peu de crainte dans ce monde, où il aura toute une vie à parcourir, mais il y a donc un Père qui a créé ce monde, et il aura devant soi des modèles tels que toi, Moier! Puisse-

---

[1]) Жук—ій описалъ свое путешествіе въ письмахъ къ Вел. Княгинѣ, своей ученицѣ, а списокъ съ нихъ послалъ къ роднымъ. Онъ упоминаетъ объ этомъ въ письмѣ къ Елагиной 6 дек. 1822 г. (См. выше, стр. 35—36).

[2]) Очевидно, А. П. Елагина просила найти ей учителя.

t-il avoir vos âmes, et alors sa vie, son avenir est assuré. Jamais je ne me suis sentie tant de force d'âme qu'à présent. Aussi mon père céleste a tout fait pour me faire sentir les délices de la vie — mes facultés paraissent avoir acquis une force extraordinaire, ma santé est excellente, tous les souhaits sont remplis. Vous, mes amis! o, combien je vous aime! et pourtant l'idée de vous quitter pour toujours ne me rend pas triste! L'idée de l'éternité me remplit d'un sentiment si doux, si consolant! Je désire également d'être avec mon Dieu et mon enfant— tout mon coeur n'est qu'amour!

A présent que c'est de la tombe que je t'adresse ma lettre, je puis aussi te montrer le coeur tel, qu'il a été, sans que cela offense quiconque. Mon ami! l'attachement, que j'ai eu pour toi et qui ne m'a quitté que lorsque la vie m'ait quitté, a embelli toute mon existence, sans nuire aux devoirs que je m'étais imposée. Te chérir était les chérir. J'ai aimé mon bon mari autant qu'il est possible d'aimer un être aussi bon et aussi vertueux qu'il l'est, et je crois l'avoir rendu heureux, mais c'est à toi que se rapportait chaque jouissance de sentiment, chaque noble idée, chaque souvenir — en un mot tout ce qui me rapprochait de Dieu, et ce sentiment là, je l'ai sûrement conservé dans cet instant. Сколько вещей должна я была обожать только внутри сердца— знай, что я все чувствовала и все цѣнила. Теперь, прощай.

Я отдаю назадъ все, что мнѣ было драгоцѣннѣе. Перечитывая эти тетрадки, въ которыхъ заключена цѣль моей жизни, ты утѣшишься мыслію, что имѣя *твою* душу въ рукахъ, моя жизнь была завидна! Будь счастливъ! — думай обо мнѣ съ совершеннымъ спокойствіемъ, потому что послѣднее мое чувство будетъ *благодарность*. Будь отецъ второй моего малютки и сынъ моей матери. Друзья, не жалѣйте обо мнѣ, я увѣрена въ милосерд...

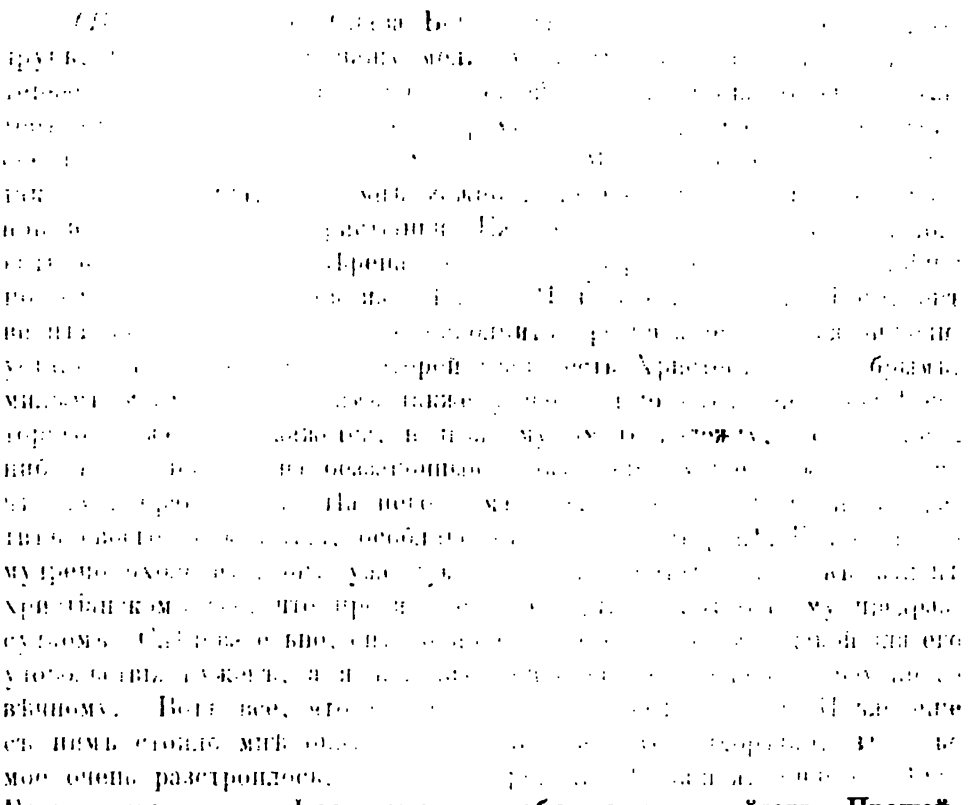
Письмо это, которое должно было служить „голосомъ изъ-за могилы", можно съ извѣстными основаніями отнести и къ марту 1823 г. и къ октябрю 1820 г., когда М. А. ожидала перваго ребенка; мы видѣли, что она думала тогда о смерти и даже приготовила на этотъ случай письмо А. П. Елагиной: вторые роды, повидимому, меньше ее пугали (Жук—ій писалъ Елагиной послѣ ея смерти: „Послѣдніе дни ея были веселы и счастливы"). Подъ ребенкомъ, упоминаемымъ здѣсь, можно разумѣть или еще не родившагося первенца, или двухлѣтнюю дочь. Пожалуй, даже больше основаній отнести письмо къ 1820 г., и если мы тѣмъ не менѣе предпочли заключить имъ переписку М. А., то имѣли въ виду ея собственное желаніе сдѣлать это письмо своимъ завѣщаніемъ, своимъ послѣднимъ обращеніемъ къ Жуковскому.

III.

Письма Е. А. Протасовой.

Екатерина Аѳонасьевна
Протасова,
урожденная Бунина.

Худож. фотот. К. Фишеръ, Москва.



Богъ милостивъ, надѣюсь, ежели надобно, и это пройдетъ. Прощай, милый другъ. Поцѣлуй и перекрести своихъ дѣтей. Христосъ съ вами.

Письмо относится приблизительно къ апрѣлю 1814 г. Изъясненіе съ Жук—имъ, о которомъ говоритъ здѣсь Ек. Авак., изложено въ письмѣ Жук. къ А. Тургеневу отъ 5 мая („Письма", стр. 115): оттуда видно, что оно происходило послѣ полученія Екат. Авак. письма отъ Арбеневой, а это письмо пришло въ Муратово въ апрѣлѣ (Жук. пишетъ объ этомъ Авд. Петр. 16 апрѣля (Русск. Стар. 1883 г. т. XXXVII, стр. 434—5). Въ концѣ даннаго письма есть (выпущенныя нами) подробности о шитьѣ приданаго, что также опредѣляетъ дату.

II.

Ей же.

(Весна 1814 г.)—Дуняша, милый другъ, ты меня ужасаешь; что это за предложеніе ты мнѣ дѣлаешь? Ты все забыла: Бога, дѣтей, Машу, твои должности, о себѣ я уже не говорю; ты ни о чемъ не думаешь, кромѣ страсти Василья Андреевича и для удовлетворенія ея ты все бросаешь. Какая мысль у тебя о Богѣ? сперва ты сама говоришь, что Онъ *милосердъ*, потомъ предлагаешь себя Ему *жертвой*. Какъ будто можно для умилостивленія за одно беззаконіе еще сдѣлать другое. Такъ, мой другъ, точно это будетъ ужасное преступленіе бросить тебѣ невинныхъ дѣтей, которыхъ Богъ тебѣ далъ на утѣшеніе и за которыхъ Онъ потребуетъ отъ тебя отчета въ день судный. Онъ далъ тебѣ способности воспитать ихъ, твой *талантъ*, который тебѣ данъ на время, не принесетъ никакой пользы, ты зароешь его въ землю. Дуняша, ты прежде вѣрила, что потребуютъ отъ насъ отчета въ дѣлахъ нашихъ, а тебѣ даны обязанности тяжкія: два сына и дочь. Ежели ты будешь исполнять ихъ, какъ должно простой, неумствующей христіанкѣ, а какъ церковь намъ велитъ, заслужишь благословеніе Божіе, то даже и въ здѣшнемъ мірѣ будешь ими блаженствовать. Но что я дѣлаю, я тебя учу! ты лучше моего знаешь Священное Писаніе, ты лучше моего выполняешь свои должности. Я должна только тебѣ сказать о своихъ чувствахъ, которыхъ ты совсѣмъ видно не знаешь.— И такъ, Дуняша, ты мнѣ можешь предлагать этакую жертву и говорить: „будьте счастливы!“ Я право не знаю, чѣмъ я заслужила этакое ужасное о себѣ мнѣніе. Погубить твоихъ невинныхъ дѣтей, тебя заключить въ монастырь, позволить въ любодѣяніи жить дочери — церковь не признаетъ брака между родными — и быть счастливой, какъ ты говоришь. Дуняша, какимъ ты меня извергомъ воображаешь? Судите обо мнѣ, какъ объ человѣкѣ, вамъ подобномъ въ чувствѣ; такой ужасный эгоизмъ, основанный на суевѣріи, право далекъ отъ моего сердца. И ежели бы ты видала всѣ слезы, которыя вылились на это письмо, право бы ты пожалѣла, что сдѣлала мнѣ этакое предложеніе, коли не изъ дружбы ко мнѣ, такъ изъ жалости. Письма твоего никому не покажу, будь покойна, оно слишкомъ меня огорчило, а я не люблю дѣлить горести, я одна ихъ буду выносить. Я пойду въ монастырь точно, и отъ раскаянія, что моей привязанностью и глупою довѣренностью погубила Василія Андреевича. Это моя неосторожность все сдѣлала. Да и моя должность въ семъ мірѣ исполнится: дѣти въ совершенныхъ лѣтахъ, одну вы, друзья, выдадите замужъ, другую— я; по незаслуженной ничѣмъ милости Божіей, можетъ быть, молитвами Андрея Ивановича даетъ ей Богъ покровителя, который сниметъ съ меня обязанность блюсти ее на скользкомъ пути здѣшней жизни и для

себя ее будетъ беречь. Слѣдовательно, мнѣ можно и о покоѣ думать. Гдѣ же мнѣ его лучше искать, какъ не въ монастырѣ? Богъ милосердъ, Онъ будетъ меня судить не по дѣламъ моимъ, а по намѣреніямъ, Онъ видитъ, что всему виною моя простодушная довѣренность и неосторожность, онъ сжалится, онъ вселитъ въ меня къ себѣ любовь, замѣнитъ собою привязанность мою къ вамъ, къ дѣтямъ моимъ. И я вѣрно въ годъ найду совершенное спокойствіе; участь тетушки Александры Григорьевны[1]) слишкомъ еще жива въ памяти моей, чтобъ не стараться избѣгнуть ея и не дѣлать несчастія столько мнѣ милыхъ людей, и самой не мучиться такъ, какъ страдала она до смерти. О поѣздкѣ къ архіерею я сегодня говорила съ Марьей Николаевной[2]); она, моя милая, на этотъ счетъ со мной одного мнѣнія и также увѣрена, что для насъ постановленія церковнаго не перемѣнятъ; въ простотѣ души безъ всякаго умствованія вѣритъ, чему церковь велитъ, и, кажется, сама несетъ крестъ повиновенія, тягчайшій, чѣмъ кто нибудь вообразить можетъ. И я не думаю, чтобъ Богъ далекъ былъ ея сердца, хотя ты и говоришь, что только къ тѣмъ и близокъ *Онъ*, кто желаетъ этой свадьбы. А въ этомъ я совершенно согласна, что ты говоришь que faire le malheur *éternel* d'un seul *même* n'est pas si *saint* que de les tourner l'un et l'autre à Dieu; ежели же ты полагаешь, что этимъ беззаконнымъ бракомъ даже ихъ къ Богу обратить можно, такъ чего же лучше? мое несчастіе, оно здѣсь недолго продолжится, въ вѣчности я должна быть наказана по правосудію Божію: я всему этому виною, я допустила усиливаться страсти Василія Андреевича. А за Машу я и теперь ручаюсь, что она не влюблена, а несчастлива тѣмъ, что знаетъ въ нее влюбленнымъ человѣка, котораго она съ ребячества привыкла любить и ежели бы могла увѣренной быть, что онъ желаетъ себя побѣдить и будетъ беречь свое здоровье, будетъ заниматься по прежнему, она бы давно покойна была и никакъ никогда не желала бы этой свадьбы, узнавши, что церковь ее запрещаетъ. Мнѣ очень жаль, что ты при мнѣ съ ней не поговорила; ты бы увидѣла ея любовь ко мнѣ, истинное и благоразумное сужденіе, совсѣмъ страстью не помраченное. Но опять таки надежда моя на милосердіе Божіе, что истинное раскаяніе испроситъ у него, что онъ судить меня будетъ за намѣреніе, а не поступки. Любовь моя къ Василію Андреевичу такъ чиста, такъ непорочна, я заблуждалась и думала ему замѣнить матушку, батюшку, Елизавету Дементьевну и даже видѣла и въ немъ къ себѣ истинную любовь брата, а это было все одни исканія для полученія Машиной руки. Ежели бы онъ видѣлъ мои мученія, какъ меня убиваетъ его положеніе, онъ по прекрасному своему сердцу старался бы себя побѣдить.—Я столько написала, что уже и свѣту не вижу и, ду-

[1]) Сестра М. Г. Буниной.
[2]) Свѣчиной.

маю, уже и толку нѣтъ въ письмѣ.—Теперь буду тебя просить написать ко мнѣ порядочно о его здоровьѣ, что онъ дѣлаетъ. Старайся, моя милая, разсѣевать его и скажи ему, что я не по капризу отказываю ему въ моемъ согласіи, а точно увѣрена, что безъ благословенія Божія не можно ему быть счастливу. Всечасно молюсь о его спокойствіи.

Письмо относится къ веснѣ 1814 г.; вѣроятнѣе всего къ половинѣ апрѣля. Въ немъ Ек. Аѳ. говоритъ, что видѣлась съ Мар. Ник. (Свѣчиной), которая оказалась одного съ ней мнѣнія. Къ этой М. Н. Жук—ій писалъ 7 марта, прося ее и ея сестру А. Н. Арбеневу повліять на Ек. Аѳан., а 16-го апрѣля онъ пишетъ А. П. Кирѣевской, что при немъ въ Муратово пріѣхала Свѣчина и пришли письма отъ Арбеневой. (Обѣ сестры стали не на сторону Жук—аго). Изъ письма Ек. Аѳан. видно, что Авд. Петр. умоляла ее дать согласіе и предлагала, что если тутъ есть грѣхъ, то она беретъ его на себя и пойдетъ въ монастырь отмаливать его. — Жуковскій въ это время жилъ то въ Долбинѣ у Кирѣевской, то въ Черни у Плещеевыхъ, наѣзжая по временамъ въ Муратово къ Ек. Аѳан.

III.

В. А. Жуковскому.

(Дерптъ. 4 октября 1815 г.) — Письмо твое отъ 29 сентября, мой милый другъ Жуковскій, получила въ день моего рожденія и очень имъ утѣшилась. Всякое твое ласковое слово трогаетъ меня до сердца. Сколько ты мнѣ дорогъ, мой милый, ты этого никакъ не умѣешь вообразить и какъ бы ты могъ дѣлать мое счастіе, ежели бы ты былъ прямымъ мнѣ братомъ, безъ примѣси страсти непозволенной. Но полно объ этомъ и говорить, я очень утѣшилась, что ты обо мнѣ думалъ этотъ день съ любовію, какъ братъ родной; съ меня и того довольно.

Браво! браво! милый другъ, славно! презирай зоиловъ, — прекрасно поступилъ, вызвавъ сочинителя на сцену, тебя критикующаго [1]).— У насъ все, слава Богу, хорошо. Всѣ становятся здоровы. Катенька мила чрезвычайно. Спѣшу кончить, боюсь опоздать на почту. Христосъ съ тобою.

Далѣе слѣдуютъ приписки Марьи Андреевны и Александры Андреевны. Первая пишетъ:

„Милый другъ Жуковскій! Благодарю тебя за твое послѣднее письмо—присылай намъ чаще такія милыя, безцѣнныя письма! Мое здоровье, слава Богу, поправляется и скоро будетъ совсѣмъ хорошо. 1-е октября праздновалъ ты вмѣстѣ съ нами, мой милый другъ, и письмо твое получили мы въ 6 час. вечера. Не нужно сказывать, какъ оно утѣшило. Vous avez eu une nouvelle épreuve à soutenir et vous avez applaudi *de bon coeur* à la critique. Добрый мой другъ! тебѣ не нуженъ былъ опытъ, чтобъ знать свое сердце съ этой стороны. Маменька, прочтя письмо твое, это сказала.—Прощай, милый! Дай Богъ, чтобъ ты былъ здоровъ, чтобъ тебѣ было весело и хорошо. На нашъ счетъ будь спокоенъ. Хотѣлось бы показать тебѣ Катиньку, она становится всякій день милѣе и лучше и утѣшаетъ насъ чрезвычайно. Прощай. Марія.

---

[1]) Рѣчь идетъ о поведеніи Жуковскаго въ театрѣ во время представленія ком. Шаховскаго „Липецкія воды“, гдѣ Жук—ій былъ выведенъ въ комической фигурѣ поэта Фіалкина.

А. А. Воейкова писала:

Здравствуй, милый другъ! Воейковъ проситъ тебѣ напомнить о памятникѣ Кайсарова[1]). Катенька моя цѣлуетъ твои ручки. Прелестный ребенокъ! А я тебя люблю очень, malgré tout. И видно, что *очень*, если твоему послѣднему письму не вѣрю. А тому, что Маша меня не любитъ, и ей не съ перваго раза повѣрю, коли она сама меня увѣрять станетъ, не только ты. Послушай! Не грѣхъ ли тебѣ ко мнѣ это писать! Но я увѣрена, что ты не перечелъ письма своего, иначе вѣрно бы не рѣшился меня мучить всѣми тѣми мѣстами сердца, которыя нѣжнѣе и мнѣ дороже. Что значитъ твоя просьба, чтобы я ее замужъ не выдала; право, она мнѣ подороже, чѣмъ тебѣ съ твоею страстью!

IV.

П. И. и М. Н. Протасовымъ.

(10 октября 1815 г. Дерптъ).—Милая сестра М. Н.! я не умѣю описать горести и всѣхъ чувствъ, произведенныхъ въ душѣ моей твоимъ письмомъ[2]). Хотѣла отвѣчать въ ту же минуту, какъ получила, но силъ не достало, не знаю, докончу ли и теперь. Вы правы: евангеліе есть нашъ законъ. Я читаю, моя милая, всякій день евангеліе и вижу въ немъ повелѣніе моего Спасителя повиноваться всѣмъ властямъ, какъ духовнымъ, такъ и гражданскимъ. Первымъ даетъ Онъ власть связывать и развязывать на землѣ. Я говорила съ умными и знающими законъ священниками; никто (*даже и самъ Ив... Влад... Л...*[3]), *который есть истинный покровитель В... А..., сльдовательно и брака его*) не уничтожилъ нашего родства съ нимъ. Родство наше признано церковью. Ни одинъ священникъ вѣнчать не станетъ сына моего отца съ моею дочерью. Ежели В... А... подкупитъ попа, или какимъ нибудь другимъ образомъ согласятся ихъ обвѣнчать, то таинство ли это будетъ? Скажите, какъ я позволю бракъ сей? Не истинное ли это прелюбодѣйство, которымъ еще наругаются закону? — Вы говорите, что *дѣло идетъ* о счастіи, *а можетъ быть о спасеніи жизни, въ такомъ случаѣ можно предразсудокъ оставить.* Въ этомъ я съ вами согласна. Не только предразсудокъ надо оставить, и не должно имѣть онаго. Но неужели вы называете предразсудкомъ повелѣніе моей церкви, которой главою есть Христосъ, въ которой я воспитана? И такъ вы думаете, что я должна перемѣнить законъ въ удовлетвореніе страсти В... А...? За Машеньку же я вамъ ручаюсь, что она давно вышла изъ заблужденія, да и никогда страсти не знала, но любила его, какъ милаго и любезнаго всей моей семьѣ человѣка. —Напрасно онъ васъ увѣрилъ, что ея болѣзнь происходитъ отъ страстной любви къ нему. Конечно, я согласна, что огорченія, которыя онъ мнѣ дѣлаетъ,

---

[1]) Андрей Серг. Кайсаровъ былъ товарищемъ Жук-аго по Благор. Пансіону. Онъ готовился къ научной дѣятельности и учился заграницей въ Геттингенѣ и Эдинбургѣ. Возвратившись въ Россію, онъ въ 1811 г. онъ сдѣлался профессоромъ русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, но въ 1812 г. вступилъ въ военную службу и въ маѣ 1813 г. былъ убитъ въ сраженіи подъ Гайнау. Воейковъ занялъ въ 1814 г. его каѳедру въ Дерптѣ.

[2]) Протасовы склоняли Ек. Аѳан. дать согласіе на бракъ.

[3]) И. В. Лопухинъ.

теряя ея репутацію, имѣютъ большое вліяніе на ея здоровье. — Но она сама хочетъ къ вамъ писать. Прощайте, милые друзья, благодарю васъ за дружбу, и желаю вамъ всякаго благополучія. Милый другъ Сашенька [1]), прочти мое письмо къ твоей маменькѣ. Право, не имѣю силъ больше писать. Здоровье мое очень разстроилось и боли головныя усилились. Желаю тебѣ, мой другъ, счастія, желаю, чтобы ты никогда не зналъ тѣхъ горестей, коими усѣяна вся моя жизнь.

Вы пеняете мнѣ, любезный братъ П. И., что я, называя васъ другомъ, съ вами неискренна. Войдите въ мои чувства и во все мое положеніе. Я по несчастію мало была съ вами вмѣстѣ. Короткое время, проведенное мною у васъ въ деревнѣ, полагаю въ числѣ счастливыхъ дней моей жизни. Тутъ нѣсколько разъ хотѣла открыть вамъ мое сердце и угнетающія его горести. Но страхъ, что вы мало меня и дѣтей моихъ знаете, остановилъ. Еще же слова ваши, которыя крупными чертами врѣзались въ моемъ сердцѣ и никогда не изгладятся; говоря о свадьбѣ А. П. Г. Т., вы сказали: она мнѣ племянница, что я могъ сдѣлать?... а если бы это была дочь, я запретилъ бы и не допустилъ бы такого брака [2]). Вы въ послѣднемъ вашемъ письмѣ называете мое семейство вашимъ, слѣдовательно и дѣти мои ваши. Гдѣ жъ искренность и съ вашей стороны, для чего же вы молчали? Но я не пеняю, но скажу вамъ искренно, что я противу совѣсти моей и закону, въ которомъ воспитана, никакъ не могу поступить, да и вижу ясно, что я не сдѣлала бы счастія ихъ моимъ согласіемъ. Беззаконные браки наказываются и въ здѣшней жизни.

Опять по слову вашему, что семейство мое есть ваше, и по истинному моему къ вамъ почтенію и любви считаю долгомъ защитить, хотя нѣсколько, репутацію моей бѣдной Маши и оправдать себя: послѣднее труднѣе. Но милосердный Богъ будетъ меня судить по намѣренію, а не по дѣламъ.— Вы знаете доброту сердца и милыя дарованія моего брата, вы видите, что моя привязанность къ нему основательна. Я зачала его любить тогда, когда еще онъ и не понималъ этого слова. Онъ выросъ въ моихъ глазахъ, мы одного отца дѣти. Батюшка былъ къ нему привязанъ страстно. Я имѣла мать примѣрной добродѣтели, она послѣ кончины бабушки привязалась къ нему, какъ къ сыну. Примѣръ ея заставилъ меня еще болѣе его любить.— Такъ жили мы до 1805 года.— Тутъ Василій Андреевичъ сдѣлался поэтомъ, уже нѣсколько извѣстнымъ въ свѣтѣ. Надобно было ему влюбиться, чтобъ было кого воспѣвать въ своихъ стихотвореніяхъ. Жребій палъ на мою бѣдную Машу. Ей было тогда 11 лѣтъ. Она

---

[1]) А. П. Протасовъ.

[2]) Слова Ек. Ав. не совсѣмъ ясны. Повидимому, она упрекаетъ П. И. въ томъ, что онъ, зная дурные слухи, ходившіе передъ свадьбой о Воейковѣ, говорилъ о нихъ какому то А. П. Г. Т., но не сказалъ ни слова ей (ниже она говоритъ: „для чего же вы молчали"). Но если такъ, Ек. Ав. не совсѣмъ справедлива: она знала сама о дурной репутаціи Воейкова до свадьбы. (См. Русск. Стар. 1883 г. іюнь, стр. 551).

не могла кокетствомъ его привязать къ себѣ, ни блестящими отличными достоинствами, потому что еще не имѣла ничего своего, а была истинный ребенокъ. Но какъ мнѣ опредѣлено всегда терпѣть отъ милыхъ мнѣ людей, потому что я слѣпа въ моихъ привязанностяхъ, то онъ мнѣ и заплатилъ за мою любовь. Проживши лѣто вмѣстѣ, поѣхалъ онъ въ Москву, откуда мнѣ написалъ и предлагалъ руку Машѣ. Можете себѣ представить, какъ меня огорчила этакая романтическая мысль. Я отвѣчала ему самымъ сильнымъ образомъ и, кажется, никакой надежды не оставила, но отказала совершенно. Здоровье мое, и безъ того огорченіями разстроенное, не выдержало, я занемогла. Это дошло до Василія Андреевича. Онъ отгадалъ причину болѣзни и написалъ ко мнѣ такое письмо, которое совершенно меня успокоило. Онъ давалъ мнѣ слово никогда не думать объ этомъ бракѣ и побѣдить себя, только просилъ меня не сказывать о его страсти матушкѣ и Машѣ.—Я обрадовалась безъ памяти его письму, повѣрила его обѣщанію и сожгла всѣ письма съ тѣмъ, чтобы скрывать отъ всего свѣта минутное его заблужденіе. Вотъ мои преступленія. Я наказываюсь за неискренность мою къ матушкѣ; она все бы это передѣлала. Также и Машу не завели бы въ эту пропасть, ежели бы она мной была предувѣдомлена. Надежда моя на спокойствіе продолжалась до 1811 года. Въ маѣ я лишилась матушки; черезъ нѣсколько дней и его мать скончалась. Онъ написалъ ко мнѣ опять прелестное письмо, просилъ у меня мѣста въ моей семьѣ и давалъ мнѣ слово быть истиннымъ моимъ братомъ. Я, любя его безъ памяти, дѣля его потерю такъ, какъ онъ мою, и вѣря добродѣтели, никакъ не думала испортить репутацію моей дочери, взявши брата къ себѣ въ домъ. Но не такъ вышло. Нашлись друзья, которые разрушили все мое спокойствіе. Мнѣ нечаянно попалось письмо Ан. Ив. Плещеевой къ Машѣ, которымъ открылись мои глаза. Я не имѣла силъ прочесть его все. Когда я Машѣ сказала, что видѣла это письмо, то она упала къ моимъ ногамъ и дала мнѣ слово не только не соглашаться на этотъ беззаконный бракъ, но и увѣрила меня, что она любитъ Жуковскаго, какъ милаго мнѣ брата и любезнаго человѣка, безъ всякой страсти, чистою, непорочною, христіанскою любовію; хотѣла въ ту же минуту идти къ нему и сказать, чтобы онъ насъ оставилъ. Вотъ второе мое преступленіе: я ее остановила, думая тише это кончить, любя его, какъ брата, чтобы не сильно огорчить, да и ея репутацію поберечь отъ толкованій людскихъ. Но, напротивъ, подвергла ее разнымъ мучительнымъ испытаніямъ, которыя тянулись почти цѣлый годъ. Ближніе мои родные всѣ встали съ совѣтами противъ меня. Ангелъ мой Маша все побѣдила и устояла. Здѣсь въ Дерптѣ у насъ было опять объясненіе съ Василіемъ Андреевичемъ, и я опять отказала ему. Потомъ онъ самъ далъ слово мнѣ и ей побѣдить себя и стараться о доставленіи

ей счастливаго супружества. — Въ послѣднее его посѣщеніе [1]) я опять возвратила было ему всю мою довѣренность и была совершенно покойна до самой послѣдней минуты его отъѣзда. Прощаясь, онъ опять зачалъ мнѣ говорить при ней, чтобы позволила этотъ ужасный для меня бракъ. Обѣихъ насъ это чрезвычайно удивило, и она съ искреннею твердостью ему сказала, что этого никогда не будетъ. Вотъ, милый другъ, вамъ исповѣдь всего прошедшаго. Дай Господи, чтобы это очистило въ вашихъ глазахъ мою бѣдную Марію, а меня, мой другъ, браните, только не лишайте дружбы вашей и совѣтовъ.

Изъ этого письма впервые открывается, что Жук—ій далъ знать Екат. Аѳан. о своей любви около 1805 г., когда Маріи Андреевнѣ было 11—12 лѣтъ. Она говоритъ, что онъ послѣ лѣта написалъ ей объ этомъ изъ Москвы; въ 1805 г. этого не могло быть, такъ какъ Жук—ій и въ сент. и въ декабрѣ жилъ въ Бѣлевѣ (письма къ А. Тургеневу и къ Вендриху—см. 7-е изд. сочиненій) Но въ концѣ 1806 г. мы видимъ его въ Москвѣ, гдѣ онъ остается и начало 1807 г. На это время, вѣроятно, и падаетъ его письменное объясненіе съ Екат. Аѳан. Но задумано оно было, очевидно, раньше: мы склонны видѣть въ его январскомъ дневникѣ 1806 г. нѣчто вродѣ черноваго письма къ Ек. Аѳан. или по крайней мѣрѣ мысль о такомъ письмѣ. Вотъ выдержка изъ этой записи 4 января (она и по формѣ обращена къ Екат. Аѳан.): „Вы должны мнѣ отвѣчать на все чистосердечно. Мои планы и желанія могутъ вамъ показаться безумными и несбыточными; вы скажете просто свои мысли, и я увѣренъ, что вы не оскорбитесь; къ тому же мнѣ показалось, если не ошибаюсь, что вы имѣете одно со мною желаніе [2])... Мысль о томъ, чтобы не быть разувѣреннымъ вами лично, не позволяетъ мнѣ говорить теперь. Слѣдовательно получу вашъ отвѣтъ и узнаю все рѣшительно не иначе, какъ тогда, когда самъ не буду съ вами". (Дневники Жук—аго при Русск. Стар. 1901 г., стр. 31).

Изъ письма Ек. Аѳан. видно, что въ Дерптѣ Жук. дважды просилъ руки М. А. Послѣдній разъ это было 24 августа, а первый—въ мартѣ или апрѣлѣ, въ теченіи которыхъ онъ жилъ тамъ; объ этомъ, первомъ объясненіи онъ писалъ Авд. Петр. 21 мая.

V.

В. А. Жуковскому.

(11 октября 1815 г.). — Сколько письмо твое меня огорчило и удивило, право изъяснить не умѣю. Я никакъ не ожидала послѣ нашихъ изъясненіевъ здѣсь и твоихъ обѣщаніевъ быть не только мнѣ братомъ, но и покровителемъ Маши,—ты первый хотѣлъ стараться найти ей достойнаго жениха. Опять все исчезло, опять надо ее и меня мучить. Итакъ, должна тебѣ повторять мои отказы; еще прибавлю къ сему: въ этомъ случаѣ только три человѣка могли меня заставить перемѣнить мои поступки и имѣть вліяніе на мои мнѣнія: первый — Андрей Ивановичъ, какъ отецъ Маши, второй—Афанасій Ивановичъ, какъ твой и мой отецъ, да матушка. Ты просишь меня, чтобы я прибавила любви Машѣ; этой просьбы, я думаю, она и сама не сдѣлаетъ, она видитъ, что больше любить никто ее не можетъ моего. Обвиняйте меня во всемъ, чемъ хотите, но не лишайте меня единственнаго моего утѣшенія, моей любви къ нимъ, моимъ лѣтямъ — я умѣю ихъ

[1]) Жук—ій уѣхалъ изъ Дерпта 24-го августа.

[2]) Ср. запись подъ 9 іюля 1805 г.: „Но можетъ ли это быть? К. А., если не ошибаюсь, дала мнѣ что то предчувствовать". Стр. 14.

любить. — Павлу Ивановичу буду отвѣчать на слѣдующей почтѣ, теперь письмо мое не готово. Я должна ему много описать, десять лѣтъ мученіевъ, и должна сама оправдаться, оправдывать репутацію бѣдной моей Маши.

Итакъ, уѣхавъ 24 августа послѣ новаго отказа въ послѣднюю минуту передъ отъѣздомъ, Жук. черезъ мѣсяцъ снова пишетъ Ек. Аѳ. о бракѣ. Его побудили къ тому очевидно разговоры съ Протасовыми. 16 сент. онъ писалъ Авд. Петр.: „Теперь опять что-то загомозилось для меня въ будущемъ: что-то похожее на надежду. Вотъ въ чемъ дѣло: я пріѣзжаю къ Павлу Ивановичу; онъ по одному письму Екат. Аѳан. сталъ меня разспрашивать обо мнѣ и Машѣ. Я въ этотъ разъ ничего не сказалъ ему ясно, но лицо мое и нѣсколько слезъ сказали за меня яснѣе. Между тѣмъ Алекс. Павл. [1]) все сказалъ своей матери, которая—подивитесь!—говоритъ, что она не находитъ ничего непозволеннаго, что между нами нѣтъ родства“... Дальше Жук—ій говоритъ, что Протасовы вѣроятно напишутъ Ек. Аѳан.—Они, какъ мы видѣли, и написали, а Жук—ій очевидно рѣшилъ одновременно съ ними сдѣлать еще съ своей стороны попытку преодолѣть сопротивленіе Екат. Аѳан.

Послѣ всѣхъ этихъ данныхъ становится ясно, насколько упрощенно и невѣрно переданы всѣ сложныя перипетіи борьбы, надеждъ и терзаній въ книгѣ Зейдлица (см. особенно стр. 48—49 и 82—83).

VI.

Ємуже.

(14 ноября 1815 г.). — Вчера получила твое письмо, другъ мой; ты безпокоишься, что отъ меня долго не было писемъ, спрашиваешь причину—вотъ тебѣ самая искренняя: сперва хотѣла получить отъ тебя письмо; я на твое сердце всегда надѣюсь, оно мой самый добрый защитникъ. Дружба твоя есть мое сокровище; прошу отъ тебя, нѣтъ, требую, имѣю право по моей привязанности къ тебѣ требовать, чтобы съ сихъ поръ не было между нами посредниковъ никогда и никакихъ. Я тебѣ сказала и въ послѣдній разъ повторю, что только трое: Андрей Ивановичъ, Афанасій Ивановичъ и Марья Григорьевна могли мнѣ приказать, потому что имѣли на моихъ дѣтей такое же право, какъ я, и отвѣчали бы за нихъ передъ Богомъ точно также, какъ я. Любя тебя, какъ я люблю, мнѣ тяжелѣе всего тебѣ отказывать, а прочіе всѣ мало нами интересуются и всѣ по разнымъ причинамъ вступались въ наши дѣла, а никто истинно не принималъ участія, не думая ни о религіи, ни о совѣсти, а безъ этихъ двухъ друзей здѣсь адъ: никуда не уйдешь и ничѣмъ не заглушишь. И такъ, другъ милый, ты видишь, что ежели бы я могла согласиться на исполненіе твоего желанія, то, конечно, не по просьбамъ другихъ, а для тебя и твоего счастія, но это сильнѣе меня и не сдѣлаетъ твоего счастія. — И такъ, милый другъ, не мѣшай никого теперь въ наши дѣла. Ежели чѣмъ будешь мной недоволенъ, пиши, бранись, и вѣрь дружбѣ твоей

[1]) Сынъ П. И. и М. И. Протасовыхъ. Мы цитируемъ по подлинному письму; въ книгѣ Зейдлица (стр. 86) въ этомъ мѣстѣ стоитъ по какой-то странной ошибкѣ: Алексѣй Павловичъ Плещеевъ (!)

сестры, для спокойства которой, другъ милый, ты непремѣнно долженъ помириться съ ея дѣтьми, то-есть съ Воейковымъ и съ Сашею, которую ты очень огорчилъ, также и Г. Кавелинъ, котораго дружбы я не понимаю; но это его дѣло, онъ было у меня уморилъ Сашу, Богъ съ нимъ [1]). А ты, мой другъ, долженъ помирить его съ Воейковымъ непремѣнно. Воейковъ очень огорчается его молчаніемъ.

VII.

А. П. Киреевской.

(13 февраля 1816 г.).— Другъ милый Дуняша, другъ мой, что же мнѣ дѣлать? ежели бы мнѣ возможность была, сію минуту бы къ тебѣ поѣхала. Боже милостивый, какъ тяжело знать тебя больну, знать тебя въ опасности, и, можетъ быть, и письмо мое уже ты не будешь въ состояніи читать, и все это — жертва мнѣ [2]). Ангелъ мой, душа моя, утѣшеніе мое, вся надежда на утѣшеніе. Сохрани мнѣ себя, я не могу тебѣ описать моихъ чувствъ; надобно быть столько несчастливой, какъ я, чтобъ всему этому подѣлаться. Что же будетъ съ твоими дѣтьми? Боже мой, они, ангелы мои, должны меня проклинать, меня, которая за первое счастіе теперь сочтетъ жертвовать для нихъ жизнью, да этого мало. Моя жизнь никому не можетъ быть полезна, а мнѣ она уже давно въ тягость; третьяго дня еще думала, что мѣра моихъ несчастій уже совершилась, что нечего уже прибавить. Вчера мнѣ было полегче, я была попокойнѣе, Саша моя поздоровѣе; она— другая недѣля, какъ въ постели: у нея простудная лихорадка и сильная боль въ груди была, вчера ей было легче, вчера я уже опять начала думать, что тебя увижу, что ты обоймешь своего друга и я облегчу мое сердце. Сегодня Маша поѣхала къ обѣднѣ, церковь подлѣ почтоваго двора, она послала спросить, не пришла ли почта, и ей принесли увѣдомленіе о эстафетѣ. И бѣдная воротилась съ ужасною вѣстью къ намъ. Дуняша, я не знаю, на что я перенесла? видно, мѣра моихъ наказаній еще не исполнилась; вы, мои безцѣнные дѣти, еще будете терпѣть мнѣ въ наказаніе,—точно мнѣ, а вы сами его ничѣмъ заслуживаете; вашими бѣдствіями я наказываюсь.—Изъ письма Машинаго ты увидишь, для чего мы тебя звали, мой другъ, нашъ другъ. Она безъ твоего совѣта, безъ твоего одобренія не хотѣла рѣшиться сдѣлаться истинно счастливою. Ахъ, Боже мой! скольких бы я горестей избавилась, ежели бы ты сама могла все видѣть и все судить. Маша совершенно перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ рѣшилась побѣдить себя, и видитъ счастіе въ исполненіи должностей, которыя намъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о рѣзкой ссорѣ Кавелина съ Воейковымъ (см. выше, примѣч. на стр. 162.

[2]) См. примѣч. на стр. 164.

религія предписываетъ. Жуковскій необыкновенный человѣкъ; безподобный мой Жуковскій точно оживился, его стихія есть добродѣтель, и пагубная эта страсть, которая вела меня во гробъ, никогда бы не была даже Машѣ извѣстна, ежели бы не Плещеевы; съ его сердцемъ, съ его, смѣло скажу, ко мнѣ привязанностью, она и страстью никогда бы не была непозволенною, онъ любить не умѣетъ инако, какъ страстно, какъ забывая себя и, вѣрно, ежели бы только можно было всѣ чувства разобрать въ его душѣ, то любитъ онъ васъ всѣхъ трехъ равно: Дуняша, Саша, Маша, да и я, вѣрно, ему равно милы; Анета, Като, Тургеневъ, Вяземскій, — ему дороже себя. О Мойерѣ я тебѣ только скажу, что у него даже и для свѣта одинъ, кажется, недостатокъ — онъ *не дворянинъ*. Богатство его въ его головѣ и трудахъ, онъ профессоръ медицины и даетъ лекціи, отъ чего имѣетъ около шести тысячъ доходу, лечитъ бѣдныхъ и самъ ихъ отыскиваетъ, содержитъ въ совершенномъ порядкѣ госпиталь и вседневно благословляемъ всѣми отъ него зависящими. Благородства души его, право, описать нельзя, довѣренность и привязанность къ Машѣ необыкновенная. Но ничего этого право описать нельзя, а надобно было бы видѣть. Жуковскій самъ тебѣ все это скажетъ, также и то, что счастіе Машино будетъ совершенно такое, какое надобно на землѣ, elle jouira sans être enviée. — Я, милый другъ, хотѣла, чтобы ты своими глазами все видѣла, и звала тебя; еще же я была больна, мнѣ сдѣлалась дурнота, которую я сочла за ударъ, боялась умереть, не поруча тебѣ моихъ дѣтей. Теперь вижу, что это не ударъ, онъ не возобновился отъ твоего письма, я здорова — перенесла. Почтмейстеръ увѣрилъ меня, что почта прійдетъ скорѣе, чѣмъ эстафетъ, твой шелъ 10 дней, а почта, увѣряютъ, до Москвы въ восемь ходитъ. 14-го я пишу, въ пять часовъ вечера она пойдетъ, и такъ я пишу черезъ почту. Другъ мой, пиши теперь всякую недѣлю, Бога ради.

Прасковьѣ Михайловнѣ и Варварѣ Михайловнѣ скажи, что я имъ теперь обязана на всю жизнь мою благодарностью и истиннымъ уваженіемъ. Александру Михайловичу [1]) скажи, что онъ вѣчно меня одолжаетъ. Прошу Бога, чтобъ я ему могла заплатить.

Другъ мой, я надѣюсь на твою дружбу, ты для меня, для Саши, будешь стараться привязать къ себѣ Воейкова, душа моя, надо думать о счастіи, о спокойствіи Саши. Надобно Воейкова перемѣнить, помогай мнѣ. Какъ будешь отвѣчать на это письмо, то напиши и къ нему ласковѣе, другъ мой; я отъ тебя всего могу требовать, Дуняша моя. Христосъ съ тобой.

---

[1]) Всѣ три имени относятся къ семьѣ Офросимовыхъ, у которыхъ въ Москвѣ осталась заболѣвшая въ дорогѣ А. П.

VII.

Ей же.

(29 сентября 1816 г.). — Дуняша, мнѣ тебя нельзя не любить: мое сердце перестанетъ биться, я не переживу минуты безъ любви къ тебѣ.—Дуняша, ежели бы ты видѣла, какъ мнѣ тяжело было на тебя сердиться, тебя подозрѣвать. Дуняша, какія я имѣла блаженныя минуты въ самые горькіе дни моей жизни, когда увѣрена была въ твоей привязанности, когда видѣла чистую твою душу, наполненную ко мнѣ любви необыкновенной, довѣренности безпредѣльной. Вы — мои дѣти: Авдотья Петровна, Авдотья Николаевна, Маша, Саша; на что же мнѣ переживать эти чувства? Богъ умилосердится, услышитъ мои молитвы; ежели я вамъ не нужна, на что же я? Милый другъ, ты не должна бояться униженія, оправдываясь предо мной, въ нашу связь гордость не можетъ мѣшаться, ей мѣста нѣтъ. Ежели ты меня любишь, какъ любила, тебѣ должно находить еще удовольствіе меня успокаивать. Другъ мой, мои обстоятельства меня сдѣлали подозрительною, я столько обманута милыми мнѣ людьми была, что, право, никто бы на свѣтѣ не устоялъ. А теперь ты знаешь мою истинную привязанность къ Воейкову, ты видѣла мое обращеніе съ нимъ, мою нѣжную заботливость скрыть его недостатки передъ другими, я точно о немъ думала, какъ о сынѣ, какъ ты о Ваничкѣ. Чѣмъ же я заплочена? ненавистью, да! точно, во всей силѣ этого слова; онъ не только говоритъ, что меня ненавидитъ, нѣтъ, онъ покойно видѣть меня не можетъ. И онъ — Сашинъ мужъ, Дуняша; что же она терпитъ?! — Милый другъ, этакіе случаи перемѣнятъ всякій нравъ. Мы всѣ четверо были виноваты, мнѣ не тяжело признаться, что и я также, но разберемъ всякаго.

Добрый, безподобный Жуковскій написалъ къ тебѣ, что я женирую Машу въ обращеніи съ Мойеромъ, что я не допускаю ихъ видѣть ихъ сердца и что они другъ друга не узнаютъ никогда. Это было несправедливо, это ему показалось, не знаю отчего, и въ этомъ онъ переувѣрился. Ты пишешь къ Машѣ тихонько отъ меня и требуешь переписки съ нею, о которой бы я не знала. Они съ Жуковскимъ положили и моего письма мнѣ не отдавать, а то, которое ты къ Машѣ пишешь, прочтя, Маша сожгла. Увидя мое безпокойство, что ты мнѣ не отвѣчаешь по дѣламъ, и неудовольствіе за это, Жуковскій отдалъ мнѣ твое письмо, — писанное въ маѣ, получаю въ августѣ. Это меня удивило, а то, что въ письмѣ ни слова къ Машѣ, огорчило несказанно. Зная ея къ тебѣ любовь, (ахъ, Дуняша, она тебя любитъ необыкновенно!) и предпочитая ея радости моимъ, безпокоюсь, отчего въ твоемъ письмѣ нѣтъ къ ней ни слова, придумываю резоны,

твержу всякій день объ этомъ, вижу Машу печальну; когда заговорю, отчего ты не пишешь къ ней, она смѣшается, перемѣняетъ разговоръ. Приступаю къ ней, отчего она грустна, тутъ зачнетъ меня увѣрять, что она ничего отъ меня не скрываетъ, *что это такъ мнѣ кажется*! Но мать не обманешь. Наконецъ спрашиваю Жуковскаго, что̀ бы онъ думалъ за причины, что ты перестала къ Машѣ писать. Этотъ добрый, безподобный человѣкъ, положа меня уже никогда не обманывать ни въ чемъ, разсказываетъ мнѣ все, какъ было, но онъ не знаетъ, что письмо Маша сожгла; говоритъ, что онъ ничего не хочетъ отъ меня скрывать и что этимъ пріобрѣтетъ опять мою полную довѣренность. Вотъ теперь зачинаются мои вины. Призываю Машу, упрекаю ей обманъ, мною незаслуженный, требую твоего письма. Мнѣ сказываютъ, оно сожжено. Тутъ мнѣ представились всѣ мои прошедшія приключенія. Письмо сестры Авдотьи Афанасьевны [1]), письмо Анны Ивановны [2]), также сожженное, и наканунѣ приступанье мое къ Машѣ и ея грусть, увѣренія ея, *что она скрытнаго отъ меня ничего не имѣетъ*,— все это растерзало мою душу и надолго, надолго оставило въ ней впечатлѣніе.— Я одумалась, я простила совершенно вашу недовѣрчивость противъ себя, люблю васъ также, можетъ быть, и больше: всегда какъ что теряешь, такъ дороже становится. Вашей любовью уже я не могу быть счастлива, я уже ее вижу не такою, какъ воображала, и теперь сама первая хочу, чтобъ вы переписывались, и я не буду читать вашихъ писемъ. *Вамъ нужна отъ меня свобода*, Боже мой! я никогда не воображала, что вы были у меня въ неволѣ. Я мѣшала вамъ, ахъ! какъ это тяжело, несносно. Ежели бы, Дуняша, ты видѣла дѣйствіе твоего письма, ты бы никогда не сказала, *что вамъ до насъ*. Два дня, какъ я это прочла, и глаза мои не осушаются отъ слезъ. Прежде я ночи спала, видѣла сны прекрасные, мы всѣ были вмѣстѣ, а нынѣшняя ночь была ужасна. Эта мысль меня не покидаетъ, что ты, обязанная столькими должностями, смѣешь говорить, что чѣмъ скорѣй изсохнетъ твое сердце, тѣмъ лучше. Ты не знаешь, какъ я тебя люблю, суди по себѣ, вообрази, какъ ты любишь Ваничку, и узнаешь мою къ себѣ любовь и узнаешь, какъ мнѣ тяжело читать, *что вамъ до насъ*, какъ мнѣ тяжело ничего объ васъ не знать, совершенно ничего. Въ одномъ изъ прошедшихъ писемъ твоихъ вижу, что ты очень грустна, что ты очень недовольна тебя окружающими, ты говоришь, что къ тебѣ даже жалости не имѣютъ, не только участія не берутъ, *mais qu'on vous repousse avec ironie*. Дуняша, въ чемъ? какъ? за что? я ничего не знаю. Тяжело, душа моя, дѣлить горе не знавши и не имѣя возможности даже и совѣтомъ его облегчить. Милый другъ, полагай всю свою радость въ исполненіи должности, береги, воспитывай своихъ

---

[1]) Алымовой, сестры Екат. Аѳан.
[2]) Плещеевой; изъ этого письма М. А. узнала о любви къ ней Жук—аго.

дѣтей въ любви Божіей, и не жди, да и не желай награды въ здѣшней жизни, отъ людей ее не получишь; больше утѣшенія будетъ, ежели можно себѣ сказать: „я все дѣлала для нихъ, а что не такъ, то лучше не умѣла“. Дуняша, у меня зачинаетъ голова болѣть. Я прошу тебя одной милости — не огорчаться отъ меня; мнѣ это будетъ тяжеле смерти, ежели я буду вамъ горе дѣлать. Еще одна просьба, написать мнѣ порядочно о твоемъ здоровьѣ и также побольше сказать о дѣтяхъ, о ихъ успѣхахъ. Ванюша, я думаю, съ его разсудкомъ уже въ большіе люди просится, острый Петрушка не отстаетъ отъ брата. Мое дитя связала ли свою „съ половиной“ и не забыла ли любить бабушку.

Прощайте. Господь васъ сохранитъ своею милостью [1]).

---

[1]) Это письмо должно быть сопоставлено съ письмомъ М. А. отъ 24 августа 1816 г. (см. выше. стр. 175—178).

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Адлербергъ, Влад. Оед. 55.
Азбукинъ, Вас. Андр. 16. 22. 23. 31. 92. 136. 189. 193. 208.
Азбукина, Екат. Петр. урожд. Юшкова. 20. 23. 25. 27. 89. 91. 136. 193. 298.
Азбукина, Нат. Андр. 136. 178.
Александръ Николаевичъ, Наслѣдникъ. 45. 66. 68. 69. 77. 85. 108. 110. 114. 116. 117. 260,
Александръ I. 148.
Александра Ѳеодоровна, Вел. Княг. 104. 110. 111. 117. 124. 127. 193. 273. 285.
Алымова, Авд. Аѳан. 35. 300.
Антоновскій-Прокоповичъ, А. А. 36. 37.
Арбенева, Авд. Ник. 48. 50. 262. 266. 289. 292. 299.
Арбенева, Нат. Петр., по мужу Кирѣевская. 50. 55. 56. 57.
Аргамакова, Елиз. Иван. 281.
Асмусъ, Мартинъ. 202. 231. 252.
Астраковы. 80. 81.
Аѳанасьевъ, Алекс. Ник. 66.

Базаровъ, Ив. Ив., свящ. 81.
Бакунинъ, Мих. Алекс. 4.
Баратынскій, Евг. Абр. 51.
Барито, учитель пѣнія. 143.
Бассанжъ, банкиръ. 58.
Батеньковъ, Гавр. Степ. 36. 38. 39. 40. 41. 42. 43.
Батюшковъ, Конст. Ник. 13. 40. 41. 96. 97. 248.
Бенкендорфъ, Алекс. Христоф. 55. 104.
Бетанкуръ, генер.-инжен. 226.
Бидеръ, пасторъ въ Дерптѣ. 158.
Болотовъ, Андр. Тимоѳ. 131.
Бонстетенъ, Карлъ. 146.
Боргъ, поэтъ-переводчикъ стихотв. Ж—скаго. 151. 157. 232.
Блудовъ, Дмитр. Ник. графъ. 5. 6. 12. 13. 18. 104. 260. 262.
Brasch, madame. 273.
Брей, графиня, урожден. Левенштернъ. 273.
Брунъ, докторъ. 262.
Букильонъ, управляющій Плещеевыхъ. 196.
Булгаковъ, Алекс. Яковл. 71. 72. 76. 83. 107.
Булгаковъ, Конст. Яковл. 60. 110. 118.
Булгаринъ, Ѳад. Венед. 54.

Бунинъ, Аѳан. Иван. 296. 297.
Бунинъ, Алекс. Серг. 37.
Бунина, Марія Григ. 81. 96. 129. 291. 297.
Bourgondic, знаменитая пѣвица. 229. 253.
Бычковъ, Ив. Аѳан. 236.

Вагнеръ, учитель у Кирѣевскихъ. 92. 180. 186. 218.
Кн. Вадковская, 28.
Валуевъ, Дмитр. Алекс. 73.
Вейраухъ. 220. 237. 245. 249. 253.
Вельсъ, Авд. Вас., урожд. Азбукина. 55. 119.
Вельсъ, В., мужъ Авд. Вас. Азбукиной. 112.
Вельтейнъ. 252. 254.
Вельяминовъ, Ал. Алекс., кавказскій генералъ. 46.
Вельяминова, Анна Ник. 278. 280. 282. 283.
Вельяминова, Нат. Аѳан., урожд. Бунина. 50.
Вендрихъ, Оед. Григ. 157. 202. 296.
Веневитиновъ, (Ал. Влад.?) 57.
Вернетъ. 142.
Вигель, Фил. Филип. 104.
Вилламовъ, Г. И. 233.
Вильдерметъ m-lle, воспитательница Вел. Княгини Алекс. Ѳеодоровны. 30. 31.
Вишняковъ, управляющій у Кирѣевской. 7. 27. 143.
Воейковы. 27. 136. 149. 196. 242.
Воейкова, А. А. урожд. Протасова. 27. 31. 33. 35. 40. 48. 49. 70. 94. 98. 99. 104. 107. 139. 140. 145. 146. 148. 149. 150. 152. 154. 156. 157. 158. 161. 162. 164. 165. 166. 170. 171. 176. 177. 181. 182. 185. 190. 192. 196. 197. 198. 199. 201. 202. 203. 204. 207. 208. 209. 210. 212. 213. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 225. 233. 235. 242. 244. 247. 248. 251. 257. 258. 260. 263. 270. 271. 272. 273. 275. 277. 278. 279. 281. 283. 292. 297. 298. 299. 300. Ея письма. 38. 249. 254. 293.
Воейкова, Алекс. Алекс. 64. 70. 107. 130. 142. 197.
Воейкова, Екат. Алекс. 47. 64. 107. 154. 155. 157. 170. 171. 197. 292. 293.
Воейкова, Марія Алекс. 47. 107. 130.
Воейковъ, Андрюша. 47.
Воейковъ, Алекс. Ѳедор. 16. 24. 25. 35. 104. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 145. 146. 148. 149. 161. 162. 164. 165. 167. 170. 171. 172. 181. 182. 196. 198. 199. 201. 202. 203. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 216. 217. 220. 225. 231. 237. 242. 247. 248. 255. 257. 262. 271. 293. 294. 297. 299. 300.
Воейковъ, Ив. Ѳедор. 170. 221. 232.
Воронцова, Елиз. Ксав. графиня. 111.
Воронцовъ, Мих. Семен. графъ. 104. 112. 117.
Вражскій. 89.
Вьельгорскій, М. Ю. графъ. 57.
Вяземскій, Петръ Андр. князь. 18. 19. 41. 43. 54. 72. 81. 97. 113. 126. 234. 248. 298.

Галланъ (Galland). 65.
Гамильтонъ, miss. 66.
Ганка, Вячеславъ. 58.

Гельфрейхъ, родственникъ Рейтерновъ. 68. 69.
Гете. 66. 116.
Гизо, madame. 66.
Гиппіусъ, издатель Серіи портретовъ. 33.
Гнѣдичъ, Ник. Иван. 102. 104. 105. 248.
Гоголь, Ник. Вас. 79.
Кн. Голицына. 14.
Голицынъ, Алекс. Никол. князь. 14. 90.
Голицынъ, Дмитр. Влад. москов. генералъ-губернаторъ. 56.
Головинъ, И., эмигрантъ. 4. 7.
Гомеръ. 124. 125.
Гофманъ, madame. 237.
Гофманъ, Э. Т. А., извѣстный писатель романтикъ. 66.
Гречъ, жена Н. И. Греча. 247.
Гречъ, Ник. Иван. 102. 248.
Григоровичъ, В. И. 66.
Гриммъ, братья. 65.
Гриневъ, Ив. Ник., управляющій въ Долбинѣ. 143.
Гувальдъ, мелкій нѣмецкій писатель 20-хъ годовъ. 101. 104.
Гугертъ, докторъ. 85. 86. 122. 127.
Гуніусъ, докторъ въ Дерптѣ. 255.
Гутальсъ. 142.
Гутмансталь, Марія Егор., дочь А. И. Зонтагъ. 97. 103. 105. 114. 117. 118.
Гуфландъ. 49.

Дашковъ, Дмитр. Вас. 13. 18. 116.
Диттлеръ. 218.
Дмитріевъ, Ив. Иван. 29. 37. 38. 43. 157.
Dräseke, писатель. 233.

Елагина, Авд. Петр. 89. 90. 91. 92. 93. 104. 109. 112. 115. 117. 118. 121 122. 123. 125. 126. 129. 187. 195. 196. 197. 201. 214. 215. 228. 231. 235. 236. 241. 245. 252. 272. 279. 280. 285. 286. 288. 292. 299.
Елагина, Екат. Ив. урожд. Мойеръ. 77. 79. 80. 82. 84. 87. 89. 100. 104. 123. 245. 246. 247. 249. 251. 252. 253. 255. 257. 258. 259. 261. 263. 264. 266. 267. 271. 274. 275. 276. 284.
Елагинъ, Алекс. Андр. 27. 29. 34. 36. 54. 58. 62. 74. 189. 195. 196. 205. 206. 207. 214. 218. 227. 236. 241. 258. 283.
Елагинъ, Вас. Алекс. 51. 72. 122. 214. 227. 241. 263.
Елагины. 197. 198. 200. 213.
Елена Павловна, Вел. Княг. 40. 98.
Елизавета Дементьевна, мать Жуковскаго. 81. 96. 291.
Ефремовъ, Петръ Алекс. 4. 30.

Жуковская, Алекс. Вас. дочь поэта. 72. 76. 126. 127. 130.
Жуковская Елиз. Алекс. урожд. Рейтернъ. 65. 67. 70. 75. 77. 78. 79. 80. 81. 86. 87.
Жуковскій, Андрей Григор. крестный отецъ поэта. 41.
Жуковскій, Вас. Андр. 139. 161. 162. 164. 165. 166. 167. 168. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 187. 188. 189. 190. 192. 193. 198. 199. 202. 203. 206. 208. 213. 216. 218. 223. 226. 242. 243. 247. 248. 257. 259. 260. 266. 268. 273. 274. 275. 282. 283. 284. 285. 286. 289. 290—300.
Жуковскій, Павелъ Вас. сынъ поэта. 72. 76.

Жуковскій Павелъ, воспитанникъ поэта. 42. 46. 202. 215.

Зейдлицъ, К. К. 36. 41. 46. 47. 48. 49. 51. 64. 67. 70. 72. 76. 77. 78. 81. 82. 87. 100. 121. 123. 126. 220. 242. 245. 256—257. 262. 265. 266. 269—270. 275. 278. 285.
Зенфъ, Лина, дочь живописца Дерптскаго. 275.
Зенфъ, живописецъ въ Дерптѣ. 135. 157. 251.
Зонтагъ, Анна Петр. (Юшкова). 10. 18. 24. 29. 30. 32. 33. 35. 42. 48. 65. 66. 67. 79. 80. 81. 136. 174. 175. 177. 180. 181. 185. 189. 218. 224. Письма къ ней М. А. Мойеръ: 152—154. 235—236.
Зонтагъ, Е. В., мужъ А. П. Юшковой. 32. 92. 100. 101. 102. 103. 112. 114. 115. 116. 117. 189. 218. 274.

Икскюль, баронесса. 153. 204.

Кавелинъ, Д. А., директоръ медицинск. департамента. 13. 24. 94. 97. 161. 162. 297.
Казначеева, Одесская знакомая Зонтагъ. 103.
Кайсаровъ. Андрей Серг. 293.
Кайсаровы. 47. 48. 49.
Калайдовичъ, Констант. Оедор., археологъ. 54—55.
Кампанъ, madame. 66.
Каподистрія, Ив. Ант. графъ. 109.
Карамзина, Софья Ник. 30. 233.
Карамзинъ, Ник. Мих. 5. 13. 22. 105.
Катенинъ, П. А. 153.
Качеповскій, Мих. Троф. 152.
Кернеръ, поэтъ. 175.
Кирѣевская, Авд. Петр. урожден. Юшкова, см. Елагина.
Кирѣевская, Марія Вас. 7. 41. 74. 194. 200. 241. 262. 263. 266.
Кирѣевская, Нат. Петр., см. Арбенева.
Кирѣевскій, Ив. Вас. 7. 9. 41. 50. 51. 54. 55. 56. 57. 63. 65. 66. 70. 80. 90. 92. 209. 226. 263. 300. 301.
Кирѣевскій, Петр. Вас. 7. 41. 49. 51. 54. 55. 56. 57. 65. 66. 136. 194. 226. 263. 289. 301.
Кнорре. 269. 272. 275.
Кнорингъ, генералъ. 142. 148. 275.
Козловъ, Ив. Ив. 42.
Коппъ, докторъ. 62. 63. 64. 72. 75. 76. 77. 78. 80. 121. 122.
Корнстъ, Юлій. 127.
Корсаковы. 106. 107.
Кошелевъ, А. Ив. 51.
Красовскій, генералъ. 16. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 162. 198.
Крузенштерны, И. Ф. адмиралъ, его жена и сынъ А. И. 236. 237.
Крыловъ, Ив. Андр. 13.
Крюгеръ, нѣмецкій художникъ. 69.
Кульманъ, Н. К. 234.
Кутузова, Е. И., граф. вдова фельдмаршала, урожд. Бибикова. 14. 147.
Кюмерлингъ. 237.
Кюстинъ, Маркизъ, авторъ книги о Россіи. 4. 6. 7.

Ламберъ, madame. 66.
Лангхамеръ. 192.
Лебренъ (Lebrun). 157.
Левана. 66.
Левенштерны. 148. 213. 271. 273.

Ледебуръ, дерптскій профес. 158.
Ленцъ, Рейнгольдъ, нѣм. поэтъ. 156.
Ленцъ, пасторъ въ Дерптѣ. 156. 182. 204.
Ливенъ, К, А., князь, попечитель Дерпт. Учеб. Округа. 231. 260.
Ливенъ, Х. А., князь, нашъ посланникъ въ Лондонѣ. 54. 55. 260.
Локкъ, Джонъ. 66.
Лопухинъ, Ив. Влад. 293.
Лямотъ-Фуке. 66. 253.

Майковъ, Леон. Ник. 97.
Максимъ, слуга Жук—аго. 27. 30. 34. 35. 38. 94. 112. 124.
Малиновскій, Алекс. Ѳедор., директоръ Московскаго Архива. 30. 31. 56.
Манзони, итальянск. писатель. 66.
Мантейфель, графини. 161. 173. 175. 182. 208. 226. 232. 233. 244. 245. 260.
Марія Николаевна, Вел. Кн. 127.
Марія Ѳеодоровна, Императрица. 14—15. 17. 233.
Мартэнъ, Эме. 66.
Мельгуновъ, Н. А. 62.
Менгденъ, графиня. 93.
Менгсъ, графиня. 142.
Мену (Menou). 157.
Мещерскій, князь, оберъ-прокуроръ. 53.
Миллеръ, Іоганнъ, историкъ. 146.
Михаилъ Павловичъ, Вел. Князь. 15. 40.
Мойеръ, Екат. Ив., см. Елагина.
Мойеръ, Ив. Фил. 38. 41. 47. 63. 64. 67. 68. 73. 74. 79. 92. 113. 122. 135. 152. 156. 158. Съ 161 — 285 почти на каждой страницѣ. 298. 300.
Мойеръ, М. А. (урожд. Протасова). 16. 24. 25. 35—41. 51. 53. 89. 92. 93. 107. 249. 254. 289. 291—301.
Мойеры. 27. 35. 42. 200. 272.
Моргенштернъ, профессоръ дерптскій. 192.
Музеусъ, писатель. 65.
Муравьева, Ек. Ѳед. жена Мих. Никитича. 13. 54.
Муравьевъ, Мих. Никитичъ, писатель. 12.
Муравьевъ, Никита Мих. декабристъ. 107.
Мюльгаузенъ, докторъ. 96.
Мягковъ. 56.

Неккеръ-Соссюръ, писательница. 66.
Нессельроде, К. В. графъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. 54.
Николай I. 6. 7. 15. 69. 85. 90. 98. 106. 117. 192. 193. 273.
Нолькенъ, бар. 148. 149.
Норова, М. П., урожд. Арбенева. 56.
Норовъ, В. А. 55.

Огарева-Тучкова, Н. А. 235.
Оленинъ, Алексѣй Никол. 13. 16.
Опочинина, урожд. Кутузова, дочь фельдмаршала. 148.
Офросимова, М. П. урожд. Юшкова. 148. 168. 180.
Офросимовъ, А. М. 33. 90. 180. 299.

Павлова, А. М. урожд. Соковнина. 36. 69. 158. 282.
Павскій, Г. П. протоіерей. 110.
Палацкій, Францъ. 58.
Палицынъ. 157.
Парротъ, Г. Ф. профессоръ физики. 148.
Паскевичъ, И. Ф. графъ 142.
Пеллико, Сильвіо. 64.

Пелопидасъ, И. Д. 56.
Перевощиковъ, В. М. дерптскій профессоръ и писатель. 273.
Перовскій, Алекс. Алекс. 248. 273. 275.
Перовскій, Ник. Алекс. губернаторъ въ Крыму. 96.
Перро, (Perrault). 65.
Песталоцци, Генрихъ. 202. 231.
Петерсонъ, А. П. побочный сынъ П. Н. Юшкова. 124. 140. 202. 203. 209—212. 218. 225. 244. 260.
Петерсонъ, К. 138. 140. 182. 186.
Писаревъ, А. А. генералъ и писатель. 139. 142.
Плетневъ, П. А. 65. 82. 83. 92. 97. 98. 100. 102. 109. 110. 114. 116. 118. 127. 129.
Плещеева, Анна Ив. урожд. граф. Чернышева. 27. 28. 136. 184. 194. 195. 196. 207. 208. 295. 300.
Плещеевъ, А. А. 26. 27. 29. 195. 196. 208. 209. 212. 217. 237. 279.
Плещеевы. 17. 146. 196. 292. 297.
Погодинъ, М. П. 59. его жена 61.
Покровскій, Θеоф. Гавр. учитель Жуковскаго. 130.
Полонскіе, деревенскіе сосѣди Жуковскаго. 94. 280.
Полуектовъ, Б. В. генералъ-маіоръ. 142.
Поповъ, московскій книгопродавецъ. 27. 32. 33. 34. 36.
Протасова, А. А. (смотри Воейкова).
Протасова, Екат. Аоан. 27. 42. 47. 49. 63. 64. 72. 78. 79. 81. 98. 99. 100. 104. 113. 121. 130. 139. 152. 162. 164. 177. 187. 202. Письма къ ней М. А. Мойеръ: 272—275. 280—283.
Протасова, Ел. Иван. 197. 281. 282.
Протасова, М. А. см. Мойеръ.
Протасова, М. Ив. 281.
Протасова, М. Н. урожд. Новосильцева. 141. 184.
Протасова, Нат. Ив. 197.
Протасовъ, Андрей Иван. 141. 290. 294. 296.
Протасовъ, Алекс. Павл. 16. 141. 157. 184.
Протасовъ, Вас. Иван. 197, 281.
Протасовъ, Пав. Иван. 141. 143. 157. 184. Письмо къ нему Ек. Аѳ. 293—296.
Проташинскій, В. А. побочн. сынъ А. И. Протасова. 56. 136.
Прянишниковъ, Θ. И. 118.
Пушкинъ, А. С. 19. 51. 54. 126. 248. 273.

Радовицъ, Іосифъ. 73.
Райтъ, граверъ. 69.
Рамбахъ, Фридрихъ, ректоръ дерптскаго университета. 135. 136. 147. 204.
Ранфтль, живописецъ въ Вѣнѣ. 64.
Раупахъ, Эрнстъ. 228.
Рейтернъ, Г. В. отецъ Е. А. Жуковской. 63.
Рейхенбергъ, родня Мойера. 182.
Ржевскій, В. К. 67. 68.
Рихтеръ, Жанъ-Поль, 66. 150. 263.
Родіоновъ. 71. 85.
Рожалинъ, Н. М. 46. 47. 48. 66.
Ростопчинъ, Ѳ. В. графъ. 142.
Ротчевъ, А. Г. писатель, 49.
Румянцевъ, Ник. Петр. графъ, канцлеръ. 14.

Саади. 65.
Салтыковъ, Алекс. Ник. князь. 13.
Самойлова, С. А. граф. по мужу Бобринская. 30. 107. 234.
Свѣчина, М. Ник. урожд. Вельяминова. 278. 291. 292.
Свѣчина, Софья Петр. 13.
Свѣчинъ, Н. С. 13. 16.
Seare, проф. 285.
Северинъ, Д. П. 125.
Скоттъ, Вальтеръ. 111.
Сленинъ, книгопродавецъ. 102. 103. 104.
Смирдинъ, книгопродавецъ. 65. 66. 104. 105. 110. 111. 112. 114. 115. 116. 118.
Соболевскій. 67. 68. 69.
Соковнина, А. М. см. Павлова.
Соковнина, Ек. Мих. 282.
Соковнина, Сераф. Мих. 282. 283.
Соковнинъ, М. М. 33.
Соковнинъ, С. М. 33. 136. 282.
Стернгельмъ. 148.
Строгоновъ, бар. 33.
Строгоновъ, графъ. 13.
Стурдза, А. С. 103. 109. 114. 115. 125.
Сю, Евгеній. 86. 87.

Таубхеймъ. 285.
Тидебель, родня Мойера. 182. 230. 242.
Тикъ, Людвигъ, писатель. 66.
Тимирязева, М. В. 281.
Тимирязевъ, А. С. 281.
Тимковскій, В. Ѳ. 98.
Титовъ. 57.
Тобле́ръ, воспитатель Тургеневыхъ. 20.
Токаревы. 20.
Гр. Толстая. 49.
Траузеге. 182.
Тургеневъ, Алекс. Ив. 6. 9. 12. 16. 17. 22. 31. 37. 41. 48. 50. 54. 73. 89. 90. 97. 146. 156. 193. 202. 212. 234. 247. 248. 249. 254. 257. 258. 259. 267. 272. 273. 289. 296. 298.
Тургеневъ, Андр. Ив. 282.
Тургеневъ, Н. И. 4. 6. 50. 100.
Тургеневъ, С. И. 33. 34.
Тучкова, М. М. урожд. Нарышкина. 235. 236. 264.
Тютчева. 273.
Тютчевъ, Ник. Ник. 53. 275.

Уваровъ, С. С. 13. 15. 17.
Унгернъ, бар. 260.

Фарнгагенъ фонъ Энзе. 125.
Фенелонъ. 66. 147. 152.
Филаретъ, Калужскій епископъ. 37.
Филаретъ, Московскій митрополитъ. 37. 38.
Фонвизинъ, Нат. Дм. жена декабриста. 43.
Форъ, докторъ. 174.
Фридрихъ, живописецъ. 60. 62.
Фридрихъ-Вильгельмъ III. 3. 4.
Фридрихъ-Вильгельмъ IV, 1. 4.
Фрике, музыкантъ. 142.
Фусъ, секретарь Акад. Наукъ. 114.

Хагенъ. 221. 222.
Хитрова, А. М. 14.
Хомяковъ, Алекс. Степ. 79. 84.
Хрипковъ. 157. 202. 210.

Цедергрюнъ, педагогъ. 180.
Цекель, другъ Мойера 182. 213. 217. 219. 223. 224. 227. 240. 284.

Черкасова, Ел. Ив. бар. 8. 9. 17. 20. 145. 150. 159. 160. 163. 177. 214.

Черкасова, М. А. бар. 9. 14. 20. 159.
Черкасова, П. А., бар. 280.
Черкасовъ, Ив. Петр. бар. 280.
Черкасовъ, П. И. бар. 20. 69. 208. 280.
Чернышева, Нат. Григ. графиня. 107.

Шамбо, Ив. Павл. 111. 112.
Шатобріанъ. 152. 155. 253.
Шафарикъ, П. І. 58.
Шаховской, А. А. драматургъ. 18. 292.
Шевыревъ, С. П. 79.
Шеміотъ. 232.
Шепиловъ, родств. Батюшкова. 96. 97.
Шереметева, Над. Ник. 53. 55.
Шишковъ, А. С. 13. 98.
Шмидъ, Кристофъ. 101.
Шписъ. 66.
Шредеръ, русскій посланникъ въ Дрезденѣ. 48. 58.
Штакельбергъ, г-жа. 275.
Шталь. 157.
Штофрегенъ, К. К. лейбъ медикъ. 270.
Штруве, писатель и политическій дѣятель. 122.
Штурцъ. 237.

Щербининъ. 114.

Эверсъ, Густавъ, профессоръ рус. истор. въ Дерптѣ. 90. 231.
Эверсъ, Лоренцъ, пасторъ. 155. 186. 204. 231.
Эделингъ, графиня, урожд. Стурдза. 103. 109. 114. 115.
Эджевортъ, miss. 8. 66. 102. 103. 111.

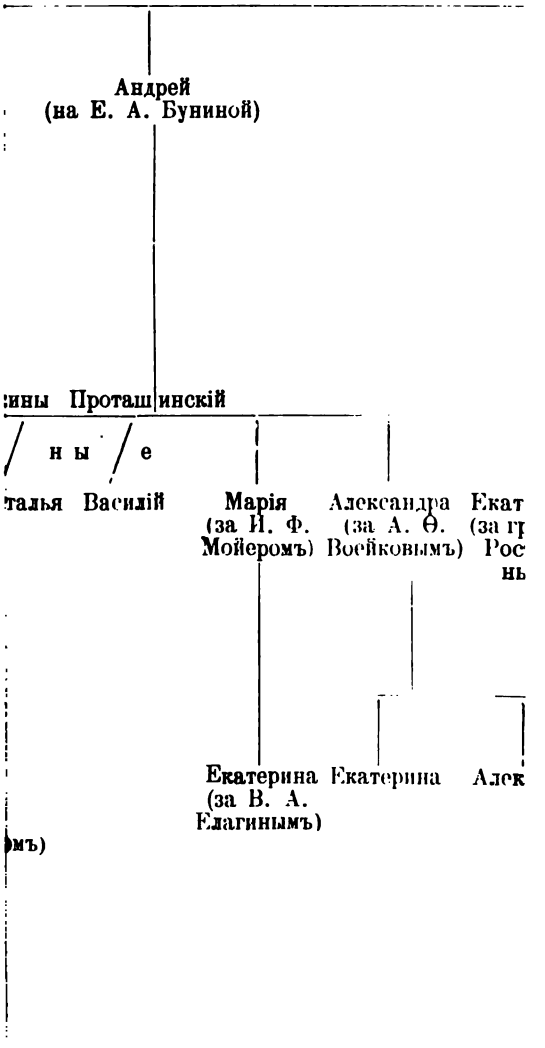
Юшкова, А. П. см. Зонтагъ.
Юшкова, Варв. Аѳан., урожд. Бунина. 130.
Юшковъ, Петръ Ник. 124. 140. 202.

Языковъ, Н. М. поэтъ. 55. 56. 76.
Якушкина, Н. В. жена декабриста. 55.
Якушкинъ, Н. Д. декабристъ. 55.

РОДОСЛОВНЫЯ ТАБЛИЦЫ.

Черка
159.
Черка
Черка
Черка
208.
Черны
107.

Шамб
Шатоб
Шафар
Шахов
18. 29
Шевыр
Шемiот
Шепил
96. 9
Шереме
55.
Шишко
Шмидъ,
Шписъ.
Шредер
Дрезде
Штакел
Шталь.



: О В Ы.

А. Юшковой)

Александра
П. С. Протасовымъ)

Анас
(за А. А. П

ксандра
Голи-
нымъ)

Анна (?)
(за гр. В. В.
Толстымъ)

Вѣра
(за кн. Ва-
сильчико-
вымъ)

Александръ
(на гр. А. П.
Черны-
шевой)

Ма
(за
Чаі
ск

дрей

Марія

Наталья
(за П. В. Ки-
рѣевскимъ)
(и еще нѣсколько человѣкъ)

Марія
(за В. А. Но-
вовымъ)

Иванъ
(на Н. П.
Арбене-
вой)

Петръ

Марія

Дарья
(умерла
ребен-
комъ)

Василій
(на Е. П.
Мойеръ)

Николай

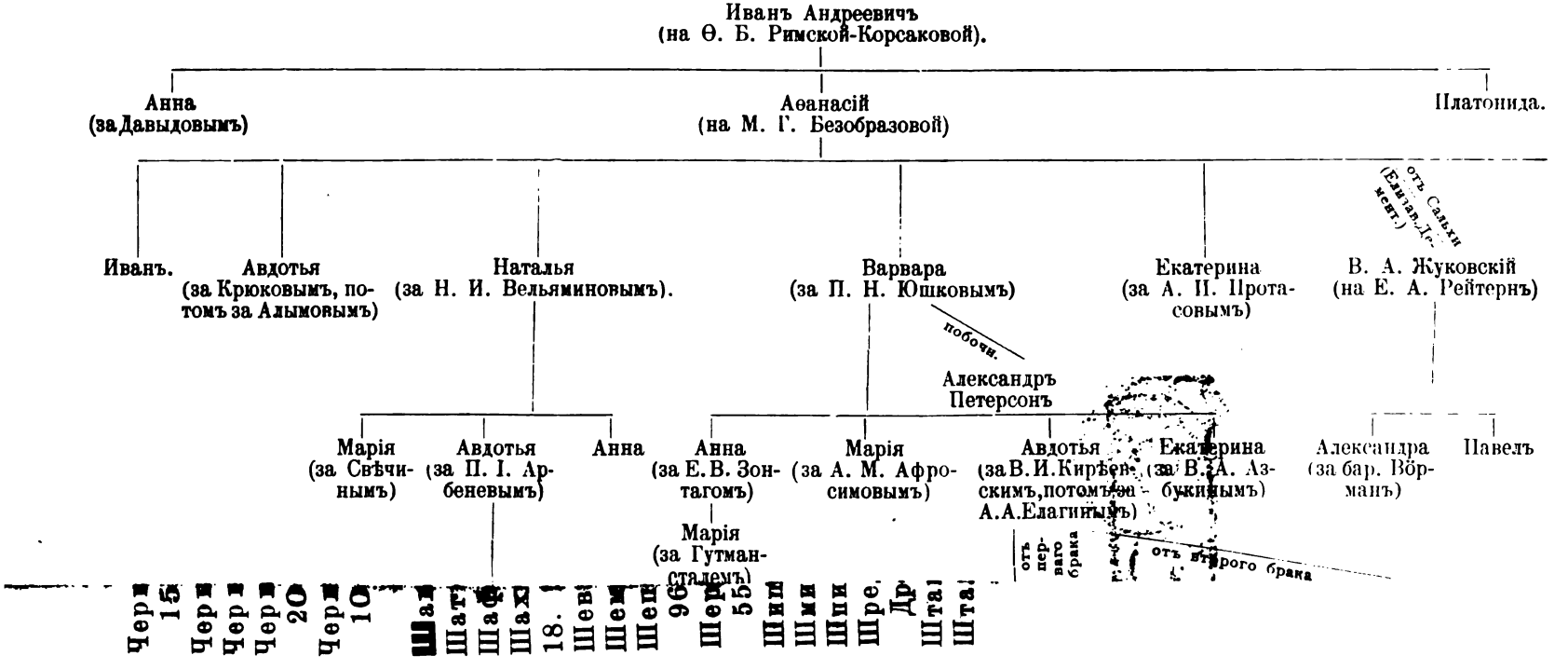
Андрей

Елиза-
вета)
(и нѣсколько рано умершихъ)

Алексѣй
(на Н.А.Вол-
чанецкой)

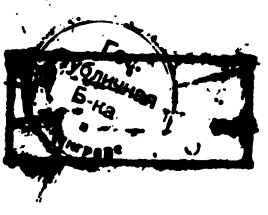
Марія
(за С. А.
Безръ)

Бунины.


Иванъ Андреевичъ
(на Ѳ. Б. Римской-Корсаковой).
Анна
(за Давыдовымъ)
Аѳанасій
(на М. Г. Безобразовой)
Платонида.
Иванъ.
Авдотья
(за Крюковымъ, потомъ за Алымовымъ)
Наталья
(за Н. И. Вельяминовымъ).
Варвара
(за П. Н. Юшковымъ)
Екатерина
(за А. П. Протасовымъ)
В. А. Жуковскій
(на Е. А. Рейтернъ)
побочн.
Александръ
Петерсонъ
Марія
(за Свѣчинымъ)
Авдотья
(за П. І. Арбеневымъ)
Анна
Анна
(за Е. В. Зонтагомъ)
Марія
(за А. М. Афросимовымъ)
Авдотья
(за В. И. Кирѣевскимъ, потомъ за А. А. Елагинымъ)
Екатерина
(за В. А. Азбукинымъ)
Александра
(за бар. Вёрманъ)
Павелъ
Марія
(за Гутмантальемъ)
от перваго брака
от второго брака

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Письма В. А. Жуковскаго. 1
Къ Прусскому Королю. . . . 1— 4
Къ Н. И. Тургеневу. . . . 4— 7
Къ А. П. Кирѣевской . . . 7— 87
Къ А. П. Зонтагъ. . . . . 88—131
II. Письма М. А. Мойеръ. 135
III. Письма Е. А. Протасовой. 289



ОПЕЧАТКИ.

Стран.	10,	строка	3 снизу	должно быть:	Bibliothèque—
„	49	„	8 сверху	„	Царскомъ—
„	52	„	3 „	„	1) gerichtet 2) dieses
„	—	„	13 „	„	liess
„	—	„	3 снизу	„	Andenken
„	140	„	3 сверху	„	„Опытъ о вкусѣ“
„	168	„	7 снизу	„	Eudoxie
„	176	„	21 „	„	qui me pèse
„	231	примѣч.	1-е	„	Князь К. А. Ливенъ
„	263	строка	22 снизу	„	Мейерову
„	269	„	3 „	„	Однимъ словомъ

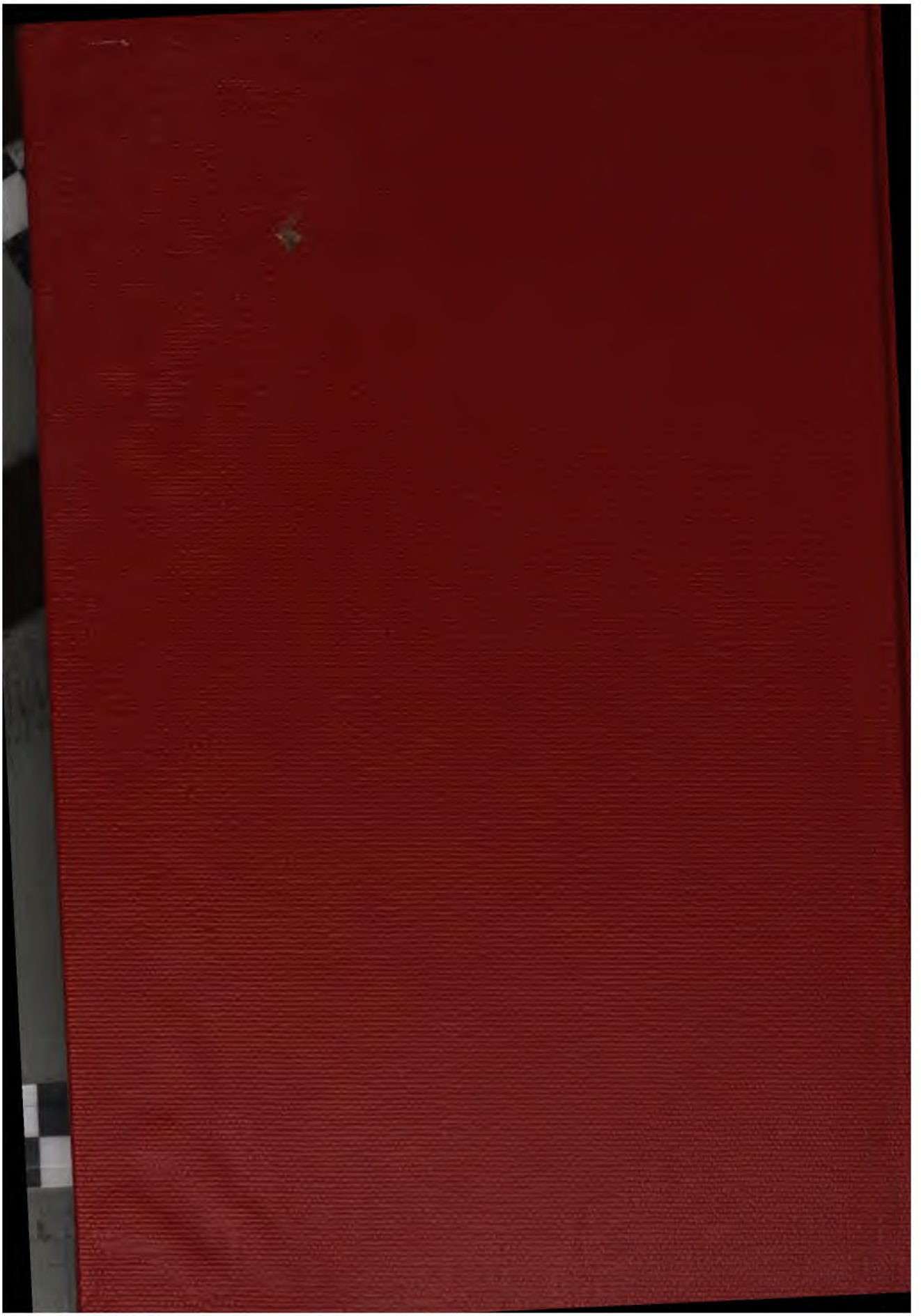
Кромѣ того просимъ снисходительно отнестись къ опечаткамъ въ надстроч знакахъ (accents) французскаго текста, встрѣчающимся особенно въ началѣ книг

Г.П.Б. в Лнгр.
Р. 193 5 г.
Акт. № 147/207

3 [illegible] 53 [illegible]

PG 3447 .Z5 Z54 1904 C.1
Utkinskii sbornik, 1 :
Stanford University Libraries
3 6105 039 139 329

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

MAR C. 3 2000
FEB 2 4 2000